This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25 (1868/9)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

7603 7

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

1868
9

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-ая.

СЕНТЯБРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 9-ая. — СЕНТЯБРЬ, 1868.

I. — ДАЧА НА РЕЙНѢ.—Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти книгахъ, съ предисловіемъ **И. С. Тургенева.** — Книга первая. — I - VII.

II. — НЕСЧАСТНЫЕ.—Разсказы изъ быта ссыльныхъ.—IV. На пропитаніи.—V. На поселеніи.— Окончаніе. — **С. М. Максимова.**

III. — ГРѢШНИЦА. — Поэма Альфреда Виньи. — **В. П. Буренина.**

IV. — ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ.—Глава вторая и послѣдняя.—Венеты.— **А. Ѳ. Гильфердинга.**

V. — РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812 - 1826. — II. Внутренній характеръ Общества, его составъ и тенденція; свойство англійскихъ вліяній; дѣйствія Общества, вѣротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, религіозные трактаты; вліяніе нравовъ и почвы: оффиціальная натянутость библейскаго дѣла; распространеніе піэтизма; мистическія крайности; обскурантизмъ.

VI. — ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ И ЕГО ЖИЗНЬ. — По новымъ свѣдѣніямъ. — **Л. А. Полонскаго.**

VII. — ЯНЪ ГУСЪ И ЧЕШСКАЯ НАЦІОНАЛЬНОСТЬ. — **К. К. Арсеньева.**

VIII. — НОВЫЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ, по европейской торговлѣ.

IX. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

X. — ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ. — ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ БАР. Н. А. КОРФА.

XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Августъ. — I. Русская литература. — II. Иностранная литература.

XII. — ОБЪЯВЛЕНІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

(1868 / 9)

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXVII. — 1/13 СЕНТЯБРЯ 1868.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЁВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ X. (1868 / 9)

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

P Slaw 176.25

~~131.84~~
~~Slaco 30.2~~

1879, Oct. 6.
Life of
Eugene Schuyler.
U. S. Consul,
at Birmingham, Eng

ДАЧА НА РЕЙНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новый романъ писателя съ талантомъ, подобнымъ таланту Бертольда Ауэрбаха, также мало нуждается въ рекомендаціи передъ русской публикой, какъ и передъ собственной, германской. Слава его упрочена и имя его стало дорогимъ у насъ, какъ и въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи. Но да будетъ позволено мнѣ, какъ старинному пріятелю автора, воспользоваться появленіемъ его послѣдняго произведенія въ русскомъ переводѣ, чтобы бросить бѣглый взглядъ на его прошедшую дѣятельность.

До сихъ поръ не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его знаменитыми разсказами изъ Шварцвальдской деревенской жизни («Schwarzwälder Dorfgeschichten»), появившимися въ началѣ 40-хъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ — La Mare au Diable, La petite Fadette и т. д., а также и то, что̀ совершалось у насъ въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ. Попытки воспользоваться нетронутой почвой народной жизни, не разложенной еще «ядомъ рефлексіи», и тѣмъ самымъ придать ослабѣвавшей литературѣ новую жизнь и здоровые соки—подобныя попытки встрѣчаются еще раньше Ауэрбаха: въ Германіи до

сихъ поръ не забыли той части Иммермановскаго романа: «Мюнхгаузенъ», въ которой, съ такой поэтической правдой, воспроизведенъ бытъ вестфальскихъ крестьянъ; — фигуры «сельскаго головы» (Oberschulze) и «бѣлокурой Лизбеты» остались достояніемъ литературы; но самый романъ, фальшивый, вычурный, безжизненно-фантастическій, какъ всѣ произведенія германской романтической школы 20-хъ годовъ, поглощаетъ своими мутными волнами прелестный оазисъ вестфальской идилліи. Сама эта идиллія явилась въ «Мюнхгаузенѣ» какъ второстепенный эпизодъ, и Иммерманнъ не придавалъ ей другого значенія. Ауэрбахъ поступилъ иначе. Возвратившись въ тихое пристанище родныхъ долинъ Шварцвальда, онъ оставилъ за ихъ чертою всю свою ученость и образованность, всякія политическія и эстетическія симпатіи и антипатіи, все, что̀ до того времени волновало и занимало его; не оставилъ онъ только дара поэтической наблюдательности, и его любящее чуткое сердце осталось при немъ. Ауэрбахъ не сочинялъ идиллій: онъ погрузился всецѣло въ народную «суть». Не утонченно развитый человѣкъ, въ невольномъ сознаніи своего превосходства, снисходительно вступалъ въ сношеніе съ новымъ и интереснымъ бытомъ, посѣщалъ крестьянскія семейства, изучалъ ихъ нравы, ихъ житейскія привычки и странности; — въ кругъ ихъ проникалъ поэтъ, который самъ былъ сыномъ этихъ долинъ, родился самъ въ крестьянскомъ семействѣ: съ сыновней нѣжностью и «піэтетомъ» возвращался онъ въ міръ, съ которымъ его связывали самыя кровныя узы. Онъ находилъ въ немъ то, чего не давали ему тѣ классы средняго и высшаго городского сословія, въ которыхъ онъ до тѣхъ поръ вращался: — простыя человѣческія отношенія, цѣлые, не надломленные характеры, односторонне-твердыя нравственныя убѣжденья — и, какъ фонъ для всей картины, ту несравненную, и величественную и привѣтную природу Шварцвальда, которую всю какъ-бы насквозь провѣваетъ крѣпительной свѣжестью сосновыхъ лѣсовъ и горныхъ вершинъ.

Недаромъ сказалъ Гёте: — «Не былъ бы глазъ солнцеобразнымъ, какъ могъ бы онъ увидѣть солнце?» [1]) И Ауэрбахъ, при

[1]) Wär nicht das Auge sonnenhaft, wie könnt' die Sonne es erblicken?

всей силѣ своего таланта, не могъ бы такъ органически завладѣть всѣми тайнами той, до тѣхъ поръ почти замкнутой жизни—еслибъ самъ онъ былъ ей чужой. Этотъ фактъ объясняетъ, между прочимъ, и то преимущество, которое сохранилъ Ауэрбахъ передъ всѣми своими послѣдователями и подражателями. Въ его словахъ слышится звукъ ничѣмъ незамѣнимый. Точно также — если позволительно сравнивать малое съ великимъ—и у насъ, въ «Саввушкѣ» злополучнаго, скоро погибшаго И. Т. Кокорева, чувствуется, при всей скудости содержанія и неумѣлости исполненія, своеобразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора къ описываемымъ нравамъ. Кокоревъ былъ, какъ извѣстно, сынъ мѣщанина. Колыбель Ауэрбаха стояла въ бѣдномъ деревенскомъ домикѣ, въ Нордштеттенѣ (онъ родился въ 1812-мъ году); съ измала и со всѣхъ сторонъ, у домашняго очага, въ школѣ, на улицѣ, въ лѣсахъ и долинахъ охватилъ его крестьянскій бытъ. Работникъ его отца, добродушный Наги разсказывалъ ему, ходя за плугомъ, старинныя сказки и легенды, пастухъ пѣлъ ему пѣсни, сохраненныя живымъ преданіемъ, дѣвушки повторяли ихъ на сходкахъ за прялками — и все это поэтическое богатство навсегда, неизгладимыми чертами западало въ его сердце. Было еще одно обстоятельство, которое придало его зарождавшемуся развитію особое направленіе, его уму—особую окраску. Ауэрбахъ—еврей, и съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ нужду. Отецъ его занимался торговлей скотомъ наряду съ земледѣліемъ—и обремененный многочисленнымъ семействомъ, едва сводилъ концы съ концами. Вмѣстѣ съ поэтическимъ даромъ, Ауэрбахъ унаслѣдовалъ и ту остроту разсудка, ту отчетливую сообразительность, ту выносливую силу терпѣнія — словомъ, тѣ качества, которыя составляютъ отличительные признаки еврейской породы. Эти качества пришлись ему въ пользу—сперва при изученіи Талмуда (съ двѣнадцатилѣтняго возраста его предназначали въ званіе раввина): онъ развилъ ихъ потомъ еще сильнѣе, когда, будучи студентомъ въ Мюнхенѣ и Гейдельбергѣ, промѣнялъ свои прежнія занятія на чисто-спекулативную философію. Поэтъ, и философъ, и еврей въ Ауэрбахѣ сказались въ самомъ выборѣ перваго его научнаго труда, и перваго поэтическаго произведенія: предметомъ того и другого было

одно и тоже лицо, по духу и по происхожденію близкое и какъ бы родственное Ауэрбаху: Спиноза. Полное изданіе сочиненій великаго еврейскаго мыслителя въ нѣмецкомъ переводѣ — и романъ, озаглавленный его именемъ, появились единовременно въ 1837 году. Послѣдовавшіе за тѣмъ романы: «Поэтъ и Купецъ», «Милые Люди», «Что такое счастье?» — хотя и доставили автору почетную извѣстность въ тогдашней германской литературѣ, но теперь могутъ интересовать насъ только какъ свидѣтельство честнаго и добросовѣстнаго исканія пути, соотвѣтствовавшаго врожденнымъ дарованьямъ. Путь этотъ открылся ему наконецъ дома, въ тишинѣ Шварцвальдскихъ долинъ. Съ появленія перваго собранія «Деревенскихъ разсказовъ» (въ 1843 году Ауэрбаху минулъ 31 годъ), съ появленія этихъ разсказовъ, создавшихъ литературный *жанръ*, онъ уже зналъ свою цѣль — и шелъ къ ней неуклонно.

Мы сказали выше, что Ауэрбахъ оставилъ за чертою своей родины всю свою пріобрѣтенную образованность: это выраженіе нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Вполнѣ отбросить вліяніе культуры нельзя, да и не слѣдуетъ. Притомъ, то свойство его ума, которое направило его къ изученію Спинозы, не покинуло его и въ крестьянской избѣ, имъ посѣщенной и воспѣтой. Нарисовавъ поразительно вѣрными, тонкими, хотя иногда нѣсколько мелкими чертами свои фигуры, онъ иногда не отказываетъ себѣ въ удовольствіи пофилософствовать на ихъ счетъ; со всѣмъ искусствомъ опытнаго мастера обращаетъ онъ вниманіе читателя на тайное ихъ значеніе, на то символическое, которое лежитъ въ основаніи всякой непосредственной жизни, и высказывается иногда въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ словахъ и поступкахъ... Разсказъ у него иногда становится аллегоріей. А потому и не удивительно, что онъ не могъ надолго удовлетвориться воспроизведеніемъ тѣхъ простыхъ человѣческихъ отношеній, той вѣчной исторіи любви, ея горестей и радостей, которымъ исключительно посвящены его первые разсказы: онъ сталъ постепенно вносить новѣйшіе диссонансы въ патріархальную гармонію деревни. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права это сдѣлать, что въ наше время борьба великихъ интересовъ и вопросовъ, волнующихъ общество, проникаетъ въ сокровеннѣйшіе

уголки. Обратившись къ народу для излѣченія собственныхъ недуговъ, онъ кончилъ тѣмъ, что открылъ присутствіе тѣхъ же недуговъ, подъ другими формами, въ народѣ. Вниманіе художника стало останавливаться преимущественно на тѣхъ лицахъ избраннаго имъ міра, которыя сами вовлекаются въ ту борьбу, подпадаютъ подъ неотразимое вліяніе общественныхъ вопросовъ. Ауэрбахъ принялся изображать (въ «Луциферѣ» и другихъ романахъ) то—столкновеніе независимаго, свободнаго духа и сильнаго характера, съ притязательнымъ авторитетомъ римско-католической куріи; то — всѣ послѣдствія внезапнаго перенесенія прекрасной женской души изъ простой обстановки роднаго быта въ сложныя условія придворной, столичной, искусственной жизни... Читатели, вѣроятно, не забыли романа, на который мы намекаемъ — «Жена профессора», одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Ауэрбаха. Въ этомъ же произведеніи онъ также въ первый разъ коснулся вопроса, который съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе его привлекаетъ, въ который онъ старается все глубже проникнуть—вопроса о бракѣ, во всей его важности и полнотѣ, со всѣми его почти неразрѣшимыми противорѣчіями — и постояннымъ стремленіемъ къ разрѣшенію и примиренію. И Ауэрбахъ попытался представить это разрѣшеніе, это примиреніе—сперва въ самой скромной, низменной сферѣ (въ «Эдельвейсѣ»), а потомъ на самыхъ вершинахъ общественнаго зданія, въ самыхъ высшихъ слояхъ европейской культуры. Читатель понимаетъ, что рѣчь идетъ о романѣ: «На высотѣ», хорошо извѣстномъ и русской публикѣ. Глубина міросозерцанія, сила психологическаго анализа, изысканное мастерство языка—всѣ постоянныя свойства Ауэрбаховскаго дарованія, никогда еще блистательнѣе не проявлялись, чѣмъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи; но нельзя не сознаться, что поэтическое творчество иногда удаляется на второй планъ, высказывается въ деталяхъ и слишкомъ явственно выступаетъ работа соображающаго разсудка. Особенно бросается это въ глаза при воспроизведеніи тѣхъ лабиринтообразныхъ путей, по которымъ прекрасная придворная дама и ея царственный другъ, увлеченные, опутанные страстью, стараются выбраться на ту свободную *высоту*, гдѣ вслѣдъ за раскаяніемъ и страданіемъ наступаетъ торжество окон-

чательнаго примиренія. Все это очень умно, тонко, занимательно (дневникъ Ирмы, напр., наполненъ самыми интересными подробностями), — но можно было бы во всемъ этомъ желать болѣе жизненности и менѣе той сантиментальности, которая, также какъ у Диккенса, хотя въ другомъ родѣ, представляетъ Ахиллесову пятку Ауэрбаховскаго дарованія. Съ увѣренностью можемъ мы сказать, что эти недостатки почти не существуютъ въ предстоящемъ романѣ, между тѣмъ какъ всѣ великія достоинства творца Шварцвальдскихъ разсказовъ развернулись въ немъ съ полнотою еще небывалой. Еще никогда Ауэрбахъ не задавалъ себѣ болѣе широкой задачи, не захватывалъ ея такъ глубоко и не исполнялъ ея съ такимъ совершенствомъ.

Мы сейчасъ, не безъ намѣренія, назвали Ауэрбаха творцомъ Шварцвальдскихъ разсказовъ. Онъ знаетъ самъ, что въ связи съ родиной — его главная сила, онъ знаетъ, въ какую почву вросли его корни. Недаромъ онъ и въ романѣ «На высотѣ» рисуетъ фигуры, подобныя Вальпургѣ и всей ея семьѣ. Избравъ мѣстомъ постояннаго жительства столицу—пока одной сѣверной Германіи,—онъ не прервалъ постоянныхъ сношеній съ своей любезной Швабіей. Для нея онъ издаетъ своего «Кума» (Gevattersmann), свой Народный Календарь. Правда — тамъ, гдѣ, можно сказать, родилась его муза, въ этихъ прирейнскихъ долинахъ, господствуетъ еще и съ каждымъ годомъ возстаетъ, въ своихъ противукультурныхъ стремленіяхъ, та мощь, противъ которой онъ уже направилъ столько стрѣлъ, и которой готовится нанести новый ударъ въ своемъ послѣднемъ романѣ — мощь суевѣрія и предразсудковъ. Но Бертольдъ Ауэрбахъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и силъ — и онъ не отступитъ отъ борьбы, въ которой видитъ свое призваніе. Пускай же онъ подаритъ своей землѣ и всему читающему свѣту еще много созданій, въ которыхъ высокая образованность, въ соединеніи съ яснымъ умомъ и поэтическимъ даромъ — дружно стремятся къ посильному разрѣшенію жизненныхъ задачъ, завѣщанныхъ намъ всей протекшей исторіей европейскаго человѣчества!

Ив. Тургеневъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ВИДѢНІЕ СЪ КРЫЛЬЯМИ.

«Еще минутку подождите! вонъ машетъ какой-то господинъ, который также хочетъ ѣхать»,—сказалъ перевозчикъ сидѣвшимъ въ лодкѣ. То были мужчина и двѣ женщины.

Мужчина — человѣкъ невысокаго роста, съ сѣдыми волосами и очень румянымъ лицомъ; его голубые глаза глядѣли добродушно, но задумчиво и устало; взъерошенные усы, совершенно закрывавшіе верхнюю губу, какъ будто по ошибкѣ попали на это спокойное лицо. Онъ одѣтъ былъ въ лѣтнее платье съ иголочки, изъ той новомодной матеріи, которая вся усыпана бѣлыми крапинками, какъ будто носящій ее человѣкъ систематически катался на перинѣ; на ремнѣ висѣлъ у него красивый сакъ-вояжъ, вышитый синимъ и краснымъ бисеромъ.

Напротивъ него сидѣла высокая и стройная женщина, съ безпокойными глазами и рѣзкими чертами лица, которыя нѣкогда были, вѣроятно, привлекательны. Она дѣлала нетерпѣливыя движенія головой, досадуя на задержку; повидимому, она не привыкла дожидаться; она встала и опять сѣла. На ней было матово-желтое шелковое платье; бѣлый вуаль на сѣрой круглой шляпѣ, обернутъ былъ кругомъ какъ повязка на тюрбанѣ. Она еще разъ быстро откинула голову назадъ, потомъ стала смотрѣть внизъ, какъ будто съ намѣреніемъ не думать больше о томъ, кто заставлялъ ее ждать, и уткнула конецъ своего большого зонтика въ край лодки.

Подлѣ мужчины сидѣла, спокойно улыбаясь, стройная бѣлокурая дѣвушка въ голубомъ платьѣ; въ рукѣ она держала на резинковомъ шнуркѣ небольшую темную шляпку съ птичьимъ крыломъ. Голова у нея была большая, большой лобъ казался еще больше отъ пышныхъ заплетенныхъ въ косы волосъ, и два толстые локона падали направо и налѣво на плечо и грудь.

Лицо дѣвушки было весело и простодушно, и ясно какъ тотъ свѣтлый день, который освѣщалъ весь ландшафтъ.

Дѣвушка надѣла теперь шляпу, и мать еще нѣсколько поправила ее.

Дѣвушка быстро сняла дорожныя перчатки и вынула изъ кармана свѣжія, и пока она поспѣшно натягивала перчатку на руку, она смотрѣла на подходившаго господина.

Это былъ молодой человѣкъ съ густой темной бородой, высокій и красивый, крѣпкаго сложенія, съ сѣрымъ пледомъ на плечѣ и въ сѣрой, съ широкими полями, шляпѣ съ чернымъ флеромъ. Онъ твердыми шагами спустился по извилистой дорожкѣ съ крутого берега, вошелъ въ лодку и раскланялся, молча снявъ шляпу; это движеніе открыло правильный бѣлый лобъ, отѣненный темными каштановыми волосами. Смѣлость и рѣшительность выражались на его лицѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждало къ себѣ довѣріе.

Дѣвушка осмотрѣлась вокругъ, мать еще разъ поправила ей шляпу и при этомъ какъ будто ненамѣренно спустила одинъ длинный локонъ на грудь, а другой положила за плечо; это выходитъ очень красиво и кажется случайнымъ и непринужденнымъ.

Господинъ въ платьѣ съ крапинками прижалъ къ губамъ свою палку съ бѣлымъ набалдашникомъ.

Новый пассажиръ сѣлъ далеко отъ нихъ и смотрѣлъ въ рѣку, а между тѣмъ ихъ лодка быстро поплыла.

Лодка пристала къ острову; на островѣ былъ обширный монастырь, въ которомъ было еще и учебное заведеніе для дѣвицъ.

Пассажиры вышли на берегъ.

— Ахъ, какъ хорошо! и неужели здѣсь приходится учить вокабулы? сказала дѣвушка, и указала на высокую группу деревьевъ, стоявшую на берегу; деревья были расположены полукругомъ такъ близко одно къ другому, какъ будто всѣ они выросли изъ одного корня. Въ кругу этой группы поставлены были узенькія скамейки.

— Иди впередъ! сказала дама съ строгимъ взглядомъ, и быстро подала мужу руку.

Дѣвушка пошла впередъ, посторонній господинъ слѣдовалъ за нею.

Въ кустахъ пѣли соловьи, дрозды, зяблики, какъ будто бы они хотѣли громко заявить: — Здѣсь у насъ райское спокойствіе и миръ, и никто насъ не тревожитъ! Темныя сосны съ широко раскинувшимися вѣтвями у берега, и длинный рядъ лиственницъ съ ея свѣтлой зеленью. стояли совершенно спокойно, а въ цвѣтущихъ каштановыхъ деревьяхъ жужжали пчелы.

Путешественники подошли къ монастырю. Зданіе, безъ всякой архитектурной особенности, было растянуто широко и представляло видъ на сады и луга острова, и дальше, на рѣку и горы.

Двери были заперты и нигдѣ не видно было человѣческаго существа.

Старый господинъ позвонилъ, привратница открыла маленькое окошко и спросила, что̀ нужно. Ей сказали, что хотятъ видѣть монастырь, но привратница отвѣчала, что нынѣшнимъ вечеромъ это уже невозможно.

— Отдайте мою карточку, сказалъ старый господинъ, и скажите достопочтенной матери, что я здѣсь съ женой и дочерью.

— Позвольте и мнѣ прибавить мою карточку, сказалъ молодой человѣкъ. Его спутники оглянулись на его благозвучный голосъ. Молодой человѣкъ отдалъ привратницѣ свою карточку, и прибавилъ:

— Скажите почтенной начальницѣ, что я приношу ей поклонъ отъ моей матери.

Привратница заперла окно опять и путешественники остались передъ дверью.

— Я принялъ васъ за француза, сказалъ старый господинъ молодому человѣку благосклоннымъ тономъ.

— Я нѣмецъ, отвѣчалъ тотъ.

— У васъ нѣтъ ли родственницы въ монастырѣ, и вы можетъ быть также знаете почтѣнную матерь?

— Нѣтъ, я не знаю здѣсь никого.

Отвѣты его были такъ отрывочны и коротки, что не давали никакого повода къ продолженію разговора, а старый господинъ былъ, повидимому, человѣкъ съ нѣкоторымъ значеніемъ и съ характеромъ, который не привыкъ заискивать, а напротивъ, привыкъ къ ухаживанью другихъ. Онъ пошелъ съ своими дамами къ хорошенькой куртинѣ цвѣтовъ, и сѣлъ съ своей свитой на скамейку. Но дѣвушка, кажется, не могла успокоиться, она ходила по краю лужайки и рвала спрятавшіяся фіалки.

Молодой человѣкъ остался на своемъ мѣстѣ какъ вкопаный и разсматривалъ каменныя ступени у монастырской двери, какъ будто ему нужно было освѣдомиться или разузнать, какого рода судьба входила сюда и выходила по этимъ ступенямъ.

Между тѣмъ на скамейкѣ старый господинъ говорилъ своей женѣ:

— Этотъ красивый молодой человѣкъ долженъ быть, кажется, игрокъ, проигравшій гдѣ-нибудь здѣсь на водахъ свои деньги. Кто знаетъ, можетъ быть онъ у начальницы хочетъ занять ихъ.

Дама засмѣялась надъ своимъ мужемъ, которому теперь уже въ третій разъ казалось, что люди, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своемъ путешествіи, были или злодѣи или несчастные.

— Можетъ быть, ты говоришь правду, отвѣчалъ старый господинъ, но эти разукрашенныя школы порока тѣмъ и ужасны, что о каждомъ встрѣчномъ думаешь, что онъ вышелъ изъ нихъ.

— А я думаю, воскликнула дѣвушка, только-что воткнувши фіалку въ платье: я думаю, что это долженъ быть поэтъ.

— Почему? спросила мать.

— Потому, что поэтъ долженъ быть красивъ какъ онъ.

Старый господинъ засмѣялся, а мать сказала:

— Дитя, тебѣ мерещутся поэты. Постойте, однако, вотъ идетъ и привратница.

Монастырская дверь отворилась и путешественники вошли. За второй рѣшетчатой дверью стояли двѣ монахини въ длинныхъ черныхъ платьяхъ и льняной веревкой на поясѣ. Старшая изъ нихъ, госпожа съ очень большимъ носомъ, сказала: «начальница сожалѣетъ, что сегодня не можетъ видѣть никого; сегодня канунъ ея имянинъ, и въ эти дни она всегда остается до вечера одна. Вообще сегодня едва ли возможно принимать чужихъ, потому что дѣти (такъ называются здѣсь воспитанницы) приготовили праздникъ, которымъ они хотятъ привѣтствовать начальницу по захожденіи солнца. Поэтому сегодня все въ безпорядкѣ; въ большой столовой устроенъ театръ. Но начальница, все-таки, велѣла показать путешественникамъ устройство монастыря».

Общество отправилось, въ сопровожденіи обѣихъ монахинь, по большимъ монастырскимъ переходамъ. Шаги монахинь раздавались громко и рѣзко, потому что у нихъ надѣты были толстыя деревянныя подошвы, которыя укрѣплены были двумя ремнями, обвернутыми вокругъ чулка. Маленькая красивая монахиня, которой изящное лицо было какъ будто насильно запрятано въ тѣсно облегавшій капюшонъ, постоянно держалась позади и робко предоставляла говорить другой. Теперь однако она заговорила по-французски съ дѣвушкой въ голубомъ мусслиновомъ платьѣ. Мать кивнула отцу съ выраженіемъ удовольствія: —видишь теперь, какъ хорошо было научить ребенка чему-нибудь хорошему; все это сдѣлала я, а ты всегда боялся и только уступалъ мнѣ.

Отецъ не могъ удержаться, чтобъ не объяснить монахинѣ-нѣмкѣ съ большимъ носомъ, что его дочь Лина только полгода тому назадъ вышла изъ монастыря Sacré-Coeur въ Ахенѣ.

Молодой человѣкъ также сказалъ нѣсколько словъ по-французски хорошенькой монахинѣ. Но теперь, и каждый разъ, когда

онъ къ ней обращался, она всегда какъ-то торопливо отдалялась отъ него; она не то, что пугалась, но какъ-то съеживалась, странно улыбаясь, точно ее щекотали.

Путешественникамъ показали залу, гдѣ бываетъ завтракъ, классную комнату, залу для музыки, большія спальни, и вездѣ надо было удивляться чистотѣ и порядку. Въ спальняхъ все устроено было такъ хорошо и такъ чисто, какъ будто здѣсь жили не настоящіе люди, и вовсе не безпокойныя дѣти, а какъ будто все это приготовлено было для какихъ-то воздушныхъ существъ. Лина отдернула занавѣску и путешественники увидѣли ребенка съ большими темными глазами, на рѣсницахъ которыхъ висѣли крупныя слезы. Молодой человѣкъ также подошелъ.

— Что съ этимъ ребенкомъ? спросила Лина.

— Ничего, у него просто тоска по родинѣ.

— Просто тоска по родинѣ! сказалъ тихо молодой человѣкъ, а дама спросила:

— Какъ же лечите вы тоску по родинѣ?

— У начальницы есть на это вѣрное средство; ребенка, который тоскуетъ по домѣ, объявляютъ больнымъ и кладутъ его въ постель. Когда онъ захочетъ встать, то почувствуетъ себя здоровымъ и дома.

— Подите всѣ отсюда! подите отсюда! Пусть придетъ Манна, пришлите Манну! кричалъ ребенокъ.

— Она еще придетъ къ тебѣ, успокоивала его монахиня, и объяснила, что ребенка можетъ успокоить одна только американка.

— Это, конечно, наша Манна, сказала Лина матери.

Наступили сумерки и по корридору въ золотомъ свѣтѣ вечерняго солнца проносились странныя фигуры въ длинныхъ зеленыхъ, синихъ и красныхъ платьяхъ, и потомъ исчезали по кельямъ.

Посѣтители вошли въ столовую, гдѣ на заднемъ планѣ декораціи представляли лѣсной ландшафтъ съ хижиной пустынника, и тамъ лежалъ молодой олень, привязанный за красную ленту, который, взглянувши странно своими блестящими глазами на чужихъ людей, вскочилъ, рванулся за свою привязку и хотѣлъ убѣжать.

Француженка объяснила, что дѣти сами сдѣлали эти декораціи вмѣстѣ съ одной изъ сестеръ, очень искусной въ этомъ дѣлѣ. Она объяснила еще, что они разучили большіе хоры, и что одна изъ ученицъ, прекрасный ребенокъ, сочинила пьесу, которая представляетъ сцену изъ жизни святого, празднуемаго въ тотъ день.

Монахиня-нѣмка съ большимъ носомъ выразила сожалѣніе, что никто изъ чужихъ не можетъ здѣсь присутствовать.

На стулѣ лежалъ списокъ пѣсни, которая должна была пѣться въ пьесѣ. Дама взяла листокъ, прочла его и невольно подала его молодому человѣку, который также пробѣжалъ его.

— Удивительно, однако, что ребенокъ можетъ такъ написать, сказала она.

Молодой человѣкъ долженъ былъ что-нибудь отвѣчать, и сказалъ высокомѣрнымъ тономъ:

— Нашъ нѣмецкій языкъ, а съ нимъ и нашъ стихотворный языкъ, это—клавикорды съ готовыми тонами, и на нихъ можетъ бренчать каждый ребенокъ.

— Вотъ я угадала, это — поэтъ, говорилъ торжествующій взглядъ дѣвушки ея родителямъ.

Когда они вышли изъ столовой, превращенной въ театръ, Лина сказала хорошенькой француженкѣ, что ей очень жаль, что она не можетъ видѣть теперь своей пріятельницы Германны Зонненкампъ, потому что она уже сегодня должна воротиться съ своими родителями, а завтра вечеромъ она приглашена въ большое общество къ графинѣ Вольфсгартенъ. Дѣвушка сказала это съ особенной гордостью и удареніемъ; она, очевидно, была увѣрена, что и здѣсь извѣстно, что значитъ общество у графа Вольфсгартена.

Француженка кажется замѣтила это и отвѣчала:

— Мы здѣсь не знаемъ, какъ называемся мы тамъ въ свѣтѣ; мы знаемъ здѣсь только свои монастырскія имена.

— Могу ли я узнать ваше имя?

— Отчего же нѣтъ? меня зовутъ Серафія.

Дѣвушка, казалось, была теперь ближе съ француженкой, такъ какъ могла называть ее сестрой Серафіей, и радовалась, что имѣетъ право разсказать въ городкѣ, что она познакомилась съ очень знатной монахиней, которая навѣрно была принцесса.

Путешественники пошли опять по длиннымъ корридорамъ, и когда они спускались по одной лѣстницѣ, они увидѣли, что имъ на встрѣчу поднималась бѣлоснѣжная фигура съ большими крыльями на плечахъ и блестящей діадемой на головѣ, съ которой на грудь и шею спускались длинные черные локоны. Темные черные глаза съ длинными рѣсницами и густыми бровями блестѣли на блѣдномъ лицѣ.

— Манна! воскликнула громко Лина и по сводамъ раздалось эхо: «Манна».

Крылатое видѣніе схватило Лину за руку, повело ее на верхъ лѣстницы отъ другихъ и сказало:

— Это ты, Лина? Ахъ, я была сейчасъ у бѣднаго ребенка, который такъ тоскуетъ по родинѣ. Иначе мнѣ не слѣдовало бы говорить сегодня ни съ одной человѣческой душой.

— Ахъ, какая ты теперь чудесная, какая красивая! Ты вѣроятно явилась ребенку какъ живой ангелъ; ахъ, какъ всѣ будутъ рады, когда я имъ это разскажу...

— Не говори объ этомъ; извини меня передъ твоими, что я такъ пробѣжала мимо нихъ, а кто это молодой человѣкъ съ вами?

Молодой человѣкъ кажется почувствовалъ, что рѣчь идетъ о немъ и взглянулъ вверхъ на удивительное явленіе; онъ приложилъ руку къ глазамъ, чтобы лучше видѣть, но совершенно не могъ разобрать черты лица, онъ видѣлъ только сказочную фигуру и два блестящихъ глаза.

— Мы также его не знаемъ, отвѣчала Лина, онъ встрѣтился намъ только въ лодкѣ. Впрочемъ,—прибавила она со смѣхомъ, радуясь своему открытію, — ты можешь узнать, кто онъ, онъ привезъ поклонъ отъ своей матери начальницѣ, такъ спроси его. Не правда ли, онъ хорошъ?

— Ахъ, Лина, что ты говоришь! Я буду просить св. Женевьеву, чтобы она своей молитвой выпросила мнѣ прощеніе, за то, что ты говоришь, а я... я это слушала... Прощай, Лина, кланяйся тамъ всѣмъ.

Крылатое видѣніе какъ будто унеслось по длинному корридору; оно уже не слышало, какъ Лина говорила ему вслѣдъ, что завтра она разскажетъ у графини Вольфсгартенъ, что она ее видѣла. Видѣніе исчезло.

Путешественники оставили монастырь, и передъ дверями старый господинъ сказалъ молодому человѣку:

— Какое счастье для дѣвушекъ, что они могутъ воспитываться здѣсь въ монастырѣ, на островѣ, удаленномъ отъ всего свѣта.

— Дѣвушки въ монастырѣ, а молодые люди въ казармѣ! Прекрасный порядокъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ рѣзкимъ тономъ.

Старый господинъ, не отвѣчая ни слова, отвернулся и отошелъ съ своими дамами на нѣсколько шаговъ; казалось, онъ не хотѣлъ дальше имѣть ничего общаго съ человѣкомъ такого революціоннаго образа мыслей.

Молодой человѣкъ поспѣшилъ одинъ къ лодкѣ и быстро переправился на другую сторону. Рѣка была точно расплавленное золото. Онъ опустилъ руку въ воду и отеръ себѣ лобъ и глаза.

Проворно спрыгнувъ на берегъ, онъ оглянулся назадъ на

островъ: старый господинъ съ женой и дочерью также спускались къ лодкѣ; онъ издали поклонился имъ и пошелъ скорыми шагами на гору къ развалинамъ замка, откуда открывался видъ на монастырь. Молодой человѣкъ долго сидѣлъ здѣсь и смотрѣлъ внизъ на монастырь. Онъ слышалъ пѣніе дѣвическихъ голосовъ, видѣлъ длинный рядъ ярко освѣщенныхъ оконъ, и взглянувъ на звѣзды, сказалъ наконецъ:

— О, мать!

Что хотѣлъ онъ выразить этимъ восклицаніемъ?

Быть можетъ, его мать сказала ему, что съ нимъ произойдетъ нѣкогда что-то похожее на чудо.

Въ кустахъ неустанно пѣлъ соловей, молодой человѣкъ прислушивался къ его пѣнію и однако желалъ бы лучше, чтобы онъ не мѣшалъ ему слышать пѣніе дѣтей въ монастырѣ, которые переносили въ дѣйствительность волшебныя мечты о вѣчности и на время дѣлались поющимъ ангельскимъ хоромъ.

Я одинъ въ весеннюю ночь на развалинахъ, съ бьющимся сердцемъ! Я ли это? спросилъ себя молодой человѣкъ.

Онъ спустился съ горы и при самомъ входѣ въ гостинницу встрѣтилъ стараго господина съ его дамами, которые отправлялись на станцію желѣзной дороги.

Ему хотѣлось бы спросить дѣвушку, кто было это удивительное видѣніе, но онъ удержался. Къ чему? Лучше, если я не буду знать ее, и волшебство видѣнія останется чисто и ничѣмъ не нарушено.

Онъ вошелъ въ гостинницу; онъ сѣлъ, сталъ читать карту блюдъ и не зналъ, что онъ читалъ и что ему выбрать; онъ смотрѣлъ въ нее до тѣхъ поръ, пока пришелъ кельнеръ и спросилъ ее у него, чтобы подать другому.

Онъ заказалъ первое, что попалось на глаза.

— Какого вина вы желаете? У насъ есть Драконова-кровь изъ здѣшняго винограда.

— Принесите мнѣ Драконову-кровь.

Онъ ѣлъ и пилъ не зная, что онъ ѣлъ и пилъ, онъ зналъ только, что человѣкъ долженъ ѣсть и пить. Наконецъ, онъ взялъ газету, лежавшую на столѣ. Что такое монастыри, что такое развалины замковъ? Что такое эта дѣвушка съ привязанными крыльями? Это міръ живой, сегодняшній, дѣйствительный міръ!

Да, это онъ! Мы едва можемъ себѣ представить, какъ было въ другія времена, когда можно было спокойно выдумать приключеніе. Во всякое время, въ минуту ли тяжелой заботы, когда собственная жизнь становится намъ въ тягость и до міра намъ не бываетъ никакого дѣла, или въ минуту высокаго ощущенія,

когда мы чувствуемъ себя какъ будто поднятыми выше всякой дѣйствительности, является газета и требуетъ нашего вниманія и зоветъ насъ, какъ будто бы мы вездѣ должны были участвовать въ устройствѣ міровыхъ отношеній.

Какое дѣло теперь молодому человѣку до Америки? И однако же онъ прочелъ сейчасъ извѣстіе о тамошнихъ дѣлахъ съ большой ревностью, и съ улыбкой осмотрѣлся, вспомнивъ, что, по словамъ француженки, одна американка утѣшаетъ ребенка, тоскующаго по родинѣ, и что она написала также набожную пьесу къ празднику. Здѣсь ребенокъ играетъ съ благочестивымъ миѳомъ, а между тѣмъ на его родинѣ идетъ такое броженіе! Мысли молодого человѣка были опять въ монастырѣ, и опять онъ вспомнилъ чудесное видѣніе.

Когда онъ хотѣлъ уже бросить листокъ, глаза его упали на одно объявленіе. Его брови нахмурились, онъ оглянулся и прочелъ еще разъ, затѣмъ спросилъ кельнера, не можетъ ли онъ взять себѣ газету, и отправился съ ней въ свою комнату.

— Красивый мужчина, — говорили ему вслѣдъ гости. Вѣроятно молодой вдовецъ, который хочетъ разсѣяться путешествіемъ по Рейну; на шляпѣ у него флеръ.

ГЛАВА II.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Имя: Эрихъ Дорнэ... Званіе: д-ръ философіи, капитанъ въ отставкѣ... Откуда: названіе небольшого университетскаго города. Куда:.. Цѣль путешествія:..

Такъ писалъ молодой человѣкъ рано утромъ въ книгѣ, въ которой по принятому порядку записываются имена путешественниковъ, и только теперь онъ замѣтилъ, что передъ его именемъ было вписано: міровой судья Фогтъ съ женой, урожденной Ландень, и съ дочерью, изъ... названъ былъ небольшой городокъ съ пѣвучимъ именемъ на верхнемъ Рейнѣ.

Итакъ, это очевидно былъ вчерашній господинъ съ крапинками и двѣ его дамы.

Эрихъ, такъ можемъ мы теперь называть его, отправился съ своимъ легкимъ дорожнимъ багажемъ къ пристани, гдѣ причаливалъ пароходъ. Утро было свѣжо и ясно, кругомъ веселая поющая жизнь, только узкая полоса облака висѣла какъ туманъ надъ свѣтлой вершиной горной цѣпи. Эрихъ шелъ твердымъ шагомъ, высоко поднявъ голову и свободно вдыхая свѣжій утрен-

ній воздухъ. Онъ сталъ у перилъ пристани, смотрѣлъ на рѣку, на которой теперь поднимался туманъ, разсѣявшійся въ воздухѣ; потомъ онъ долго смотрѣлъ на островъ, гдѣ теперь звонилъ утренній колоколъ и будилъ дѣтей, которые вчера вечеромъ превращались въ сказку передъ самими собой. Какъ теперь открыла блестящіе глаза эта дѣвушка съ длинными черными локонами и свѣтлыми крыльями?

Какъ будто желая отогнать этотъ образъ, Эрихъ вынулъ газету и еще разъ прочиталъ объявленіе.

Пароходъ приближался, шумно разрѣзывая волны.

Эрихъ не видалъ, что вмѣстѣ съ нимъ дожидались парохода и двѣ монахини изъ монастыря, и одна изъ нихъ была красивая и боязливая француженка. Только на пароходѣ онъ замѣтилъ, что онѣ вошли вмѣстѣ съ нимъ. Онъ поклонился; на него посмотрѣли съ удивленіемъ и не отвѣчали. Монахини взяли свои молитвенники, усѣлись на палубѣ и стали молиться. Въ первую минуту Эрихъ подумалъ, не спросить ли ихъ, кто была дѣвушка съ крыльями, но теперь онъ рѣшился оставить это. Все это приключеніе не должно было имѣть послѣдствій, онъ долженъ былъ собрать всѣ силы для своего дѣла.

На пароходѣ, шедшемъ вверхъ по рѣкѣ, было еще мало путешественниковъ, и раннимъ утромъ люди бываютъ необщительны, какъ будто уединеніе во время сна продолжаетъ дѣйствовать на человѣческія души и послѣ. Эрихъ сѣлъ недалеко отъ рулевого, который потихоньку напѣвалъ про себя. Глубоко задумавшись, Эрихъ смотрѣлъ на волны отъ парохода и на окружавшіе виды. Онъ сжалъ свои тонко очерченныя губы; повидимому, онъ хотѣлъ молча наслаждаться сокровищемъ красоты этой рѣки и этого ландшафта и часто дѣлалъ нетерпѣливыя движенія головой, когда слышалъ, что люди, сидѣвшіе около него, за такъназываемой «бесѣдой», теряли въ болтовнѣ свѣжесть утра и тихія освѣжающія впечатлѣнія ландшафтовъ.

Въ теченіе этой исторіи мы часто еще будемъ слышать объ этомъ своеобразномъ молодомъ человѣкѣ. А теперь намъ надо предварительно знать, что Эрихъ былъ сынъ весьма уважаемыхъ родителей, получилъ заботливое воспитаніе и поступилъ въ военную службу, добровольно покинулъ ее, и посвятилъ себя занятіямъ наукой. Только нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ степень доктора. Онъ съ большими усиліями торопилъ окончаніе этого дѣла, потому что только два мѣсяца назадъ, какъ умеръ его отецъ.

Вечеромъ того дня, когда Эрихъ получилъ свою докторскую степень, мать гуляла съ нимъ и убѣждала его отдохнуть теперь

нѣсколько дней на свободѣ. При этомъ она провела рукой по блѣдному и похудѣвшему лицу его, и сказала:

— У тебя снова появится свѣжій румянецъ; жизнь и дѣятельность — обязанность человѣка; это была поговорка твоего отца, которую онъ выполнялъ и на дѣлѣ до послѣдней своей минуты.

Только тогда, когда Эрихъ вернется изъ путешествія, хотѣли они рѣшить, что̀ будетъ теперь съ ними обоими. При этомъ мать болѣзненно чувствовала и не могла подавить мысли, что они вышли изъ правильной и постоянной колеи жизни, и что передъ ними каждую минуту стоитъ невѣдомое существованіе, такое, которое имъ самимъ еще надо создавать; она никогда этого не знала и никогда этого не предвидѣла. Съ горестью, которую она старалась подавить, но которой не могла совершенно скрыть, она видѣла, припоминая слова Лессинга, что сынъ ея стоитъ на рынкѣ и выжидаетъ себѣ работы. Между тѣмъ она надѣялась, что въ ея сынѣ уляжется упорство, съ какимъ онъ не хотѣлъ пріобрѣтать себѣ положеніе въ жизни черезъ какое-нибудь покровительство; но прежде всего ему надо было сохранить свою юношескую свѣжесть. Если бы мать увидѣла его теперь, она изумилась бы, какъ скоро это устроилось. Да, въ его глазахъ былъ такой яркій блескъ и въ лицѣ такой цвѣтущій румянецъ, какихъ не было въ лучшіе и самые спокойные его дни.

Только для того, чтобы дать ему цѣль, она поручила ему передать поклонъ начальницѣ монастыря. Теперь Эрихъ былъ уже на обратномъ пути. Простое объявленіе въ газетѣ дало его путешествію и его назначенію неожиданное направленіе.

Странно! думалъ Эрихъ про себя, положивъ руку въ боковой карманъ, гдѣ лежала его газета... Странно, откуда являются эти призывы, которые бросаютъ странствующаго Одиссея въ ту и въ другую сторону!—Между тѣмъ у него было достаточно юношеской упругости, чтобы изъ-за цѣли не забыть удовольствій путешествія. Онъ свѣтлыми глазами смотрѣлъ на колеса парохода, на движеніе, оживлявшее рѣку и берега.

Обѣ монахини вышли уже на второй станціи и красивая француженка, обернувшись, кивнула ему, когда спускалась по маленькой боковой лѣстницѣ. Въ лодкѣ она сложила руки и глядѣла внизъ; сошедши на берегъ, она также ни разу не оглянулась.

Путешественники мѣнялись отъ одного мѣста до другого; въ одной деревнѣ на пароходъ явилась толпа богомольцевъ, большей частью женщинъ, съ бѣлыми платками на головѣ, а тамъ,

гдѣ они сошли съ парохода, явилась толпа турнеровъ въ ихъ свѣтлосѣрыхъ костюмахъ, и они вскорѣ запѣли на пароходѣ пѣсню, между тѣмъ какъ богомольцы пѣли свое на берегу. Во всѣхъ городахъ и деревняхъ, мимо которыхъ они плыли, раздавался звонъ колоколовъ; былъ свѣтлый, яркій, цвѣтущій весенній день, и Эрихъ чувствовалъ все то опьяненіе, которое приноситъ въ душу рейнская жизнь: то напряженіе и возвышеніе всѣхъ жизненныхъ силъ, о которомъ нельзя сказать, откуда оно приходитъ, какъ нельзя отличить, что̀ даетъ вину здѣсь на горахъ его пряность и его огонь. Это — дыханіе рѣки, это — запахъ горъ, сила почвы, солнечный свѣтъ, который пылаетъ въ винѣ какъ и въ человѣкѣ, вливаетъ энтузіазмъ радости, отъ котораго никто не можетъ отдѣлаться, и котораго никто не можетъ объяснить.

Съ Эрихомъ также часто заговаривали, но онъ уклонялся отъ всякихъ дальнихъ бесѣдъ, онъ хотѣлъ быть одинъ среди людского движенія, среди восхитительнаго ландшафта. Есть слова, которыя дѣлаются осью для мыслей уединеннаго человѣка. Эрихъ слушалъ, какъ одинъ изъ путешественниковъ говорилъ другому:

— Мнѣ больше нравится ѣхать противъ теченія: тогда все видишь лучше и дольше, и для человѣческаго ума большой тріумфъ, что онъ запрягаетъ силу противъ теченія.

Противъ теченія! Это и было то слово, которое осталось у Эриха изъ всего пестраго разнообразія, какое онъ сегодня видѣлъ и о какомъ думалъ. Противъ теченія! Это былъ и его жизненный путь. Онъ оставилъ обыкновенную дорогу и съ смѣлымъ упорствомъ собственной воли искалъ своего особаго пути. Это хорошо; такъ скорѣе, такъ ближе можно узнать міръ, и прежде всего свою собственную силу.

— Противъ теченія! — сказалъ онъ, улыбаясь, про себя. Посмотримъ, куда это ведетъ!

Былъ уже давно полдень, когда онъ вышелъ на берегъ у городка съ древней башней, которая имѣетъ веселую извѣстность въ цѣломъ свѣтѣ. На берегу стоялъ молодой человѣкъ, который пристально посмотрѣлъ на него и наконецъ воскликнулъ:

— Дорнэ!

— Господинъ фонъ-Пранкенъ! — отвѣчалъ Эрихъ.

Они подали другъ другу руки.

ГЛАВА III.

ЗА НОВЫМЪ ВИНОМЪ.

— Вотъ Рейнъ; едва люди поздороваются и протянутъ другъ другу руку, какъ ужъ говорятъ: давай пить! Должно быть это рѣка, текущая передъ нашими глазами, постоянно возбуждаетъ въ насъ охоту къ жидкости.

Такъ говорилъ Эрихъ красивому, тѣхъ же лѣтъ какъ онъ, бѣлокурому спутнику, который сидѣлъ противъ него, положивъ руку въ туго застегнутой перчаткѣ на голову темной лягавой собаки, прижавшейся къ его колѣнямъ. Собака нѣсколько разъ взглядывала на Эриха, котораго звучный голосъ быть можетъ произвелъ возбудительное впечатлѣніе и на животное.

— Теперь позвольте: вотъ карта винъ. Какого хотите года, и какого винограда? Не будемъ ли мы пить новое вино, которое еще весело и еще не улеглось?

— Да, молодое вино, и съ здѣшнихъ горъ, гдѣ свѣтъ солнца покоится такъ сладко, и гдѣ кукушка поетъ въ лѣсу. Давайте пить вино той почвы, на которой мы теперь стоимъ, и станемъ кровными родными съ этимъ прекраснымъ клочкомъ земли.

Пранкенъ велѣлъ дожидавшемуся кельнеру отрывистымъ военнымъ тономъ:

— Бутылку Auslese!

Вино принесли; какъ золотое оно лилось въ свѣтлые стаканы, собесѣдники чокнулись и выпили. Они сидѣли въ бесѣдкѣ у рѣки, тамъ, гдѣ широко раскидывается ландшафтъ, и гдѣ глазъ отдыхаетъ на зеленѣющихъ островахъ рѣки, на ярко блестящихъ жилищахъ, на горахъ, на вьющихся лозахъ винограда и на великолѣпныхъ дачахъ.

Лодки, стоявшія у берега, были опять неподвижны, потому что волны отъ парохода уже сгладились; только тамъ-и-сямъ шумѣли издали поѣзды желѣзныхъ дорогъ; на гладкой рѣкѣ, на которой кое-гдѣ отражались съ неба бѣлыя облака, блестѣли лучи полуденнаго солнца, и въ цвѣтущихъ кустахъ бузины около бесѣдки распѣвалъ соловей.

— Вотъ жизнь! воскликнулъ Эрихъ. Послѣ цѣлаго дня уединенія въ пестрой путаницѣ мыслей и среди приходящихъ и уходящихъ чужихъ людей такъ неожиданно встрѣтить теперь стараго знакомаго, это какъ будто немножко вернуться на родину; и кромѣ того, я долженъ вамъ сказать, что эту встрѣчу считаю хорошимъ предзнаменованіемъ.

Отто фонъ-Пранкенъ кивнулъ съ довольнымъ видомъ; при неожиданной встрѣчѣ онъ, быть можетъ, держалъ себя болѣе дружески, чѣмъ требовало приличіе; и теперь, когда Эрихъ говорилъ ему «вы», тогда какъ прежде они говорили другъ другу «ты», онъ кивнулъ ему съ довольнымъ видомъ. Эрихъ съ большимъ тактомъ понимаетъ свое положеніе; это хорошо. Пранкенъ быстро сдернулъ перчатку, еще разъ подалъ Эриху руку, и сказалъ:

— Вы вѣроятно путешествуете теперь для удовольствія?

— Нѣтъ, это было бы мнѣ теперь не по состоянію и даже не кстати. Вы, можетъ быть, еще не знаете, что два мѣсяца тому назадъ умеръ мой отецъ.

— Да, да!... Я вѣчно буду благодаренъ нашему доброму профессору; если я чему-нибудь научился въ кадетской школѣ,— это было конечно довольно мало, — я обязанъ этимъ исключительно ему. Какимъ терпѣніемъ и какой неутомимой ревностью отличался вашъ добрый отецъ! Чокнемтесь въ его память.

Стаканы зазвенѣли.

— Если я когда-нибудь умру, сказалъ Эрихъ, и голосъ его звучалъ глубокимъ чувствомъ,—я желалъ бы, чтобы и мой сынъ вспомнилъ меня такъ, съ товарищемъ, за стаканомъ вина, въ свѣтлый полдень!

— Ахъ, умирать! старался Пранкенъ повернуть разговоръ: если я умру, то мнѣ ни до чего больше нѣтъ дѣла. Я нахожу крайне неумѣстнымъ, что тамъ наверху, — взгляните, — прямо въ серединѣ виноградниковъ устроили кладбище.

Эрихъ ничего не отвѣчалъ; онъ только взглянулъ наверхъ и услышалъ въ эту самую минуту, какъ съ кладбища кричала кукушка.

— Вы занимаетесь сельскимъ хозяйствомъ? спросилъ онъ, какъ будто приходя въ себя.

— Да, покамѣсть; я снялъ на неопредѣленное время свою лейтенантскую форму, и предпочелъ себѣ пьедесталъ изъ высокихъ непромокаемыхъ сапоговъ. Впрочемъ и то и другое одинаково скучно.

Говоря это, Пранкенъ, по отвратительной такъ-называемой аристократической манерѣ, принялся очень усердно чистить свои ногти, затѣмъ онъ вынулъ маленькую щеточку и еще разъ пригладилъ свои безукоризненно пробранные, нѣсколько жидкіе волосы. При этомъ онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на своего собесѣдника.

Нѣсколько минутъ они сидѣли не говоря ни слова и внимательно вглядываясь другъ въ друга. Два неловкихъ человѣка, при встрѣчѣ, своей неловкостью приводятъ одинъ другого въ замѣша-

тельство, два ловкихъ человѣка, знающихъ свою ловкость, похожи на двухъ бойцовъ на шпагахъ, изъ которыхъ каждый хочетъ сначала узнать манеру другого и потому не наноситъ удара и не дѣлаетъ нападенія.

Пранкенъ наклонился къ своему стакану, вдохнулъ букетъ вина, и наконецъ сказалъ съ усмѣшкой.

— Теперь вы обратитесь и отъ своихъ покойныхъ коммунистическихъ идей?

— Коммунистическихъ? Я не думалъ, что и вы, какъ столько другихъ людей, станете ко всему, что̀ вамъ не нравится, прикладывать удобное прозвище «коммунизмъ»; я желалъ бы, чтобы я могъ быть коммунистомъ. Я хочу сказать: я желалъ бы, чтобы я могъ считать коммунизмъ за способную къ развитію форму общества, чѣмъ онъ однакоже никогда не можетъ быть. Мы должны другимъ путемъ работать для того, чтобы освободить наше существованіе отъ того варварства, что такіе же люди какъ мы, люди съ нами равноправные, терпятъ нужду въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Въ мой стаканъ капаетъ горькая капля оттого, что я здѣсь спокойно пью вино тѣхъ горъ, на которыхъ должны теперь работать бѣдные угнетенные люди, которые никогда не попробуютъ и капли этого вина.

— Сегодня воскресенье, и теперь никто не работаетъ, отвѣчалъ Пранкенъ, и громко засмѣялся.

Уже при этой первой встрѣчѣ обнаружилась противоположность между двумя молодыми людьми. Эрихъ также засмѣялся прѝ неожиданной выходкѣ своего пріятеля; онъ былъ достаточно развитъ для того, чтобы считать противорѣчіе принциповъ личнымъ вопросомъ, поэтому обратилъ бесѣду на мирные предметы и разговоръ спокойно шелъ въ воспоминаніяхъ о прежнихъ временахъ.

По неподвижности шеи, по манерѣ держать руки во время ходьбы въ обоихъ молодыхъ людяхъ можно было узнать военныхъ, но эта натянутость смягчалась у Эриха нѣкоторой элегической плавностью. Пранкенъ былъ элегантенъ, Эрихъ благороденъ и нѣженъ. Въ каждомъ тонѣ и въ каждомъ движеніи Пранкена было что-то обязывающее и пріятное, но въ его манерѣ держать себя было и то распущенное безстыдство, или, если это слово звучитъ слишкомъ рѣзко, та impertinence, которая всякаго, непринадлежащаго къ своему обществу, считаетъ несуществующимъ, или смотритъ на него съ удивленіемъ, ка̀къ это случилось, что и онъ также существуетъ на свѣтѣ.

Манеры Эриха были не менѣе хороши, но при этомъ у него были непринужденность и достоинство. Голосъ его былъ прекрас-

ный сильный баритонъ, тогда какъ голосъ Пранкена былъ теноръ; и въ самомъ способѣ разговора можно было видѣть между молодыми людьми большую разницу. Эрихъ выговаривалъ вполнѣ каждое слово и каждой буквѣ онъ давалъ ея тонъ; напротивъ, Пранкенъ говорилъ съ какой-то усталой лѣнью, какъ будто ему было слишкомъ много гласныхъ и согласныхъ, какъ будто ему нужно было избѣгать всякаго усилія органовъ языка; слова, такъ сказать, падали съ его губъ, и однако онъ говорилъ охотно и очень изысканно. У Пранкена былъ тотъ рѣзкій и сильный тонъ короткаго галопа, который былъ такъ свойственъ королевской лейбъ-гвардіи. Въ каждомъ совершенно обыкновенномъ выраженіи было что-то шумливое и гремящее.

Эрихъ больше обдумывалъ про себя, чѣмъ говорилъ. За своими серьезными занятіями онъ жилъ дома въ совершенной, почти монастырской тишинѣ, и весь этотъ способъ обращенія опять показался ему новъ и страненъ.

— Господинъ баронъ, перервалъ его подходившій кельнеръ, который принесъ бутылку мѣстнаго шипучаго вина, вашъ кучеръ спрашиваетъ, не отпречь ли ему лошадей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ баронъ, и повертывая бутылку во льду, онъ продолжалъ говорить Эриху:—Мнѣ не хочется только нарушать короткаго удовольствія этой встрѣчи съ вами. Вы не повѣрите, до какой степени скучна эта хваленая поэзія сельскаго хозяйства!

Онъ налилъ изъ откупоренной бутылки и сказалъ со смѣхомъ:

— Навозъ, и опять навозъ — вотъ его пароль. Олимпъ его есть куча навозу и возсѣдающее на немъ божество есть Юпитеръ-аммоніакъ! Пранкенъ выпилъ и громко засмѣялся своей остротѣ, и при этомъ съ удовольствіемъ закрутилъ обѣими руками кончики своихъ усовъ.

Эрихъ свернулъ на прелесть рейнской жизни, но Пранкенъ вмѣшался и здѣсь.

— Хоть бы пришелъ кто-нибудь и стеръ румяны у этихъ лживыхъ воспѣвателей Лорелеи и прелестей рейнской жизни. Тамъ поэты всегда говорятъ о свѣжемъ душистомъ утрѣ, а у насъ былъ сегодня такой туманъ, какъ будто у ангеловъ на небѣ ушло молоко, которое они ципятили себѣ къ кофею.

Эрихъ не могъ не засмѣяться, и прихлебнувъ изъ стакана, сказалъ:

— А прекрасное вино!

— Да, отвѣчалъ Пранкенъ, да, вино здѣсь пьютъ, но безъ всякой поэзіи, точно занимаются ремесломъ. Люди сидятъ по нѣсколько часамъ вмѣстѣ, всегда въ одномъ и томъ же обществѣ,

всегда у нихъ въ запасѣ одна и та же полдюжина анекдотовъ, всегда они пересказываютъ одну и ту же застарѣлую остроту, и затѣмъ идутъ домой съ красными лицами и пьяными ногами, и затягиваютъ пѣсню, — и это называютъ рейнской веселостью. Единственное веселое во всей этой дѣланной лжи объ Рейнѣ, остается развѣ такъ называемое Straussvirthschaft.

— Что̀ это такое?

— Видите ли, какой-нибудь почтенный кумъ портной или перчаточникъ, заводитъ нѣсколько боченковъ собственнаго вина, котораго онъ не можетъ выпить одинъ. Тогда онъ втыкаетъ на своемъ домѣ пучекъ зеленыхъ вѣтвей, и коренное нѣмецкое патріархальное обиталище съ извѣстной зеленой изразцовой печкой и сѣрымъ котомъ подъ лавкой, становится кабачкомъ. Выпивши въ одной улицѣ, граждане идутъ въ другую, третью, четвертую и такимъ образомъ пьютъ, оказывая другъ другу взаимную помощь, и это здѣсь единственная прелесть.

— Такъ давайте и мы наслаждаться виномъ, возразилъ Эрихъ, посмотрите, какъ солнце еще разъ освѣщаетъ благородный напитокъ, которому оно такъ сладко улыбается, и который оно съ такимъ трудомъ выростило. Выпьемъ, солнце прошедшее и настоящее!

Онъ выпилъ стаканъ съ поспѣшностью, которая вообще не была свойственна его спокойному характеру.

— Я всегда думалъ, отвѣчалъ Пранкенъ, что въ васъ сидитъ поэтъ. Ахъ, я завидую вамъ, я желалъ бы имѣть талантъ и написать сатиру съ такимъ перцомъ, чтобы весь міръ обжигалъ на немъ языкъ.

Эрихъ усмѣхнулся и отвѣчалъ, что онъ также думалъ одно время, что у него есть поэтическое призваніе, но что потомъ онъ вполнѣ понялъ свое заблужденіе и теперь рѣшился посвятить себя дѣятельной практической жизни.

— Да, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана газетный листокъ, можетъ быть, вы въ состояніи оказать мнѣ услугу, рѣшительную для моей жизни.

— Съ радостью, если это не будетъ противъ....

— Успокойтесь, здѣсь нѣтъ рѣчи ни о какихъ принципахъ, ни о какой политикѣ. Можетъ быть, вы сдѣлались бы для меня сватомъ.

— Такъ вы влюблены? Такъ прекрасному Эриху Дорнэ, Адонису гарнизона, нуженъ сватъ?

— Нѣтъ, не то. Дѣло идетъ только о мѣстѣ домашняго учителя. Взгляните вотъ эту газету; здѣсь написано: «Я ищу для своего пятнадцати-лѣтняго сына, человѣка съ научнымъ образо-

ваніемъ и свѣтскими манерами, который бы готовъ былъ взять на себя преподаваніе и руководство для высокаго положенія въ свѣтѣ. Гонорарій — по соглашенію. По окончаніи воспитанія— пожизненная рента. Адресъ и свидѣтельства отдать на станціи желѣзной дороги *** на Рейнѣ».

— Я знаю это объявленіе, даже самъ помогалъ составлять его. Признаюсь, однако, что при выборѣ выраженія «свѣтскія манеры» мы разумѣли нѣчто иное.

— Быть можетъ, вы хотѣли этимъ сказать, что этотъ человѣкъ долженъ быть дворяниномъ?

— Именно. Я не имѣю надобности защищаться противъ того, что̀ извѣстныя неудавшіяся существованія называютъ въ газетахъ феодализмомъ. Дѣло здѣсь въ томъ, чтобы воспитатель сохранилъ неприкосновенное почетное положеніе въ бюргерскомъ домѣ, и въ особенности съ упрямымъ воспитанникомъ.

— Конечно, это очень разсудительно и выгодно. Но можетъ быть, однако, я вмѣсто названія барона имѣю такъ-называемый непреклонный характеръ; нѣсколько дней теперь я уже называюсь докторомъ.

Пранкенъ кивнулъ снисходительно и какъ будто поздравляя его, но скоро прибавилъ:

— А это вы забываете, что вы оставили службу съ капитанскимъ чиномъ? Признаюсь, что въ объявленіи я хотѣлъ сдѣлать особенное удареніе на военныхъ качествахъ. Но нѣтъ, вы не годитесь въ вожаки медвѣдей. Юноша необузданъ и коваренъ, какъ американскій краснокожій, и онъ знаетъ какъ взяться, чтобы скальпировать всякій характеръ; онъ уже испробовалъ это на полдюжинѣ педагоговъ.

— Быть можетъ, отъ этого опытъ будетъ еще привлекательнѣе.

— И знаете-ли вы, что масса Зонненкампъ есть владѣтель многихъ милліоновъ, и что наслѣдникъ этого золота также знаетъ объ этомъ.

— Это не мѣшаетъ и, можетъ быть, еще больше привлекаетъ къ опыту.

— Хорошо. Я сведу васъ съ этимъ таинственнымъ человѣкомъ, я имѣю счастіе пользоваться его особеннымъ расположеніемъ. Впрочемъ, нѣтъ... лучше, если вы отправитесь со мной въ имѣніе моего зятя; вы вѣроятно помните также мою сестру Беллу?

— Очень, и я принимаю ваше гостепріимство, только я просилъ бы господина Зонненкампа... мнѣ кажется, что я гдѣ-то слышалъ уже это имя; но все равно... Я просилъ бы васъ,

чтобы вы извѣстили его о моемъ пріѣздѣ, и затѣмъ предоставили мнѣ отправиться туда одному.

Пранкенъ бросилъ на Эриха вопросительный взглядъ. Эрихъ продолжалъ:

— Я вполнѣ умѣю цѣнить ваше дружеское содѣйствіе, но вы знаете, что чужой человѣкъ, который вводится какъ третій, можетъ высказаться не такъ легко и свободно, какъ это можетъ быть въ разговорѣ вдвоемъ.

Пранкенъ улыбнулся ловкости Эриха; онъ почувствовалъ нѣкоторую гордость, что можетъ рекомендовать человѣка съ такимъ отличнымъ образованіемъ. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку, и нѣсколько времени держалъ въ губахъ серебряный карандашъ. Онъ еще разъ обдумывалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ, рекомендуя Эриха, не лучше ли было бы тотчасъ же устранить его, и замѣнить его человѣкомъ, который бы вполнѣ считалъ себя его креатурой? Но тогда Эрихъ самъ сдѣлаетъ попытку, и быть можетъ, даже чрезвычайно вѣроятно, получитъ мѣсто. Тогда все-таки лучше связать его благодарностью. И среди этихъ размышленій у него явилось нѣкоторое добросердечіе. Пранкену показалось пріятнымъ разыграть роль человѣка, дѣлающаго счастье другихъ, и онъ самъ на минуту былъ счастливъ этой мыслью.

Онъ тотчасъ написалъ на карточкѣ господину Зонненкампу, чтобы онъ не входилъ пока ни въ какія обязательства, потому что на другой день явится къ нему одинъ ученый, бывшій артиллерійскій офицеръ. Покамѣстъ онъ благоразумно избѣгалъ всякихъ дальнѣйшихъ дружескихъ рекомендацій, потому что не хотѣлъ дѣлать ничего рѣшительнаго, не посовѣтовавшись съ своей сестрой.

Карточка была тотчасъ отослана и Пранкенъ, надѣвая опять резинку на свою записную книжку, нѣсколько разъ еще снималъ и надѣвалъ ее, пока спряталъ книжку въ карманъ.

ГЛАВА IV.

НЕПОХОЖІЕ ТОВАРИЩИ.

Молодые люди отправились въ открытомъ экипажѣ по дорогѣ, которая скоро повернула въ горы. Воздухъ былъ полонъ влажной свѣжести и высоко надъ виноградниками въ лѣсу пѣли соловьи; это была точно безконечная цѣпь пѣнія.

Молодые люди сидѣли молча; каждый зналъ, что другой во-

шелъ въ кругъ своей жизни, и впередъ невозможно было придумать, что̀ изъ этого выйдетъ.

Когда Эрихъ снова снялъ теперь шляпу, и Пранкенъ всмотрѣлся въ прекрасное лицо и отпечатлѣнный на немъ энергическій повелительный характеръ, ему показалось, какъ будто онъ еще вовсе не видалъ его; ему стало страшно, когда онъ опять вспомнилъ, что онъ поставилъ себя съ нимъ въ отношенія, послѣдствій которыхъ невозможно было предвидѣть. Гнѣвъ и насмѣшка, благосклонность и добродушная улыбка мѣнялись въ выраженіи его лица; онъ даже бормоталъ про себя непонятныя слова и иногда прорывался короткій необъяснимый смѣхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это удивительно, чрезвычайно удивительно, говорилъ онъ къ самому себѣ; едва ли кто-нибудь подумалъ бы обо мнѣ, что я могу быть такъ благороденъ и самоотверженъ, могу быть такимъ совершенствомъ дружбы. Мнѣ всегда это говорили и я самъ вообразилъ, что способенъ только на всякіе пустяки, а я все-таки лучше своего собственнаго мнѣнія о себѣ! Какой стыдъ, что я не видѣлъ своей собственной невинности и добродѣтели. Вотъ мы сидимъ здѣсь, я и онъ — этотъ другъ, сердечный братъ, благородный жрецъ судьбы для другого человѣка, который есть часть человѣчества, даже ни что иное какъ само чистое человѣчество. Всѣ его помышленія въ высшей степени благородны и человѣчны, но этой благородной человѣчности нравится однако и хорошій гонорарій!»

Пранкенъ легъ головой на подушку экипажа и усмѣхаясь смотрѣлъ на небо. Онъ ужъ позаботится о томъ, чтобы благородная человѣчность, сидящая съ нимъ рядомъ въ экипажѣ, не стала ему поперегъ дороги, а чего не сдѣлаетъ онъ самъ, то съумѣетъ сдѣлать сестра Белла.

Во всей манерѣ Пранкена было что-то грубое. Съ дѣтства онъ одѣтъ былъ въ военную униформу и она дала ему не только чувство замкнутости, но и опредѣленный, всегда ясно видный, исключительный характеръ, который выдѣлялъ его изъ обыкновенной толпы.

Среди товарищей въ общемъ строю онъ держался бодро и смѣло; онъ не отличался ничѣмъ особеннымъ, но онъ былъ хорошій офицеръ, умѣвшій хорошо управлять и муштровать своихъ лошадей и своихъ людей. Теперь, когда онъ снялъ мундиръ, ему казалось, что въ гражданскомъ платьѣ онъ, какъ будто, долженъ развалиться; поэтому онъ держалъ себя съ грубой гордостью и старался въ каждомъ движеніи дать понять, что онъ не принадлежитъ къ обыкновеннымъ сынамъ человѣческимъ. Въ полку онъ всегда отдавалъ твердыя приказанія, а теперь онъ

вступилъ въ мудреную команду обязанности и управленія самимъ собой. Предоставленный самому себѣ, онъ болѣзненно почувствовалъ, что безъ товарищества онъ — ничто. Жизнь показалась ему пустой и ничтожной, и онъ выработалъ себѣ извѣстное иронически-ожесточенное настроеніе; это давало ему въ его собственныхъ глазахъ нѣкоторое превосходство надъ этимъ сухимъ существованіемъ безъ парадовъ, безъ игры, безъ балета.

Теперь онъ съ нѣкоторой завистью смотрѣлъ на сидѣвшаго рядомъ Эриха, который былъ лишенъ всякаго внѣшняго положенія, былъ даже бѣденъ, и смотрѣлъ однако такъ твердо и спокойно и наслаждался ландшафтомъ, какъ будто это былъ праздникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Эрихъ былъ поставленъ лучше.

Вступивши поздно въ солдатскую службу, онъ остался и въ строю особымъ человѣкомъ, никогда вполнѣ не уходилъ въ товарищескую жизнь, и теперь, когда носилъ гражданское платье, все его существо раскрылось вновь и свободно.

— Я завидую вамъ, сказалъ Пранкенъ, когда они долго ѣхали молча.

— Вы, мнѣ?

— Да. Сначала мнѣ было досадно и жалко, что человѣкъ вашего характера долженъ поступить въ частную службу, и еще въ какую! Но, быть можетъ, это—счастье, если человѣку приходится предпринимать что-нибудь ради прибыли.

— Это именно и будетъ тяжелая задача — быть при молодомъ милліонерѣ, отвѣчалъ Эрихъ. Человѣческой силой двигаютъ двѣ вещи, идея и матеріальная выгода.

— Извините, я не совсѣмъ васъ понимаю.

— Позвольте, я объясню вамъ.

— Я слушаю.

— Кто приводитъ свою силу въ движеніе изъ-за идеи, тотъ вступаетъ въ область геніевъ, какъ бы ни былъ малъ и невиденъ кругъ его дѣятельности. Кто трудится ради прибыли, для обыкновенной нужды, или для потребностей роскоши, тотъ есть обыкновенный работникъ. Обыкновенная нужда дѣйствуетъ принудительно; крутая гора не заросла бы виноградомъ, лѣсъ не былъ бы расчищенъ, не плылъ бы корабль, не работалъ бы плугъ, если бы не вызывала обыкновенная нужда. Тамъ, гдѣ и то и другое соединяется—и эти вещи не исключаютъ другъ друга ни въ какой сферѣ — тамъ является прекрасно-человѣчное. Дворянинъ, который работаетъ въ свѣтѣ, имѣетъ счастье наслѣдовать идею, идею чести.

Пранкенъ кивнулъ въ знакъ согласія и однако на его лицѣ

опять была насмѣшливая черта: этотъ человѣкъ осмѣливается объяснять и доказывать дворянство и его права! Дворянство и религія вовсе не нуждаются въ доказательствахъ, и то и другое— историческій фактъ, и то и другое неприкосновенно.

Они опять оба замолчали и каждый спрашивалъ себя: что̀ выйдетъ изъ этой неожиданной общности, которая является въ ихъ жизни? Прежде, въ своей военной жизни они сходились только наружно и случайно, теперь могло произойти что̀-нибудь другое.

Въ долинѣ лежали уже тѣни, между тѣмъ какъ на горахъ еще ярко блистало солнце. Они ѣхали черезъ маленькій городокъ, на улицахъ былъ веселый шумъ, гуляли подъ-руку дѣвушки, молодые люди въ одиночку или группами, слышались веселыя привѣтствія, насмѣшки и шутки; старики сидѣли передъ домами, фонтанъ на площади шумѣлъ изъ своихъ четырехъ трубъ, а дальше по большой дорогѣ вдоль берега раздавалось веселое пѣніе.

— Ахъ, какъ отрадна наша нѣмецкая жизнь! воскликнулъ Эрихъ. Люди, живущіе трудомъ, отдыхаютъ вечеромъ, когда является тѣнь и прохлада въ этой безлѣсной странѣ винограда.

Они ѣхали опять молча дальше и Пранкенъ вдругъ вздрогнулъ, потому что ему... онъ не зналъ откуда... какъ во снѣ, какъ видѣніе въ дали, явилось представленіе, что онъ съ пистолетомъ въ рукахъ стоитъ на дуэли противъ человѣка, который сидѣлъ теперь подлѣ него. Откуда явилось ему это прозрѣніе— онъ этого не понималъ. И однако же... не предчувствіе ли это?

Онъ насильно заставилъ себя говорить. Основной чертой его характера, которую развили въ немъ воспитаніе и природа, была общественная добродѣтель, которую можно назвать свѣтской услужливостью. Чтобы прогнать отъ себя это странное представленіе, и въ норывѣ этой общественной добродѣтели, онъ сталъ разсказывать, гдѣ онъ былъ. По совѣту своего зятя, графа Клодвига фонъ-Вольфсгартена, онъ сдѣлалъ визитъ одному сельскому хозяину, чрезвычайно уважаемому въ окрестности, чтобы, въ случаѣ, если бы они другъ другу понравились, быть можетъ поступить къ нему въ ученье.

Землевладѣлецъ Вейдманъ, котораго страннымъ образомъ звали часто мартовскимъ министромъ,—потому что въ 1848 г. онъ три дня былъ министромъ въ качествѣ оплота противъ напора революціи,—Вейдманъ во всей окрестности считался авторитетомъ и въ хозяйствѣ и въ политикѣ.

Пранкенъ сталъ разсказызать и чѣмъ дальше разсказывалъ, тѣмъ больше наслаждался своей остроумной манерой, и продолжалъ развивать ее. Онъ началъ:

— Мнѣ любопытно бы знать, какъ вамъ покажется этотъ человѣкъ; онъ тоже—при этомъ словѣ Пранкенъ пріостановился, потомъ быстро продолжалъ—онъ тоже, какъ великіе реформаторы міра, имѣетъ большой запасъ прекрасныхъ наставленій, такъ что этого провіанта хватило бы на цѣлый капуцинскій монастырь.

Эрихъ засмѣялся, Пранкенъ также засмѣялся и продолжалъ:

— Ахъ, міръ состоитъ изъ однихъ предразсудковъ; хваленая поэзія сельскаго хозяйства не что иное, какъ жадность къ деньгамъ, которая кладетъ на себя румяна утренней и вечерней зари. Этотъ господинъ Вейдманъ, съ своими сыновьями, не думаетъ ни о чемъ кромѣ денегъ. У него шесть сыновей; пятерыхъ я знаю, всѣ они безсовѣстно здоровы, съ несносно-бѣлыми безукоризненными зубами, и всѣ отпускаютъ бороду. Эти горы, которымъ такъ удивляются путешественники, на своей поверхности должны доставлять имъ вино, а изъ своей внутренности поставлять шиферъ и марганецъ, мѣдь и химическіе матеріалы. У нихъ пять разныхъ фабрикъ; одинъ изъ сыновей рудокопъ, другой механикъ, третій химикъ, и такимъ образомъ они работаютъ вмѣстѣ и помогаютъ другъ другу. Мнѣ сказывали, что они извлекаютъ изъ буковаго дерева сорокъ различныхъ веществъ, и затѣмъ, выжавши изъ него все, что̀ можно, они еще отсылаютъ уголь въ парижскіе рестораны. Не правда ли, прелестная поэзія природы? Вотъ каковъ господинъ Вейдманъ! Вы, кажется, наслаждаетесь пѣніемъ соловья? Господинъ Вейдманъ выхлопоталъ для соловьевъ у правительства нѣчто въ родѣ эдикта терпимости, потому что соловьи ѣдятъ насѣкомыхъ и чрезвычайно полезны для земледѣлія и лѣсной культуры. Господинъ Вейдманъ живетъ въ реставрированномъ замкѣ, но если бы теперь пѣвецъ пришелъ въ этотъ замокъ, онъ не нашелъ бы слушателей, если бы не сталъ пѣть о той благородной любви, по которой азотъ и водородъ соединяются въ аммоніакъ.

Эрихъ былъ не въ такомъ расположеніи и не нашелъ нужнымъ что̀-нибудь отвѣчать на это. Онъ вспомнилъ, что въ домѣ его родителей имя Вейдмана упоминалось не одинъ разъ, и съ особеннымъ уваженіемъ. Теперь у мѣста было сказать объ этомъ.

— Какъ вы думаете, спросилъ Пранкенъ, стоитъ ли стремиться къ такой судьбѣ: умножить пищу человѣчества на нѣсколько мѣшковъ картофеля?

Но прежде, чѣмъ Эрихъ могъ отвѣтить, Пранкенъ прибавилъ:

— Ахъ, собственно говоря нѣтъ ничего, чѣмъ бы стоило быть. Единственное — это развѣ солдатомъ.

Они поднимались теперь по крутой дорогѣ въ гору и передъ ними открывалась въ далекомъ пространствѣ рѣка съ ея

островами. Пранкенъ, указывая къ рѣкѣ на одно свѣтлое бѣлое зданіе у берега, сказалъ:

— Посмотрите, вотъ вилла Зонненкампъ, которую называютъ также виллой Эдемъ. Большой стеклянный куполъ, на которомъ еще блестятъ солнечные лучи — это оранжерея для пальмъ. Господинъ Зонненкампъ — страстный садовникъ, его оранжереи и огороды лучше, чѣмъ у владѣтельныхъ князей.

Эрихъ всталъ въ экипажѣ и оглянулся на ландшафтъ и на домъ, въ которомъ ему, быть можетъ, суждена была новая жизнь. Когда онъ снова сѣлъ, Пранкенъ предложилъ ему сигару.

Эрихъ поблагодарилъ, — потому что онъ пересталъ курить. Пранкенъ сказалъ съ улыбкой:

— Кто не куритъ, тотъ невозможенъ для господина Зонненкампа. — Онъ сдѣлалъ рѣзкое удареніе на словѣ «господинъ». На ряду съ его растеніями — главная его гордость состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ разнообразнѣйшую коллекцію настоящихъ сигаръ, и онъ былъ особенно благодаренъ мнѣ, когда я однажды сказалъ, что у него цѣлый сераль сигаръ. Кто откажется у него отъ сигары, — да я не знаю, какъ онъ будетъ съ нимъ жить.

— Я могу курить, но я не долженъ, отвѣчалъ Эрихъ и взялъ сигару.

— Мнѣ кажется, что вы не только докторъ философіи, но и настоящій философъ.

Они опять продолжали ѣхать молча.

Эрихъ смотрѣлъ впередъ и самыя разнообразныя мысли проходили у него въ душѣ.

О чудный міръ! Неуловимыя силы вѣютъ въ воздухѣ: тамъ странствуетъ человѣческая душа и не предчувствуетъ, что къ ней стремится другая и что они обѣ соединятся въ одну судьбу. И величіе человѣческаго духа въ томъ, что есть приготовленіе, которое дѣлаетъ одного способнымъ принять къ себѣ другого, котораго имени онъ не зналъ, лица котораго не видѣлъ и существованія котораго не подозрѣвалъ, — принять, какъ будто они всю жизнь провели вмѣстѣ.

Кто жилъ не для одного себя, кто думалъ о цѣломъ, кто мечталъ о немъ, изслѣдовалъ и работалъ для него, тотъ всегда готовъ вступить въ великое всеобщее, и говоритъ слово творенія: Будь духъ отъ моего духа, и говоритъ слово искупленія отъ первороднаго грѣха по изреченію: Ты — хранитель своего брата.

ГЛАВА V.

СТАРЫЙ БАРИНЪ И КРАСАВИЦА-БАРЫНЯ.

«Въ Вольфсгартенъ», такъ гласила надпись на подорожномъ столбѣ, на краю красиваго высокаго лѣса, куда они теперь въѣхали. Теперь мы на землѣ барина. Проѣзжій, спросившій дорогу и желавшій знать, кто живетъ въ видномъ издалека, простомъ господскомъ домѣ, съ колѣнчатою крышею, получилъ бы въ отвѣтъ, что тамъ живетъ пара счастливыхъ людей, которымъ нечего желать, кромѣ дѣтей.

Есть люди, которые доставляютъ пищу душѣ. Какъ присядутъ двое, да начнутъ о нихъ говорить, — каждый чувствуетъ самъ себя хорошо, разбирая и разсказывая, что въ нихъ есть чистаго и хорошаго, и бываетъ благодаренъ собесѣднику за каждое новое слово о нихъ. Странно только, что вообще повѣсть о хорошемъ и толки о немъ не бываютъ продолжительны.

Есть опять такіе люди, которые доставляютъ бесѣдующимъ о нихъ матеріалъ трудный для анализа; говоря о нихъ, обращаешься больше на непривлекательныя стороны, но при этомъ хорошее какъ-то насильственно вмѣшивается въ разговоръ и выставляется само собою. Въ заключеніе, чувствуешь себя обязаннымъ прибавить: Я все-таки не лицемѣрю, когда встрѣчаю эту личность привѣтливо; въ ней есть не только много завлекательнаго, но и много хорошаго.

Клодвигъ былъ характеръ перваго рода, а къ типамъ второго рода принадлежала жена его, Белла, урожденная баронесса фонъ-Пранкенъ.

Клодвигъ былъ дворянинъ въ лучшемъ значеніи слова. По характеру, онъ не былъ изъ тѣхъ добродушныхъ людей, которые каждаго привлекаютъ дружески-веселымъ обращеніемъ; въ его манерѣ была важная сдержанность и спокойствіе. Однако всѣ его любили. И независимый помѣщикъ, и фабрикантъ, и поденьщикъ, и пасторъ, и мастеровой, и чиновникъ, и купецъ изъ города: всѣ чувствовали къ нему особое почтеніе и привязанность. На него смотрѣли какъ на украшеніе мѣстной картины, какъ на могучее дерево, что стоитъ на вершинѣ горы; подъ его тѣнью, вы любуетесь видомъ открытымъ вдаль, и желаете безопасности отъ бурь вашему покровителю.

Во всякой нуждѣ можно было ждать совѣта и помощи отъ Клодвига фонъ-Вольфсгартена. Онъ долго жилъ въ чужихъ кра-

яхъ, и всего пять лѣтъ тому, женившись во второй разъ, поселился въ замкѣ.

Зато жена его, Белла Вольфсгартенъ, возбуждала больше удивленіе, чѣмъ любовь. Она была хороша собою,—даже слишкомъ хороша для стараго мужа, говорили иные. Она была разговорчивѣе мужа. Бывало, выѣдетъ кататься въ маленькой, приземистой коляскѣ, на парѣ пѣгенькихъ пони, по усадьбѣ и деревнямъ, — всѣ кланяются и дивятся, потому что править она сама, между тѣмъ какъ мужъ сидитъ съ ней рядомъ, а сзади лакей. Старики, которые въ новыхъ модахъ всегда усматриваютъ что-нибудь особенное, говаривали, что если въ рукахъ Беллы вожжи, такъ въ ея рукахъ и власть дома. Дѣло было, однако, совсѣмъ не такъ. Въ отношеніи къ мужу она была полна скромности и преданности; порой ему даже докучно было, когда она начнетъ расхваливать его при немъ же, и краснорѣчиво описываетъ его доброту, его невозмутимое спокойствіе и широкое пониманіе вещей.

Теперь Эрихъ смутно припоминалъ тотъ большой эффектъ, какой произвела женитьба Клодвига въ столицѣ. Случилось это въ то самое время, когда Эрихъ оставилъ военную службу. Беллу онъ видалъ не разъ, но съ графомъ Вольфсгартеномъ еще не встрѣчался. Графъ долгое время былъ посланникомъ своей маленькой страны при папскомъ дворѣ, въ Римѣ, гдѣ съ нимъ и познакомился отецъ Эриха.

Въ ученомъ свѣтѣ, Вольфсгартенъ былъ извѣстенъ небольшимъ археологическимъ сочиненіемъ, къ которому были приложены дорогіе рисунки. Графъ, кромѣ музыки, занимался наукою древностей, и занимался ею съ той отчетливостью и серьёзностью, которыя отличали весь его характеръ. О немъ была молва, что онъ не оставилъ безъ изученія ни одной науки, ни одного изящнаго искусства.

Овдовѣвъ въ Римѣ, не имѣя дѣтей, онъ возвратился въ отечество, гдѣ занялъ положеніе уважаемаго, склоннаго къ такъ-называемому умѣренному прогрессу, члена палаты господъ. Тогда-то онъ, во время сессій, сблизился со старымъ фонъ-Пранкеномъ, который былъ членъ той же палаты. Скоро между нимъ и Беллою установились пріятельскія отношенія. Белла была одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя поражаютъ. Блестящее искусство піанистки было однимъ изъ ея талантовъ.

При дворѣ Белла была первою красавицей, но, если выразиться невѣжливо, уже нѣсколько перезрѣла для этого положенія: въ свѣтѣ появились уже новые всходы, которымъ она не была ровесницей.

Белла не мало видѣла; въ обществѣ двухъ англичанокъ, она объѣздила Италію, Грецію и Египетъ, имѣя при себѣ наемнаго курьера, на которомъ лежали хлопоты по путешествію. Возвратясь ко двору, при которомъ отецъ ея былъ оберштальмейстеромъ, она стала выѣзжать въ свѣтъ, но свое участіе въ его забавахъ считала неизбѣжнымъ самопожертвованіемъ, на которое осуждаютъ себя высшія натуры, вмѣшиваясь во вседневныя дѣла. Съ Вольфсгартеномъ она любила говорить, и онъ, въ разговорахъ съ ней, исходилъ изъ предположенія, что мелочи свѣтской жизни едва ли могутъ привлекать ея вниманіе; она же прямо объявляла, что уже вышла изъ поры, когда такая жизнь можетъ нравиться, и что ее въ состояніи занимать только болѣе высокіе интересы. Къ археологическимъ причудамъ Клодвига она выказала большое вниманіе и живое участіе. Само собою разумѣется, что въ каждомъ домѣ они встрѣчались, а если гдѣ одинъ былъ безъ другого, то бывшаго на лицо спрашивали, здоровъ ли или чѣмъ задержанъ другой.

На этажеркахъ у Беллы не было фарфоровыхъ фигурокъ и другихъ игрушекъ въ этомъ родѣ: мѣсто ихъ занимали избранныя копіи съ антиковъ. Она даже носила на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ янтарей, найденное въ гробницѣ знатной римлянки. Изъ своей поѣздки за-границу она привезла большой фотографическій альбомъ, и бывала рада, когда Клодвигъ пересматривалъ съ нею знакомые виды и давалъ ей объясненія. За это она награждала его игрою на роялѣ, хотя въ обществѣ уже не играла.

Придворный свѣтъ занялся всѣмъ этимъ какъ новостью; Клодвигу и Беллѣ тотчасъ передавали, что одинъ изъ нихъ сказалъ про другого, и сами наиболѣе высоко-поставленныя особы удостоили своимъ ободреніемъ Беллу и Клодвига, когда они, увидѣвъ, что отношенія между ними должны были опредѣлиться, нѣкоторое время колебались. Дѣло, однако, удалось, и обрученіе было отпраздновано въ самомъ тѣсномъ придворномъ кружкѣ.

Когда дѣло устроилось, злымъ языкамъ стало по-свободнѣе—вѣдь можно же было и вознаградить себя за добрыя старанія — и вотъ разсказывали о двухъ замѣчательностяхъ помолвки.

Говорили, что Белла обязала своего жениха никогда не упоминать о первой женѣ, а старикъ Пранкенъ будто бы спрашивалъ лейбъ-медика, долго ли графъ Вольфсгартенъ можетъ прожить. Когда врачъ увѣрилъ его, что пожилые люди въ родѣ графа, живущіе такъ умѣренно, спокойно и безстрастно, мо-

гутъ дожить до возраста, который и опредѣлить трудно, то Пранкенъ, говорили, странно будто бы улыбнулся.

Впрочемъ, сама Белла вела себя такъ, что нельзя было повѣрить подозрѣнію, будто бы она надѣялась скоро остаться богатой, молодой вдовой. Съ Клодвигомъ, незадолго до свадьбы, случилось разъ головокруженіе, и вотъ съ тѣхъ поръ Белла устроивала такъ, что за нимъ повсюду, куда бы онъ ни пошелъ, слѣдилъ слуга, по большей части незамѣтно для самого графа. Она ухаживала за старымъ мужемъ съ величайшей и искренней заботливостью, и въ самомъ дѣлѣ, графъ какъ-будто ожилъ новой жизнью, а когда они удалились въ наслѣдственное помѣстье графа, то онъ сталъ чувствовать себя еще счастливѣе.

Вольфсгартены каждое лѣто ѣздили на воды, и тамъ, разумѣется, пользовались большимъ почетомъ, а Белла вызывала удивленіе къ себѣ не только своей красотою, но и своей безупречной вѣрностью и попечительностью, доведенною до боязливости, о своемъ благородномъ супругѣ.

ГЛАВА VI.

ХОЛОДНАЯ ЗАКУСКА.

Здѣсь, на горѣ, было еще совсѣмъ свѣтло, когда гости подъѣзжали къ дому графа Вольфсгартена. Поднимаясь паркомъ на послѣднемъ въѣздѣ въ гору, они увидѣли на дорогѣ, промежъ деревьевъ, хорошенькую дѣвушку, въ голубомъ лѣтнемъ платьѣ. Замѣтивъ карету, дѣвушка быстро пошла назадъ. Двѣ свѣтло-голубыя ленты, прикрѣпленныя по модѣ сзади, развѣвались по вѣтру. Ея походка была вмѣстѣ тверда и изящна.

— Ага! замѣтилъ Пранкенъ, на холодной закускѣ у сестры мы встрѣтимъ гостей. Этотъ милый ребенокъ, что такъ скоро скрылся — дочь мирового судьи: свѣже-выпеченная булочка, съ монастырской сковородки изъ Sacré-Cœur въ Ахенѣ. Вы увидите настоящее дитя Рейна; сестра удачно прозвала ее Мусселѝною; въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть, знаете, что-то такое вѣчно-лѣтнее. Теперь въ домѣ узнаютъ отъ нея, что мы тутъ.

Пранкенъ вынулъ карманную щетку и сталъ приглаживать волосы.

— Это — почтенное семейство, продолжалъ онъ, и дѣвушка слишкомъ дорога̀ для простой интрижки; на воздухѣ можно курить сорты и подешевле.

И вдругъ, вспомнивъ, что онъ говоритъ съ Эрихомъ, Пран-

кенъ поспѣшилъ прибавить: Такъ сказалъ бы нашъ камрадъ, донъ-Джованни Нипперъ, вѣчно бьющійся объ закладъ. А знаете, онъ нынче разбитъ по всѣмъ суставамъ, и его катаютъ въ Висбаденѣ на тележкѣ.

Тутъ Пранкенъ какъ будто снова воодушевился; онъ выскочилъ изъ кареты и, протягивая Эриху руку, сказалъ: «добро пожаловать въ Вольфсгартенъ!»

На дворѣ стояло нѣсколько экипажей, а въ саду собралось дамское общество; дамы сидѣли на изящныхъ стульяхъ вокругъ большой куртины незабудокъ, посреди которыхъ возвышались красные рододендроны.

— Мы не помѣшаемъ; пожалуйста, не безпокойтесь, шутливо крикнулъ Пранкенъ еще издалека.

Белла поздоровалась съ братомъ и потомъ съ Эрихомъ, котораго она тотчасъ узнала. Онъ былъ представленъ: жена мирового судьи и фрейлейнъ Лина — имъ было очень пріятно возобновить вчерашнюю встрѣчу, — за ними были представлены жена окружнаго врача съ сестрою, жена лѣсничаго съ маменькою, аптекарша, бургомистерша, жена директора училища, двѣ негоціантки и двѣ жены фабрикантовъ, — все почетнѣйшее городское общество было, повидимому, на лицо.

Ихъ кавалеры, какъ оказалось, пошли наслаждаться какимъ-то видомъ и должны были скоро возвратиться.

Бесѣда передъ тѣмъ, повидимому, не была особенно оживлена. Фигура Эриха возбудила интересъ. Директорша, высокая, роскошная женщина — Белла называла ее «шитая» — такъ она умѣла отлично одѣваться и такъ все сидѣло на ней хорошо — подняла лорнетку и посмотрѣла на ландшафтъ, но такъ, что успѣла взглянуть и въ сторону. Затѣмъ она опустила лорнетку съ такимъ выраженіемъ, изъ котораго можно было заключить, что она была довольна.

Эриха, конечно, спросили, давно ли онъ не видалъ Рейна, и ему пришлось разсказывать, какъ все теперь являлось ему въ новомъ свѣтѣ и даже дѣйствовало на него упоительно. Къ слову онъ похвалилъ, что молодыя женщины носятъ на головѣ вѣнки изъ свѣжихъ цвѣтовъ и листьевъ, между тѣмъ, какъ мужчины на прогулкѣ, если и получаютъ вѣнокъ изъ листьевъ, сплетенныхъ прекрасными руками, то могутъ надѣть его только на черный цилиндръ, украшающій ихъ голову, что̀ выходитъ очень комично.

Какъ ни незначительно было это замѣчаніе, оно понравилось; общая улыбка свидѣтельствовала, что новый человѣкъ долженъ былъ оживить общество.

Белла умѣла дѣлать гостей разговорчивыми.

— Не правда-ли, капитанъ, замѣтила она, греки и римляне украшали себѣ голову лаврами, а новѣйшіе люди, какъ многіе ни воображаютъ о себѣ, украшаютъ только грудь, да и то орденами.

Она разсказала объ одномъ древнемъ побѣдномъ вѣнкѣ, видѣнномъ ею въ Римѣ, и спросила Эриха, существовали ли въ древнемъ Римѣ фехтовальные классы. Этого Эрихъ не зналъ и началъ разсказывать о разнаго рода побѣдныхъ вѣнкахъ, при чемъ упомянулъ о вѣнкѣ «за снятіе», который былъ наградою одного полководца, освободившаго городъ отъ осады; вѣнокъ состоялъ просто изъ травы. Разсказъ этотъ возбудилъ смѣхъ.

Дѣвицы, между тѣмъ, стояли поодаль и стали звать мальчика, который игралъ внизу у ключа; потомъ всѣ онѣ побѣжали съ холма внизъ и видно было только, какъ развѣвались ихъ платья. У ключа онѣ остановились: тогда мальчикъ оказался только предлогомъ, такъ какъ никто имъ и не занялся. Тамъ онѣ стали толковать между собою объ интересномъ гостѣ.

— Онъ еще красивѣе, чѣмъ архитекторъ, сказала дочь аптекаря.

— Онъ красивѣе и фонъ-Пранкена, присудила дочь училищнаго директора.

Лина, дочка мирового судьи, могла разсказать, что она уже встрѣтилась съ нимъ прежде, въ монастырѣ на островѣ; папенька, сказала она, былъ правъ, предполагая, что этотъ господинъ—французскаго происхожденія, такъ какъ его отецъ былъ эмигрантъ, изъ гугенотовъ, да и самое имя его французское. Дочь аптекаря, у которой былъ братъ поручикъ,—чѣмъ, замѣтимъ мимоходомъ, она не мало важничала — обѣщалась справиться о капитанѣ у своего брата.

Наивная Лина предложила сплесть вѣнокъ и неожиданно положить его пріѣзжему на голову. Вѣнокъ былъ готовъ скоро, но ни одна изъ дѣвушекъ, даже и сама Лина, не рѣшалась исполнить это оригинальное предложеніе.

Эрихъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ кругу дамъ и въ голосѣ его было слышно глубокое чувство, когда онъ хвалилъ судьбу людей, живущихъ посреди такой чудной природы; онъ высказалъ убѣжденіе, что такая обстановка возвышаетъ духъ, хотя и безсознательно для человѣка, который замѣчаетъ разницу только тогда, когда ему приходится жить въ иномъ мѣстѣ.

Никто не рѣшался прибавить что-нибудь, пока сама Белла не вмѣшалась:

— Похвала природѣ, среди которой мы живемъ, столько же

лестна для насъ, какъ если бы хвалили насъ самихъ, нашу одежду или домъ, или что-нибудь принадлежащее намъ.

Потомъ она сдѣлала Эриху нѣсколько вопросовъ о его матери; онъ отвѣтилъ, и мимоходомъ, однако не безъ особаго ударенія, упомянулъ, что единственный братъ его матери, баронъ Бургольцъ, умеръ на островѣ Мадерѣ внезапно. При этомъ присутствующіе узнали, что Эрихъ былъ хотя наполовину благородной крови.

Белла говорила легко, говорить казалось для нея дѣломъ второстепеннымъ, а главнымъ — смотрѣть на людей и себя показывать. Когда она говорила, то черты лица ея оставались совсѣмъ спокойны, она даже едва шевелила губами; только улыбка ея обнаруживала рядъ мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ. Она знала, что Эрихъ пристально смотритъ на нее, и спокойно, какъ бы стоя передъ зеркаломъ, показывала свое лицо.

Хорошенькой лѣсничихѣ она представила Эриха еще разъ, особо, рекомендуя ее, какъ отличную исполнительницу романсовъ, и при этомъ спросила Эриха, продолжаетъ ли онъ заниматься пѣніемъ; Эрихъ отвѣчалъ, что уже нѣсколько лѣтъ не поетъ.

Вечеръ былъ необыкновенно хорошъ; но и въ долинѣ и на горѣ воздухъ, какъ бы особенно напряженный, нѣсколько тѣснилъ грудь; вдали поднималась буря. Дамы стали разсуждать, что лучше: прождать ли бурю въ Вольфсгартенѣ, или поскорѣе ѣхать.

— Хоть бы мужчины были тутъ, чтобы рѣшить, что дѣлать! къ такому выводу приходили дамы.

Хорошенькая лѣсничиха призналась, что она боится бури.

— Вы боитесь бури также какъ ваша сестра, замѣтилъ Эрихъ.

— Да я вовсе не боюсь, возразила послѣдняя.

— Я разумѣлъ родство музыкальное, сказалъ Эрихъ; слышите, птичка, что здѣсь все пѣла, вдругъ прекратила концертъ.

Разговоръ коснулся дѣйствія, какое буря производитъ на разныхъ людей.

— Мнѣ кажется, прибавилъ Эрихъ, что изъ впечатлѣнія, какое производитъ на человѣка буря, можно заключить не столько о его характерѣ, сколько о—такъ сказать—растительной жизни его мозга, о томъ, что называется темпераментъ или нервное расположеніе. Мы такъ оторвались отъ природы вообще, что когда явленіе атмосферы поражаетъ наше зрѣніе и слухъ, то мы видимъ тутъ что-то необыкновенное, и намъ, какъ бывало нашимъ предкамъ, изъ тихаго воздуха какъ-будто слышится говоръ: Примѣчай, что ты живешь и дышешь въ мірѣ движимомъ тайною.

— А, вотъ и кавалеры! раздалось вдругъ. Двѣ славныя охотничьи собаки вскочили въ садъ; онѣ стали осматривать и обню-

хивать собаку Пранкена, которая долго была въ чужихъ краяхъ, точно хотѣли выслѣдить, гдѣ она перебывала. За собаками показались и мужчины.

Эрихъ узналъ графа Клодвига, прежде чѣмъ тотъ былъ названъ. Его легко было отгадать по особенной заботливости о внѣшности и постоянно-любезному выраженію уже нѣсколько старческаго, гладко-выбритаго лица. На лицѣ этомъ годы оставили уже много слѣдовъ, но не запечатлѣли его никакою усталостью жизни. Всѣ группировались около Вольфсгартена; онъ казался какъ бы владѣтелемъ этой области.

У Клодвига были два свойства, рѣдко совмѣщающіяся въ одномъ человѣкѣ: онъ былъ вмѣстѣ и сановитъ и любезенъ. Но хотя онъ не выказывалъ никакой барской снѣси, и обращался со всѣми равно любезно, всѣ однако подчинялись ему, такъ какъ это подразумѣвалось само собою.

Когда ему представили Эриха, его черты вдругъ одушевились, по нимъ прошла какъ бы волна счастливыхъ воспоминаній.

— Душевно радъ видѣть сына моего римскаго друга. Для васъ у меня есть наслѣдство, сказалъ онъ, подвигая ближе къ глазамъ, малымъ пальцомъ лѣвой руки, свои золотые очки.

Тонъ, въ которомъ говорилъ Клодвигъ, былъ такъ размѣренъ и вмѣстѣ пріятенъ, что новому знакомцу всегда казалось, какъ будто онъ уже слыхалъ прежде этотъ голосъ; отъ этой размѣренности ударенія даже то, что было въ рѣчи Вольфсгартена необыкновеннаго, становилось какъ будто безсознательно-ожиданнымъ. Онъ держался хорошо, всегда ровно, и въ манерѣ его преобладала нѣкоторая медленность. Онъ никогда не спѣшилъ, но на все находилъ время, и станъ его былъ замѣчательно прямъ, особенно для старика.

Когда Эрихъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя счастливымъ, наслѣдуя у графа дружбу его къ своему отцу, а у графини ея привязанность къ матери, — въ лицѣ Клодвига просіяла еще бо́льшая привѣтливость.

— У васъ совсѣмъ голосъ вашего отца, замѣтилъ онъ. Мнѣ было очень больно, когда я услыхалъ о его кончинѣ; много лѣтъ я сбирался писать ему, наконецъ было уже поздно.

Представляя Эриха другимъ гостямъ, Клодвигъ какъ бы облекалъ его долею своего достоинства.

— Теперь представляю васъ доброму товарищу, сказалъ графъ, и улыбнулся значительно, указывая Эриху на одного господина съ толстою головой, краснымъ лицомъ и остриженными подъ гребенку, бѣлыми, какъ лунь, волосами. — Это — нашъ майоръ.

Майоръ выразилъ удовольствіе поклономъ и протянулъ Эриху четыре пальца руки; указательнаго пальца у него не было; это, однако, не помѣшало старику крѣпко пожать руку незнакомца. Онъ еще разъ кивнулъ Эриху, но не произнесъ ни слова.

Въ числѣ остальныхъ мужчинъ, Эриху былъ представленъ красивый молодой человѣкъ съ загорѣвшимъ лицомъ и великолѣпною бородою. Это былъ архитекторъ Эргардъ. Онъ тутъ же простился съ графомъ, объяснивъ, что долженъ еще вечеромъ поспѣть въ ломку известняка, для заказа. Директоръ училища сообщилъ Эриху, что онъ тоже ученикъ профессора Эйнзиделя.

Тутъ майора отозвали къ себѣ дамы и стали ему попрекать, особенно жена судьи, зачѣмъ и онъ, извѣстный своей внимательностью къ дамамъ и рыцарствомъ, сегодня оставилъ ихъ вмѣстѣ съ другими; потребовали, чтобы онъ немедленно загладилъ свой проступокъ.

Едва майоръ успѣлъ сѣсть, какъ дѣвушки надѣли вѣнокъ, приготовленный для Эриха, ему, на снѣжно-бѣлые волосы. Онъ шутливо поклонился, а Линѣ погрозилъ маленькимъ пальцемъ, спросивъ, не въ монастырѣ ли она научилась такимъ продѣлкамъ.

Майоръ, какъ скоро оказалось, служилъ предлогомъ для упражненій остроумія; рѣдко бываетъ такое общество, въ которомъ кому-нибудь не приходится играть эту роль, или кто-нибудь не беретъ ее на себя добровольно. Майоръ каждому, кто зналъ его, доставлялъ болѣе удовольствія, чѣмъ предполагалъ самъ; всякій, думая о немъ, или слыша его имя, добродушно улыбался.

Но вотъ, по площадкѣ, вѣнчающей гору, пролетѣлъ порывъ вѣтра; на господскомъ домѣ свернули флагъ; стулья, обитыя матеріею, унесли подъ навѣсъ, и всѣ скоро испытали пріятное чувство сидѣть въ веселомъ обществѣ, въ свѣтской залѣ, въ то время, какъ на дворѣ разыгрывалась буря.

Буря, конечно, и дала пищу для первыхъ разговоровъ. Майоръ разсказалъ объ одной схваткѣ, во время ужасной грозы. Онъ излагалъ свои мысли неловко, но можно было понять, что̀ именно онъ хотѣлъ выразить: тяжкое впечатлѣніе, произведенное на него кровавымъ дѣломъ въ то время, когда раздавался голосъ неба.

Мировой судья тоже припомнилъ фактъ, котораго былъ свидѣтелемъ, именно, какъ одинъ парень, намѣреваясь произнесть ложную присягу, поднялъ руку и, услыхавъ въ ту самую минуту ударъ грома, опустилъ ее, говоря: «это сдѣлалъ я!» Лѣс-

ничій одобрялъ грозу, говоря въ шутку, что отъ нея навѣрное выйдетъ дичь изъ чащи, прямо на охотника. Директоръ училища, насмѣшилъ всѣхъ, описывая, какъ трудно продолжать занятія съ мальчиками во время грозы, и какъ не знаешь что̀ съ ними въ такомъ случаѣ дѣлать.

Наконецъ, всѣ взглянули на Эриха, ожидая, что и онъ что-нибудь скажетъ.

— Гроза, которая здѣсь раздражаетъ наши нервы, замѣтилъ онъ, тамъ, ниже, на низовьи Рейна и тамъ, вверху, въ Эльзасѣ, представляется дальнею зарницей, которая только прогоняетъ дневной жаръ. Тамъ теперь люди спокойно сидятъ на балконахъ и вдыхаютъ очищенный воздухъ. Можно бы сказать, и впечатлѣнія опредѣляются географической широтой.

Онъ всегда говорилъ съ оттѣнкомъ веселости, и успѣвалъ заставлять забыть о настоящемъ. Лѣсничиха, которая скрылась было въ темной сосѣдней комнатѣ, должно быть услыхавши его слова, вышла въ залу и успокоилась.

Эрихъ не остановился на приведенномъ замѣчаніи. Онъ говорилъ много. Онъ все еще, не смотря даже на нѣкоторые опыты, полагалъ, что люди ищутъ въ разговорѣ чего-нибудь больше, чѣмъ времяпрепровожденія; что они желаютъ пріобрѣсть или выяснить себѣ что-либо. А потому, въ бесѣдѣ онъ изливалъ всю свою душу, давалъ все, что было въ немъ лучшаго, и не догадывался, что за-глазà эти его восторженныя изліянія были объясняемы какъ страсть выставлять себя на показъ, что въ нихъ видѣли просто аффектацію. У него было не только умѣнье обращаться въ обществѣ, но нѣчто болѣе: даръ становиться въ кругъ воззрѣній собесѣдника. Однако, слушатель при этомъ обыкновенно замѣчалъ, что Эрихъ видитъ дальше его, хотя молодой человѣкъ вовсе не навязывалъ своего превосходства.

Есть такой родъ преобладанія надъ человѣкомъ, который состоитъ просто въ уясненіи, въ опредѣленіи ему его собственныхъ идей. Такой пріемъ долженъ былъ бы вызывать чувство удовлетворенія, даже благодарности. Но большинство подчиняется скорѣе тому преобладанію, въ которомъ слышенъ намекъ, что я-де говорю тебѣ о вещахъ, которыхъ ты въ сущности не смыслишь, да и не въ состояніи понять. Такіе люди, какъ вѣщіе оракулы, потому именно и производятъ впечатлѣніе.

Мужчины пожимали плечами, особенно судья и училищный директоръ. Въ энергіи, съ какою Эрихъ разсыпалъ богатство своихъ мыслей и убѣжденій, было нѣчто странное, а для нѣкоторыхъ мужчинъ даже оскорбительное. Они сознавали, что въ этомъ незнакомцѣ все было ново и привлекательно для жен-

щинъ, начиная съ новизны его манеръ и акцента, до этого щедраго расходованія души въ разговорѣ. Ясно было, что все это отодвигало на задній планъ тѣхъ, кто если и рѣшался сообщить мысль, то высказывалъ ее только при случаѣ, да и то въ неоконченномъ видѣ. Судья, встрѣтивъ блиставшіе взгляды своей дочери и лѣсничихи, потихоньку сказалъ директору:

— Это — человѣкъ опасный.

Разговоръ разбился по группамъ, и Эрихъ бесѣдовалъ съ Клодвигомъ, стоя у окна. Они смотрѣли въ садъ, въ темноту. Тамъ, за горами, змѣились молніи; порою онѣ освѣщали небо высокимъ, яркимъ пламенемъ, порою просто разрывали его и тогда казалось, какъ-будто за этимъ небомъ есть еще другое небо. Раскаты грома продолжались, потолокъ вздрагивалъ и стеклянныя призмы на люстрахъ звенѣли.

— Есть вещи, есть обстоятельства, началъ Клодвигъ, которыя представляются намъ точно мы ихъ уже встрѣчали во снѣ, а иногда точь-въ-точь повторяются. Какъ я стою теперь здѣсь съ вами, такъ точно стоялъ я когда-то съ вашимъ отцомъ, въ римской Кампаньѣ. Не знаю, какъ-то случилось намъ говорить о томъ міровоззрѣніи, которое имѣетъ исходною точкой безконечность, и вотъ что̀ сказалъ вашъ отецъ.... Я какъ-будто слышу его голосъ: «Только тогда, когда мы смотримъ на человѣчество во всей его общности, мы, какъ люди мыслящіе, пріобрѣтаемъ то спокойствіе, которое составляетъ удѣлъ вѣрующихъ, потому что только тогда и мы созерцаемъ весь міръ въ единствѣ божественной мысли. Кто слѣдитъ за путемъ единичнаго муравья, тотъ не можетъ понять, зачѣмъ онъ совершаетъ всѣ эти зигзаги, зачѣмъ внезапно попадаетъ въ ямку, вырытую муравьинымъ львомъ, который тоже вѣдь имѣетъ право жить. Но тотъ, кто смотритъ на муравейникъ какъ на цѣлое....

Клодвигъ вдругъ остановился. Снизу, изъ долины пронесся рѣзкій свистъ локомотива и глухой топотъ поѣзда.

— Правда, продолжалъ онъ послѣ паузы, и въ лицѣ его вдругъ что-то мелькнуло, — въ то время свистъ локомотива еще не прерывалъ тихаго размышленія.

— Но мнѣ и этотъ свистокъ не представляется диссонансомъ, возразилъ Эрихъ.

— Что̀ вы хотите сказать?

— А развѣ нѣтъ величія въ томъ, что люди вольны продолжать свою опредѣленную дѣятельность и среди мятежа природы? Въ нашемъ новомъ мірѣ, по всей планетѣ укрѣпилась цѣлая система движенія, котораго ничто не можетъ прервать. Нельзя ли сказать, что все, что̀ мы производимъ, вся работа

нашего періода состоитъ въ приготовленіи дорогъ, въ расчисткѣ путей, для свободнаго дѣйствія вѣчныхъ силъ нашей природы? Люди нашего времени, это — строители дорогъ.

Клодвигъ взялъ Эриха за руку. Молнія нѣсколько разъ освѣтила сіявшее лицо молодого человѣка и ясное лицо старика. Клодвигъ крѣпко пожалъ взятую имъ руку, какъ бы желая сказать: еще разъ привѣтствую тебя, ты теперь мой!

Говорятъ, любовь порою осѣняетъ внезапно двѣ души и находитъ ихъ слитыми воедино; не бываетъ ли также и съ дружбою?

Здѣсь было такъ.

Они стояли другъ передъ другомъ, не ощущая волненія и сомнѣній, возбуждаемыхъ чуждымъ; ясно и крѣпко, какъ обладаніе лучшей сущностью самихъ себя, было ихъ сознаніе, что они сроднились; исчезла совсѣмъ мысль, что они увидѣлись въ первый разъ, всего за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ.

Дѣло въ томъ, что они сблизились въ мысли о безконечномъ, гдѣ исчезаетъ всякое измѣреніе; они могли бы долго простоять такъ, разлучивъ руки, не произнося ни слова, и все-таки имъ бы казалось, что они живутъ общею жизнью.

Взволнованнымъ голосомъ, какъ бы открывая тайну, въ которой ему признаться было трудно, но необходимо, Клодвигъ сказалъ:

— Въ такія бури я не разъ уже переносился мыслью въ то время, когда вся земля, отсюда до Оденвальда, была покрыта большимъ озеромъ, изъ котораго возвышалось островами нѣсколько горъ, пока бурный потокъ не прорвалъ себѣ дороги сквозь стѣну скалъ. Скажите, другъ, не приходила ли и вамъ мысль, что когда-нибудь опять наступитъ хаосъ?

— Конечно; но мы не можемъ представить себѣ ни до-человѣческаго періода, ни того, въ которомъ человѣчества не будетъ. Все, что̀ мы можемъ сдѣлать, это — исполнить какъ слѣдуетъ нашъ рабочій часъ, который называютъ семьдесять лѣтъ.

Тутъ подошелъ майоръ и пригласилъ ихъ обоихъ въ другую залу, куда перешло общество. Клодвигъ еще разъ тихо провелъ рукою по рукѣ Эриха, и сказалъ ему:

— Пойдемте.

Они возвратились къ обществу точно чета влюбленныхъ, которые только-что тайно обнялись въ первый разъ, и никто не догадывался, отчего такъ ясны были ихъ лица.

ГЛАВА VII.

ОСВѢТИВШАЯ МОЛНІЯ.

Буря, когда первое впечатлѣніе прошло, способствуетъ оживленію и сближенію общества.

Гости находились теперь въ концертной залѣ, надъ которою потолокъ возвышался куполомъ. Куполъ этотъ былъ ярко освѣщенъ, что̀ имѣло почти торжественный видъ. По бокамъ залы, въ полвысоты стѣнъ, было четыре выступа, въ видѣ балконовъ; посреди стоялъ рояль. Гости усѣлись въ кружокъ, на одномъ краю котораго находилось возвышеніе. Тутъ сидѣла Белла, и направо отъ нея жена судьи, налѣво — лѣсничиха.

Дѣвицы ходили по залѣ подъ-руку; около нихъ оставался Пранкенъ и шутилъ съ ними; въ рукѣ у него была роза изъ вѣнка Лины.

Когда Клодвигъ, Эрихъ и майоръ сѣли въ кругѣ, приблизились и молодые люди. Белла спросила у майора, подвигаются ли впередъ работы зàмка, который перестраивалъ г. Зонненкампъ. Майоръ кивнулъ головою; онъ всегда кивалъ нѣсколько разъ прежде, чѣмъ начиналъ рѣчь, точно впередъ подтверждалъ все, что̀ скажетъ. Съ большой увѣренностью онъ объявилъ, что во дворѣ зàмка непремѣнно долженъ найтись колодецъ. Тогда Клодвигъ обратился къ нему съ просьбою заботливо сохранить все, что̀ можетъ быть откопано при этомъ изъ остатковъ отъ временъ римлянъ или среднихъ вѣковъ, и обѣщалъ вскорѣ пріѣхать самъ и сдѣлать раскопки. Лѣсничиха замѣтила шутливо:

— Господинъ Зонненкампъ, — всѣ называли его такъ, но съ особеннымъ удареніемъ на словѣ господинъ, какъ бы высказывая нѣкоторое нерасположеніе, — господинъ Зонненкампъ теперь, должно быть, прибавитъ къ своей фамиліи названіе зàмка, который онъ чинитъ.

При имени Зонненкампа, точно прорвалась плотина, такъ потекла рѣчь со всѣхъ сторонъ.

— Господинъ Зонненкампъ очень уменъ, сказалъ директоръ училища; но Мольеръ сдѣлалъ злое замѣчаніе, что умъ у богатаго спрятанъ въ кошелькѣ.

А аптекарь прибавилъ:

— Господинъ Зонненкампъ любитъ выдавать себя за отчаяннаго грѣшника, въ надеждѣ, что ему не повѣрятъ; но ему вѣрятъ охотно.

Эриху пришлось услышать имена: господинъ Зонненкампъ,

госпожа Церера, Манна, Роландъ, дѣвица Парини, — это было точно щебетанье птицъ въ лѣсу, изъ котораго не выдѣляется мелодія.

Бросивъ злобный взглядъ на Пранкена, жена судьи замѣтила:

— Съ такими загадочными и переселившимися издалека людьми могутъ водить знакомство только мужчины, какъ г. майоръ или г. фонъ-Пранкенъ, а женщины должны держать себя всторонѣ.

Затѣмъ, они намекнули, что здѣшніе старожилы невдругъ допускаютъ въ свое общество чужихъ пришлецовъ.

Белла немножко черезчуръ сострила насчетъ длинныхъ ногтей г-жи Цереры. Но она принуждена была замолчать съ гримасой, когда Клодвигъ замѣтилъ нѣсколько рѣзко:

— Чтожъ, индѣйцы гордятся длиною ногтей, какъ мы длиною родословныхъ и, быть можетъ, правы не меньше насъ.

Понятно, что такое легкое отношеніе къ дворянству со стороны Вольфсгартена должно было произвесть впечатлѣніе. Въ приведенныхъ словахъ Клодвига отразилось неудовольствіе его на выходки по поводу дома Зонненкампа. Все нечистое, все мелочное, и придирчивое дѣйствовало на него какъ дурной запахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Эриху, онъ сказалъ:

— Зонненкампъ, о которомъ была рѣчь, — обладаетъ нѣсколькими милліонами. Чтобы завладѣть такимъ богатствомъ, нужна сила; я хочу сказать: пріобрѣсть много денегъ, это — храбрость; сберечь ихъ — нуженъ умъ, а хорошо расходовать деньги, это — искусство.

Онъ замолчалъ, но такъ какъ никто не возразилъ, то онъ повелъ рѣчь дальше:

— Мнѣ кажется, богатство само по себѣ даетъ право на нѣкоторый почетъ; лично пріобрѣтенное богатство свидѣтельствуетъ о силѣ дѣятельности и составляетъ заслугу. Мнѣ кажется, что положеніе человѣка чрезмѣрно-богатаго труднѣе даже, чѣмъ положеніе иного владѣтельнаго лица. Въ богачѣ сосредоточивается такое могущество, что немудрено, если въ его характеръ проникнетъ нѣкоторая склонность къ насилію; такой человѣкъ живетъ въ туманѣ сознанія своей силы, и почти перестаетъ быть единичной личностью; а ему самому все на свѣтѣ представляется съ точки зрѣнія купли по справочной цѣнѣ. Вамъ случалось ли когда знавать подобнаго человѣка?

Прежде, чѣмъ Эрихъ успѣлъ отвѣтить, крикливо вступился Пранкенъ:

— Капитанъ Дорнэ намѣренъ быть воспитателемъ молодого Зонненкампа.

Глаза всѣхъ обратились на Эриха; на него стали смотрѣть, какъ будто онъ вдругъ преобразился и облекся въ рубище. Мужчины перекинулись взглядами и пожали плечами; человѣкъ, принимающій на себя частную службу, да еще такого рода, мгновенно лишается почета; дамы смотрѣли на Эриха съ сожалѣніемъ.

Эрихъ не замѣчалъ ничего этого; онъ потупилъ глаза въ землю и не могъ дать себѣ отчета, съ какою цѣлью Пранкенъ выступилъ вдругъ съ подобнымъ извѣщеніемъ; онъ сознавалъ, что слѣдовало бы что-нибудь сказать, но не находилъ ничего, а потому молчалъ.

Наступила неловкая пауза. Клодвигъ прижалъ свою тонкую руку къ блѣднымъ губамъ.

— Это мѣсто, сказалъ онъ наконецъ, принесетъ вамъ честь, а г. Зонненкампу честь и счастіе.

Эрихъ почувствовалъ, какъ его плеча коснулась большущая рука, онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ улыбающееся лицо майора, который, прижавъ нѣсколько разъ лѣвую руку къ сердцу, наконецъ вымолвилъ:

— Графъ высказалъ то, что я самъ хотѣлъ замѣтить и хорошо, что высказалъ онъ, потому что онъ сдѣлалъ это лучше, чѣмъ съумѣлъ бы я. Выполните свое намѣреніе, любезный камрадъ.

Тогда Пранкенъ подошелъ къ нимъ и объяснилъ въ снисходительномъ тонѣ, что этотъ совѣтъ далъ Эриху онъ, онъ же и рекомендовалъ его. Между тѣмъ, Лина отворила окно и вдругъ звонкимъ голосомъ произнесла:

— А вотъ и буря прошла.

Въ залу проникла струя свѣжаго душистаго воздуха, и разрѣшила общее напряженіе; всѣ вздохнули свободнѣе. Дождь все еще продолжалъ накрапывать, но въ рощѣ уже опять запѣли соловьи. Теперь приступили къ женѣ лѣсничаго съ просьбою, чтобы и она спѣла. Эта дама стала отказываться, но должна была уступить: сама Белла, которой игры изъ присутствующихъ почти никто еще не слыхалъ, вызвалась акомпанировать.

Свѣжій, юный голосъ пѣвицы, ея простая и отчетливая манера доставили удовольствіе всѣмъ слушателямъ. Лѣсничиха пропѣла нѣсколько романсовъ. Лину также заставили-было пѣть; она отговаривалась, что сегодня пѣть не можетъ, но строгій взглядъ матери принудилъ ее подойти къ роялю. Она взяла нѣсколько нотъ и затѣмъ остановилась, сказавъ съ наивностью:

— Ну вотъ, я и показала, что сегодня пѣть не въ состояніи.

Судейша закусила губу и, по движенію ея ноздрей, легко было отгадать, что она гнѣвалась. Еще бы! Такая взбалмошная дѣвочка. Да еще и показываетъ видъ, будто такъ себѣ, ничего и не случилось.

Лѣсничиха спѣла еще пѣсню, и тогда Лина вызвалась пѣть съ нею дуэтъ, увѣряя, будто это для нея не все равно, что пѣть одной. И въ самомъ дѣлѣ, она пѣла свѣжимъ сопрано, съ нѣкоторою робостью, но и съ умѣньемъ.

Затѣмъ, она же, съ простой фамильярностью, какъ какой-нибудь старый товарищъ, просила Эриха спѣть что-нибудь. Все общество поддерживало Лину, но Эрихъ рѣшительно отказался. Онъ однако опять немало удивился, замѣтивъ, что Пранкенъ ему поддакиваетъ. Пранкенъ еще прибавилъ:

— Капитанъ правъ, что не хочетъ вдругъ обнаружить всѣ свои дарованія.

Это было сказано самымъ любезнымъ тономъ, но злое намѣреніе было такъ очевидно.

— Благодарю васъ за товарищескую поддержку, сказалъ Эрихъ, оборотясь.

Небо прояснилось, только на горахъ Таунуса еще сверкала зарница. Гости распрощались, благодаря хозяевъ за веселый день.

Даже вѣчно-молчаливая, «шитая» госпожа, заговорила при этомъ, и тотчасъ же отличилась новомоднымъ капоромъ, такъ-называемымъ башлыкомъ, который она прибрала себѣ очень ловко. Въ то время, какъ всѣ уже собрались къ разъѣзду, вдругъ явился окружной врачъ; онъ былъ по сосѣдству, съ визитомъ у больного, и буря задержала его. Едва успѣвши раскланяться съ графомъ и Беллою, онъ уѣхалъ вмѣстѣ со всѣми.

Белла не безъ удовольствія вздохнула по удаленіи гостей.

Въ разныхъ каретахъ было говорено много, и въ одной происходилъ плачъ, такъ какъ Линѣ пришлось выслушать грозную проповѣдь о томъ, что она вовсе не умѣетъ держать себя и все еще остается деревенской простотой; вмѣсто того, чтобы затѣнять другихъ и показать себя, она все еще смотритъ такъ, какъ будто часъ тому назадъ гоняла гусей. Лина, конечно, давно уже привыкла къ такимъ сердитымъ поученіямъ, но сегодня она приняла ихъ особенно къ сердцу. Весь день ей было такъ весело, и наказаніе было вдвойнѣ тяжко. Она потихоньку плакала и плакала.

Самъ судья, который у себя дома, повидимому, не былъ

судьею, не вмѣшивался въ эту бабью ссору. Только тогда, когда ему пришлось перемѣнить сигару, онъ выступилъ съ замѣчаніемъ:

— Этотъ краснорѣчивый господинъ Дорнэ — по-моему — человѣкъ опасный.

— А мнѣ кажется, очень любезный.

— Вотъ женская логика! Какъ будто любезность исключаетъ опасныя свойства; напротивъ, въ ней-то они и заключаются. Но развѣ ты не замѣтила всю эту прозрачную интригу?

— Нисколько.

— Ну, такъ сообрази-же: мы встрѣчаемъ его въ монастырѣ, гдѣ живетъ дочь этого страшнаго богача, Зонненкампа, и онъ показываетъ видъ, будто никого тутъ не знаетъ. А между тѣмъ, онъ же поступаетъ къ молодому Зонненкампу учителемъ... Ой, какъ освѣтило!

Въ самомъ дѣлѣ, пронесся длинный лучъ молніи, и пролилъ свѣтъ не только на всю мѣстность, но и на всю ея обстановку. Яснѣе всего обрисовалась вилла Эдемъ; всѣ контуры ея выставились такъ рѣзко, какъ будто бы она находилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Какъ ярко освѣтилось это большое строеніе, продолжалъ судья, какъ ясно былъ видѣнъ паркъ. А что затѣвается тамъ, наверху, того никто не знаетъ. Странный свѣтъ! Баронъ Пранкенъ вводитъ этого господина Дорнэ въ домъ своего зятя и тестя, какъ друга, а между тѣмъ они — заклятые враги.

Судейша сердилась на мужа, за то, что дома, наединѣ съ нею, онъ былъ всегда такой живой и выказывалъ такую тонкую наблюдательность, а между тѣмъ въ обществѣ былъ молчаливъ и сухъ, и блистать предоставлялъ другимъ.

— А кто же этотъ тесть? спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Разумѣется, Зонненкампъ; то-есть онъ долженъ быть тестемъ. Несмѣтныя деньги Зонненкампа нужны барону Пранкену, а ему нѣтъ дѣла, откуда они взялись; объ удобреніи вообще не наводятъ такихъ справокъ.

Лина спустила вуаль и закрыла глаза, а судья сталъ объяснять еще подробнѣе, что ни онъ, ни жена не должны мѣшаться въ это дѣло.

— Этотъ капитанъ-докторъ — человѣкъ опасный, опасный во всѣхъ отношеніяхъ!

Такъ заключилъ свою рѣчь судья, и потомъ уже молчалъ до самаго дома.

ГЛАВА VIII.

ДВОЙНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Белла и Отто отправились въ садъ, и ходили взадъ и впередъ. Тутъ Отто сказалъ ей, что онъ рекомендовалъ Эриха Зонненкампу, но уже теперь рѣшительно раскаявается.

Белла всегда была раздражена, если ей приходилось пожертвовать собою для угощенія мѣщанскаго общества, и обратила теперь свое раздраженіе на брата, который ввелъ къ ней человѣка, какъ гостя ровнаго, тогда какъ онъ въ дѣйствительности — лицо служащее у господина Зонненкампа или, по крайней мѣрѣ, имѣющее намѣреніе поступить къ нему въ услуженіе. Съ злорадостнымъ удовольствіемъ прибавила она, что Отто, вѣроятно, любитъ преодолѣвать затрудненія, такъ какъ онъ вводитъ въ этотъ домъ человѣка съ такой обворожительной внѣшностью, какъ этотъ «докторъ» (слово «докторъ» она произнесла, придавая этому наименованію смыслъ унизительный, сравнительно съ титуломъ капитана); ясно, какъ день, что дочь Зонненкампа влюбится въ воспитателя своего брата.

— Этотъ г. Дорнэ, заключила она, личность въ самомъ дѣлѣ привлекательная, не только красотою, но — и особенно — нѣкоторою мечтательною откровенностью и добродушіемъ. Подлинно это или поддѣльно, все равно, такъ какъ средство во всякомъ случаѣ можетъ производить свое дѣйствіе, а ужъ особенно на семнадцатилѣтнюю монастырку.

Пранкенъ отвѣчалъ съ добродушной усмѣшкой, что онъ предполагалъ у сестры менѣе будничную фантазію; сверхъ того, замѣтилъ онъ, Дорнэ — по характеру чуждается женщинъ и цѣнитъ въ нихъ собственно только идею женственности. При этомъ онъ однако объяснилъ, что хочетъ на слѣдующій же день посѣтить Зонненкампа, прежде чѣмъ Эрихъ поспѣетъ въ виллу, и объявить владѣльцу ея, что рекомендацію онъ далъ противъ воли; онъ прибавилъ, что прямо посовѣтуетъ отклонить приличнымъ образомъ услуги Эриха уже потому, что онъ можетъ вселить въ мальчика либеральныя идеи, а если этого мало, то намекнетъ даже, что сближеніе съ Дорнэ не понравится двору; этотъ послѣдній аргументъ, по словамъ Пранкена, долженъ былъ рѣшить все дѣло; вѣдь онъ же, Пранкенъ, самъ устроилъ такъ, что для Зонненкампа всего важнѣе было мнѣніе о немъ при дворѣ.

Белла, однако, оспаривала этотъ планъ; ей доставляло удовольствіе вызывать брата на соперничество именно съ такимъ

соискателемъ; побѣда надъ нимъ дала бы брату новую силу. Сверхъ того, по ея словамъ, не худо было бы, въ виду госпожи Парини, у которой были какія-то тайныя, клерикальныя цѣли, имѣть тамъ своего человѣка, человѣка свѣтскаго и въ то же время обязаннаго благодарностью Пранкенамъ. Этого мало: въ случаѣ, если бы — какъ слѣдовало ожидать — между донною Парини и самоувѣреннымъ Дорнэ началась тайная борьба, можно было имѣть въ своихъ рукахъ посредническій судъ и рѣшеніе.

Белла позабыла даже всю свою злость на мѣщанское общество, когда передъ ней развернулась цѣлая паутина интригъ, и пріятныхъ и полезныхъ. Она пользовалась довѣріемъ дѣвицы Парини, хотя сама не вполнѣ довѣряла ей; братъ остался бы наперсникомъ Эриха, и такимъ образомъ, весь домъ Зонненкампа былъ бы въ ихъ рукахъ, такъ какъ нельзя было не предвидѣть, что Эриху удастся пріобрѣсти тамъ большое вліяніе.

Пранкенъ отнѣкивался отъ предназначаемой ему роли, но не успѣлъ отдѣлаться отъ нея.

Кошка, притаивъ дыханіе, сидитъ у мышиной щели, не сойдетъ съ мѣста; она знаетъ, что мышь все-таки выйдетъ; она чуетъ, что мышь уже скребетъ тутъ, и знаетъ, что быть добычѣ. Белла знала вѣрное средство повесть брата путемъ ей угоднымъ, стоило только напирать на непобѣдимость его личности и напоминать, что увѣренность въ себѣ ему такъ къ лицу. Отто успокоился, во всякомъ случаѣ обѣщалъ себѣ успокоиться совсѣмъ. Вѣдь Дорнэ все-таки былъ бѣдняга, которому слѣдовало помочь, и велъ себя въ тотъ вечеръ хорошо, даже держался очень прилично, когда было внезапно обнаружено его положеніе въ обществѣ.

Пока братъ съ сестрою прохаживались въ саду, Эрихъ сидѣлъ съ графомъ, въ его рабочемъ кабинетѣ, освѣщенномъ двумя рожками лампы. Они сидѣли другъ противъ друга въ креслахъ, у длиннаго письменнаго стола.

— Жалко, говорилъ Клодвигъ, что докторъ пріѣхалъ такъ поздно; онъ, правда, жестковатъ, но человѣкъ хорошаго закала. Вы съ нимъ вѣроятно подружитесь.

Эрихъ не сказалъ ничего и графъ продолжалъ:

— Не знаю, зачѣмъ мой шуринъ, по своему обыкновенію, такъ внезапно объявилъ о вашемъ проектѣ всему обществу. Объ этомъ теперь всѣ заговорятъ и прекрасное намѣреніе ваше лишится, такимъ образомъ, своего оттѣнка сердечности.

Эрихъ возразилъ съ большою твердостью, что всѣмъ суждено даже простыя, тихія дѣла совершать подъ огнемъ критики чужого ума.

Опять пристально взглянулъ на него Вольфсгартенъ. Готовность къ бою этого человѣка, повидимому, удивляла его. Своей маленькой рукой онъ накрылъ часть лежавшаго передъ нимъ портфеля, какъ будто заложилъ туда что-то.

— Въ васъ, или лучше по поводу васъ, я еще разъ убѣдился на опытѣ, сказалъ онъ, въ одной истинѣ: люди считаютъ частную службу унизительною, забывая, что не въ томъ дѣло, кому служишь, а въ томъ, какъ смотришь на свою обязанность. «Ich dien»—девизъ моихъ предковъ по матери.

Старикъ замолкъ, и Эрихъ не зналъ, остановился ли онъ на минуту или ждетъ отзыва; но Клодвигъ тотчасъ продолжалъ:

— Когда офицеръ со значительнымъ чиномъ, или сановникъ принимаетъ на себя воспитаніе принца, то это считается очень почетною должностью. Но развѣ менѣе почтенно заняться воспитаніемъ трехъ десятковъ крестьянскихъ мальчиковъ, или, какъ вы, принять на себя развитіе этого юноши-богача? Теперь я долженъ обратиться къ вамъ съ просьбою...

— Желаю только одного: чтобы я съумѣлъ ее исполнить.

— Позвольте попросить васъ разсказать мнѣ, съ возможною подробностью, какимъ образомъ вы такъ.... то-есть, какъ вы пришли къ тому положенію, въ которомъ теперь находитесь?

— Очень охотно. Думаю заслужить ту честь, которой вы меня удостоиваете, если отложу скромность. Я буду говорить съ вами такъ, какъ самъ съ собою.

Графъ прижалъ пружину звонка, стоявшаго на столѣ; явился слуга.

— Робертъ, которая комната приготовлена г. доктору?

— Съ темными обоями, напротивъ вашей спальни, графъ.

— Приготовьте капитану комнаты въ мезонинѣ.

— Позвольте доложить вамъ, графъ, что тамъ еще находятся вещи принца Леонгарда...

— Ничего. Еще одно: не безпокойте меня, пока я не позвоню. Слуга вышелъ; Клодвигъ сѣлъ поудобнѣе въ креслахъ, и, покрывъ себѣ колѣна красной пуховою шалью, сказалъ:

— Если я закрою глаза, не подумайте, что я заснулъ.

Въ этихъ словахъ было нѣчто довѣрчиво-снисходительное, но далекое отъ всякаго покровительственнаго чванства; въ просьбѣ Клодвига къ Эриху — говорить безъ обиняковъ — слышалась сердечная задушевность.

Эрихъ началъ свой разсказъ.

Б. Ауэрбахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕСЧАСТНЫЕ

IV *).

НА ПРОПИТАНІИ.

Прежде, чѣмъ ссыльный пріобрѣтетъ себѣ право выдти на *пропитаніе*, поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ *пропитанныхъ*, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по оффиціальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-рабочіе, по прибытіи въ заводъ, поступаютъ въ разрядъ *испытующихся*. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ дозоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя; довольствуются пищей въ артели; лѣтомъ, лучшіе увольняются для обработыванія огородовъ; правомъ отдыха *пользуются* только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ *воздержныхъ*. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Неимѣющіе собственныхъ домовъ пользуются правомъ жить въ квартирахъ; имѣющіе собственныхъ лошадей могутъ пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія быта своего, пользуются всѣми воскресными и табельными днями. «Но если бы кто, изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ, принадлежащіе ему дни отдыха посвятилъ, по назначенію начальства, казенной работѣ,

*) См. выше, т. III, 480—545, и IV, 121—166, 539—604.

таковой за эти дни имѣетъ право на двойной плакатъ [1]) и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна опредѣленнымъ пайкомъ». Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ пріобрѣтшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примѣръ своимъ сотоварищамъ,— предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкціи и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать въ мастеровые, производя въ подмастерья и мастера, если искусствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастеровымъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. За прожитіе при заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проведшимъ пять лѣтъ — по 50 коп., проведшимъ 10 лѣтъ — по 1 руб., и за 15 лѣтъ *выпущать ихъ на собственное пропитаніе.* Воздержные получаютъ плакатъ на руки; другая же половина поступаетъ въ сохранный артельный капиталъ, которому ведется отчетная книга.

Но тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся «нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта», образуютъ третій разрядъ, которому оффиціальное предписаніе даетъ названіе *невоздержныхъ. Невоздержными* называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія неуголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по поли-

[1]) Плакатъ или жалованье ссыльно-рабочій получаетъ по трудамъ и искусству; задѣльную же плату по успѣху въ урочной работѣ. Въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ, ссыльные получаютъ 3 руб. асс. въ мѣсяцъ и два пуда муки. Въ Усольѣ, холостые по 2 пуда муки, женатые по 3 пуда, и дѣти, до 12 лѣтъ, по 1 пуду, съ вычетомъ изъ жалованья по 20 и по 10 коп. асс. за пудъ, и всѣ состоятъ на задѣльной платѣ, доходящей до 50 руб. сер. въ годъ. На нерчинскихъ заводахъ мѣсячный плакатъ 60 к. и на солеваренныхъ до 80 к.

цейскому разбирательству. Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, «замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей», и тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокоторжественные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые «совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествѣ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобныхъ пакостяхъ,—словомъ, по распутству своему неподающіе никакой надежды къ обузданію», образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ *неисправимыхъ*.

Неисправимые содержатся также въ казармѣ и въ особой артели, и также, наравнѣ съ невоздержными, скованы; но съ тою разницею, что для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ карауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагается: кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда невоздержныхъ и неисправимыхъ не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копѣйки, заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ [1]) постановлено Сводомъ законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда)

---

[1]) Нерчинскіе рудники, какъ извѣстно, извлекали серебристыя и серебристо-свинцовыя руды, а заводы занимались выплавкою свинца и серебра. При этомъ на мышьякъ, сюрьму, цинкъ и киноварь не обращалось никакого вниманія: серебро и золото слѣпили глаза.

должны пробыть въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ — въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, перемѣщаются въ разрядъ *исправляющихся* и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

«По прибытіи на заводъ, ссыльные, долженствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней». То же самое разумѣется и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, проживая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства, должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу число и мѣсяцъ поступленія, имя и прозваніе ссыльнаго, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде находятся. По пріемѣ врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. «Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятыя деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи—въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ

или сундукѣ. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда), и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. «Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житья на квартирѣ, слѣдующія ему по разсчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются, сколько возможно, безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные къ какому-либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльныхъ».

Въ острогѣ «не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоры, брани, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и на воду».

Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идутъ въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ законоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практическій. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавши въ своихъ воспоминаніяхъ, нащупавши въ своихъ представленіяхъ знакомые образы, начальство тюремное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя и простосердечныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого труда. Насколько они незамысловаты и красиво приглажены на бумагѣ, но безжизненны и недѣйствительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая «ссыльнымъ брить бороды чрезъ инвалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и

склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы», мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: «Ссыльные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтомъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; компаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утренняя молитва и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на страстной недѣлѣ и вообще въ продолженіе великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками».

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый — для того только, чтобы сказать, что «на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто», и во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: «часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ; дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель по часту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольку разъ осматривать комнаты ссыльныхъ».

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ такихъ выраженіяхъ: «Когда звонъ колокола извѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты счетомъ и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать благопристойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часъ отдохновенія, тогда повѣщается о томъ колоколомъ». Для вечера тотъ же порядокъ:

«По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять».

Послѣ всего уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ излишнимъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ, насколько непохожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая возможна, при существующихъ порядкахъ тюремныхъ, на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое-нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пенитенціарной съ обѣтомъ молчанія и пенсильванской—одиночнаго заключенія). Призрачное сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самомъ же дѣлѣ на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо-скрытой непрактичности, во всѣхъ дѣлахъ — явная безплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія, отъ котораго и проистекаетъ цѣлый рядъ безплодныхъ мѣръ и цѣлая цѣпь недоразумѣній, крупныхъ ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдуемъ за разскащикомъ далѣе.

«Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не учинили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не дозволять принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бываютъ заперты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе, имѣющіе на то дозволеніе, или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и впускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ: не имѣетъ ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ, послѣ зари отнюдь ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго смотрителя и надзирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ видомъ свиданія, не было проносимо вина, пищи, платья, писемъ, орудій и т. п.»

Но настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала свои законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправимыхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти не оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Прикованіе къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи — вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири — всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ (но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія [1]). Люди эти въ работу не употребляются; какъ великой милости просятъ они, во время заточенія, награды подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные, по истеченіи положеннаго срока, отъ содержанія на цѣпи (прикалачиваемой къ стѣнѣ), или отъ тачки, на всю жизнь за тѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ *кандалахъ*. Заключенные въ ножныя желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость, позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата, или дѣлать что-нибудь внѣ камеры и, притомъ въ то

---

[1]) Такъ напр., по отчетамъ Петровскаго завода видно: что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на *десять* лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно — по положенію, на *пять* лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ было въ сентябрѣ 1851 года 15 человѣкъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минусѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человѣкъ и между ними мужъ съ женой за смертоубійство. Женѣ, неимѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщевыя), чарки и платье, хотя Забайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижное платье, «ибо-де оно одно только и необходимо». У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевезти ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 коп. (3½ коп. въ сутки) на каждаго. Акатуй спеціально предназначался впослѣдствіи для такихъ несчастныхъ, и въ утѣшеніе сострадающихъ участи ихъ сохранилъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, говорятъ, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи погулять недѣли на три ыре, и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не ис- заказа, того приставъ сажалъ въ подземелье собственной квартиры (и подпоказывали).

время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣскольку разъ перемѣшаны съ побѣгами, разбоями, кражами, перемѣною имени, и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ напр., въ Акатуѣ положено было выдавать въ сутки каждому по $2^1/_2$ фунта печенаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. Вмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По разсчету, сдѣланному въ 1847 году, каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. [1]), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ, однако, расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось большею частію на счетъ губернской, а не заводской казны, и заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностію помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одинаковой величины съ ножными кандалами, вѣсовъ вся въ $5^1/_2$ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльи развлеченіе. Одинъ разсказывалъ сказку, остальные его слушали; за тѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, содержавшіеся въ акатуйской и другихъ

[1]) Имъ полагалось: два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель сермяжная, двѣ холщевыхъ рубашки, двое портовъ и провіанту по $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ.

нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали всѣхъ необыкновенною опрятностію и поразительной чистотой; нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разошилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность заключенія порождала въ заключенныхъ небывалыя до того способности, многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ съумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальника, съ горькими мольбами, съ непритворными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Тошнитъ даже!...

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго большого завода сохранился слѣдующій актъ:

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки $2\frac{1}{2}$ фунта печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это «будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы).» Вскорѣ донесено было, что ссыльные, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. «Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувь и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе». Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей канурѣ, полагается самою высшею, конечною, послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подверг-

шіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу впослѣдствіи и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделѣннаго званія такъ называемыхъ испытующихся.

Кромѣ цѣпныхъ бывали еще такъ называемые секретные арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ; надзоръ за ними былъ необыкновенно строгъ: случалось кому заболѣть и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ прописку въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ,—велѣно за то приковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости,—виновнаго часового солдата били за пропускъ плетьми и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что «выпустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило». Солдатъ былъ наказанъ не смотря на то, и ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де «усмотрѣть за нимъ хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія».

Существованіе кругового кредита и взаимнаго довѣрія закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями узничества и обусловленныхъ одинаковостью положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное, и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности; тѣмъ не менѣе всѣ селенія ссыльныхъ примѣтно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой нерчинскій заводъ — цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ Карійскихъ. Каждый изъ упраздненныхъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутомарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудрено спорить любому изъ большихъ казачьихъ селеній. Правда, что селенія эти не прочны,

жильцы ихъ ненадежны и искусственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впослѣдствіи. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣриныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе, наводятъ тоску; тѣмъ не менѣе строеній этихъ очень много. Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застаиваются въ падяхъ, распадкахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами, горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набитъ до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастіе и круглая бѣдность — неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ, непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти неизбѣжные и тяжелые гости, и во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ и по преимуществу съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемеиться, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побѣгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы, и бываютъ иногда лазейки и выходы. «Безнадежная бѣдность, сказалъ одинъ французскій криминалистъ, также способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство презирать его». Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли чрезъ тюрьмы, этапы и каторгу, и которые выселяются въ домы около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Теребиловокъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки также неизбѣжны и также необходимы для всякаго заводскаго и промыслового селенія, какъ для каждаго большого города слободы: солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы — самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники — обитатели этихъ подгородныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе — жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиной, лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. *Юрдовками* называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ

Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ; *Теребиловкой* называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

— Существуетъ и у насъ такое мѣсто, — увѣряли меня въ Иркутскомъ Усольѣ. Сюда всякій житель подбирается ужъ такой...

Такой житель обыкновенно женится при первой возможности, порывисто, безразсчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если неохотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или крестьянина-старожила, то ссыльно-каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце, и съ большою охотою выходитъ замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или на поселеніи. Становясь женой, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, приковывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, насколько можетъ и умѣетъ, заметаетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію; съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи [1]). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея завѣтныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни, и въ особенности изъ недавней на этапахъ, и не вошла въ ея убѣжденіе, какъ незыблемое и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды; у мужа свои дѣла, радіусы которыхъ всѣ сходятся на одномъ пунктѣ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, и если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права, и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, безсознательно и лишнее бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, гдѣ выработались иные нравы, непонятные для жителей правильно-организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ всѣ пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ

---

[1]) Въ отчетахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Разсказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми увяжется какая-нибудь ссыльно-каторжная женщина, неизбѣжно когда-нибудь и гдѣ-нибудь убиваютъ ее, чтобы такимъ образомъ уничтожить неизбѣжнаго, слабаго, склоннаго на соблазнъ доносчика и доказчика темныхъ и нечистыхъ дѣлъ и преступленій бродяжества! Впрочемъ, это только слухи, на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ на расхватъ.

всякій, кому хочется попытать счастія въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на бо́льшемъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безразсчетнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ; содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что̀ подъ сильнымъ страхомъ и за крѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ неменѣе темныхъ и грязныхъ домахъ совершается на распашку, въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки всѣ тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на пропитаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе дастъ деньги, хотя бы занятіе это и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости, дерзости. Смѣлость города беретъ; она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловки идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шелъ изъ рѣщиковъ какой-либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ гранильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсмы, гдѣ выучился слесарному мастерству и искусству рѣзьбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣльѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миніатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанныя мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги.

Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, внѣ стѣнъ ея, даютъ художествамъ своимъ практическое примѣненіе; на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣмъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ знаній этихъ. Бродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его бо́льшимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля се-

ребромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованныя руки не стащатъ чужого, гдѣ-нибудь за селеніемъ на воровствѣ, гдѣ-нибудь въ селеніи съ грабежемъ [1]).

Бродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ приключеніямъ, ради неодолимаго желанія подышать волей въ тѣхъ же теребиловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаетъ на всякій случай обезопасить прогулку, можетъ получить билетъ съ помѣткою ему какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, небывалыхъ въ теребиловкахъ, съумѣютъ зазвать, съумѣютъ выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе? спрашиваетъ одинъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо — отвѣчаетъ на это ссыльный. Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ кабакѣ заводскомъ совершена была передача вида и учинены литки, на которые ссыльный истратилъ еще 50 коп. сер.

Счастливый и новый бродяга съумѣетъ потомъ во время изловчиться съ этимъ видомъ, предусмотрительно показать его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собой не смотритъ. Такой бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утлыхъ мазанкахъ, и водку нигдѣ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, такъ говорятъ настоящіе живые факты. Слѣдствія и обыски сказываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свинцовыя, рѣже мѣдныя (приготовляемыя на мѣдномъ пятакѣ, у котораго вытирается одна сторона подпилкомъ); что печати, вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочнѣе, потому что коптятъ ихъ на жженомъ берестѣ.

---

[1]) Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались посельщиками или крестьянами, а потому и плата вслѣдствіе того была перемѣнная (за посельщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.) Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Одинъ мастеръ подобныхъ издѣлій, чтобы вѣрнѣе скрыть слѣды преступленія, бумагу для видовъ покупалъ не въ лавкахъ, у торговцевъ, а у школьниковъ, и покупалъ дешево — за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовилъ и выдалъ билетъ, но проставилъ крупный, длинный нумеръ и такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла) сгубилъ пріятеля. Повальный обыскъ у третьяго изъ теребиловскихъ открылъ въ углу между поломъ и стѣной, подъ половицей, фунтъ олова, два небольшихъ подпилка, малое зубрило, пять готовыхъ печатей и шестую начатую, на мѣдной двухкопеечной монетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны: на одной уже красовалась надпись «Козмодемьянской градской думы», на другой начата была другая «Черноярской градской думы». Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажной печатью, срѣзанной съ конверта, «съ роговой костью» и проч. и проч. [1]).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грѣхи, въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и указанія, что не одни только пропитанные и поселенцы, своей семьей или своей шайкой, бываютъ участниками прегрѣшеній. Не ушло бы ихъ дѣло далеко, и не много бы выиграло оно само по себѣ, если бы не находилось подъ непосредственнымъ покровительствомъ у тѣхъ людей, которые пользуются свободой и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характерный) разсказываетъ намъ одно архивное дѣло.

Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

— Я тебѣ деньги заплатилъ, и ты поди вонъ изъ моего дома! — отвѣчалъ одинъ изъ шмельцеровъ, и гонитъ выигравшаго въ шею.

«Ссыльный заюдался по избѣ, схватилъ ножъ, бросился съ

---

[1]) Разсматривая подобныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выносишь такое убѣжденіе, что не одни теребиловки занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссыльные во множествѣ дѣлаютъ указанія на Тарабагатай и другія селенія, такъ наз. семейскихъ, гдѣ были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльныхъ въ руки земскихъ, потому что были плохо приготовлены. Между тѣмъ билетъ, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, выкраденъ былъ у бѣглаго, изъ рукавицы, ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнятъ у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ нимъ уже въ Лаишевѣ (Казанской губ.).

нимъ въ сѣни», но не нашелъ тамъ проигравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось дѣло. Слѣдствіе обнаружило, что у этихъ шмельцеровъ былъ въ квартирѣ открытый и гласный игорный домъ, неизвѣстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дѣланныя карты, что при этой роковой игрѣ водка была обычнымъ угощеніемъ.

«Когда между шмельцеромъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить».

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задѣтаго за самую щекотливую струну сердца, хорошо извѣстную по чувствительности ея всѣмъ горнымъ, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія [1]).

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вмѣстѣ и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ размѣрахъ, слишкомъ исключителенъ по своей спеціальности, но тѣмъ не менѣе, находится въ рукахъ пропитанныхъ, поселенцевъ и самыхъ ссыльно-каторжныхъ. И опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложенія и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контра-

[1]) Участь горнаго служителя, облегченная современнымъ намъ положеніемъ, прежде далеко не обезпечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время: въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ и обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго во время нахожденія отца въ работахъ, или же солдата прежде-бывшаго горнаго батальона. Такимъ образомъ служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ ссыльно-рабочимъ, разнился тѣмъ, что работа для него была почти-безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣже дѣла и тѣхъ же архивовъ переполнены разсказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ показывали единогласно, что «побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволитъ, пробыть отъ оныхъ праздным». Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетьми или шпицрутенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленныя работы, розгами, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

бандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено,—въ особенности золото; спрятать украденное еще легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ розсыпи, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракъ шахты, нѣтъ никакой возможности; труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрятъ зорче и самъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели, а потому арестантъ — лишній человѣкъ, долженъ довольствоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ онъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ велѣно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему непонятныхъ и обсчитываютъ. — Съ купцомъ сходнѣе дѣло: съ нимъ и поторговаться можно и выпить съ него магарычъ на его же счетъ, и пропить, — проиграть полученныя деньги тотчасъ же: куда ихъ беречь и прятать: въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ—бѣда: иной злодѣй убьетъ, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслѣ проѣздомъ, и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденаго, ссыльные казакамъ рѣдко предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденое «хищническое» золото въ порошкѣ и серебро въ слиткахъ [1]) отвозится казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пуститъ его дальше въ ходъ; передачею краденаго занимаются исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды — привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опы-

[1]) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо извѣстенъ способъ плавки, въ особенности серебра. И тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣдлахъ, на ганзахъ (трубкахъ), на огнивахъ серебряныя оправы ихъ собственнаго издѣлія.

тамъ, съ незапамятныхъ временъ) производятъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, съ бо́льшею чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по разсказамъ, совершается весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Доѣзжая до условленнаго, примѣтнаго мѣста въ лѣсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, извѣстными всѣмъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю капиталисту, къ купцу или торгующему крестьянину.

— *Желтую пшеничку* привезла: не купишь ли? Купецъ понимаетъ дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляетъ продавицу къ другому:

— Тотъ не возьметъ ли? — На него указываютъ слухи; а я такимъ дѣломъ не занимаюсь. Мнѣ не надо!

Этотъ «тотъ», всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбивать съ золота цѣну, но также еще не покупщикъ, отсылаетъ бабу къ третьему:

— У меня денегъ нѣтъ; а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проволочекъ и притѣсненій; платитъ большею частію такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги малыя; да мнѣ *благодѣтель* поможетъ, а я ему зароблю.

И, сказывая при словѣ «благодѣтель» его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ узнать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этимъ рядомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабой вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, примѣты котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ); беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держать около себя такихъ вѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды, лошадки. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплавь черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, *аргунскіе казаки* (русскіе и киргизы), отвозятъ покраденое золото, «желтую пшеничку», къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ тороп-

ливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупныхъ выгодахъ и тѣ и другіе, и контрабанда продолжала процвѣтать и усиливаться по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами [1]). На мѣстахъ сбыта золота монголамъ совершаются обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота — бываютъ неудачи и крупныя несчастія.

Одинъ торговецъ выгодно поставляетъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смекало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувши ему второпяхъ мѣдный слитокъ, гальванически-позолоченный, за самородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не являлся и контрабанду брóсилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую розсыпь Кудею прежде всего потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для жолтой пшенички. Это — недавно; а давно — Шилкинскій заводъ былъ центромъ операцій, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность ссыльныхъ на Карѣ, — по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону, — не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы на первыхъ порахъ наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣлъ объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозрѣвали и ловили торговцевъ изъ ссыльныхъ евреевъ, подозрѣвали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ

---

[1]) Золотникъ золота продается купцамъ за 1½ руб., иногда за 2 руб. (въ казнѣ онъ стоитъ 3 руб. 57¾ коп.). Монголы даютъ за этотъ золотникъ десять кирпичей чаю (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чая даютъ купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрываетъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможни въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способы дѣйствованія едва ли. Но, во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперь посвободнѣе и поспособнѣе.

заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетѣ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этимъ заграничнымъ гостямъ не безъ основанія приписываютъ правильную организацію всего по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія «для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ» [1]). И въ наши дни указываютъ на одного изъ контрабандистовъ, который ведетъ сильную карточную игру, и на другого, о которомъ у насъ имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году, уличенъ былъ въ томъ, что пріобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы, и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такія золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса, — и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ, въ окружности, также «въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны; зубчики крайняго ободка толще; вмѣсто звѣздочекъ точки», и проч.

Въ дѣлѣ о томъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женой, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около $1^1/_2$ фунта и наказанный за то шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, наказанъ 30-ю ударами плетьми за участіе въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандой золотомъ и фальшивой монетой, фаль-

---

[1]) Сенаторская ревизія, назначенная потомъ, также какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадалась въ сѣти мелкая рыба съ долями или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй), крупная рыба выскакивала.

шивыми кредитными билетами успѣло многихъ обогатить, малую, почти ничтожную только часть обездолить.

Указываютъ на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденымъ, съ разныхъ золотыхъ промысловъ, золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія идутъ на многіе города въ западной и восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробой выше казенной—монета, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Въ западной Сибири указываютъ на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губ. Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Разсказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старуха подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственныя дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаются въ просакъ; ссыльные часто ихъ надуваютъ; отчего, при такомъ рискѣ, выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противоположнаго свойства — большая рѣдкость: ихъ знаютъ на перечетъ и разсказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и въ попыхахъ, торопливо и на вѣру [1]).

Помимо приготовленія изъ контрабаднаго золота червонцевъ, ссыльные нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ [2]). Не всегда подобное приготовле-

---

[1]) Такъ одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красненькихъ, лежавшихъ на верху и въ низу. Этотъ пересыльный арестантъ возбудилъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искусству своему въ приготовленіи «блиновъ» тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку размѣняли въ кабакѣ; 250 руб. покупщикъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто ихъ нарѣзался на бумагу газетную.

[2]) Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское правленіе пробовало-было считать сорты ихъ и записывать,—да и счетъ потеряло. Насчитало

ніе имѣетъ безразсчетныя, безразличныя цѣли; были случаи, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ историческомъ очеркѣ нерчинскихъ тюремъ, а теперь снова обращаемся къ тѣмъ ссыльнымъ, которые выпускаются на пропитаніе.

Выпускаются на пропитаніе, или лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не посчастливила казенная работа, отняла отъ нихъ послѣднія, растраченныя по дорогамъ и по тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлаютъ такихъ рабочихъ совершенно безполезными, и притомъ бо́льшую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удушье, asthma metallurgica); грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; узлы (varices), какъ послѣдствія работъ, производимыхъ стоя, и питья воды, застоявшейся въ рудникахъ; воспаленіе глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ сальныхъ свѣчъ; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удушье; удушье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ 12-часовой напряженной работы, вызывающей сильную испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ неизбѣжно посѣщаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (ophtalmia carcellaris), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и отдѣленій; замѣчательно обыкновенны скорбутъ, дизентеріи и тифъ, очень часты язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); изнобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ; сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (scabies), какъ неизбѣжная, непремѣнная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній [1]).

оно сортовъ до 25-ти и, видя безполезность работы, вело дальнѣйшій счетъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходившіе съ товарами и другіе иностранцы, появлявшіеся въ краѣ, распускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣнъ. Ѣздили большими партіями.

[1]) Въ Кутомарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ и потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коровъ въ

Выпускаютъ также ссыльныхъ на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр. по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затруднится снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбѣжная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вожделѣннаго званія поселенцевъ или, по-сибирски, посельщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ собой и дѣтей, но заводское начальство, считая ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что «водворить сбродъ людей этихъ, сдѣлать изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности». Ссыльные не-семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случаи при употребленіи на работу внѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житья къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ ссыльныхъ, *пропитанные* (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнею ограниченностью казеннаго содержанія, поневолѣ принуждены бываютъ изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ, они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воруютъ спиртъ и полугаръ; на солеваренныхъ—соль; на золотыхъ промыслахъ—золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ—желѣзо, преимущественно во время работъ въ кричной фабрикѣ и т. под. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что теперь, послѣ многихъ опытовъ, перестали употреблять всякія опредѣленныя и вѣрныя мѣры: подвернется какой-нибудь случай непредусмотрѣнный, не основанный на разсчетѣ и поразительный по крайней случайности, объ немъ разсказываютъ, какъ о чудѣ, и разсказъ превращается въ легенду, которая однако изживаетъ въ памяти народа цѣлые десятки лѣтъ. Такъ напр. черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, разсказанную самимъ авторомъ казуса.

— «Былъ я воръ отпѣтый, и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Иного выпорютъ—онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чортъ

сосѣднія деревни. На людей пары эти имѣли даже благопріятное вліяніе; въ чесночномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края).

самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что̀ чужое, — сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съѣмъ, поколь чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстанутъ чесаться. А таскалъ я все, что̀ подъ руку подвернется; и не надобна другая, да силенъ чортъ внутри сидитъ: что̀ ни видитъ изъ чужого,—все ему подавай. Сидишь-бывало задумаешься; о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу что-нибудь, что̀ плохо лежитъ. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ къ домнѣ (доменной фабрикѣ); у домны увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидалъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и пройти мимо, уже будетъ съ меня, да чортъ-отъ во мнѣ завозился, и мои мысли разсѣялъ, сталъ толкать меня да подговаривать: «иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить». Пошелъ я къ нимъ: что̀ дѣлаете?—да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

Сталъ я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чортомъ втрое сильнѣе товарищей, моя яма глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужъ въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей: Нѣту ихъ,—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ, тоже погулять вышелъ; стоитъ и молчитъ, и во всѣ глаза на меня смотритъ, а луна на ту-пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшенъ онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человѣкъ онъ былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнило начальство). Меня поролъ столько, что я и счетъ потерялъ. Вижу его и смѣкаю: такое-молъ наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные еще и не слыхивали. Слышу, заговорилъ: «Ну-де, я тебя наказывать не стану; палки не донимаютъ; а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!» Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту; какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ цѣлыхъ два часа. Онъ ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидалъ; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего чорта. Съ мѣста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ; легко таково.»

Ссыльный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ [1]).

---

[1]) Другая арестантская гроза, громившая ссыльныхъ на Карѣ въ первое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугалъ палача. Карійскій палачъ торговалъ

Какъ бы то ни было, но это шатанье по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ; этотъ хлѣбъ, горькій и черствый, дѣлаетъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного, и всѣ неблагопріятные. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствъ къ пропитанію, значитъ включить себя въ отдѣлъ бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь поймаютъ, посадятъ въ острогъ, просудятъ долго, накажутъ и опять отправятъ туда же, или еще дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значитъ не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. И чѣмъ дольше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго, переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запутаннѣе житейскія обстоятельства, и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и эльдорадо. Большая часть уходитъ въ бѣга; меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня: самая малая часть запутываетъ себя женитьбой и за ней кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ-называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишнюю кроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный; начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но и молчитъ объ этомъ злѣ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и имѣющемъ въ большей части случаевъ вѣрный успѣхъ.

У нѣкоторыхъ «пропитанныхъ» страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничитъ съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной, настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣлъ одежду. Архивъ Нерчинскаго большого завода знакомитъ насъ съ однимъ изъ такихъ помѣшанныхъ, успѣвшимъ подговорить на свое воровство товарищей. Этотъ Богрядскій сознался въ томъ, что,

---

виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ ѣздилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онъ наскочилъ со своей контрабандой на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ и не зналъ, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою, и ограничился короткою сценою: — Боишься ты меня? — спросилъ онъ палача. «Боюсь очень!»—отвѣчалъ тотъ.—А какъ очень?—«Больше Бога!»—отрѣзалъ палачъ—и выигралъ: взысканія не послѣдовало.

для промысла своего, часто посѣщалъ госпиталь, тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ, грабежъ производилъ по ночамъ и въ темнотѣ иногда ошибался: разъ разсчитывалъ ограбить служителя, но попалъ на ссыльнаго, «ободравши рубаху видѣлъ знаки на спинѣ отъ наказанія». Разграбилъ пять могилъ, на послѣдней попался. Награбленныя вещи продавалъ и деньгами корыстовался: вотъ-де единственная цѣль его преступленія. По статейному списку было видно, что Богрядскій уже былъ наказанъ кнутомъ за такія же дѣла еще во время работъ его въ ссылкѣ на Селенгинскомъ солеваренномъ заводѣ, да и изъ западнаго края былъ сосланъ за тоже. Награбленныя вещи сбывалъ служителю черезъ товарища и земляка своего, по фамиліи Полещука: служитель же любилъ принимать все краденое и платилъ наличными деньгами. Другіе «нропитанные» на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцевъ, которые-де «продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыхали».

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ ссыльнымъ, которыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которыхъ люди, близко ихъ наблюдавшіе, пишутъ такія строки: «Ссыльные, пробывъ большею частію двадцать, а съ добавленіемъ срока работъ за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работъ и водворяются на поселеніе. Но люди эти или воры, или пьяницы; благонадежнѣе изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣпи или пробыли прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добропорядочные люди между женатыми; но пьянство — общій порокъ всякаго рода арестантовъ, и бѣдность —удѣлъ каждаго изъ нихъ, до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшеніе быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири—дѣло трудное, на мѣстѣ его почти невозможное. Иниціатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири и людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига, и ссыльный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая по стольку и цѣнится, по скольку она больше заработываетъ». Таково, по крайней мѣрѣ, это дѣло теперь; не знаемъ, какимъ оно будетъ впослѣдствіи.

Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, «пропитанный», даже и тотъ, у

котораго отпала охота къ бродяжеству и лѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивши право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на спеціальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ разсчета, и едва-ли не происходитъ оттого все его несчастіе. Потому-то выпущенный на пропитаніе, наприм. на винокуренномъ заводѣ, продолжаетъ рубить дрова для печей, топитъ эти самыя печи, чиститъ винничную посуду, приготовляетъ заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, качаетъ машиной воду въ сосуды, спускаетъ брагу изъ одного ящика въ другой, качаетъ машиной раку изъ нижней десятни въ верхнюю, приготовляетъ лѣсъ и дѣлаетъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несутъ еще бо̀льшую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности; у контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадь или деньги, которыя потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что̀ ни наложатъ, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома̀ строятъ и всякія починки исправляютъ, а хлѣбъ получаютъ солодѣлый, тотъ самый, который для винокуренъ такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупаетъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаніемъ труда чернорабочими, а на сибирскихъ заводахъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. «Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на нерчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40 и 50 на винокуренныхъ неудовлетворяютъ простымъ, животнымъ, не только человѣческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производительные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются».

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостію лѣтъ и увѣчьемъ и приписывались, вмѣсто богадѣльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ, солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и въ 96 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной оффиціальной записки,

эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали тоже самое. «Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованія самаго завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткѣ земель для пашенъ. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для вешней и лѣтней поливокъ, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой».

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ велѣно приписать въ крестьяне — всѣ молодыя руки поспѣшили воспользоваться свободой, всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, «по усиленнымъ убѣжденіямъ», нѣкоторые пропитанные согласились жить въ заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Но переворотъ 1838 г. подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, въ высокоторжественные дни на иллюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ не прочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельнаго начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое переходное состояніе — самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частаго исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы намѣренно начнутъ быстро возрастать въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доведутъ до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ восточной Сибири, гдѣ пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ

Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое выростаніе цѣнъ на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ ветошь. Исторія Тельминской фабрики служитъ прототипомъ. Вызванная искусственно для приготовленія солдатскихъ суконъ, она щелкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дира въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату—пишутъ, но отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дира, опять пишутъ и получаютъ разрѣшеніе, но пока—на починку первой. Въ концѣ концовъ диръ накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сдѣлался огромнымъ: надо новое платье строить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали-было выворотить сукно на изнанку, стали считать и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику, отступиться. Позвали покупщиковъ; тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь никуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ фабрика приселила и прикормила много рабочихъ: много народу скопилось. Куда его дѣвать? Смотришь, земли забрали старожилы-крестьяне, разумѣющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ техниковъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни никуда не годится, ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постояннаго нажиманія ея у станка, сухіе, какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ смѣшиваться съ поселенцами-земледѣльцами.

Ссыльные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтьми своими поступались на пользу заводовъ. И хотя до совершеннолѣтія ихъ не велѣно принимать въ работу, но начальство, соображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а не рѣдко и съ 10 лѣтъ; и потомъ хвасталось: «сыновья ссыльно-рабочихъ составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ». По 8-й ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду, стали жаловаться: «не смотря на всѣ старанія пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись: по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства». Уволеннымъ уже «не производилось ни опредѣленной по заводу платы, *ни хлѣба* даже и въ тѣхъ слу-

чаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда пріостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-е марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собой и дѣтей побираться вмѣстѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но «пропитанные» старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались недѣйствительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ [1]). Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами, и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ усиленныхъ мѣръ. А затѣмъ все-таки отвѣтъ одинъ: «водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдѣлать ихъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется къ тому никакой возможности».

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ чрезъ переходное и странное состояніе пропитанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ мѣра эта усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходятъ люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посильнымъ терпѣніемъ и на безвыходности тяжелой жизни умѣютъ еще складывать пѣсни, выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе, и вѣра въ будущее; въ тюрьмахъ каторжныхъ поется между прочимъ и такая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина моя молодецкая!
Ты къ чему рано появилася,
Во черны кудри вселилася?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодецкая!
Я не чаялъ тебя измыкати.
Ахъ, измыкалъ я свою молодость

---

[1]) На Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ отношенія всякихъ заводскихъ рабочихъ разъ выяснились въ такой цифрѣ: ссыльно-рабочихъ 276, пропитанныхъ 311, малолѣтковъ 197, вольнонаемныхъ—9.

Не въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ:
Во проклятомъ одиночествѣ!
Изошолъ-то я, добрый молодецъ,
Съ устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку:
Не нашолъ-то я, добрый молодецъ,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцевъ-то — ясныхъ соколовъ,
Ни сестрицъ-то—бѣлыхъ лебедушекъ;
А нашолъ-то я, добрый молодецъ,
Полоняночку — красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, къ житью-бытью которыхъ мы и переходимъ теперь.

V.

НА ПОСЕЛЕНІИ.

«Поселенецъ, что младенецъ, — что̀ видитъ, то̀ и тащитъ», говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ промышленныхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

«Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучшій поселенецъ): не вѣрь ему!»—выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ *посельщика*. Слово «посельщикъ» на языкѣ сибиряковъ-старожиловъ сдѣлалось браннымъ, и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце, и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ — *варнакомъ*. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ *гульнымъ*, *прохожимъ* и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партіи по этапамъ, не иначе, какъ *несчастнымъ* и даже *болѣзненькимъ*,—того же самаго *несчастнаго*, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ и слово «варнакъ» пріурочиваетъ именно къ поселенцу

(потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ у сибиряка придуманы другія бранныя слова: храпъ, каторжанъ, *чалдонъ*).

Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожилъ-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который съумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. И становится поселенецъ затемъ старожила развѣ только въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ съумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принесенныя изъ Россіи, или на крайній случай такъ заполонилъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выдти изъ воли родительской и отдалась доброму молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ *убѣга*. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца дѣйствительно безвыходное, и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе не рѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ, или экономически-выгоднымъ. Взамѣнъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцевъ, оказывается множество помѣсей съ инородцами, метисовъ. На Оби русскіе объостячились, на Енисеѣ — отунгурились, на рѣкахъ: Ленѣ, Алдонѣ и Маѣ объякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и монголокъ, и отцовъ: сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцевъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе полное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскихъ началъ, за безлюдьемъ и удаленіемъ въ тайговой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ диковинокъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца—тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ ишимцамъ стараго грѣха фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинами); не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцевъ самосадошниками (за тайную сидку вина) и курганцевъ—конокрадами. До сихъ поръ енисейцевъ зовутъ сквозниками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гроболазами. По поводу послѣдняго охотливо разсказываютъ про нихъ такой слу-

чай: Плыла-де по Енисею барка, остановилась у города; на баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ гробу томъ покойникъ; енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника — за какіе-нибудь продажные пріисковые товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стихъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Красноярцы
Сердцемъ яры:
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ козлина шерсть.
Оттого они не сильны,
Что отцы ихъ были ссыльны.

Насколько сильно отвращеніе коренного сибиряка отъ пришельца — ярко свидѣтельствуютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ [1]) и назначаетъ полплаката арестантскаго содержанія старожилу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примѣняется; старожилъ гнушается поселенцемъ и дѣлаетъ для него исключеніе развѣ только въ томъ случаѣ, когда теребитъ нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время, когда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ поселенца беретъ, зимой гонитъ, но, и принявши его въ рабочую страдную пору, стѣсняетъ во всемъ и обижаетъ чѣмъ ни попало,—старожилъ-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что «посельщику нѣтъ вѣры и давать ему ее не велѣно». Условную заработную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то наймитъ выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ; но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и, задавать впередъ этихъ денегъ больше, — поселенецъ запутается въ тенетахъ неоплатныхъ долговъ и долго удержится на одномъ

[1]) Ст. 676 Уст. о ссыл., изд. 1857 г.

мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на-руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда посредствомъ чрезмѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ является въ Сибири особаго рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей къ старымъ, рабочаго къ нанимателю. У самихъ же поселенцевъ выразилось это въ цѣлой пѣснѣ, которую, не смотря на ея искусственность, охотно распѣваютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго монарха —
Мы спѣшимъ въ восточный край.
Мы ко рѣчкѣ приходили,
И садились на песокъ;
Тамъ увидѣли — увидѣли
Слѣпаго старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чернаго кусочекъ
Въ сумкѣ положонъ лежалъ.
— Ужъ ты, старичекъ любезный! —
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
Отчего ты такой блѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
— Ты дитя ли, мое милое! —
(Отвѣчалъ ему старикъ)
Ужъ я тридцать лѣтъ въ Сибири
Я спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня;
Соловарные заводы
Скрыли бѣлой свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ савотъекъ [1])
Все мозоли на плечахъ;
Отъ пузастаго начальства
Все здоровье растерялъ [2]).

---

[1]) Савотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренькія на видъ и дурныя на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ, ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые поступаютъ въ работу, оттого-то стрѣлять савотѣекъ — выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ — значитъ бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжелыя работы на заимкахъ.

[2]) Пѣсня эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ, въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія этаповъ, по проектамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

Эта пѣсня едва ли не единственный гласный отвѣтъ самихъ поселенцевъ на всѣ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе силится стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе чрезъ все чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь назади. Впереди и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, который не озлобляла каторга и не портила въ конецъ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то по преимуществу «несчастныхъ», на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намѣрены теперь сосредоточить вниманіе, въ разсчетѣ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отличія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ, и на тотъ и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, уходившійся, достаточно пошалившій, «надуровавшійся» на своемъ вѣку,—сходнѣе и ручнѣе для работъ, чѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ; второй, какъ необъѣзженный конь, настолько еще дикъ и своеобыченъ, что общепринятыхъ пріемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непремѣнному исправленію, такъ во второмъ — наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той же стезѣ, съ которой свыкся, но, по несчастію, сорвался въ Россіи.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство—люди испорченные, никуда и ни къ чему негодные. Мало того: они — язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и гибельно дѣйствуютъ на коренное населеніе, заражая его тлетворнымъ своимъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожила, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ

въ какія угодно трущобы; такъ, рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же разсчетахъ на несомнѣнное и даже близкое преуспѣяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отзывахъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи [1]) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее:—«Рѣдко случается, въ особенности лѣтомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ, или едва живетъ; иногда застигаетъ его глубокая зима, и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ; иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человѣкъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко проѣзжающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ домы, пытаютъ на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что̀ можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощію крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ловятъ. Болѣе трехъ лѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ наградить одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами: въ которыхъ-нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ловятъ. Это случается по большей части къ зимѣ, и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ зимняя квартира есть тюрьма».

Тридцать лѣтъ позднѣе (уже въ 1861 году) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій [2]) уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ тоже самое, но въ такомъ видѣ:—«Слѣдуя общепринятому порядку, ссыльные, по достиженіи Тобольска, распредѣляются по губерніямъ; въ губерніяхъ они расписываются по волостямъ и отправляются на мѣста въ сопровожденіи каза-

---

[1]) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «Енисейская губернія», Спб. 1835, ч. II.

[2]) Чтенія въ Имп. моск. общ. ист. и древ. россійскихъ.

ковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болѣе провожатыми, нежели конвоемъ. Въ волостяхъ ссыльные распредѣляются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночкѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ такимъ образомъ полную свободу, которою не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ наклонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и нерѣдко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству; берутъ задатки, получаютъ одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ, въ свое время, даютъ имъ всѣ средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ сблизиться съ селеніями и искать въ нихъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаются въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ всѣ тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные человѣколюбивымъ правительствомъ во всѣхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похожденія, еще болѣе укореняются въ безнравственности. Къ веснѣ оканчиваются дѣла о бродягахъ; они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежніе безпорядки».

«Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ». «Въ 1827 году сентября 15-го (говоритъ онъ дальше) утвержденъ проектъ поселенія 5,955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющій въ предметѣ, чрезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 22 деревняхъ; отведена 15-ти-десятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальныя въ сторонѣ; въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ посельщикамъ: тремъ, какъ работникамъ и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по домашнему хозяйству». «Каждый ссыльный получилъ топоръ — и лѣса пали подъ руками работниковъ поселе-

ній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными, и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которые, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана»...

«На это дѣло (прибавляетъ вторая статья) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевъ до урожаевъ, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которыя они обязаны были возвратить впослѣдствіи, по частямъ. Но благодѣтельная сія мѣра не достигла цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои домы и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое *свободное* поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около $^4/_5$ противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе $^1/_{10}$ части?»

Между тѣмъ, «большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія», говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи [1]). «Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и пріобрѣтенную ими до поступленія въ Сибирь привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибири, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: *варнакъ, посельщикъ!*» Прислушайтесь къ разсказамъ туземцевъ, провѣрьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и, въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сказаніяхъ, ищите отвѣта,—вездѣ и неизбѣжно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человѣколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею, положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная

---

[1]) Записка принадлежитъ Мих. Алекс. Гилярову.

порча ссыльныхъ и пріобрѣтается ими привычка жить чужимъ трудомъ? давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно вкоренившійся въ общественное убѣжденіе и—должно сказать правду—отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте оффиціальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случаи совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга — вамъ единогласно отвѣтятъ: *въ тюрьмѣ!*

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учрежденій (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны): вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма, или попросту, острогъ — складочное мѣсто всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя порождаются разложеніемъ кое-какихъ частей общественнаго организма. Складчики и носильщики — это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды для ея же безопасности и которые тѣмъ съ большею охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находятъ себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, самые благонадежные и прочные резервуары, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ міазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественнаго организма.

Чего, прежде всего, недостаетъ русскимъ тюрьмамъ; въ чемъ главнѣе всего нуждаются русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ не труденъ: нашимъ тюрьмамъ недостаетъ правильнаго раціональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ прежде и главнѣе всего нуждаются въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ—этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованія, и притомъ такой дѣятель, участіе котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинство добродѣтели, — въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ никогда не имѣлъ достаточно-практическаго примѣненія. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющій волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, — въ тюрьмахъ забытъ, какъ забыто и то, что можно что-нибудь поставить выше самой добродѣтели, — выше ея встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ, какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастіяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнялась жизнь большей части тѣхъ людей, которые сѣли въ тюрьму; на большую половину этихъ людей, эти неудачи и не-

счастія сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что бо́льшая часть тюремныхъ сидѣльцевъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселеніе — не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ничего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявши у нихъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбѣжно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, на почвѣ бродяжества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу, и бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста сѣлъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселеніе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами — людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы; у бродяги либо совсѣмъ нѣтъ пріюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженіемъ изъ ихъ искусственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго) — либо куклишъ четырехугольной губерніи, либо онъ — житель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академіи или по просту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремныхъ учрежденій: внутренній порядокъ общежитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжныхъ товариществъ; въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который извѣстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки; тѣже игры и способы препровожденія времени; тѣже карты и пріемы игры какъ въ дальнихъ сибирскихъ тюрьмахъ, такъ и въ обѣихъ столичныхъ, въ избыткѣ наполняемыхъ воришками, карманниками и мошенниками. Бродяга въ тюрьмѣ—привилегированное лицо, острожный аристократъ. Именами бродягъ преисполнены списки тобольскаго Приказа о ссыльныхъ, и цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за преступленія самая большая на сторонѣ такъ называемыхъ непомнящихъ родства, т. е. настоящихъ, коренныхъ бродягъ.

Какое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодѣйствію могли внести въ тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнивые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! И могли ли они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченіи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудіями празднаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли удержать заключенныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и выстроились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а смотрители старались не уморить сидѣльцевъ съ голода (а потому и руководствуются кое-какими урочными положеніями и пользуются кое-какими подаяніями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развивать себя на бездѣльи и праздности — въ тюрьмахъ не думали. Частные опыты, имѣющіе въ общемъ видъ порывистыхъ, временныхъ и неорганизованныхъ предпріятій, давали въ результатѣ только то, что въ одномъ мѣстѣ пріучаютъ всѣхъ къ переплетному мастерству, когда и книги-то въ томъ городѣ читаются лѣниво и мало; въ другомъ хотѣли сдѣлать изъ острога столярное заведеніе въ то время, когда мѣщане этого города были столярами, издѣлія которыхъ пользовались извѣстностью и дешевизною далеко за предѣлами ихъ губерніи. Попадется въ острогъ сапожникъ, на него уже готовы ноги товарищей, которые, въ то время, когда искусникъ тачаетъ дратвой—пляшутъ на досугѣ трепака; попадется работа съ воли и стало быть съ платою, въ тюрьмѣ на деньги требованія большія: онъ этихъ денегъ на себѣ и половины не увидитъ. На ближайшее тюремное начальство арестанты работаютъ даромъ повсюду, на высшее губернское и уѣздное—за самое ничтожное вознагражденіе, и работаютъ притомъ самымъ сквернымъ, безтолковымъ и нечестнымъ образомъ, при всегдашнемъ вѣроятіи риска на порчу и на пропажу матеріала. Казенныя орудія и инструменты до такой степени не достигали цѣли, что самое прозвище ихъ обратилось въ насмѣшку и заказчикъ, не задумываясь, прощаетъ недостатки работы, когда не только видѣлъ, но даже лишь слышалъ о томъ, что мастеръ работалъ казеннымъ инструментомъ. Обойдите всю Россію, просмотрите слѣды арестантскихъ работъ,—что найдете? — либо канавы, прорытыя въ городѣ для стока воды, теперь засорившіяся, либо бульвары, насыпанные такъ, что они значительно уже по бокамъ обсыпались и на серединѣ обузились, и засоренные деревьями такъ,

что онѣ и худо принялись и нигдѣ не даютъ достаточно-густой тѣни. Арестантская работа сдѣлалась синонимомъ работы прахòвой, никуда не годной, оттого, что вся она шла изъ рукъ непривычныхъ, къ труду неохотливыхъ, что вся она шла изъ тѣхъ домовъ, гдѣ праздность и лѣнь — добродѣтель и опыты легкой наживы и ловкаго мошенничества награждаются всеобщимъ одобреніемъ, вмѣняются удальцу въ великую честь и славу.

Въ отвѣтъ на то, что и трудъ ничтоженъ, неправиленъ и непроизводителенъ, что и въ промежуткахъ работъ находятся большія поля и пробѣлы досуга, — арестанты русскихъ тюремъ показали намъ достаточно данныхъ для настоящаго ихъ оправданія и для будущихъ нашихъ поученій. До сихъ поръ наши тюрьмы были мѣстами покоя, лѣни, бездѣйствія, и подъ тѣнью и защитою этихъ началъ стали мѣстами порчи, развращенія, уродства. Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей подчиняющихъ себя только собственной волѣ, но теперь заключенныхъ, тюрьмы ведутъ нескончаемую лѣтопись о различныхъ способахъ къ побѣгамъ, т. е. достиженію того самаго состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущеній въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга человѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; бѣжавшій изъ тюрьмы бродяга — одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. А между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ; въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только-что не каждый годъ случаются эти несчастія. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, какой-нибудь видъ и хоть на первое время какая-нибудь денежная сумма; и вотъ опять рѣдкая тюрьма не пишетъ въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы, либо фальшивыхъ бумажекъ, либо фальшивой монеты. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другаго, уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ, когда арестанты начнутъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательною и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны нельзя не видѣть большаго избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой сто-

роны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону. Кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны, и собственно русскія тюрьмы въ этомъ отношеніи стоятъ по своему уровню даже ниже сибирскихъ.

Вотъ, между прочимъ, къ какимъ видамъ пришло центральное управленіе (министерство внутреннихъ дѣлъ) изъ сравненія свѣдѣній, представленныхъ начальниками губерній о настоящемъ положеніи тюремнаго вопроса[1]). «Число устроенныхъ мастерскихъ слишкомъ незначительно. Большая часть арестантовъ остается праздною и валяется на нарахъ. Недостатокъ работъ губительно дѣйствуетъ на здоровье заключенныхъ, потому что люди молодые, сильные и здоровые, составляющіе преимущественно тюремное населеніе, питаясь въ иныхъ тюрьмахъ черезъ мѣру сытною пищею, требуютъ постоянной физической дѣятельности и страдаютъ отъ избытка силъ, остающихся безъ приложенія. Говоря о недостаткѣ работъ въ тюрьмахъ, губернскія начальства указываютъ, что чистка камеръ, приготовленіе кушанья, пилка, колка и разноска дровъ, ношеніе воды изъ колодцевъ и нѣкоторыя другія подобныя занятія представляютъ почти единственныя работы въ тюрьмахъ, но они занимаютъ весьма малое число арестантовъ. Наконецъ въ одной тюрьмѣ, весьма обильной населеніемъ, какъ оказалось при осмотрѣ ея, даже пища приготовляется наемными поварами, такъ что арестанты остаются въ полнѣйшей праздности». Къ причинамъ невведенія въ тюрьмахъ работъ губернскія начальства относятъ между прочимъ двѣ, которыя — по нашему мнѣнію — должно считать главнѣйшими: 1) «бездѣйствіе ближайшихъ тюремныхъ начальствъ, не дѣлавшихъ даже попытокъ ввести работы до послѣдняго времени», — и потомъ уже 2) «изобильное подаяніе въ тюрьмахъ, которое, доставляя арестантамъ весьма обильный столъ, отклоняетъ ихъ отъ желанія работать», работать правильнымъ и честнымъ способомъ — прибавимъ мы отъ себя — потому что собственно въ полнѣйшей праздности человѣкъ находиться не можетъ и наши тюремщики показали намъ достаточно родовъ своей работы, поглощающей не мало силъ и времени.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ

---

[1]) Сѣверная Почта, № 198-й 1867 года, стр. 791-я, статья VII: «О занятіи арестантовъ работами».

арестанты на досугѣ и шалостей ради устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питейному откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыя въ расплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведерною; въ другомъ углу носилъ прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ — распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не больше косушки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ — по сознанію самихъ арестантовъ — не одну недѣлю: до того «недостаточна заботливость о семъ завѣдывающихъ тюрьмами» и до того не «тѣсно помѣщеніе»! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящикомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого *подвальнаго* натолкнулъ также случай: разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ склянки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣлывалъ ихъ — какъ показалъ на допросѣ сторожъ — одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

«Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ та же статья Сѣв. Почты, составленная по оффиціальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службы въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говорятъ имъ ни проповѣдей, ни поученій и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пещись о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство же между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ грамотѣ не было до послѣдняго времени, и лишь только въ послѣдніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ

и не хотятъ читать; другихъ же общеполезныхъ книгъ нѣтъ и по правиламъ онѣ не допускаются».

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатокъ книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, корень котораго, несомнѣнно, лежитъ въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ неправильности и безтолковщинѣ отношеній между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ не въ одномъ лѣнивомъ отправленіи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленія, духа единства и духа жизни. Живыя на бумагѣ,—правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившійся въ существованіи тюремной общины. Острогъ, воспользовавшись тѣмъ, что враждебная ему сила, вяло дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался-таки до того, что организовалъ изъ себя отдѣльный міръ, мало похожій на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: «онъ составленъ изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, какъ будто званіе каторжнаго составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный» [1]). Хотя составъ этого міра и не многочисленъ (бываетъ, впрочемъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенія), хотя онъ повидимому и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, въ одной общинѣ перваго острога онъ только начинается; на пути (въ этапахъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитія. «Недаромъ —говорятъ острожные—чортъ износилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу». Всѣмъ своимъ составомъ міръ этотъ противодѣйствуетъ всякимъ начинаніямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленія и въ немъ-то главнымъ образомъ надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и смотрителями тюремными и попечительными комитетами. «Замѣчательно то, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшій съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянія; большая часть изъ нихъ внутренно считала себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры молоде-

[1]) Ѳ. М. Достоевскій (Мертвый домъ).

чества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной». Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ онѣ поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни только преподаются новичкамъ; въ русскихъ тюрьмахъ—однимъ словомъ—начинается та нравственная порча ссыльныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ, чѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознаніе пришло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссыльныхъ начинать во время содержанія въ острогахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По числительности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло — въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже едва ли возможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени безполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжнымъ; впослѣдствіи мы увидимъ это еще яснѣе, но теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссыльныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей числительности ихъ въ сравненіи съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначеніе первыхъ — на казенныя работы на промыслахъ и заводахъ, самый способъ примѣненія труда ихъ, подробности содержанія ихъ и ничтожность вознагражденія за трудъ, ясно показываютъ намъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значеніе мѣры карательной; ссылкою хотятъ ихъ наказывать; работами безплатными и принудительными имѣютъ намѣреніе привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возмѣстить тѣмъ на нихъ неудовольствіе и презрѣніе общества. Совсѣмъ противоположное предполагается въ судьбѣ ссыльнаго поселенца: его ссылаютъ, чтобы очистить отъ него испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу; въ разлукѣ съ родиной ему полагается мѣра взысканія и наказанія, но въ актѣ поселенія его въ новой странѣ видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, современемъ гражданина, впослѣдствіи на честномъ трудѣ селянина и семьянина — честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись ихъ смраднаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая) прежде всего отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, ни табаку, ни водки не имѣть; платье казенное, пища казенная и ремесло и

искусство—также чужое достояніе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же,—такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцевъ,—въ этомъ отрицаніи собственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товарищей, заручившихся имъ,—не считается за грѣхъ и не вмѣняется въ преступленіе; да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазѣвавшагося соузника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруетъ поголовно. Бездѣлье породило игру, внезапные обыски денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнимутъ. На пьянство нужны деньги, взять негдѣ: надо красть — либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоитъ денегъ и которую охотно покупаетъ свой же братъ арестантъ, умѣющій выпустить ее за тюремныя стѣны [1]). Обворованный имѣетъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить бѣду свою: въ совмѣстномъ житьѣ такая круговая порука—дѣло понятное. Я и самъ бы сдѣлалъ такъ—думаетъ арестантъ, и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно; и эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю,—съ нея не срывается; по пословицѣ: воръ бѣду избудетъ—опять на воровствѣ будетъ. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хоронушки и дозволяются собственные сундучки, — воровство тамъ одна изъ сильныхъ и приманчивыхъ болѣзней, какъ у людей не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности, и у которыхъ всякая тряпка въ цѣнѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого незамысловатаго искусства, и воровство въ тюрьмахъ доходитъ до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить [2]). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія не много шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка — непредусмотрительность и вѣра въ случай. Послѣдняя очень пригодна для картежной игры, значительно распро-

[1]) Таковы на большую часть сосланные за контрабанду; они же—ловкіе поставщики вина.

[2]) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ — поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

страненной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ вліяніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судитъ потомъ дѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа; тюрьма его не пугаетъ; время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но вскорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ такихъ тюрьмахъ должно преимущественно возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняютъ тюремные обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непремѣнно дѣйствуютъ вредно на ссыльныхъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впослѣдствіи фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упорно и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока наконецъ трудъ — это самое сильное и вѣрное морализующее начало — увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу, связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое-нибудь внѣшнее враждебное возбужденіе, каковы напр. крайняя и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать — паденіе не далеко. Кто-то давно уже сказалъ, что въ праздномъ человѣкѣ уже зародился злой и опасный: порокъ уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только уреченнаго часу и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, съумѣетъ разнуздать страсти, давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, терпя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрекается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые.

Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы много-прощающей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но и изъ собственнаго семейства, становится въ новое положеніе зависимое, не свободное. Лишенный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они прежде всего теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренно и застращиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго влазного, поступающаго въ общинный тюремный капиталъ; отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія обрядамъ и обычаямъ общины и серьезно преслѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Стараніе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидѣвшіе въ тюрьмахъ, преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ — единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли, съ широкаго деревенскаго раздолья, всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастіи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старыхъ кадетъ, ихъ опасные примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же развратными, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая перемѣна — это тюремная тайна, но фактъ превращенія совершается замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошь и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простоплетенаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклончиваго, ловкаго, опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалитъ этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и от-

даленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому-либо, они должны будутъ заняться работой, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей, принять убѣжденія болѣе общественныя и правила, болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности; нравственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленій больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинила ушедшимъ разлука съ родиной, друзьями и ближними навсегда; между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Безъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти причину преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ: но какъ безполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служитъ мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастія, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Но мысль потерять навсегда то, что̀ ему дорого, — уже свыше его силъ. И какой неоцѣненный случай застать его въ этихъ размышленіяхъ, развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные наканунѣ своей ссылки находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути къ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе увлекающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозные и гибельные. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всей предшествующей ссылкѣ обстановкой, — тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцевъ, благопріобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрь-

махъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, любовь и надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что — какъ извѣстно — онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на «мѣсто причисленія», пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызганной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. Насколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуваженіе, насколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонятъ къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапахъ и въ тюрьмахъ нѣтъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одежду ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и безчестятъ того, кто покрытъ ими. Пища, которою кормятъ ссыльныхъ, завершая полноту униженія, въ тоже время качествомъ и количествомъ своимъ не много даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силъ для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы намѣренно стремится къ тому, чтобы унизить, а по возможности и уничтожить въ человѣкѣ человѣка.

Этапное путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни; тюрьмы пріучили поселенца къ грубой и праздной жизни, и во всякомъ случаѣ сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣвственная земля, новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно-размѣренной и устроенной жизни въ конецъ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявитъ новая страна, и даютъ ли даже какое-либо понятіе о Сибири? Вмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастіи для тѣхъ, которые честно исполнятъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, — ссыльные остаются въ томъ же убѣж-

деніи, что ихъ гонятъ въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надѣяться на какія-либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки принимаютъ ли ихъ лица, спеціально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія ихъ характеръ, нравы и привычки, и наконецъ лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ, съ нуждами окольнаго люда? — Напротивъ: дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцевъ ослаблены; люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльныхъ,—люди случайные, весьма часто новые, и во всякомъ случаѣ не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведутъ даже къ тому заключенію, что бытъ поселенцевъ оставленъ на произволъ судьбы; люди, которымъ они ввѣрены, слишкомъ равнодушны къ нимъ даже до того, что въ отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія больше раздражительности и несправедливостей, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные — лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ по отношенію къ ссыльнымъ лежитъ печать слишкомъ явнаго равнодушія и распущенности; предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюремъ и этаповъ, къ довершенію бѣды испорченнаго ими человѣка, его встрѣчаетъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, и 50-ти копѣечный взносъ въ экономическую сумму ссыльныхъ; но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ Уставъ о ссыльныхъ 1822 года.—«Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго генваря; неуплатившихъ во время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся. Для обзаведенія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный зем-

скій надзоръ; причемъ съ перваго по водвореніи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-тилѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственныя деньги, которыя имѣлъ онъ при отправленіи въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обзаведется, то платитъ положенную подать, оставаясь въ прежнемъ положеніи». Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что̀ оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генерала-губернатора Восточной Сибири, написаннымъ 20 марта 1825 года:—«Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5,306 и неспособныхъ 476; всего 5,782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться, и въ такомъ случаѣ должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ изъ-за одного хлѣба или проживаютъ праздно, со вредомъ для старожиловъ: мѣры же обыкновенной полиціи не сильны сему поставить преграду». «Нельзя ожидать скораго водворенія ссыльныхъ, ибо сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, находятся въ обязанности платить подать, къ пріобрѣтенію которой удобно въ Сибири только лѣтнее время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться». Тоже самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернаторовъ разрѣшены были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая велѣно облагать податями и 50-копѣчнымъ сборомъ съ 1 іюля; поступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 генваря, «дабы они могли воспользоваться рабочимъ временемъ для пріобрѣтенія денегъ на подати». Тогда же разрѣшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человѣкъ ссыльныхъ, поступившихъ на приселеніе къ одной изъ волостей Каинской округи, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начинаютъ помышлять объ обзаведеніи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостью и, при невозможности уплачивать, продается скудное ихъ достояніе

за безцѣнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо бо̀льшую плату. Сенаторы, ревизовавшіе западную Сибирь, удостовѣрились на мѣстѣ въ крайней и величайшей трудности посѐльщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безъ всего, кромѣ полуизношеннаго, оставляемаго имъ казеннаго одѣянія, вдругъ найти средства къ про̀питанію, къ обзаведенію домоводствомъ и къ платежу податей, и что «собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ уныніе и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостнѣйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои». Эта жалоба вызвала льготные годы, и 9 ноября 1832 года постановлено, тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обзаведутся, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освобождать отъ податей и повинностей еще на три года. Неумѣвшихъ обзавестись велѣно облагать поселенческою податью, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцевъ мѣрами этими все-таки не исправлена и, черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, намъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь до сихъ поръ представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало-по-малу становятся осѣдлыми, но осѣдлые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣняющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидуумъ не сидитъ спокойно на мѣстѣ. Если у кочующихъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевниковъ изъ осѣдлаго племени людей вмѣсто закона всталъ произволъ и передвиженіемъ ихъ управляетъ какой-то незримый и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину; остальная безразлично и непосѣдно бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрьмы съ низу до верху и затрудняя мѣстныя власти до крайней степени. Вотъ что говорятъ правдивыя цифры въ подкрѣпленіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселеніе и на житье 5,011 мужч., 970 женщ. — въ 1838 году возвра-

щено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣстъ поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества [1]).

Въ 1834 г.	принято	посел.	4,919 м.	1,291 ж.;	въ 1839	возвр.	бѣжав.	727 м.	14 ж.
— 1835 —	—	—	5,455 —	1,538 —	— 1840	—	—	813 —	20 —
— 1836 —	—	—	7,251 —	1,357 —	— 1841	—	—	1,067 —	41 —
— 1837 —	—	—	6,550 —	1,260 —	— 1842	—	—	826 —	23 —
— 1838 —	—	—	5,221 —	1,177 —	— 1843	—	—	564 —	15 —
— 1839 —	—	—	6,057 —	1,135 —	— 1844	—	—	574 —	10 —
— 1840 —	—	—	6,284 —	1,256 —	— 1845	—	—	506 —	28 —
— 1841 —	—	—	6,203 —	1,129 —	— 1846	—	—	328 —	16 —

Такимъ образомъ, изъ 52,951 мужч. и 11,123 жен., сосланныхъ на житье и на поселеніе, бѣгали въ Россію 5,800 мужч., 208 ж., или съ небольшимъ 10-я часть всего поселенческаго населенія, вновь собраннаго въ Сибири за тѣ же девять, случайно нами взятыхъ лѣтъ.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что «ссыльнымъ не нужно поселеній: ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глупой волѣ и преступленіямъ», что «побѣги повторяются нѣсколько сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домосѣдами». Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ: мы достаточно видѣли и причину постояннаго скитанья поселенцевъ по чужимъ дворамъ и доказательства слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими [2]). Конечно, всему бываетъ конецъ: ссыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродяжества, осѣдлыми; бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣстѣ, и сидитъ на немъ, не срываясь, не сбѣгая. Но это все частные отдѣльные случаи; общая картина показываетъ другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати

[1]) Года беремъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добирались до стараго пепелища, гдѣ годъ удалось имъ прожить подъ угрѣюю и защитою родныхъ; два года посидѣть въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на смотръ и учетъ въ Тобольскѣ.

[2]) Разсказываютъ за достовѣрное люди, лично знавшіе арестанта, бѣгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, били кнутомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до цѣли, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ Ярославскую тюрьму, получилъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошелъ въ Сибирь уже съ женою.

пяти лѣтъ [1]) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житье 214,583 человѣка (181,822 мужч. и 32,761 жен., а между тѣмъ сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отмѣною, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться; но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Оно составляетъ теперь только до 3,350,000 душъ, раскинутыхъ на пространствѣ 250,000 кв. миль, и потому далеко не соотвѣтствуетъ потребности края. Къ числу многихъ причинъ относятъ также и безнравственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: — «Исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились! Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія всѣхъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, и затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій. Отсюда произошло непомѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты». И все это произошло въ такой странѣ, гдѣ «необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже плохо обработанной, даетъ нерѣдко урожаи ржи самъ-15-ть и болѣе, и гдѣ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла, и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) измѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыс-

---

[1]) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ; за два года промежуточные и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумѣется, не считаемъ сосланныхъ на каторжныя работы; число каторжныхъ за извѣстные намъ года возрасло до 44,503 человѣкъ (40,357 мужч. и 4146 жен.) Такимъ образомъ число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь ссыльныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259, 086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1754 по 1868 годъ всего количества ссыльнаго населенія, которое дала Сибири Россія—около девятисотъ тысячъ душъ обоего пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ $^1/_6$ часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше *750 тысячъ* человѣкъ.

кать средства къ ихъ занятіямъ, которыя бы принесли бо̀льшую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и го̀сударству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности безбрачной жизни ссыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между ссыльными, нынѣ въ Сибири находящимися, и 5) устроить всѣ возможныя мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлкахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности.»

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцевъ, когда взглянемъ на нее попристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто, — во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергіи, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно убереглось покорности судьбѣ и желанія покориться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальную родину. Если съ одной стороны чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе побывать и увидѣть ихъ снова, то съ другой стороны, надобится много сильныхъ причинъ, чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глазахъ самихъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные вновь, водворены съ новыми стѣсненіями въ кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, изъ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ, и проч.). Между тѣмъ не рѣдкость въ Сибири такіе случаи, что бѣгали въ Россію семейные поселенцы и уво̀дили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за ссыльными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочнѣе сидитъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастія разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка, а отецъ-большакъ дѣлается кукушкой въ истинномъ и переносномъ значеніи слова: либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, *на вѣстяхъ у генерала Кукушкина*. Про одиночекъ изъ

поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумѣется, уже нѣтъ крѣпкихъ путъ, привязывающихъ къ мѣсту; даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путъ, какими, повидимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибылаго старожилъ всегда встрѣчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земляного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортомъ, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальныхъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставятъ преграду — какъ мы выше сказали — сибиряки - старожилы. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для житья и работъ въ собственномъ домѣ: въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачами первой. Женщинѣ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер., въ десятилѣтнюю ссуду, заимообразно. Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ — этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жесткихъ, злыхъ и сильно-огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни перемѣнѣ испорченныхъ нравовъ у поселенцевъ, не служитъ и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцевъ въ Сибири — до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повторенным въ царствованіе Екатерины II [1]).

[1]) Замѣчательно, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патріархъ Филаретъ вознамѣрился прекратить зло и послалъ тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовмѣстную съ уставами православной церкви, и поставляетъ на видъ: 1) «что въ Сибири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами; при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденыхъ въ Россіи дѣвицъ продаютъ въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахини уходятъ изъ обители и живутъ въ мірѣ». Въ 1637 году прислано было

Пособія, выдаваемыя поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія къ семейной жизни и «для улучшенія домообзаводства», не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ пріискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ: деньги выдаютъ исправники, которымъ нѣтъ физической возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены деньги, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знаютъ отъ экспедиціи о ссыльныхъ, что деньги назначены къ выдачѣ такому-то, а когда и сколько получитъ онъ ихъ — правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знаютъ даже и того, кому, когда и сколько назначено пособія и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣютъ свѣдѣній ни о времени, ни о количествѣ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшенномъ размѣрѣ (волостные писаря въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Каинскаго округа), гдѣ вмѣсто 50 руб. сер. получено тремя поселенцами только по 112 руб. ассигнаціями, т. е. всего 32 руб. сер.: 54 руб. завязли въ карманахъ передатчиковъ [1]).

Если такимъ образомъ уходъ поселенцевъ съ мѣстъ водворенія въ русскую сторону, вызывается въ одно время и тоскою по родинѣ и негостепріимствомъ новаго мѣста и новыхъ сосѣдей, — то, вообще, тасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждаются другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бро-

---

въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году, сибиряки начали женъ уже покупать; такъ въ этомъ году дѣлается извѣстнымъ, что русскіе березовцы покупали у остяковъ дѣвочекъ и платили за семилѣтнюю остячку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, и мальчикъ того же возраста стоилъ 25 копѣекъ.

[1]) Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернское правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству; казначейство выдаетъ исправнику; исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, — отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переписки и излишней проволочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму, и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что̀ именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему тутъ припутанъ исправникъ, когда спеціально для ссыльныхъ учреждены экспедиціи, и смотрители поселенцевъ теперь не что иное, какъ писцы экспедицій?

дягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибири сплошь и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ собственно этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ напр., губернскіе остроги и остроги тѣхъ городовъ, въ которыхъ бываютъ торговые и промышленные съѣзды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и съѣздовъ для найма на золотые промыслы) часто переполняются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцевъ, которые перешли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мѣра эта, — благодѣтельная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, — безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи поселенцевъ, не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ: у большей части поселенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственныхъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго ихъ водворенія; къ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ труду началамъ. Ссыльный идетъ въ другую волость, гдѣ сильнѣе требованіе на работника, идетъ въ городъ, гдѣ всегда вѣрнѣе заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шелъ по приглашенію и съ намѣреніемъ непремѣнно заработать деньги для платежа податей и для собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ въ концѣ іюля 1859 года сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человѣкъ, и такіе мнимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и болѣе: всѣ — изъ водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ, всѣ — пріѣхавшіе на базаръ и взятые полиціею «за безписменность». Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходятъ въ крайнее разореніе, особенно, если таковой поселенецъ — одинокій человѣкъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣднее достояніе и только лишь вышелъ изъ нея — онъ уже пролетарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей [1]). Въ томъ же томскомъ острогѣ, пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ-было съ наръ, хотѣлъ встать на ноги и тот-

[1]) Отчего бы взятыхъ на базарѣ не приводить въ экспедиціи для сличенія примѣтъ и для отправки на мѣсто? Двойственность власти и на этотъ разъ усложняетъ дѣло такъ, что отъ обилія подобнаго рода бродягъ ломятся сибирскія тюрьмы и въ усиленной бумажной дѣятельности тонетъ живое и настоящее дѣло.

часъ же, противъ собственной воли, грохнулся снова на нары. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, сугорбый, съ одышкой, весь искалѣченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ, и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногій старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьёзной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму!

Изъ богадѣленъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроенная въ г. Маріинскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ — бойкомъ и достославномъ нѣкогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержится опрятно и даже щеголевато, но въ ней помѣщается только 20 человѣкъ. На 20 же человѣкъ устроена и другая, намъ извѣстная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маріинскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Каинскаго округа) мы знаемъ то, что она занимаетъ два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесенъ полуразвалившимся плетнемъ. Но и въ этой помѣщаются избранные счастливцы, тогда какъ сотни другихъ «неспособныхъ» терпятъ холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, «полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубищахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ всякаго призрѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по́-міру, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ» [1]). Между тѣмъ обѣ губерніи, Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1853 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, теперь остаются преимущественно при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могутъ обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ [2]).

---

[1]) Состраданіе и участіе благороднаго человѣка, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи: 18 поселенцевъ, проживавшихъ въ частныхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для призрѣнія поселенцевъ.

[2]) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта (15 іюня 1859 г.)

Разрядъ «неспособныхъ», какъ извѣстно, опредѣляется тобольскимъ Приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣлялъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житье, и въ неспособные). При этомъ, судя по табели Приказа за 29 лѣтъ (съ 1823 по 1852 г.) замѣчательно то, что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука — владыка); на поселеніе и житье больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось люду неспособнаго. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями Приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаемся снова къ поселенцамъ, которые уводятъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бездомовнаго скитанья и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливому случаю, что нѣкоторымъ удается сразиться со всѣми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно попатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первымъ хуже; вторые счастливѣе. Докончимъ о первыхъ: намъ остается сказать немногое.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удается какимъ-нибудь образомъ выстроить свой домъ и обзавестись собственнымъ маленькимъ хозяйствомъ,—онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій; между прочими ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окаши-

---

положило ссыльно-поселенцевъ, для прекращенія праздности и бродяжества, назначать, по особому судебному приговору, въ казенныя работы по западной Сибири. Сосланные на житье, впредь до окончательнаго устройства сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ, остаются покуда на прежнихъ правилахъ. Переселенные въ порядкѣ административномъ, получили право жить исключительно въ западной Сибири (если сами не пожелаютъ водвориться въ восточной), могутъ записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошемъ образѣ жизни, возвращаться даже на жительство въ Россію, только не въ ту губернію, изъ которой удалены и не въ сосѣднія съ нею.

ваютъ и опахиваютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемыя въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ міроѣда-богателя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ одинъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ пріобрѣтателямъ и обидчикамъ; знаменитый богачъ К..., ворочавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами цѣлой половины Забайкалья, всего Нерчинскаго края — былъ не послѣднимъ. Простодушіе сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ цѣновщиковъ ихъ труда, но и совѣтниковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова, отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія, — значительно поблѣднѣлъ теперь и измельчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больныхъ такихъ числомъ стало еще больше и нѣтъ въ Сибири околодка, гдѣ бы какой-нибудь міроѣдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны; въ Сибири они еще поражаютъ силою своего вліянія, прочностію своего положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки, наскакивала коса на камень, но далеко не вездѣ; а западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше, чѣмъ восточной. Тамъ еще и до сихъ поръ у рѣдкаго изъ купцовъ богатыхъ городовъ, въ родѣ Тюмени, нѣтъ своей деревни, въ которую онъ ѣдетъ какъ въ свое помѣстье, гдѣ его боятся и имъ живутъ. Міроѣды эти, извѣстные каждый въ своемъ околодкѣ подъ шутливымъ прозвищемъ «губернаторовъ», во многихъ мѣстахъ поражаютъ еще до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики въ родѣ купцовъ Л..., П.... и другихъ и для западной Сибири настолько сильны, что бытъ поселенцевъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣющими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожны вліяніемъ своимъ, парализованнымъ вмѣшательствомъ

болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрятъ съ пренебреженіемъ, — только за то, что они хоть и чиновники, но представители *посельщиковъ*, *варнаковъ*. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ интереса, смотрятъ на нихъ какъ на парій; отсюда, передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виноватъ. Смотрители, вмѣсто того, чтобы быть адвокатами, посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, имѣть строгое наблюденіе за сборомъ съ поселенцевъ податей, принимать мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которыхъ имъ не дано), а въ своихъ дѣйствіяхъ они постоянно встрѣчаютъ оппозицію со стороны земскаго и волостнаго начальствъ. Оттого положеніе смотрителей чисто пассивное. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ человѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлаетъ, смѣло оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ; волостныя правленія не исполняютъ никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣдѣніе, и проч. [1]). Когда подъ вѣдѣніемъ земской полиціи поселенческія недоимки стали значительно возрастать и возбудили серьёзную заботу, и когда изслѣдованы были ближайшія причины (не во многомъ отъ самихъ поселенцевъ зависѣвшія), то замѣчена была одна любопытная. Подати съ поселенцевъ, какъ извѣстно, собираютъ особые сборщики изъ крестьянъ, отличающіеся добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей относительно земляковъ-односельцевъ. По отношенію къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественнаго положенія поселенцевъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ, сбор-

[1]) Какъ-то: увольненіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, вся отчетность въ денежныхъ суммахъ, заботы о нуждахъ бытовыхъ, присутствіе въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И теперь на смотрителей возлагаютъ обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ обязанностей и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не опредѣлены, а съ 1841 года поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ въ особенности возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣдѣнія смотрителей въ вѣдѣніе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было менѣе, сборъ податей шелъ успѣшнѣе, и недоимка на поселенцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

щики податей нерѣдко взысканныя деньги совсѣмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествѣ, или наконецъ, дѣлали такимъ образомъ, что взысканныя съ поселенцевъ подати вносили за крестьянъ—своихъ родственниковъ или пріятелей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики взносили за поселенцевъ, въ противномъ случаѣ оставляли такъ, какъ было дѣло, и на поселенцахъ считалась недоимка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собираетъ подати съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, нанимающихся на пріиски, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за цѣлый годъ, а только за половину слѣдующаго. Недоимка ростетъ на безчестье поселенцевъ и на валовое обвиненіе ихъ, а между тѣмъ волостныя правленія сами не исключаютъ изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и выбывшихъ разными случаями или оказавшихся, по медицинскому свидѣтельству, неспособными къ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недоимки за умершими, потомъ за неспособными и наконецъ за бѣжавшими). Казначейства считаютъ недоимки также неправильно, насчитываютъ большія цифры; исправный платежъ податей падаетъ не на общество, а на личную отвѣтственность каждаго поселенца; между тѣмъ поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, до рѣшенія дѣла, сидятъ въ тюрьмахъ иногда по нѣскольку лѣтъ, податей въ это время не платятъ, а недоимка ростетъ. Между тѣмъ экономическій капиталъ ссыльныхъ, наростающій отъ взносовъ поселенцевъ и не идущій на нихъ, — огромный (такъ напр., по двумъ губерніямъ: Енисейской и Иркутской, около 300 тысячъ было въ 1862 году) [1]). Изъ этого капитала весьма малая часть тратится на леченіе ссыльныхъ въ больницахъ, а добрая доля его прилаживается обыкновенно къ какому-нибудь крупному предпріятію, совершенно стороннему и ничего общаго съ дѣломъ ссыльныхъ не имѣющему (въ родѣ напр. пріобрѣтенія Амура, — яму котораго до сихъ поръ хорошенько завалить не могутъ). Каторжныхъ уволятъ отъ обязанностей, причислятъ къ какой-нибудь волости, на томъ всѣ и заботы покончатъ, а тамъ хоть трава не рости. Стяни что-нибудь, иди въ кабакъ и опять ступай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на заводы, смотря по преступленію или проступку, обличившему тебя, горемыка!...

Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибири, группируются болѣе крупною цифрою около такъ-называемаго

---

[1]) По отчету министра внутреннихъ дѣлъ, установленный въ 1822 году сборъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ къ 1864 году по всей Сибири возросъ до 853 тысячъ (см. Сѣв. Почта, 1865, № 245).

преступленія «побѣга изъ Сибири»; затѣмъ слѣдуетъ воровство со взломомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потомъ виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ-подъ стражи, во взломѣ тюремъ и въ дѣланіи фальшивыхъ билетовъ [1]). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству своему и сравнительно съ предъидущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какія-либо серьёзные выводы. Во всякомъ случаѣ, онѣ не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродяжьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ пьянствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго разсчета оправдать свою собственную неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Искаяніе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупные и сильные на бумагѣ, — на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человѣкъ ищетъ для себя лучшаго: таково свойство людской природы и вообще всѣми давно признано, что человѣкъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя, не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обоего пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противному, слишкомъ опредѣленныя, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы жили старовѣры или, по тамошнему, киржаки и гдѣ бы не разсказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ какъ помѣщикъ, и встрѣчается какъ архіерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіе полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно

[1]) Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ суждено въ Сибири 6.829 мужч., 301 женщ., — цифра, уступающая однако преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы осуждено 14,861 мужч., 3,785 женщ. и преступникамъ изъ каторжныхъ по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ; число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжныхъ за тѣ же годы осуждено 2,689 мужч., 30 женщинъ.

уберечь его отъ грядущихъ напастей и золъ. Говорятъ, что нѣкоторымъ приводилось прятать и бѣглыхъ каторжныхъ и шатающихся поселенцевъ. При обыскахъ они умѣли откупаться, по древнему способу, котораго не чуждался и самъ Де-Геннингъ — основатель города Екатеринбурга, умѣвшій не брезговать бѣглымъ ссыльнымъ и за крѣпкіе подкупы присылавшій къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени испоконъ-вѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири же повсюду разсказывается недавній случай находки, однимъ изъ земскихъ чиновниковъ, цѣлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски, засѣдатель) ничего не зналъ, ни отъ кого не слыхалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ, или (какъ привыкли выражаться) самовольныхъ поселеній, не говоря о ежемѣсячныхъ приселеніяхъ каторжныхъ къ поселенцамъ и на оборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливыя плодородіемъ и болѣе защищенныя природою и безопасныя мѣста въ Сибири, охотнѣе избираются самовольными поселенцами, для свободныхъ поселеній, и, что между ними Алтай по преимуществу облюбленное мѣсто? Въ томъ обширномъ клинѣ благодатной земли, который врѣзался между рѣками Біей и Катунью, стремящимися слиться въ Обь, давно уже ведется эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живущимъ и хорошо прилаживаемымъ къ Сибири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи еще не кончился, хотя, правда, и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятокъ малороссовъ, пришедшихъ изъ Кіевской губерніи въ нахваленную имъ Сибирь, поискать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказывавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирскія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ,—также въ недавнія и наши времена,—дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бѣжавшихъ отъ господъ, и крѣпостныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ густо-населенныхъ губерній на золотые пріиски, полюбившихъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться! Схваченные за бродягъ, посаженные въ тюрьмы и выученные тамъ дешевому способу показать себя непомнящими родства—они достигали цѣли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе

поселенцевъ. Нѣкоторые для вящшаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ дѣлывали на лицахъ искусственные шрамы, чтобы походить на поселенца, освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ [1]).

Внутри Алтая, на правомъ берегу Катуни при устьѣ рѣчки Аколу, до сихъ поръ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это—Ойманцы бѣглопоповщинской секты, русскаго происхожденія. Предки ихъ — бѣглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для ихъ поимки и хотѣли уйти за границу. Но имъ было объявлено прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какое-либо податное состояніе. Они избрали инородческое, и коренные русскіе люди славянской крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцевъ!

Раскольники сибирскіе унесли съ собой замѣчательный русскій обычай «брести врозь», чтобы сбиваться въ подворища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Бійскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и называются новые вольные люди «копити слободы, рыбу ловити и пахоты заводити».—«Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды новаго мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни». Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но заселившись, все-

[1]) Такимъ же способомъ показанія непомнящими родства, оставались въ Сибири жены, приходившія повидаться съ мужьями и также запертыя въ остроги. Званіемъ непомнящихъ прикрываются бродяги и ссылаются безъ наказанія, и только сдѣлавшихъ ложное показаніе сѣкутъ при этомъ. Но требуется много искусства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и сверхъ того запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бываютъ одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя даютъ имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные пріобрѣтаютъ эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомнящій бродяга стоитъ внѣ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто ни наказать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имѣетъ права, кромѣ его непосредственнаго начальства, каковы на тотъ разъ прокуроръ и стряпчій. Грубости и дерзости онъ, кромѣ этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многіе изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводятъ на томъ свою грѣховную душу. Большое количество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служитъ также одною изъ причинъ задерживающихъ въ Сибири развитіе земледѣлія и ремеслъ: бывшая дворня гнушается сохи и согласна скорѣе идти въ ямщики, ходить въ лѣсъ на козуль и сохатыхъ. Нѣкоторымъ ямщикамъ счастливится: за Байкаломъ есть такіе, у которыхъ имѣется троекъ до 15-ти.

таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Біи уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, находящихся въ Бійскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника—томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели-было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное—и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, разсажали по тюрьмамъ; завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ, глушь, какъ быть надо людямъ древняго благочестія и старообтеческихъ преданій [1]).

Къ таковымъ селеніямъ, на выгодныхъ и пріятныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія: деньги и подкупъ, и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти лѣтъ. Знавшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго житія, въ сосѣднемъ селѣ жилъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковымъ именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сплошь и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать; побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ и показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда сличили примѣты его съ бѣжавшимъ — не то вышло. Сколько ни бились — настоящей фамиліи своей поселенецъ не показалъ: такъ и оставили его, — благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣялъ же ему писарь сельскій, признавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестья-

---

[1]) Стремленія ссыльныхъ старообрядцевъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходитъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устраивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиной скораго исчезновенія этихъ колоній.

намъ, тотъ ли-де этотъ: оказалось, не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ; поселенецъ, смекнувъ, что дѣло не доброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативши съ собой и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю: писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ разсказалъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!...

Насколько ссыльные готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ между прочимъ слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года, по бродяжьимъ притонамъ прошелъ сильный слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ; многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ *хлопушку,* т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣдъ Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разработывались исключительно руками ссыльно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ домосѣдливости на эти работы не ходили.

Старыя времена миновались; золотопромышленность кончила свою безобразную исторію и начала, по новымъ образцамъ, другую, но слѣды стараго еще не совсѣмъ остыли, и отъ прошлаго еще кое-что осталось на бѣду поселенцевъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоискателей, которая нѣкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до нелѣпости смѣшную форму. Не уливаютъ теперь дорогу гостямъ отъ города до заимки шампанскимъ сами хозяева, не ѣздятъ ихъ довѣренные по улицамъ на бабахъ изъ враждебнаго промысловаго лагеря. Пріутихли хозяева, присмирѣли рабочіе: не ходятъ послѣдніе по улицамъ города въ парчевыхъ курткахъ, и парчевыхъ шаравахъ, не ступаютъ по грязи на кредитныя бумажки, подбрасываемыя подъ сапоги, испробовавшіе тальковой грязи на разрѣзахъ, чтобы при переходѣ чрезъ улицу изъ кабака не загрязниться. Кончилось поголовное безобразіе, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами; но кончилось не все.

Неурожаи послѣднихъ лѣтъ и развитіе золотопромышленности, поднявъ цѣны на жизненные припасы, обратили на этотъ промыселъ и мѣщанъ и крестьянъ, и даже пришельцевъ изъ Россіи: поселенцамъ отошла честь, но кое-что и осталось [1]). Осталась еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжелыя, на первобытныхъ пріемахъ основанныя работы, осталось словомъ то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сдѣлалось хорошо. Отъ дурной неэкономической разработки розсыпей промыселъ золотой упадаетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатыя; самая охота къ поискамъ оттого замѣтно ослабѣла, прежніе же пріиски постепенно вырабатываются; содержаніе золотоносныхъ песковъ видимо уменьшается, и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно западной, ощутительно упала. На поселенцевъ надвигается гроза и съ этой стороны; къ тому же надо сказать правду: безусловный наемъ поселенцевъ въ работы на золотые пріиски мало приноситъ имъ пользы.

До работъ ожидаетъ поселенца наемъ съ задаткомъ; задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вмѣсто дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находитъ его послѣ долгаго поста и безденежья, а на глазахъ торчатъ кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый пріемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкой; пьяными, умягченными, сговорчивыми. А тамъ, дѣло извѣстное: обольстить, обмануть, подсунуть гнилой товаръ — московскую залежь: цѣной повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать вычетъ изъ заработка помудренѣй и позапутаннѣй, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство вопреки законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на пріискъ, тутъ и обязательствъ объ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ разсчетной, какихъ не дано, и самая работа не приведена въ условную ясность—словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обязанный иногда идти мѣсяца полтора и два до пріиска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, питаясь милостыней, а при случаѣ и воровствомъ. На пріискѣ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какая

[1]) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе, приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артельныя правила съ силою общаго голоса за каждаго члена и собственной расправы, нѣкоторымъ довѣреннымъ не нравятся; ихъ стараются стѣснить и ослабить. Между тѣмъ артели работаютъ отлично и требуютъ только хорошей пищи и побольше.

придетъ въ голову довѣрителю и прикащикамъ. Жаловаться не кому, жалуется тотъ, кто не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ засѣдатели съ довѣренными.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ прикащики по старымъ образцамъ и наукѣ: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на пиры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла; траты большія — надо ихъ возмѣстить; другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ: но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь — не малая подмога для того, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ бо̀льшему числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумагу такую и казенной печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, — на пріискъ не пришли, — извѣстное дѣло: поселенцы, варнаки; кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что иного рабочаго схватили съ домашней печи и по этапамъ высылаютъ на пріискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ пойманы, спрятаны въ тюрьму,—потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счетъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по таежнымъ дорогамъ, которыя существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть уже желѣзную.

На самыхъ работахъ, на пріискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Плети не утратили здѣсь своего внушительнаго значенія, и вообще тѣлесное наказаніе всегда наготовѣ. Напускать страхъ, вымогать исполненіе всякихъ требованій, считается тамъ очень удобнымъ пріемомъ. Сверхъ того, на пріискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не вырабатываютъ по невозможности, а задаются на авось: вѣдь и расходъ по пріиску не маленькій: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ куритъ, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ взялъ большой. Надо наверстать и то и другое, и себя не обидѣть: и вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ «старанія» съ платежемъ съ золотника золота,—самая справедливая форма вознагражденія, — теперь вывелись, и «старанія» теперь не что иное, какъ спекуляція на отдыхъ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подъ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарями и лазаретами, хотя и туда

иногда не принимаютъ; вмѣсто лекарства — казачья команда съ извѣстными военными медикаментами, потому что болѣзнь можно иногда по ошибкѣ принять и за лѣнь [1]). Впереди рабочему предстоитъ дней сто кипѣть какъ въ котлѣ, урокъ не подъ силу, а между тѣмъ магазинный долгъ наростаетъ, что̀ дѣлать? — уступчивые и смирные машутъ рукой и въ работѣ валятъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые бѣгутъ съ промысловъ, бѣгутъ въ такомъ множествѣ, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привилегій [2]).

И въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой наймется и придетъ на пріискъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинъ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная; а въ горячахъ нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ разсчетѣ на его совѣсть, авось поработаетъ и не скажется. Надо такихъ разсчитать, долгъ ихъ разумѣется смарать со счетовъ. Такимъ образомъ большіе задатки, на перебой совмѣстниковъ, и хозяину невыгодны и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ недурно, и на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ примѣрахъ прикащиковъ; воровство золота—укоренившійся обычай; для этого въ окрестности промысловыхъ «резиденцій» и евреи наѣзжаютъ изъ достославныхъ городовъ Каинска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ разсчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обсчитываютъ; за выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ употребляется система взаимнаго шпіонства. Нѣкоторые хозяева нечестными разсчетами возбуждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ нейдетъ: надо употребить хитрости, пробивать нечистыя тропы, а для такого

---

[1]) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, велѣно судить военнымъ судомъ.

[2]) Вотъ таблица побѣговъ съ промысловъ частныхъ лицъ, составленная горнымъ исправникомъ южной системы.

			Бѣжало:				
Въ 1856	изъ	9,558	рабоч.	67	разнаго званія людей,	336	посел.
» 1857	»	9,472	»	33	»	133	»
» 1858	»	7,236	»	33	»	124	»
» 1859	»	6,569	»	52	»	126	»

дѣла опять употребляютъ тѣхъ же поселенцевъ половчѣе и посмышленнѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что послѣ восьмимѣсячнаго тяжелаго труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ: нѣкоторые ходятъ въ отрепьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ если не поворуешь, не поплутуешь по образцу прикащиковъ, то — и не поживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается разсчетъ, производимый съ 8 числа) человѣкъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ, для того, чтобы имѣть удовольствіе разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ; но выходъ рабочихъ все еще нажива кабакамъ и мелкимъ торговцамъ.

Вообще современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производитъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ развращать нравы и вредить краю. Во многомъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и соблазномъ въ началѣ и съ горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь еще поселенцы за нѣсколько веселыхъ и разгульныхъ дней, обезпеченныхъ задаткомъ, работаютъ цѣлое лѣто на пріискахъ даромъ. И теперь, по окончаніи работъ, обсчитанные и задолжавшіе праздно скитаются въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получатъ новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые пріиски въ этомъ смыслѣ не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда на готовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешевые, избаловавшіе на бродяжествѣ и плутняхъ всякаго рода, а потому и негодные для такого дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по пословицѣ — сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ. Какія были ремесла — золотопромышленность почти совсѣмъ ихъ убила; земледѣліе и скотоводство уменьшились; народъ развратился и пошелъ въ кабакъ, — говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто хочетъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подъ именемъ «таёжнаго волка». Золотая лихорадка успѣ-

ваетъ искалѣчить ихъ до того, что весь міръ перестаетъ для нихъ существовать, золото дѣлается богомъ и отыскать новый пріискъ для нихъ задача жизни. Таёжный волкъ ни минуты не задумывается завладѣть чужимъ пріискомъ; пустить по міру благодѣтеля у такихъ людей за грѣхъ не считается. Сибирскіе суды переполнены тяжебными дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлается просто: довѣренные, дѣйствующіе на деньги капиталистовъ, и сами, имѣющіе право на розысканіе золота, найдя пріискъ, заявляютъ его на свое имя. Они берутъ хозяйское жалованье, но въ то же время захватъ считаютъ собственностью и творятъ зло въ разсчетѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отнялъ совѣсть у многихъ людей недюжинныхъ, подававшихъ большія надежды. Что мудренаго, если подъ вліяніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочій прозвалъ «окаяннымъ таёжникомъ» и уже мало обижается, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

На пріискѣ рабочій смиренъ, переносливъ, въ трудѣ терпѣливъ до-нельзя, вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочій въ деревнѣ послѣ разсчета, когда онъ прогуливаетъ все, что̀ такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человѣкъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигаетъ его. Онъ, съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что̀ есть у него и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу «быгать», — какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ, онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ-горемыка, какимъ былъ до разсчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наёмки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за «окаянную» работу въ потѣ лица въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются, либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требуетъ коренной перемѣны, и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

А между тѣмъ промышленные богатые люди обижаютъ и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскіе, заброшенные въ болѣе негостепріимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ, или лучше, въ ямахъ, и роютъ ихъ—по возможности—въ сухой землѣ;

но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. И жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-таки похожи на звѣриныя логовища. Устройство не мудрое и очень не завидное: на вертикально-утвержденныхъ столбахъ (вилообразныхъ кверху), кладется въ распорки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до боковъ ямы положены мелкія бревна; бревна покрыты вѣтками ельнику, а сверхъ его обложены дерномъ. Среди юрты — очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанный глиной внутри и снаружи. Тутъ — и телята и ребята. Лѣтомъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру: хлѣвовъ по всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ. И живетъ поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріютъ и состраданіе; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то: тамъ поселенцевъ, въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы; противъ ссыльныхъ они предубѣждены еще сильнѣе, чѣмъ сибиряки русскіе. Проходящій сюда ссыльный идетъ, питаясь кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и изрѣдка рыбой, работы себѣ не находитъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые пріиски. Тамъ онъ, если нажилъ плисовыя шаровары, красную рубаху, кунгурскіе сапоги и суконный картузъ — значитъ богатъ сталъ; если перекинулъ черезъ плечо красную шаль и взялъ гармонику—значитъ веселъ и счастливъ, а если пляшетъ около кабака — стало быть денегъ нѣтъ, всѣ пропилъ. Бѣжитъ онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хозяйству не выучилъ и еще больше возстановляетъ дикаря противъ себя и противъ будущихъ товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якуту-хозяину не почиститъ, дровъ не нарубитъ, за скотомъ не присмотритъ...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это — переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, человѣкъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Алдану. Эти не гибнутъ, потому что принесли съ собой деньги, и потому, что знаютъ секретъ и искусство торгашества; но за то они и безполезны, и ссылка относительно скопцовъ, стремясь къ одной только цѣли наказанія, не достигаетъ никакой. Эти зябкіе и дряблые, слабодушные и хитрые люди настолько отчаян-

ные фаталисты, что съ твердостію и стойкостію и безъ ропота покоряются своей участи и не сознаютъ разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ еще тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ — Іерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ дѣтками своими. «Они ждутъ его всяко времячко, по суду—глаголу небесному, обогрѣть сердца ихъ нутренни». Пришествіе это они вымаливаютъ и выпрашиваютъ на своихъ радѣніяхъ, а между тѣмъ въ ожиданіи наколачивали копѣйку въ Туруханскомъ краю на Енисеѣ извозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Алданѣ и Маѣ), куда переселяютъ ихъ теперь (съ весны 1860 года) они гроша своего не потеряютъ, но для края ничего не сдѣлаютъ. Географическое перемѣщеніе могло только еще болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мятеляхъ и снѣжныхъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись; тѣмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Бо́льшая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чухонъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ краю, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Искупъ) поселены были духоборцы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молокане, поселенные на Амурѣ.

Вообще ссыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттѣнки. Если въ Якутской области высылаемыя въ порядкѣ административномъ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, съумѣли сдѣлать изъ Киренска и Якутска города, извѣстные своими кляузами и ябедами въ цѣлой Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то другія кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ—не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ скучили татаръ, славятся конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи,—тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибири также думали-было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ; но и здѣсь, какъ въ западной Россіи, народъ этотъ съумѣлъ разбить всякія надежды и остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каинска евреи успѣли сдѣлать такой же городъ, какихъ неисчислимое множество во всемъ западномъ краѣ Россіи, и Каинскъ сибиряки справедливо прозвали «жидовскимъ Іерусалимомъ» (евреи составляютъ $^1/_5$ часть всего городского населенія): изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и

торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно-молчаливаго, евреи сдѣлали крикливый, живой и торговый. На площадкѣ приладился рынокъ, выросли, какъ грибы, лавчонки, въ лавчонкахъ засѣли еврейки; евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгая по улицамъ, машутъ фалдами длиннополыхъ казинетовыхъ сюртуковъ своихъ и пейсами, которыя здѣсь, въ Сибири, они таки-отстояли. Словомъ, въ Каинскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Бѣлоруссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудами тряпья и всякой рвани еврейки, но евреи добились до того, что въ Каинскѣ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ склада всего пушного товара (особенно бѣличьихъ хвостовъ), отправляемаго за-границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой несчастный и убогій городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 купцовъ: на десять мѣщанъ русскихъ одинъ еврей маклачитъ коммиссіонерствомъ, факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, и въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь - галантерею, съ которою и таскается потомъ, въ уреченное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ западной Сибири.

Въ восточной Сибири евреи устроиваютъ такой же кипучій оборотливый городокъ въ Баргузинѣ, и тамъ еврей не линяетъ и не затеривается: придетъ на каторгу по канату нищъ какъ Іовъ, босъ и оборванъ; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взялъ годовой урокъ, нанялъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ, ихъ руками и своей суетней, годовой урокъ этотъ въ недѣлю: сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотрятъ: у жида уже появился на рукахъ изъ вѣковъ возлюбленный имъ инструментъ-коробочка, на которомъ онъ и играетъ умѣлыми руками до того, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавчонку и лавку, — и прежній совсѣмъ истрепанный еврей только въ грязнаго, но уже въ торговца, умѣющаго ублаготворить мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ, омулями; мыло варитъ самъ понемножку, свѣчи льетъ, папиросы крутитъ. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо—ворованое изъ казны съ заводовъ, чай держитъ только контрабандный: онъ и самъ пришелъ сюда «за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ». Тѣмъ не менѣе, гдѣ завелись евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ; еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чѣмъ отъ него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ; въ Сибири для нихъ—широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь, и

гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участія въ перепродажѣ хищническаго золота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то — по пословицѣ — на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; евреи сплочиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства и, черезъ живую и непрерывную сѣть изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Вержболовомъ, Радзивиловымъ и Лейпцигомъ, и напримѣръ, каинскіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи «Новаго Іерусалима», не утрачивали симпатіи и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ [1]). Впрочемъ съ евреемъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы; но за то, гдѣ бы ни открылась золотая розсыпь и ни начались работы на ней — евреи-торговцы не замедлятъ отправиться туда на-границу дозволенной законами дистанціи съ ситцами, плисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкой, чтобы съ достоинствомъ и выгодою принять на свое попеченіе желтую пшеничку или краденый золотой песокъ. И если попадаются евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми. Евреи-злодѣи (по свидѣтельству заводскихъ начальствъ) совершенно неисправимы, въ родѣ знаменитаго забайкальскаго героя Хаима Аврумова Вульева, котораго мы видѣли и знали сами.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ старожиловъ и начальства, ссыльные изъ инородцевъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и крайнею неспособностію (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно покоряются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣстъ водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живого темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признаютъ волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ; но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыжіе и бѣлокурые люди съ сѣвера, настолько мало охотятся въ поселенцы черноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ [2]). Кочевниковъ (въ родѣ кир-

[1]) Недавно (съ годъ назадъ) въ Минскъ дано было знать каинской полиціей, что тамошніе евреи послали слитокъ золота, но что этотъ слитокъ краденый.

[2]) Исключая армянъ, которые, подобно евреямъ, спѣшатъ укрѣпить себя къ Сибири посредствомъ коммерческихъ путъ, и разносную офенскую торговлю предпочи-

гизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ, и стремленіе въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, всегда замѣшиваются въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ товарищамъ своимъ [1]). Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и Царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напр., за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а бо̀льшая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похожденіями охотскій герой Беньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ.

Русскіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія): даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архивнымъ дѣламъ нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими извѣрившимися и холодными людьми, каковы наши каторжные. Такъ, по одному архивному дѣлу намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ «не шли къ священнику, говоря, что они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются и что они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ св. Евангеліе и Животворящій Крестъ, что они дѣланы руками». По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и ссыльныхъ «пользуясь Библіею—книгою, дозволенною для чтенія ссыльныхъ». Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошелъ по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавицъ. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіе духовнаго правленія передъ зерцало. На спросъ священ-

---

таютъ сидячей; но указъ 1829 года (26 декабря) остановилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

[1]) Въ 1839 г. затѣя эта произведена была въ обширныхъ размѣрахъ, и породила большое дѣло, хранящееся въ архивѣ Нерчинскаго горнаго правленія.

ника — почему онъ такъ поступаетъ?—отвѣчалъ: «что это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снять предъ нимъ шапки и рукавицъ». Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ [1]).

Рьяные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, подцвѣтили исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ-нибудь въ пещерѣ лѣсной и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева—въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религіозныхъ убѣжденій ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и пріемы, при этомъ употребляемые, не мѣшаютъ оставаться при томъ же, что̀ принесено въ запасахъ изъ Россіи. Каторга на-время тушитъ огонь, но пепелъ скопляется; впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ Нерчинскаго Большого завода сохранился разсказъ о приключеніяхъ 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться въ казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя такимъ образомъ до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостыней. Принятыя противъ этого строгія мѣры, были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки все-таки продолжали говорить свое: «Мы требуемъ Государя Императора именного повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оное намъ не показываютъ; ваша воля, что̀ хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однакожъ работать не будемъ до конца жизни». Одинъ, истощенный голодомъ и «принеся съ собою малое количество хлѣба», приговаривалъ: «будучи сосланъ невинно, непремѣнное имѣю намѣреніе,

---

[1]) Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холодными къ вѣрѣ ссыльными, большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей, судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходолина сослали въ Туруханскъ и велѣли поселить между некрещеными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство ссыльныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы въ небытность никого въ церкви и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дьякону говорилъ: «вотъ ваши боги идолы, которые я побросалъ, поди, молись и, если они святые, то пусть встанутъ». На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило: нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совращенныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотую на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И—снова судили одного, увѣрявшаго, что «въ церкви нѣтъ надобности».

хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть». Одного изъ казаковъ (Якова Краснятова) за таковое упорство успѣли уже два раза наказать плетьми и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей [1]) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), и пятеро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали; не зная, что̀ съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ кого со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила Нерчинская горная экспедиція иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло— по дѣламъ архива не видно.

Случаи невинно сосланныхъ, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ, и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Сперанскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку; другого сослалъ подъячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Кристину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую урожденку Редоко-Янъ. Но—по выраженію законодательницы Екатерины—лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случаться не можетъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами ссыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно понапрасну сосланы [2]).

Но въ Сибири и въ настоящее время ссыльные еще продолжаютъ производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣняются именами съ каторжными, за какое-нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный остается на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открываетъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось

---

[1]) Рвали ноздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: палачъ только съ трехъ пріемовъ могъ кончить операцію. Старые щипцы велѣно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

[2]) Между тѣмъ Тобольскій приказъ въ партіяхъ, приходящихъ изъ Россіи на поселеніе, находитъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ, и не получаетъ никакихъ данныхъ на то, что люди эти стали таковыми въ тюрьмахъ подсудимыхъ или въ этапахъ и тюрьмахъ пересыльныхъ.

идти не туда, куда было сподручнѣе, а другому беззавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго ссыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ; обмѣнявшихся между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно перемѣны именъ и происходящей оттого путаницы, разсказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ перемѣны именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда имъ было сподручнѣе и желательнѣе, то это—тоже не секретъ. Прежде въ приказъ Тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ усидчиваго писанья отдѣлывались гривной — двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратьевъ туда, куда они просятся: какого-нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся въ Тюменскомъ округѣ, и проч. И подобнаго рода слухами сибирская земля полнится.

Съумѣли ли размѣщать ссыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не попадалъ въ степь (и на оборотъ) и, спутанный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли Приказъ ввѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы знать, гдѣ ей надобятся больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распоряженій Приказа меньше всего карательная, и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами ссыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣчательныхъ: Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число ссыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ Приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ на Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ наприм. Томская; ибо Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр. губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). И

если ссыльный боится сказать за собой ремесло и художество, изъ собственныхъ разсчетовъ; если самъ Приказъ не достаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты знаній каждаго изъ ссыльныхъ; если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имѣетъ такія-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого) — то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходящими изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготовлять дома, покупаютъ готовыми. Изъ Кунгура привозятъ сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирокъ; модное платье—изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу, даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары—преимущественный сибирскій продуктъ—привозится съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ Уральскихъ; голландскою сажею, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая лѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глохнутъ и исчезаютъ въ Сибири со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями — только потому, что ихъ распредѣляютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и утѣшаясь только какимъ-то призрачнымъ цехомъ какихъ-то слугъ, — который только и остался на бумагѣ. А между тѣмъ сибирскіе старожилы видятъ одесскаго мастера въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку задаются такіе роскошные лукулловскіе пиры. Херсонскій степнякъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ; вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ямщикамъ и извощикамъ; лакей бродитъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучится торговать и обманывать остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ; и тѣ самые ссыльные, которыхъ самъ Приказъ назначаетъ въ цехъ слугъ, бродятъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно-создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

И вотъ отъ всей этой путаницы возрастаетъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперегъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которые, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозволительными и безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ; не даромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенскія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожаи не бываютъ самъ-15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при-иртышскихъ, минусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же старожилы, питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяги: «нѣтъ ли работы?» — отвѣчаютъ коротко и ясно: «иди въ кладовую,—и выбирай по рукѣ либо серпъ, либо литовку». Такимъ образомъ бѣглые, смѣло укрывшіеся и ловко спрятанные, пилятъ лѣсъ въ городахъ и селахъ, правятъ всякую поденщину на заимкахъ, окашиваютъ роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, за кирпичный чай, за объѣдки отъ стола и за обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжный. Между тѣмъ страна все-таки отъ поселенцевъ несчастна; несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастнѣе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это — палачи: преступники, которымъ судъ и судьба судили поселеніе, но которые, по доброй волѣ, и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ разсчетѣ на лучшую участь. Согласіе избавило ихъ отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія, особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія (таковое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острой бритвой, листъ бумаги и подхватить кнутъ, пущенный со всего размаха, такъ, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ [1]).

[1]) По закону, если кто изъ поселенцевъ несоглашался идти въ палачи, то губернскимъ правленіямъ предоставлено право опредѣлять въ эту должность: или людей, присужденныхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ.

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ особомъ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ нимъ схватываются съ бритыхъ головъ шапки; его зовутъ не иначе, какъ по имени и по отчеству, а фамиліи, какъ историческія имена, уходятъ въ потомство. Въ честь московскаго палача Бархатова всѣ послѣдующіе заплечные мастера, поступившіе въ это званіе изъ непомнящихъ родства, предпочитаютъ выбирать себѣ эту фамилію (по Сибири большая часть палачей Бархатовы; нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про себя позволяютъ еще себѣ арестанты обзывать мастеровъ полуименемъ (Кирюшка, извѣстный палачъ петербургскій, отсюда и кирюшкина кобыла — мѣсто казни на языкѣ современныхъ мазуриковъ, Изоська — сибирскій, Криворотый и проч.), то въ глаза палачу оказывается такое почтеніе отъ всѣхъ арестантовъ, что люди эти успѣваютъ забаловываться до высокаго мнѣнія о себѣ, на манеръ господскихъ кучеровъ и столичныхъ швейцаровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда на что-нибудь жалуется и чего-нибудь проситъ, какъ обязательной льготы. Между тѣмъ на палача удѣляетъ арестантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго наказываемаго. Часть тѣхъ денегъ, которыя бросаетъ народъ на одежду наказываемому, удѣляется также палачу подъ особымъ именемъ рогожки, полурогожки и проч. Сердитый сердцемъ палачъ (каковыми, по опыту ссыльныхъ, бываютъ солдаты и поповичи: «крошатъ и ломятъ безъ зазрѣнія совѣсти») кромѣ обусловленнаго обычаемъ старается вымогать.

Вообще, палачамъ деньги достаются легко: палачу стоитъ пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться.

Если приходится наказывать кого-либо изъ почетныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же староста или самъ приговоренный идетъ по казармамъ съ «имянной кружкой» (первой подвернувшейся подъ руку посудиной) и собираетъ. Сборъ такой называется «подаркомъ почетныхъ старожиловъ». Вообще отъ этихъ подарковъ палачамъ живется хорошо: люди эти на бо́льшую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсторожіе; хорошо высыпаются, хорошо отгуливаются,

хотя и подъ конвоемъ, и вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются: полнокровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука; многіе серьёзно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успѣваютъ даже накопить достаточное количество денегъ [1]). Во всякомъ случаѣ, по окончаніи срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю; они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать на волѣ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отливаются волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи — самые несчастные люди не только въ мѣстахъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали-было селить ихъ кучкой, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосѣди-крестьяне гнушались раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись подѣлиться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновеніе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ брошенный на нихъ — нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану Воину [2]). Мальчишки не упускали на улицахъ случая, чтобы не потравить проходящаго приселенца изъ палачей. Ни купить, ни продать бывшіе палачи ничего не могли и самая жизнь ихъ на волѣ являлась хуже каторжной. Нѣкоторые сознательно бѣжали и въ бѣгахъ дѣлали преступленія исключительно и намѣренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избѣгать крайней степени позора [3]). Устаивали немногіе, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедиціи, недавно снаряженной сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества въ Туруханскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгузившихся. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери—тунгузки; большая часть потомковъ носятъ фамилію Бархатовыхъ: все это потомки палачей.

---

[1]) Извѣстный филантропъ, сенаторъ Мордвиновъ, въ одной изъ записокъ своихъ, возставая противъ истязанія кнутомъ, свидѣтельствуетъ о примѣрахъ, когда платили палачу до десяти тысячъ рублей, чтобы не увѣчилъ или дѣлалъ бы наказаніе менѣе мучительнымъ, когда для всего процесса наказанія кнутомъ, напр. для 20 ударовъ, потребенъ былъ цѣлый часъ. «При многочисленности ударовъ наказаніе продолжалось отъ восходящаго до заходящаго солнца». (см. Чтенія Общества Ист. древ. росс. 1859 г., книга четвертая).

[2]) Св. Ивана Воина, какъ извѣстно, чтутъ и арестанты, и изображеніе этого угодника въ рѣдкой сибирской тюрьмѣ не виситъ въ почетномъ, правомъ отъ входа углу.

[3]) Одинъ тобольскій палачъ убилъ собственную жену, и тогда сдѣлался ссыльно-каторжнымъ.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество ссыльныхъ, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами [1]). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коробейника. Сыновья его (Хрисанѳъ и Алексѣй) имѣли уже до 5-ти милліоновъ оборотнаго капитала, были почетными гражданами и коммерціи совѣтниками. Внуки, теперь уже правнуки Петра, организовавшіеся въ большой торговый домъ, ведутъ обширную торговлю не только въ Сибири и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), пользуясь честнымъ именемъ и широкимъ коммерческимъ довѣріемъ. Образецъ подобнаго рода — не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ заводѣ найдется не одинъ каторжный, торгующій съ порядочнымъ капиталомъ; дѣти ихъ пользуются уже всѣми правами людей свободнаго состоянія и, не возвращаясь въ Россію, служатъ прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у котораго впереди такая блестящая будущность, и отъ котораго страна вправѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной помощи на поступательное шествіе впередъ. Этимъ людямъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ давно отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ полезныхъ дѣятелей они становятся безразличными въ массѣ, и во второмъ уже поколѣніи являются звеньями въ той цѣпи, которую образуютъ коренные жители, такъ называемые сибирскіе старожилы.

Политическіе изгнанники и ссыльные нерѣдко бывали благодѣтелями тѣхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ издѣлій; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третьи на мысѣ Доброй Надежды развели виноградъ. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, и до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ мезенокъ; Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгденъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоколымскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, пріі-

[1]) Между тѣмъ поселенцамъ еще не дозволено производить развѣдки золотыхъ пріисковъ, и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

обрѣтаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ преступниковъ и другого грамотнаго люда выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соотвѣтствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыльные пользовались всѣми возможными облегченіями, старожилы не встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ; а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаній, способностей и плодовъ образованія. Они имѣютъ право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Штраленбергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сраженіи подъ Полтавою, вмѣстѣ съ товарищами своими, принесъ въ восточную Сибирь ремесла Европы. Ими основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ-фонъ-Врехъ (изъ секты піэтистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единовѣрцевъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Европѣ, и знаменитый профессоръ Франке собралъ, за границей по подпискѣ, въ пользу этой школы до 5,000 рублей на тогдашнія русскія деньги. Когда Ништадскій миръ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ въ отечество,—школа прекратилась; но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Ѳилофеемъ Лещинскимъ, которая впослѣдствіи превратилась въ семинарію, изъ которой и до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Примѣръ шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счету; но громадную услугу привелось оказать странѣ позднѣйшимъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворны. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей, и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ.

Бытъ сибирскихъ поселенцевъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени; дѣйствительныя, живыя силы ссыльнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взысканіе уже не

мѣшало другой задачѣ ссылки, существенной для молодой и мало-развитой страны, — именно колонизаціи ея. Экономическій капиталъ настолько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе, при коренной переработкѣ тюремнаго и ссыльнаго дѣла становится далеко недостаточнымъ. Способъ надзора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельность возбуждается только порывами и строгостями, а потому и не произошло желаемыхъ плодовъ. Выросшіе плевелы продолжаютъ расти подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленія производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьёзными болѣзнями. Между тѣмъ наука ушла впередъ и, даже теперь, когда еще не произведено внимательнаго и надлежащаго діагнозиса, новые пріемы лекарствъ успѣли показать и ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшеніи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся въ устройствѣ тюремъ по европейскимъ образцамъ, въ измѣненіи способовъ препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. Теперь на очереди вопросъ о самой ссылкѣ и способахъ ея примѣненія, вопросъ, который тѣсно связанъ съ однороднымъ ему въ Россіи и который разрѣшать отдѣльно, а не въ тѣснѣйшей съ послѣднимъ связи, нельзя безъ того, чтобы снова отдѣлкою частностей не повредить и не испортить общаго дѣла.

Запасами нашихъ личныхъ свѣдѣній и наблюденій мы желаемъ, по мѣрѣ возможности и силъ, прибавить въ темномъ дѣлѣ свѣту по крайней мѣрѣ настолько, чтобы отдѣльные образы не смѣшивались въ безразличную массу и чтобы живыя фигуры не представлялись въ извращенномъ видѣ.

Съ запасомъ, пріобрѣтеннымъ нами, мы намѣрены углубляться все дальше и дальше, по возможности въ самую глубь темнаго подземелья. Половину пути мы уже прошли.

С. Максимовъ.

ГРѢШНИЦА

ПОЭМА АЛЬФРЕДА ВИНЬИ.

L'adultère attend le soir, et se dit: Aucun oeil ne me verra; et il se cache le visage, car la lumière est pour lui comme la mort.

Job, ch. XXIV, v. 15—17.

I.

«Благоуханьемъ дивнымъ мирры
«Мой одръ роскошный надушонъ,
«Съ ковровъ струится нардъ Пальмиры
«И ароматный киннамонъ;
«Я золотою діадимой
«Чело вѣнчала; въ тишинѣ
«Приди, мой юноша любимый,
«Въ ложницу пышную ко мнѣ.
«Сегодня мужъ ушелъ далеко:
«На ложѣ нѣги у меня
«Почій, пока лазурь востока
«Не заалѣетъ блескомъ дня!»
Такъ съ плоской кровли, въ ароматной
Тѣни склонившихся деревъ,
Раздался зовъ ея чуть внятный,
Но былъ услышанъ этотъ зовъ:
Въ тьмѣ ночи юноша счастливый

Прокрался къ ней черезъ порогъ,
И кедръ рукою торопливой
Она замкнула на замокъ;
И тамъ, гдѣ въ потаенной сѣни
Блестѣлъ рѣзьбою кипарисъ,
Онъ нѣжно обнялъ ей колѣни
И ихъ лобзанія слились....

«Любви сіяньемъ озарили
«Лучи твоихъ очей мой взглядъ,
«Твое чело бѣлѣе лилій,
«Уста слова любви струятъ,
«Какъ будто розы ароматы!
«О сбрось съ себя одеждъ нарядъ —
«И безъ уборовъ хороша ты!
— Помедли, милый: капли росъ
Рукою нѣжною отру я
Съ твоихъ увлаженныхъ волосъ;
Дыханьемъ жаркимъ поцѣлуя
Согрѣю юное чело,
Что подъ ночною мглой застыло....
— «О лучше-бъ ты охолодила
«То пламя, что во мнѣ зажгло
«Мятежныхъ ласкъ твоихъ желанье!
«Любви созрѣли грозды; я
«Касаюсь къ нимъ, и трепетанье
«Ихъ чувствуетъ рука моя....
«Дай мнѣ вкусить отъ наслажденья,
«Не отдаляй желанный мигъ!
— Постой.... Откуда этотъ крикъ
И звукъ шаговъ?... — «То звонъ моленья
«Полночнаго.... О не блѣднѣй,
«Напраснымъ страхомъ грудь волнуя,
«И страстнымъ жаромъ поцѣлуя
«Смири огонь любви моей,
«И пусть замретъ отказа ропотъ
«Въ твоихъ устахъ!»
И въ смутный шопотъ
Слились слова любви.... Огни
Въ лампадахъ бронзовыхъ блеснули
Въ послѣдній разъ, и потонули
Лучи ихъ блѣдные въ тѣни....

II.

Въ тотъ часъ, какъ розовымъ отливомъ
Восходъ вершины горъ облекъ,
И къ зеленѣющимъ оливамъ
Коснулся утра вѣтерокъ,
Въ тотъ тихій часъ, когда верблюды
Усталой поступью, въ пыли
Склонясь подъ вьюками, несли
Пустыни дань сынамъ Іуды,
Въ тотъ часъ, какъ бѣлый свой шатеръ
Пастухъ открылъ, и бросилъ взоръ
На небо, и, звѣзды разсвѣта
Лучъ блѣдный встрѣтивъ, гимнъ привѣта
Къ свѣтилу Вѣчному простеръ, —
Въ тотъ часъ любовникъ пресыщенный
Ее покинулъ, и блѣдна
На ложѣ, нѣгой изступленной
Измятомъ, поднялась она.
Ей страшенъ блескъ луча дневного;
Она желаетъ, чтобъ сошла
Надъ нею тьма ночная снова
И скрыла стыдъ ея чела
Отъ блеска солнца золотого!
Какъ трупъ она недвижна, взглядъ
Приникъ въ тоскѣ къ дверямъ ложницы,
И только слезы на рѣсницѣ
О мукѣ сердца говорятъ....
Такой казалася въ день оный
Содома грѣшная жена,
Когда съ небесъ воспламененный
Лилъ дождь, и бурная волна
Сносила бѣшенымъ потокомъ
Твердыни храмовъ и дворцовъ
Проклятыхъ Богомъ городовъ.
Хотѣлось-ли ей грустнымъ окомъ
Въ послѣдній разъ послать привѣтъ
Мѣстамъ, знакомымъ съ дѣтскихъ лѣтъ,
Иль воли Бога неизвѣстной

Постигнуть тайну жаждалъ взглядъ —
Но обернулася назадъ
Она, презрѣвъ завѣтъ небесный;
И неподвижно замерла
Ея нога въ поспѣшномъ бѣгѣ,
И забѣлѣлись, будто въ снѣгѣ,
И ликъ и локоны чела.
И Лотъ дрожащею стопою
Идя къ Сегору, полный мукъ,
Не слышалъ больше за собою
Ея шаговъ замолкшій звукъ....

* * *

Роняя слезы изъ очей,
Она сидитъ на смятомъ ложѣ;
И вотъ, пришелъ ребенокъ къ ней;
Рыданьемъ матери своей
Смущенный, онъ заплакалъ тоже,
Кудрявой головой приникъ
Къ ея колѣнямъ, и тоскуя,
Боится онъ для поцѣлуя
Приблизить къ ней свой милый ликъ.
Какъ сладки были ей донынѣ
Младенца ласки и любовь!
Она узнать ихъ хочетъ вновь,
Но взоръ остановивъ на сынѣ,
О мужѣ вспоминаетъ вдругъ,
И на лицѣ ея испугъ
Ложится блѣдностью.... Ужели
Она осмѣлится ласкать
Его дитя на той постели,
Въ покоѣ томъ, гдѣ отзвучать
Лобзанья ночи не успѣли?...
Увы, невиннаго чела
Младенца грѣшными устами
Она коснуться не могла;
Хотѣла нѣжными словами
Его утѣшить: замеръ звукъ
Въ ея груди; она вздохнула,

Какъ будто въ мигъ предсмертныхъ мукъ,
И вдругъ ребенка оттолкнула;
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Въ порывѣ дикомъ съ ложа встала,
Пошла къ дверямъ и тамъ упала,
Какъ бездыханный трупъ блѣдна!

III.

Въ тотъ день, съ ограды городской,
Былъ видѣнъ караванъ богатый,
Державшій къ Тиру поѣздъ свой:
Подъ тяжкимъ вьюкомъ полосатый
Онагръ склонялся; весь въ пыли
Бѣжалъ верблюдъ, испуганъ крикомъ
Погонщика, и, смуглы ликомъ,
Рабы, чело склонивъ, несли
Багрецъ и шелкъ; и съ ними рядомъ
Скакалъ на взмыленномъ конѣ
Ихъ господинъ. Веселымъ взглядомъ
Завидѣвъ городъ въ сторонѣ,
Онъ говорилъ: «Теперь Зефора
Ждетъ мужа, взглядъ уставивъ въ даль,
И на лицѣ ея печаль,
И въ сердцѣ дума:—«Нѣтъ, не скоро
«Вернется онъ; давно туманъ
«Развѣянъ солнцемъ надъ пустыней,
«Но изъ-за дали темносиней
«Не выѣзжаетъ караванъ...»
И выбѣжитъ она далеко
Ко мнѣ на встрѣчу, и тогда
Я ей скажу: «Склони сюда
«Блестящее весельемъ око —
«Вотъ тканей шелкъ, цвѣтной коверъ,
«Вотъ сталь, которой отблескъ чистый
«И ликъ твой отразитъ и взоръ,
«Вотъ жемчугъ и янтарь златистый...»
Такъ говорилъ онъ, и съ высотъ
Сіона узкою тропою
Съѣзжалъ, коня ускоривъ ходъ....

IV.

Евреи шумною толпою
Въ день праздника бѣгутъ во храмъ:
Молва прошла — предстанетъ тамъ
Пророкъ, великій чудесами;
Цѣлитъ онъ силой словъ святыхъ
Разслабленныхъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ,
Увѣчныхъ, мучимыхъ бѣсами;
Къ нему идутъ со всѣхъ сторонъ
И старцы скорбные и жены;
И сонмомъ нищихъ окруженный,
Ко всѣмъ являетъ милость онъ.
По городамъ, по дальнимъ селамъ,
Съ толпой своихъ учениковъ
Проходитъ онъ, царь бѣдняковъ,
Съ челомъ, одѣтымъ ореоломъ
Небесной славы, и зоветъ
Къ себѣ святой любви глаголомъ
Рабовъ и страждущій народъ....

V.

За кудри юнаго чела
Толпа во храмъ приволокла
Жену преступную. Съ слезами
Въ очахъ опущенныхъ, блѣдна,
Передъ Христомъ стоитъ она,
Отягощенная цѣпями.
Вокругъ сонмъ книжниковъ сѣдыхъ;
Въ устахъ ихъ осужденья слово,
Укоръ въ жестокомъ взорѣ ихъ,
И говорятъ они сурово:
«Равви! вотъ женщина: она
«Виновна и уличена
«Въ грѣхѣ преступномъ съ любодѣемъ;

«За грѣхъ тотъ смерть присуждена
«Въ законѣ, данномъ Моисеемъ.»
И, возбужденная судомъ
Безжалостнымъ, толпа камепья
Хватаетъ и кричитъ: «убьемъ,
«Убьемъ ее за преступленье!»
Внимая грозный смерти крикъ,
Съ отчаяньемъ въ безумномъ взглядѣ,
Напрасно обращаетъ ликъ
Жена съ мольбою о пощадѣ,
Напрасно льетъ потоки слезъ....

И на нее воззрѣлъ Христосъ
И, кротостью небесной полонъ,
Къ толпѣ простеръ святой глаголъ онъ:
«Пусть тотъ, кто чуждъ грѣха межъ васъ
«Подниметъ первый длань для казни
«И броситъ камень безъ боязни.»
Сказалъ — и, грустью омрачась,
Задумчиво къ землѣ склонился
И сталъ на ней чертить перстомъ
Слова безвѣстныя....

Смутился
Сонмъ книжниковъ и со стыдомъ
Изъ храма тихо удалился....

В. Бурѣнинъ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ

ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ

ГЛАВА ВТОРАЯ*).

ВЕНЕТЫ.

I.

ДРЕВНѢЙШЕЕ НАЗВАНІЕ СЛАВЯНЪ — ВЕНЕТЫ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами отношеній славянскаго племени къ другимъ отраслямъ арійскаго поколѣнія можно сдѣлать тотъ выводъ, что предки славянъ и литовцевъ были послѣдніе изъ осѣдлыхъ арійцевъ, покинувшіе свою родину въ средней Азіи, чтобы перейти въ Европу. Здѣсь, естественно, они должны были остаться позади народовъ, предшествовавшихъ имъ въ переселеніи. Но странно было бы думать, что арійскія племена, по мѣрѣ того, какъ приходили въ Европу, располагались въ ней тотчасъ по правильнымъ очертаніямъ какихъ-нибудь естественныхъ границъ. Въ такомъ передвиженіи невозможно, чтобы иныя колѣна не отстали или не сбились въ сторону отъ главнаго пути племени, подобно тому, какъ это случилось, напримѣръ, съ кельтскою вѣтвью киммеріевъ, которые остались на сѣверномъ берегу Чернаго моря и потомъ, оттуда гонимые, бросились частію въ Малую Азію, тогда какъ главный потокъ кельтскаго переселенія шелъ на западъ Европы. Могло также случиться, что нѣ-

*) См. выше. т. IV, стр. 223 — 291.

которыя колѣна опережали главную часть племени и, оставивъ ее за собою, увлекались все далѣе и далѣе впередъ. Такія явленія представляетъ намъ исторія славянъ въ VI — VIII вѣкѣ по Р. Хр., когда это племя, поднятое сильными переворотами въ своей землѣ, начало снова подвигаться на западъ и югъ Европы. Тогда нерѣдко бывали случаи, что толпы переселенцевъ-славянъ, отдѣлившись отъ своего народа, проникали въ глубь чужихъ странъ, попадались путешественникамъ того времени въ самомъ сердцѣ Германіи, шли до устьевъ Рейна или до оконечностей Греціи. Если такіе случаи были возможны въ 600-тыхъ и 700-тыхъ годахъ нашего лѣтосчисленія,—а въ то время народонаселеніе Европы уже не было незначительно и, конечно, неохотно пропускало этихъ пришельцевъ,—то какъ легко могли совершаться подобныя далекія странствованія отдѣльныхъ обществъ и колѣнъ, пока арійское поколѣніе только начинало водворяться въ нашей части свѣта. Не удивительно, что когда главныя толпы переселявшихся изъ Азіи славянъ должны были остановиться позади предшествовавшихъ имъ въ Европу германцевъ, а на югѣ встрѣтили преграду въ киммеріяхъ, занимавшихъ еще побережье Чернаго моря, и въ ѳракійцахъ, которые, проходя черезъ Малую Азію, распространялись отъ Архипелага къ Дунаю, — нѣкоторыя славянскія колѣна зашли въ отдаленные края, гдѣ имя славянъ звучитъ странно и загадочно среди чужихъ населеній.

Какое же было имя, которымъ означались славяне въ ту пору? Самое названіе *славяне*, или какъ слѣдовало бы писать правильнѣе, *словѣне*, неизвѣстно въ древнѣйшее время. На слѣдъ имени первоначальнаго наводитъ названіе, которое придавали славянамъ окрестные народы, нѣмцы, финны, греки. До сихъ поръ въ народной рѣчи нѣмцевъ, славянинъ, въ общемъ племенномъ смыслѣ, слыветъ *вендомъ* или *виндомъ*, и это имя встрѣчается въ безчисленныхъ названіяхъ мѣстныхъ, въ безчисленныхъ памятникахъ историческихъ, по всей западной границѣ славянскаго племени, гдѣ оно соприкасается или соприкасалось съ германскимъ, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго. Въ старинныхъ памятникахъ, кромѣ слова *вендъ* или *виндъ*, находимъ также *венедъ* или *винидъ*.

Всѣ эти названія для славянъ свойственны собственно языку германцевъ (какъ нѣмцевъ, такъ и скандинавовъ), и если они попадаются у другихъ писателей, то именно у такихъ, которые слышали про славянъ отъ нѣмцевъ. Поэтому необходимо считать эти формы: *вендъ*, *виндъ*, *венедъ*, *винидъ* [1]), прошедшими сквозь струю нѣмецкаго выговора, въ которомъ буква *д* замѣняла всегда коренное *т* [2]), такъ, что въ своемъ коренномъ видѣ названіе

это должно было звучать *вентъ* или *венетъ*, какъ писалъ правильно и Тацитъ (около 100 л. по Р. Хр.), называя венетами, veneti [3]), обширный народъ, занимавшій пространство между германцами и финнами.

Между тѣмъ, какъ нѣмецъ превращалъ букву *т* въ *д*, финнъ въ этомъ словѣ не могъ выговорить ни *т* ни *д* послѣ звука *н*. Имя *вентъ* или *вендъ* становилось у него *венне*. Такъ финны до сихъ поръ называютъ русскихъ веннелайсетъ, т. е. венны (славяне), Россію — веннаен-маа, т. е. венская (славянская) земля [4]).

Наконецъ, третье видоизмѣненіе это имя должно было получить отъ грековъ, потому что они не выговаривали звука *в* и обращали его, въ началѣ словъ, въ простое придыханіе, либо вовсе опускали. И дѣйствительно, въ извѣстіяхъ греческихъ, славяне, обитавшіе въ странахъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, означаются именемъ: *анты*, а на среднемъ Дунаѣ [5]), также какъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, греческими писателями упоминается народъ *энетовъ*. *Анты*, *энеты* — это ни что иное, какъ греческая форма выговора вмѣсто *ванты* и *венеты*.

Таковы древнѣйшія названія, или вѣрнѣе, видоизмѣненія одного и того же названія, которыми означаются славяне отъ Финляндіи до Дуная и отъ Балтійскаго до Чернаго моря. *Венеты*, *венеды*, *венды*, *винды*, *венны*, *банты* (въ сказаніяхъ лангобардскихъ), *анты*, *энеты*, такъ развѣтвилось въ устахъ сосѣднихъ славянамъ народовъ имя, которое въ коренной арійской формѣ своей должно было звучать *вантâс* или *ванитâс*.

II.

Значеніе имени венеты.

Это имя не могло быть чужое славянамъ. Уже и потому, что народы, столь разобщенные другъ отъ друга, какъ греки, нѣмцы, финны, одинаково означали имъ людей славянскаго племени, невозможно допустить предположенія, будто это было прозвище, данное славянамъ иностранцами. Славяне должны были нѣкогда носить это имя сами; но по мѣрѣ того, какъ они, разселившись въ Европѣ, подчинились тутъ новымъ понятіямъ и вліяніямъ, первобытное ихъ племенное имя не только вытѣснялось изъ употребленія именами мѣстными, но и въ смыслѣ общаго названія они легко могли предпочесть ему какія-нибудь новыя прозвища, возникавшія вначалѣ у той или другой отдѣль-

ной вѣтви и съ теченіемъ времени пріобрѣтавшія общую извѣстность и популярность. Сосѣди же, и вообще иностранцы, разъ узнавъ славянъ подъ древнимъ именемъ венетовъ, не имѣли повода мѣнять установившееся для нихъ названіе на какое-нибудь новое. Такъ точно и грековъ сосѣдніе народы продолжали означать этимъ именемъ, которое дѣйствительно принадлежало имъ встарину [6]), тогда какъ въ самомъ народѣ греческомъ его вытѣснили позднѣйшія и частныя названія ахеевъ, эллиновъ и т. п., такъ что имя «греки» стало впослѣдствіи для самихъ грековъ совершенно чужимъ.

Только одна изъ вѣтвей славянскихъ пребыла вѣрна древнему племенному названію до временъ окончательнаго вступленія своего въ жизнь государственную: это была та именно вѣтвь, которая оставшись на самомъ краю славянскихъ земель къ востоку, въ отдаленнѣйшей глуши, на рубежѣ чудскихъ населеній, въ «дебряхъ» [7]) около Оки, менѣе всѣхъ другихъ славянъ была доступна новизнѣ [8]); вѣтвь, сдѣлавшаяся по преимуществу родоначальницей великорусскаго народа — *вятичи*. Имя это прямо указываетъ на то, что оно было производное отъ слова *Вятъ* [9]), какъ, напр., русичи (въ древнихъ нашихъ памятникахъ) отъ Руси. Коренное арійское названіе Вантâс или Ванитâс, указываемое сличеніемъ различныхъ формъ этого слова у сосѣднихъ славянскихъ народовъ, должно было, на нарѣчіи восточныхъ славянъ, когда обозначились въ немъ особенности, составившія отличительныя свойства русскаго языка, звучать именно такъ, какъ мы тутъ находимъ: *вяты* или, въ смыслѣ собирательномъ, *вятъ* и *вятичи* [10]).

По своему значенію, это первобытное имя славянскаго племени есть то же самое, что и арjâс, арійцы, т. е. «почтенные, любезные, достохвальные». Въ языкѣ древнихъ индусовъ сохранился коренной глаголъ *ван* (а также *ванд*) въ смыслѣ *чтить, выражать почтеніе, хвалить* и т. п.; отсюда *ванитас* — почтенный, любезный, возлюбленный [11]). Кромѣ этой формы *ванитас*, употребляемой въ литературномъ языкѣ, должна была въ древнѣйшую пору существовать и другая, *вантас*, которая и осталась въ славянскихъ *вятахъ*, *антахъ* по греческому, *вендахъ* или *виндахъ* по нѣмецкому выговору, тогда какъ форма *венеты*, *энеты* или *венеды*, соотвѣтствуетъ болѣе округленной формѣ этого слова: *ванитас*.

Чѣмъ глубже мы восходимъ въ древность арійской рѣчи, тѣмъ бо́льшее встрѣчаемъ въ ней богатство словъ одинаковыхъ, или весьма близко сходствующихъ по значенію, и этотъ запасъ потомъ распредѣлился между арійскими племенами: у однихъ

сталъ предпочтительно употребляться одинъ какой-нибудь изъ этихъ старинныхъ синонимовъ, у другихъ другой. Такъ, должно полагать, у арійцевъ первоначально существовали оба однозначащія слова арjâс и ванитâс, т. е. любезные, почтенные, какъ выраженія, съ которыми человѣкъ обращался къ своимъ собратіямъ или къ народу и которыми затѣмъ самъ народъ арійскій сталъ означать себя въ противоположность чужимъ. Изъ этихъ-то двухъ синонимовъ южныя племена и часть западныхъ (индусы, персы, ѳракійцы и, кажется, кельты [12]) усвоили себѣ слово арjâс, а славяне предпочли названіе вантâс или ванитâс (вяты, венеты), и это, быть можетъ, потому особенно, что первое должно бы было въ ихъ языкѣ совпасть въ звукѣ съ другимъ, совершенно противоположнымъ по смыслу словомъ,—*ярый*.

Хотя древній корень *ван* сталъ выходить у славянъ изъ употребленія [13]) (что, конечно, способствовало и тому, что самое названіе венеты или вяты такъ скоро устарѣло), однако, еще въ VI вѣкѣ его значеніе не было забыто, по крайней мѣрѣ у отрасли венетовъ, занимавшей восточный уголъ верхней Италіи. Это показываетъ готскій историкъ Іорнандъ, который, говоря о взятіи Равенны готскимъ королемъ Аларикомъ, замѣчаетъ, что «обладатели этого города назывались въ старину, по преданію предковъ, *венетами*, т. е. достохвальными» [14]). Въ книжной своей учености Іорнандъ при этомъ думалъ, можетъ быть, о подходившемъ сюда по значенію греческомъ словѣ (*αἰνετός*); но, конечно, въ *преданіи предковъ*, которое онъ слышалъ, не могло быть рѣчи о такой искусственной этимологіи, и говорилось просто, что имя древнихъ жителей этого края, венеты, значило: «достохвальные» [15]).

Въ древней азіятской колыбели осѣдлому народу арійскому, носившему названіе «почтенныхъ» или «любезныхъ», противополагались, какъ намъ извѣстно, люди неосѣдлые, которыхъ называли дâсâс — «бѣдняки» или турâс — «быстро движущіеся, подвижные» (бродники, по старинному русскому выраженію). Съ ихъ именемъ, какъ мы уже упоминали, стало соединяться въ понятіяхъ осѣдлаго арійца представленіе о какомъ-то злѣ началѣ, о враждебной сверхъестественной силѣ. Особенно ясно виденъ отпечатокъ этого перехода понятій въ языкѣ древнихъ индусовъ, которые имя кочевыхъ племенъ дâсâс или дасjавас (т. е. бѣдняки, отъ глагола дас — терпѣть нужду) принимали также въ общемъ значеніи враждебнаго чудовища [16]), а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи этого понятія, образовали слова: дасра — чудотворный, волшебный, дасма — чудесный и, наконецъ, въ отвлеченномъ смыслѣ дансас — чудо.

При переходѣ славянъ въ Европу повторилось тоже самое. Они встрѣтили здѣсь племена, не только не знавшія земледѣлія, но стоявшія еще на низшей степени развитія, чѣмъ кочевники арійскаго поколѣнія въ степяхъ средней Азіи, дасы или туры (предки скиѳовъ); на европейскомъ сѣверѣ славяне встрѣтили людей не арійской крови, бродячихъ лѣсныхъ жителей, звѣролововъ [17]); и назвали они ихъ *чудью*, т. е. именемъ, которое значило тоже, что *турас* въ Азіи — подвижные, быстрые: корень въ древне-индійскомъ глаголѣ чуд, чо̂да̂ми или чо̂даја̂ми—погоняю, тороплю, привожу въ скорое движеніе [18]). И съ этимъ именемъ соединилось понятіе о *чудовищѣ* [19]) и о *чудѣ*, какъ явленіи сверхъестественной силы, и о *кудесахъ* волшебныхъ [20]).

Венеты или *вяты* [21]), какъ названіе народа осѣдлаго, людей «почтенныхъ», и въ противоположность имъ *чудь* «подвижная», одаренная нечеловѣческими, волшебными силами, — въ этихъ двухъ именахъ заключается первый слѣдъ исторіи славянскаго племени, слѣдъ той эпохи, когда они перенесли на сѣверъ Европы понятія своей азіятской родины, съ ея «арьями» и «турами».

III.

Венеты въ Италіи. — Признаки того, что они были дѣйствительно славяне.

Подъ именемъ венетовъ извѣстенъ у писателей греческихъ и римскихъ народъ, который съ времени весьма отдаленнаго занималъ сѣверо-восточный уголъ Италіи, отъ Альпійскаго хребта до низовьевъ р. Пада (По) и Адріатическаго моря, и отъ Истріи до Гардскаго озера,—и объ этихъ-то венетахъ имѣемъ мы самыя раннія историческія свѣдѣнія. Естественно, что тѣ венеты, которые жили въ Италіи, по своему положенію ближе соприкасаясь съ образованными народами древности, сдѣлались извѣстными прежде другихъ. Но были ли эти венеты на Адріатическомъ поморьѣ дѣйствительно славяне? Хотя самое имя «венеты» (чего никто не сталъ бы оспоривать) принадлежало по преимуществу племени славянскому, однако не могло ли оно здѣсь, въ Италіи, обозначать и какой-нибудь другой народъ?

Вопросъ разрѣшился бы самъ собою, еслибы до насъ дошелъ какой-нибудь ясный памятникъ языка древнихъ италійскихъ венетовъ. Но и тѣ немногіе его слѣды, которые сохранились, показываютъ явный обликъ славянской рѣчи, и именно въ такомъ древнемъ видѣ, какой она должна была имѣть за двѣ тысячи лѣтъ.

Главный городъ въ странѣ венетовъ назывался Патавій (Patavium, нынѣшняя Падуа), и его имя во всѣхъ древнихъ сказаніяхъ соединялось съ птицею. По одной легендѣ, онъ такъ названъ потому, что при основаніи города ворожили по полету птицъ; по другой, основатель города, Антеноръ, получилъ отъ боговъ приказаніе строить городъ тамъ, гдѣ попадетъ стрѣлою въ птицу [22]). Древнѣйшая форма слова «птица» была у славянъ патъ и пата, остатки которой мы находимъ въ древнихъ памятникахъ, гдѣ пъта употребляется въ значеніи птица [23]), и которая является нынѣ въ многообразныхъ уменьшительныхъ (птица, птакъ, потка, что на сѣверѣ Россіи значитъ птица, птенецъ и т. д.). Хотя корень этого слова общій арійскимъ языкамъ (пат, летать) [24]), однако простыя производныя отъ него формы какъ патъ, пъта и т. д. для обозначенія птицы [25]), свойственны однимъ славянамъ. Пока славяне употребляли это древнее слово патъ, они, для производства отъ него прилагательнаго въ смыслѣ «птичій», должны были, по закону языка славянскаго, сказать патовій (или съ древнѣйшимъ *а* вмѣсто *о* — патавій), какъ мы до сихъ поръ отъ слова волъ производимъ воловій, отъ конь — коневій и пр. И подобный способъ производства составляетъ исключительное свойство славянскаго языка. Такимъ образомъ древнее сказаніе, связывавшее названіе города венетовъ, Патавія съ птицею, не обманываетъ насъ. Патавій или Патавіе дѣйствительно значитъ «птичій», и только въ языкѣ славянскомъ могло образоваться это имя [26]).

Въ Гардское озеро съ южной стороны вдается длиннымъ и довольно узкимъ горнымъ кряжемъ небольшой полуостровъ, славящійся своею живописностью. Его воспѣвалъ римскій поэтъ Катуллъ, у котораго была на немъ дача [27]). Этотъ прелестный полуостровъ назывался Sirmio (нынѣ Sirmione). Имя явно напоминаетъ Sirmium (по нынѣшнему славянскому произношенію Срѣмъ) на Дунаѣ, и если мы взглянемъ на положеніе дунайскаго Сирміума, то убѣдимся, что эти два сходныя имени должны были выражать одно и то же понятіе. Сирміумъ на Дунаѣ представляетъ собою, въ большемъ только размѣрѣ, чѣмъ его соименникъ въ Италіи, горную полосу, вдавшуюся въ видѣ полуострова между Дунаемъ и Савою и раздѣляющую клиномъ ихъ могучія воды передъ ихъ сліяніемъ. Еслибы мы имѣли передъ собою только полуостровъ Сирміо на Гардскомъ озерѣ или Сирміумъ на Дунаѣ, то можно бы было спорить о томъ, у какого народа возникло это имя; но только одинъ народъ обнималъ своими жилищали оба эти края, именно венеты, одна вѣтвь которыхъ въ Италіи простиралась до Гардскаго озера и даже нѣ-

сколько далѣе, а другая еще до времени митридатовыхъ войнъ (въ началѣ I вѣка до Р. Хр.) является въ сосѣдствѣ дардановъ [28]), то есть именно около Срѣма на Дунаѣ. Указаніе историческое вполнѣ подтверждается языкомъ. Слово Сирмій или Сирміе (форма древнѣйшая) или Срѣмъ (форма позднѣйшая) [29]) имѣетъ до сихъ поръ во всѣхъ почти нарѣчіяхъ славянскихъ многочисленное родство, затемненное только тѣмъ, что нынѣшніе славяне вставляютъ тутъ, какъ обыкновенно, букву *т* между *с* и *р*, точно также, какъ мы вмѣсто *срамъ* говоримъ *стромъ*, вмѣсто *островъ—островъ*, вмѣсто *всрѣтить—встрѣтить* и т. д. У ближайшихъ къ венетамъ адріатическихъ словенцевъ стермѣти (вмѣсто сермѣти) значитъ «торчать», «выдаваться впередъ»; стермъ (вмѣсто сермъ) — «крутой», стермина (вмѣсто сермина) — «крутизна»; у насъ стремнина (вмѣсто сремнина), стромкій (областное) высокій, крутой; стремиться, т. е., собственно, подаваться впередъ. Множество другихъ родственныхъ славянскихъ словъ мы опускаемъ; приведенныхъ достаточно: мы видимъ, что Сирмій, Срѣмъ [30]) означало выдающееся крутое мѣсто. Свидѣтельство, заключающееся въ этомъ названіи, какъ и имя Патавія, особенно важно потому, что слово *серм* со всѣми его развѣтвленіями для означенія чего-либо крутого и выдающагося, не есть одинъ изъ тѣхъ первобытныхъ корней, которые составляютъ общую принадлежность арійскихъ племенъ, а существуетъ исключительно только въ языкѣ славянъ [31]).

На одномъ надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ Аквилеѣ [32]), мы читаемъ, что эту гробницу сдѣлала Червонія или Червонія Тиха (Cervonia Tiche) при жизни своей для себя и своихъ вольноотпущенныхъ [33]); затѣмъ она прибавляетъ: «*si quis hanc arcam sive hoc monument. vendere aut emere aut* exacisclare *volet, tum pœnœ nomine h. s. XX reip. aquil. dare debebit*», т. е.: «если кто эту гробницу или этотъ памятникъ захочетъ продать или купить или....., то онъ долженъ будетъ въ видѣ пени заплатить 20,000 сестерціевъ [34]) обществу аквилейскому» [35]).

Смыслъ латинской надписи совершенно ясенъ, но въ серединѣ ея мы находимъ слово неслыханное въ латинскомъ языкѣ, слово *exacisclare*, которое, очевидно, вкралось въ латинскую рѣчь аквилейцевъ изъ мѣстнаго языка. Что же это за слово? Славянскій языкъ дастъ и здѣсь разгадку. Въ нарѣчіи словенцевъ (или такъ назыв. хорутанъ)—именно той вѣтви славянской, которая всѣхъ ближе къ краю древнихъ венетовъ и поселенія которой простираются почти до самаго мѣста, гдѣ стояла Аквилея,—слово *числати* употребляется въ значеніи «чтить, уважать» [36]). Въ аквилейской надписи мы видимъ это самое слово съ отрицательнымъ

а (т. е. не —), которое составляло исконную принадлежность арійскихъ языковъ и, хотя исчезло изъ нынѣшней славянской рѣчи (за исключеніемъ немногихъ слѣдовъ), но безъ сомнѣнія употреблялось и въ ней въ ту пору, когда существовала древняя Аквилея (разрушенная въ 452 году). Такъ составилось это слово чисто-славянское, только съ латинскимъ предлогомъ и окончаніемъ: exacisclare, и значило оно «оказать неуваженіе», «обезчестить», «осквернить». Надпись Червоніи Тихи гласила, что если кто захочетъ продать или купить ея памятникъ или нарушить его неприкосновенность (по-польски можно бы сказать зневажить, и составъ этого слова, *з-не-важить* буквально воспроизвелъ бы выраженіе *ex-a-cisclare*), то онъ заплатитъ городскому обществу такую-то сумму. Въ томъ же совершенно смыслѣ употреблено это самое выраженіе въ другой, также аквилейской надписи, въ которой нѣкто Юлій Эпиктетъ, приготовивъ гробницу для своей умершей супруги и себя самого, назначаетъ наказаніе тому, кто бы «эту гробницу открылъ или нарушилъ ее и положилъ туда другое тѣло»: si quis post dua corpora posita (т. е. послѣ погребенія тѣлъ Эпиктета и его жены) hanc arcam aperverit aut *exacisclaverit* et aliut corpus posuerit [37]). Также какъ названіе «птичьяго города» Патавія, и слово exacisclare потому въ особенности важно, что тутъ является не простой только корень, который могъ бы быть общій славянамъ съ другими арійскими народами, но форма производная *(числати* отъ корня *чит*, чтить), образованіе которой носитъ на себѣ отпечатокъ исключительно славянскій.

Когда полчища гуннскаго царя Аттилы (въ 452 г.) вторглись въ Италію и прежде всего обрушились на богатую и многолюдную Аквилею, то жители этого города и его окрестностей бѣжали въ разныя стороны, и между прочимъ, ближайшимъ для нихъ убѣжищемъ былъ островокъ, возвышавшійся своими укрѣпленіями среди окружающихъ лагунъ и связанный съ материкомъ мостовою, въ древнее время проложенною въ морѣ. Эта твердыня, этотъ островъ-крѣпость [38]) названъ былъ Градъ (Gradus). Какой народъ, кромѣ славянскаго, далъ бы ему такое названіе?

IV.

Преданіе о приходѣ венетовъ въ Италію. — Связь съ троянскою легендою.

Можно бы привести и много другихъ именъ мѣстныхъ и личныхъ, относящихся къ краю италійскихъ венетовъ и въ которыхъ слышны звуки славянской рѣчи[39]); но, какъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ ихъ значеніи, то и толкованіе ихъ оставалось бы сомнительнымъ и не прибавило бы ничего къ тѣмъ характеристическимъ словамъ, которыя нами приведены. Достаточно и этихъ четырехъ выраженій — Патавій, Сирмій, exacisclare и Gradus: они не оставляютъ сомнѣнія, что народъ, поселившійся на сѣверовостокѣ Италіи подъ именемъ венетовъ, были въ дѣйствительности венеты, то-есть славяне[40]). Когда мы видимъ, что при возобновившемся въ VI вѣкѣ по Р. Хр. движеніи славянскаго племени, оно тотчасъ же стало проникать въ сѣверовосточный уголъ Италіи[41]), гдѣ удерживается отчасти и донынѣ[42]), то тѣмъ естественнѣе было занятіе этого края славянскимъ племенемъ при первомъ разселеніи арійцевъ въ Европѣ. Сюда, въ сѣверовосточный уголъ Италіи, лежалъ прямой путь славянамъ, двигавшимся съ востока къ западу и юго-западу. Но Итальянскій полуостровъ былъ уже заселенъ другими народами, и движеніе славянъ встрѣтило здѣсь сопротивленіе. Они принуждены были остановиться, и только передовая ихъ вѣтвь нашла себѣ мѣсто на окраинѣ полуострова, въ нынѣшней Венеціанской области.

Сохранялось преданіе, что венеты, поселившіеся на Адріатическомъ поморьѣ, были пришельцы съ востока, и хотя ихъ признавали народомъ весьма древнимъ[43]), однако помнили и то, что они были изъ послѣднихъ переселенцевъ, прибывшихъ въ Италію, и водворились въ ней силою.

Легенда о Троянской войнѣ, сдѣлавшаяся, благодаря вліянію неподражаемыхъ рапсодій іонійскихъ, средоточіемъ, къ которому греки, а вслѣдъ за ними и еще болѣе римляне, старались пріурочить всѣ, по возможности, свои сказанія о вѣкахъ отдаленной древности, — легенда эта втянула въ свой кругъ и повѣсти о пришествіи венетовъ въ Италію. Поводъ къ тому былъ тѣмъ ближе, что нѣкогда и въ Малой Азіи существовалъ народъ имъ соименный, и что Гомеръ приводилъ этихъ азіятскихъ энетовъ въ числѣ союзниковъ осажденной Трои[44]). Не трудно было поэтамъ и историкамъ греческимъ и римскимъ, занимавшимся подборомъ и обработкою древнихъ преданій, принять пришельцевъ

съ востока, италійскихъ венетовъ, за потомковъ мало-азійскихъ, связать ихъ переселеніе на Адріатику съ разгромомъ Трои, причислить народнаго венетскаго вождя, основателя Патавія, къ героямъ троянской защиты. Понятно также, почему это толкованіе особенно понравилось въ Римѣ и сдѣлалось тамъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ историческихъ сказаній. Римляне сами, съ того времени, какъ они вошли въ сношенія съ греческимъ міромъ, старались примкнуть свою древность къ троянской; затѣмъ покореніе Греціи еще болѣе утвердило въ нихъ вѣру, что Римъ произошелъ отъ переселенцевъ изъ Трои, завѣщавшихъ своему потомству въ Италіи месть за вѣроломное разрушеніе ихъ родного города. При такомъ взглядѣ, каждая черта, соединявшая Италію съ Троей, была дорога римлянамъ, и они должны были съ радостью ухватиться за представлявшійся случай породнить съ троянцами одинъ изъ извѣстнѣйшихъ народовъ Италіи и особенно такой, какъ венеты, которые издавна и постоянно были союзниками и друзьями Рима и оказали ему однажды, въ годину наибольшей опасности, услугу неоцѣнимую.

Но прежде, чѣмъ будемъ разбирать историческую основу примкнутаго такимъ образомъ къ Троѣ сказанія о пришествіи венетовъ въ Италію, мы должны уяснить себѣ, кто такіе были эти мало-азійскіе венеты, которыхъ выдавали за ихъ предковъ.

V.

Колоніи венетовъ въ Малой Азіи.

Гомеръ, поименовывая союзниковъ Трои (исчисленіе которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, обнимаетъ почти всѣ вѣтви ѳракійскаго племени, европейскія и азіятскія, въ противоположность осаждавшимъ Трою народамъ племени греческаго), говоритъ, между прочимъ, что «Пафлагоновъ велъ Пилеменъ, храброе сердце, изъ энетовъ, откуда порода дикихъ лошаковъ: они же владѣли Киторомъ и обитали вокругъ Сесама, имѣли славные дома по рѣкѣ Партенію, населяли Кромну, Эгіалъ и высокіе Эритины.»

Партеній (т. е. Дѣвичья рѣка), орошающій «цвѣтистый край» [45]), гдѣ энеты имѣли свои «славные дома», это нынѣ рѣка Бартанъ, впадающая въ Черное море въ Кастамунійской области. Тутъ же лежатъ упоминаемые Гомеромъ города энетовъ: Киторъ, что̀ нынѣ Кидросъ, Сесамъ, позднѣе сдѣлавшійся цитаделью города Амастриса (нынѣ Амассера), Кромна, нынѣ развалины по сосѣдству этого послѣдняго [46]); Эгіалъ (что значитъ бе-

регъ)—такъ называлась и деревня близъ Амастриса и вся тамошняя береговая полоса, въ 100 стадій (отъ 15 до 20 верстъ) длины [47]), доходившая до мыса Карамбиса (Керемби); наконецъ «высокіе Эритины», это — мѣсто замѣчательное двумя красными скалами, недалеко отъ Амастриса [48]). Такимъ образомъ, все пространство, отводимое Гомеромъ энетамъ, составляетъ крошечный участокъ Малой Азіи, сѣверозападный уголъ области, которая извѣстна была въ древности подъ именемъ Пафлагоніи [49]), а нынѣ составляетъ лишь часть Кастамунійскаго эялета.

Точность выраженій, которыми Гомеръ опредѣляетъ положеніе энетовъ, устраняетъ всякій поводъ къ сомнѣнію, что тамъ дѣйствительно находилось такое племя, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще показанія его о народахъ Малой Азіи, ему хорошо извѣстной, оказываются вполнѣ вѣрными. Впослѣдствіи одинъ изъ сподвижниковъ Александра Македонскаго, извѣстный Каллистенъ, повѣрявшій свидѣтельства Гомера объ этихъ краяхъ, нашелъ энетовъ на восточномъ берегу Партенія. Когда Александръ Македонскій проходилъ чрезъ Пафлагонію, то энеты присоединились къ его войску [50]). Но спустя триста лѣтъ послѣ походовъ Александра, когда писалъ свою географію Страбонъ, энетовъ тутъ уже не было [51]).

Кромѣ окрестностей нынѣшняго Бартана, слѣды энетовъ являются въ двухъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, дальше къ востоку, на берегу Чернаго моря, около Самсуна, и среди материка, близъ границъ Арменіи. Писатель VI вѣка до Р. Х., Гекатей называлъ *Энетой* (*Ενετή*) городъ Амисосъ [52]), нынѣшній Самсунъ (на востокъ отъ Синопа). Что въ этой вообще мѣстности, т. е. въ приморской части Каппадокіи (нынѣшнемъ Самсунскомъ и Амазійскомъ краѣ), жили въ древности энеты, на это указывалъ одинъ изъ писателей, изъ которыхъ Страбонъ почерпалъ свои свѣдѣнія [53]), а Плиній помѣщалъ тутъ же племя генетовъ (Genetae) [54]). Другой римскій географъ I-го вѣка по Р. Х., исчисляя племена, жившія на западъ отъ Арменіи, въ срединной части Каппадокіи, называетъ между ними венетовъ (Venetae) [55]).

Всѣхъ этихъ мало-азійскихъ энетовъ или венетовъ мы считаемъ переселенцами славянскаго племени, попавшими случайно въ тотъ край. Впослѣдствіи мы увидимъ, что когда славяне, въ VI и VII вѣкѣ по Р. Х., стали распространяться на югъ отъ Дуная и за Балканы, то цѣлыя толпы ихъ переходили въ Малую Азію и селились тамъ, и даже проникали въ Сирію. Еще легче было зайти туда, съ востока, черезъ Кавказъ, какимъ-нибудь, сбившимся съ пути семьямъ славянскимъ во время

передвиженія всего племени изъ Азіи въ Европу. Извѣстно, что часть киммеріевъ, жившихъ нѣкогда на сѣверномъ берегу Чернаго моря, ушла этой дорогой въ Малую Азію и заняла здѣсь, между прочимъ, мѣстность, гдѣ потомъ возникъ городъ Синопъ [56]). Той же дорогой черезъ Кавказскій край [57]) и изъ той же страны, а можетъ быть даже и вмѣстѣ съ киммеріями [58]) перешли сюда, по всей вѣроятности, и славянскіе переселенцы. Существовало даже положительное сказаніе, что тѣ энеты, которые жили въ Каппадокіи, были товарищами киммеріевъ въ ихъ походахъ [59]). Армянскій историкъ, писавшій въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія (Моисей Хоренскій), говоритъ намъ о переселенцахъ «Булгара Венда», водворившихся въ Басіанѣ, въ Араратской области [60]). Судя по его выраженіямъ и по имени болгаръ, тутъ встрѣчающемуся, нельзя думать, чтобы эти поселенія возникли ранѣе того времени, въ какое жилъ Моисей Хоренскій; но они ясно указываютъ путь, какимъ славяне попадали въ Малую Азію и въ прежнее время.

Очевидно однако, что это были одинокія колоніи, мелкіе выселки славянскаго племени, занесенные случаемъ въ среду чужихъ народовъ. Уже въ выраженіи Гомера, когда онъ говоритъ, что пафлагонцевъ велъ на помощь Трои Пилеменъ *изъ энетовъ*, владѣющихъ Киторомъ и т. д., мы видимъ, что энеты, обитавшіе въ Пафлагоніи, составляли нѣчто особое отъ настоящихъ пафлагонцевъ. Эта чужестранность энетовъ и объясняетъ, почему они такъ скоро исчезли въ Малой Азіи. Уже прежде Р. Хр., когда писалъ Страбонъ, самъ уроженецъ края, сосѣдняго съ Пафлагоніей, для него было вопросомъ, что̀ за народъ были эти энеты [61]). Если бы они принадлежали къ одной изъ туземныхъ народностей Малой Азіи, то тамошнему уроженцу Страбону не могло бы и представиться подобнаго сомнѣнія; а коль скоро дознано, что мало-азійскіе энеты, или венеты, какъ писалъ латинскій географъ, или венда, какъ писалъ историкъ армянскій, были тамъ переселенцы изъ чужого племени, то къ кому ихъ причислить, какъ не къ племени венетскому, какъ не къ славянамъ?

При незначительности и одинокомъ положеніи этихъ славянскихъ колоній въ Малой Азіи, онѣ не пріобрѣли никакого значенія. Венеты мало-азійскіе прожили незамѣтно для исторіи и незамѣтно слились съ окружающими населеніями [62]). Но все же намъ нельзя было не остановиться на нихъ, какъ на первыхъ изъ славянъ, о которыхъ осталась историческая память. Если бы славяне склонны были гордиться своими предками и своимъ прошлымъ, какъ многіе другіе народы, то они могли бы дорожить

тѣмъ, что люди славянскаго племени и «храброе сердце» ихъ вождя воспѣвались Гомеромъ между защитниками Трои.

VI.

Значеніе легенды о троянскомъ происхожденіи венетовъ.—Свидѣтельство Арріана о движеніи ихъ съ востока.

Отъ такихъ дробныхъ, одинокихъ колоній, какими являются съ самаго начала венеты въ Малой Азіи, не могли очевидно произойти венеты сѣверной Италіи, составлявшіе, какъ намъ извѣстно, народъ довольно значительный. Несомнѣнно, что въ сказаніяхъ о переходѣ венетовъ изъ-подъ Трои къ устьямъ По соединились двѣ вещи: истинное, жившее въ народной памяти самихъ италійскихъ венетовъ, событіе, именно, что они пришли въ Италію съ востока, и догадка грековъ и римлянъ, читавшихъ Гомера, что пришедшіе съ востока въ Италію венеты были тѣ самые, которые сражались подъ Троею.

Весьма знаменательно извѣстіе, уже разъ нами упомянутое, которое записалъ одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ историковъ древности, Арріанъ, жившій во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр., но пользовавшійся прежними источниками и особенно занимавшійся исторіею азіятскихъ народовъ [63]). Арріанъ говоритъ [64]), что энеты пострадали отъ войны съ ассирійцами; это заставило ихъ удалиться въ Европу, и тогда они поселились на рѣкѣ Падѣ (По). Къ несчастію, это извѣстіе дошло до насъ въ отрывочной выпискѣ, такъ что мы не знаемъ ни источника, откуда Арріанъ его заимствовалъ, ни обстоятельствъ, съ которыми онъ его связывалъ. Но если бы можно было, — какъ намъ, кажется, позволяетъ общій характеръ этого писателя, весьма положительнаго и разборчиваго въ передаваемыхъ имъ свѣдѣніяхъ, — считать его слова основанными на дѣйствительномъ сказаніи, которое онъ или нашелъ въ какомъ-нибудь старинномъ памятникѣ, или, что болѣе вѣроятно, слышалъ самъ при объѣздѣ черноморскаго края [65]), то это освѣтило бы намъ всю древнѣйшую исторію славянскаго племени. Мы знаемъ, что предки славянъ жили нѣкогда въ Средней Азіи. Достовѣрно также, что въ отдаленную эпоху, предшествовавшую развитію арійскихъ народовъ, ассирійцы (племя семитическое, на верхнемъ Тигрѣ, гдѣ нынѣ Мосулъ съ близлежащими развалинами ихъ знаменитой столицы Нинивіи) составляли могущественное царство, простиравшее свои завое-

ванія, между прочимъ, далеко на востокъ въ Прикаспійскія страны. Они покорили западную часть Ирана (землю мидянъ и персовъ) и ихъ войска проникали, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже въ Бактрію. Эти ассирійскіе походы и завоеванія, о которыхъ свидѣтельствуютъ не только преданія, записанныя греками, но и недавно открытыя надписи царей нинивійскихъ, начались, какъ полагаютъ, съ XIII вѣка до Р. Хр. [66]) и продолжались съ разными перерывами до VIII вѣка. Къ этому-то періоду относилось бы, на основаніи извѣстія Арріана, переселеніе славянскаго племени въ Европу. Это согласовалось бы и съ выводомъ, нами сдѣланнымъ по другимъ признакамъ, что славяне послѣдніе изъ осѣдлыхъ племенъ арійскихъ покинули свою родину въ средней Азіи. Побѣды ассирійцевъ не могли не взволновать арійскаго населенія нынѣшней Персіи и сопредѣльныхъ краевъ средней Азіи, они не могли не произвести движенія въ племенахъ, которымъ тогда въ первый разъ приходилось встрѣтиться съ иностраннымъ завоевателемъ, испытать еще небывалое для нихъ иго государственной власти. Это именно движеніе, — такъ слѣдовало бы заключить, если бы мы рѣшились вполнѣ положиться на приведенное Арріаномъ сказаніе, — это движеніе дало толчокъ къ выселенію предковъ славянъ, побудило ихъ пойти по слѣдамъ другихъ арійскихъ семей, прежде ихъ удалившихся на западъ. Если, такимъ образомъ, выходъ славянскаго племени въ Европу совпадалъ съ завоеваніями ассирійцевъ, то мы знали бы приблизительно и время этого событія, именно 1200 — 900 года до Р. Хр. То была пора, въ которую зарождалась историческая жизнь Греціи и къ которой относятся преданія о Троянской войнѣ. Въ ту самую пору, мы могли бы полагать, на сѣверъ Европы прибывали послѣдніе переселенцы арійскіе, славяне, и занявъ земли около Днѣпра и Вислы и подвигаясь вдоль Карпатскихъ горъ и вверхъ по Дунаю, отдѣлили отъ себя вѣтвь, которая направилась на югъ, въ долины восточныхъ Альпъ и къ Адріатическому морю. Альпы въ своемъ восточномъ изгибѣ не составляли такой неодолимой преграды, какъ сѣверная и западная часть хребта. Здѣсь, черезъ восточныя Альпы былъ древнѣйшій путь нашествіямъ въ Италію [67]). Спускаясь съ высотъ, пришельцы видѣли передъ собой гладкую равнину, орошенную многочисленными рѣками и ручьями, на берегахъ ихъ лѣса дубовъ, тополей, южной сосны и ели [68]); кое-гдѣ холмы; просторные и тучные луга, а за ними тихія воды лагунъ, усѣянныхъ островами. Они вступали въ одну изъ благодатнѣйшихъ странъ Европы.

VII.

Столкновеніе венетовъ съ туземцами Италіи. — Сказанія объ Антенорѣ.

Въ Италіи венетовъ встрѣтилъ, по словамъ древняго преданія, вооруженною рукой туземный народъ эвганеевъ, который занималъ страну между Альпами и моремъ, съ своимъ царемъ Велесомъ. Но венеты остались побѣдителями, выгнали туземцевъ и основались въ странѣ, которой дали свое имя; тутъ вождь ихъ, по указанію отъ птицы, основалъ городъ Патавій [69]). Такова сущность разсказовъ о прибытіи венетовъ въ Италію. Народная славянская основа преданія проглядываетъ и въ имени царя, побѣжденнаго венетами. По своему чисто-славянскому звуку, названіе Велесъ, довольно употребительное у этрусковъ [70]) и которое, быть можетъ, дѣйствительно носилъ одинъ изъ вождей туземнаго населенія въ борьбѣ съ пришельцами — венетами, могло врѣзаться въ память этихъ послѣднихъ. Даже имя народа, прогнаннаго венетами и принадлежавшаго, мы полагаемъ, къ тому же племени, что реты, этруски и другія населенія при-альпійскаго края [71]),—это имя, мы говоримъ, весьма похоже на славянское. Эвганеи, кажется, ничто иное, какъ древняя форма произношенія слова Угоны [72]), составленнаго точно также какъ названіе «Ускоки», сдѣлавшееся въ позднѣйшихъ вѣкахъ столь извѣстнымъ на Адріатическомъ побережьи. Эвганеи значило, въ такомъ случаѣ, просто «прогнанные» и было лишь прозвище, данное славянами туземному племени, ими вытѣсненному къ Альпамъ и за Гардское озеро. Любопытно, что знаменитый географъ древности, Птолемей (во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр.), исчисляя подробно всѣ племена Италіи, пропускаетъ эвганеевъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ были города эвганеевъ (за Адижью и на сѣверной сторонѣ Гардскаго озера), приводитъ какое-то племя Бехуновъ (*Βεχουνοί* [73]), никѣмъ кромѣ его неупоминаемое. Не слѣдуетъ-ли читать, вмѣсто бехуны — *бпгуны*, и не было ли это названіе просто синонимомъ имени эвганеевъ?

Какъ называли венеты вождя, который привелъ ихъ въ богатые края Италіи, который сражался съ царемъ Велесомъ и выгналъ эвганеевъ, мы не знаемъ навѣрно; но, по всей вѣроятности, и они, подобно многимъ другимъ племенамъ, олицетворяли въ немъ свой народъ и придавали ему имя, которое принадлежало самому народу. Какъ вятичи на востокѣ имѣли своего героя-первоименника (эпонима) въ лицѣ Вятка, такъ, должно полагать, и у древнихъ собратій ихъ на Адріатическомъ поморьѣ былъ такой же вождь-

родоначальникъ, котораго именовали Венетомъ или Вантомъ и котораго мы, по нашему нынѣшнему произношенію, назвали бы Вятомъ. На это указываетъ одинъ изъ римскихъ писателей, приводя извѣстіе, что изъ Иллирика пришелъ какой-то царь Энетъ (или по другому чтенію Бенетъ), который и овладѣлъ венетскимъ краемъ, получившимъ отъ него свое названіе [74]). Но это извѣстіе единственное, въ которомъ венетскій вождь сохраняетъ свое народное имя и приходитъ изъ Иллирика, откуда венеты дѣйствительно должны были спуститься при вторженіи въ Италію. Во всѣхъ другихъ сказаніяхъ этотъ праотецъ венетовъ облеченъ уже въ классическій покровъ троянца Антенора.

Въ Иліадѣ Антеноръ является чистымъ троянцемъ, и съ энетами не имѣетъ ничего общаго. Это — родственникъ царя Пріама, одинъ изъ стариковъ, народныхъ совѣтниковъ, по преклонности лѣтъ уже неспособныхъ къ битвамъ, но говорящихъ красно. «Подобно кузнечикамъ, которые въ лѣсу, на деревѣ, куютъ сладкимъ голосомъ», сидятъ они, и между ними мудрый Антеноръ, на городской башнѣ и вмѣстѣ съ женщинами смотрятъ на сраженіе, происходящее подъ стѣнами города [75]). Таковъ былъ Антеноръ, какъ его изображала подлинная легенда троянская [76]), и въ герои, вожди народа, онъ, конечно, не годился. Если его потомъ превратили въ народнаго вождя и героя, то причина тому заключалась въ самомъ его имени: *Антеноръ* могло быть истолковано по-гречески *антскій человѣкъ*, а слово *антъ* было, какъ мы знаемъ, произнесенное по-гречески названіе славянъ, вмѣсто *вантъ*, тоже, что *вендъ* или *венетъ*. Такимъ образомъ, подъ имя Антенора, «антскаго человѣка», подходилъ тотъ народный герой венетовъ, который привелъ ихъ съ востока въ Италію, назывался ли онъ Венетомъ, Вантомъ или какъ-нибудь иначе. Вотъ, очевидно, какимъ путемъ греческіе трагики и между ними Софоклъ [77]) (въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр.), черпавшіе изъ троянской легенды предметы для своихъ произведеній, желая связать Гомеровскихъ энетовъ съ знаменитымъ въ ихъ время венетскимъ народомъ въ Италіи, пришли къ тому, чтобы сдѣлать троянца Антенора предводителемъ энетовъ, замѣнившимъ, будто бы, ихъ царя Пилемена, убитаго въ сраженіи, и превратили безоружнаго старца, какимъ Антеноръ изображенъ у Гомера, въ смѣлаго плавателя и полководца, который счастливо довелъ энетскую дружину изъ Малой Азіи къ берегамъ Адріатики. Но у грековъ эта сказка еще не укоренилась и считалась только догадкою нѣкоторыхъ поэтовъ, и хотя, конечно, геній такого художника, какъ Софоклъ, могъ доставить ей блестящую извѣстность, однако она не пользовалась большимъ до-

вѣріемъ [78]). Другое дѣло римляне. Они, какъ было нами упомянуто, имѣли особенные поводы дорожить связью италійскихъ венетовъ съ Троею, и выдумка Софокла пришлась имъ какъ нельзя болѣе кстати. Для нихъ басня о троянскомъ Антенорѣ, какъ предводителѣ венетовъ, сдѣлалась непреложною истиною, и между прочими Титъ Ливій, которому, какъ уроженцу венетскаго Патавія [79]), особенно льстило, что онъ могъ соединить колыбель римлянъ съ колыбелью своего родного племени, — Титъ Ливій начинаетъ свою величественную исторію Рима повѣствованіемъ о томъ, какъ Антеноръ съ энетами покинулъ развалины Трои и нашелъ новое отечество въ Италіи [80]).

При такомъ значеніи, данномъ Антенору въ отношеніи къ венетамъ понятно, что и другія народныя ихъ сказанія стали приписываться тому же герою. Вѣроятно венеты тому вождю, который привелъ ихъ съ востока и водворилъ въ землѣ изгнанныхъ эвганеевъ, приписывали и построеніе своего главнаго, древнѣйшаго города Патавія. По толкованію римлянъ, основателемъ Патавія былъ признанъ тотъ же Антеноръ. Въ этомъ городѣ праздновались, чрезъ каждыя тридцать лѣтъ [81]), какія-то старинныя игрища, которыя назывались, какъ кажется, *четищами*, отъ древняго славянскаго слова *чета*, принимавшагося первоначально не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, а въ общемъ значеніи правильнаго собранія или отряда [82]). Игры эти, сопровождавшіяся пѣніемъ, которое напоминало трагедіи грековъ, соединялись, повидимому, съ памятью основателя Патавія; у римлянъ, ихъ учредителемъ считался опять-таки троянецъ Антеноръ [83]).

VIII.

Сказанія о Фаэтонѣ и янтарѣ.

Говоря о поэтическихъ именахъ и сказаніяхъ, которыя творческая фантазія грековъ связала съ венетами, необходимо упомянуть знаменитую между миѳами классической древности басню о Фаэтонѣ. Разсказъ греческихъ поэтовъ заключался въ томъ, что сынъ Солнца, Фаэтонъ, т. е. *свѣтящій*, рожденный отъ Климены, т. е. *славной*, дочери Океана, — чтобы разсѣять сомнѣніе въ своемъ божественномъ происхожденіи, взошелъ на небо и вступивъ во дворецъ, гдѣ передъ зарею возсѣдало солнце, сталъ просить удостовѣренія, что оно его родитель. Солнце, привѣтствовавъ сына съ нѣжною любовью, поклялось удостовѣрить его чѣмъ онъ только пожелаетъ. Самонадѣянный юноша попросилъ, чтобы

отецъ далъ ему на одинъ день своихъ огненныхъ коней и колесницу, которою онъ освѣщаетъ вселенную. Нехотя солнце отдало ему свое мѣсто и вручило возжи. Кони, чуя непривычно легкую руку, понесли по небу непроложенными путями, мигомъ обожгли Африку и жителей ея сдѣлали черными. Взмолилась земля отъ невыносимаго жара и ее услышалъ верховный владыка неба, Зевесъ, собралъ тучи, освѣжилъ землю дождемъ и кинулъ молніей въ неосторожнаго возницу. Фаэтонъ упалъ безжизненнымъ трупомъ въ рѣку Эриданъ. Собрались на берегъ рѣки его сестры и плакали надъ нимъ, плакали, пока не приросли къ тому мѣсту, превращенныя въ тополи, и слезы ихъ продолжали капать, но уже янтаремъ, въ рѣку; а братъ Фаэтона, оглашавшій берега Эридана своими воплями, превратился въ постояннаго его обитателя, бѣлаго лебедя [84]).

Фаэтонъ, какъ олицетвореніе жгучей силы солнца, извѣстенъ былъ въ греческой миѳологіи и въ древнѣйшую пору [85]); но связывать его съ какою-то протекающею въ венетской землѣ рѣкою и съ находимымъ въ этой рѣкѣ янтаремъ стали только позднѣе, какъ кажется, не прежде V вѣка (до Р. Хр.), т. е. съ того же времени, какъ начали пріурочивать къ венетамъ и ихъ народному герою сказаніе объ Антенорѣ троянскомъ.

«Эриданомъ, говоритъ Геродотъ, называется у варваровъ рѣка, текущая въ море, что лежитъ къ сѣверу и откуда доставляется янтарь» [86]). Очевидно, что̀ тутъ разумѣлась рѣка, впадающая въ Балтійское море, южный берегъ котораго составляетъ, какъ извѣстно, главное мѣсто добычи янтаря. Можетъ быть, такъ дѣйствительно называлась въ то время Одра или Висла; можетъ быть, «Эриданъ» было только общее поэтическое прозвище, которое венеты придавали своимъ большимъ рѣкамъ на сѣверѣ, такъ какъ Эриданъ значитъ, кажется, просто «быстрая, *ярая* рѣка» [87]). Объ этомъ-то Эриданѣ и о загадочномъ произведеніи тамошняго края, янтарѣ, которому приписывались особыя цѣлебныя силы [88]), пошли между греками разныя сказанія, и главнымъ ихъ источникомъ были, естественно, италійскіе венеты, потому что они, пользуясь племенными связями съ жителями Балтійскаго поморья, могли сосредоточить въ своихъ рукахъ привозъ янтаря съ сѣвера, и такимъ образомъ сдѣлались поставщиками его для южныхъ странъ [89]). Самое свойство янтаря, обозначенное въ его древнемъ названіи и греческомъ и славянскомъ, электронъ, латырь (т. е. *свѣтящій*) или свалатырь (*самосвѣтъ*) [90]) и до сихъ поръ выражаемое въ русскихъ народныхъ заговорахъ, гдѣ говорится о «бѣломъ *горючемъ* камнѣ *алатырѣ*»,— свойство это не могло не сроднить его съ солнцемъ, въ которомъ, замѣ-

тимъ, славяне боготворили не только свѣтящую, но и жгучую силу, какъ видно изъ того, что солнце называлось у нихъ и Дажьбогомъ, т. е. Жгучимъ-Богомъ [91]). Но янтарь, который связывали такимъ образомъ съ солнцемъ, происходитъ изъ воды, онъ капаетъ какъ смола. По всему этому легко было въ сказочныхъ представленіяхъ объяснить его рожденіе «горючими» слезами, капавшими въ сѣверную венетскую рѣку Эриданъ. Въ такомъ видѣ, безъ сомнѣнія, сказка объ янтарѣ перешла къ грекамъ, и они пріурочили ее къ своему Фаэтону, бывшему у нихъ символомъ жгучей силы солнца.

Сказка эта была способна къ богатому поэтическому развитію, и ее полюбили драматическіе писатели аѳинскіе [92]), знакомство которыхъ съ венетскими преданіями намъ уже извѣстно по легендѣ объ Антенорѣ. Но свѣдѣнія тогдашнихъ грековъ о положеніи венетскаго края были еще весьма неопредѣленны. Слыша, что Эриданъ течетъ въ землѣ венетовъ (т. е. славянъ), что янтарь рождается въ Венетскомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, они воображали, что это тѣ венеты, которые были извѣстны въ Италіи и которые дѣйствительно торговали янтаремъ. Въ ихъ понятіяхъ, Эриданомъ сдѣлалась р. По; острова, на которые море выбрасываетъ янтарь, они сочли за острова венеціанскихъ лагунъ, Янтарное море — за Адріатику [93]), и этотъ взглядъ такъ укоренился, что греки продолжали называть рѣку По — Эриданомъ даже тогда, когда болѣе близкое знакомство съ Италіей доказало, что родина янтаря вовсе не тамъ [94]).

У венетовъ, недалеко отъ Патавія, были ключи горячей минеральной воды, и теперь еще довольно значительные, хотя ихъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе засыпало [95]); въ древности же эти ключи, называвшіеся Апономъ [96]) (нынѣ Абано), составляли одни изъ самыхъ знаменитыхъ цѣлебныхъ водъ въ мірѣ, гордость и славу венетской земли [97]). Извѣстность ихъ восходила къ отдаленнѣйшей древности [98]). Изъ-подъ скалъ невысокаго пригорка, принадлежавшаго къ цѣпи такъ назыв. Эвганейскихъ холмовъ, били эти сѣрнистые ключи, клокочущіе какъ кипятокъ [99]) и покрытые столбами пара. Стекая ручьями горячей воды, они образовали озеро, голубое и прозрачное, надъ которымъ паръ носился облакомъ [100]). Замѣчали, что на днѣ озера росла трава [101]). Изъ озера излишекъ воды, уже холодной, уходилъ каналомъ, орошая сосѣднія поля и сливаясь съ Брентою [102]).

Весьма естественно, что эти кипящіе ключи могли соединиться, въ представленіяхъ жителей, съ тѣмъ жгучимъ божествомъ, которое греки переименовали въ Фаэтона. Въ томъ видѣ,

какъ слышалъ сказку о Фаэтонѣ и венетскомъ янтарѣ Аристотель или авторъ приписываемой ему книги о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ природы, Фаэтонъ былъ низринутъ не въ рѣку Эридань, а въ находящееся близъ нея горячее озеро (т. е. въ озеро Апонское). Янтарь, по этому сказанію, есть смола, которая капаетъ изъ тополей, окружающихъ чудесное озеро. Издаетъ оно зловредные пары и тяжелый запахъ. Никакое животное изъ него не пьетъ, и птица не смѣетъ летѣть черезъ озеро: пролетая надъ нимъ, она падаетъ мертвая [103]).

Такъ раскрасила доходившая до Греціи молва простые горячіе ключи сѣрнистой воды въ землѣ венетовъ. Потомъ, когда узнали ближе эту страну, когда приглядѣлись къ ключамъ Апона и стали ѣздить даже издалека, чтобы ими пользоваться отъ болѣзней, — дѣйствительность разсѣяла эти фантастическія представленія. Но не такъ легко было разстаться съ завѣщаннымъ древностью сказаніемъ. И вотъ, мы находимъ у грековъ позднѣйшей эпохи (т. е. временъ римскаго владычества и полнаго знакомства съ Италіею) повтореніе той же самой басни о чудесномъ озерѣ, испаренія котораго убиваютъ пролетающую птицу: но это озеро перенесено отъ венетовъ при Адріатикѣ; его помѣщаютъ на сѣверѣ, въ Сарматіи [104]), т. е. въ странѣ, которая въ ту пору обнимала собою, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, края венетовъ (славянъ) сѣверныхъ, прибалтійскихъ и приднѣпровскихъ.

Мы видимъ тутъ другой примѣръ такого же смѣшенія италійскихъ венетовъ съ ихъ сѣверными соплеменниками, какъ въ сказаніи объ янтарныхъ островахъ, которые помѣщались греками на Адріатическомъ морѣ: но только въ этомъ случаѣ смѣшеніе произошло въ обратномъ смыслѣ. То, что относилось сперва къ венетамъ въ Италіи, было потомъ присвоено сѣвернымъ краямъ славянскимъ.

Чтобы покончить съ преданіями о венетскомъ янтарѣ, нужно упомянуть еще объ одной баснѣ, въ которой янтарь ужъ вовсе не связывается съ миѳами о сынѣ солнца. Именно, Софоклъ выдавалъ янтарь за слезы сестеръ Мелеагра, неутѣшно оплакивавшихъ гибель этого знаменитаго героя сѣверозападной Эллады. Превращенныя въ птицъ [105]), утверждалъ Софоклъ, онѣ проливаютъ эти слезы гдѣ-то *за Индіей* [106]). Очевидно, что тутъ скрывается названіе земли *виндовъ*, т. е. тѣхъ же венетовъ (славянъ), только въ другой (преимущественно германской) формѣ произношенія этого имени; но когда названіе «Виндія» дошло до грековъ, оно было принято за Индію, ошибка, другой примѣръ которой мы увидимъ потомъ у римскаго писателя Корнелія Не-

пота, разсказывавшаго про *Индовъ*, занесенныхъ бурею на берегъ Нѣмецкаго моря.

IX.

Положеніе венетовъ въ Италіи. — Вліяніе этрусковъ.

Изъ всѣхъ этихъ сказаній, не смотря на ихъ поэтическую и часто баснословную оболочку и на чуждыя имена, мы можемъ вывести нѣсколько положительныхъ свѣдѣній. Мы можемъ признать за несомнѣнное, что въ весьма древнюю пору, но позднѣе другихъ племенъ, составившихъ коренное населеніе Италіи, съ сѣверо-востока, черезъ Альпы, туда проникла вѣтвь венетовъ, т. е. племени славянскаго; что они встрѣтили сопротивленіе мѣстныхъ жителей (по всей вѣроятности, родственныхъ этрускамъ) и принуждены были ограничиться краемъ между Гардскимъ озеромъ, низовьями По и Адріатическимъ моремъ; что у этихъ венетовъ сохранялись преданія о героѣ-родоначальникѣ, который привелъ ихъ съ востока и почитался основателемъ ихъ главнаго города Патавія, т. е. Птичьяго, и котораго греческая поэзія переименовала потомъ въ Антенора; что у нихъ были связи съ сѣвероѣмъ, съ дальнимъ Балтійскимъ побережьемъ, откуда они доставали янтарь и гдѣ, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, жителями были тоже венеты, т. е. такіе же славяне; и что какъ главнымъ, вѣроятно, основаніемъ такихъ связей служила соплеменность славянскаго поселенія на Адріатикѣ съ славянами Балтійскаго побережья, такъ эта самая ихъ соплеменность подала грекамъ поводъ считать край венетовъ въ Италіи за мѣсторожденіе янтаря, добывавшагося у венетовъ же, но только на Балтійскомъ поморьѣ.

Кромѣ того, приведенное выше извѣстіе Арріана, позволяетъ намъ догадку, что приходъ венетовъ въ Италію совершился при общемъ движеніи славянскаго племени, когда оно, вслѣдъ за другими арійскими племенами, выселялось изъ средней Азіи въ Европу, и что это переселеніе славянъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести ко времени между XIII-мъ и X-мъ столѣтіемъ до Р. Хр.

Мы указали приблизительно границы, которыя заняло славянское племя въ Италіи. Къ западу предѣломъ венетскихъ поселеній было, мы сказали, Гардское озеро, къ югу—низовье По. Однако нельзя полагать, чтобы при первомъ напорѣ вторгшихся на югъ славянъ, эти границы тотчасъ опредѣлились. Венеты проникли и далѣе на югъ за По, какъ можно догадываться по

существовавшему преданію [107]), что они нѣкогда владѣли Равенной; но за то городъ Атрія или Адрія, на сѣверной сторонѣ главнаго рукава По, знаменитый въ глубокой древности своею пристанью, остался въ рукахъ этрусковъ [108]). Къ западу, поселенія венетовъ распространялись и за Гардское озеро и вытекающую изъ него р. Минчій [109]). Вообще, западная граница Венетскаго края представляется чѣмъ-то колеблющимся [110]). Ни одинъ изъ древнихъ писателей не обозначаетъ ея совершенно точно, и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что вся полоса отъ р. Адижи до р. Клузія (нынѣ Кьезіо), притока Ольо, — полоса, пересѣкаемая пополамъ теченіемъ Минчія,—заключала въ себѣ смѣсь венетскихъ поселеній съ туземцами. Такимъ образомъ Верона, лежащая на самой Адижи [111]) (въ древности Athesis, Atagis, или Atison [112]), оставалась въ рукахъ этрусковъ (или ретовъ) и эвганеевъ [113]), а Мантуа, находящаяся гораздо дальше къ юго-западу, на Минчіи, имѣла населеніе смѣшанное изъ венетовъ и этрусковъ [114]). Знаменитый уроженецъ Мантуи, поэтъ Виргилій, считался венетомъ по происхожденію [115]). Въ этой смѣшанной полосѣ венеты, какъ видно, получили съ теченіемъ времени преобладающее вліяніе и наложили свою печать на прочія стихіи тамошняго населенія [116]).

На сѣверѣ венеты встрѣчались съ суровыми и дикими племенами альпійскими [117]); къ востоку ихъ сосѣдями были истры [118]), крайняя съ этой стороны вѣтвь ѳракійская, а за ними тянулся рядъ народовъ того же, по всей вѣроятности, ѳракійскаго племени, которыхъ обнимали общимъ именемъ иллирійцевъ и которые владѣли всѣмъ восточнымъ берегомъ Адріатики и прилегающими къ нему островами: то были яподы, либурны, далматы и далѣе къ югу иллиры въ собственномъ смыслѣ. Если и существовали тамъ какія-нибудь поселенія славянъ, какъ на то указываетъ повидимому своимъ именемъ городъ Слупы (*Σλοῦπι*), т. е. Стлъпи или по нашему Столпы, и община Стлупины (Stlupini) [119]) въ землѣ либурновъ, гдѣ-то въ средней части нынѣшней Далмаціи, то это могли быть лишь мелкія, оторванныя отъ своего корня, колоніи, занесенныя въ среду чужого племени. Весь восточный (такъ называемый Иллирійскій) берегъ Адріатическаго моря, отъ Истріи до предѣловъ Греціи, былъ въ древности чуждъ славянамъ [120]). Его населяли племена горцевъ, для которыхъ главнымъ ремесломъ была война и морскіе разбои. Разсказываютъ про этихъ дикарей, что они, какъ и всѣ вообще иллиры и ѳракійцы, расписывали себѣ, для украшенія, тѣло узорами [121]). Походя характеромъ совершенно на своихъ потомковъ, нынѣшнихъ албанцевъ, эти иллирійскія племена, въ своемъ дробленіи на мелкія

колѣна, были мало опасны для другихъ народовъ и только изрѣдка, когда нѣсколько такихъ колѣнъ соединялись подъ однимъ вождемъ, рѣшались они на какія-нибудь значительныя предпріятія; но ихъ всегдашніе разбои дѣлали ихъ постоянными врагами ихъ сосѣдей. По замѣчанію Страбона, Иллирійскій берегъ, не смотря на его природныя богатства и превосходныя его гавани, былъ, въ прежнія времена (т. е. до завоеванія римлянами), мало посѣщаемъ по причинѣ дикости жителей и ихъ разбойничьихъ нравовъ [122]).

Имѣя на сѣверѣ и востокѣ такихъ дикихъ сосѣдей, какими были тогдашніе жители Альпійскихъ горъ и восточнаго берега Адріатики, венеты, поселившись въ богатыхъ равнинахъ верхней Италіи, должны были естественно примкнуть ближе къ своимъ западнымъ и южнымъ сосѣдямъ, болѣе мирнымъ и образованнымъ народамъ италійскимъ. Въ началѣ, быть можетъ, они еще не были совсѣмъ оторваны отъ своихъ соплеменниковъ славянъ, населявшихъ въ ту пору Норикъ, какъ мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ; они могли соприкасаться съ ними непосредственно на сѣверо-востокѣ своихъ владѣній. Но впослѣдствіи Норикъ завоеванъ былъ Кельтами (вѣроятно между 450 и 400 г. до Р. Хр.) [123]), и ближайшими сосѣдями венетовъ къ сѣверо-востоку сдѣлался галльскій народъ карновъ [124]), занявшій пространство между ретами (въ нынѣшнемъ Тиролѣ) съ одной стороны и истрами и яподами (въ нынѣшней Истріи и приморской Хорватіи) съ другой, т. е. приблизительно нынѣшнюю Краину и, вѣроятно, отчасти также Горицкій и Удинскій края [125]). Такимъ образомъ путь, по которому венеты пришли въ Италію и на которомъ лежали единственныя для нихъ возможныя точки соприкосновенія съ остальнымъ славянскимъ племенемъ, былъ отрѣзанъ. Къ тому же на этомъ пути стояла грань Альпійская, заслоняя венетовъ, ее переступившихъ, отъ жителей сѣвера. Связи, торговыя сношенія, конечно, были возможны и черезъ Альпы и черезъ земли, покоренныя кельтами; мы уже указали на несомнѣнные признаки такихъ связей; но единство жизни и историческаго развитія между вѣтвію славянъ въ Италіи и остальными частями славянскаго племени стало невозможнымъ. Все разобщало эту южную вѣтвь славянскую отъ ея соплеменниковъ на сѣверѣ, все втягивало ее въ кругъ народовъ итальянскаго полуострова. Со стороны Италіи всѣ условія благопріятствовали общенію: равнинный край, судоходные пути р. По и его притоковъ, наконецъ, тѣ, указанныя нами, поселенія, въ которыхъ венеты непосредственно смѣшались съ своими италійскими сосѣдями. Эти сосѣди были этруски и умбры. И тѣ, и другіе достигли уже въ глубокой древности значительнаго разви-

тія, въ особенности этруски, знаменитые своею роскошью, славившіеся своею старинною образованностью даже передъ греками [126]).

Если и въ наше время славяне кажутся самымъ молодымъ народомъ Европы и такъ легко поддаются вліянію странъ, ихъ опередившихъ въ своемъ развитіи, то можно по этому судить, что̀ должно было произойти 2500 лѣтъ тому назадъ, когда отъ славянскаго племени, находившагося въ совершенномъ младенчествѣ, отдѣлилась одна вѣтвь и попала въ страну, уже кипѣвшую политическою жизнію, въ сосѣдство народа, какъ этруски, который уже имѣлъ свое полное, законченное устройство гражданское и религіозное. Въ новой обстановкѣ должно было наступить у венетовъ быстрое развитіе. Этому особенно способствовала благодатная природа края, имъ доставшагося на долю, одной изъ плодороднѣйшихъ и лучшихъ по климату странъ въ Европѣ. Богатство земли венетской славилось издревле. Греческій писатель IV вѣка до Р. Хр. писалъ [127]), что это страна превосходная и плодороднѣйшая, такъ что скотъ тамъ рождаетъ двойни; не бываетъ ни снѣга ни зимы, но воздухъ постоянно влажный. Древній географъ Страбонъ точно также говоритъ о богатствѣ венетскаго края, съ его удивительно плодородными холмами и обильными водою низовьями Пада, которые онъ сравниваетъ съ нижнимъ Египтомъ по множеству протоковъ и сдѣланныхъ рукою человѣческою канавъ и дамбъ, окаймляющихъ пахатныя поля [128]). Въ такой странѣ могли скоро накопиться избытки, умножиться населеніе, преуспѣть всѣ матеріальныя стороны жизни. И дѣйствительно, за много вѣковъ до того времени, когда у другихъ славянъ начались первыя попытки гражданственности и образованія, венеты въ Италіи успѣли сдѣлаться народомъ богатымъ, торговымъ, промышленнымъ, успѣли поровняться съ наиболѣе образованными народами тогдашней Европы; но скороспѣлость этого развитія совершенно убила, какъ видно, ихъ народный духъ и во всемъ древнемъ мірѣ не оказалось народа менѣе самостоятельнаго въ политическомъ отношеніи, охотнѣе склонившагося подъ чужую власть и легче утратившаго свое бытіе.

X.

Извѣстіе Геродота о венетахъ.

О первыхъ вѣкахъ пребыванія венетовъ въ Италіи не сохранилось историческихъ свѣдѣній, но въ эту первую пору, предшествовавшую 400-му году до Р. Хр. [129]), должно было утвердиться между венетами вліяніе этрусской образованности, слѣдами котораго остаются надписи, находимыя въ странѣ венетовъ [130]), и знатнѣйшія родовыя ихъ имена [131]). Въ V-мъ столѣтіи до Р. Хр. они были уже настолько извѣстны, настолько занимали вниманіе грековъ, что великіе творцы греческой драмы старались, какъ мы знаемъ, связать происхожденіе этого народа съ знаменитою повѣстью Троянской войны. Римъ въ то время казался еще такъ ничтожнымъ, что тогдашній историкъ Геродотъ даже не упоминаетъ объ его существованіи: онъ приводитъ, какъ народы, которымъ принадлежала средняя и сѣверная Италія, только этрусковъ [132]), умбровъ и венетовъ. Къ сожалѣнію, подробное описаніе этихъ народовъ не входило въ планъ его исторіи, сосредоточенной около борьбы грековъ съ персами и касающейся только тѣхъ племенъ, которыя имѣли къ ней прямое или косвенное отношеніе. На счетъ венетовъ Геродотъ упоминаетъ мимоходомъ лишь объ одномъ обычаѣ, въ которомъ онъ замѣтилъ у нихъ сходство съ тѣмъ, что̀ дѣлали вавилоняне. Какъ онъ слышалъ по разсказамъ, у венетовъ въ каждомъ селеніи разъ въ году собирали и выводили вмѣстѣ всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ возраста, чтобы выходить замужъ; кругомъ становились мужчины, и вѣстникъ, начиная съ самой красивой изъ дѣвицъ, выкликалъ ея цѣну; когда нашелся охотникъ дать большія деньги, чтобы имѣть ее женою, глашатай переходилъ по очереди къ другой, занимавшей второе мѣсто въ ряду красавицъ, и такъ далѣе; а когда всѣ невѣсты, за которыхъ сто̀ило дать деньги, были разобраны, наступала очередь безобразныхъ и калѣкъ, имъ обращались въ приданое деньги, полученныя за красавицъ, и глашатай, начиная въ этомъ случаѣ съ самой непригожей, спрашивалъ, кто ее возьметъ съ самой меньшей приплатой. Такъ пишетъ Геродотъ. Не заключается ли въ его нѣсколько замысловатомъ разсказѣ та простая основа, что у венетовъ, какъ мы это находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ въ древнее время, да какъ вообще дѣлалось у многихъ первобытныхъ племенъ, за невѣсту давалъ *отцу* женихъ, и что ихъ браки совершались въ одинъ день, при какомъ-нибудь праздникѣ или *игрищѣ?* Таковъ былъ, мы знаемъ,

первоначальный обычай и у разныхъ вѣтвей славянскихъ на Руси; и замѣчательно, что потомки венетовъ, позднѣйшіе венеціанцы, долго наблюдали правило вѣнчать всѣ свадьбы въ одинъ день въ году [133]).

XI.

Вторженіе кельтовъ въ Сѣверную Италію. — Столкновеніе ихъ съ венетами. — Венеты способствуютъ спасенію Рима.

Вскорѣ послѣ того времени, когда писалъ Геродотъ, венеты италійскіе были вдругъ подняты изъ бездѣйствія. Имъ пришлось обороняться отъ свирѣпаго завоевателя и вмѣстѣ съ тѣмъ сослужить великую службу народу, которому суждено было сосредоточить въ своихъ рукахъ судьбы древняго человѣчества.

Кельты, которые, безъ сомнѣнія, первые изъ арійцевъ двинулись на западъ и водворились въ Европѣ, первые тоже окрѣпли и размножились въ ней настолько, что могли начать обратное движеніе къ востоку и предпринять въ этомъ направленіи обширныя завоеванія [134]). Это первое завоевательное движеніе кельтовъ, и именно галльской ихъ отрасли, занимавшей нынѣшнюю Францію, произошло, какъ должно полагать, двумя путями: сѣверомъ, вдоль Дуная и обходя Альпы съ востока, къ восточнымъ берегамъ Адріатическаго моря и въ Иллирійскіе края, и югомъ — въ верхнюю Италію [135]). Тѣ галльскія дружины, которыя пошли этимъ послѣднимъ путемъ, однимъ натискомъ захватили нынѣшній Піемонтъ и Ломбардію, находившіеся во власти этрусковъ. Распространяясь и на югъ отъ р. По, они покорили большую часть страны умбровъ между этою рѣкою и Апеннинскимъ хребтомъ и до Адріатики. Такимъ образомъ они и съ запада и съ юга облегли венетовъ. Одновременно съ этими завоеваніями въ Италіи [136]), галлы налетѣли на края къ сѣверу и востоку отъ Альпъ и съ этой стороны также овладѣли, какъ уже нами было упомянуто, ближайшими къ венетамъ странами, Карніей, Норикомъ; они водворились и между яподами въ сѣверо-восточномъ углу Адріатики [137]). Отовсюду налегалъ на венетовъ «врагъ невиданный и неслыханный, поднявшійся войною отъ океана и съ оконечности земли», какъ выражался Титъ Ливій о галльскихъ завоевателяхъ [138]). Но венеты устояли [139]). Дѣло не обошлось, конечно, безъ борьбы, и хотя ея ходъ и событія, ее ознаменовавшія, намъ совершенно неизвѣстны, однако мы можемъ судить, какого напряженія силъ она потребовала отъ венетовъ, по тому, что̀ разсказываетъ тотъ же историкъ о жителяхъ главнаго венетскаго

города Патавія, котораго онъ былъ уроженцемъ. «Постоянно держали ихъ подъ оружіемъ сосѣдніе галлы» [140]), говоритъ Титъ Ливій, и притомъ по поводу случившагося въ 303 г. до Р. Хр. нечаяннаго нападенія на венетскій край со стороны моря, нападенія, которое имъ удалось тотчасъ же отразить именно благодаря тому, что они всегда стояли во всеоружіи для отпора галламъ. Таково было ихъ положеніе, повторяемъ, въ 303 году, т. е. сто лѣтъ спустя послѣ занятія галлами верхней Италіи, а въ то время въ галлахъ уже успѣлъ остыть первый завоевательный пылъ, они успѣли расположиться какъ дома въ покоренной странѣ, да и силы ихъ были надломлены внутренними раздорами [141]). Какова же была для венетовъ опасность въ началѣ, когда въ галлахъ была во всей силѣ стремительность перваго порыва, какою искони и до нашихъ дней отличалось кельтское племя! Какую стойкость нужно было имъ противоставить!

Въ 390 году, галлы, владѣя уже всею сѣверною Италіею, кромѣ «угла венетовъ» [142]), предприняли походъ на югъ отъ Апеннинскихъ горъ и столкнулись съ войсками маленькой въ то время римской республики. Они разбили ихъ на-голову въ вѣчно памятный римлянамъ день 18 іюля, день аллійскаго пораженія, заняли городъ Римъ и осадили его крѣпость (Капитолій). Но тогда случилось нѣчто такое, что отвлекло ихъ въ другую сторону: венеты вторглись въ ихъ владѣнія [143]).

Это побудило галловъ согласиться на миръ, за который они, какъ извѣстно, взяли съ римлянъ тысячу фунтовъ золота, и оставить ихъ городъ. Галлы удалились, пошли сражаться съ венетами, и Римъ могъ вновь собрать свои силы и возстановить свое первенство въ латинскомъ племени [144]).

Таково свидѣтельство древнѣйшаго и наиболѣе достовѣрнаго изъ историковъ, писавшихъ объ этихъ событіяхъ, Полибія. Онъ прямо приписываетъ спасеніе Рима своевременному вмѣшательству венетовъ.

Хотя, впослѣдствіи, народная гордость римлянъ не позволяла имъ сознаваться въ такой услугѣ и они изобрѣли причины избавленія ихъ города, болѣе лестныя для ихъ славы [145]), однако съ этого, повидимому, времени установился между Римомъ и венетами союзъ, который уже не прекращался [146]). Галлы оставались врагомъ одинаково опаснымъ и для венетовъ и для Рима. Ихъ связывалъ общій интересъ. Венеты немало помогли Риму въ низложеніи галловъ, служившихъ главною опорою всѣмъ противникамъ его первенства и владычества въ Италіи, и сами поспѣшили признать это владычество.

Съ другой стороны, венеты, какъ народъ, по самому своему

положенію призванный къ торговой дѣятельности, къ посредничеству между странами заальпійскими и юго-востокомъ Европы, зависѣли въ своемъ благосостояніи отъ безопасности плаванія по Адріатическому морю. По природѣ вещей, они становились друзьями всякаго, кто могъ ее обезпечить. Мы знаемъ, какимъ страшнымъ врагомъ для плавающихъ по Адріатикѣ судовъ были прибрежныя племена на восточной сторонѣ этого моря, отъ Истріи до границъ греческихъ, племена, которымъ морскіе разбои служили издревле главнымъ промысломъ и почти единственнымъ источникомъ обогащенія [147]). Въ началѣ IV вѣка до Р. Хр. властитель (тираннъ) сиракузскій Діонисій попытался было освободить Адріатическое море отъ разбойниковъ: для этого онъ вмѣшался въ междоусобія иллирскихъ и эпиротскихъ племенъ и устроилъ (около 385 г.) греческія колоніи, Лиссъ на Иллирійскомъ берегу и Фаръ на одномъ изъ Далматинскихъ острововъ [148]). Естественно предполагать, что для венетовъ это былъ желанный союзникъ, и мы дѣйствительно находимъ намекъ на сношенія ихъ съ сицилійскимъ тираномъ [149]). Впослѣдствіи Римъ, ставъ во главѣ Италіи, принялъ на себя очищеніе Адріатики отъ разбойниковъ и приложилъ къ этому дѣлу свою систематическую государственную силу. Вотъ другой существенный интересъ, который, вмѣстѣ съ общею опасностью отъ галловъ, привязывалъ венетовъ къ Риму. Политическій переворотъ, замѣнявшій на Италійскомъ полуостровѣ раздробленную жизнь общинъ и колѣнъ крѣпкимъ единствомъ римской власти, былъ для венетовъ сопряженъ съ прямою торговою выгодою.

XII.

Нападеніе спартанцевъ.

Мы уже ссылались на разсказъ Ливія о событіи, случившемся въ 303 году и свидѣтельствующемъ о постоянной готовности венетовъ взяться за оружіе для обороны отъ сосѣдей-галловъ. Случай этотъ былъ слѣдующій. Спартанецъ Клеонимъ, изъ царскаго рода, собравъ до 5000 человѣкъ, охотниковъ подраться и пограбить (въ ту пору упавшая нравственно и политически Греція выставляла немало такихъ дружинъ), переправился съ ними въ южную Италію, гдѣ его хотѣли нанять противники Рима; дѣло не состоялось, съ римлянами Клеонимъ побоялся вступить въ бой, и отплылъ въ Адріатическое море. Но западный берегъ не представлялъ удобнаго пристанища, а на восточномъ пришлось бы

встрѣтиться съ иллирами, либурнами и истрами, народами дикими и которые сами, по большей части, промышляли морскимъ разбоемъ. Клеонимъ разсудилъ направиться къ берегу венетовъ. Онъ высадилъ нѣсколько человѣкъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Ему донесли, что за узкою полосою берега идутъ болота, наполняющіяся морскою водою (лагуны). За ними тотчасъ видны воздѣланныя поля; въ отдаленіи холмы. Тутъ же увидали они устье большой рѣки, видѣли, какъ въ нее вводились корабли на безопасную стоянку. Рѣка эта была Медуакъ (нынѣ Брента, что у Венеціи) [150]). Сюда велѣлъ Клеонимъ грести. Но какъ для большихъ его кораблей тутъ было слишкомъ мелко, то онъ остался съ ними поодаль отъ берега и отрядилъ впередъ суда менѣе тяжелыя, съ вооруженными людьми для высадки. Отрядъ этотъ направился къ населенному мѣсту, гдѣ находились три приморскія селенія, принадлежавшія къ Патавію. Тутъ греки причалили, вышли на берегъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ для охраненія судовъ, захватили селенія, зажгли дома, забрали скотъ и людей и, увлеченные поживою, стали отдаляться отъ своихъ кораблей. Какъ скоро извѣстіе объ этомъ пришло въ Патавій, тамошніе жители, которые, какъ приведено было выше, всегда готовы были къ отраженію непріятеля, раздѣлили свою молодежь на два отряда. Одинъ долженъ былъ идти на выручку въ мѣста, гдѣ происходилъ грабежъ, другой направиться окольною дорогою къ стоянкѣ кораблей, находившейся въ 14-ти миляхъ (около 20 верстъ) отъ города. Тутъ они легко справились, убили людей, оставленныхъ при корабляхъ, и заставили испуганныхъ гребцовъ переправить свои суда къ противоположному берегу рѣки. Другой отрядъ имѣлъ такой же успѣхъ. Убѣгая передъ нимъ къ кораблямъ, греки наткнулись на венетовъ, завладѣвшихъ ихъ судами. Окруженные отовсюду, они были убиты или забраны въ плѣнъ; плѣнные указали, гдѣ находится Клеонимъ, стоявшій съ своими большими кораблями въ 3-хъ миляхъ (около 4 верстъ) отъ этого мѣста. Венеты, оставивъ плѣнныхъ подъ присмотромъ въ ближайшемъ селеніи, сѣли частью на плоскодонныя суда, нарочно приспособлявшіяся у нихъ къ плаванію по лагунамъ, частью на захваченныя у грековъ, и направились къ флоту спартанскаго царевича, окружили его корабли, которые стояли неподвижно, какъ отъ овладѣвшаго всѣми испуга, такъ еще болѣе отъ незнакомства съ мѣстностью. Не смѣя вступить въ битву, греки старались уйти въ открытое море, но венеты преслѣдовали ихъ, захватили и сожгли корабли, которые въ поспѣшности бѣгства сѣли на мель. Клеонимъ спасся едва съ пятою частью своихъ кораблей. Корабельные носы доставшихся венетамъ судовъ и доспѣхи

спартанцевъ помѣстили въ Патавіи въ старинномъ храмѣ богини, которую римляне означали именемъ Юноны: «еще въ живыхъ многіе, прибавляетъ Титъ Ливій, которые ихъ видѣли, а память морского сраженія ежегодно празднуется, въ день битвы, торжественнымъ состязаніемъ кораблей на рѣкѣ среди города» [151]).

Таковъ первый обстоятельный разсказъ, въ которомъ славяне являются передъ нами какъ живыя дѣйствующія лица, гдѣ мы видимъ въ живомъ образѣ славянскую страну съ ея пашнями, селами, городомъ, съ ея храмомъ и праздникомъ. Записанный Титомъ Ливіемъ разсказъ носитъ на себѣ явный отпечатокъ сочувствія, которое онъ, уроженецъ Патавія, хотя уже вполнѣ римлянинъ по духу и образу мыслей, питалъ къ своему родному племени. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ, какъ-то случайно внесенный имъ въ римскую исторію, остался единственнымъ, и свѣдѣнія наши о внутреннемъ состояніи и бытѣ этихъ древнихъ славянъ ограничиваются немногими отрывочными чертами и указаніями, которыя мы съ трудомъ отыскиваемъ въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей большею частію такого времени, когда венеты, войдя въ составъ римскаго государства, уже утрачивали свои народныя особенности.

XIII.

Бытъ венетовъ. — Развитіе городской жизни. — Судоходство. — Торговая дѣятельность.

Разсказъ Ливія, какъ бы ни сѣтовали мы на его краткость и отрывочность, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что у венетовъ общественная жизнь была довольно развита. Народъ, который въ своемъ городѣ держитъ постоянно въ сборѣ готовую вооруженную силу; народъ, который способенъ на своихъ корабляхъ состязаться не безъ успѣха съ лучшими въ то время мореходцами, греками, и устраиваетъ *регаты* (гонки судовъ), подобно тому, какъ это дѣлала потомъ Венеція въ лучшіе вѣка своего процвѣтанія,—такой народъ, очевидно, не былъ чуждъ гражданственнаго общежитія. Вообще древніе писатели, отзывающіеся о другихъ народахъ сѣверной Италіи, именно о кельтахъ и лигурахъ, какъ о грубыхъ дикаряхъ и разбойникахъ, ничѣмъ не намекаютъ, чтобы венеты въ образованности уступали этрускамъ, умбрамъ, латинамъ и прочимъ образованнымъ народамъ Италійскаго полуострова. Мы уже указывали на тѣ вліянія, которыя должны были вызвать такъ рано развитіе гражданственности у этой древней отрасли славянъ. Жившій въ IV вѣкѣ до

Р. Хр. писатель греческій изображаетъ цвѣтущее состояніе венетовъ чертами, которыя кажутся даже преувеличенными. У венетовъ, по его словамъ, было пятьдесятъ городовъ [152]), а населеніе страны, въ которой они жили, простиралось до полутора милліона [153]). На это древнее процвѣтаніе венетовъ указываетъ и то, что̀ говоритъ извѣстный географъ Страбонъ (жившій около времени Р. Хр.) о значеніи, какое имѣлъ въ прежнее время ихъ главный городъ Патавій. По словамъ его, Патавій въ старину выставлялъ въ поле 120.000 человѣкъ войска [154]). Если и должно полагать, что въ этомъ извѣстіи Страбона разумѣлось войско не изъ одного города Патавія, но изо всей вообще страны венетской, которой Патавій былъ главою, то, во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствуетъ объ огромномъ накопленіи силъ у этого народа: ибо и въ наше время Венеціанская область, совпадающая приблизительно съ землею древнихъ венетовъ, при самомъ большомъ напряженіи, едва ли могла бы ополчить болѣе многочисленную рать. А что извѣстіе о стотысячномъ войскѣ венетовъ не могло быть выдумано и преувеличено, въ томъ удостовѣряютъ событія: не будь у нихъ дѣйствительно весьма большой вооруженной силы, развѣ бы они, въ своей плоской, открытой съ запада странѣ, могли отразить натискъ такихъ многочисленныхъ и стремительныхъ дружинъ, какъ галльскія, сокрушившія разомъ этрусковъ, а за ними и римлянъ, и перейти даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ этого страшнаго врага, когда онъ держалъ Римъ въ своихъ рукахъ?

Гражданское общежитіе у венетовъ, какъ и у этрусковъ, умбровъ, латиновъ, приняло преимущественно складъ городской. Городской бытъ преобладалъ въ венетскомъ краѣ, насколько мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ начиная съ IV в. до Р. Хр. Конечно, это не лежало въ коренномъ народномъ характерѣ венетовъ, ибо славянское племя вообще отличалось всегда, сколько извѣстно, предпочтеніемъ къ земледѣлію и сельскому быту. Но могли ли они сохранить свой народный бытъ среди тѣхъ вліяній, которыя ихъ окружали? Притомъ, кромѣ вліянія сосѣднихъ народовъ, нельзя сомнѣваться, что преобладаніе городской жизни вызывалось тутъ естественно развитіемъ торговли. Нѣтъ во всей Италіи края, по природѣ своей столь благопріятнаго для дѣятельности торговой, какъ сѣверо-восточный уголъ полуострова. Изрѣзанный рѣками, несущими въ море снѣга альпійскаго хребта, и многочисленными протоками, на которые раздѣляется р. По въ своемъ низовьи и которые легко было превратить въ цѣлую сѣть каналовъ [155]), венетскій край съ своею широкою полосою берега, наводненнаго морскими «лагунами», долженъ былъ вос-

питать населеніе судостроителей и мореходцевъ. И тогда уже нѣкоторые изъ венетскихъ городовъ, подобно нынѣшней Венеціи, выстроились среди воды и стояли въ ней какъ острова [156]). Сообщенія шли по всей странѣ водою [157]). «Большая часть венетскаго края, мы читаемъ въ одномъ древнемъ извѣстіи [158]), производитъ всѣ сношенія на лодкахъ, какъ напримѣръ Равенна и Альтинумъ, гдѣ и звѣриная ловля и охота за птицами и хлѣбопашество производятся на лодкахъ». Плиній дополняетъ это слѣдующею чертою, свидѣтельствующею, между прочимъ, и о развитіи между венетами пчеловодства: «Гостилія (Hostilia), говоритъ онъ, село, омываемое Падомъ. Его жители, когда въ окрестности недостанетъ корму (для пчелъ), ставятъ улья на суда и каждую ночь поднимаются съ ними вверхъ по рѣкѣ тысячъ на 5 шаговъ. На разсвѣтѣ пчелы вылетаютъ и потомъ возвращаются, ежедневно мѣняя мѣсто, пока грузъ судна покажетъ, что улья наполнены; тогда везутъ ихъ обратно и вынимаютъ медъ» [159]).

Суда строились частью скороходныя [160]), для перевозки путешественниковъ, частью грузныя, для товаровъ. Суда эти носили разныя названія, которыя дошли до насъ только въ римской передѣлкѣ: celoces, holcades, lintres; послѣднія были лодки, выдолбленныя изъ одного дерева [161]). Для рѣчного судоходства имѣлись сборныя мѣста, какъ-то Арилика (у нынѣшней Пескьеры) у выхода р. Минчія изъ Гардскаго озера, гдѣ существовало братство лодочниковъ [162]), и въ вышеупомянутой Гостиліи ниже впаденія того же Минчія въ По [163]). Венетскіе гребцы содержали сообщенія и внѣ своего края, напр. по Тичину въ нынѣшней Ломбардіи [164]). Что у венетовъ, кромѣ рѣчныхъ, были и большія мореходныя суда, приспособленныя къ плаванію по лагунамъ, мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа Тита Ливія.

Этотъ народъ судостроителей и мореходцевъ, владѣя краемъ, составляющимъ удобнѣйшій спускъ отъ альпійскаго хребта къ морю, былъ естественнымъ посредникомъ сѣверо-восточной Европы съ Италіею и вообще странами около Адріатики [165]). Тому же способствовала и родственная ихъ связь съ главнымъ племенемъ сѣверо-востока Европы. Мы уже говорили о торговлѣ венетовъ янтаремъ. Но торговая дѣятельность ихъ этимъ не ограничивалась. Ее изображаетъ намъ Страбонъ, но описаніе его относится къ тому времени, когда первенствующимъ складочнымъ мѣстомъ торговли между Адріатикой и сѣверо-восточной Европой успѣлъ сдѣлаться новый городъ, Аквилея, заложенный римлянами на восточномъ краю венетской земли, у самаго сѣвернаго угла Адріатическаго моря. Аквилея, говоритъ Страбонъ, служитъ рынкомъ для иллирійскихъ народовъ около Дуная [166]). Они снабжаются

тамъ предметами морского привоза, а также виномъ, которое они въ деревянныхъ бочкахъ нагружаютъ на воза, и деревяннымъ масломъ, а сами доставляютъ рабовъ, скотъ и мѣха [167]).

Чѣмъ стала Аквилея подъ римскимъ владычествомъ, тѣмъ былъ прежде, безъ сомнѣнія, старинный городъ венетовъ, Патавій. Примыкая къ покрытымъ виноградниками холмамъ [168]), Патавій сообщался съ моремъ нижнимъ теченіемъ р. Медуака (нын. Брента) и лагунами, въ которыя она впадаетъ [169]). Что тутъ было нѣкогда главное средоточіе венетской торговли, на это указываетъ извѣстіе Страбона объ огромномъ значеніи этого города въ древнее время. Но еще и въ ту пору, когда писалъ Страбонъ, Патавій считался лучшимъ городомъ верхней Италіи [170]) и велъ съ Римомъ обширную торговлю, поставляя туда множество разныхъ товаровъ и въ особенности предметы одежды [171]). Въ самомъ Патавіи, по словамъ Страбона, производились издѣлія изъ шерсти [172]), драгоцѣнные ковры, мохнатыя съ одной и съ обѣихъ сторонъ сукна и разныя ткани. Этой промышленности, конечно, способствовало овцеводство, особенно процвѣтавшее въ венетскомъ краѣ [173]).

Послѣ Патавія, важнѣйшимъ городомъ у венетовъ былъ, кажется, Альтинумъ [174]) (такъ называли его римляне), лежавшій у лагуны при устьѣ р. Плависъ (Piave), недалеко къ сѣверу отъ нынѣшней Венеціи [175]), и имѣвшій важное торговое значеніе. Вся окрестность этого города славилась своимъ богатствомъ [176]). Въ исходѣ I вѣка по Р. Хр. римскій писатель уподоблялъ ее усѣяннымъ великолѣпными виллами берегамъ Неаполитанскаго залива [177]). Южнѣе Альтинума, пристани въ лагунахъ были Эдронъ и Брундулумъ [178]).

Внутри страны венеты имѣли города: Атесте (нын. Este)—къ югу, Вѣкетія (Veicetia, нынѣ Vicenza) [179]) и Атинумъ (Tiene) къ сѣверо-западу, Акелумъ (Asolo) къ сѣверу отъ Патавія, далѣе къ востоку Опитергіумъ (Oderzo); на сѣверѣ, подъ Альпами Белунумъ (Belluno), Кѣлина или Цѣлина (Caelina, нынѣ Zelina, деревня въ Фріульскомъ краѣ) и др. [180]). Наконецъ, въ составъ Венетскаго края входила также Адріа, древнѣйшая, какъ кажется, пристань на Адріатикѣ, основанная еще этрусками на главномъ рукавѣ Пада и сохранявшая, какъ кажется, этруское населеніе [181]). Сосѣдніе города умбровъ на южной сторонѣ Пада, Спина, Бутріумъ, Равенна, находились, по сообщенію каналами, въ тѣсной связи съ венетскимъ краемъ и имѣли, кажется, отчасти венетское населеніе [182]).

Но какъ бы сильно ни развилась у венетовъ городская жизнь, мы можемъ полагать, что въ нихъ не совсѣмъ изгладились свой-

ва первоначальнаго ихъ народнаго быта, что городъ, по край-
ей мѣрѣ пока венеты не утратили своихъ племенныхъ особен-
остей подъ объединяющимъ дѣйствіемъ Рима, не пріобрѣлъ у
ихъ такого полнаго преобладанія надъ селомъ, какъ у другихъ
алійскихъ народовъ или у грековъ. Это замѣтилъ историкъ
олибій (жившій во II вѣкѣ до Р. Хр.). Онъ говоритъ про ве-
товъ, что народъ этотъ обычаями и образомъ жизни мало от-
чается отъ кельтовъ; а что особенно поражало грека Полибія
кельтахъ, было то, что они живутъ въ деревняхъ, не огоро-
енныхъ стѣнами, и что, кромѣ войны, главное ихъ занятіе со-
авляетъ земледѣліе [183]). Отъ писателя древнѣе Полибія (Θео-
мпа, жившаго въ IV в. до Р. Хр.) мы узнаемъ черту, отно-
щуюся къ земледѣльческому быту венетовъ, а именно, что они,
ижды перепахавъ поле и приступая къ посѣву, клали на землю
кіе-то пироги и лепешки изъ муки, старательно умѣшенной [184]).
и лепешки и пироги были, какъ увѣрялъ Θеопомпъ, приношенія
лкамъ [185]), чтобы ихъ умилостивить—не выклевывать изъ земли
сѣянныхъ зеренъ. Положивъ свое жертвоприношеніе на-земь,
и отходили. Тогда птицы, которыхъ стаи уже собирались и
джидали по близости, высылали сперва впередъ двоихъ или
оихъ; прилетѣвъ на мѣсто и осмотрѣвшись, эти соглядатаи
звращались къ своимъ и подавали вѣсть. Венеты наблюдали,
если оказывалось, что галки вкушали ихъ дара, то они счи-
ли это предвѣстіемъ мирнаго года; въ противномъ случаѣ, ожи-
ли непріятельскаго нашествія.

Быть можетъ, привычкамъ сельскаго быта, столь свойствен-
го всѣмъ славянамъ, венеты въ Италіи были обязаны тѣмъ,
о они признавались лучшими въ древнемъ мірѣ коневодами.
лава венетскихъ коней относится къ V и IV вѣкамъ до Р. Хр.;
томъ она стала исчезать, конечно, по мѣрѣ того, какъ венеты,
даваясь болѣе и болѣе городскимъ промысламъ, теряли охоту
коневодству вмѣстѣ съ другими преданіями сельской жизни [186]).

Впослѣдствіи, у другихъ славянъ, мы увидимъ, что разныя
емена или колѣна, на которыя въ древности дѣлились сла-
не, въ свою очередь подраздѣлялись на общества, состоявшія
ь болѣе или менѣе значительнаго числа селеній (такъ-назыв.
ви или *жупы*). Каждое подобное общество, или, чтобы выра-
ться болѣе наглядно, волость, имѣло свое средоточіе, городъ,
е., какъ это было въ началѣ, огороженное мѣсто, безъ по-
оянnаго населенія, но гдѣ жители составлявшихъ общество се-
ній сходились для общихъ дѣлъ, для совѣщаній, богослуженія
горга, а въ случаѣ непріятельскаго нападенія находили для
ія и стадъ своихъ убѣжище и оборону. Съ теченіемъ вре-

мени, въ городѣ, когда положеніе его было выгодное, водворялись постоянные жители, а гдѣ особенно благопріятствовали обстоятельства, тамъ городъ получалъ значеніе преобладающее, дѣлался не только средоточіемъ, но и господиномъ селеній своего округа. Такой ходъ дѣлъ, примѣрами котораго изобилуетъ исторія славянъ, совершился, вѣроятно, и у венетовъ послѣ переселенія ихъ въ Италію, по мѣрѣ развитія между ними городской жизни. Сколько можно судить по скуднымъ указаніямъ, до насъ дошедшимъ, деревни у нихъ считались какъ бы принадлежностью городовъ [187]); города съ своими деревнями составляли отдѣльныя общества, такъ что, напримѣръ, городъ Атесте спорилъ о границахъ съ одной стороны съ Патавіемъ, съ другой — съ Вѣкетіей [188]). Эти города находятся въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, что тутъ не могло быть рѣчи о межахъ городской земли, а споръ шелъ, очевидно, о границахъ округовъ, принадлежавшихъ названнымъ городамъ. Но какая была форма правленія у этихъ венетскихъ обществъ—о томъ нѣтъ никакого извѣстія. Только можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что общей государственной власти, а тѣмъ менѣе власти монархической, венеты не имѣли; иначе присоединеніе ихъ къ римской республикѣ не могло бы совершиться, какъ это случилось, безъ всякаго сопротивленія и переворота.

XIV.

Религія венетовъ. — Ихъ семейный бытъ.

Вѣрованія, которыя венеты принесли съ собою въ Италію, были, конечно, столь же неопредѣленны, столь же далеки отъ догматической системы, какъ и у другихъ славянъ въ древнюю языческую пору и у всѣхъ первобытныхъ арійцевъ вообще. Древняя религія славянъ, не чуждая понятія объ единомъ высшемъ Богѣ, заключалась, однако, во вседневной жизни, въ поклоненіи разнымъ явленіямъ или силамъ природы. Онѣ олицетворялись какъ особыя божества, но еще не изображались истуканами, имъ не воздвигали храмовъ. Славяне искали присутствія своихъ боговъ въ таинственной тѣни лѣса или у какого-нибудь родника и т. п. Явный отпечатокъ такого именно поклоненія носитъ на себѣ святилище венетовъ, описанное Страбономъ. Это замѣчательное, по словамъ Страбона, святилище называлось Тимавомъ [189]). Въ самой глубинѣ крайняго къ сѣверу залива, образуемаго Адріатическимъ моремъ, били изъ-подъ горы семь род-

никовъ, которые, сливаясь по близости, широкимъ и глубокимъ потокомъ несли свою воду въ море. Эти родники почитались у жителей источникомъ и матерью моря [190]). По близости было озеро и двѣ рощи, посвященныя богинямъ, которыхъ греки принимали одну за Геру (Юнону), какъ ее обожали въ Аргосѣ, т. е. за олицетвореніе плодородной силы природы, другую—за Артемиду (Діану), какъ ей поклонялись въ Этоліи, гдѣ она была представительницею холоднаго свѣта луны, богинею дѣвственной чистоты и свободной жизни въ горахъ и лѣсахъ [191]). Въ этихъ рощахъ, увѣряли жители, и дикіе звѣри становились смирными, волки собирались въ дружное стадо съ оленями и человѣкъ могъ подходить къ нимъ и ихъ трогать руками, собаки останавливались въ своей травлѣ, когда звѣрь уходилъ въ священную рощу [192]). Съ этимъ таинственнымъ святилищемъ венетовъ греческій писатель соединяетъ имя Діомеда: ему, говоритъ Страбонъ, было посвящено Тимаво (*τὸ Τίμαυον*); венеты воздавали ему почести и приносили въ жертву бѣлаго коня [193]). Діомедъ, вмѣстѣ съ Улиссомъ, были, какъ извѣстно, тѣ два греческіе героя Иліады, странствованія которыхъ связывались съ Италіей; какъ Улисса усвоили себѣ преимущественно жители западнаго побережья полуострова, такъ Діомедъ сдѣлался героемъ сказаній, относящихся къ восточнымъ берегамъ Италіи, и въ особенности къ Умбріи [194]). Въ понятіяхъ грековъ, а потомъ и римлянъ, имя Діомеда столь же тѣсно соединилось съ умбрами, какъ имя Антенора съ венетами. Отъ Умбріи легенда о Діомедѣ легко могла быть перенесена на сосѣдній съ нею венетскій край. Венеты, по словамъ Страбона, утверждали, что Діомедъ у нихъ кончилъ жизнь свою и сдѣлался богомъ [195]). Очевидно, что въ этомъ подразумѣвался какой-нибудь народный герой или полубогъ венетовъ, которому они поклонялись въ своемъ тимавскомъ святилищѣ и приносили въ жертву коня (дѣйствительно, и у другихъ славянъ конь считался существомъ особенно любимымъ богами); а имя Діомеда также случайно приложено къ этому полубогу или герою тимавскаго святилища, какъ имя Антенора къ баснословному родоначальнику венетовъ и основателю Патавія [196]).

Скопившимся въ городъ людямъ уже негдѣ поклоняться своимъ богамъ въ таинственныхъ лѣсахъ; обликъ каждаго божества становится опредѣленнѣе и требуетъ себѣ изображенія. Сооружаются кумиры и имъ строятъ храмы. Это стали дѣлать греки и народы италійскіе; венеты не могли не послѣдовать ихъ примѣру. Титъ Ливій, какъ читатель вспомнитъ, даетъ намъ положительное указаніе, что венеты еще во время своей независимости имѣли въ Патавіи старинный храмъ, и богиню, которой

посвященъ былъ этотъ храмъ, отождествляетъ опять-таки съ Юноной [197]), какъ Страбонъ именемъ той же Юноны, т. е. Геры Аргивской, означаетъ одну изъ богинь тимавскаго святилища. Есть также извѣстіе, что на «Янтарныхъ островахъ» Адріатическаго моря, — подъ этимъ именемъ, какъ мы знаемъ, греки въ древнюю пору разумѣли острова венетскаго края, — находились два истукана, на подобіе лежачаго человѣка, одинъ мѣдный, другой оловяный. Работа ихъ была стариннаго образца или, по крайней мѣрѣ, казалась такою грекамъ и поэтому, вѣроятно, греки приписывали ихъ происхожденіе Дедалу, родоначальнику художествъ въ эллинской миѳологіи.

Первобытная религія арійцевъ, а между ними и славянъ, не нуждалась въ особыхъ жрецахъ; старшій въ семьѣ приносилъ жертву Богу или богамъ и возглашалъ слова молитвы. Но коль скоро возникалъ храмъ, ощущалась вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ богослуженіи болѣе опредѣленномъ и торжественномъ, и долженъ былъ явиться жрецъ. Жрецы были, безъ сомнѣнія, и у венетовъ [198]); были прорицатели [199]) и даже открылся у нихъ оракулъ, пользовавшійся большою славою около времени Р. Хр. Оракулъ этотъ находился вблизи Патавія у знаменитыхъ минеральныхъ ключей апонскихъ, о которыхъ мы уже говорили. Гаданье состояло въ томъ, что въ воду Апона бросали игральныя кости [200]). Бросали также въ Апонское озеро копья, для гаданья ли или въ видѣ жертвоприношенія [201]). Свѣдѣнія наши о существованіи оракула при Апонскомъ источникѣ относятся только ко времени римскаго владычества; потому можно бы предполагать, что оракулъ образовался подъ вліяніемъ греческихъ и римскихъ понятій, когда венеты уже утратили свою независимость [202]); но нѣтъ сомнѣнія, что само мѣстное населеніе, которое, какъ было упомянуто выше, связывало эти ключи съ сказаніями о низвергнутомъ сынѣ Солнца, приписывало водѣ Апона какую-то таинственную силу и способность открывать людямъ загадочное. Если кто-нибудь обвинялся въ покражѣ скотины, то испытаніе производилось кипяткомъ Апонскаго источника: жители вѣрили, что имъ не ошпаривалась шкура у краденаго животнаго [203]). Вѣроятно, изъ какихъ-нибудь религіозныхъ представленій возникла также мысль не допускать женщинъ къ купанью въ струяхъ Апона: думали, что это купанье, освѣжающее и крѣпительное для мужчинъ, напротивъ, жгло тѣло женщины [204]).

О семейномъ бытѣ венетовъ [205]) мы, послѣ приведеннаго уже разсказа Геродота о способѣ заключенія ихъ браковъ, не находимъ никакихъ прямыхъ извѣстій [206]). Слова Геродота мы объяснили себѣ въ томъ смыслѣ, что невѣсты покупались жени-

хами и что браки совершались одновременно, на какихъ-нибудь «игрищахъ между селами», какъ это бывало и у другихъ славянскихъ племенъ въ древности. Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, будто нравы венетовъ были распутны или семейный союзъ у нихъ слабъ. Нѣтъ, мы можемъ положительно сказать противное. Во времена римскихъ императоровъ, среди самаго глубокаго разврата, овладѣвшаго всѣми слоями общества въ Италіи, венетскій городъ Патавій славился чистотою своихъ нравовъ, патавинскія женщины почитались образцомъ строгости [207]), застѣнчивость патавинскихъ дѣвушекъ вошла въ пословицу [208]). Конечно, не подъ римскими вліяніями могли образоваться такіе нравы. При Тиберіи, Неронѣ и Домиціанѣ главный городъ венетовъ далъ Риму семейство, которое въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ олицетворяло собою святыню супружеской любви и самоотверженія. Дѣятельность этого доблестнаго патавинскаго [209]) семейства, Арріи старшей, умѣвшей простереть преданность своему мужу до героизма [210]), ея дочери, младшей Арріи, и зятя, знаменитаго мужествомъ гражданскимъ и добродѣтелью Трасеи Пэта [211]), наконецъ внучки Фанніи, «святой и цѣломудренной женщины, достойной своего отца Трасеи», какъ выразился о ней современникъ [212]), — дѣятельность этихъ людей не относится къ нашему предмету, потому что жизнь ихъ протекла въ Римѣ, среди римскаго общества, въ составѣ котораго народность венетовъ въ ту пору уже исчезала. Но хотя это семейство жило въ Римѣ и дѣйствовало въ римскомъ обществѣ, однако по духу своему оно еще принадлежало своей провинціи [213]), своему старому венетскому корню. Конечно и самая развращенная среда (а въ тогдашнемъ Римѣ, растлѣніе нравовъ дошло до размѣровъ, едва-ли когда-либо виданныхъ въ мірѣ) можетъ произвести какія-нибудь отдѣльныя исключительныя личности, которыя въ собственной силѣ духа находятъ точку опоры, чтобы устоять во всеобщемъ нравственномъ крушеніи. Но когда, въ такое время, образецъ нравственной чистоты и доблести представляется какъ бы наслѣдственно одной семьей въ трехъ поколѣніяхъ, то очевидно, что тутъ дѣйствовала не одна только личная энергія, но и сила семейнаго союза, семейнаго преданія. Только въ такой средѣ, гдѣ еще живъ и свѣжъ былъ духъ семейный, могли выработаться преемственно въ трехъ поколѣніяхъ подобные характеры, и только такая среда могла уберечь, въ эпоху Нероновскаго разврата, чистоту нравовъ, которую прославляютъ въ патавинскихъ женщинахъ и дѣвушкахъ римскіе писатели, подкрѣпляемые въ своемъ свидѣтельствѣ живымъ примѣромъ Арріи старшей и ея дочери и внучки. Нѣтъ

сомнѣнія, семейная жизнь была чиста, семейная связь сильна у древнихъ венетовъ.

Рабство существовало у нихъ. Хотя это намъ извѣстно только по свидѣтельству, относящемуся до времени римскаго владычества, однако нельзя предполагать, чтобы и въ пору независимости своей венеты остались чужды учрежденія, которое было такъ сильно вкоренено у этрусковъ и другихъ народовъ въ ихъ сосѣдствѣ. Развитіе городской жизни, накопленіе богатствъ, торговая дѣятельность, всѣ эти условія, при господствовавшихъ въ древнемъ мірѣ понятіяхъ и привычкахъ, порождали спросъ на рабовъ и облегчали ихъ пріобрѣтеніе. Но единственное дошедшее до насъ извѣстіе, въ которомъ идетъ рѣчь о рабахъ у венетовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ между ними и ихъ господами. Именно, одинъ римскій писатель разсказываетъ, что когда въ Италіи, послѣ убіенія Юлія Цезаря, кипѣла междоусобная война и одинъ изъ вождей республиканской партіи, Азиній Полліонъ, занялъ городъ Патавій (венеты были на сторонѣ приверженцевъ Цезаря), то онъ сталъ требовать отъ жителей выдачи денегъ и оружія; а какъ хозяева вслѣдствіе этого попрятались, то Полліонъ обѣщалъ свободу и награжденіе рабамъ, которые укажутъ своихъ господъ; и не нашлось между патавинскими рабами ни одного, который бы, польстясь на это, выдалъ своего господина[214]): — черта нравовъ, вполнѣ согласная съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о семейномъ бытѣ венетовъ.

XV.

Связи венетовъ съ Римомъ. — Они добровольно подчиняются его государственной власти.

Римляне, послѣ долгой борьбы съ самнитами за обладаніе среднею Италіею, послѣ многихъ войнъ съ галлами, часто помогавшими самнитамъ, одолѣвъ тѣхъ и другихъ и упрочивъ свое господство на южной сторонѣ Апенниновъ, въ началѣ III вѣка до Р. Хр. перенесли войну за этотъ хребетъ, въ самыя владѣнія галловъ. Они покорили ближайшіе ихъ края и, прогнавъ или истребивъ тутъ галльское населеніе, устроили на берегу Адріатическаго моря колоніи: Сеногаллію (нынѣшн. Синигалья) въ 283, Ариминумъ (Римини) въ 268 г. Такимъ образомъ границы римскаго государства приблизились къ венетской землѣ. Между венетами и владѣніями Рима оставался теперь только край галльскаго колѣна боіевъ, обнимавшій города Парму, Мутину (Мо-

дена), Бононію (Болонья). Начались съ ними столкновенія. За боіевъ вооружились другія галльскія колѣна и въ особенности сильнѣйшее изъ нихъ, инсубры, владѣвшіе нынѣшней Ломбардіей. Венеты помогали римлянамъ [215]), и замѣчательно, что въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ съ венетами сторону Рима принимали и ближайшіе сосѣди ихъ къ западу, кеноманы, галльское колѣно, водворившееся около Гардскаго озера и по обѣимъ сторонамъ Минчія: объясняется ли дружба эта тѣмъ, что кеноманы успѣли уже смѣшаться съ венетами, какъ полагаетъ историкъ Моммзенъ [216]), или какими-нибудь другими обстоятельствами, мы не знаемъ.

Въ 238 г. боіи, уже прежде испытавшіе на себѣ силу римскаго оружія, возобновили съ ними войну, призвавъ помощь отъ заальпійскихъ галловъ. Война велась нѣсколько лѣтъ; наконецъ, инсубры и боіи собрались нанести Риму рѣшительный ударъ. Римъ, заблаговременно отправивъ посольство къ венетамъ и кеноманамъ, обезпечилъ себѣ ихъ содѣйствіе. Они собрали 20,000 человѣкъ войска, готоваго вступить въ предѣлы боіевъ, такъ что галлы принуждены были оставить дома часть своихъ силъ для защиты. Остальное, вторгнувшееся въ римскія владѣнія, войско потерпѣло совершенное пораженіе (225 г.). Римляне перенесли войну въ собственные предѣлы галловъ, утвердились въ землѣ боіевъ и за тѣмъ перешли и за р. По. Миланъ и Комо, главные города инсубровъ, были заняты (222 г.); венеты сдѣлались непосредственно сосѣдями римскаго государства. Въ то же время Римъ приступилъ къ дѣятельнымъ предпріятіямъ для уничтоженія пиратовъ, гнѣздившихся на берегахъ Далмаціи и Иллиріи (нынѣ Албаніи) и состоявшихъ подъ покровительствомъ, часто даже на службѣ, тамошнихъ князей. Въ 229 г. римлянамъ удалось сломить силу значительнѣйшаго изъ этихъ разбойническихъ княжествъ, Скодрскаго (Скодра — нынѣ Скадаръ или Скутари, въ сѣверной Албаніи). Условія мира, наложенныя Римомъ, отняли у владѣльцевъ Скодры средства вредить торговлѣ на Адріатикѣ. Вскорѣ потомъ римляне предприняли (221 г.) походъ противъ истровъ [217]), чтобы также положить конецъ ихъ разбоямъ. Мы уже указывали на то, какъ подобныя дѣйствія должны были привлекать венетовъ къ Риму. Походъ въ Истрію былъ бы невозможенъ, если бы римляне не имѣли точкою опоры землю венетовъ, и не распоряжались вполнѣ ея средствами. Это первое предпріятіе противъ истровъ не повело еще однако къ завоеванію ихъ края. Въ то время надъ самимъ Римомъ скоплялась гроза. Ему приходилось защищать свое собственное бытіе отъ смѣлаго предпріятія Ганнибала. Инсубры, боіи, впослѣдствіи и самниты

и всѣ недавніе соперники Рима въ Италіи, присоединились къ геніальному карѳагенскому вождю; венеты, а съ ними и кеноманы, остались непоколебимы. Они не только поддерживали дѣло Рима въ сѣверной Италіи, но венеты доставляли, какъ кажется, и вспомогательные отряды римскому войску [218]).

Страшная борьба, называемая второю пуническою войною, кончилась, какъ извѣстно, полною побѣдою римлянъ (201 г.) и измѣненіемъ всѣхъ политическихъ отношеній. Римъ, поставлявшій себѣ цѣлію только обладаніе Италіей, сталъ теперь первенствующею державою міра [219]) и непреднамѣренно, нехотя, одною силой вещей, долженъ былъ подчинить себѣ поочередно всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря.

При самомъ исходѣ пунической войны, когда главное войско Рима сражалось въ Африкѣ, галлы сѣверной Италіи, служившіе передъ тѣмъ точкою опоры Ганнибалу, сдѣлали новую попытку къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Рима. Къ боіямъ и инсубрамъ присоединились въ этотъ разъ и кеноманы. Кровопролитная война (201—193) привела къ совершенному истребленію боіевъ и къ порабощенію всѣхъ кельтскихъ колѣнъ въ сѣверной Италіи. «Такъ кончилась,—повторимъ слова современника, грека Полибія,—война съ кельтами: война, по отвагѣ и мужеству соперниковъ, по значительности битвъ и множеству людей въ нихъ сражавшихся и погибавшихъ, не уступающая ни одной изъ извѣстныхъ въ исторіи, но, что касается до задуманнаго плана и способа исполненія, совершенно безсмысленная; ибо не въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, но постоянно и вообще все, что дѣлаютъ галлы, внушается страстью болѣе чѣмъ разсудкомъ» [220]).

Какъ скоро владычество Рима, съ покореніемъ боіевъ и инсубровъ и другихъ галльскихъ колѣнъ, распространилось до р. По, Гардскаго озера и Альпъ, — венеты сами собою вошли въ составъ римскаго государства. Это совершилось такъ легко и, можно сказать, такъ естественно, что присоединеніе ихъ прошло вовсе незамѣченнымъ. Ни единымъ словомъ не упоминается о пріобрѣтеніи Римомъ столь важной и богатой области, даже въ подробномъ и часто мелочномъ разсказѣ Тита Ливія. Если бы какая-нибудь борьба или какой-нибудь переворотъ ознаменовали паденіе независимости венетовъ, то менѣе всѣхъ патавинецъ Ливій оставилъ бы ихъ безъ вниманія. Изъ хода его разсказа очевидно, что распространеніе римской государственной власти на венетскій край не потребовало никакихъ особенныхъ распоряженій и усилій, и что въ 186 г., т. е. не болѣе какъ 7 лѣтъ спустя послѣ покоренія галльскихъ владѣній въ Италіи, венеты состояли уже подъ управленіемъ римскаго начальника. Вотъ случай, который это обнару-

живаетъ. Въ 186 г., по извѣстію Ливія, галлы сдѣлали новую попытку перейти изъ-за Альпъ въ Италію. Въ этотъ разъ они шли черезъ восточную часть Альпъ (вѣроятно изъ Норика или Карніи) къ Адріатическому морю и шли уже не завоевателями, а мирными переселенцами. Никого не трогая, вступили они въ землю венетовъ и расположившись въ пустой мѣстности, гдѣ потомъ возникла Аквилея, стали тутъ обстроиваться. Римскій сенатъ, при первомъ извѣстіи объ этомъ, отправилъ посольство, съ жалобою и угрозами, къ тому галльскому племени за альпами, отъ котораго вышли переселенцы. «Какъ смѣли они, говорили между прочимъ послы, прійти безъ спросу въ Италію, нарушивъ неприкосновенность альпійской границы, и безъ позволенія римскаго начальника, правившаго областью, строить городъ на чужой землѣ [221])!...» Дѣло кончилось тѣмъ, что Римъ выпроводилъ мирнымъ образомъ непрошенныхъ колонистовъ обратно изъ венетскаго края за Альпы.

Итакъ, въ 186 году земля венетовъ была уже римскимъ владѣніемъ. Римляне были до того увѣрены въ добровольной покорности венетовъ, что не сочли даже нужнымъ обезпечить ихъ послушаніе устройствомъ колоній въ ихъ землѣ, подобно тому, какъ они это дѣлали среди всѣхъ другихъ племенъ Италіи. Колонія, которую Римъ съ перваго же раза отправилъ въ эту сторону, не только не имѣла значенія угрозы для венетовъ, а напротивъ, могла существовать только при ихъ опорѣ и предназначалась для дѣйствій противъ прилегавшихъ къ венетамъ съ востока и сѣвера враждебныхъ племенъ истровъ и карновъ. Эта колонія была Аквилея, устроенная, по выраженію Страбона, для обороны отъ жившихъ за венетскимъ краемъ варваровъ [222]), въ той самой мѣстности, гдѣ хотѣли поселиться пришедшіе изъ-за восточныхъ Альпъ галлы. Она была основана тотчасъ послѣ ихъ удаленія, въ 183 году [223]). За тѣмъ и всѣ дальнѣйшія извѣстія о венетскомъ краѣ подтверждаютъ полную зависимость его отъ Рима. Такъ, подъ 174 годомъ, разсказывается, что въ Патавіи произошелъ между жителями города раздоръ, дошедшій до кровопролитія. Патавинцы тотчасъ отправили посольство съ донесеніемъ объ этомъ въ Римъ, и сенатъ поручилъ консулу Марку Эмилію ѣхать на мѣсто и разобрать дѣло [224]). Были также у венетовъ, какъ нами упомянуто, споры между разными городами о границахъ ихъ округовъ: городъ Атесте спорилъ съ Патавіемъ и Вѣкетіей. Постановленія римскаго сената разрѣшили эти тяжбы, и римскіе проконсулы (въ 141 и 135 гг.) утвердили межи и поставили граничные знаки: три такихъ камня, съ высѣченными на нихъ надписями на латинскомъ языкѣ, уцѣлѣли понынѣ [225]).

XVI.

Венеты исчезаютъ въ римской народности.

Ни одинъ, даже изъ незначительнѣйшихъ народовъ Италіи, не отказался отъ своей независимости, не покорился Риму такъ легко и просто, какъ это сдѣлали венеты. Всѣ, и этруски, и умбры, и самниты, и лигуры, и кельты, даже мелкія колѣна латинскія, упорно, а нѣкоторыя до совершеннаго истощенія силъ, защищали свою свободу; добровольно, какъ венеты, никто изъ нихъ ею не жертвовалъ. Изъ новѣйшихъ историковъ иные объясняли это малодушіемъ или изнѣженностью со стороны венетовъ; другіе, не допуская возможности, чтобы они безъ борьбы подчинились чужой власти, предполагаютъ, что извѣстія объ этой борьбѣ какъ-нибудь пропущены древними писателями. Но такой пропускъ былъ бы слишкомъ невѣроятенъ, и особенно трудно ожидать его отъ патавинца Ливія [226]). А что венеты, хотя природа и климатъ ихъ страны и считались располагающими къ нѣгѣ [227]), не были лишены мужества и, когда хотѣли, умѣли храбро защищаться, доказываетъ ихъ стойкость противъ галловъ, ихъ образъ дѣйствій противъ спартанца Клеонима. Дѣло тутъ не въ малодушіи, не въ отсутствіи личной доблести, а въ общественной неразвитости. Отдѣлившись отъ славянскаго племени въ такое время, когда его политическая жизнь еще не начиналась, венеты не могли принести съ собою въ Италію никакихъ задатковъ для самостоятельнаго устройства государственнаго. Отъ галловъ, отъ спартанскихъ пиратовъ они оборонялись, потому что тѣ врывались къ нимъ какъ грабители; но когда они увидѣли передъ собою римлянъ, съ ихъ стройнымъ государственнымъ порядкомъ, съ ихъ твердыми правительственными учрежденіями, венеты поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, добровольно къ нимъ пристали, безпрекословно поддались ихъ правленію.

Съ этого времени судьба италійскихъ венетовъ перестаетъ принадлежать славянскому міру. Венеты весьма скоро усвоили себѣ и латинскій языкъ и всѣ признаки римской народности. Уже въ 141 г. латинскій языкъ, какъ показываютъ надписи о разграниченіи между венетскими обществами, былъ тамъ языкомъ правительственнымъ. И въ прежнее уже время, мы видѣли, городская жизнь начинала преобладать у венетовъ надъ сельскою. Венеты были, такимъ образомъ, совершенно подготовлены принять образъ жизни и учрежденія римлянъ. Наконецъ, и религіозныя представленія венетовъ легко было приладить къ миѳологіи рим-

ской или заимствованной римлянами греческой. Только главный народный богъ венетовъ, Бѣлинъ, который, вѣроятно, подобно Бѣлъ-богу у другихъ славянъ, былъ олицетвореніемъ свѣта, — сохранилъ до нѣкоторой степени значеніе отдѣльнаго мѣстнаго божества, хотя и его старались слить съ греческимъ и римскимъ Аполлономъ [228]), да кромѣ того припоминались еще изрѣдка имена другихъ туземныхъ боговъ, какого-то «добраго бога Бронтона», въ которомъ находили сходство съ Юпитеромъ [229]), какого-то бога Гаута-отца [230]), бога Огня и какой-то богини, которая называлась, кажется, Бая и соотвѣтствовала, быть можетъ, римской Фортунѣ [231]); но, за исключеніемъ этихъ немногихъ, теперь для насъ загадочныхъ, остатковъ народной миѳологіи, божествами венетской земли сдѣлались римскіе Юпитеръ, Янусъ, Плутонъ, Діана, Венера, Сильванъ, Нимфы и т. д.

Всего болѣе ускорило сліяніе венетовъ съ римскою народностью то, что они рано получили право римскаго гражданства. Извѣстно, какія огромныя преимущества связаны были въ римскомъ государствѣ съ этимъ правомъ. Венеты заслужили его, конечно, своею преданностью Риму, но этой мѣры сталъ требовать Юлій Цезарь (въ 68 г.) изъ личныхъ видовъ, въ противодѣйствіе аристократической, консервативной партіи римскаго сената, и когда онъ достигъ господства, то осуществилъ это на дѣлѣ (49 г.). За то венеты и ихъ сосѣди, потомки римскихъ колонистовъ, занявшихъ галльскія области верхней Италіи, и смѣшавшихся съ ними туземцевъ, были главною точкою опоры Цезаря какъ для покоренія Галліи за Альпами, такъ и для завоеванія верховной власти въ римскомъ государствѣ; въ этой странѣ набиралъ онъ свои легіоны. И какая была преданность ему въ венетскихъ населеніяхъ! Вотъ тому примѣръ: въ началѣ войны съ Помпеемъ, отрядъ новобранцевъ изъ венетскаго города Опитергія (нынѣ Одерцо), плывшихъ на плохомъ суденушкѣ моремъ на соединеніе съ войсками Цезаря, случайно наткнулся на эскадру кораблей Помпеевыхъ; окруженные отовсюду непріятелемъ, они все-таки не хотѣли сдаться и оборонялись цѣлый день, падая одинъ за другимъ подъ непріятельскими копьями и стрѣлами; наконецъ, когда наступила ночь, немногіе, оставшіеся въ живыхъ, наложили на себя руку, и такъ они погибли до единаго [232]).

Послѣдствіемъ принятія венетовъ въ число гражданъ Рима было то, что знатнѣйшіе изъ нихъ дѣлались членами римскаго сената [233]) и чрезъ то вступали въ ряды римской аристократіи; другіе, менѣе знатные, но достаточно богатые, причислялись къ сословію римскихъ всадниковъ. Въ одномъ городѣ Патавіи, при народосчисленіи, бывшемъ около времени Рождества Христова,

было сочтено до 500 человѣкъ, имѣвшихъ по цензу право на званіе всадниковъ, т. е. имѣвшихъ состояніе не менѣе 400,000 сестерцій (около 20,000 р. на наши деньги) [234]). Но, получая римское гражданство, «провинціалъ» римскаго государства подчинялся всѣмъ условіямъ и обязательствамъ римскаго права, не только въ общественномъ, но и въ семейномъ быту, онъ обыкновенно принималъ римское имя и фамилію и считалъ бы для себя униженіемъ не быть вполнѣ римляниномъ, сохранять какія-нибудь примѣты своего не-римскаго происхожденія [235]). Конечно, въ низшихъ слояхъ населенія, народные обычаи, вѣрованія и языкъ не могли скоро исчезнуть. Память о венетахъ, какъ особой народности, жила еще долго и долго еще проявлялись ея признаки подъ оболочкою римскихъ формъ [236]). Вліяніе Рима шло сверху внизъ. Римъ всегда сманивалъ къ себѣ сначала мѣстную знать своихъ провинцій и вообще высшій классъ народа, и черезъ него держалъ въ рукахъ остальное населеніе, мало по малу распространяя и въ немъ латинскій языкъ и формы римской жизни. Коль скоро высшій классъ успѣлъ сдѣлаться римскимъ, вся страна была упрочена за Римомъ и казалась принадлежащею латинской народности. Такимъ образомъ, уже полтораста лѣтъ послѣ присоединенія венетскаго края къ римскому государству, географъ Страбонъ писалъ: «тамошніе жители называются венетами, но они римляне» [237]). Явились въ это время изъ среды венетовъ люди замѣчательные, знаменитые: великій поэтъ Виргилій, уроженецъ Мантуи, венетъ по происхожденію [238]); историкъ Титъ Ливій, патавинскій уроженецъ; Трасеа Пэтъ, осмѣлившійся хранить честность свободнаго гражданина подъ правленіемъ Нерона и имъ умерщвленный, Трасеа, уроженецъ того же Патавія и о которомъ, также, какъ о доблестномъ его семействѣ, мы уже упоминали. Это семейство и самъ Трасеа, идеалъ мужества соединеннаго съ кротостью, и поэтъ Виргилій, и историкъ Титъ Ливій, всѣ они принадлежали римскому міру; ихъ мѣсто въ римской исторіи [239]).

Наконецъ, когда, послѣ шестисотъ лѣтъ процвѣтанія и постепеннаго упадка въ составѣ римскаго государства, земля венетская сдѣлалась добычею сѣверной орды гунновъ и воинственныхъ дружинъ нѣмецкихъ, ругіевъ, готовъ, лангобардовъ, и потомки древнихъ венетовъ, спасаясь отъ насилія и истребленія, укрылись среди приморскихъ лагунъ и основали здѣсь общину рыбаковъ и мореходцевъ, которая превратилась со временемъ въ великолѣпную царицу Адріатики, — въ этомъ новомъ росткѣ венетскаго племени, въ этихъ венеціанцахъ не оставалось слѣда славянскаго происхожденія. Люди эти по языку, по духу, по

всѣмъ преданіямъ и стремленіямъ стали уже въ полномъ смыслѣ латинцами, и когда имъ впослѣдствіи приходилось имѣть дѣло съ славянскими народами, то они были имъ такіе же чужіе, какъ и прочіе жители Италіи [240]).

А. Гильфердингъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Были и другія второстепенныя видоизмѣненія этого названія, напр., гвиниды, винеды, венады, weonod и т. п. Исчисленіе ихъ можно найти въ «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарика.

[2]) Коренное *t* у германцевъ сперва переходило въ *th* (какъ въ готскомъ языкѣ), а потомъ въ *d* (какъ въ древне-нѣмецкомъ), но очень часто уже и въ готскомъ языкѣ являлось *d*. См. Grimm. Gesch. des deutsch. Spr. I, 289. Schleicher, Compendium der vergl. Gramm. 327 (2-е изд.). Въ названіи, насъ занимающемъ, встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ и формы съ th, соотвѣтствующія готскому произношенію, напр. у Павла Діак. 1, 13: *Anthaib*, *Banthaib*, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи.

[3]) Tac. Germ. 46. Во всѣхъ рукописяхъ читается *Veneti*, если же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ печатается *Venedi*, то это произвольная и неумѣстная поправка.

[4]) Другія сходныя финскія формы этого имени см. у Шафарика (Слав. Др., пер. Бодянскаго I, 1, 154).

[5]) Въ сосѣдствѣ трибалловъ и дардановъ, народовъ ѳракійскаго поколѣнія, занимавшихъ нынѣшнюю Сербію. См. Appian. de bello Mithrid. 55. *Καὶ Σύλλας τὴν ἐν τοσῶδε ἀργίαν διατιθέμενος, Ἐνετοὺς καὶ Δαρδανέας καὶ Σίντους, περίοικα Μακεδόνων ἔθνη, συνεχῶς ἐς Μακεδονίαν ἐμβάλλοντα, ἐπιὼν ἐπόρθει.* Eustath. ad Iliad. *β* 852 *ἦν δὲ κατὰ τὸν ἀναγράφεα τῶν ἐθνικῶν καὶ ἔθνος παρὰ Τριβαλλοῖς Ἐνετοί.* Въ греческихъ книгахъ имя это пишется двояко: *Ἐνετοί* и *Ἑνετοί*.

[6]) По Аристотелю, народъ додонскій назывался въ древности *греками*; но это имя употреблялось и въ болѣе общемъ смыслѣ: *Γραῖκες δὲ παρὰ Αλκμᾶνι αἱ τῶν Ἑλλήνων μήτερες καὶ παρὰ Σοφοκλεῖ ἐν Ποιμέσιν.* Steph. Byz. Евстаѳій (ad Il. XII. 20 p. 890 (указываетъ также, что Софоклъ, слѣдуя древнимъ, и Ликофронъ употребляли имя грековъ вмѣсто эллиновъ (*τῶν Γραικῶν... οὓς ἡ μὲν συνήθεια, καὶ Σοφοκλῆς δέ που κατὰ τοὺς παλαιοὺς, καὶ ὁ Λυκόφρων δὲ διὰ τοῦ ἐν ἀρχῇ γ προφέρουσιν ἐπὶ Ἑλλήνων, οἱ βάρβαροι δὲ Ραικούς φασι δίχα τοῦ γ*). Замѣтимъ, что это имя употребляется не только римлянами, нѣмцами, славянами, но и ближайшими сосѣдями эллиновъ, албанцами: гэркь или грек.

[7]) Ср. древнюю форму имени вятицкаго города Брянска (Орловской губерніи)—Дебрянскъ.

[8]) Вятичи, какъ видно изъ первыхъ русскихъ свидѣтельствъ, были единственное, въ древнюю пору, славянское племя, жилища котораго принадлежали вполнѣ бассейну Волги (т. е. Окѣ и другимъ ея притокамъ). Медленность историческаго развитія вятичей выказывается, между прочимъ, въ томъ, что они долѣе всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ на Руси оставались въ сторонѣ отъ возникавшей въ ней государственной жизни, долѣе сохраняли свою мѣстную особенность и свое племенное имя и послѣдніе изъ русскихъ славянъ обратились въ христіанство.

[9]) Мы изумляемся тому, какъ до сихъ поръ даже самыми серьезными исто-

риками нашими (см. между прочимъ Соловьева, Исторія Россіи, т. I, издан. 4-е, стран. 61) повторяется, какъ историческій фактъ, сказаніе древнѣйшаго русскаго лѣтописца о двухъ братьяхъ, Радимѣ и Вяткѣ, какъ родоначальникахъ радимичей и вятичей и о томъ, что племена эти пришли «отъ ляховъ»,—тогда какъ въ наше время никто уже не рѣшился бы выдать за историческій фактъ, легенду о происхожденіи греческихъ племенъ отъ братьевъ Дора и Эола, сыновей ѳессалійскаго царя Эллина, и племянника ихъ Іона. Г. Соловьевъ утверждаетъ даже, что «мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе»—о происхожденіи радимичей и вятичей отъ ляховъ. Спрашивается только: есть ли какая-либо возможность, чтобы самое восточное изъ славянскихъ племенъ на Руси, какъ вятичи, происходили отъ одной изъ крайнихъ къ западу вѣтвей славянскихъ, какъ ляхи? Есть ли малѣйшая вѣроятность въ передвиженіи двухъ славянскихъ вѣтвей съ запада на дальній востокъ, когда, напротивъ, вся исторія показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, до IX вѣка переселеніе славянъ шло всегда съ востока на западъ? Наконецъ, даже если бы какая-нибудь вѣтвь ляховъ предприняла движеніе въ обратномъ смыслѣ, то не отодвинула ли бы она скорѣе другія, ближайшія къ ней племена, вмѣсто того, чтобы пройти вширь всю славянскую землю и поселиться на краю ея? Нельзя же вятичей и радимичей, племена, занимавшія своими жилищами столь обширныя пространства (нѣсколько нынѣшнихъ губерній), принять за какія-нибудь подвижныя дружины искателей приключеній.

[10]) Пока въ произношеніи восточныхъ славянъ еще удерживались носовые звуки (сохранившіеся доселѣ у поляковъ и отчасти у болгаръ), слово вятичи выговаривалось, вѣроятно, какъ-нибудь въ родѣ вантичи или унтичи, и въ этомъ видѣ мы находимъ это имя у баварскаго земелписца (см. Шафарикъ, Слав. Древн., прилож. стр. 70): Sebbirozi, Unlizi (читай Untizi), т. е. сѣверцы, вятичи. О вятичахъ земелисецъ прибавляетъ замѣчаніе, что это «народъ многочисленный», populus multus. Впрочемъ, объ этомъ памятникѣ, который Шафарикъ, повидимому, совершенно основательно относитъ къ концу IX вѣка, будетъ говорено впослѣдствіи.

[11]) Несмотря на близкое созвучіе, имя вяты и т. п. не имѣетъ ничего общаго съ словомъ вящшій. Въ первомъ коренная согласная *т*, въ послѣднемъ *к*. Вящшій замѣняетъ коренную форму вакьшій (въ глагольск. памятникахъ мы и читаемъ, напр., векше вм. вяще; сравн. польск. większy), соотвѣтствующую точь-въ-точь древне-индійскому банхûjас, сравнит. степени слова бахула—густой, толстый, большой. Корень словъ вякьшій, вящшій и банхûjас заключается въ древне-индійск. баху—обильный и, какъ нарѣчіе (очень, вполнѣ), въ древне-болгарск. памятникахъ бъхъ: вполнѣ, совершенно и др.

[12]) Ѳракійцы звали свою землю Аріей. Steph. Byz. *Θράκη: ἔστι δε ἡ Θράκη χώρα, ἣ Πέρκη ἐκαλεῖτο καὶ Ἀρία*). Что касается кельтовъ, то, по мнѣнію Пикте, имя Эринъ (Ирландія), иры и т. д. происходитъ отъ корня арja.

[13]) Остатки его представляются еще въ нарѣчіи штирійскихъ словенцевъ; именно въ краѣ около рѣкъ Песницы, Щавницы и Дравы, въ юго-восточномъ углу Штиріи, словенцы употребляютъ выраженія: «на мой ванъ, на твой ванъ, на ванъ Божьи», въ смыслѣ: ради меня или любя меня, ради тебя, «на волю Божью». (Novice 1859 г., № 14). Къ этому же корню относятся слова, сохранившіяся въ памятникахъ древне-болгарскихъ: оунити, оунѫ—предпочитать; оуній, оуньши—лучшій (собств. предпочтительный), оуне—предпочтительно, оуньшина—лучшее.

[14]) Jord. 29. cuius (urbis Ravennæ) dudum, ut tradunt maiores, possessores Venetii (по другому чтенію Enetii), id est laudabiles, dicebantur. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто Venetii ставится греческое слово *Αἰνετοί;* но это произвольная поправка, неуклюжесть которой очевидна.

[15]) То же преданіе перешло къ Павлу Діакону (Hist. Langob. II, 14) и въ древнюю венеціанскую лѣтопись, извѣстную подъ названіемъ Chronicon Altinate (Archivio sto-

rico italiano, appendice, V, 103): «Tote iste quas supra diximus civitates.... edificaverunt ipsi Troiani, qui cum Enea illorum princeps, quos antea gentiles fuerunt, venientes de illa antiqua magna Troia. Que modo, ab Enea nomine, Andreati (читай: Adreati) Enetici nuncupantur. Enetici namque laudabiles dicuntur».

[16]) Въ этомъ отношеніи сохранилось оно и у славянъ: чешское *дясъ* или *дяселъ*—злой духъ, чортъ (въ Mater. Verb. *das*: genius; въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ *дъсъ*—чудовищный змѣй, левіаѳанъ), откуда *дъсити*—устрашать, ужасать и т. д. Замѣтимъ, что по формѣ своей чешское *дясъ* соотвѣтствуетъ древне-индѣйскому *дасју*, съ переходомъ смягченія въ первый слогъ, а форма *дяселъ* (родит. дясла) представляетъ тоже слово *дасју* въ расширенномъ видѣ, *дасјава*, при чемъ конечное *в* перешло въ *л*, какъ весьма часто бываетъ у славянъ.

[17]) Бродячими звѣроловами описываютъ финскія племена всѣ древнѣйшія свидѣтельства, см. въ особенности Тацита, Germ. 46.

[18]) Въ языкѣ древне-индійскомъ, подлѣ глагола чуд, погонять и т. п., стоитъ совершенно одиноко слово чôдјам, изумленіе, удивленіе. Если это слово дѣйствительный обломокъ старины, а не какое-нибудь позднѣйшее книжное порожденіе, то можно бы подумать, что названіе чуди, какъ синонима туровъ или дасовъ, существовало уже въ азіятской родинѣ арійцевъ и тамъ соединилось съ понятіемъ о сверхъестественной силѣ, и что славяне перенесли это, уже готовое, названіе на европейскихъ своихъ сосѣдей финскаго поколѣнія.

[19]) Таково было первое, матеріальное значеніе слова чудо, какъ показываетъ баснословное чудо-юдо, то есть, слово въ слово, «чудовище, водяное животное»: юдо соотвѣтствуетъ древне-индійскому jâдас (средн. рода: родит. jâдасас) водяное животное.

[20]) Не слѣдуетъ причислять сюда слова *чужой* и другихъ, принадлежащихъ къ одному съ ними корню. Корень слова чудо и нераздѣльнаго съ нимъ названія чудь есть куд, какъ показываетъ русское кудесникъ и присутствіе звука ч какъ въ древне-индійскомъ глаголѣ чуд, такъ и въ формахъ древне-болгарской (чудо, чудитися, удивляться), сербской (чудо, чудитисе), и словацкой (чудъ, чудоватиса). Между тѣмъ, корень слова чужой — *тюд*, и ч тутъ свойственно только русской рѣчи, а въ древне-болгарскихъ памятникахъ это слово звучитъ штуждь, щуждь (форма чуждь есть позднѣйшій руссизмъ), по-сербски — тудь, по-словацки цузî, по-чешски цизî (древнѣе цюзî, цузî). Поляки правильно по законамъ своего нарѣчія, образовавъ форму цудзы (чужой) изъ корня *тюд*, смѣшали съ нимъ и слово чудо, изъ котораго сдѣлали цудъ; но это исключительная и случайная неправильность. Къ тому же корню *тюд*, отъ котораго происходитъ слово *чужой*, относится и встрѣчаемое въ древне-болгарскихъ памятникахъ выраженіе *штудъ*, *щудъ* въ смыслѣ исполинъ (*γίγας*); хотя иногда встрѣчается и форма *чудъ*, но это опять-таки позднѣйшій руссизмъ, и имя это не должно быть смѣшиваемо съ словами *чудо* и *чудь*; о происхожденіи его мы скажемъ впослѣдствіи.

[21]) Читай: Ванты.

[22]) Servius in Aen. I, 242: Antenor — urbem Patavium condidit, id enim responsi acceperat eo loco condere urbem, quo sagittis avem petisset, ideo ex avis petitae auspicio Patavium nominatum. Idem in Aen. I, 247: Patavium autem dictum vel a Padi vicinitate, quasi Padavium (это этимологія, придуманная, какъ видно, самимъ комментаторомъ, и нелѣпая тѣмъ болѣе, что р. Падъ течетъ совсѣмъ не близко отъ Патавія); vel'*ἀπὸ τοῦ πέτα σθαι*, quasi Petavium, quod captato augurio dicitur condita; vel quod avem telo petiisse dicitur et eo loco condidisse civitatem. Комментаторъ Виргилія, приводя сказанія о происхожденіи имени Патавія отъ птицы, старается подвести ихъ подъ какую-нибудь этимологію изъ греческаго или латинскаго языка и изобрѣтаетъ названіе Petavium вмѣсто Patavium, чтобы оно подходило подъ слово *πέτασθαι*

(летать) или petere (цѣлить), но очевидно, что это искусственный оборотъ, данный народной легендѣ.

[23]) См. словарь Востокова подъ словомъ пѣта. Что была и соотвѣтствующая форма въ мужескомъ родѣ, цатъ или пѣтъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, производное пѣтишть, т. е. птенецъ: пѣтишти орьли, птенцы орлиные, въ Сборникѣ 1073 года.

[24]) Въ языкѣ древне-индійскомъ пат, патâми, греч. *πέταμαι*.

[25]) Во всѣхъ другихъ языкахъ мы находимъ производныя болѣе сложныя, напр. древне-индійск. патага-с или патанга-с и паттрин, древне-бактр. (зендск.) перенин (вмѣсто патренин), греч. *πετεινός*, латышск. путнс.

[26]) Другой «птичій» городъ, Петовій (Petovium, Pœtovium, Petovio), находится въ Паннониі, на границѣ Норика, въ странѣ тоже издревле населенной славянами, какъ мы ниже увидимъ. Это нынѣшній Pettau въ Штиріи. Тамошніе словенцы называютъ этотъ городъ Птуй, сосѣдніе хорваты Оптуй (вмѣсто Пътуй), сокративъ окончаніе овій точно также, какъ вмѣсто воловій мы читаемъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ волуй.

[27]) Catull. Carm. 31. Peninsularum, Sirmio, insularumque
Ocelle.....
Salve, o venusta Sirmio, et hero gaude и т. д.

Другія свидѣтельства см. у Филіаси, Memorie storiche de'Veneti primi e secondi, 2-е изд. I, 165 и слѣд.

[28]) См. выше, прим. 5.

[29]) Извѣстно, что славяне переставляли гласную, раздѣлявшую *р* отъ предъидущей согласной въ началѣ словъ, и что перестановка эта происходила въ эпоху, относительно, довольно позднюю, такъ что ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно прослѣдить по письменнымъ памятникамъ.

[30]) Не удивительно, что собственное имя Срѣмъ сохранило чистую форму безъ вставочнаго *т*, вкравшагося во всѣ принадлежащія къ этому корню слова. Имена собственныя медленнѣе подвергаются звуковымъ измѣненіямъ, чѣмъ нарицательныя. Мы говоримъ теперь *перенять* вмѣсто *переять*, но городъ продолжаемъ называть *Переславомъ*.

[31]) Въ языкѣ древне-индійскомъ мы находимъ первоначальный, обще-арійскій корень сар въ смыслѣ двигаться, итти, течь и т. под., и производное отъ него отвлеченное слово сарма—ходъ, движеніе. Это-то второобразное слово обращено, уже исключительно въ языкѣ славянскомъ, въ новый корень, который нами здѣсь указанъ.

[32]) Аквилея была римская колонія, основанная въ 183 г. до Р. Хр. на восточномъ краю венетской земли и сдѣлавшаяся впослѣдствіи самымъ значительнымъ и многолюднымъ городомъ на Адріатическомъ поморьѣ. Нынѣ это Оглей (по-славянски) или Агларъ, мѣстечко на западъ отъ Тріеста.

[33]) Таковъ былъ обычай римскій, что прахъ вольноотпущенныхъ клали въ одну гробницу съ ихъ прежнимъ господиномъ или госпожею.

[34]) Около 1000 рублей на наши деньги.

[35]) Вотъ полный текстъ этой замѣчательной аквилейской надписи:

CERVONIA. TICHE.
V. F. SIBI. ET. LIB. LIBQ. POSTQ. EOR
SI. QVIS. HANC. ARCAM. SIVE. HOC
MONVMENT. VENDERE. AVT. EMERE
AVT. EXACISCLARE. VOLET
TVM. POENAE. NOMINE. H. S. XX
REIP. AQVIL. DARE. DEBEBIT

[36]) Такъ и слово число въ этомъ нарѣчіи значитъ не только *число*, какъ у насъ,

но и *уваженіе:* корень *чит* — чтить, почитать и считать. Какъ примѣръ употребленія глагола *числати* въ словенскомъ нарѣчіи, приведемъ заглавіе статейки, напечатанной въ Люблянскихъ «Новицахъ» 1858 года № 9: «kako Slovenci kruh čislajo», т. е. «какъ словенцы чтутъ хлѣбъ».

[37]) Текстъ надписи слѣдующій:

ATILIAE. ONESIMENI
CVM. QVA. VIXI. ANNIS. XV
CONIVGI. CARISSIMAE
C. IVLIVS. EPICTETVS. QVI
ET. FATO. VIVVS POSVIT. ET. SIBI
SI. QVIS. POST. DVA (sic). CORPORA
POSITA. HANC. ARCAM. APERVERIT
AVT. EXACISCLAVERIT. ET. ALIVT
CORPVS. POSVERIT. IN. F. L. EL. CO. NS. MN.

Въ концѣ послѣдней строки, по замѣчанію издателя, буквы стерты и неправильно прочтены; по его предположенію, было написано: «inferet poenae nomine», и затѣмъ слѣдовало обозначеніе самой суммы пени, которое не уцѣлѣло. Издатель этотъ, напечатавшій въ первый разъ какъ эту надпись, такъ и другую, которая приведена выше, былъ монсиньоръ Филиппъ дель-Торре (въ Monumenta veteris Antii etc. Romæ, 1700, стр. 356). Въ то время, а также когда писалъ каноникъ Бертоли (Le antichità di Aquileja profane e sacre. Venezia, 1739), памятникъ Червоніи Тихи стоялъ на площади построеннаго на развалинахъ древней Аквилеи мѣстечка, а камень съ надписью Эпиктета служилъ покрышкою гробницы какихъ-то монахинь въ церкви монастыря близъ Аквилеи. Куда дѣвался впослѣдствіи первый памятникъ, неизвѣстно; второго намъ также не удалось отыскать. Надпись Червоніи Тихи воспроизведена во многихъ изданіяхъ: у Муратори (MXXVIII, 2), Катанчича (Istri adcolarum Geogr. vetus I, 199), Зандонати (Guida storica dell'antica Aquileja, стр. 203). Слово *exacisclare* останавливало ученыхъ издателей, Филиппа дель-Торре и Муратори; они производили этотъ «варварскій» глаголъ (barbaricum verbum: Муратори) отъ латинскаго *ascia* (топоръ, а также каменщичья лопатка), уменьшительное отъ котораго *asciola*, будто бы, по глоссамъ Изидора, произносилось также *acisculum* или *acisclum*, откуда *aciscularius* каменщикъ. То же объясненіе повторяетъ, но также бездоказательно, Фабретти въ своемъ новѣйшемъ Glossarium Italicum, стр. 35 и 373. Переходъ *asciola* въ *acisculum* кажется слишкомъ неестественнымъ и самое существованіе подобной формы весьма сомнительно; во всякомъ же случаѣ отъ слова, обозначающаго каменщичью лопату, не могъ бы произойти глаголъ, смыслъ котораго соотвѣтствовалъ бы выраженію *exacisclare* въ двухъ приведенныхъ надписяхъ.

[38]) Constant. Porphyrog. de themat. 7. Подробности объ этомъ укрѣпленномъ островѣ (Gradense castrum; Gradus, — altis moenibus decorata и т. п.) читатель найдетъ у Филіаси (Memorie de'Veneti т. III гл. II) и у Романина (Storia documentata di Venezia I, 33 и слѣд.); тамъ же помѣщены и выписки изъ источниковъ.

[39]) Напримѣръ Aponus, такъ назывался источникъ горячей минеральной воды близъ Падуи (нынѣ Abano); древніе писатели называютъ его дымнымъ (Aponus fumifer. Lucan. VII, 139), клокочущимъ и извергающимъ густые пары (Cassiodor. Var. Ep. II, 39..... salutiferi Aponi..... caeruleum fontem vidimus concavis hiatibus aestuantem, et fornaces anhelantium aquarum, quae calidae nebulosos vapores exhalant и проч.). Въ этомъ смыслѣ, названіе Aponus есть ничто иное, какъ славянское слово апно, употребляемое нынѣ, опять-таки у словенцевъ (корутанъ), въ значеніи *известь* (сербск. япно или вапно, польск. вапно, древне-болг. вапьно и т. д.). Имена рѣкъ: Plavis (нынѣшняя Piave: замѣтимъ при этомъ названіе одной мѣстности у р. Плавы—Duplavilis: складъ этой формы, съ предлогомъ *до* въ началѣ и оконча-

ніемъ на ѡ, совершенной славянскій); Timavus — сравн. древне-болг. тимѣно и тимѣние—грязь, болото. Тимавомъ называлась цѣлая болотистая мѣстность, съ озеромъ, родниками и рѣкою, такъ что объясненіе этого имени изъ корня тимъ—древн.-инд. тим, быть мокрымъ, тѣманам, сырость, откуда Тимъ, мѣстное названіе въ Россіи, тимѣно и т. д., кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Но венетскій Тимавъ славился также двумя священными рощами, и потому можно бы связать его и съ словомъ тьмавъ, темный, употребительнымъ у хорутанъ, чеховъ и др.—Города: Belunum, сравн.: Велунь, Волынь, весьма древнее и распространенное названіе городовъ славянскихъ; Tergeste,—т. е. Тръгиште, Торжище; Osopus (имя города или селенія лежавшаго на скалистой горѣ, см. Филіаси I, 404): названіе происходитъ очевидно отъ глагола осыпать; Ravenna, — Равьна; Ateste, — сравн. корень от — отецъ; Coelina,—сравн., хорутанск. цѣлина, terra non avata; въ одной Кроаціи насчитываютъ пять мѣстностей съ названіемъ Цѣлине.—Одна изъ устроенныхъ римлянами, для перемѣны лошадей, станцій близъ Аквилеи носитъ названіе viam Belojo (Itiner. Anton.): не слышится ли въ этомъ словѣ, особенно въ окончаніи его *oio*, славянская форма прилагательнаго, хотя трудно рѣшить, какъ слѣдуетъ возстановить эту форму: бѣлою, или, согласуя съ винительнымъ падежомъ женскаго рода латинскаго *viam*, читать бѣлыю, съ опущеннымъ носовымъ звукомъ? Къ этимъ примѣрамъ, которыхъ можно бы набрать и больше, слѣдуетъ прибавить въ особенности Patavium, Sirmio и Gradus, упомянутые выше. Вообще нельзя не замѣтить, что число именъ городовъ и селеній, отзывающихся славянскимъ происхожденіемъ, сравнительно гораздо значительнѣе въ венетскомъ краѣ, чѣмъ число такихъ же именъ рѣкъ, ручьевъ и протоковъ. Это совершенно понятно, такъ какъ венеты были здѣсь завоевателями, занявшими мѣсто прежнихъ жителей; а извѣстно, что за рѣками обыкновенно остаются названія, данныя имъ первоначальными обитателями страны, тогда какъ города или селенія, возникающія вновь, получаютъ имена отъ новыхъ поселенцевъ, а и тѣ, которыя существовали прежде, нерѣдко ими переименовываются. Тоже явленіе представляютъ намъ мѣстныя имена въ земляхъ задунайскихъ, которыми славяне овладѣли въ VI и VII столѣтіяхъ, также какъ и въ средней и сѣверной Россіи, гдѣ славянское населеніе вытѣснило финское.

Возвращаясь къ венетскимъ именамъ, приведемъ еще нѣсколько собственныхъ именъ лицъ: Miline (женщина: падуанская надпись, Katancsich, I, 179); Priata (тоже; тамъ же 191); Visena (женское имя, четыре раза повторяющееся въ одномъ семействѣ; аквилейская надпись, тамъ же 221); Hebdanus (мальчикъ; падуанская надпись, тамъ же 191); Licovius и Ipaius Venzoi filius (на аквилейской надписи, тамъ же 203) и мн. друг. — Замѣтимъ наконецъ, что до насъ дошло одно древневенетское названіе растенія; именно Плиній пишетъ: «Halus autem, quod Galli sil vocant: Veneti cotoneam (по другому чтенію cotonia или cotoniam), medetur lateri, item renibus convolsisque et ruptis; similis est cunilae bubulae, cacuminibus thymo, dulcis et sitim sedans, radicis alibi albae, alibi nigrae (Hist. Nat. XXVI, 7)». Но это слово не прибавляетъ ничего опредѣленнаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о древнихъ венетахъ, потому что не вполнѣ извѣстно, о какомъ растеніи тутъ идетъ рѣчь. «Всего вѣроятнѣе (извлекаемъ изъ замѣтки, обязательно доставленной намъ барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ), что cotonia есть губоцвѣтное растеніе (labiata), а именно Satureja pygmea (corniela по итальянски); но это растеніе не имѣетъ у славянъ особеннаго народнаго названія; всего ближе подходитъ къ нему Satureja hortensis, называемая въ южной Россіи чаберъ. Есть одно губоцвѣтное растеніе, Nepeta cataria, котораго народное русское названіе—котовникъ—казалось бы родственнымъ венетской cotonea; но его отличительные признаки не совсѣмъ сходятся съ растеніемъ, которое описываетъ Плиній». Другое венетское слово есть *veba*, какъ названіе коровы: Columella de re rust. IV, 24. Melius etiam in hos usus (т. е. для вскормленія телятъ). Altinae vaccae

parantur, quas eius regionis incolae *Geuas* (другое, какъ намъ кажется, менѣе правильное чтеніе Cevas) appelant. Eae sunt humilis staturae, lactis abundantes etc. Это слово впрочемъ не можетъ служить признакомъ для опредѣленія народности венетовъ, ибо оно, очевидно, есть ничто иное, какъ общее арійское названіе для рогатаго скота, *gav* или *go*, къ которому принадлежитъ и славянская уменьшительная форма гов-ядо и т. д.— Не изъ венетскаго ли языка заимствовано названіе тимавской рыбы laneus, которое приводитъ Марціалъ и надъ которымъ ломали себѣ голову коментаторы (XIII, 89)?

Laneus Euganei lupus excipit ora Timavi—aequoreo dulces cum sale pastus aquas. Изъ этихъ словъ видно, что laneus была рыба хищная, входившая изъ морской воды въ рѣчную. Не знаемъ, соотвѣтствуетъ ли она рыбѣ линь, какъ называется у русскихъ и хорватовъ Cyprinus tinca.

По указанію Филіаси (III, 404), венеціанцы въ старину устроивали мельницы на особыхъ баркахъ, которыя могли передвигаться по каналамъ и ставиться тамъ, гдѣ теченіе было довольно сильно, чтобы приводить въ дѣйствіе мельничное колесо. Эти барки имѣли особое названіе—sandoni. Не есть ли это—славянское слово сждъно, наше судно, въ которомъ *у* замѣняетъ первоначальный носовой звукъ *ан?*

Другое чисто-славянское слово мы находимъ въ названіи barene, которымъ, по свидѣтельству того же Филіаси (II, 232), означаются болота съ соляной водою, примыкающія къ лагунѣ у окрестностей древняго Альтинума. До сихъ поръ въ нарѣчіи словенцевъ бара и барина значитъ болото; у чеховъ бářина употребляется въ томъ же смыслѣ; у сербовъ мы находимъ бара въ значеніи лужа, а также (въ Хорватіи) лугъ, такъ что слово это, очевидно, коренное славянское.

Въ немногихъ названіяхъ, сохраненныхъ древними изъ края венетовъ, можно замѣтить по крайней мѣрѣ одно отличительное свойство славянской рѣчи, а именно склонность приставлять звукъ *в* къ словамъ, начинающимся съ гласныхъ: Плиній пишетъ: (ostium) Volane, quod ante Olane vocabatur; онъ же говоритъ: «portus qui Vatreni dicitur и Vatrenus amnis», но тамъ же продолжаетъ «Atrianorum paludes.... nobili portu oppidi Tuscorum Atriae a quo Atriaticum mare ante appellabatur, quod nunc Hadriaticum».

[40]) Уже Шафарикъ предполагалъ славянство италійскихъ венетовъ (Слав. Древн. перев. Бодянск. I, 2, 138 — 140), хотя, къ сожалѣнію, не отвелъ имъ того мѣста въ древней исторіи славянъ, какого они заслуживаютъ. Большая же часть историковъ, и особенно нѣмецкіе, не давая себѣ труда вникнуть въ вопросъ, повторяютъ до сихъ поръ другъ за другомъ фразу, что «венеты были племя иллирійское». Это основываютъ на одномъ словѣ Геродота, который, называя венетовъ, замѣчаетъ, что они «изъ иллирійцевъ» (Ἰλλυριῶν Ἐνετούς. I, 196). Но нельзя винить Геродота въ этомъ ошибочномъ опредѣленіи, потому что онъ самъ же объясняетъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ за ѳракійцами, что земля за Дунаемъ казалась ему «пустынною и безконечною», и что онъ успѣлъ получить свѣдѣнія объ одномъ только народѣ тамъ обитавшемъ, называвшемся сиггиннами и простиравшемся до венетовъ на Адріатикѣ (V. 9). Въ такомъ же мракѣ находились, для Геродота, сами иллирійцы, о которыхъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ, не дѣлая имъ никакой характеристики, тогда какъ всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ о народѣ ему сколько нибудь извѣстномъ, Геродотъ на немъ останавливается и старается изобразить его подробно. Удивительно ли, что при совершенномъ отсутствіи свѣдѣній и объ иллирійцахъ и обо всѣхъ вообще странахъ и народахъ, которые находились къ сѣверозападу отъ Греціи, онъ могъ причислить венетовъ къ иллирійцамъ, которые были ихъ сосѣдями? Но на этомъ одномъ выраженіи Геродота тѣмъ менѣе слѣдовало опираться, что никто другой изъ писателей древности его не подтверждаетъ и даже не повторяетъ.

[41]) Письмо папы св. Григорія I, іюля 600 г. «de Sclavorum gente conturbor, quia per Histriae aditum jam ad Italiam intrare coeperunt» (Erben, Reg. Boh. 1).

[42]) Именно, въ долинѣ Резіи, въ Венеціанской области нынѣшняго Итальянскаго королевства и долинѣ Сочи (Isonzo) въ Горицкомъ краѣ, пограничномъ съ этою областью.

[43]) Полибій (умершій въ 122 году до Р. Хр.), разсказывая о завоеваніи галлами принадлежавшихъ этрускамъ земель въ сѣверной Италіи, замѣчаетъ, что край, прилегающій къ Адріатическому морю, занимало другое племя, весьма древнее, называемое венетами; обычаями и образомъ жизни они не много отличаются отъ кельтовъ, но употребляютъ другой языкъ: II, 17.

[44]) Иліада, II, 852:

Παφλαγόνων δ' ἦγεῖτο Πυλαιμένεος λάσιον κῆρ
ἐξ Ἐνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων,
οἳ ρα Κύτωρον ἔχον καὶ Σήσαμον ἀμφενέμοντο,
ἀμφί τε Παρθένιον Ποταμὸν κλυτὰ δώματ' ἔναιον,
Κρωμνάν τ' Αἰγίαλόν τε καὶ ὑψηλοὺς, Ἐρυθίνους.

Гомеръ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ, что этотъ Пилеменъ былъ убитъ подъ Троей Менелаемъ, и что тотъ же Менелай, въ другомъ сраженіи, убилъ и сына его Гарпаліона. (Ил. V, 576. XIII, 643).

[45]) Страбонъ XII, 3, § 8: *διὰ χωρίων ἀνθηρῶν φερόμενος.*

[46]) Развалины эти называются Каруджачиле-бурунъ и принимаются учеными изслѣдователями за остатки г. Кромны.

[47]) Болѣе 100 стадій, по опредѣленію Страбона, XII, 3, § 10. Относительно бывшей тутъ деревни Страбонъ замѣчаетъ, что вмѣсто «Эгіалъ» иные читали у Гомера «Кобіалъ» (или «Кробіалъ»). См. Eustath. ad. Il. II v. 855.

[48]) Гдѣ нынѣ Чакрасъ-кой. По другимъ извѣстіямъ, Эритины былъ городъ въ Пафлагоніи: Eustath. ad. Il. II v. 855: *Ἐρυθῖνοι δὲ, πόλις Παφλαγονίας καὶ αὐτὴ, παρὰ τὸ ἔρευθος, ὡς λέγει ὁ γράψας τὰ ἐθνικὰ, ὁ δὲ γεωγράφος* (т. е. Страбонъ) *φησὶν ὅτι δύο εἰσὶ σκόπελοι οἱ νῦν Ἐρυθῖνοι. λέγεται δὲ οὕτως ἀπὸ τῆς χρόας.*

[49]) См. Страбона XII, 3. § 5. Западный, лѣвый берегъ Партенія Каллистенъ считалъ принадлежавшимъ другому племени, а именно кавконамъ, и хотѣлъ въ этомъ смыслѣ исправить чтеніе вышеприведеннаго мѣста Иліады. Свидѣтельство Каллистена объ энетахъ на р. Партеніи особенно важно, потому что онъ, какъ участникъ походовъ Александра Великаго, который проходилъ черезъ эту страну, могъ имѣть о ней самыя точныя свѣдѣнія.

[50]) Квинтъ Курцій (III, 1): Jamque ad urbem Ancyram (нын. Ангора) ventum erat, ubi numero copiarum inito, Paphlagoniam intrat; huic iuncti erant Eneti, unde quidam Venetos trahere originem credunt.

[51]) Страбонъ XII. 3. § 5. *οὐ γάρ δείκνυσθαί φασι νῦν Ἐνετούς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ.* Хотя Корнелій Непотъ (современникъ императора Августа) называлъ энетами жителей г. Кромны (Plin. VI, 2), однако показаніе Страбона, что энетовъ въ его время уже не было въ Пафлагоніи, заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія, такъ какъ самъ онъ былъ уроженецъ сосѣдняго города Амасіи. Корнелій Непотъ, повидимому, основывался не на современныхъ данныхъ, а на словахъ Иліады.

[52]) Страбонъ XII, 3, § 25. При этомъ Страбонъ замѣчаетъ (тамъ же и § 8), что ученый Зенодотъ (умершій въ 245 г. до Р. Х.) въ приведенномъ мѣстѣ Гомера вмѣсто *ἐξ Ἐνετῶν* (изъ Энетовъ) предлагалъ чтеніе: *ἐξ Ἐνετῆς* (изъ Энеты) и относилъ эти слова къ городу Амису. См. объ этомъ также комментаріи Евстаѳія къ Иліадѣ, *β*. 852.

[53]) Въ этой мѣстности былъ и Генетейскій мысъ: Страб. XII, 3 § 17. *ἄκρα Ἰασόνιον καὶ ὁ Γενήτης* (нынѣ Вона-бурунъ). О немъ упоминается два раза и въ Аргонавтикахъ Аполлонія: *Ἄγχι δὲ ναιετάουσι πολύρρηνες Τιβαρηνοὶ—Ζηνὸς Εὐξείνοιο Γενηταίην ὑπὲρ ἄκρην* (II 378); и *Γενηταίου Διὸς ἄκρην γνάμψαντες* (II, 1009—1010).

[54]) Plin. VI, 4: (oppida) Amazonium, Themiscyra, Sotira, Amasia, Comana, nunc

Matium. Gentes Genetarum, Chalybum, oppidum Cotyorum, gentes Tibareni etc. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что по мнѣнію Меандрія, приводимому Страбономъ, тамошніе энеты съ теченіемъ времени слились съ каппадоками. По этому можно заключить, что Плиній, писавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Страбона, заимствовалъ свѣдѣніе о генетахъ въ этой странѣ изъ какого-нибудь стараго источника, въ дѣйствительности же они не составляли особаго народа въ его время.

[55]) Pomponius Mela I, 2. Medi, Armenii, Commageni, Murrani, Veneti, Cappadoces, Gallograeci и проч. Судя по порядку этого исчисленія, венетовъ нужно помѣстить на верховьяхъ Галиса (Кизиль-Ирмака), гдѣ былъ небольшой край Муріана и область Каппадокія.

[56]) Геродотъ, IV, 12.

[57]) Геродотъ увѣряетъ, что киммеріи шли въ Малую Азію берегомъ Чернаго моря, тогда какъ скиѳы, въ своихъ вторженіяхъ изъ черноморскихъ степей въ западную Азію, держались средиземнаго пути, «имѣя Кавказскія горы на правой рукѣ». Нѣкоторые ученые оспариваютъ первое изъ этихъ показаній, по причинѣ естественныхъ преградъ на пути по черноморскому берегу, и полагаютъ, что киммеріи тоже должны были проходить такъ-называемыми Кавказскими воротами (см. Herodotus, by Rawlinson, I, 370. III, 11). Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія.

[58]) Киммеріи нѣсколько разъ вторгались въ Малую Азію. Если, какъ это весьма вѣроятно и какъ утверждаетъ Геродотъ, эти вторженія были въ связи съ переходомъ скиѳовъ въ Европу, то они начались еще прежде времени Гомера. Это признавали и древніе. Страбонъ прямо говоритъ, что первыя вторженія киммеріевъ въ Малую Азію случились около времени Гомера или нѣсколько прежде (I, 2, § 9. III 2, § 12), а Евсевій полагаетъ первое нашествіе киммеріевъ въ Малую Азію за 300 лѣтъ до 1-ой олимпіады, что составляетъ 1076-й годъ до Р. Хр.

[59]) Страбонъ XII, 3 § 8: *ἄλλοι δὲ (Ἐνετούς φασι) φῦλόν τι τοῖς Καππάδοξιν ὅμορον στρατεῦσαι μετὰ Κιμμερίων, εἶτ' ἐκπεσεῖν εἰς τὸν Ἀδρίαν.*

[60]) Исторія Арменіи, Моисея Хоренскаго, переводъ Эмина, стр. 81: «Отпустивъ такимъ образомъ людей западныхъ странъ, (царь армянскій) Вахаршакъ (149 — 127 до Р. Хр.) спускается на пастбищныя мѣста близъ владѣній Шарая, называемыя древними Верхнимъ или Безлѣснымъ Басіаномъ; мѣста, которыя *впослѣдствіи* были заселены переселенцами Вѣхѣндуръ (?) Булгара Вѣнда, и по имени его (?) названы Ванандомъ. Селенія этихъ переселенцевъ *до сихъ поръ* называются именами братьевъ и потомковъ его (Венда).» Г. Ланглуа (Collection des historiens de l'Arménie, I 45), который также признаетъ упоминаемыхъ армянскимъ историкомъ переселенцевъ за вендовъ или антовъ, т. е. славянъ, переводитъ это замѣчательное мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Ayant ainsi congédié les hommes de l'occident, (le roi Valarsace) descend dans les prairies verdoyantes, près des domaines de Schara, que les anciens appelaient Paséne supérieure ou déboisée. Plus tard, et par suite de l'établissement dans ces lieux de la colonie de Veghentour Boulgar de Vount (Ventour Poulgar de Vent, selon quelques mss.), le pays fut appelé de son nom Vanant; et les villages sont appelés jusqu'à présent du nom de ses frères et de ses descendants».—Все это мѣсто заключается въ той (древнѣйшей) части исторіи Арменіи, которую Моисей Хоренскій, по его собственному показанію, заимствовалъ изъ сочиненія сирійца Маръ-Апасъ-Катина, получившаго отъ упоминаемаго здѣсь царя Вахаршака порученіе изложить происхожденіе и судьбы Армянскаго народа. Книга этого сирійскаго писателя относится ко второй половинѣ II-го вѣка *до Р. Хр.* (она кончается царствованіемъ Аршака I, преемника Вахаршакова, 127 — 114 до Р. Хр.). Такимъ образомъ, если бы извѣстіе о переходѣ колоніи вендовъ въ Араратскую область принадлежало самому Маръ-Апасъ-Катинѣ, то событіе это относилось бы ко II-му в. до нашего лѣтосчисленія и могло бы быть

въ связи съ образованіемъ тѣхъ поселеній венетовъ или генетовъ въ Каппадокіи, о которыхъ упоминаютъ Страбонъ, Помпоній, Мела и Плиній. Но при чтеніи армянскаго историка нельзя, кажется, не прійти къ убѣжденію, что въ оригиналѣ Маръ-Апасъ-Катины говорилось просто о прибытіи царя Вахаршака въ Басіану, слова же, что впослѣдствіи этотъ край занятъ былъ переселенцами Булгара-Венда и т. д., прибавлены Моисеемъ Хоренскимъ, ибо все это мѣсто имѣетъ вполнѣ характеръ пояснительнаго примѣчанія, вставленнаго въ текстъ.

[61]) Страб. XII, 3 § 8: *ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγει τοὺς Ἐνετοὺς ὁ ποιητής.... οὐ γὰρ δείκνυσθαί φασι νῦν Ἐνετοὺς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ; οἱ δὲ κώμην ἐν τῷ Αἰγιαλῷ φασι δεκὰ σχοίνους ἀπὸ Ἀμάστρεως διέχουσαν* и проч. Изъ послѣднихъ словъ можно, кажется, заключить, что въ этой послѣдней деревнѣ (см. выше, примѣч. 47) всего долѣе удерживалась память объ энетахъ.

[62]) Можно бы указать, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили эти энеты или венеты, нѣсколько именъ, напоминающихъ славянскіе звуки, какъ напр. гомеровскую *Кромну*, *Загору* (*Ζάγωρον*, *Ζάγω ρα*) въ Пафлагоніи (нынѣ гора Загра на югъ отъ Кидроса), *Блазна*, названіе плодородной мѣстности въ Пафлагоніи у подошвы горы Омассиса, Страб. XII, 3. § 40, (сравн. слав. корен. *блана*, *блъна*, равнина) и т. д., но нельзя рѣшить, не принадлежали ли эти слова и какому-либо изъ туземныхъ арійскихъ нарѣчій. Также слишкомъ опасно бы было относить къ славянскому корню тѣ имена, которыя Страбонъ (тамъ же, § 25) приводитъ въ подтвержденіе показанія Меандрія о каппадокійскихъ энетахъ (см. выше, примѣч. 53). «Съ этимъ обстоятельствомъ (т. е., что энеты нѣкогда жили въ Каппадокіи), говоритъ онъ, согласуется по видимому то, что вся Каппадокія близъ Галиса (нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ), сопредѣльная съ Пафлагоніей, употребляетъ оба языка и полна пафлагонскихъ именъ, какъ-то Багасъ и Біасасъ и Айніатесъ, и Ратотесъ и Зардокесъ и Тибіосъ, и Гасисъ и Олигасисъ и Манесъ». Здѣсь Страбонъ, очевидно, принималъ древнихъ жителей Пафлагоніи, энетовъ, за коренныхъ пафлагонцевъ и доказывалъ прежнее присутствіе энетовъ въ Каппадокіи тѣмъ, что тамъ, кромѣ каппадокійскаго языка (принадлежавшаго, кажется, къ семитическому корню), употреблялся и пафлагонскій. Дѣйствительно, имена, которыя онъ приводитъ, большею частію сходны съ именами, встрѣчающимися у разныхъ народовъ ѳракійскаго племени, въ составъ котораго входили, безъ сомнѣнія, и пафлагонцы; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ, быть можетъ, слышится и славянскій звукъ.

[63]) Онъ написалъ, кромѣ извѣстныхъ намъ его сочиненій о походахъ Александра Македонскаго и объ Индіи, книги о парѳянахъ (*Παρθικά*), объ аланахъ (*Αλανικά*), о Виѳиніи (*Βιθυνικά*). Самъ онъ былъ родомъ изъ Никомидіи и при императорѣ Адріанѣ правилъ Каппадокіею.

[64]) Евстаѳій въ примѣчаніяхъ къ Діонисію Періегету (стих. 378): *τὴν δὲ ῥηθεῖσαν Ἐνετίαν νῦν μὲν Βενετίαν φαμέν, καθότι καὶ Ἀρριανὸς φησὶν ὅτι Ἐνετοὶ πονήσαντες ἐν μάχῃ κατὰ Ἀσσυρίους καὶ ἀποπεράσαντες εἰς Εὐρώπην, ᾠκίσθησαν πρὸς Πάδῳ τῷ ποταμῷ, καὶ τῇ ἐπιχωρίῳ γλώττῃ Βενετοὶ ἐς τοῦτο ἔτι ἀντὶ Ἐνετῶν κληΐζονται.... Φασὶ δὲ αὐτοὺς ἐξ Ἐνετῶν τινων ἀνδρῶν Ασιανῶν κατάγεσθαι, οἳ πονήσαντες, ὡς ἐρρέθη ἔν τινι πολέμῳ, εἰς τὴν Εὐρώπην ἔφυγον. Ἄλλοι δὲ ἐκ τῶν κατὰ Παφλαγονίαν Ἐνετῶν αὐτοὺς τὴν τοῦ γένους ῥίζαν ἕλκειν φασὶ, φύλουά ξιολόγου πλανηθέντος μετὰ τὴν τῆς Τροίας ἅλωσιν* и проч.

[65]) Онъ объѣзжалъ берега Чернаго моря и отдавалъ о своемъ плаваніи отчетъ императору Адріану; онъ старался между прочимъ собирать, въ видахъ политическихъ, свѣдѣнія о Воспорскомъ царствѣ по случаю кончины тамошняго царя Котиса (въ 132 г.). Вотъ, кажется, прямой источникъ свѣдѣній Арріана о венетахъ и о сказаніяхъ, существовавшихъ на счетъ перехода ихъ изъ Азіи въ Европу.

[66]) 1270 годъ считается началомъ, 744 годъ концомъ великаго завоевательнаго

государства ассирійскаго: см. между прочимъ: Essay on the Chronology and history of the great Assyrian empire, въ приложеніяхъ къ I-му тому Раулинсонова изданія Геродота. Его же: The five great monarchies of the ancient eastern world.

[67]) Lucan. Pharsal. I.... Quoties Romam fortuna lacessit,
Hac iter est bellis.

Западные Альцы, какъ извѣстно, считались непроходимыми до вторженія галловъ.

[68]) Объ изобиліи лѣсовъ въ венетскомъ краѣ еще во времена римскаго владычества см. Filiasi, Memorie storiche de'Veneti primi e secondi, т. II, стр. 30 и слѣд. У Филіаси приведены всѣ свидѣтельства о разныхъ древесныхъ породахъ, упоминаемыхъ древними авторами въ этой странѣ.

[69]) Servius ad Aen. I, 242. Capto Ilio Menelaus memor se et Ulixen beneficio Antenoris servatos cum repetentes Helenam ab eo essent suscepti, ac pene a Paride aliisque iuvenibus interempti essent, parem gratiam reddens inviolatum dimisit, qui cum uxore Theano et filiis Helicaone et Polidamante ceterisque sociis in Illyricum pervenit et bello exceptus ab Euganeis et rege Veleso, victor urbem Patavium condidit; id enim responsi acceperat и проч., (см. выше примѣч. 21)—Liv. I, 1. Casibus variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui, seditione ex Paphlagonia pulsi, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Troiam amisso, quaerebant, venisse (constat) in intimum maris Hadriatici sinum; Euganeisque, qui inter mare Alpesque incolebant, pulsis, Henetos Troianosque eas temisse terras; et in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatur, pagoque inde Troiano nomen, est; gens universa Veneti appellati. Sil. Ital. VIII, 604—606: Tum Troiana manus, tellure antiquitus orti—Euganeâ profugique sacris Antenoris oris;—nec non cum Venetis Aquileia superfluit armis.

[70]) Въ этрусскихъ надписяхъ мы находимъ имя женское Velesa и родовое названіе Velsi, повторяющееся въ разныхъ формахъ: Velsi, Velsial, Velsis и т. д. (см. Fabretti 1918, 1919). Какой-то Velesus является и въ римской исторіи при царѣ Нумѣ (Plutarch. Numa 5).

[71]) См. особенно: Liv. V. 33. (Tuscorum coloniæ) trans Padum omnia loca, excepto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, usque ad Alpes tenuere. Alpinis quoque ea (т. е. отъ этрусковъ) gentibus haud dubie origo est, maxime Raetis; quos loca ipsa efferarunt, ne quid ex antiquo, praeter sonum linguæ, nec eum incorruptum, retinerent.—Plin. III. 19. Raetorum et Euganeorum Verona... Raetos Tuscorum prolem arbitrantur a Gallis pulsos duce Raeto. Verso deinde Italiam pectore Alpium Latini inris Euganeæ gentes, quarum oppida XXXIIII enumerat Cato. Ex iis Triumpilini, venalis cum agris suis populus, dein Camuni и т. д. Тамъ же слова альпійскаго трофея Августа. Gentes Alpinae devictæ Triumpilini Camuni и проч. Имена этихъ эвганейскихъ колѣнъ сохраняются до сихъ поръ въ альпійскихъ долинахъ: val di Trompia и val Camonica.

[72]) Eu—ganei: eu соотвѣтствуетъ древне-арійскому предлогу ава, позднѣе сокращенному славянами въ у; во второй части слова мы предполагаемъ арійскій корень ган, слав. гон—ударять, гнать.

[73]) Птол. III, 1. § 32. *Βεχουνῶν, οἵ εἰσιν ἀπὸ δύσεως Οὐενετίας. Οὐαννία Κάρρακα, Βρέτηνα, Ἀνῶνιον (ἢ Ἀναύνιον).* Эти мѣста нынѣ, какъ кажется, называются: Fane, Caravaggio, Brentonico и Borgo d'Egna,—первое недалеко отъ Вероны къ сѣверу, три послѣднія въ южной оконечности Тироля (Тріентскомъ краѣ). Сравн. о тождествѣ Птолемеевыхъ бехуновъ съ эвганеями, Forbiger, Handbuch der alten Geogr. III. 560.

[74]) Servius in Aen. I. 243. Antenor non Illyricum, non Liburniam, sed Venetiam tenuit. Ideo autem Virgilius dicit Illyricos sinus, quod inde venit quidam Henetus (по другимъ чтеніямъ: Enetus, Benetus) rex, qui Venetiam tenuit, a cuius nomine Henetiam dictam, posteri Venetiam nominaverunt. На этого же царя Венета указываетъ безъименный равеннскій космографъ, составлявшій въ IX в. свою книгу по раз-

нымъ, большею частію древнимъ источникамъ: Rav. Cosmogr. IV, 30. Item in regione Veneciarum est civitas ipsa Venecia appellata, sed veteri more Venecia nuncupata, eo quod ita a quodam rege nominata est, quæ valde convicinatur cum Altino atque Tarbision civitatibus, nec non Petavio urbe vetustissima.

[75]) Иліада, 3, 148—154.

[76]) Этотъ характеръ выдерживается и въ другихъ мѣстахъ Иліады, а также въ эпическихъ поэмахъ, которыя потомъ писались въ ея дополненіе. См. также Euripid. fragm. apud Athen. XV, p. 665:

Εἴ μοι τὸ Νεστόρειον εὔγλιοσσον μέλος,
Αντήνορος δὲ τοῦ Φρυγὸς δοίη θεός....

Здѣсь Антеноръ ставится на ряду не съ воинственными героями, а съ извѣстнымъ въ Иліадѣ краснорѣчивымъ, но уже не владѣющимъ оружіемъ, старцемъ Несторомъ.

[77]) Полибій (II, 17), не придававшій еще особеннаго историческаго значенія сказанію о троянскомъ происхожденіи италійскихъ венетовъ, замѣчаетъ просто, говоря объ этихъ венетахъ, что «про нихъ составители трагедій сочинили много какихъ-то басенъ и разсказываютъ много диковиннаго». Страбонъ (XIII, 1. § 53) указываетъ на Софокла, какъ на того писателя, который въ своей (до насъ не дошедшей) трагедіи «Взятіе Иліона» представилъ, что Антеноръ съ своими сыновьями сталъ во главѣ уцѣлѣвшихъ энетовъ и спасся съ ними во Ѳракію, откуда онъ затѣмъ привелъ ихъ въ «такъ-называемую Энетику на Адріатическомъ морѣ».

[78]) Сравни вышеприведенный презрительный отзывъ Полибія о «диковинахъ», разсказанныхъ сочинителями трагедій про венетовъ. Страбонъ (XII, 3, § 8) замѣчаетъ, что «по мнѣнію, наиболѣе распространенному, признается», что пафлагонскіе энеты, потерявъ своего вождя Пилемена подъ Троею, послѣ взятія этого города, перешли во Ѳракію и, скитаясь, прибыли, наконецъ, въ Италію: *«нѣкоторые же,* прибавляетъ онъ, *говорятъ, что и Антеноръ* съ своими сыновьями участвовалъ въ этомъ походѣ и поселился въ углу Адріатики». Самъ же Страбонъ (IV, 4. § 1) не считалъ вообще происхожденіе венетовъ изъ Малой Азіи вѣроятнымъ; а Діонъ Хрисостомъ (Iliac.) положительно отвергалъ, какъ нелѣпость, мнѣніе о приходѣ Антенора съ энетами изъ-подъ Трои въ Италію.

[79]) Какъ извѣстно, современные пуристы упрекали Ливія въ «патавинствѣ» (patavinitas), т. е. въ оборотахъ рѣчи, не чисто-римскихъ, въ которыхъ отзывалось его патавинское происхожденіе. Слѣдовало бы нашимъ ученымъ латинистамъ изучить слогъ Ливія: можно сказать навѣрно, что эти чуждые обороты, которые ставились ему въ упрекъ, носятъ на себѣ отпечатокъ славянскаго склада рѣчи, и ихъ могло бы почувствовать только славянское ухо.

[80]) Liv. I, 1. Судя по словамъ Плинія, Катонъ (умершій въ 149 г. до Р. Хр.) пустилъ въ ходъ между римлянами мнѣніе о троянскомъ происхожденіи венетовъ: Venetos Troiana stirpe ortos auctor est Cato (III, 19). Вслѣдъ за нимъ тоже утверждалъ Корнелій Непотъ (Plin. VI. 2). Cromna, quo loco Enetos adicit Nepos Cornelius, a quibus in Italia ortos cognomines eorum Venetos credere postulat. Затѣмъ сказанія объ Антенорѣ повторяютъ: Виргилій (Aen. I, 242 и слѣд.), Силій Италикъ (VIII, 604), Юстинъ (XX, 1), Эліанъ (Nat. Anim. XIV, 8), Аврелій Викторъ (I, 1) и др. Что, впрочемъ, и римляне не совсѣмъ забыли, что Антеноромъ былъ замѣненъ вождь, называвшійся Венетомъ, показываютъ приведенныя выше слова комментатора къ Виргилію, Сервія. Замѣтимъ еще, что въ подтвержденіе сказки о прибытіи родоначальника венетовъ изъ-подъ Трои, указывали на мѣстность венетскаго побережья, называвшуюся «Троянскою волостью»; говорили, будто имя это она получила оттого, что мѣсто, гдѣ Антеноръ ступилъ на берегъ, онъ назвалъ Троею (Ливій: in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatur, pagoque inde Troiano nomen est). Если, какъ нѣтъ повода въ томъ со-

мѣваться, была такая мѣстность на венетскомъ берегу, то имя это могло, конечно, считаться весьма убѣдительнымъ доказательствомъ троянскаго происхожденія венетовъ; между тѣмъ «трояне» есть самое обыкновенное въ славянскихъ земляхъ названіе: въ одномъ Царствѣ Польскомъ мы находимъ 3 мѣстности Трояновъ, 1 Трояново, 3 Трояны, 1 Трояновице, 1 Трояновэкъ; въ Чехіи тоже: Троя, Троянъ, Троянь, Трояновъ и т. д.

[81]) Dio Cass. LXII, 26 (*Θρασέας*) *ἐν Πατανίῳ τῇ πατρίδι τραγῳδίαν κατά τι πάτριον ἐν ἑορτῇ τινι τριακονταετηρίδι ὑποκρινάμενος*. Замѣчательно, что изъ христіанскихъ святыхъ Падуа усвоила себѣ Антонія, который считается покровителемъ этого города и пользуется тамъ необыкновеннымъ почитаніемъ. Въ день св. Антонія бываютъ въ Падуѣ, на главной площади, конскія скачки, начало которыхъ, по разсказамъ жителей, восходитъ до глубокой древности. Нѣтъ ли въ этомъ Антоніи какого-нибудь отголоска прежняго Антенора?

[82]) Въ древне-болгарскихъ памятникахъ словомъ *чета* переводятся: *φάλαγξ, τάγμα, τέξις, συμμορία, φρατρία* (см. словари Востокова и Миклошича); хорутанск. *чета* — отрядъ войска, полкъ; сербск. *чета* — отрядъ и т. д. Корень въ древне-индійск. глаголѣ чи, чи-нâми — собираю, причастіе чита-с — собранный въ рядъ (gereiht, geschaart).

[83]) Tacit. Ann. XVI, 21. Thrasea Patavi, unde ortus erat, ludis *cetastis* a Troiano Antenore institutis habitu tragico cecinerat. Это названіе *ludi cetasti* сильно мучило ученыхъ издателей и комментаторовъ Тацита, и они придумывали разныя чтенія, чтобы замѣнить это непонятное названіе. Обыкновенно вмѣсто «*cetastis*» подлинника, поправляютъ «cesticis», производя имя патавійскихъ игръ отъ кожаныхъ «цестовъ», которыми обвивали себѣ руки для кулачнаго боя. Нелѣпость толкованія очевидна: такой человѣкъ, какъ Трасеа, едва ли выступилъ бы на кулачномъ бою, да еще съ пѣніемъ «въ трагическомъ образѣ», какъ говоритъ Тацитъ. Гораздо проще объясняется дѣло, если, принявъ имя *cetasti*, какъ это и очевидно, за туземное венетское названіе, мы произведемъ его отъ слова *чета*, въ смыслѣ собранія, отряда, дружины. Подлинность чтенія «cetasti» подтверждается найденною у древняго Апона надписью, въ которой мы находимъ это слово въ сокращеніи: *cetaes.*, и гдѣ рѣчь идетъ, очевидно, объ играхъ, хотя не все въ этой надписи понятно.

q. magvrivs, g f. fab
ferox
lus. epidixib. et. cetaes. I. II. III. in
greg. vetvrian quae. et. ivni
orvm. a. a. dicavit. evras. VIII
et. pertic. vncinor. XII. n. CCL. IX.

(Katancsich, Geogr. epigr. I. 171. Historia di Padova di Sertorio Orsato 100).

[84]) Ovid. Metam. I. 750 и слѣд.; Hygin. 154; Nonnos 38, 108—435. Послѣдній эпизодъ обязанъ былъ, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ необыкновенному обилію лебедей на р. По и ея рукавахъ и вообще на водахъ венетскаго края. Сравн. Serv. ad Aen. XI, 457: Padusa, pars est Padi; nam Padus licet unus sit fluvius, habet tamen fluenta plurima e quibus est Padusa, quae quibusdam locis facit paludem, quae plena est cygnorum. Claudian. epist. ad Sevênam: olor iferi ab amne Padi.

[85]) У Гомера Фаэтонъ есть просто эпитетъ самого солнца. Гезіодъ, въ своей Θеогоніи, называетъ Фаэтона сыномъ зари, похищеннымъ влюбленною въ него Афродитою; но въ другой, приписываемой тому же Гезіоду, поэмѣ, судя по словамъ позднѣйшаго писателя Гигина, Фаэтонъ является съ чертами сходными съ тѣмъ сказаніемъ, которое потомъ установилось о немъ; но объ Эриданѣ тогда еще не было рѣчи, какъ видно изъ замѣчанія того же Гигина, что первый изъ грековъ упомянулъ объ этой рѣкѣ Ферекидъ (жившій отъ 600 до 515 г. до Р. Хр.).

[86]) Herod. III. 115. Геродотъ приводитъ это мнѣніе, но объявляетъ при этомъ, что онъ съ своей стороны ему не вѣритъ, такъ какъ имя Эридань ему кажется греческимъ, сочиненнымъ какимъ-нибудь поэтомъ, да и онъ не встрѣчалъ никого, кто могъ бы удостовѣрить, какъ очевидецъ, что въ той сторонѣ Европы есть дѣйствительно море. Этотъ отзывъ Геродота объясняется тѣмъ, что онъ вообще не имѣлъ свѣдѣній о странахъ средней и западной Европы (ср. выше примѣч. 40).

[87]) Сложеніе словъ: *ара* или *ари*, являющагося въ славянскомъ ярый и сроднаго древне-индійскому ара, быстрый, ари, жадный (т. е., собственно, стремительный), враждебный, и *дан* въ смыслѣ «рѣка», слово, о которымъ было говорено выше (см. гл. I).

[88]) Древніе ставили янтарь на ряду съ драгоцѣнными камнями, которымъ, какъ извѣстно, приписывались разныя таинственныя и лечебныя свойства. Въ этомъ отношеніи янтаремъ особенно дорожили греки: у римлянъ (вѣроятно, вслѣдствіе ихъ близкихъ сношеній съ венетами, у которыхъ янтарь сдѣлался столь обыкновенною вещью, что янтарныя украшенія носили въ деревняхъ) онъ потерялъ значеніе и, по крайней мѣрѣ во времена Плинія, въ I вѣкѣ по Р. Хр., вышелъ изъ моды; въ силу янтаря вѣрили тогда уже однѣ женщины: см. Plin. XXXVII, 2.

[89]) Plin. XXXVII, 3. Adfertur (sucinum) a Germanis in Pannoniam maxume, et inde Veneti primum, quos Enetos Graeci vocaverunt, famam rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum. Обиліе янтаря, привозившагося къ венетамъ въ Италію, видно изъ того, что, по словамъ Плинія (тамъ же), въ его время поселянки края за Падомъ (т. е. венетской области и вообще верхней Италіи) носили янтарныя ожерелья преимущественно какъ украшеніе, но отчасти и какъ цѣлебное средство: янтарь считался лѣкарствомъ отъ желѣзъ и горловыхъ болѣзней, особенно распространенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ.

[90]) Тождество русскаго баснословнаго камня латыря или алатыря съ янтаремъ и греческимъ *ἤλεκτρον*, тождество, на которое первый, кажется, указалъ Надеждинъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Нельзя однако считать славянскаго слова заимствованіемъ отъ грековъ. Оба произошли изъ общаго арійскаго корня радж (или ардж, арч), блестѣть, съ извѣстнымъ окончаніемъ тар, тра, означающимъ существо или предметъ, производящія какое-нибудь дѣйствіе. Въ греческомъ виденъ и префиксъ *η* (древне-индійск. предлогъ *â*), который можно бы было признать и въ русскомъ *алатырь*, *олатырь*, если бы эта форма не казалась позднѣйшимъ искаженіемъ въ выговорѣ слова, сдѣлавшагося непонятнымъ, такъ какъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ и въ былинахъ является простая форма латырь (камень-латырь, латырь-море,о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ). Разница между греческимъ и славянскимъ словомъ та, что въ греческомъ сохранилась гортанная согласная корня передъ приставкою тра *(ἠ-λεκτρον*, съ которымъ, замѣтимъ кстати, совпадаетъ слово *ἠλέκτωρ*, блестящій, говоря о солнцѣ), у славянъ же эта согласная пропала: ла-тырь вмѣсто лак-тырь, точно также какъ въ древне-индійскомъ ра-тнам вмѣсто рак-тнам, жемчугъ, драгоцѣнный камень (собств. блестящее). Что это слово латырь не было заимствовано отъ греческаго *ἤλεκτρον*, а существовало у славянъ независимо, доказывается тѣмъ, что была и другая форма свалатырь (самосвѣтъ), сохраненная намъ Плиніемъ (XXXVII, 2.), ссылающимся на греческаго писателя Филемона (III вѣка до Р. Хр.): «Philemon fossile esse (sucinum) et in Scythia erui duobus locis, conditum atque cerei coloris, quod vocaretur electrum, in alio fulvom quod appellaretur sualiternicum». Такъ какъ собственно въ Скиѳіи, т. е. около Чернаго моря, янтаря нѣтъ, то нельзя сомнѣваться, что это послѣднее названіе sualiternicum (*свалатырникъ*) заимствовано было отъ славянъ или литовцевъ.

[91]) Корень въ древне-инд. дах, жечь, литовское дегу, дегти, жгу, жечь. У славянъ корень дег измѣнялся въ жег, но звукъ *д* сохраняется еще въ словѣ деготь.

[92]) Эсхилъ посвятилъ баснѣ о Фаэтонѣ трагедію „Геліады“, до насъ не дошед-

шую; Эврипидъ также пользовался этою басней для своей трагедіи „Фаэтонъ", равнымъ образомъ утраченной.

93) Эсхилъ отождествлялъ Эриданъ съ р. Роданомъ (Роной), но думалъ, что она впадаетъ въ Адріатику. Эврипидъ принималъ Эриданъ прямо за итальянскую рѣку (По). У Платона мы читаемъ имя рѣки Эридана (Critias III), но безъ всякихъ указаній на ея мѣстоположеніе. Еще болѣе двухъ сотъ лѣтъ послѣ Эврипида (около 200 г. до Р. Хр.) Аполлоній Родосскій опять-таки помѣщаетъ Эриданъ въ Италіи, а Роданъ (Рону) принимаетъ за притокъ этого Эридана (см. Argon. IV, 505 — 628). Аполлоній приводитъ при этомъ мимоходомъ, что кельты (безъ сомнѣнія, въ Италіи, гдѣ они уже находились въ то время, когда писалъ Аполлоній, около 200 л. до Р. Хр.), считали янтарь за слезы Аполлона, несущіяся въ морской пучинѣ, слезы, которыя онъ пролилъ безъ числа, когда, прогнѣвивъ своего отца (т. е. небеснаго бога Зевса), принужденъ былъ покинуть небо и удалиться къ гипербореямъ, т. е. жителямъ Сѣвера (Argon. IV, 611 — 617). И здѣсь мы видимъ ту же связь янтаря съ солнцемъ (Аполлонъ—богъ солнца), и съ народомъ Сѣвера.

94) См. Полиб. II, 16: *Ὁ δὲ Πάδος ποταμὸς, ὑπὸ δὲ τῶν ποιητῶν Ἠριδανὸς θρυλλούμενος.... τἆλλα δὲ τὰ περὶ τοῦ ποταμοῦ τούτου ἱστορούμενα παρὰ τοῖς Ἕλλησι λέλω δὴ τὰ περὶ Φαέθοντα καὶ τὴν ἐκείνου πτῶσιν, ἔτι δὲ τὰ δάκρυα τῶν αἰγείρων, καὶ τοὺς μελανείμονας τοὺς περὶ τὸν ποταμὸν οἰκοῦντας, οὓς φασι τὰς ἐσθῆτας εἰσέτι νῦν φορεῖν τοιαύτας ἀπὸ τοῦ κατὰ Φαέθοντα πένθους, καὶ πᾶσαν δὴ τὴν τραγικὴν καὶ ταύτῃ προσεοικυῖαν ὕλην — ὑπερθησόμεθα.* Позднѣйшіе писатели иногда переносили Эриданъ въ область басни и отождествляли это имя съ самимъ Фаэтономъ: Serv. ad Aen. VI, 659: Eridanum Aratus in coelo esse dixit, haud longe a coelo. Hic et in terris est, qui in Italia, id est in Venetia, Padus vocatur: quem alii etiam ad inferos volunt tendere, alii nasci apud inferos et exire in terras.... Fabula haec est: Eridanus Solis filius fuit. Hic a patre impetrato curru agitare non potuit, et cum eius errore mundus arderet, fulminatus in fluvium cecidit; et tunc a luce ardoris sui Phaeton appellatus est et pristinum nomen fluvio dedit. Unde mixta haec duo nomina inter solis filium et fluvium invenimus. Къ баснословному характеру Эридана относится, кажется, пословица, вошедшая въ употребленіе у Римлянъ: „de Mincio in Eridanum emigrare", въ смыслѣ „перейти отъ вѣрнаго къ невѣрному" (*Mincius*, или Минчіо — притокъ р. Пада): см. Augustin. ad Dioscorum ep. 118 (Op. II, 250) Non enim sic te prohibemus in incerto famæ finem ponere, ut tanquam de Mincio in Eridanum emigres.

95) См. объ этомъ Filiasi, I, 806 и слѣд. Между прочимъ, озеро минеральной воды, о которомъ единогласно твердятъ всѣ древніе писатели, уже не существуетъ. Изъ письма у Кассіодора (II, 39) видно, что уже въ то время (т. е. въ VI столѣтіи) Апонскія воды начинали засоряться; готскій король Теодорихъ хлопоталъ объ ихъ возстановленіи.

96) Догадка о значеніи этого имени приведена выше, примѣч. 39

97) Lucan, Pharsal.: Venetae ex ordine gentes — Atque Apono gaudens populus.

Claudian. Idyll. Aponus:

Salve Pæoniae largitor nobilis undae,
Dardanii salve gloria magna soli,
Publica morborum requies, commune medentum
Auxilium, præsens numen, inempta salus.

98) Извѣстіе объ этихъ водахъ встрѣчается уже, какъ мы увидимъ ниже, въ книгѣ Аристотеля (или ему приписываемой, и во всякомъ случаѣ весьма древней) *περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων.*

99) Вода эта была такъ горяча, что жители, по словамъ Плинія, употребляли ее какъ кипятокъ, чтобы варить зелень, и она сводила шерсть со шкуры ошпаренныхъ ею животныхъ (Cassiodor. II, 39).

[100]) Claudian., тамъ же: Alto colle minor, planis erectior arvis, etc. Сравни длинное описаніе этихъ минеральныхъ водъ у Кассіодора (II, 39) и повѣрку древнихъ показаній по нынѣшней мѣстности у Филіаси (I, 290—329).

[101]) Plin. II, 102: Patavinorum aquis calidis herbae virentes innascuntur. Клавдіанъ упоминаетъ о томъ же.

[102]) Filiasi I, 305.

[103]) Aristotel. de mirab. auscult. 82. *Ταύτας δὲ τὰς νήσους* (т. е. *ἠλεκτρίδας*) *φασὶ προκεῖσθαι τὸν Ἠριδανὸν ποταμόν. Ἔτι δὲ λίμνη ἔοικε πλησίον τοῦ ποταμοῦ, ὕδωρ ἔχουσα θερμόν* etc.

[104]) Орибасій (Collection médicale V, 3, по парижск. изд.), выписывая изъ Руфа, жившаго около 100 л. по Р. Хр., говоритъ: *αὐτίκα ὕδωρ ἐν Λεοντίνοις ἔστιν, οὗ ἢν τις πίῃ, ἀποθνῄσκει. τοῖον δὲ ἄλλο ἐν Φενεῷ τῆς Ἀρκαδίας ὃ καλοῦσιν ὕδωρ Στυγος, τοῖον δὲ ἄλλο ἐν Θρᾴκῃ. καὶ ἡ λίμνη ἡ ἐν Σαυρομάταις, ἣν οὐδὲ ὄρνις ὑπερπτῆναι φθάνει.* Послѣднія выраженія явно намекаютъ на сказаніе общеизвѣстное.

[105]) Греки считали цыцарокъ за превращенныхъ въ птицъ сестеръ Мелеагра.

[106]) Plin. XXXVII, 2. Sophocles.... (sucinum) ultra Indiam fluere dixit e lacrimis meleagridum avium Meleagrum deflentium.

[107]) Iordan. 29; см. выше. прим. 13.

[108]) Plin. III 16: nobili portu oppidi Tuscorum Atriæ, a quo Atriaticum mare ante appellabatur, nunc Hadriaticum.

[109]) По нѣкоторымъ указаніямъ, Венетскій край прикасался только съ востока къ Гардскому озеру; но иногда озеро это включалось въ землю венетовъ: Serv. ad Aen. X, 205. Benacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius.

[110]) Оттого граница эта опредѣляется новѣйшими писателями такъ различно. Форбигеръ (Handbuch der alt. Geogr. III, 577) и др. считаютъ западною границею венетовъ р. Адижъ; Филіаси (Memorie storiche de'Veneti, 2 изд. I 74) распространяетъ ихъ до Минчія; Маффеи (Verona illustrata) — до Кьезія.

[111]) Рѣка Адижъ, сохраняющая и въ равнинѣ какъ бы характеръ горнаго потока, замѣчательна своимъ быстрымъ и шумнымъ теченіемъ, тогда какъ параллельный ей Минчій, выходящій изъ озера, течетъ совершенно тихо и спокойно. Эта противоположность двухъ сосѣднихъ рѣкъ замѣчена древними. См. въ особенности Claudian. Epithalam. Pallad. et Celerinae:

Undique concurrunt volucres, quaecumque frementem
Permulcent Athesin cantu, quas Larius audit,
Quas Benacus alit, quas excipit amne quieto
Mincius; ereptis obnuduit unda querelis
Eridani ripas, et raucae stagna Padusae
Diffugiens nudavit olor.

[112]) Эти три формы употребляются древними писателями безразлично. Мы не знаемъ, произошло ли несходство ихъ отъ неодинаковаго произношенія этого имени у разныхъ туземныхъ народовъ, да и самое имя это темное; но, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ коренное сродство съ названіемъ другой рѣки въ Венетскомъ же краѣ, съ *Натисономъ* (нынѣ Nadisone, по-словенски Надижа), протекающимъ къ востоку отъ Аквилеи.

[113]) Plin. III, 19. Raetorum et Euganeorum Verona.

[114]) Serv. ad Aen. X, 201. Origo Mantuanorum et a Tuscis venit, qui in Mantua regnabant, et a Venetis, nam in Venetia posita est. — Plin. III, 19. Mantua Tuscorum trans Padum sola reliqua. Sidon. Apoll. Epist. IX, 15. Venetam lacessat Mantuam. Виргилій, уроженецъ Мантуи, говоритъ, что населеніе ея составляли *три* племени, вѣроятно венеты, этруски и кромѣ того умбры. Его комментаторъ Сервій признавалъ, кажется, первенство за венетскою стихіею въ населеніи Мантуи, потому что предводи-

теля мантуанской рати въ Энеидѣ, Окна (Ocnus—fatidicae Mantus et Tusci filius amnis) онъ выдавалъ за венета. Въ примѣчаніи къ словамъ поэта: «quingentos—quos patre Benaco velatus arundine glauca—Mincius infesta ducebat in aequora pinu» (Aen. X, 204—206) Сервій пишетъ: Benacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius. Jure ergo dux Venetus (рѣчь идетъ о вышеприведенномъ мантуанскомъ вождѣ Окнѣ) fluvium provinciae suae deposuit in navi, quem Benaci filium, quia ex ipso habet originem, dicit.

[115]) Macrob. Saturn V. 2. Unde enim Veneto, rusticis parentibus nato, inter silvas et fvtices edruo, vel levis Graecarum notitia literarum.

[116]) Это слѣдуетъ заключить изъ теперешней разности нарѣчій, замѣчаемой между населеніемъ на востокъ отъ р. Минчіо, т. е. веронезцами, и брешіанцами, ихъ сосѣдями къ западу. «Есть поразительное различіе въ произношеніи между брешіанцами и веронезцами, пишетъ Филіаси, а также въ нарѣчіи тѣхъ и другихъ. Брешіанцы имѣютъ шероховатый и жесткій выговоръ, какъ и другіе жители Ломбардіи, а у веронезцевъ выговоръ мягкій и нѣжный, совершенно сходный съ нарѣчіемъ виченцевъ, падуанцевъ и остальныхъ венеціанцевъ»: Filiasi, I, 77 (сравни также Maffei, Ver. ill. I, 12). По замѣчанію того же автора, пограничную черту между обоими нарѣчіями, ломбардскимъ и венеціанскимъ, составляетъ Гардское озеро и р. Минчіо.

[117]) Восточная часть Альпійскаго хребта, тамъ, гдѣ онъ ограничивалъ землю венетовъ, называлась въ древнѣйшее время *венетскими Альпами* и впослѣдствіи, подъ римскимъ владычествомъ, получила имя юлійскихъ (Amm. Marc. XXXI, 16: Alpium Juliarum, quas Venetas appellabat antiquitas). Венеты, какъ видно по всему, заняли только равнину до подошвы этихъ горъ, приблизительно въ предѣлахъ нынѣшней Венеціанской области. Нагорная страна осталась въ рукахъ туземнаго племени, которое обнимали общимъ именемъ ретовъ и къ которому принадлежали и эвганеи. Самое подробное исчисленіе колѣнъ этого племени на Альпійскомъ трофеѣ Августа (см. Plin. III, 20). О дикости альпійскихъ горцевъ въ древности мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, которыя было бы лишнимъ помѣщать здѣсь. Приведемъ только одно, потому что въ немъ рѣчь идетъ о венетскомъ Антенорѣ. Serv. ad Aen. I, 243 примѣч. къ стихамъ: «Antenor potuit, mediis elapsus Achivis — Illyricos penetrare sinus atque intima tutus — regna liburnorum»: *tutus:* ideo tutus, quia Raeti Vindelici ipsi sunt Liburni, saevissimi admodum populi.

[118]) Границу между землею венетовъ и истровъ составляла, по крайней мѣрѣ во времена римскаго владычества, мѣстность, называвшаяся Тимавомъ (Страб. V, 1 § 9), между нынѣшнимъ г. Тержичемъ (а по-итал. Монфальконе) и станціей Набрежиной; о Тимавѣ см. ниже.

[119]) Плин. III, 21. Conventum Scardonitanum petunt Japydes et Liburnorum civitates XIII, e quibus Lacinienses, Stlupinos, Burnistas, Olbonensis nominare non pigeat. Птолемей приводитъ въ числѣ городовъ Либурніи *Σλοῦππι*. Шафарикъ вполнѣ справедливо отождествляетъ этотъ городъ съ Столпомъ, *Στόλπον*, въ приморской Хорватіи, упоминаемымъ у Константина Багрянороднаго между Хлѣвномъ (нынѣ Ливно въ Босніи) и Тиномъ (нынѣ Книнъ въ Далмаціи); но положеніе его можетъ быть опредѣлено только приблизительно по этимъ указаніямъ.

[120]) Это несомнѣнно доказывается какъ всѣмъ, что̀ намъ извѣстно о характерѣ народовъ, обитавшихъ тамъ въ древности, такъ и совершенно не-славянскимъ типомъ именъ мѣстныхъ и личныхъ того края. Славяне, занявшіе его въ VI или VII столѣтіи по Р. Хр., передѣлали эти имена на свой ладъ; но и самая эта передѣлка показываетъ, что славяне имѣли тутъ дѣло съ словами изъ чужого языка. Наконецъ, и самыя племена, населявшія этотъ край въ древности, носятъ названія совершенно чуждыя славянской рѣчи, кромѣ приведенныхъ выше стлупиновъ.

[121]) Страб. _VII, 5 § 4. «*Ἱάποσες κατάστικοι ὁμοίως τοῖς ἄλλοις Ἰλλυριοῖς καὶ Θρᾳξί.*

[122]) Strab. VII, 5 § X. Ливій (X, 2) говоритъ также, по поводу событій 301 г. до Р. Хр.: Illyrii Liburnique et Istri, gentes ferae et magna ex parte latrociniis maritimis infames. Свидѣтельствъ объ этомъ историческомъ характерѣ племенъ, владѣвшихъ восточнымъ берегомъ Адріатики, можно бы привести множество изъ всѣхъ писателей древности, которые только ихъ касались. См. въ особенности Polib. II, 8; Diodor. XV, 13; Appian. Illyrica.

[123]) Время кельтскихъ завоеваній къ сѣверу и югу отъ Альпъ опредѣляется съ одной стороны тѣмъ, что эти завоеванія совершились *послѣ* времени, когда писалъ Геродотъ (450 лѣтъ до Р. Хр.) и должны были *предшествовать* нападенію кельтовъ на Римъ (390 или 388 г.), а также ихъ сношеніямъ съ Александромъ Македонскимъ (335 г.), когда они являются обладателями страны на сѣверъ отъ Адріатическаго моря. См. Contzen, die Wanderungen der Kelten, 102—104, гдѣ вполнѣ доказана несостоятельность извѣстія Ливія, отдѣляющаго долгимъ срокомъ (200 л.) вторженіе галловъ въ Италію отъ ихъ нападенія на Римъ. По извѣстію, сохраненному Аппіаномъ, вторженіе въ Италію случилось въ 392 году до Р. Хр. (97-я олимпіада); показанія о нападеніи на Римъ колеблются между 390 и 386 годами.

[124]) О томъ, что карны принадлежали къ кельтскому племени, мы имѣемъ свидѣтельства несомнѣнныя (см. Contzen 54). Впрочемъ самое имя ихъ кельтское и значитъ до сихъ поръ у кельтовъ: скала.

[125]) Нынѣшнее населеніе альпійскаго предгорья и ближайшихъ къ Альпамъ равнинъ въ восточной части Венеціанской области (Удинскомъ или, по-славянски, Видемскомъ краѣ), отъ границъ славянскаго племени по р. Сочѣ (Изонцо) до р. Ливенцы, говоритъ особымъ романскимъ нарѣчіемъ, рѣзко отличающимся своими шероховатыми звуками отъ мягкаго, плавнаго нарѣчія венеціанскаго. Это нарѣчіе такъ называемое фріульское или фурлянское. Весьма вѣроятно, что оно обозначаетъ собою потомковъ карновъ, также какъ нарѣчіе венеціанское — потомковъ венетовъ. Въ самой Краинѣ кельтскіе карны исчезли подъ новою волною славянскою, захлынувшею эту страну въ VI вѣкѣ по Р. Хр.

[126]) Вотъ слова, какими греческій историкъ Діодоръ (писавшій въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр.) характеризуетъ этотъ народъ, бытъ котораго долженъ былъ имѣть самое рѣшительное вліяніе на венетовъ, вытѣснившихъ его изъ сѣверо-восточной Италіи: «Тиррены (такъ называли греки этрусковъ), въ древности отличавшіеся своимъ мужествомъ, владѣли обширною страною и построили много значительныхъ городовъ. Также обладали они большими морскими силами и долго властвовали на морѣ, давъ свое имя омывающему (западный) берегъ Италіи морю. Стараясь объ усовершенствованіи пѣшаго строя, они изобрѣли военную трубу;... чтобы возвысить власть военачальниковъ, окружили ихъ жезлоносцами (ликторами), дали имъ сѣдалище изъ слоновой кости и мантію, окаймленную пурпуромъ. Чтобы удалить отъ себя шумъ толпы служителей, придумали строить портики у домовъ.... Особенно занимались они письменностью, изученіемъ природы и боговъ (*φυσιολογίαν καὶ θεολογίαν*) и болѣе всѣхъ людей выработали прозрѣваніе по молніи..... Обладая страною плодородною, они не только живутъ въ довольствѣ, но имѣютъ даже излишки, позволяющіе наслажденія и роскошь. Два раза въ день изготовляютъ они себѣ обильную трапезу и, не говоря о другихъ предметахъ роскоши, у нихъ для возлежанія ковры съ рисунками цвѣтовъ; на столъ ставится множество серебряныхъ ковшей; прислуживаетъ не малое число рабовъ, изъ которыхъ одни отличаются красотою, другіе щеголяютъ богатствомъ одежды болѣе чѣмъ пристойно рабскому состоянію...» (Diodor. V, 40).

[127]) Скимнъ Хіосскій, ст. 375—390. — Скимнъ (писавшій около 90 г. до Р. Хр.) самъ указываетъ, что онъ почерпнулъ свое описаніе Адріатическаго поморья у Θео-

помпа (жившаго въ 374—305 г.), и потому его показанія относятся въ этомъ случаѣ по времени сего послѣдняго. Онъ прибавляетъ, на счетъ климатическихъ особенностей венетскаго края, что страна эта замѣчательна внезапными перемѣнами въ воздухѣ, особливо лѣтомъ, вихрями, грозами и смерчами. Справедливость этого наблюденія подтверждается и теперь: см. Филіаси, II, 8.

[128]) Страбонъ V, 1 § 4, 5.—Влажность и теплота климата имѣли конечно послѣдствіемъ и то, что венетскій край изобиловалъ насѣкомыми. Изобиліе это было таково, что существовало народное мнѣніе, будто сами деревья въ землѣ венетской порождали изъ себя червей. Augustinus contra Faustum VI (t. VIII, p. 150): animalium corpora, quae non de concubitu oriuntur, sicut sunt innumerabilia genera vermium, quorum nonnullos vulgo edunt quaedam Venetiae regiones ex arboribus natos.

[129]) См. выше примѣч. 123. Вторженіемъ галловъ, совершившимся около 400 г., этруски были оттѣснены далеко отъ границъ венетовъ.

[130]) До сихъ поръ въ странѣ венетской, въ Падуи, Виченцѣ, Атесте, а также въ Адріи и Веронѣ, найдено до 27 памятниковъ съ остатками письменъ неримскихъ (см. Fabretti, Glossarium italicum, inscr. Italiae superioris n. n. 13—40, и Mommsen, die nordetruskischen Alphabete). Но изъ нихъ только 7 или 8 представляютъ два или нѣсколько цѣлыхъ словъ. Слова эти писаны буквами, весьма похожими на этрусскія, и по звукамъ показываютъ, насколько можно судить при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, сходство съ надписями, найденными въ Тиролѣ, Тессинѣ и другихъ альпійскихъ странахъ. Это заставляетъ думать, что надписи венетскаго края принадлежатъ нарѣчію первоначальныхъ, сродныхъ этрускамъ и альпійскимъ ретамъ, жителей этой страны, или такъ называемыхъ эвганеевъ. Вѣроятно, что венеты, при завоеваніи сѣверо-восточнаго угла Италіи не обладавшіе знаніемъ письменъ и на той ступени развитія, на которой они остались, не ощущавшіе особенной потребности въ грамотѣ, прибѣгали въ случаяхъ необходимости къ письменности туземцевъ. Извѣстна только одна, найденная близъ Гардскаго озера, надпись, которая вовсе отличается по характеру отъ эвганейскихъ. Первыя четыре строки представляютъ слова:

TETVMVS
SEXTI
DVGIAVA
SA|X|ADIS;

затѣмъ идутъ двѣ строки, писанныя совершенно оригинальными, непонятными письменами.—Подробности о всѣхъ этихъ надписяхъ см. въ вышеприведенномъ сочиненіи Моммзена.

[131]) Такъ извѣстныя въ исторіи имена Arrius, Paetus, Caecina происхожденія этрусскаго, какъ видно по сравненію этихъ именъ съ именами на этрусскихъ гробницахъ (см. эти имена въ словарѣ Фабретти). Впрочемъ, нѣтъ причины полагать, что сами роды, носившіе ихъ, были изъ Этруріи. Имена могли быть заимствованы, какъ обычаи, наряды и т. под. Съ другой стороны замѣтимъ, что на нѣсколькихъ этрусскихъ гробницахъ встрѣчаются имена Venete, Venetia, Venetial.

[132]) Подъ греческимъ именемъ Тирреновъ.

[133]) Романинъ, Storia documentata di Venezia I, 18.

[134]) Прежде кельтовъ начало такого движенія съ запада на востокъ было сдѣлано греческимъ племенемъ, но не сплошными массами, а отдѣльными колоніями, выселявшимися на берега Малой Азіи, на побережье Чернаго моря и т. д.

[135]) Liv. V, 34. Iustin. XXIV, 4. См. Contzen, die Wanderungen der Kelten.

[136]) На одновременность указываютъ какъ разсказъ Ливія и Трога Помпея (въ извлеченіи Юстина), такъ и приведенныя выше хронологическія данныя.

[137]) Страб. IV, 6 § 10.

[138]) Liv. V, 37. invisitato et inaudito hoste ab Oceano terrarumque ultimis oris bel-

lum ciente. Нашествіе галловъ на Италію, Норикъ и Иллирійскія земли въ IV вѣкѣ до Р. Хр. имѣетъ такъ много сходнаго съ позднѣйшимъ вторженіемъ кимбровъ и тевтоновъ, извѣстнымъ намъ по весьма подробнымъ и совершенно достовѣрнымъ описаніямъ, что всякое сомнѣніе насчетъ огромности и внезапности этого завоеванія устраняется.

[139]) Полибій, V, 17.

[140]) Liv. X, 2. semper autem cos in armis accolae Galli habebant.

[141]) Полибій, II, 18.

[142]) Excerpto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, такъ выразился Ливій (V, 33) о владѣніяхъ этрусковъ въ верхней Италіи, доставшихся потомъ галламъ.

[143]) Полиб. II, 18. (*Κελτοὶ*) *κατέσχον αὐτὴν τὴν Ῥώμην, πλὴν τοῦ Καπιτωλίου, γενομένου δ' ἀντισπάσματος, καὶ τῶν Οὐενέτων ἐμβαλοντων εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, τότε μὲν ποιησάμενοι συνθήκας πρὸς Ῥωμαίους, καὶ τὴν πόλιν ἀποδόντες, ἐπανῆλθον εἰς τὴν οἰκείαν.*

[144]) Полибій, тамъ же. Послѣ вторженія венетовъ, по словамъ того же историка, произошли у галловъ междоусобныя войны, и сверхъ того «нѣкоторые изъ живущихъ у Альпъ народовъ вооружались на нихъ и часто собирались противъ нихъ общими силами» (Polyb. II, 18). Въ виду того, что намъ говоритъ Ливій о постоянной враждѣ венетовъ противъ галловъ, нельзя сомнѣваться, что они принимали участіе въ этихъ предпріятіяхъ.

[145]) Какъ напр. побѣду Камилла надъ галлами, которая оказывается чистымъ вымысломъ: см. Mommsen, röm. Gesch. I, 306. Contzen, 117.

[146]) Память объ этой дружбѣ высказывается, между прочимъ, и въ римской поэзіи, дѣлающей венетовъ вѣрными поборниками родоначальника римлянъ Энея въ его войнахъ съ вождями этрусковъ и другихъ племенъ Италіи. См. Serv. in Aen. VII, 715; IX, 505.

[147]) См. выше, § IX.

[148]) Diodor. XV, 13.—Лиссъ, нынѣ Алессіо или по-славянски Лешъ, въ сѣверной Албаніи, у впаденія въ море р. Дринъ (въ древн. Дрилонъ); Фаръ — на островѣ того же имени, что нынѣ Лесина, по-славянски Хваръ.

[149]) Страбонъ, V, 1 § 4; сравн. ниже, примѣч. 186.

[150]) Рѣка эта и въ старину называлась также Brentesia (Messal. Aug. 10: Brentesia, idem ac Medoacus maior flumen Patavium urbem praetervehens). Нѣкогда Брента текла черезъ самый городъ Патавій, находившійся, какъ кажется, у сліянія ея съ рѣчкою Бакильоне (древн. Meduacus minor или Retron). Въ настоящее время сліяніе это отошло ниже Патавія: теперешняя Падуа стоитъ на одномъ Бакильоне. См. топографическія подробности у Филіаси, т. II, гл. 7. По объясненію того же Филіаси, спартанцы въѣхали въ нынѣшнюю laguna di Chioggia и оттуда въ устье Бренты. Описаніе Ливія, по его словамъ, черта-въ-черту соотвѣтствуетъ этой мѣстности. Имя Медуака осталось за однимъ изъ въѣздовъ въ лагуну, въ которую втекаетъ Брента, въ формѣ Matamaucus или Medomaucus (въ средне-вѣковыхъ памятникахъ), нынѣ Malamocco.

[151]) Ливій, X, 2.

[152]) Ѳеопомпъ, изъ котораго черпалъ Скимнъ Хіосскій, см. выше примѣч. 127.

[153]) Скимнъ Хіосскій, выписывающій и тутъ изъ Ѳеопомпа, въ этомъ мѣстѣ (ст. 375 и слѣд.) какъ будто говоритъ вообще о населеніи края при Адріатикѣ, но тутъ же описываетъ его природу, его постоянно влажный климатъ и т. д., такими словами, которыя могутъ относиться только до венетской страны, и затѣмъ переходитъ къ извѣстію, что у венетовъ считается 50 городовъ.

[154]) Страб. V. 1, § 7.

[155]) Главныхъ рукавовъ или протоковъ считали семь (Mela II, 4; Plin. III, 16, гдѣ

они исчислены). Лагуны въ мѣстности, гдѣ сѣверный рукавъ Пада, fossae Philistinae, соединялся каналами съ низовьями Адижи, т. е. около нынѣшней Венеціи, назывались «семью морями» septem maria (Plin. тамъ же; Herod. VIII, 7). Судя по словамъ Плинія, каналы въ этихъ мѣстахъ были сдѣланы еще этрусками, т. е. первоначальными обитателями края, предшествовавшими венетамъ: omnia ea Flavia fossa, quam primi a Sagi fecere Tusci egesto amnis impetu per transversum in Atrianorum paludes quae septem maria appellantur, nobili portu oppidi Tuscorum Atriae, a quo Atriaticum mare ante appellabatur quod nunc Hadriaticum. Подробную топографію низовьевъ Пада со всѣми его рукавами и каналами по древнимъ свидѣтельствамъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ края читатель найдетъ у Филіаси, томъ II, гл. 2, 3, 4.

156) Страб. V, 1 § 5.

157) Страбонъ, тамъ же.

158) Servius in Georg. I, 262 *Lintres*: fluviatiles naviculas. Sane non sine ratione linrium meminit, quia pleraque pars Venetiarum fluminibus abundans, lintribus exercet omne commercium, ut Ravenna, Altinum, ubi et venatio et aucupia et agrorum cultura lintribus exercetur.

159) Plin. H. N. XXI, 12.

160) Sidon. Apollin. Ep. I, 5: cursoriam (sic navigio nomen) ascendi.

161) Virgil. Georg. I, 262: cavat arbore lintres.

162) Collegium nautarum arilicensium: надпись въ Веронскомъ музеѣ.

163) См. обо всемъ этомъ подробности у Филіаси, I, 171. 202. II, 35.

164) Такъ было по крайней мѣрѣ во время Римской имперіи. См. Сидонія Аполлинарія, который, отправляясь изъ Галліи въ Равенну, послѣ переѣзда черезъ Альпы, сѣлъ на Тичинѣ въ скороходку (cursoria) съ гребцомъ-венетомъ (venetus remex); этотъ гребецъ доставилъ его до Бриксиллы (Brixilla), гдѣ смѣнился другимъ судохозяиномъ (Sidon. Apoll. ep. I, 15).

165) Veneti.... proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum, говоритъ Плиній (XXXVII, 2).

166) Страб. V, I § 8. *ἀνεῖται δ' ἐμπόριον τοῖς περὶ τὸν Ἴστρον τῶν Ἰλλυριῶν ἔθνεσιν.* Здѣсь имя иллирійцевъ принято, разумѣется, не въ смыслѣ этнографическомъ, а какъ общее, употреблявшееся особенно тогдашнею римскою администраціею, обозначеніе народовъ между Альпами и среднимъ теченіемъ Дуная.

167) Страбонъ, тамъ же. — О цвѣтущемъ состояніи Аквилеи, которая въ эпоху римскихъ императоровъ сдѣлалась вторымъ послѣ Рима городомъ Италіи, объ ея обширной торговлѣ мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Такъ, между прочими, Геродіанъ, по случаю осады Аквилеи Максиміномъ въ 238 г., говоритъ, что это былъ «весьма большой и многолюдный городъ, который, находясь у моря, служилъ для Италіи и всѣхъ народовъ Иллирика рынкомъ, гдѣ произведеніи материка, привозимыя сухимъ путемъ или по рѣкамъ, нагружались для отвоза за море, а къ народамъ материка отправлялись заморскіе товары и также вино, производившееся въ изобиліи окрестною страною» (Herod. VIII, 2). См. также импер. Юліана (Orat. II, p. 71). Auson. Clar. urbes. Aquileas:

Nona inter claras Aquilea cieberis urbes,
Itala ad Illyrios obiecta colonia montes,
Moenibus et portu celeberrima....

168) Martial. X, 93, говоритъ объ Эвганейскихъ берегахъ Геликаона (Геликаонъ былъ по Иліадѣ одинъ изъ сыновей Антенора), т. е. о Патавинскомъ краѣ:

Si prior Euganeas, Clemens, Helicaonis oras
Pictaque pampineis videris arva jugis,
Perfer Atestinae nondum vulgata Sabinae.

Carmina purpurea sed modo tuta toga etc. Окрестности Аквилеи доставляли много для вывоза вина къ сѣвернымъ народамъ (см. прим. 167).

169) См. выше, примѣч. 147.—Переходъ центра Адріатической торговли изъ Патавія въ Аквилею точь-въ-точь соотвѣтствуетъ такому же переходу, совершившемуся въ новое время — изъ Венеціи, сосѣдки древняго Патавія, въ сосѣдство Аквилеи, Тріестъ.

170) Страб. V, 1. § 7. *Παταούιον, πασῶν ἀρίστη τῶν ταύτῃ πόλεων.* Сравни Мелу II, 4: urbium opulentissimæ Patavium etc.

171) Страбонъ, тамъ же.

172) Именно, онъ говоритъ, что употреблявшаяся въ Патавіи шерсть была средняго сорта, т. е. не самаго мягкаго и не самаго грубаго. О патавійскихъ тканяхъ упоминаетъ и Марціалъ (XIV, 148):

Vellera cum sumant Patavinæ multa trilices,
Et pingues tunicas serra secare potest (т. е.: «Хотя и много шерсти идетъ на патавійскія ткани, но пилой можно разсѣчь и самое толстое сукно»).

173) Columella de re rust. VII, 2. Nunc Gallicæ (oves) pretiosiores habentur, præcipue Altinates. Martial. XIV, 155: Velleribus primis Apulia, Parma secundis—nobilis; Altinum tertia laudat ovis. Tertullian. de pallio, 3: nec de ovibus dico Milesiis et Selgicis et A l t i n i s.

174) Альтино? Сравн. извѣстное въ древней Руси названіе рѣки А л ь т а; О л т ы н я — деревня со старинными укрѣпленіями въ Чехіи (въ Таборскомъ краѣ).

175) Нынѣ это деревня Altino. Бѣжавшіе передъ гуннами жители Альтинума составили зерно населенія Венеціи, точно также какъ ея дворцы строились въ началѣ преимущественно изъ мрамора и камня, привозившагося изъ развалинъ этого древняго города: поэтому можно судить о населенности Альтинума и великолѣпіи его зданій. См. Филіаси т. II, гл. 7 и 9.

176) Martial. IV, 25. Сравн. также Strab. V, 1. § 7. Mela, VI, 4. Tacit. Histor. III, 6. Herodian, VIII, 6.

177) Martial. IV, 25. Aemula Baianis Altini litora villis.

178) Plin. III, 16. Эдронъ—нынѣ Chioggia, Брундулумъ — Brondolo.

179) Городъ этотъ упоминается, между прочимъ, Эліаномъ (*Οὐϊκετία.* Nat. Anim. XIV, 8), который подробно разсказываетъ о томъ, какъ ловили угрей въ протекающей у Вѣкетіи рѣкѣ, называемой Эретеномъ (*Ἠρέταινος*: у другихъ писателей рѣка эта, нынѣшній Бакильоне, носитъ названіе Retron или Meduacus minor). Для этой ловли бросались въ воду прикрѣпленные къ трости куски свѣжихъ бараньихъ кишекъ, въ которые эта рыба вцѣплялась. И въ настоящее время рѣки въ той мѣстности изобилуютъ угрями: см. Филіаси, II, 135.

180) Всѣ эти города приводятся Плиніемъ III, 19: in mediterraneo regionis decimæ.... Venetorum Ateste et oppida Acelum, Patavium, Opitergium, Vicetia.... dein (говоря о подгорьѣ Альпъ).... ex Venetis Atina et Caelina, Carnis Segeste et Ocra, Tauriscis Noreia. — Встрѣчаются также въ разныхъ памятникахъ и надписяхъ имена многихъ другихъ городовъ въ венетскомъ краѣ. Читатель найдетъ ихъ перечень, между прочимъ, у Форбигера, Handb. der alten Geographie, III, 582—584.

181) Plin. III, 16. Strab. V, I, § 8. Plutarch. Camill. 16.

182) Strab. V, 1, § 7. Plin. III, 16. Serv. in Georg. I, 262 (см. выше примѣч. 158). Iord. 29. Городъ Спина, лежавшій нѣсколько сѣвернѣе Равенны, гдѣ нынѣ сел. Spinazino, былъ нѣкогда морскою пристанью у одного изъ южныхъ рукавовъ Пада, называвшагося Ватреномъ (нын. Santerno); въ отдаленной древности жители Спины властвовали надъ моремъ. Но засореніе морского берега шло здѣсь такъ быстро, что уже во время Страбона Спина очутилась въ 90 стадіяхъ (10—18 верстъ) отъ моря и сошла до степени незначительной деревни. Основателемъ Спины почитался Діомедъ,

т. е. конечно народный герой умбровъ, котораго греки отождествили съ Діомедомъ. Во время процвѣтанія этого города, онъ находился въ сношеніяхъ съ Греціею, какъ видно по богатымъ приношеніямъ спинетовъ, хранившимся въ Дельфійскомъ храмѣ (Страбонъ V, 1, § 7. IX, 3, § 8). Этимъ, вѣроятно, объясняется существовавшее во время Страбона мнѣніе, будто Спина была греческою колоніею.

[183]) Polyb. II, 17.

[184]) Theopomp. fragm. 143. *Ψαιστὰ ἄττα καὶ μεμαγμέναι μᾶζαι καλῶς τε καὶ εὖ.* Разсказъ Ѳеопомпа приводится Эліаномъ и другими писателями. Сходное съ Ѳеопомпомъ извѣстіе читаемъ въ приписываемой Аристотелю книгѣ de mirab. auscult. (гл. 129), съ тою только разницею, что по этому извѣстію венеты клали галкамъ не пироги, а зерна разныхъ хлѣбовъ.—Въ настоящее время этотъ край изобилуетъ, если не галками, то воронами, которыя, по словамъ Филіаси (I, 239), живутъ огромными стаями около лагунъ и развалинъ Альтинума, Конкордіи и Аквилеи.

[185]) *τοῖς κολοιοῖς.*

[186]) Венетскія лошади вошли въ особенную славу въ Греціи съ того времени, какъ спартанецъ Леонъ, въ 440 г. до Р. Хр., выигралъ на нихъ призъ на Олимпійскихъ играхъ (Eustath. ad H. II, 852). Діонисій, тиранъ Сиракузскій, о которомъ мы упоминали выше (онъ властвовалъ съ 405 по 367 г. до Р. Хр.) выписалъ отъ венетовъ породу бѣговыхъ лошадей для завода (*ἐντεῦθεν ἱπποτρόφιον συνεστήσατο τῶν ἀθλητῶν ἵππων* (Strab. V, 1. § 4). Особенно цѣнились венетскія кобылы для упряжи: Eutath. l. c. *ἱστορεῖ δὲ (ὁ ἀναγραφεὺς τῶν ἐθνικῶν) ὅτι αἱ θήλειαι ἵπποι τῶν Ἐνετῶν πρὸς ξευγηλασίαν ἄριστοι*). Страбонъ, свидѣтельствуя о славѣ, которою венетскія лошади встарину пользовались, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ его время ничего такого уже вовсе не было (*νῦν μὲν τελέως ἐκλέλοιπε*). (V, 1, § 4; см. также § 9). Впрочемъ и въ позднѣйшіе вѣка, даже при византійскихъ императорахъ, имя венетовъ играло большую роль на конскихъ ристалищахъ. Замѣтимъ, что у грековъ венетская порода лошадей называлась не только *ἐνετίδες*, но и *ἐνδίες*: Hesych. *Ἐνδίες ἵπποι. ἐν τῷ, Ἀδρίᾳ ἵπποι. καὶ λυκοσπάδες, καὶ λυκοφόροι* (объ этихъ двухъ послѣднихъ выраженіяхъ см. ниже, примѣч. 192). *Ἐνετίδας πώλους: στεφανοφόρους ἀπο τῆς περὶ τὴν Ἀδρίαν Ἐνετίδος. διαφέρουσι γὰρ ἐκεῖ.* Названіе «э н д і и» *ἐνδίες* любопытно, какъ примѣръ, что и къ грекамъ доходила другая форма имени венетъ, *Вендъ*. Мы уже видѣли такой примѣръ тамъ, гдѣ Софоклъ говоритъ объ И н д а х ъ, у которыхъ рождается янтарь (см. выше, примѣч. 105).

[187]) Liv. X, 2. tribus maritimis Patavinorum vicis colentibus eam oram.

[188]) См. ниже примѣч. 225.

[189]) Страб., V, 1, § 8. *ἐν αὐτῷ δὲ τῷ μυχῷ τοῦ Ἀδρίου καὶ ἱερὸν τοῦ Διομήδους ἐστὶν ἄξιον μνήμης, τὸ Τίμαυον.* Хотя въ латинскомъ переводѣ Страбона слова «*ἱερὸν ἄξιον μνήμης*» передаются «templum memorabile», однако, изъ дальнѣйшаго описанія ясно, что тутъ собственно храма никакого не было и что подъ словомъ *ἱερόν* Страбонъ разумѣлъ «святилище» вообще, святилище, состоявшее, какъ онъ разсказываетъ, изъ двухъ священныхъ рощъ и священнаго родника.

[190]) Это сказаніе можно признать несомнѣнно принадлежавшимъ венетамъ, потому что Страбонъ, приводя его, ссылается на Полибія, писателя весьма разборчиваго и жившаго притомъ въ такое время, когда венеты еще сохраняли вполнѣ свои народныя особенности; см. Страб. V, 1, § 8: *λιμένα γὰρ ἔχει (τὸ Τίμαυον) καὶ ἄλσος ἐκπρεπὲς καὶ πηγὰς ἑπτὰ ποταμίου ὕδατος εὐθὺς εἰς τὴν θάλασσαν ἐκπίπτοντος πλατεῖ καὶ βαθεῖ ποταμῷ. Πολύβιος δ' εἴρηκε πλὴν μίας τὰς ἄλλας ἁλμυροῦ ὕδατος, καὶ δὴ καὶ τοὺς ἐπιχωρίους πηγὴν καὶ μητέρα τῆς θαλάττης ὀνομάζειν τόν τόπον.* Также Плиній (III, 30): clarae ante ostia Timavi calidorum fontium cum aestu maris concrescentium (insulae) Подъ именемъ Тимава разумѣли какъ всю вообще эту священную для венетовъ мѣстность, что видно изъ приведенныхъ словъ Страбона, такъ въ

частности иногда родники, иногда рѣку, иногда озеро, тамъ находившіяся. См. Liv. XLI, 5, 6: ad lacum Timavi. Virgil. Aen. I, 242:

Antenor potuit, mediis elapsus Achivis
Illyricos penetrare sinus atque intima tutus
Regna diburnorum, et fontem superare Timavi,
Unde per ora novem vasto cum murmure montis
It mare proruptum et pelago premit arva sonanti.

Claudian. de III Consul. Honorii, v. 120: Phrygii numerantur stagna Timavi. Plin. III, 18 amnis Timavos Auson. Clar urb. XIV aequoreo non plenior amne Timavus. Клавдіанъ (de VI consul. Honorii, 196), исчисляя венетскія рѣки (Venetos amnes) говоритъ: velox Athesis tardusque meatu Mincius inque novem consurgens ora Timavus.

Въ настоящее время не видно семи (или девяти) отдѣльныхъ родниковъ Тимава; они слились, такъ что осталось всего два, которые по-прежнему образуютъ широкій потокъ, имѣющій весьма короткое теченіе, но судоходный до самой своей вершины. Онъ находится въ ¼ часа разстоянія отъ мѣстечка Дѣвинъ (по-итальянски Дуино), лежащаго между г. Тержичемъ (по-итал. Монфальконе) и станціею желѣзной дороги Набрежиной. Мѣстность эта совпадаетъ, въ настоящее время, съ этнографическою границею словенцевъ и италіянцевъ, у сѣвернаго угла Тріестскаго залива. У итальянцевъ, тутъ живущихъ, описанный нами потокъ сохраняетъ свое древнее наименованіе: *Тимаво;* словенцы обыкновенно называютъ его *Штиванска вода*, сокращенно вмѣсто Шентиванска вода, по церкви св. Іоанна, находящейся близъ источниковъ. Въ этой же мѣстности есть два озера, но неизвѣстно, которое изъ нихъ обозначалось у древнихъ подъ именемъ Тимавскаго; одно, ближайшее къ потоку, но меньшее, называется теперь *Езеро при Сабличу;* другое, подальше, довольно большое — *Езеро Добердобско*, отъ имени деревни Доберъ-добъ (т. е. Добрый-дубъ), лежащей у озера. Свѣдѣнія эти сообщены намъ уроженцемъ той мѣстности, г. Маришичемъ, профессоромъ въ Горицѣ. Сравн. также Филіаси, I, 485 и слѣд. Объясненія Катанчича (Orb. antiq. I, 425), полагавшаго Тимавъ западнѣе, близъ устья Сочи (Isonzo), основаны на недоразумѣніи.

[191]) Страб., V, 1, § 8. О значеніи Геры въ Аргосѣ и Артемиды въ Этоліи, см. Preller, Griech. Mythologie, I, 125, 235. II, 303.

[192]) Приведемъ здѣсь сказаніе, сохраненное Страбономъ и относящееся къ священнымъ рощамъ венетовъ на Тимавѣ. Былъ человѣкъ, изъ числа знатныхъ, отличавшійся своею самонадѣянностью и подсмѣивавшійся надъ вѣрованьемъ въ священное значеніе этихъ рощъ. Онъ встрѣтился случайно съ охотниками, державшими волка въ сѣтяхъ. Они въ шутку предложили ему взять волка на поруки и обѣщали выпустить его изъ сѣтей, если онъ заплатитъ за убытки, которые волкъ сталъ бы причинять. Тотъ согласился. Тогда волкъ, получивъ свободу, загналъ къ своему избавителю на конюшню прекрасный табунъ лошадей, неимѣвшихъ тавра. Тотъ взялъ лошадей себѣ, наложилъ на нихъ тавро, изображавшее волка. Этихъ лошадей прозвали «волконосцами» и онѣ отличались не столько красотою, сколько быстротою. Наслѣдники человѣка, который ихъ такимъ образомъ пріобрѣлъ, сохраняли знакъ тавра и имя породы, сдѣлавшейся знаменитою, и, чтобы она велась только у нихъ, положили за правило никогда не отчуждать кобылъ этой породы.

[193]) Страб., V, 1, § 8: см. выше примѣч. 185.

[194]) См. Scylax, 16. *Ὀμβρικοί... τοῦτο δὲ τὸ ἔθνος τιμᾷ Διομήδην, εὐεργετηθὲν ὑπ' αὐτοῦ καὶ ἱερὸν ἐὐτιν αὐτοῦ.* Есть объ этомъ и множество другихъ свидѣтельствъ.

[195]) Страб., VI, 3, § 9, *ἐκεῖνοι (Ἐνετοὶ) παρά σφισί πως τὴν καταστροφὴν αὐτοῦ μυθεύουσιν ἣν ἀποθέωσιν καλοῦσι.*

[196]) Изъ намековъ Марціала видно, что съ Тимавомъ соединялось также какое-то сказаніе, относимое къ Кастору и къ его коню Киллару (IV, 25):

Aemula Baianis Altini litora villis
Et Phaëtontei conscia sylva rogi;
Quaeque Antenoreo Dryadum pulcherrima Fauno
Nupsit ad Euganeos Sola puella lacus;
Et tu Ledaeo felix Aquileia Timavo,
Hic ubi septenos Cyllarus hausit aquas:
Vos eritis nostrae portus requiesque senectae,
Si juris fuerint otia nostra sui.

Также въ другомъ стихотвореніи (VIII, 28) Марціалъ спрашиваетъ у своей тоги, «считали ли овцы, изъ шерсти которыхъ она соткана, многочисленныя русла Тимава, откуда нѣкогда пилъ звѣздоносецъ Килларъ?».

An tua multifidum numeravit lana Timavum,
Quem pius astrifero Cyllarus ore bibit?

Въ выписанномъ выше стихотвореніи, Марціалъ упоминаетъ также о какой-то Солѣ, повидимому, одной изъ нимфъ венетскаго края: «тамъ, гдѣ у Эвганейскихъ озеръ, говоритъ онъ, прекраснѣйшая изъ дріадъ, дѣва Сола сочеталась съ антеноровымъ (т. е. патавинскимъ) фавномъ». Мы ничего больше не знаемъ объ этомъ миѳѣ.

[197]) Liv. X 2. Rostra navium spoliaque Laconum in aede Iunonis veteri fixa, multi supersunt qui viderunt Patavi.

[198]) См. ниже примѣч. 202. Жрецы упоминаются въ нѣсколькихъ латинскихъ надписяхъ, принадлежащихъ венетскому краю (см. Катанчича Istri adcol. geogr. I, 259, гдѣ приведены эти надписи). Хотя встрѣчающіяся въ нихъ жреческія должности (pontifex; augur; quindecimviri sacris faciundis и т. д.) принадлежатъ іерархіи римлянъ, однако существованіе храма въ Патавіи еще задолго до римскаго владычества заставляетъ предполагать, что венеты и тогда уже имѣли своихъ жрецовъ, къ которымъ потомъ примѣнили употреблявшіеся въ Римѣ титулы.

[199]) Особенно прославился жрецъ и прорицатель Апонскаго оракула Корнелій, про котораго разсказывали, будто бы онъ въ день Фарсальской битвы между Цезаремъ и Помпеемъ, находясь въ Патавіи, видѣлъ передъ собою и объявлялъ народу ходъ сраженія и наконецъ провозгласилъ побѣду Цезаря. Aul. Gell. XV, 18. Quo C. Caesar et Cn. Pompeius die per civile bellum signis conlatis in Thessalia conflixerunt, res accidit Patavi in Transpadana Italia memorari digna. Cornelius quidam sacerdos, et nobilis et sacerdotii religionibus venerandus et castitate vitae sanctus, repente mota mente conspicere se procul dixit, pugnam acerrimam pugnari ac deinde alios cedere, alios urgere, caedem, fugam, tela volantia instaurationem pugnae, impressionem, gemitus, vulnera, proinde ut si ipse in proelio versaretur, coram videre sese vociferatus est ac postea subito exclamavit, Caesarem vicisse. О томъ же Луканъ, Pharsal. VII:

Euganeo, si vera fides memorantibus, augur
Colle sedens, Aponus terris ubi fumifer exit
Atque Antenorei dispergitur unda Timavi:
«Venit summa dies, geritur res maxima, dixit,
Impia concurrunt Pompeii et Cesaris arma» etc.

[200]) Клавдіанъ говоритъ объ Апонѣ:

Publica morbórum requies, commune medentum
Auxilium, præsens numen, inempta salus.

Ср. также описаніе этого источника у Кассіодора Ер. II, 39.

[201]) Claudian. Idyll. VI (Aponus):

Turbidus impulsu venti quum spargitur aër,
Glaucaque fumiferae terga serenat aquae,

Tunc omnem liquidi vallem mirabere fundi:
Tunc *veteres hastas*, regia dona, micant.

[202]) Это видно изъ разсказа Свѣтонія объ императорѣ Тиберіѣ, обращавшемся къ Апонскому оракулу: Suet in Tib. 14: mox, cum Illyrcium petens (Tiberius) iuxta Patavium adisset Geryonis oraculum, sorte tracta, qua monebatur, ut de consultationibus in Aponi fontem talos aureos iaceret, evenit, ut summum numerum iacti ab eo ostenderent; hodieque visuntur sub aqua hi tali. Мы должны упомянуть, что еще въ исходѣ III вѣка по Р. Хр., императоръ Клавдій (268 — 270) спрашивалъ будущее у Апонскаго оракула и получилъ отъ него, по словамъ историка (Trebell. Pollio c. 10), откровеніе о судьбѣ своей, своего брата и потомства. Требеллій Полліонъ даже приводитъ эти изреченія. Другой историкъ того же времени упоминаетъ также объ «Апонскихъ жребіяхъ» (Appeninae — читай Aponinae — sortes), служившихъ оракуломъ императору Авреліану (270 — 275): см. Flav. Vopiscus in Firmo c. 3.

Изъ выписанныхъ выше словъ Свѣтонія видно, что Апонскій оракулъ соединялся съ именемъ Геріона. Геріономъ называли извѣстное въ греческой миѳологіи чудовище, крылатое, о трехъ головахъ, оберегавшее на дальнемъ западѣ стадо похищенное у Солнца, — словомъ, олицетвореніе темной и враждебной силы, существо, которое, можетъ быть, слѣдуетъ отождествить съ славянскимъ Змѣемъ-Горынычемъ. По греческимъ сказаніямъ, Геркулесъ пошелъ побороть это чудовище и освободить стадо Солнца. Къ странствованію Геркулеса, когда онъ черезъ землю кельтовъ и скиѳовъ возвращался домой съ освобожденнымъ стадомъ, греки привязали много мѣстныхъ сказаній (напр. о происхожденіи скиѳскаго народа, о чемъ впослѣдствіи, и мн. друг. См. Preller Griech. Myth. II, 202 — 216); такимъ образомъ можно объяснить сочетаніе имени Геріона съ оракуломъ въ Венетскомъ краѣ. Тамъ показывались какія-то борозды въ скалахъ и называли ихъ слѣдами Геркулесова плуга. Клавдіанъ (Idyll.) говоритъ объ Апонѣ:

Prætere grandes effosso marmore sulci
Saucia longinquo limite saxa secant;
Herculei (sic fama refert) monstrantur aratri
Semita, nec casus vomeris egit opus.

[203]) Cassiodor. Ep. II, 39. Sed non his tantum beneficiis Antenorea terra foecunda est. Infert et alia, quae multo grandius obstupescas. Corda illa (ut ita dixerim) montium in vicemsecretarii, negotia contentiosa distinguunt. Nam si quis forte pecus furatum pilis nativis solito more spoliare præsumpserit, undis ardentibus frequenter immersum, necesse est, ut antea decoquat, quam emundare prævaleat. O vere secretarium iure reverendum! quando in his aquis non solum sensum, sed etiam verum constat esse iudicium, et quod humana nequit altercatione dissolvi, fontium datum est aequitate definiri.

[204]) Тамъ же. Sed ut ipsum quoque lavacrum mundius redderetur, stupenda quaedam continentiæ disciplina in undam, qua viri recreantur, si mulier descendat, incenditur, Срав. Martial. VI, 43: fontes Aponi rudes puellis.

[205]) О томъ, какъ одѣвались венеты и о домашней обстановкѣ ихъ быта почти ничего неизвѣстно. Историкъ Венеціи, Романинъ говоритъ, что, судя по изображеніямъ древнихъ памятниковъ, венеты носили шляпы и короткіе волосы; прочее, что разсказываетъ Романинъ (I, 15), будто ихъ костюмъ былъ похожъ на азіятскій, съ широкими шароварами и т. п., основано на чистомъ недоразумѣніи: Романинъ принялъ къ венетамъ извѣстіе о сигиннахъ, вѣтви персидскаго племени, которая не имѣетъ съ ними ничего общаго. Римскій сатирикъ Ювеналъ (Sat. VIII) упоминаетъ о «жестокомъ венетскомъ *куколѣ* или капишонѣ» (contentusque ille Veneto duroque cucullo). Такого рода головной уборъ, по словамъ Романина, сохраняли и впослѣдствіи жители Венеціанскихъ острововъ, гдѣ долгое время и знать и простой народъ носили капишоны. Тотъ же историкъ, ссылаясь на то, что у римлянъ слово *venetus* стало

употребляться въ смыслѣ голубого, полагаетъ, что голубой цвѣтъ былъ любимымъ у венетовъ и находитъ тому замѣчательное подтвержденіе въ томъ, что еще въ XII вѣкѣ венеціанцы носили одежду преимущественно голубого цвѣта. Мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ греческихъ писателей извѣстіе, будто жители прибрежья Эридана (р. По) носили черное платье, въ знакъ траура по Фаэтонѣ (Polyb. II, 16. Scymn. v. 400. Plutarch. Moral. de numinis vindicta, 12); но трудно рѣшить, была ли это просто выдумка греческой фантазіи, или дѣйствительно венеты любили темный цвѣтъ въ одеждѣ, и это послужило новодомъ къ баснѣ объ ихъ траурѣ. Полибій высказывается такъ, какъ будто самый фактъ ношенія черной одежды признавался имъ за вымыселъ: *τἆλλα δὲ τὰ περὶ ποταμὸν τοῦτον (Πάδον) ἱστορούμενα παρὰ τοῖς Ἕλλησι, λέγω δὴ τὰ περὶ Φαέθοντα καὶ τὸν ἐκείνου πτῶσιν, ἔτι δὲ τὰ δάκρυα τῶν ἀηγείρων, καὶ τοὺς μελανείμονας τοὺς περὶ τὸ ποταμὸν οἰκοῦντας, οὓς φασι τὰς ἐσθῆτας εἰσέτι νῦν φορεῖν τοιαύτας ἀπὸ τοῦ κατὰ Φαέθοντα πένθους, καὶ πᾶσαν δὴ τὴν τραγικὴν καὶ ταύτῃ προσεοικυῖαν ὕλην... ὑπερθήσο μεθα.*

Переходя отъ одежды къ пищѣ, мы можемъ указать только на самыя отрывочныя извѣстія. Если вѣрить Марціалу, венеты даже при изысканномъ столѣ начинали обѣдъ съ мелкой рыбы, которой и теперь множество въ лагунахъ, въ родѣ пискаря: XIII, 88:

In Venetis sint lauta licet convivia terris,
Principium coenae gobius esse solet.

Сравн. Colum. de re rust. VIII, 17: exiguus gobio. Рыбу венеты умѣли готовить какимъ-то особеннымъ способомъ, сохранявшимъ ея природный цвѣтъ: Lamprid. Heliogab. 23. Pisces semper quasi in marina aqua cum colore suo coctos conditura veneta comedit.

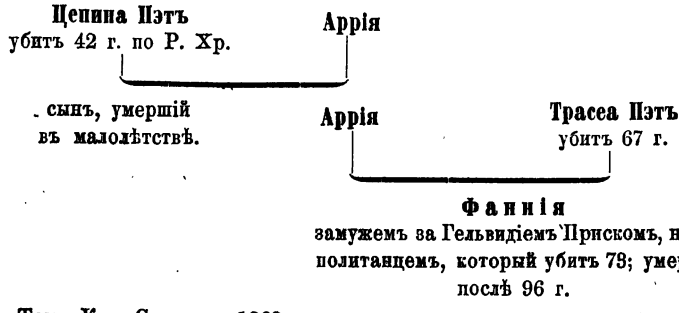
[206]) Можно привести только одну отрывочную черту, именно, что венеты, или по крайней мѣрѣ жители волости Andes близъ Мантуи (in pago qui Andes dicitur, qui est a Mantua non procul), гдѣ родился Виргилій, венетъ по происхожденію, садили въ землю, при рожденіи младенца, ростокъ тополя. Donat. de Virgilii vita: virga populea, more regionis in puerperiis eodem statim loco depacta.

[207]) Plin. jun. Ep. I, 14. Habet Minucius aviam maternam Serranam Proculam e municipio Patavino. Nosti loci mores. Serrana tamen Patavinis quoque severitatis exemplum est.

[208]) Martial. XI, 17.

Tu quoque nequitias nostri lususque libelli
Uda puella leges, sis Patavina licet.
Erubuit, posuitque meum Lucretia librum;
Sed coram Bruto: Brute, recede, — leget.

[209]) Патавинское происхожденіе этой семьи несомнѣнно доказываютъ сохранившіеся надгробные памятники рода Пэтовъ и рода Арріевъ, которымъ она принадлежала съ мужской и женской стороны. Нѣсколько такихъ памятниковъ открыты въ Патавіи; одинъ въ венетскомъ же городѣ Опитергіи (Historia di Padova di Sertorio Orsato, 55, 56). О патавинскомъ происхожденіи Трасеи Пэта свидѣтельствуютъ также Тацитъ и Діонъ Кассій. Для наглядности представляемъ слѣдующую родословную таблицу:



[210]) Нѣсколько подробностей изъ жизни Арріи старшей сохранены Плиніемъ мл. (Ep. III, 16). Особенно знаменита ея смерть. Въ царствованіе императора Клавдія (въ 41 г.) мужъ Арріи, Цецина Пэтъ, принадлежавшій къ числу высшихъ римскихъ сановниковъ, былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ попыткѣ возстановить республиканское правленіе и древнюю свободу. По обычаю того времени, ему, какъ знатному римлянину, было предоставлено исполнить надъ собою приговоръ. Онъ уже взялъ въ руки кинжалъ, но не доставало рѣшимости, онъ колебался. Видя это, Аррія выхватываетъ у него кинжалъ, ударяетъ себя въ грудь, выдергиваетъ кинжалъ и подаетъ мужу со словами: „Пэтъ, не больно“ (Paete, non dolet). См. Plin. Ep. III, 16, Martial I, 14; Tac. Annal. XVI, 34; Dio Cass. LX, 16.

[211]) Тацитъ (Annal. XVI, 21) называетъ его „virtutem ipsam“. Martial. IV, 54: Divitior Crispo, Thrasea constantior ipso. Плин. мл. (Ep. VIII, 22) говоритъ о немъ, vir mitissimus et ob hoc quoque maximus. Его мужественная и честная оппозиція Нерону, кроткое спокойствіе, съ которымъ онъ принялъ приговоръ смерти, его прощаніе съ Арріей, его предсмертное возліяніе „Юпитеру-освободителю“, все это столь извѣстно изъ Тацита, что мы этого здѣсь не повторяемъ.

[212]) Plin. Ep. VII, 19. Тацитъ (Ann. XVI, 34) разсказываетъ, что жена Трасеи, Аррія младшая, пыталась послѣдовать примѣру своей матери и окончить жизнь вмѣстѣ съ мужемъ, но Трасеа убѣдилъ ее пощадить себя для дочери, которой она оставалась единственною опорою. Дочь ея Фаннія была выдана за Гельвидія Приска, человѣка достойнаго вступить въ родство съ Трасеей, который нашелъ въ немъ друга по своему сердцу и послѣдователя своихъ благородныхъ убѣжденій (Tac. Hist. IV, 5). Прекрасную характеристику Фанніи и ея матери мы находимъ въ вышеприведенномъ письмѣ Плинія младшаго.

[213]) Какъ сильна была связь этого семейства съ родиной, видно уже изъ того, что Трасеа, уже римскій сенаторъ и притомъ одинъ изъ знатнѣйшихъ сенаторовъ Рима, не пренебрегъ явиться въ Патавій, чтобы принять участіе въ тамошнемъ старинномъ народномъ праздникѣ (см. выше примѣч. 81, 83).

[214]) Macrob. Saturnal. I, 11. Asinio Pollione acerbe cogente Patavinos, ut pecuniam et arma conferrent, dominisque ob hoc latentibus, præmio servis cum libertate proposito, qui dominos suos proderent, constat servorum nullum, victum præmio, dominum prodidisse.

[215]) Полибій II, 23, 24. Страб. V, 1 § 9.

[216]) Röm. Gesch. I. 527.

[217]) Въ нынѣшней Истріи.

[218]) Sil. Ital. Punic. VIII, 590, 606. XII. 212. Въ несчастной для Рима битвѣ при Каннахъ (216 г.), съ особеннымъ геройствомъ сражался, по словамъ Силія Италика, венетскій вождь Педіанъ, „который велъ свой родъ отъ Антенора и съ которымъ среди родовъ венетскихъ (Venetae ex ordine gentes) не могъ сравниться никто, подымался ли онъ на войну или кротко предавался музамъ и уединенной жизни ученаго и пѣснопѣвца“.

[219]) См. Моммзена, Röm. Gesch. I. 637 и въ другихъ мѣстахъ.

[220]) Полибій II, 35. Этотъ характеристическій отзывъ помѣщенъ имъ при окончаніи въ 225 г. первой войны съ боіями и инсубрами въ сѣверной Италіи.

[221]) Liv. XXXIX, 22, 54. „Neque illos recte fecisse, quum in Italiam venerint, oppidumque in alieno agro, nullius Romani magistratus, qui ei provinciæ praeesset, permissu, aedificare conati sint; neque senatui placere, deditos spoliari.... Alpes prope inexsuperabilem finem in medio esse“.

[222]) Strab. V, 1 § 8): *ἐπιτειχισθὲν τοῖς ὑπερκειμένοις βαρβάροις*. Ср. Liv. XLIII, 1: Aquileiensium.... coloniam... novam et infirmam... inter infestas nationes Istrorum et Illyriorum. Пограничное положеніе Аквилеи было причиной, что ее причисляли то къ венет-

ому краю (Ливій XXXIX, 22), то къ Карніи (Плин. III, 18. Птол. III, 1 § 29). Но что квилея принадлежала точно къ владѣніямъ венетовъ, явствуетъ изъ того, что Тивское святилище, лежавшее отъ нея дальше къ востоку, по всѣмъ безъ исключенія идѣтельствамъ, входило въ составъ венетской земли. Потому, когда Страбонъ, который совершенно справедливо называетъ Тимавъ пограничнымъ мѣстомъ венетовъ со ороны Истріи (V, 1 § 9), тутъ же говоритъ, что «Аквилея находится внѣ венетихъ предѣловъ» (§ 8: *ἔξω δ' ἐστὶν τῶν Ἑνετικῶν ὅρων ἡ Ακυληία*), то это или прое недоразумѣніе, или Страбонъ хотѣлъ выразить, что Аквилея въ административномъ отношеніи была отдѣлена отъ венетскаго края: послѣднее предложеніе весьма роятно, какъ потому, что Аквилея составляла римскую колонію, такъ и потому, что значеніе, какъ большого складочнаго мѣста для торговли, могло требовать, чтобы отъ городъ выдѣленъ былъ изъ общаго управленія венетской области.

[223]) Впослѣдствіи, тоже для обороны отъ истровъ и отъ заальпійскихъ племенъ, зованы были въ восточной полосѣ венетскаго края, называвшейся также Карніею, выя колоніи Конкордія и Forum Julii (нын. Чивидале, по-славянски Старо-мѣсто); внутри страны венетовъ не было учреждено ни одной римской колоніи, и лишь царствованіе Нерона высланы почему-то римскіе поселенцы въ венетскій городъ ину (Julii Frontini de coloniis: Atina, muro ducta, colonia: deduxit Nero Claudius Cæ).

[224]) Ливій XLI, 27.

[225]) Mommsen, Corpus inscript. latin. I, 153, № 547, 548 и 549.

[226]) Часть исторіи Ливія, обнимающая періодъ съ 218 по 179 г., сохранилась въ ости, а именно только въ продолженіи этого времени могло совершиться подчиіе венетовъ Риму.

[227]) Hor. III. 3. in Venetia, quo fere tractu Italia molissima est.

[228]) Herodian. VIII. 3: *χρησμὰ δέ τινες ἐδιδόντο τῶς δὴ τοῦ ἐπιχωρίου* (рѣчь идетъ объ вилеѣ) *θεοῦ νίκην ὑπισχνουμένου. Βέλιν δε καλοῦσι τοῦτον, σέβουσί τε ὑπερφυῶς, ὅλλονα εἶναι ἐθέλοντες.* Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. оргіевскій въ своей книгѣ: «Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря» приняли этого Бѣа за кельтскаго бога. У кельтовъ Цезарь въ числѣ второстепенныхъ боговъ причитъ и Аполлона, замѣчая только, что онъ «отгоняетъ болѣзни» (B. G. VI, 17); какъ называли кельты этого бога, мы не знаемъ; въ извѣстныхъ намъ надписяхъ, надлежащихъ кельтскому краю, имя Бѣлина или Белена не встрѣчается. Напроъ того, многочисленныя надписи, найденныя въ Аквилеѣ, Градѣ и около нынѣшВенеціи показываютъ, что Бѣлинъ былъ мѣстнымъ богомъ этой страны; но, коно, никто не станетъ выдавать жителей Аквилеи, Града и венеціанскаго края за ѣтовъ. Тертулліанъ называетъ Бѣлина богомъ норикова (Apolog. c. 24) Unicuique m provinciæ et civitati suus deus est... ut Noricis Belenus etc. Ad Nation. II, 8. enum Noricum (deum). Это свидѣтельство указываетъ также не на галльское, а славянское происхожденіе Бѣлина, ибо главное населеніе Норика, какъ мы увиь впослѣдствіи, составляли славяне. Единственное указаніе на то, что Бѣлинъ изенъ былъ и галламъ, мы встрѣчаемъ у Авзонія, а именно: Profess. IV (Attius Patera):

Tu Baiocassis stirpe Druidarum satus
Si fama non fallit fidem,
Beleni sacratum ducis e templo genus.

Idem, Profess. X.

Nec reticebo senem
Nomine Phoebicium,
Qui Beleni aedituus
Nil opis inde tulit;

Sed tamen, ut placitum
Stirpe satus Druidum
Gentis Aremoricæ,
Burdigalæ cathedram
Nati opera obtinuit.

Но эти слова Авзонія не опровергаютъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что поклоненіе Бѣлину принадлежало, собственно, венетскому краю и Норику. Можно предположить только, что галлы, владѣвшіе долгое время Норикомъ, заимствовали Бѣлина отъ тамошнихъ коренныхъ жителей-славянъ и что этимъ путемъ Бѣлинъ сдѣлался извѣстенъ и въ Галліи. Или, быть можетъ, колонія венетовъ, которая, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, переселилась въ галльскую Арморику, перенесла туда и своего бога? Храмъ Бѣлина, о которомъ говоритъ Авзоній, находился именно въ Арморикѣ (въ мѣстности, гдѣ теперь Вауеих, городъ древняго колѣна Баіокассовъ, въ Нормандіи).

Что Бѣленъ или Бѣлинъ былъ дѣйствительно главнымъ народнымъ божествомъ венетовъ въ Италіи, подтверждается тѣмъ, что ему, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, воздвигнуто было въ ихъ странѣ наибольшее число памятниковъ. На это же указываетъ и выраженіе Геродіана, что ему особенно (или «чрезвычайно», *ὑπερφυῶς*) поклоняются жители Аквилеи. Этому значенію Бѣлина, какъ высшаго бога венетскаго, не противорѣчитъ то, что римляне отождествляли его съ Аполлономъ, т. е. съ богомъ второстепеннымъ; въ этомъ отношеніи древніе руководствовались преимущественно внѣшними признаками, аттрибутами боговъ, а не значеніемъ и степенью власти, которыя имъ приписывались. Такъ, напр., Цезарь называетъ главнаго бога, которому поклонялись галлы, Меркуріемъ, хотя Меркурій былъ весьма неважнымъ лицомъ въ римскомъ сонмѣ боговъ, но потому, что Цезарь находилъ въ признакахъ высшаго галльскаго божества (Теутата) сходство съ представленіями римлянъ о Меркуріи (см. B. G. I, VI, 17). Такимъ же точно образомъ, безъ сомнѣнія, и главный богъ венетовъ сдѣлался Аполлономъ. Самое названіе *Бѣлинъ* или *Бѣленъ* указываетъ на то, что это было божество свѣтлое,—вѣроятно тотъ же представитель свѣтлаго начала, какъ *Бѣлъ-богъ*, котораго мы находимъ у другихъ славянъ. Такъ какъ по основному, существенному своему значенію Аполлонъ былъ также богомъ солнца и свѣта (см. Preller, Griech. Myth. I. 182), то отождествленіе Бѣлина съ Аполлономъ еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе.—Кромѣ приведеннаго извѣстія Геродіана, о поклоненіи Бѣлину свидѣтельствуютъ, какъ замѣчено выше, надписи, найденныя въ венетскомъ краѣ. Вотъ тѣ, которыя напечатаны Катанчичемъ (Istri adcolarum geographia vetus т. I). Belino sacr (на островѣ Градѣ, стр. 180); другая такая же (тамъ же стр. 208); Beleno aug. sacr. (т. е. Beleno augusto sacravit; въ Аквилеѣ, стр. 200); Beleno aug. (тамъ же); Belen. aug. (тамъ же); Belin. aug. sac. (тамъ же, стр. 203); Belino aug. sacrum (тамъ же, стр. 207); Belieno aug (въ Венеціи, стр. 185); Beleno (въ Аквилеѣ, стр. 199); другая то же Beleno (тамъ же, стр. 216); Belino (тамъ же, стр. 209); Apollini Beleno aug. (въ Венеціи, стр. 185); Apollini Beleno (въ Аквилеѣ, стр. 201); Apollini Beleno aug. (тамъ же, стр. 213); Domno B. sacrum (чит. Domno Beleno; въ Аквилеѣ, стр. 210); Fonti Beleno (тамъ же, стр. 208); Fonti B. (чит. Beleno; въ Венеціи, стр. 185). Замѣчательны эти двѣ послѣднія надписи, посвященныя «источнику Бѣлену». Имя Бѣлена слышно до сихъ поръ въ названіи деревни у развалинъ Аквилеи, Белинья (Beligna).

[229]) Надпись въ Венеціи: bono (deo) Brontoni. Другая надпись, въ которой упоминается тоже божество, найдена въ Римѣ: Jovi sancto Brontonti (Катанч., стр. 185). Имя этого божества представляетъ нѣкоторое сходство съ албанскимъ словомъ Перендѝ или Перндѝ, Богъ; но ни то ни другое для насъ необъяснимы. Впрочемъ,

ніе «Brontoni» сравнивали съ греческимъ *βροντάω*—гремлю и съ этрусскимъ сло- fruntac, которое въ одной двуязычной этрусско-латинской надписи, соотвѣтъ- ть, повидимому, слову fulgurator (Fabretti n. 69; см. его же подъ сл. fruntac).

[230]) «Deo Gavto pat» надпись въ Джемонѣ, въ Венеціанской области, Катанч. 215. Не есть ли имя это старинная форма причастія отъ корня гов-ѣть, чтить кно, тождественнаго, кажется, съ древне-индійск. ху (вмѣсто гу) дѣлать воз- , жертвоприношенія, откуда причастіе хута (вм. гута) тотъ, кому приносятъ ы, съ которымъ сравниваютъ готское Guth, древне-нѣмец. Cot, богъ? Совер- о загадочны для насъ еще два миѳологическія названія, встрѣчаемыя на надпи- венетскаго края, именно: Fonio въ двухъ аквилейскихъ надписяхъ (тамъ же, 214: 1) Fonioni sacr Seia. Ionis mag d. d. и 2) Annia M. f. Magna. et Scia- et. Cornelia. Ephire Magistrae. b. d. porticvm. restitvervnt ædicvlam. Fonionis), же Cuslanus въ веронской надписи (тамъ же стр. 186 и Fabretti, Glossar. 974: no sac L. Octavivs C. f Crassvs L. C. Octavi L. f Martialis. et Macer. По звуку, Cuslanus напоминаетъ славянск. (чешск.) кѵзло—чародѣйство; но этимологія комъ сомнительна, тѣмъ болѣе, что надпись найдена у Вероны, стало быть въ юсти, населенной отчасти этрусками, и потому нельзя съ увѣренностью считать божество за венетское.

[231]) Muratori II, p. 84, Vita S. Aureliani (въ Agnelli, liber pontificalis): De hoc de- viro (Aureliano) non potui aliqua facta reperire, nisi tantum res quas Ursiana ec- in territorio Comaclensi in loco qui dicitur Ignis et Bajas, idem idolo- nomine, non longe ubi ecclesia b. Mariæ de Pado vetere sita est, ipse adquisivit мы видимъ прямое указаніе на двѣ мѣстности (лежавшія близъ устья По, гдѣ Комакьо), которыя были названы по языческимъ божествамъ: имя Ignis здѣсь идно замѣнило славянское огнь (мы знаемъ, что римляне, при боготвореніи огня, гда не давали ему этого простаго названія); *Bajas*, какъ кажется, объясняется анившимся доселѣ въ славянскомъ (хорутанскомъ) нарѣчіи словомъ бая, въ смы- кребій, чары, обаяніе, словомъ, имѣющимъ обширное родство во всѣхъ ихъ языка славянскаго. Такимъ образомъ, можно бы полагать, что у венетовъ богиня Бая, соотвѣтствовавшая римской Фортунѣ.—Памятникъ, въ которомъ мы емъ это любопытное извѣстіе, писанъ въ первой половинѣ IX вѣка; а жизнь епи- Авреліана принадлежитъ VI вѣку (онъ былъ современникомъ папы Гормиздаса, —523 гг.).

[232]) Liv. Epit. CX. Flor. Epit. IV. Lucan. Pharsal. IV, 402.

[233]) Сдѣлавшись полнымъ властителемъ Рима, Цезарь включилъ въ число сенато- многихъ провинціаловъ даже изъ Испаніи и Галліи; нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ ими приняты были въ сенатъ и важнѣйшіе изъ гражданъ Венетскаго края. Та- разсказываетъ, что когда (въ 48 г. по Р. Хр.) сдѣлано было предложеніе при- въ сенатъ знатнѣйшихъ лицъ Галліи, то римскіе консерваторы восклицали: «мало ъ насъ еще, что венеты и инсубры вторглись въ сенатъ! Хотятъ ли насъ сдѣ- совсѣмъ плѣнниками въ толпѣ иноземцевъ» (an parum quod Veneti et Insubres m inruperint, nisi cœtus alienigenarum, nisi captivitas inferatur?). Напротивъ того, раторъ Клавдій, защищая предложеніе, говорилъ сенату между прочимъ: «съ тѣхъ именно водворилось у насъ дома прочное спокойствіе и внѣшнія дѣла наши и процвѣтать, когда транспаданцы (т. е жители края между По и Альпами, стало венеты и ихъ сосѣди) приняты въ число гражданъ» (Tacit. Annal. XI, 23, 24).

[234]) Страб. V, 1 § 7.

[235]) Характеристиченъ въ этомъ отношеніи разсказъ Тацита о томъ, какъ жители довъ около Пада были возмущены, когда одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, уро- ецъ венетскаго города Вицетіи (Vicenza), Цецина Аліенъ, полководецъ императора

Вителлія, явился къ нимъ въ «варварскомъ» одѣяніи, цвѣтномъ плащѣ и штанахъ, и какъ они обижались, что онъ въ этомъ видѣ осмѣливался держать рѣчь передъ людьми, облаченными въ римскую тогу (Hist. II, 20).

[236]) Такъ мы замѣтили славянское слово въ латинской надписи, найденной въ Аквилеѣ. Въ то время, когда писалъ свою географію Помпоній Мела (въ царствованіе императора Клавдія, 41 — 54 г.), венеты, вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями къ сѣверо-востоку карнами, еще не причислялись, какъ кажется, къ народамъ собственно италійскимъ: Mela II, 2: sinistra parte (Italiæ) Carni et Veneti colunt Togatam Galliam; tum Italici populi, Picentes, Frentani, Dauni, Apuli, Calabri, Sallentini. Память о венетахъ, какъ имѣвшихъ нѣкогда особую народность и особый языкъ, можно найти еще въ IV в. по Р. Хр., въ сочиненіяхъ императора Юліана: Orat. II, p. 71.

[237]) Страб. V, 1, § 10. Ср. Julian. imp. Orat. II p. 72. *Ἔστι δὲ ἐν αὐτῃ* (говоря о странѣ Приальпійской) *τό τε τῶν Ενετῶν ἔθνος καὶ Λίγυές τινες καὶ τῶν ἀλλῶν Γαλατῶν οὐ φαυλη μοῖρα. τὰ μὲν ἀρχαῖα σφῶν ὀνόματα σῳζειν* (οἱ Ῥωμαῖοι) *οὐ διεκώλυσαν, τῷ κοινῷ δὲ τῶν Ἰταλῶν ξυγχωρεῖν κατηνάγκασαν.*

[238]) См выше примѣч. 92.

[239]) Подробное исчисленіе извѣстныхъ въ римской исторіи лицъ, уроженцевъ венетской земли, можно найти въ IV томѣ сочиненія Филіаси, гдѣ помѣщенъ рядъ главъ объ этихъ лицахъ, подъ заглавіемъ «Veneti celebri».

[240]) Что славяне, въ началѣ среднихъ вѣковъ водворившіеся въ Венеціанскомъ краѣ, считались у туземцевъ за чужихъ, видно, между прочимъ, изъ мѣстныхъ названій какъ напр. riva dei Schiavoni въ Венеціи, деревня Sclavonia, нѣсколько на югъ отъ Эсте, древняго Атесте (означена на картѣ Падавинскаго края, приложенной къ книгѣ Historia di Padova di Sertorio Orsato); villa de Slavoni, находившаяся близъ laguna di Caprula или Caorle; урочище Schiavonia близъ лагуны по направленію къ Мольяно (Филіаси, V, 238); Pasian Schiavonesco, станція желѣзной дороги на западъ отъ Удине; Sclaunico, деревня на югъ отъ Удине; Schie venin, деревня у р. Піаве на югъ отъ Фельтре и т. дал.

РОССІЙСКОЕ

БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

II *).

Внутренній характеръ Общества, его составъ и тенденціи. — Свойство англійскихъ вліяній. — Дѣйствія Общества: вѣротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, «религіозные трактаты»; значеніе библейскихъ изданій Общества. — Вліяніе нравовъ и «почвы». — Офиціальная натянутость библейскаго дѣла; распространеніе піэтизма; мистическія крайности; обскурантизмъ.

Судьба русскаго Библейскаго Общества есть судьба многихъ начинаній въ русской общественной жизни: начало его было несмѣло, даже черезъ мѣру осторожно и окружено всякими оговорками; Общество укрѣпляется только получивъ оффиціальную санкцію, — въ силу которой оно потомъ быстро распространяется, такъ что охватываетъ положительно всѣ края имперіи и вездѣ имѣетъ своихъ членовъ, благотворителей и сотоварищей; затѣмъ оно вдругъ рушится, хотя мы напрасно ищемъ причины паденія въ его собственныхъ дѣйствіяхъ, потому что ничего новаго въ немъ не произошло, и оно падаетъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ еще незадолго передъ тѣмъ оно ободрялось и поощрялось высшими властями; причина закрытія отыскивается въ обстоятельствахъ, посторонніхъ его сущности; въ концѣ, осужденіе падаетъ на все цѣликомъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ... А правые, конечно, были; это были люди, въ которыхъ жила лучшая, просвѣтительно-человѣколюбивая сторона библейской дѣя-

*) См. выше, т. IV, стр. 639—712.

тельности, и съ этимъ внезапнымъ, нежданнымъ упраздненіемъ всѣхъ ихъ надеждъ и стремленій, упразднялся, конечно, одинъ изъ шансовъ правильнаго послѣдовательнаго развитія общественныхъ понятій, которое могло бы нѣкогда принести благотворный результатъ, потому что, проведши общественную мысль черезъ извѣстныя усилія, борьбу убѣжденій, даже (всегда неизбѣжныя) ошибки, могло бы дать ей наконецъ какую-нибудь устойчивость и самостоятельность. Такой ходъ исторіи Библейскаго Общества, очевидно, совершенно соотвѣтствуетъ всему характеру нашей жизни, въ которой общественная дѣятельность во времена императора Александра еще дѣлала свои первые шаги и была потому легко открыта всѣмъ случайностямъ...

Въ частности, исторія Библейскаго Общества представляетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій *второй половины* царствованія императора Александра, какъ извѣстно, отличавшейся своими особенными чертами и очень непохожей на первую: это было время торжества надъ Наполеономъ и новой политики, наставшей теперь послѣ Священнаго Союза и вѣнскаго конгресса, когда въ обществахъ Европы происходило однако свое неопредѣленное броженіе, остатокъ и продолженіе революціонныхъ потрясеній, — время мистическихъ увлеченій самого императора, и время сильной реакціи... Всѣ эти событія прямо или посредственно отражались и на русской жизни, и исторія Библейскаго Общества, въ особенности, богата подобными чертами времени. Библейское Общество, которое и появилось у насъ по чужой иниціативѣ, представляетъ очень часто факты непосредственныхъ европейскихъ вліяній, но при всемъ томъ въ его дѣйствіяхъ и въ цѣломъ его характерѣ столько чисто-русскихъ свойствъ и пріемовъ, что намъ не трудно узнавать, въ его русскихъ руководителяхъ, своихъ соотечественниковъ.

По объясненнымъ прежде причинамъ, нашъ очеркъ не имѣетъ притязанія на какую-нибудь полноту: мы соберемъ только главныя черты и неполнота изложенія нашего сама указываетъ, гдѣ нужны еще историческія разъясненія, которыхъ надобно ждать отъ публикаціи документовъ, относящихся къ исторіи Общества, и отъ разъясненій его современниковъ.

Мы довели изложеніе внѣшней дѣятельности Общества до 1824 года. Паденіе Общества, начавшееся съ удаленіемъ кн. Голицына, было отчасти слѣдствіемъ грязныхъ личныхъ интригъ, отчасти результатомъ столкновенія двухъ различныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ разныхъ кругахъ общества, — двухъ «на-

правленій», объемъ которыхъ выходилъ, конечно, за предѣлы самого библейскаго вопроса. Библейское Общество еще до 1824 г., а съ этого года въ особенности, стало предметомъ ожесточенныхъ инкриминацій, со стороны людей, выдававшихъ себя и считавшихся пламенными сынами отечества и защитниками вѣры,— чѣмъ однако считали себя и библейскіе дѣятели. То, что по словамъ ревнителей Библейскаго Общества, было «явнымъ свидѣтельствомъ милости Промысла» и «истиннымъ благодѣяніемъ для русскаго народа», врагами его выдавалось теперь за покушеніе противъ религіи и революціонный подкопъ подъ самыя основанія государственнаго порядка. Чтобы оріентироваться въ этихъ противорѣчіяхъ, мы предварительно должны составить себѣ понятіе о самой сущности дѣла и войти для того въ нѣкоторыя подробности объ устройствѣ и характерѣ русскаго Библейскаго Общества. Мы остановимся поэтому на его отношеніяхъ къ Британскому Обществу, его личномъ составѣ, способахъ распространенія, различныхъ тенденціяхъ, въ какихъ совершалась библейская дѣятельность и т. д.

Въ «Библейскомъ Обществѣ» къ нашей жизни прививалось учрежденіе, созданное чужими нравами и чужой образованностью, — какъ это случалось у насъ множество разъ прежде и послѣ. При такихъ прививкахъ европейскія идеи въ нашей жизни всегда извѣстнымъ образомъ измѣнялись по требованіямъ домашнихъ условій: онѣ всего чаще съуживались и укорачивались, когда это были идеи просвѣтительныя, потому что для должнаго ихъ примѣненія у насъ не оказывалось достаточно образованности, и нововведеніе затруднялось враждой со стороны людей стараго вѣка. На этотъ разъ прививка сопровождалась также своими изъянами и странностями, и ихъ было тѣмъ больше, что теперь шло дѣло объ учрежденіи чисто общественномъ, и усвоеніе чужой идеи должно было совершаться не административнымъ порядкомъ, а дѣятельностью частныхъ лицъ. Правда, Общество могло и осуществиться только съ высочайшаго соизволенія, все время было подъ непосредственнымъ вліяніемъ власти, постоянно привлекало вниманіе самого императора, но дѣятельность его тѣмъ не менѣе считалась не отправленіемъ оффиціальнаго вѣдомства, а добровольнымъ дѣломъ частныхъ лицъ, дѣломъ общества... Но элементы общественной дѣятельности были однако такъ слабы въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что трудно было ожидать, чтобы учрежденіе, какъ Библейское Общество, основанное англійской общественной и религіозной свободой и вѣротерпимостью, могло сохранить эти свойства на русской почвѣ, могло здѣсь существовать сохранно и безбоязненно, какъ тамъ, и при-

нести тѣже плоды... Результатъ показалъ, что это дѣйствительно было невозможно.

Первая разница была въ разницѣ этихъ главныхъ основаній: Британское Общество имѣло свою опору въ свободѣ общественныхъ учрежденій; у насъ оно было дѣломъ административнаго дозволенія, которое могло быть дано и отнято, когда въ самыхъ *русскихъ* нравахъ и привычкахъ дѣятельность этого рода еще не успѣла пріобрѣсти себѣ права на существованіе... До *иностранцевъ*, живущихъ въ Россіи, это не касалось; и послѣ того, какъ въ 1826 г. русское Общество было окончательно закрыто и истреблялась всякая память о немъ, въ 1831 г. открыто было вновь Библейское Общество протестантское, которому разрѣшено было воспользоваться частью наслѣдства отъ бывшаго русскаго Общества (въ изданіяхъ, и отчасти въ суммахъ), президентомъ котораго могъ сдѣлаться бывшій вице-президентъ прежняго русскаго Общества (кн. К. А. Ливенъ, тогда министръ народнаго просвѣщенія), и которое существуетъ до сихъ поръ...

Русская жизнь до тѣхъ поръ не представляла, кажется, никакихъ примѣровъ общественной дѣятельности подобнаго рода, и это едва ли не былъ первый случай соединенія частныхъ усилій въ обширномъ предпріятіи на общую пользу. До царствованія императора Александра можно указать нѣчто подобное развѣ въ учрежденіи Вольнаго Экономическаго Общества. Потребность однакоже была, и однимъ изъ доказательствъ ея существованія должно считаться распространеніе масонскихъ ложъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, выражавшее собой именно такую попытку общественнаго самосознанія. Въ началѣ царствованія императора Александра, когда, по словамъ современниковъ, «всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» [1]), эта потребность стала чувствоваться сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и къ этому времени дѣйствительно относится множество и правительственныхъ учрежденій на общую пользу, и замѣчательныхъ частныхъ пожертвованій на университеты, училища и т. п., и наконецъ разнообразныхъ «обществъ»... Послѣ 1801 года, который произвелъ въ русской жизни такое благотворное движеніе, въ другой разъ оно дано было 1812-мъ годомъ. Онъ до высшей степени возбудилъ чувство общей безопасности и патріотическій энтузіазмъ; это возбужденіе еще нѣсколько лѣтъ питалось чрезвычайными событіями, сильно дѣйствовало на умы и усиливало потребность въ

[1]) Записки Вигеля I, 189.

общественной дѣятельности, — въ томъ или другомъ смыслѣ.... Для иностранныхъ агентовъ Британскаго Общества, конечно, не могло быть удобнѣе минуты основать въ Россіи Библейское Общество, какъ именно конецъ 1812 года. Проектъ Общества былъ утвержденъ; въ сентябрѣ 1814 года, Общество изъ частнаго петербургскаго сдѣлалось «Россійскимъ», и получило полный просторъ. Но какъ ни было благопріятно время, какъ ни сильно возбуждены были нравственные интересы въ образованной части публики, самые нравы не могли передѣлаться такъ скоро, чтобы дѣятельность русскаго Общества могла идти въ томъ же смыслѣ, какъ шло это дѣло въ Англіи. Общество должно было дѣйствовать именно въ большинствѣ, но не только въ этомъ большинствѣ, но и въ самомъ образованномъ классѣ еще нужно было возбуждать тѣ интересы, какими проникались основатели русскаго Общества, и даже послѣ, когда наконецъ оно установилось, его члены и благотворители не знали иногда, что̀ дѣлать съ ихъ новыми понятіями, какъ выражать ихъ или сообразно съ ними дѣйствовать... Мы увидимъ дальше, къ чему приводило такое положеніе вещей: основателями библейскихъ комитетовъ въ губерніяхъ дѣлались начальники губерній, а агентами и распространителями Библіи въ народѣ дѣлались становые пристава и земскіе исправники...

Какъ ни было благопріятно время, какъ, повидимому, ни близка была идея Общества къ пониманію благочестиво настроенной массы, но очевидно, что первымъ условіемъ его существованія и успѣха было участіе къ нему самого императора. Это одно давало полный просторъ для дѣйствій комитета, и вызвало ту предупредительность, которая сильно помогала Обществу въ административныхъ вѣдомствахъ и въ частныхъ людяхъ. Какъ скоро это участіе императора стало извѣстно, число ревнителей чрезвычайно увеличилось: понятно, что значительное число ихъ было привлечено именно только этимъ обстоятельствомъ... Въ отчетахъ всегда съ особеннымъ удареніемъ говорится о вниманіи императора Александра, и знаки этого вниманія были, дѣйствительно, главной опорой Общества. Императоръ поддерживалъ всѣ мѣры комитета, даже самъ настаивалъ на возможно-быстромъ распространеніи книгъ св. писанія, приказывая дѣлать большія закупки книгъ для арміи, разсылать въ достаточномъ количествѣ по епархіямъ; жертвовалъ для Общества значительныя суммы денегъ, дарилъ ему дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Отчеты приписываютъ ему самую иниціативу русскаго перевода св. писанія. Въ 1816 году, онъ высказалъ свои мысли объ этомъ предметѣ въ средѣ самаго Общества, во время посѣщенія Москвы.

«Двадцать седьмое число августа прошедшаго 1816 года, — разсказываютъ отчеты, — пребудетъ вѣчно достопамятнымъ въ лѣтописяхъ московскаго отдѣленія. Его императорское величество, во время пребыванія своего въ Москвѣ, удостоить изволилъ высочайшаго своего благоволенія членовъ комитета московскаго, которые представлены были его величеству въ Кремлевскомъ дворцѣ преосв. своимъ вице-президентомъ [1]). Поднесенные при семъ случаѣ Государю Императору экземпляры каждаго изъ отпечатанныхъ на счетъ московскаго Общества изданій книгъ св. писанія, также отчеты комитета и книжка объ открытіи онаго, приняты были его императорскимъ величествомъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и его величество, изъявивъ совершенное удовольствіе въ отношеніи къ трудамъ и успѣхамъ Общества, соизволилъ изъясниться при семъ случаѣ, что открытіе Библейскихъ Обществъ въ Россіи, во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и другихъ частяхъ свѣта, величайшіе успѣхи сихъ Обществъ въ распространеніи Слова Божія не только между христіанами, но даже между идолопоклонниками и магометанами, признаетъ онъ особенною милостію и благословеніемъ Божіимъ къ роду человѣческому, а потому соизволилъ воспріять на себя званіе члена Россійскаго Библейскаго Общества, и покровительствуетъ оному щедрыми благотвореніями, дабы благодатный свѣтъ откровенія распространить въ предѣлахъ Россіи, между народами, скипетру его подвластными» [2]). Много лѣтъ спустя, Пинкертонъ, упоминая въ своей книгѣ о религіозномъ движеніи въ Россіи, говоритъ: «но главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ христіанскихъ и человѣколюбивыхъ трудовъ былъ, безъ сомнѣнія, императоръ; потому что, въ такой странѣ какъ Россія, ничто въ подобномъ родѣ не могло бы совершаться безъ одобренія власти» [3]). Одинъ компетентный свидѣтель тѣхъ временъ изображаетъ самое Общество, какъ результатъ личнаго настроенія и личныхъ желаній императора Александра [4]).

Таково было, слѣдовательно, первое условіе, подъ которымъ дѣйствовало Общество. Основавшись такимъ образомъ, Общество конечно не удовольствовалось одной медленной пропагандой своей идеи; оно имѣло прямое покровительство и широко воспользовалось имъ, и если это покровительство избавило его отъ мно-

[1]) Архіеп. Августинъ.

[2]) Отч. 1816, стр. 99 — 100.

[3]) Russia, p. 360.

[4]) Ср. La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, par Henri Lutteroth (Н. Тургеневъ). Paris 1845, p. 48 и слѣд.

гихъ затрудненій, то, съ другой стороны, оно позволяло ему и существовать только до тѣхъ поръ, пока покровительство продолжалось. Съ прекращеніемъ покровительства, Общество не просто предоставлялось самому себѣ, оно теряло всѣ гражданскія права: при первомъ поводѣ оно закрывалось совсѣмъ...

При такомъ положеніи вещей, самый успѣхъ Общества, указанный нами въ цифрахъ отчетовъ, невольно вызываетъ сомнѣніе. Потому что, если, съ одной стороны, были въ Обществѣ люди, очевидно убѣжденные и искренно преданные дѣлу, то съ другой было много такихъ, которые были привлечены къ нему совсѣмъ иными побужденіями, — которые бросались исполнять то, что было на ту пору пріятно предержащимъ властямъ: теперь они становились внезапно благочестивы и открывали отдѣленія и сотоварищества, — черезъ годъ они же отбирали Библіи...

Обратимся къ тѣмъ вліяніямъ, какія исходили изъ Британскаго Общества.

Мы уже говорили отчасти объ его отношеніяхъ къ русскому Обществу и свойствѣ его вліяній; но считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ этому предмету, такъ какъ эти вліянія играютъ важную роль въ дѣйствіяхъ нашего Общества, и притомъ Британское Общество впослѣдствіи несло свою долю инкриминацій со стороны обвинителей нашего Общества, — и намъ необходимо составить себѣ понятіе о вѣроподобности этихъ обвиненій.

Тотъ основной характеръ воззрѣній и дѣйствій, который приняло при своемъ основаніи Британское Общество, выражается и во всѣхъ его отношеніяхъ къ русскому. Это были религіозно-человѣколюбивыя стремленія, соединенныя съ трудами на пользу просвѣщенія народныхъ массъ и съ полной вѣротерпимостью. Разсматривая всѣ отношенія Британскаго Общества къ русскому комитету, читая его переписку, слѣдя за дѣйствіями его агентовъ въ Россіи, нельзя не почувствовать уваженія къ той силѣ убѣжденія, къ той энергіи и безкорыстію съ какими оно приносило свое нравственное и матеріальное содѣйствіе на пользу библейскаго дѣла въ Россіи.

Мы приводили примѣры того, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчало Британское Общество успѣхи библейской дѣятельности въ Россіи. Письма президента, и секретарей Британскаго Общества къ англійскимъ агентамъ, къ президенту и секретарямъ Библейскаго Общества въ Петербургѣ, переполнены этимъ горячимъ сочувствіемъ, искренность котораго доказывается всѣмъ характеромъ этихъ лицъ: Овенъ, Штейнкопфъ, Гьюгсъ и самъ президентъ были пламенные энтузіасты библейскаго дѣла, и ихъ

слова были, конечно, вѣрнымъ выраженіемъ ихъ мысли. Успѣхи русскаго Общества въ особенности радовали ихъ, потому что (при упомянутыхъ выше условіяхъ) оно распространялось быстрѣе и шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было тогда, кромѣ самой Англіи. Отчеты русскаго комитета постоянно производили впечатлѣніе въ собраніяхъ Британскаго Общества.

....«Предъ самымъ засѣданіемъ (Брит. комитета), — пишетъ Штейнкопфъ въ Петербургъ, къ Пинкертону и Гендерсону, въ іюлѣ 1817 г.,—получено было ваше письмо, содержащее въ себѣ описаніе генеральнаго собранія Россійскаго Библейскаго Общества, и было прочтено предъ всѣмъ засѣданіемъ. *Невозможно изобразить* впечатлѣнія, каковое произвело письмо сіе. Каждая строка, казалось, возбуждала къ новому живѣйшему соучастію. Многіе изъ членовъ, не въ силахъ будучи удерживать чувствъ своихъ, прерывали неоднократно чтеніе своими восторгами. «Слышите ли? слышите ли?» восклицали одни; «слава Богу!» произносили другіе.... Иные проливали слезы.... Почтенный пасторъ, г. Масонъ, секретарь Американскаго Библейскаго Общества, былъ также въ семъ засѣданіи. Вся душа его устремлена была во вниманіе на читаемое. По окончаніи же, всѣ въ одинъ голосъ сказали: «надобно напечатать это письмо». Такъ положено; и чрезъ нѣсколько недѣль разойдется оно по всей Великобританіи; и г. Масонъ беретъ съ собою большое число экземпляровъ въ Америку» [1]). Мы повѣримъ всей искренности этихъ восторговъ, когда вспомнимъ, что засѣданіе состояло изъ ревностныхъ приверженцевъ Библіи. И эти восторги не оставались фразой; каждый разъ они сопровождались новыми приношеніями въ пользу библейскаго дѣла въ Россіи. Эти приношенія въ очень немногіе годы дошли до весьма крупной суммы.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ отчетовъ, петербургскій комитетъ, упоминая объ одномъ изъ такихъ англійскихъ пособій, говорилъ, что «принялъ сіе новое вспомоществованіе (въ 2,000 ф. ст., или 50,000 руб.) отъ содружественнаго ему лондонскаго комитета, съ тѣмъ вящшимъ удовольствіемъ, что въ ономъ видитъ подтвержденіе святости дѣла, занимающаго оба комитета, которые, одушевляясь совокупно духомъ любви христіанской, желаютъ успѣховъ Слова Божія между *всѣми человѣками*, *повсюду*, гдѣ бы они ни обрѣтались, и потому не полагаютъ *никакого раздѣленія* между собою. Тотъ же духъ, который въ первыя времена христіанства содѣлывалъ между многими вѣрующими «сердце едино» и «душу едину», такъ что и

[1]) Отч. 1817, Прил. XIII.

имущество было общее у нихъ, производитъ и нынѣ подобныя дѣйствія между ревнителями распространенія Слова Божія»[1]).

Русскій комитетъ сдѣлалъ немного, что̀ давало бы ему право относить подобныя выраженія къ себѣ; но объ Обществѣ Британскомъ эти выраженія были очень возможны, и дѣйствительно даютъ понятіе о духѣ безкорыстнаго человѣколюбія, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.... Русскій комитетъ, по крайней мѣрѣ, старался подражать ему.

Этотъ общій характеръ одушевлялъ вообще всѣ дѣйствія Британскаго Общества относительно Россіи, и придаетъ его вліяніямъ истинно-цивилизующее значеніе. Мы убѣдимся въ этомъ, взглянувъ на нѣкоторыя частности.

Поднимая у насъ вопросъ о распространеніи Библіи на народныхъ языкахъ, Британское Общество несомнѣнно поднимало вопросъ великой важности. Онъ, конечно, долженъ выступить на общественную сцену, если только будетъ считаться сколько-нибудь нужнымъ образованіе народа, который у насъ и до сей поры обрѣтается въ крайнемъ невѣжествѣ, — между прочимъ и невѣжествѣ религіозномъ, какъ бы ни было велико въ народѣ обычное обрядовое благочестіе. — Вопросъ о чтеніи Библіи, конечно, не стоялъ въ нашей церковной жизни такъ, какъ онъ былъ поставленъ въ католицизмѣ. Но тѣмъ не менѣе, Британское Общество и вносило къ намъ новую мысль, потому что указывало на потребность въ Библіи на *народномъ* языкѣ; объ этомъ у насъ еще никто не думалъ, по крайней мѣрѣ такъ ясно и опредѣленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ идеяхъ Общества переводъ Библіи на народный языкъ означалъ, что источники религіи должны быть открыты равно для всѣхъ и религіозное образованіе должно стать общимъ достояніемъ, безъ различія кастъ и сословій... Эта мысль могла имѣть много серьёзнаго значенія въ тѣхъ обществахъ, гдѣ для массы христіанское образованіе сводилось почти только къ одному внѣшнему обряду и, слѣдовательно, почти не существовало. Заговорить о Библіи на народномъ языкѣ, значило—напомнить обществу объ его религіи, и показать, къ чему оно, по меньшей мѣрѣ, должно быть обязано, если понимаетъ религію сколько-нибудь серьёзно.

Для этого религіознаго образованія народовъ, въ идеяхъ Британскаго Общества должна была служить главнымъ образомъ Библія, т. е. самые источники откровенной религіи, одинаково принимаемые всѣми исповѣданіями. Поэтому, основнымъ принципомъ его стала полная вѣротерпимость: Британское Общество

[1]) Отч. за 1821 г., стр. 30.

помогало одинаково всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, не дѣлая между ними никакого различія,—оно не желало только дѣлать уступокъ тѣмъ конфессіональнымъ притязаніямъ, которыя покушались на самый смыслъ и текстъ Библіи [1]), — и потому издавало свои Библіи безъ всякихъ примѣчаній и объясненій.... Эта *вѣротерпимость* входила теперь, новымъ элементомъ, въ понятія русскаго общества, и не только въ мірской его части, но, что особенно важно, въ его духовномъ сословіи, крайне исключительномъ издавна и даже наканунѣ своего участія въ Библейскомъ Обществѣ. Въ главномъ комитетѣ русскаго Общества, на ряду съ представителями православной іерархіи сидѣли духовныя лица исповѣданій католическаго, протестантскаго, армянскаго и греко-уніатскаго. Въ трудахъ по изданіямъ одно время приняли участіе даже «отцы-іезуиты».

Британское Общество не довольствовалось однимъ печатаніемъ книгъ; при распространеніи Библіи имъ руководили вмѣстѣ и *филантропическія* побужденія: значительное количество книгъ раздавалось неимущимъ даромъ; оно доставляло Библіи въ заведенія для бѣдныхъ и въ мѣста содержанія заключенныхъ. Съ другой стороны, для того, чтобы Библія могла быть читана народомъ, нужно было позаботиться о *школахъ*, и эта забота была также близка Британскому Обществу. Такъ, одинъ изъ первыхъ людей, возъимѣвшихъ мысль о Библейскомъ Обществѣ, Чарльзъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ Библіи, дѣятельно работалъ и для школы. Конечно, заведеніе школы не входило прямо въ кругъ дѣйствій Общества, тѣмъ болѣе, что въ Англіи этотъ трудъ нашелъ много своихъ усердныхъ исполнителей; но мысль о школѣ постоянно соединялась съ мыслью о Библіи, и дѣятели Британскаго Общества, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими, указывали на эту необходимость, рекомендовали имъ ланкастерскія школы, описывали воскресныя и переходящія школы, существовавшія въ Англіи, и мы увидимъ, что въ числѣ приверженцевъ и распространителей ланкастерской методы у насъ члены Библейскаго Общества играли не малую, если не главную роль.

Далѣе, существеннымъ принципомъ «Британскаго и *Иностраннаго* Общества» было распространеніе Библіи на языкахъ всѣхъ народовъ вообще, имѣющихъ нужду въ Библіи, не только народовъ, живущихъ въ государствѣ, но и всякихъ другихъ. Такимъ образомъ, труды Общества должны были принять характеръ *миссіонерскій*, потому что многимъ чужимъ народамъ при-

[1]) Хотя, впрочемъ, оно издавало и католическіе переводы Библіи, или оказывало пособіе ихъ изданію.

ходилось доставлять Библію въ первый разъ: сдѣлать переводъ ея и принести къ нимъ этотъ переводъ. Естественно, что въ категоріи чужихъ народовъ всего скорѣе представлялись вниманію народы, болѣе близкіе и болѣе нуждавшіеся въ религіозномъ воспитаніи; для англичанъ, это были языческія племена Индіи и колоній; для русскихъ — это были, во-первыхъ, многочисленные *инородцы*, жившіе въ предѣлахъ имперіи и остававшіеся не только магометанами, но даже язычниками, и во-вторыхъ, народы *единовѣрные*, но лишенные средствъ доставить себѣ сами это духовное образованіе, потому что были подавлены гнетомъ чужого владычества. Британское Общество указывало нашему и на тѣхъ и на другихъ; и мало того, оно своими собственными трудами предупредило русскихъ въ исполненіи этой цѣли. Такъ, еще за нѣсколько лѣтъ до открытія Библейскаго Общества въ Россіи, на кавказской линіи въ Каррасѣ основалась шотландская колонія, имѣвшая въ виду миссіонерскую дѣятельность между туземнымъ татарскимъ и инымъ не-русскимъ населеніемъ. Странствующіе агенты Британскаго Общества жили между бурятами, и свою практику распространяли до Охотска. Тоже было и въ другомъ направленіи. Мы упоминали выше о странствованіяхъ Пинкертона. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ устройство библейскихъ обществъ въ Греціи, утвержденіе библейскихъ сношеній русскаго Общества съ греческими населеніями турецкой имперіи, и, наконецъ, мысль о содѣйствіи религіозному образованію въ болгарскомъ населеніи. Пинкертонъ, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, заботился о пріисканіи переводчика св. писанія на болгарскій языкъ. Англійскимъ агентамъ принадлежитъ, кажется, и мысль о сербскомъ переводѣ, который взялъ тогда на себя извѣстный Вукъ Караджичъ [1]).

---

[1]) Судьба этого перевода была довольно несчастная. Вукъ Караджичъ былъ въ Россіи въ 1819—1820 годахъ; въ Петербургѣ онъ познакомился и съ Библейскимъ Обществомъ, которое поручило переводъ Н. Завѣта ему, какъ «извѣстному сербскому литератору». Караджичъ принялся за работу, въ которой пользовался также содѣйствіемъ извѣстнаго слависта Копитара. Но, когда онъ представилъ свой переводъ, Библейское Общество поручило пересмотръ его нѣкоему Аѳанасію Стойковичу, тогдашнему профессору въ харьковскомъ университетѣ, родомъ сербу. Но Стойковичъ былъ сербъ старой литературной школы, не знавшей чистаго народнаго языка, введеніе котораго въ сербскую литературу было задачей всей дѣятельности Караджича. Переводъ Вука показался Стойковичу не достаточно возвышеннымъ, даже низкимъ и площаднымъ; онъ взялся передѣлать его по своему, и дѣйствительно передѣлалъ: отъ Вукова перевода остались едва замѣтные слѣды, и народный его языкъ Стойковичъ замѣнилъ множествомъ славяно-русскихъ словъ и оборотовъ,—такъ что для серба онъ требовалъ новаго перевода. Библейское Общество напечатало этотъ переводъ; и Вуку въ огражденіе своего дѣла осталось представить образчики своего собственнаго труда;

Всѣ эти возбужденія были больше или меньше новы для людей русскаго Общества, и библейская дѣятельность, своими ближайшими подробностями, открывала имъ новыя перспективы нравственныхъ интересовъ. Само Британское Общество представляло примѣръ неутомимыхъ стремленій къ разъ поставленной цѣли, и это могло дѣйствовать тѣмъ больше на русскихъ библейскихъ ревнителей, что живые примѣры были постоянно на глазахъ русскаго комитета. Это были не разъ упомянутые агенты Британскаго Общества, прожившіе тогда много лѣтъ въ Россіи на служеніи библейскимъ интересамъ—Патерсонъ, Пинкертонъ и Гендерсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно только очень немногіе изъ самихъ русскихъ столько трудились для библейскаго дѣла въ Россіи, какъ эти три иностранца. Мы видѣли, съ какимъ великимъ уваженіемъ комитетъ русскаго Общества признавалъ всегда труды перваго изъ нихъ, и они вполнѣ заслуживали такого уваженія: ему принадлежала первая иниціатива, на немъ лежали труды организаціи, завѣдываніе складами книгохранилища, устройство стереотипной типографіи, трудъ надъ самыми изданіями, переписка съ Британскимъ Обществомъ и т. д. Очевидно, что этотъ человѣкъ не отказывался ни отъ какой работы на пользу дѣла. Мы упоминали о путешествіяхъ Пинкертона и Гендерсона внутри и внѣ Россіи; и тотъ и другой отдавались дѣлу русскаго Библейскаго Общества какъ своему собственному,—безъ всякихъ сектаторскихъ тенденцій (въ какихъ послѣ хотѣли ихъ обвинить), а, напротивъ, въ духѣ полной вѣротерпимости и, наконецъ, съ искренней любовью къ той націи, среди которой они дѣйствовали. Впослѣдствіи, когда русское Библейское Общество уже не существовало, они оставили память своей дѣятельности въ Россіи въ своихъ книгахъ; эти книги—описаніе ихъ путешествій по Россіи съ библейскими цѣлями — послужатъ для историковъ Библейскаго Общества свидѣтельствомъ ихъ безкорыстной ревности и той привязанности къ самому народу, которой не охладило и прискорбное для нихъ паденіе самаго дѣла [1]).

онъ и издалъ эти образчики («Огледи светога писма на српском језику») въ тоже время. Впослѣдствіи, Вукъ еще разъ пересмотрѣлъ и исправилъ свой переводъ и издалъ его вполнѣ въ 1847 году. Британское Общество, убѣдившись, что это и есть дѣйствительный сербскій переводъ, пріобрѣло у Вука право изданія. Ср. *Шафарика*, Gesch. der südslaw. Literatur, III, 455—456; E. *Henderson*, Biblical researches and travels in Russia, p. 262.

[1]) Книга Гендерсона вышла въ самый годъ закрытія русскаго Общества; она называется „Biblical Researches and Travels in Russia; including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and

Въ такомъ духѣ совершались вліянія, которыя исходили отъ Британскаго Общества. Правда, этимъ вліяніямъ можно приписать и нѣкоторыя несовсѣмъ благопріятныя послѣдствія, оказавшіяся въ средѣ русскаго Общества и состоявшія въ піэтистическихъ крайностяхъ,—но принадлежитъ ли вина этихъ послѣдствій Британскому Обществу, это еще вопросъ, и со всѣмъ тѣмъ, какъ бы строго мы ни судили о нихъ, нельзя не признать, что вообще британскія вліянія были вліянія благотворныя, исходившія изъ хорошаго источника, и несомнѣнно цивилизующія для такого общества, каково было тогда русское.

Понятно, что результаты, вышедшіе изъ этого, въ большой мѣрѣ, если не исключительно, зависѣли уже отъ русской «почвы»; къ этимъ результатамъ, т. е. къ опредѣленію характера дѣйствій русскаго Общества мы теперь и перейдемъ.

Прежде всего, кто были исполнители?

Ихъ имена любопытны между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ихъ средѣ мы должны искать тѣхъ враговъ порядка, будто бы распространявшихъ вредныя мысли, ради которыхъ Общество немного лѣтъ спустя было закрыто.

Но мы напрасно стали бы искать этихъ враговъ порядка между лицами, которымъ принадлежало главное вліяніе на дѣла, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ Общества, — и хотя въ средѣ петербургскаго комитета были, дѣйствительно, лица сомнительнаго нравственнаго достоинства, то это были люди, которымъ или вовсе не приписывалось вредныхъ замысловъ врагами Общества (иные изъ нихъ успѣли перебѣжать заранѣе въ другой лагерь, и были тамъ друзьями), или же они вовсе не были такъ страшны для общественнаго спокойствія.....

Выше былъ указанъ составъ петербургскаго комитета (которому и принадлежало главное веденіе дѣла) за первые два года. Составленный первоначально изъ свѣтскихъ лицъ, именно изъ

Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian Empire. With maps and plates». By E. *Henderson*, London MDCCCXXVI, 538 стр. Гендерсонъ написалъ также нѣсколько другихъ сочиненій, относящихся къ библейской археологіи и къ библейской его дѣятельности, между прочимъ, книгу о пребываніи своемъ въ Исландіи. Пинкертону принадлежитъ, во-первыхъ, книга «О настоящемъ состояніи греческой церкви въ Россіи», и потомъ другое сочиненіе, которымъ мы пользовались, — «Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. Compiled from notes made on the spot, during travels, at different times, in the service of the Bible Society, and a residence of many years in that country». By Robert *Pinkerton*, London MDCCCXXXIII. 486 стр.

нѣсколькихъ, между прочимъ первостепенныхъ, сановниковъ, комитетъ уже въ 1814-мъ году увеличился выборомъ многихъ духовныхъ лицъ, различныхъ вѣроисповѣданій. Въ слѣдующіе годы выборы приводили въ комитетъ новыхъ людей, выбиравшихся по тому же принципу: обыкновенно это были православные и иновѣрцы, лица свѣтскія и духовныя, люди чиновные и купцы. Лица, разъ вступившія въ комитетъ, въ качествѣ вице-президента или директора, обыкновенно оставались въ немъ постоянно; предполагалось, что дѣло соотвѣтствовало ихъ взглядамъ на вещи — ихъ вычеркивала изъ списка только смерть. Только немногіе выходили изъ комитета: или люди, мало нужные для дѣла, которыхъ, для нѣкотораго обновленія комитета, должны были смѣнять другіе, или же люди, въ которыхъ можно предположить причину выхода тенденціозную, какъ напр. у С. С. Уварова (онъ былъ директоромъ комитета только первые три года, 1813—15). Но Уваровъ едва ли не былъ единственнымъ примѣромъ этого рода.

Такимъ образомъ, въ спискѣ вице-президентовъ, начиная съ первыхъ годовъ (или со времени избранія) и до конца мы встрѣчаемъ людей, какъ гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовскій (до 1816 министръ нар. просвѣщенія), О. П. Козодавлевъ, Р. А. Кошелевъ, гр. К. А. Ливенъ (въ 1813 директоръ, потомъ вице-президентъ), З. Я. Карнѣевъ (съ 1815 г.); какъ митрополиты Серапіонъ, Амвросій; архіеп. (потомъ митр.) Михаилъ и Серафимъ; католическое исповѣданіе представлялъ митр. Сестренцевичъ-Богушъ; армянское—архіеп. Іоаннесъ. Въ 1818 году вступилъ въ число вице-президентовъ епископъ (впослѣдствіи архіеп. и митр.) Филаретъ, до того бывшій директоромъ комитета, и уніатскій митр. Іосафатъ Булгакъ; затѣмъ въ слѣдующіе годы митр. Варлаамъ и новые архіепископы и епископы Симеонъ, Іона, Григорій, — евангелическій епископъ Сигнеусъ; изъ свѣтскихъ лицъ М. Л. Магницкій, съ 1819, какъ вице-президентъ провинціальнаго отдѣленія, жившій въ Петербургѣ; гр. М. А. Милорадовичъ; М. М. Сперанскій (съ 1822) и др.

Въ томъ же родѣ составлялся и списокъ директоровъ, гдѣ мы находимъ людей съ менѣе важнымъ общественнымъ положеніемъ. Съ 1814 года вступили въ число директоровъ архимандритъ Филаретъ, съ самаго начала одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета, съ 1818 г. вступившій въ число вице-президентовъ [1]); далѣе аббатъ Мангень, пасторъ Рейнботъ, извѣстный

[1]) Филаретъ уже рано былъ въ дружескихъ связяхъ съ кн. Голицынымъ. Съ 1812 г. онъ былъ ректоромъ и профессоромъ петерб. дух. академіи; съ 1817 членомъ

мистикъ А. Ѳ. Лабзинъ; затѣмъ въ слѣдующіе годы—арх. Иннокентій, свящ. Павскій (съ 1817), свящ. А. Маловъ; пасторы Фольбортъ и Янъ; католическій патеръ Госнеръ (съ 1820 г.); изъ свѣтскихъ лицъ: Поміанъ Незаровіусъ, бывшій вмѣстѣ и секретаремъ комитета (съ 1817); съ 1819 г. Д. П. Руничъ, до того времени находившійся директоромъ въ московскомъ комитетѣ.

Наконецъ, президентомъ цѣлаго Общества былъ кн. А. Н. Голицынъ, одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ людей императора Александра, еще до основанія Библейскаго Общества предавшійся религіознымъ стремленіямъ и мистицизму. Въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ дѣйствительнымъ главой всѣхъ предпріятій, которыя въ немъ находили своего представителя передъ властью; на помощь библейскому дѣлу онъ распоряжался огромнымъ вліяніемъ и сильными административными средствами.

Понятно, что подобный составъ комитета ручался за полную благонамѣренность Общества. Безсмысленно было бы думать, чтобы на глазахъ или даже подъ руководствомъ упомянутыхъ сановниковъ и іерарховъ могли совершаться какіе-нибудь систематическіе вредные умыслы, какъ увѣряли враги Общества, дикіе фанатики и интриганы, и простодушные люди, бывшіе ихъ орудіемъ. Князь А. Н. Голицынъ былъ, конечно, не менѣе благонамѣренъ, въ смыслѣ преданности императору Александру, чѣмъ графъ Аракчеевъ или А. С. Шишковъ, и большинство библейскихъ дѣятелей точно также мудрено было бы обвинить въ какой-нибудь политической неблагонадежности или вольнодумствѣ.... На нихъ, напротивъ, ложится обвиненіе совсѣмъ иного рода,—и почти тоже, какое падаетъ на тѣхъ противниковъ ихъ, которые были причиной паденія Общества: и многіе друзья и эти противники Общества были одинаковые обскуранты.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ комитетѣ были люди, дѣйствовавшіе съ искреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ пользы. Конечно, теперь, когда намъ еще такъ мало извѣстны подробности тогдашнихъ событій, еще трудно опредѣлить степень этой искренности въ различныхъ дѣятеляхъ Библейскаго Общества; но нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, не на однихъ словахъ принимали правила вѣротерпимости и человѣколюбія, которыя старалось внушать Британское Общество. По крайней мѣрѣ комитетъ дѣйствительно соединилъ въ себѣ элементы, которые еще

главнаго правленія училищъ (до 1822) и тогда же посвященъ въ епископа; съ 1819 былъ архіепископомъ тверскимъ; съ 1820 арх. ярославскимъ; съ 1821 архіеп. московской епархіи; въ санъ митрополита возведенъ въ августѣ 1826.

никогда до тѣхъ поръ не были соединимы въ русской жизни: мы говоримъ о религіозной терпимости, соединившей въ одномъ, *религіозномъ*, дѣлѣ православныхъ іерарховъ съ иновѣрнымъ духовенствомъ. Эти православные іерархи, находившіеся въ комитетѣ, были лица такого духовнаго авторитета, что выше его тогда не было другого; замѣтимъ, что къ именамъ этихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ нужно присоединить еще много другихъ первостепенныхъ духовныхъ лицъ, работавшихъ для библейскаго дѣла во всѣхъ провинціальныхъ отдѣленіяхъ Общества. Особенная воля императора Александра, конечно, внушала имъ усердіе къ библейскому дѣлу; но, во всякомъ случаѣ, имѣли здѣсь свою долю религіозныя увлеченія, открывавшія путь внушеніямъ Британскаго Общества. Изъ свѣтскихъ лицъ, многія извѣстны были искреннимъ благочестіемъ, какъ гр. Ливенъ, Габлицъ, даже Сперанскій, и др.

Эти увлеченія, забывавшія о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, были съ другой стороны тѣмъ возможнѣе, что въ средѣ комитета мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ людей, воспитанныхъ еще въ старомъ масонскомъ мистицизмѣ, и людей Дружескаго Общества. Такъ къ нимъ принадлежали прежде всего два митрополита: Михаилъ (ум. 1821) и Серафимъ (хотя, правда, послѣдній по общимъ отзывамъ не отличался силой ума и опредѣленностью взглядовъ, и едва ли сберегъ идеи Дружескаго Общества); далѣе, это были Р. А. Кошелевъ, старый масонъ, который поучался еще у самого Сенъ-Мартена; З. Я. Карнѣевъ, бывшій въ свое время главой ложи «теоретическаго градуса», уцѣлѣвшій при Екатеринѣ и покровительствуемый Павломъ; А. Ѳ. Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», представлявшій въ литературѣ какъ будто продолженіе розенкрейцерства; Лѣнивцевъ, изъ числа «теоретическихъ братьевъ», возведенныхъ въ эту степень еще въ блестящія новиковскія времена, потомъ послѣдователь польскаго мистика и пророка Грабянки. Къ этой же мистической категоріи принадлежалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ревностно содѣйствовавшій основанію московскаго отдѣленія Общества. А. И. Тургеневъ, секретарь Общества съ его начала и до паденія кн. Голицына, менѣе удобно можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи, но повидимому, въ немъ остались, до нѣкоторой степени, отголоски тѣхъ же вліяній: отецъ его, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ новиковскаго кружка и типографической компаніи. Первымъ секретаремъ библейскаго комитета съ начала Общества и до отставки кн. Голицына былъ В. М. Поповъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ мистиковъ, имя ко-

тораго было замѣшано въ процессъ Госнера, послужившій однимъ изъ предлоговъ для уголовныхъ нападеній на Общество.

Такимъ образомъ въ составѣ комитета были представители іерархіи, присутствіе которыхъ могло ручаться за достаточное православіе въ собственныхъ дѣйствіяхъ самого Общества; ближайшіе представители власти, присутствіе которыхъ могло ручаться, что Общество не впадетъ въ противозаконный способъ дѣйствій; были люди съ искренними религіозными убѣжденіями, но также и люди съ мистическимъ фанатизмомъ или съ крайнимъ лицемѣрнымъ изувѣрствомъ, какъ Магницкій.... Комитетъ естественно привлекалъ изъ общества людей съ религіознымъ настроеніемъ, какого требовалъ самый характеръ дѣла; и потому нечего, конечно, ожидать въ числѣ членовъ комитета, или особенныхъ его друзей, лицъ чисто свѣтскаго образованія и дѣятелей тогдашней литературы. Почти единственный человѣкъ этого послѣдняго разряда былъ Уваровъ, но, какъ мы видѣли, онъ оставался въ комитетѣ недолго [1]).

При началѣ дѣла комитетъ очевидно старался дѣйствовать такъ, какъ внушали принципы Британскаго Общества; повидимому, онъ находился еще подъ свѣжими вліяніями этого Общества,— по крайней мѣрѣ въ первые годы, онъ оставался въ предѣлахъ умѣренности и не допускалъ еще дѣйствовать тѣмъ мрачнымъ наклонностямъ, которыя обнаруживаются въ его отдѣльныхъ членахъ впослѣдствіи. Тѣ идеи вѣротерпимости, религіознаго просвѣщенія и человѣколюбія, которыя всего лучше соотвѣтствовали библейской дѣятельности Общества, находятъ послѣдователей и въ членахъ русскаго комитета. Англійская программа исполнялась въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ.

Относительно главной своей цѣли — изданія и распространенія книгъ св. писанія—Общество успѣло сдѣлать очень много: оно достигло рѣшенія важнаго вопроса о переводѣ Библіи на русскій языкъ, и успѣло въ большомъ числѣ экземпляровъ распространить русскій Н. Завѣтъ. По примѣру Британскаго, русское Общество съ большой ревностью заботилось въ тоже время о переводахъ писанія на языки многоразличныхъ инородцевъ имперіи, и наконецъ даже о переводахъ, которые бы служили не столько внутри, сколько внѣ русскихъ предѣловъ, какъ переводы армянскій, болгарскій, сербскій, изданія на греческомъ языкѣ и т. д.

---

[1]) Вскорѣ въ комитетѣ заняли мѣсто Магницкій и Руничъ; и вѣроятно выходъ Уварова имѣлъ свою причину въ томъ, что въ комитетѣ уже начали обнаруживаться предвѣстія того элемента, который представляли собой въ особенности эти двѣ личности.

Внѣшняя организація Общества устроена была также по англійскому образцу: отъ центральнаго петербургскаго комитета основались мѣстныя отдѣленія, комитеты и сотоварищества, заводимы были «корреспонденты» и «коллекторы»; комитеты устроивали ежегодныя собранія или «акты», на которыхъ говорились рѣчи и совершались приличныя случаю духовныя торжества. Дѣйствіямъ комитета давалась публичность печатаніемъ отчетовъ, корреспонденцій, извѣстій, воззваній и т. п. Наконецъ, по примѣру англійскаго Общества, устроивались путешествія агентовъ комитета для обзора дѣятельности частныхъ комитетовъ и для новой пропаганды; таковы были два путешествія Пинкертона (въ 1816 и 1822), и въ особенности путешествіе Патерсона и Гендерсона съ помощникомъ секретаря петерб. комитета Сѣровымъ въ 1821 году [1]); они объѣхали почти всю среднюю и южную Россію, посѣщая отдѣленія Общества, освѣдомляясь объ ихъ дѣятельности, оказывая имъ нужное содѣйствіе и т. д.

Правило вѣротерпимости, принятое въ Британскомъ Обществѣ, и въ нашемъ Обществѣ выполнялось въ самомъ составѣ комитета, въ которомъ, во все время существованія Общества, соединены были свѣтскія и духовныя лица различныхъ исповѣданій.

Библейская религіозность, возбужденная Британскимъ Обществомъ, обращаясь къ источникамъ христіанства, устраняла сама по себѣ вѣроисповѣдные споры и несогласія, и мы увидимъ дальше, что этотъ библейскій интересъ обновилъ въ нашемъ обществѣ тѣ стремленія, которымъ предавались мистики XVIII-го вѣка. Рѣчь шла уже не о томъ или другомъ исповѣданіи, а гораздо больше — о достиженіи высшей религіозности, объ основаніи «внутренней» церкви, о непосредственномъ сліяніи съ божественнымъ духомъ.... То, что только общимъ образомъ указывалось Британскимъ Обществомъ, развилось подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ времени: Библейскимъ Обществомъ овладѣла мистика, элементы которой и независимо отъ того проникали въ тогдашнюю европейскую литературу и жизнь, и изъ нихъ проникали къ намъ.

Мы скажемъ дальше подробнѣе объ этомъ распространеніи мистицизма, а теперь замѣтимъ только, что въ первоначальныхъ вліяніяхъ Британскаго Общества было, безъ сомнѣнія, много благотворнаго и цивилизующаго: библейскій комитетъ изъ разновѣрныхъ представителей былъ нѣчто совершенно невиданное въ рус-

---

[1]) Они сдѣлали тогда путь изъ Петербурга, черезъ Новгородъ и Тверь въ Москву, потомъ въ Калугу, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Черниговъ, Кіевъ, Острогъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одессу, Херсонъ, Крымъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань, Москву и т. д.

ской жизни, — отказываясь отъ той нетерпимости, которая налегла съ среднихъ вѣковъ на народныя понятія и конечно была однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій для успѣховъ цивилизаціи, Библейское Общество, конечно, дѣйствовало въ смыслѣ этой цивилизаціи. Правда, примѣненія, которыя сдѣланы были имъ впослѣдствіи изъ этого принципа, были часто слишкомъ странны и даже превратны, но основа, положенная Британскимъ Обществомъ, едва ли была въ этомъ виновата.

Религіозное возбужденіе забывало религіозную и племенную вражду, и многія дѣйствія комитета показались бы очень странными въ другое время, напримѣръ въ наше. Петербургскій комитетъ поощряетъ библейскихъ дѣятелей за границей, какъ напр. Леандра фанъ-Эсса и Госнера, и поддерживаетъ ихъ даже на перекоръ мѣстнымъ католическимъ властямъ. Московскій комитетъ радуется, что могъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ полякамъ, напечатавши для нихъ большой запасъ польской Библіи и Н. Завѣта.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что этотъ принципъ вѣротерпимости внушалъ въ кругѣ приверженцевъ Библейскаго Общества и бо̀льшую терпимость къ расколу. До тѣхъ временъ обычное отношеніе къ расколу въ духовенствѣ было или питиримовское ожесточеніе, или полное равнодушіе и пренебреженіе. Основаніе единовѣрія при митр. Платонѣ, было важнымъ нововведеніемъ; теперь, въ Библейскомъ Обществѣ отдѣльныя лица (по крайней мѣрѣ), кажется, сдѣлали еще шагъ впередъ.

Это было, конечно, совершенно послѣдовательно и, во всякомъ случаѣ, было успѣхомъ относительно прежнихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если наши библейскіе дѣятели соглашались видѣть такихъ же равноправныхъ христіанъ въ католикахъ и уніатахъ, протестантахъ и армянахъ, методистахъ и квакерахъ, и всякихъ другихъ иностранныхъ диссентерахъ, то естественно было взглянуть болѣе мирнымъ образомъ и на нашихъ собственныхъ диссентеровъ. Иностранные агенты Британскаго Общества, дѣйствовавшіе тогда въ Россіи, такъ дѣйствительно и смотрѣли на нашихъ раскольниковъ; одинъ изъ этихъ агентовъ, Пинкертонъ, очень интересовался расколомъ (онъ зналъ по русски) и посвятилъ ему много страницъ въ своихъ книгахъ о Россіи и русской церкви [1]). Изъ русскихъ сектъ его интересовали всего больше духоборцы, которые возбуждали въ немъ особенную симпатію характеромъ своихъ религіозныхъ воззрѣній и въ которыхъ онъ находилъ сходство съ «Обществомъ Друзей», т. е. съ квакерами. Подобное

[1]) Напр., Russia, стр. 165 и слѣд.

отношеніе къ расколу было, однимъ словомъ, совершенно не похоже на то, что̀ представляли тогда обычные русскіе нравы [1]), и, при тогдашнемъ броженіи религіозныхъ идей, такіе взгляды легко прививались и у русскихъ друзей британскихъ проповѣдниковъ чистой Библіи. Пинкертонъ встрѣтилъ духоборца «въ домѣ русскаго знатнаго человѣка», и вѣроятно духоборецъ попалъ туда не случайно. Какъ извѣстно, терпимость къ расколу стала въ то время проникать иногда и въ правительственныя мѣры.... Въ біографіи митр. Филарета, изданной г. Сушковымъ, отмѣчены факты, показывающіе, повидимому, что митрополитъ и въ позднѣйшую эпоху своей жизни сохранялъ иногда взгляды временъ Библейскаго Общества и относился къ расколу съ снисходительностью, которая не была вообще въ привычкахъ нашей іерархіи. Въ самомъ расколѣ должны были почувствоваться эти новыя черты времени, и смягчаться старая вражда къ господствующей церкви. Привыкши прежде чуждаться всего, что̀ только исходило отъ этой церкви и отъ образованныхъ классовъ общества, теперь они, повидимому, интересовались дѣйствіями Библейскаго Общества, и не остались чужды библейскому движенію.

Отчеты Общества обращаютъ вниманіе на эти факты и мы не находимъ, напр., основанія сомнѣваться въ извѣстіяхъ богородскаго корреспондента московскаго комитета, который увѣдомлялъ (въ первой половинѣ 1824 г.), что «изъ числа экземпляровъ Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ, большая часть раскуплена старообрядцами, которые съ великимъ вниманіемъ и радостію читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на природномъ своемъ языкѣ» [2]).

Рядомъ съ библейской дѣятельностью въ нашемъ Обществѣ выказалось и то филантропическое направленіе, какое отличало его первообразъ. Это опять совпадало съ характеромъ времени.

---

[1]) Вотъ, для образчика, одинъ изъ отзывовъ Пинкертона:

«Въ мартѣ 1822 я встрѣтился съ однимъ чрезвычайно интереснымъ духовнымъ христіаниномъ (Spiritual Christian, т. е. духоборцемъ), священникомъ одного изъ ихъ собраній въ Петербургѣ, и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ въ домѣ одного знатнаго русскаго... Я говорилъ съ нимъ почти три часа о главнѣйшихъ ученіяхъ Евангелія, и нашелъ его вообще очень здравомыслящимъ (very sound). Его знанія были заимствованы исключительно изъ Слова Божія, котораго онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ (most powerful quoters), съ какими только мнѣ случалось говорить. Его понятія о вѣрѣ и жизни (practice) христіанина, извлеченныя изъ этого источника, были удивительно простыя и гармоническія (beautifully simple and harmonious), и проч. Russia, стр. 185 и слѣд.

[2]) Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ 1824, сент., стр. 361. Противъ этого извѣстія потомъ, какъ увидимъ, свирѣпствовалъ Шишковъ.

Императоръ Александръ въ самомъ началѣ своего царствованія возбудилъ въ обществѣ стремленія къ общей пользѣ и благотворенію: университеты, лицеи, благотворительныя учрежденія основывались не только средствами казны, но и богатыми пожертвованіями частныхъ лицъ. Общество радовалось тогда ожидаемому счастливому правленію и стремилось содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства. Послѣ 1812 года филантропія явилась естественнымъ слѣдствіемъ страшнаго потрясенія, вынесеннаго народомъ. Частныя филантропическія общества уже съ этого времени содѣйствовали правительству въ пособіи потерпѣвшимъ отъ войны, и Библейское Общество различнымъ образомъ связано было съ этимъ филантропическимъ движеніемъ. Его президентъ кн. Голицынъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ «главнымъ попечителемъ» основаннаго тогда Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Онъ же былъ первымъ «попечителемъ» открывшагося въ 1816 году Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ собралось преимущественно молодое литературное поколѣніе: это общество издавало свой журналъ [1]) и деньги, выручаемыя изданіемъ, назначало на «постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученымъ и учащимся», и т. п. Имя кн. Голицына, главной опоры Библейскаго Общества, встрѣчается почти всегда тамъ, гдѣ шло дѣло о подобныхъ предпріятіяхъ общественной благотворительности. Въ 1821 году, онъ, съ высочайшаго соизволенія, предпринялъ подписку въ пользу «обитателей Греціи», оставлявшихъ тогда Грецію, обнятую возстаніемъ и войной, и приходившихъ толпами въ Россію. Въ своемъ воззваніи, на манеръ библейскихъ воззваній, онъ обращался къ духовнымъ властямъ православнымъ, католическимъ, уніатскимъ и армянскимъ, призывая ихъ открывать подписки для облегченія участи бѣдствующихъ единовѣрцевъ [2]). Въ 1823 г. кн. Голицынъ предпринималъ благотворительный сборъ въ пользу бѣлорусскихъ губерній, терпѣвшихъ отъ неурожая и т. д. Само Библейское Общество снабжало тюрьмы и богадѣльни книгами св. писанія.. Имена другихъ членовъ Общества также связаны съ филантропическими предпріятіями: Тургеневъ участвовалъ въ управленіи дѣлами Женскаго благотворительнаго Общества, основавшагося

[1]) «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» или «Труды В. Общества» и пр., съ 1818 по ноябрь 1825 г. По характеру своихъ тенденцій, по связямъ съ масонскими ложами и по лицамъ, его составлявшимъ, это Общество, повидимому, было какъ бы посредствующимъ звѣномъ между библейскимъ Обществомъ и либеральными стремленіями молодого поколѣнія.

[2]) Со второй половины 1821 г. до первыхъ мѣсяцевъ 1823 г. собранная сумма показана въ 1,090,000 руб. См. Спб. Вѣдом. 1823, № 25.

послѣ 1812 года; извѣстный мистикъ Пезаровіусъ, секретарь и директоръ библейскаго комитета, въ 1813 г. основалъ «Русскій Инвалидъ», вся выручка котораго, за покрытіемъ издержекъ изданія, должна была идти въ пользу инвалидовъ, и уже въ 1815 г. представилъ 395.000 руб. асс., которыя положили начало инвалидному капиталу, возросшему потомъ до многихъ милліоновъ [1]).

Благотворительныя стремленія примѣнялись и въ другомъ направленіи, — въ распространеніи ланкастерскихъ школъ, которыя, какъ выше упомянуто, прямо рекомендовались членами Британскаго Общества. Ланкастерскія школы обращали на себя вниманіе, какъ новѣйшее изобрѣтеніе педагогіи, удобное въ особенности въ школахъ для бѣдныхъ. Въ 1816 г., министерство народнаго просвѣщенія послало за-границу четырехъ студентовъ главнаго педагогическаго института, которые, изучивъ методу взаимнаго обученія, вернулись въ 1819 году; съ этого времени начинается систематическое распространеніе ланкастерской методы въ училищахъ министерства и другихъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ военныхъ училищахъ ланкастерова метода принята была еще съ 1817 года... Кн. Голицынъ и Библейское Общество, повидимому, принимали особенное участіе въ ея распространеніи. Въ январѣ 1819 г. утверждено было особое «С.-Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», и въ тоже время открыта была ланкастерская школа, имѣвшая въ теченіе своего существованія большой успѣхъ и очень много учениковъ [2]). Другая школа, для безденежнаго обученія бѣдныхъ дѣтей иностранцевъ, учреждена была въ 1821 г. по плану иностранца Веннинга, получившему высочайшее утвержденіе по докладу кн. Голицына. Въ школѣ Веннинга главнымъ смотрителемъ былъ членъ Великобританскаго Миссіонерскаго Общества Нилль; самъ Веннингъ былъ, вѣроятно, тотъ самый, который съ 1819 года находился въ числѣ директоровъ петербургскаго комитета Библейскаго Общества. Въ 1822 году, по докладу кн. Голицына, получено было высочайшее соизволеніе на открытіе ланкастерской школы, устроенной англичаниномъ Гердомъ для бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ. Какъ упомянутый Нилль и его помощникъ, такъ и Гердъ получили, по высочайшему повелѣнію, казенное жалованье, и школамъ ихъ выдавались значительныя пособія. Для бѣдныхъ дѣвочекъ открыта была въ Петербургѣ, въ 1821 г., ланкастерская школа англичанкой Саррой Кильгамъ. Въ тоже время ланкастерскія школы открывались въ большомъ числѣ по

[1]) Зап. Панаева, В. Евр. 1867, IV, стр. 108.

[2]) Она закрылась въ 1827.

провинціальнымъ городамъ... При главномъ правленіи училищъ кн. Голицынъ учредилъ особый комитетъ для составленія учебныхъ пособій по ланкастерской методѣ и для управленія всѣмъ, относящимся къ училищамъ взаимнаго обученія. Этотъ комитетъ составленъ былъ изъ Магницкаго и Рунича, въ то время партизановъ Библейскаго Общества, и Мартынова, и началъ дѣйствовать съ іюня 1820. Еще до основанія комитета, въ 1819 г., при главномъ правленіи училищъ напечатаны были, между прочимъ, таблицы чтенія изъ св. писанія, составленныя по ланкастеровой методѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго Общества, Филаретомъ...

Далѣе. Общество наше уже вскорѣ произвело и свою собственную литературу. Распространеніе библейскихъ обществъ сопровождалось обыкновенно и учрежденіемъ обществъ для изданія религіозныхъ сочиненій. Первообразомъ ихъ было англійское общество этого рода, Religious Tracts Society, существовавшее еще раньше библейскаго. У насъ не было основано для этой цѣли особеннаго формальнаго общества, но изданіе религіозныхъ книгъ и брошюрокъ для назидательнаго популярнаго чтенія уже съ первыхъ годовъ стало предметомъ систематической заботы у людей, стоявшихъ близко къ библейскому дѣлу. Трудами этого рода въ особенности извѣстна кн. Софья Серг. Мещерская [1]), стоявшая въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру.

Княгиня Мещерская, — разсказываетъ о ней Пинкертонъ, — еще до основанія Библейскаго Общества ревностно предалась дѣламъ благочестія и человѣколюбія. Въ 1811 году она была въ числѣ первыхъ людей, поддерживавшихъ Пинкертона въ его стараніяхъ устроить библейское общество въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москву вмѣстѣ съ Пинкертономъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддерживала въ кругу возвращавшейся аристократіи мысль объ этомъ учрежденіи. Она принимала потомъ живой интересъ въ дѣятельности Общества, съ членами котораго была въ дружескихъ сношеніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ; по примѣру извѣстной г-жи Фрей по нѣскольку разъ въ недѣлю читала и объясняла заключеннымъ св. писаніе; посѣщала больницы и благотворительныя учрежденія и т. д. Еще съ 1813 года она занялась изданіемъ упомянутыхъ назидательныхъ книгъ, предназначавшихся одинаково для читателей изъ всѣхъ классовъ. Первымъ ея трудомъ въ этомъ родѣ

[1]) Слѣдующія дальше указанія находятся у Пинкертона, Russia, стр. 357 и слѣд.

было, по указанію Пинкертона, воззваніе «къ страждущимъ», изданное тотчасъ послѣ того, какъ французы оставили Москву [1]). Съ этихъ поръ и до того времени, когда Пинкертонъ оставилъ Россію, княгиня Мещерская издала 93 книги и брошюры, въ числѣ болѣе 400,000 экземпляровъ; всѣ вмѣстѣ эти изданія составляли до 18 томовъ; книжки продавались по дешевымъ цѣнамъ или раздавались даромъ. Почти весь матеріалъ этихъ изданій заимствованъ былъ изъ англійской литературы, и изъ изданій англійскаго Общества трактатовъ. Самыми значительными въ числѣ ихъ были: проповѣди Уокера (Walker of Truro), «Христіанскія Изысканія» Буканана, и собственные труды княгини Мещерской: «Разговоры матери съ дѣтьми о духовныхъ предметахъ» и составленная ею книга о протестантскихъ миссіяхъ къ язычникамъ. Остальное составляли: трактаты Ричмонда (Legh Richmond), — книжка Аддисона о христіанствѣ, — выборъ изъ трактатовъ Ганны Моръ (плодовитой англійской писательницы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, знаменитой кромѣ того по своей религіозно-филантропической и образовательной дѣятельности на пользу низшихъ классовъ, и вмѣстѣ ревностной сотрудницы Британскаго Общества), — главныя изданія лондонскаго Tracts Society, — нѣсколько книжекъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго, — двѣ книжки самого Пинкертона, — наконецъ выборъ изъ сочиненій Тихона Задонскаго и митрополита Михаила [2]). Пинкертонъ оказывалъ кн. Мещерской постоянное содѣйствіе въ изготовленіи этихъ изданій, самая мысль которыхъ, вѣроятно, возникла подъ его вліяніемъ. Издержки изданія княгиня Мещерская долго несла одна; и хотя распространеніе книгъ, которому содѣйствовали многія лица изъ высшаго духовенства, приносило выручку, но она истратила больше 10,000 руб. на эти изданія. Наконецъ, императоръ Александръ также выразилъ желаніе част-

---

[1]) Изданіе, о которомъ упоминаетъ Пинкертонъ, есть конечно брошюра: «Къ страждущимъ», Спб. 1813; потомъ еще изданія 1813, 1817, 1819. (Смирд. № 962).

[2]) Христіанинъ (и пр.), Самуила Валкера; переводъ съ англійскаго . Спб. 1815 (Смирд. № 757).

— «Христіанскія изысканія въ Азіи, и проч. соч. Клавдія Буканана; пер. съ англ. Спб. 1815 (Смирд. № 818).

— «Разговоры» и проч. ibid. 1817 (Смирд. № 995).

— Книжка о миссіяхъ, составленная кн. Мещерской, есть вѣроятно: «Извѣстія о распространеніи христіанства между язычн. народами и магометанами во всѣхъ частяхъ свѣта». Спб. 1817 (Смирд. № 918).

— «Историческія доказательства божественности Іисуса Христа, соч. Аддисона; пер. съ англ. Спб., два изданія, 1817. 1819. (Смирд. № 778), и др.

Къ этимъ изданіямъ вѣроятно принадлежатъ также многія изъ книжекъ, означенныхъ у Смирдина № 969—1005. Ср. Р. Архивъ, 1868, ст. 1113.

нымъ образомъ содѣйствовать этому дѣлу, и въ разное время употребилъ на него 12,000 руб. Впослѣдствіи княгиня Мещерская удалилась въ свое помѣстье, и дѣло изданія этихъ трактатовъ перешло въ руки ея благочестивыхъ друзей, и наприм. въ 1832 они издали 120,000 экземпляровъ такихъ книжекъ.

Пинкертонъ, который въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, высказывалъ также и мнѣнія своихъ русскихъ друзей, придавалъ этимъ изданіямъ княгини Мещерской большую важность для религіознаго воспитанія русскаго общества. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ,—эти изданія составили въ Россіи новую эру относительно религіозныхъ книгъ, потому что главнѣйшія догматическія и религіозныя книги у русскихъ всѣ написаны по-славянски; такъ что, когда эти трактаты появились на новѣйшемъ русскомъ языкѣ, и притомъ написаны были въ простомъ и изящномъ стилѣ, вмѣсто тяжелой схоластической манеры церковныхъ сочиненій, религія какъ будто облеклась въ болѣе привлекательную одежду, была приближена и сдѣлана болѣе понятною читателямъ изъ всѣхъ классовъ. И только съ тѣхъ поръ, какъ появились эти книжки, Новый Завѣтъ снялъ съ себя густое древнеславянское покрывало десятаго вѣка, и Христосъ и апостолы могли говорить къ русской націи на ея новѣйшемъ языкѣ [1])». Дѣйствительно, какъ бы мы ни думали вообще о цѣнности «трактатовъ» для религіознаго воспитанія, едва ли сомнительно, что въ нашей литературѣ они опять были нѣчто новое и имѣли свое значеніе, какъ попытка говорить о религіозной морали на обыкновенномъ языкѣ общества, въ знакомыхъ образахъ его дѣйствительной жизни, — взамѣнъ искусственно - схоластическаго стиля, который составлялъ почти неизбѣжную принадлежность этого отдѣла литературы....

Въ появленіи на русскомъ языкѣ обширнаго количества этихъ «трактатовъ» опять выражается та солидарность съ дѣйствіями европейскихъ обществъ, какую мы имѣли вообще случай указывать между ними и русскимъ Б. Обществомъ. Наше Общество слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, дѣлало пособія иностраннымъ библейскимъ дѣятелямъ, даже вызывало ихъ въ Россію; наконецъ, ихъ сочиненія являлись и на русскомъ языкѣ. Такъ оно поддерживало не разъ упомянутаго фанъ-Эсса, работавшаго для распространенія Библіи между католиками, въ южной Германіи. Наше Общество, вслѣдъ за Британскимъ, слѣдило за его трудами, печатало его воззванія и оказало ему со-

[1]) Russia, p. 359—360.

дѣйствіе при изданіи сдѣланнаго имъ перевода Новаго Завѣта [1]). Наконецъ были переведены и изданныя имъ книжки [2]).

Два другіе католика, пасторы Линдль и Госнеръ, дѣйствовавшіе въ томъ же смыслѣ въ южной Германіи, вызваны были около 1820 г. въ Петербургъ, и опять на русскомъ языкѣ появились и ихъ сочиненія. Такъ переведены были проповѣди Линдля; и секретарь Библейскаго Общества В. М. Поповъ перевелъ книгу Госнера, изданіе которой было остановлено въ 1824 г. и подверглось судебному преслѣдованію, косвенно осуждавшему само Библейское Общество [3]).

Не знаемъ, насколько появленіе упомянутыхъ изданій княгини Мещерской могло содѣйствовать появленію русскаго перевода Новаго Завѣта,—какъ, повидимому, хочетъ сказать это Пинкертонъ,—но стремленіе вывести религіозные предметы изъ старой схоластической сферы въ кругъ болѣе живой литературы и одѣть ихъ въ болѣе легкую форму, несомнѣнно совпадаетъ съ тѣми стремленіями, какія принесены были къ намъ Библейскимъ Обществомъ и какія внушались другими параллельными вліяніями европейскаго религіознаго движенія.

Однимъ изъ любопытныхъ примѣровъ этого стремленія было первоначальное изданіе Филаретова Катихизиса (Спб. 1823). Оно отличается отъ послѣдующихъ тѣмъ, что въ немъ десять заповѣдей, символъ вѣры, и всѣ тексты св. писанія изложены были на русскомъ языкѣ и, кромѣ того, въ началѣ помѣщена статья о естественномъ познаніи Бога изъ видимой природы. Это было

---

[1]) Выписка изъ его «Окружнаго письма ко всѣмъ Библейскимъ Обществамъ» и проч. въ Отч. 1818, приб. XIV. См. также Отч. 1820, приб. XXII. Его благодарственное письмо въ русское Общество, въ Отч. 1821, приб. XVI, и др.

[2]) Выписка изъ писаній св. церковно-учителей и другихъ писателей, о необходимости и пользѣ чтенія св. писанія; издалъ Леандръ фанъ-Эссъ; перев. съ нѣм. Спб., въ типогр. Греча, 1817 (Смирд. № 911).

— «О томъ, что была Библія у первыхъ христіанъ, съ какимъ расположеніемъ духа и съ какимъ намѣреніемъ они ее читали; соч. Леандра фанъ-Эсса; переводъ съ нѣм. ibid. 1818 (Смирд. № 989).

[3]) Линдль прибылъ въ Петербургъ въ 1819 году и оставался здѣсь до 1820 года. Тогда же явились и переводы его проповѣдей:

— «Три проповѣди Игнатія Линдля, произнесенныя въ Германіи»; перев. съ нѣм. Спб. 1820. (Смирд. № 627).

— «Проповѣдь, говоренная И. Линделемъ, во второе воскресеніе по Пасхѣ 1820 г.; перев. съ нѣм.» Спб. 1821 (Смирд. № 616).

Госнеру, кромѣ книги, переведенной Поповымъ, принадлежитъ также, если не ошибаемся, извѣстная, по нелѣпой грубости своихъ піэтистическихъ наставленій, книжка: «Сердце человѣческое есть храмъ Божій или жилище сатаны» и пр., съ соотвѣтственными картинками, изображающими это сердце въ томъ и другомъ видѣ (1-е изданіе ея было вѣроятно, Спб. 1822, указанное у Смирд. № 964).

большимъ нововведеніемъ въ нашихъ нравахъ, потому что церковный языкъ считался вообще непремѣнной принадлежностью въ подобныхъ случаяхъ. Конечно, это нововведеніе было довольно естественно, когда Новый Завѣтъ и Псалтирь были уже изданы на русскомъ языкѣ, и библейское дѣло еще пользовалось успѣхомъ: «Катихизисъ» не только получилъ одобреніе св. синода, но Филаретъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, при рескриптѣ (отъ 2-го іюня 1823), «за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины катихизиса, одобреннаго св. синодомъ» [1]). До какой степени однако это нововведеніе было непривычно и даже ненавистно для ревнителей старыхъ обычаевъ, можно судить по тѣмъ ожесточеннымъ обвиненіямъ, которыя потомъ подняты были противъ этого изданія, какъ и вообще противъ дѣйствій Библейскаго Общества.

Наконецъ, къ Библейскому Обществу примкнула извѣстнымъ образомъ и та литература, которая была собственно продолженіемъ масонской мистики. Это—«Сіонскій вѣстникъ» Лабзина, «Другъ юношества» Невзорова, и масса переводовъ изъ Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, новѣйшихъ мистическихъ авторитетовъ, рядомъ съ которыми были обновлены и старые: вновь появились Іоаннъ Масонъ и Арндтъ, Ѳома Кемпійскій, Таулеръ, г-жа Гюйонъ, «Таинство Креста», «Божественная Философія», «Гармонія міра» и т. д. Мы упомянемъ дальше, какимъ образомъ развитіе мистицизма въ средѣ Библейскаго Общества жалкимъ образомъ извратило его основную цѣль и произвело солидарность съ необузданной мистикой Лабзина и компаніи.

Такимъ образомъ, Библейское Общество—по главнымъ основаніямъ своей задачи—заключало въ себѣ возможность полезнаго общественнаго вліянія, потому что возбуждало потребность въ извѣстномъ сознательномъ убѣжденіи. Дѣйствія Общества проникали въ слои жизни, до которыхъ рѣдко касались какія-нибудь подобныя вліянія; и для людей, не задававшихъ себѣ никакихъ вопросовъ, проводившихъ жизнь по принятому обычаю и переставшихъ что-нибудь думать о ней, такое возбужденіе религіозно-нравственныхъ вопросовъ, все-таки, могло быть шагомъ впередъ, какъ пробужденіе изъ нравственной спячки.... Что Общество попадало на подобную потребность, можно судить по самому его успѣху, особенно за то первое время, когда Общество еще только начинало свою дѣятельность и когда участвовать въ

[1]) О Катихизисѣ, см. книгу Сушкова, стр. 102—103, 115—118; тамъ же сдѣлана выписка, изъ прежняго изданія Катихизиса, о естественномъ богопознаніи.

немъ еще не значило только исполнить приказаніе начальства или подслуживаться ему. Трудно, конечно, навѣрное судить о голыхъ фактахъ, сообщаемыхъ отчетами, но въ числѣ ихъ были кажется такіе, значеніе которыхъ несомнительно. Пожертвованія въ Общество начали стекаться въ значительномъ изобиліи, и въ спискахъ жертвователей, которые печатались сначала цѣликомъ, мы видимъ множество людей изъ такъ-называемаго простого народа. Эти жертвованія были, конечно, искренни. Въ 1814 году крестьяне села Новой Чиголки, Воронежской губерніи, прислали въ Общество собранную ими складчину въ 370 руб., —фактъ, возбудившій удивленіе въ Британскомъ Обществѣ. Въ 1815, крестьяне села Верхотишанки, той же губерніи, прислали складчину въ 109 руб.; изъ Владимірской губерніи прислана была такая же крестьянская складчина въ 70 руб. и т. д. Общество давало какую-нибудь пищу заброшеннымъ нравственнымъ интересамъ народной массы, и въ этомъ смыслѣ представляло свои сочувственныя стороны для людей образованныхъ и съ либеральнымъ взглядомъ на вещи; по крайней мѣрѣ въ средѣ его членовъ были и люди этого рода, ожидавшіе отъ библейской дѣятельности пользы народному просвѣщенію.

Однимъ словомъ, Общество, въ той формѣ, въ какой передано было къ намъ первоначально изъ англійскаго источника, представляло возможность приносить пользу, потому что въ основной его идеѣ лежало извѣстное просвѣщеніе и филантропія относительно невѣжественныхъ и заброшенныхъ классовъ. Непосредственный результатъ библейской дѣятельности—новыя изданія Библіи, и въ особенности изданія на русскомъ языкѣ, и переводы на различныя инородческія нарѣчія, во всякомъ случаѣ были явленіемъ высокой важности въ исторіи русскаго образованія. Переводъ Библіи на живой языкъ народа составлялъ вообще важный моментъ въ историческомъ развитіи европейскихъ народовъ; это не одинъ разъ было симптомомъ оживленія самой народной мысли и успѣхомъ въ религіозномъ развитіи, потому что такой переводъ, обыкновенно, въ первый разъ дѣлалъ источники религіи доступными для всѣхъ, желающихъ изучать ихъ и въ нихъ углубляться. Католицизмъ не даромъ боялся распространенія Библіи въ народѣ, потому что этого одного было достаточно, чтобы подорвать кредитъ средневѣковыхъ притязаній его властолюбія, его схоластической теологіи и казуистики... Такъ стоялъ библейскій вопросъ въ Европѣ, и потому онъ почти вездѣ рѣшался только послѣ тяжкой борьбы, цѣной страшныхъ преслѣдованій со стороны католицизма. Въ нашей церкви вопросъ стоялъ иначе; у православныхъ славянскихъ племенъ съ

самаго начала св. писаніе явилось на языкѣ самого народа и старанія римскаго двора остановить распространеніе священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ остались безуспѣшны. Для русскаго племени языкъ, на который переведено было св. писаніе, былъ если не родной, то близко родственный и почти вполнѣ понятный. Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ вѣковъ, положеніе дѣла измѣнилось: развитіе живого народнаго языка больше и больше удаляло его отъ древняго болгарскаго нарѣчія, съ которымъ онъ былъ еще близокъ во время совершенія перевода,—и дѣлало книги св. писанія непонятными для народа; исторія раскола показываетъ уже, къ какимъ превратнымъ толкованіямъ приходили, вслѣдствіе того, даже оффиціальные исправители книгъ до Никона; никоновское исправленіе отторгло отъ церкви цѣлую огромную массу людей, для большинства которыхъ религія превратилась въ слѣпое уваженіе къ непонимаемой буквѣ. Милліоны раскольниковъ въ теченіе столѣтій упорно остались при своемъ; для остальной массы народа, не имѣвшей никакого обученія, продолжалось то же неудовлетворительное положеніе вопроса,—языкъ писанія все больше удалялся отъ языка жизни, и трудность являлась не только для низшихъ классовъ, но и для людей образованныхъ, потому что наконецъ полное пониманіе языка писаній становилось возможно только при особенномъ изученіи.

Въ Библейскомъ Обществѣ, вѣроятно, уже рано явилось сознаніе этой трудности дѣла и мысль о необходимости русскаго перевода св. писанія. Высказать эту мысль было не легко, еще труднѣе было бы выполнять ее. Долговременная традиція дѣлала текстъ писаній какъ бы неприкосновеннымъ, и хотя еще сама древняя Русь, при всей своей исключительности, считала возможнымъ *исправленіе* св. книгъ (конечно, съ цѣлію сдѣлать ихъ болѣе вразумительными), но теперь снова стали думать, что текстъ писаній не допускаетъ никакого иного изложенія или перевода. Вопросъ разрѣшенъ былъ личной волей императора Александра, и, опираясь на нее, Библейское Общество могло признать, что «многіе изъ россіянъ не безъ крайняго затрудненія» могутъ пользоваться славянскими изданіями св. писанія, и вѣроятно съ большой радостью дѣлало въ 1816 году свое заявленіе, что императоръ Александръ «самъ *снимаетъ печать невразумительнаго нарѣчія*, заграждавшую до нынѣ отъ многихъ изъ россіянъ евангеліе Іисусово, и *открываетъ* сію книгу для самыхъ младенцевъ народа, отъ которыхъ *не ея назначеніе*, но единственно *мракъ временъ* закрылъ оную». Мы приводили выше восторженныя восклицанія отчетовъ Общества при появленіи первыхъ переводовъ св. писанія на русскій языкъ, и это въ самомъ дѣлѣ

было событіемъ, которому можно было придавать важность не только съ точки зрѣнія членовъ Библейскаго Общества. Появленіе этихъ переводовъ было первымъ признаніемъ потребностей религіознаго образованія, оказавшихся уже цѣлые вѣка тому назадъ и остававшихся неудовлетворенными; труды Общества были первой попыткой удовлетворить ихъ. Мы оцѣнимъ эту попытку еще больше, когда вспомнимъ, что русская нація и до настоящей минуты не имѣетъ полной Библіи на своемъ языкѣ...

Другимъ цѣннымъ трудомъ Общества были новые переводы отдѣльныхъ частей св. писанія, въ особенности евангелій, на языки различныхъ инородцевъ имперіи и сосѣднихъ азіатскихъ племенъ, до которыхъ христіанство или еще не доходило вовсе, или которыхъ оно касалось только внѣшнимъ формальнымъ образомъ. Здѣсь представлялся опять серьезный интересъ образованія и цивилизаціи. Если Россіи дѣйствительно предстояла (какъ обыкновенно думаютъ и говорятъ) миссія на Востокѣ, пріобрѣтеніе для цивилизаціи полуварварскихъ азіатскихъ племенъ, до тѣхъ поръ ей чуждыхъ, то введеніе христіанства составляетъ, вѣроятно, неизбѣжную ступень, черезъ которую должны пройти эти народы; такимъ образомъ введеніе христіанства между этими племенами становится дѣломъ цивилизаціи, и мало того, — дѣломъ политической необходимости. Относительно инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ самой имперіи, забота объ ихъ возможномъ просвѣщеніи становилась и вопросомъ національнаго достоинства. Въ такомъ видѣ представляется предпріятіе, за которое бралось Библейское Общество. Дѣло было громадно, потому что, хотя исторія русской церкви разсказываетъ о многочисленныхъ трудахъ русскихъ подвижниковъ по обращенію инородцевъ, но обращеніе очень часто было слишкомъ поверхностно и непрочно, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, для его прочности не доставало понятныхъ инородцамъ книгъ и не доставало школъ, гдѣ бы они могли выучиться читать эти книги. Общество думало о томъ и о другомъ, и мы пересчитали въ предъидущей статьѣ переводы св. писанія, которые были или исполнены или предприняты.

Этотъ вопросъ, опять, съ тѣхъ поръ еще далеко не рѣшенъ, и какъ велики еще задачи, которыя надо здѣсь рѣшить и какъ много еще нужно дѣлать, — это достаточно извѣстно; и еще разъ въ послѣднее время указывалось дѣлами нынѣшняго Миссіонерскаго Общества....

Для обстоятельной оцѣнки трудовъ Библ. Общества необходимо было бы опредѣлить достоинство переводовъ, имъ совершенныхъ; но подобная оцѣнка не въ нашей возможности,—это дѣло

спеціалистовъ по тѣмъ языкамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы предоставляемъ спеціалистамъ и оцѣнку русскаго перевода Новаго Завѣта, Псалтири и первыхъ 8-ми книгъ Ветхаго Завѣта, напечатанныхъ Библейскимъ Обществомъ. Но, если (какъ вѣроятно) въ этихъ трудахъ есть свои недостатки, это не уменьшаетъ значенія предпріятія, которое останется заслугой Библейскаго Общества.

Къ великому сожалѣнію однако, Библейское Общество не удержалось на той чертѣ, гдѣ бы оно могло возбуждать нашу симпатію и выдержать критическій судъ; оно перешло эту черту, и память его не осталась чистой отъ порицаній, совершенно справедливыхъ. Замѣтимъ только, что осужденіе, которое должна произнести надъ нимъ исторія, вовсе не такъ рѣшительно, какъ то осужденіе, которое стало причиной его закрытія; и осужденіе исторіи падаетъ не совсѣмъ на тѣ пункты, за которые оно подвергалось ожесточеннымъ обвиненіямъ; въ концѣ концовъ это осужденіе кажется падетъ одинаково и на Общество, и на его противниковъ.

Многое, что̀ можетъ непріятно поражать насъ въ дѣйствіяхъ Библейскаго Общества, принадлежало не столько самимъ его дѣятелямъ, или не только имъ однимъ, сколько цѣлому характеру жизни и нравовъ. Вліяніе этихъ нравовъ мы замѣчаемъ съ самыхъ первыхъ шаговъ и до послѣднихъ минутъ существованія Общества, и здѣсь мы должны искать объясненія для тѣхъ странностей, преувеличеній и даже нелѣпостей, которыя поражаютъ иногда въ этой исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ: въ среду русской жизни, совершающейся на чисто патріархальныхъ началахъ, вводится учрежденіе, выросшее въ странѣ съ высокимъ политическимъ развитіемъ и общественной свободой. Изъ одного этого намъ понятно теперь, что учрежденіе это не могло существовать въ русской жизни такъ, какъ существовало въ англійской, что оно или должно было отклониться отъ своей цѣли и смысла на другія дороги, или не могло удержаться вовсе. Между тѣмъ и руководители Британскаго Общества (кажется) и дѣятели русскаго думали, что составляютъ одно нравственное цѣлое, дѣлаютъ одно дѣло какъ товарищи. Они, конечно, жестоко ошибались, и послѣдніе должны были поплатиться за ошибку. На дѣлѣ съ самыхъ первыхъ дѣйствій русскаго Общества, между имъ и его прототипомъ оказывается совершенная, радикальная разница. И какъ русскіе ни

старались подражать во всемъ своимъ англійскимъ друзьямъ, они по неволѣ чувствовали себя и должны были дѣйствовать иначе.

Прежде всего, наше Общество не имѣло той свободной иниціативы, какая создала Британское Общество,—и оно могло существовать только при благосклонности власти (которая въ Англіи вовсе и не вмѣшивалась). Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе нравы были такъ мало привычны къ открытой общественной дѣятельности, что вмѣшательство власти становилось для руководителей дѣла почти необходимостью,—безъ этого вмѣшательства они были какъ будто совсѣмъ безсильны и не могли ожидать себѣ никакой опоры отъ общества [1]). Такимъ образомъ, когда основывалось Британское Общество, оно прямо обратилось къ самой публикѣ и привлекло къ себѣ ту часть ея, которая ему сочувствовала; у него явились добровольные и, тѣмъ самымъ, прочные и надежные сотрудники и приверженцы, которые дали ему средства и стали его опорой. Въ англійской публикѣ нашлись и другіе люди, которые враждебно взглянули на начинанія Библейскаго Общества: они тогда же заявили свою оппозицію, и Общество при самомъ началѣ знало, съ кѣмъ и изъ-за чего ему слѣдуетъ считаться. Но затѣмъ обѣ противныя стороны стояли въ предѣлахъ и подъ покровительствомъ закона: правительство и не думало вмѣшиваться и брать чью-нибудь сторону,—время должно было разъяснить отношенія, и дѣйствительно ихъ разъяснило, и Общество спокойно существовало и существуетъ по сію минуту. У насъ дѣло становилось совершенно иначе. Общество подобнаго рода могло существовать только при оффиціальной санкціи, потому что у насъ не было ни свободы собраній, ни свободы вѣроисповѣдной; и въ настоящемъ случаѣ, эта санкція требовалась тѣмъ больше, что вмѣшательство частныхъ и свѣтскихъ лицъ въ религіозные вопросы было дѣломъ совершенно неслыханнымъ... Поэтому, на первыхъ порахъ Общество дѣйствовало крайне осторожно, даже робко. Но случилось, что власть не только разрѣшила существованіе Общества, но вскорѣ и сама очень заинтересовалась имъ; это обезпечило ему блестящій успѣхъ. Успѣхъ былъ однако до значительной степени фиктивный, потому что именно этотъ интересъ власти къ дѣлу Общества привлекъ въ это послѣднее массу людей, которые безъ того едва ли бы стали много думать о Библіи и о христіанской любви.— Какъ скоро власть стала относиться къ Обществу иначе, въ ту же минуту упалъ и весь авторитетъ, какой былъ этимъ путемъ пріобрѣтенъ, и само Общество стало какъ бы внѣ закона. Тогда

[1]) Мы сейчасъ указывали такой примѣръ въ вопросѣ о русскомъ переводѣ Библіи.

произошло то странное и прискорбно-соблазнительное явленіе, что тѣже самыя вещи, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ публично называемы были дѣйствіемъ Божественной Десницы, знакомъ особенной милости Провидѣнія, благословеніемъ для всего русскаго народа,—стали вдругъ называться крайнимъ вредомъ и подкапываніемъ церкви и государства... Средствомъ дѣйствій противъ Общества никогда не былъ открытый споръ и борьба равноправныхъ мнѣній, а только закулисная темная интрига и гнусная или глупая клевета передъ той властью, отъ которой зависѣло существованіе Общества.—Какъ это случилось, мы увидимъ дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, Обществу мудрено было не сохранить тѣхъ же нравовъ, какіе господствовали вообще. Первые приверженцы библейскаго дѣла нашлись между первостепенными сановниками; они естественно стали дѣйствовать такъ, какъ привыкли дѣйствовать въ своемъ оффиціальномъ значеніи. Общество должно было разсчитывать на участіе публики, и чтобы объяснить этой публикѣ цѣль Общества и пригласить ее къ пожертвованіямъ, комитетъ нашелъ самымъ удобнымъ подѣйствовать на нее черезъ «начальствующихъ особъ, свѣтскихъ и духовныхъ». Приглашеніе, полученное «начальствующими особами» въ провинціяхъ, подписано было главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, лицомъ сильнымъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ императора; далѣе, «начальствующимъ особамъ» было извѣстно изъ писемъ, газетъ или изъ самыхъ сообщеній, что въ комитетѣ Общества находятся также министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія, другія важныя лица, оберъ-гофмейстеры, сенаторы, а вскорѣ и первостепенныя духовныя лица, и этого было довольно, чтобы комитетъ Библейскаго Общества съ первыхъ минутъ сталъ въ ихъ глазахъ особымъ «вѣдомствомъ», очень сильнымъ по лицамъ, его составляющимъ, и особенно по милостивому расположенію и участію самого императора, которое также вскорѣ сдѣлалось извѣстно. Воззваніе къ библейскому дѣлу принимало видъ административнаго циркуляра.

Понятно, что циркуляръ былъ исполненъ, и распоряженію данъ должный ходъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что именно такъ должны были подѣйствовать первыя обращенія библейскаго комитета къ публикѣ. Правда, дѣло было добровольное и цѣль слишкомъ далекая отъ житейскихъ разсчетовъ; правда и то, что было безъ сомнѣнія и много примѣровъ искренняго сочувствія къ предпріятію,—но, тѣмъ не менѣе, дѣло получило въ этомъ видѣ нѣсколько странный оборотъ, который и отразился потомъ своеобразными

послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ первые годы Библейскаго Общества, нельзя не замѣтить, что въ заявленіяхъ сочувствія, содѣйствія, въ пожертвованіяхъ и письмахъ является нѣчто слишкомъ искусственное, натянутое и явно фальшивое. Корреспонденты Общества спѣшили заговорить тѣмъ церковно-книжнымъ языкомъ, какимъ заговорило само Общество, и сразу попали въ реторику, чтеніе которой мало возбуждаетъ сочувствія. Примѣровъ, къ сожалѣнію, представляютъ слишкомъ много самые отчеты Общества. Мы готовы отчасти объяснить эту фальшивость тона новостью предмета, неумѣньемъ выражаться, или простодушіемъ корреспондентовъ; но едва ли можно отвергать, что способъ дѣйствій комитета или «начальствующихъ особъ» и нравы самой публики вызвали много лицемѣрія... Многочисленныя корреспонденціи, напечатанныя комитетомъ въ прибавленіяхъ къ его отчетамъ, переполнены благочестивой реторикой: какъ только комитетъ началъ указывать на получаемыя имъ письма, онъ былъ, вѣроятно, засыпанъ посланіями, гдѣ писавшіе, заявляя о своемъ сочувствіи дѣлу, заявляли кстати и о собственныхъ добродѣтеляхъ. Одинъ, прося прислать ему книгу, извѣщаетъ, что онъ вообще услаждается чтеніемъ священныхъ книгъ; другой сообщаетъ, что онъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло — подарить книгу неимущимъ или сиротамъ; всѣ выражаются фигурнымъ славянскимъ языкомъ, и, кто можетъ, приводитъ тексты... Нѣкоторая дѣвица, прося прислать ей книгу, выражалась такимъ образомъ (1814): «не рясны златыми украшать бренность, а душу святыми истинами желаю. Прошу почтенное Общество, не лишить изліянія въ душу мою воды живыя отъ источника благочестивыя вѣры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестія и реторическое славословіе въ письмахъ находили себѣ поощреніе: комитетъ упоминалъ о нихъ въ своихъ отчетахъ или печаталъ ихъ цѣликомъ. Въ 1819 году отчетъ упоминаетъ такой фактъ: въ Тобольскій комитетъ—«недавно прислана была просьба отъ *бухарца* Кульмаметскихъ юртъ, Сангея Апсалова, который просилъ себѣ Библіи, и между прочимъ писалъ, что онъ чувствуетъ *душевную жажду* отъ *суетнаго житія*, и *пустоту въ сердцѣ (!!)* отъ недостатка внутренняго духовнаго просвѣщенія, свѣтомъ коего озаряются и просвѣщаются воспитанники Слова Божія и исполнители онаго, христіане [1])». Какъ могло произойти у бухарца такое посланіе, мы не понимаемъ.

Что «начальствующія особы» считали мѣропріятіе почти обязательнымъ, особенно въ послѣдующіе годы, это обнаруживается

[1]) Отч. за 1819, стр. 21.

всѣмъ характеромъ провинціальныхъ отдѣленій. Когда губернскія власти поняли, что устройство въ губерніи библейскихъ отдѣленій, сотовариществъ и т. п. нравится петербургскому начальству, то въ нѣсколько лѣтъ отдѣленія Общества открыты были во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ. Вездѣ они открывались однимъ и тѣмъ же порядкомъ, состояли изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: губернскія власти, мѣстный архіерей, гражданскій губернаторъ или вице-губернаторъ, ректоръ семинаріи, предводитель дворянства, соборный протоіерей, губернскій прокуроръ, директоръ училищъ, губернскій казначей, почтмейстеръ, непремѣнно выбирали другъ друга въ комитетъ, и каждый по своему вѣдомству дѣлалъ надлежащія распоряженія. Нечего и говорить, что ихъ приглашенія къ библейскому дѣлу принимались ихъ подчиненными съ такимъ усердіемъ, какого только можно было желать. Во всѣхъ внезапно обнаружилась ревность къ Слову Божію и стремленіе просвѣщать «сѣдящихъ въ сѣни смертнѣй», — какъ всѣ стали теперь выражаться. Подобный ходъ дѣла совершенно ясенъ изъ корреспонденцій, напечатанныхъ самимъ комитетомъ. Одинъ губернскій предводитель дворянства пишетъ въ комитетъ, что вслѣдствіе успѣшнаго распространенія Библейскаго Общества, онъ, «по долгу званія своего» нашелъ нужнымъ учредить отдѣленіе въ своей губерніи [1]). Провинціальныя отдѣленія употребляли для библейскаго дѣла расторопность капитанъ-исправниковъ; архіереи дѣйствовали черезъ благочинныхъ [2]), вообще всѣ начальства черезъ своихъ подчиненныхъ. Когда одно отдѣленіе обдумывало способы своей дѣятельности, оно прямо нашло нужнымъ обратиться: «а) съ духовной стороны — къ настоятелямъ монастырей и благочиннымъ; б) съ свѣтской стороны—къ гг. дворянскимъ предводителямъ, для дворянства; гг. городничимъ и градскимъ головамъ, для градскихъ жителей; къ гг. капитанъ-исправникамъ, для жителей сельскихъ»; комитетъ имъ «преподавалъ совѣты», и подчиненнымъ просто «ставилось въ обязанность» имѣть самимъ книги, собирать пожертвованія и т. п. [3]) Такимъ образомъ дѣло личнаго убѣжденія и добровольнаго выбора становилось исполненіемъ приказа, — и такихъ случаевъ было конечно множество. Такой порядокъ могъ господствовать тѣмъ болѣе, что примѣръ подавали сами высшія инстанціи: по епархіямъ,

---

[1]) Приб. къ Отч. 1816, LXXII.

[2]) Ср. тамъ же, XLVI: «Здѣшней епархіи благочинные, *исполняя волю* архипастыря, тщательно содѣйствуютъ намѣренію здѣшняго комитета, въ *назначенныхъ имъ* порученіяхъ».

[3]) Изв. о Библ. Общ. 1824, стр. 297 — 298.

вслѣдствіе высшихъ распоряженій обязательно разсылались книги; для арміи дѣлались закупки по особымъ приказаніямъ; директоръ комитета, и вмѣстѣ директоръ почтоваго департамента Жулковскій находилъ удобнымъ «относиться къ начальствующимъ почтовыми мѣстами» (т. е. къ его прямымъ подчиненнымъ въ провинціи и т. д. Результаты были самые дѣйствительные: губернаторы начали говорить рѣчи въ собраніяхъ своихъ губернскихъ отдѣленій, — совершенно похожія на проповѣди, съ текстами и славянско-церковнымъ слогомъ; почтовые экспедиторы съ успѣхомъ распространяли св. писаніе, и доносили о томъ директору почтоваго департамента въ благочестивыхъ письмахъ, переполненныхъ текстами; командиры полковъ брались объяснять воинскимъ чинамъ цѣль Библейскаго Общества и спасительное дѣйствіе слова Божія. У одного исполнительнаго командира дивизія доставила въ годъ до 7,000 руб. пожертвованій въ Библейское Общество; нижніе чины одной артиллерійской бригады, стоявшей въ провинціи, прислали въ провинціальный комитетъ письмо, «исполненное самыхъ благоговѣйныхъ чувствованій», и изъявляли готовность *каждый* вносить въ кассу Библейскаго Общества по 50 коп. въ треть года (изъ солдатскаго жалованья!), и т. д. и т. д. [1]).

Наконецъ, даже тѣ самые люди, которыхъ еще слѣдовало обращать въ христіанство, обнаруживаютъ изумительную податливость, пишутъ не хуже православныхъ корреспондентовъ, и развѣ только откровеннѣе выражаются о сущности дѣла. Напримѣръ: калмыцкій князь Тюмень (калмыковъ въ особенности хотѣли обратить въ христіанство) пишетъ къ президенту Общества (въ 1815 г.), что «соотвѣтствуя *приказанію*» его, онъ, Тюмень, читаетъ присланную ему книгу (монгольскій переводъ евангелія) и намѣревается «*заставить*» читать ее всенародно передъ его подданными [2]). Эти странныя корреспонденціи дохо-

---

[1]) Отч. 1820, стр. 5, 13; Приб. IX; Извѣст. 1824, стр. 114 — 117 и др.

[2]) Отч. 1815, Приб. XC. Читателю, можетъ быть, не безъинтересно будетъ познакомиться съ мѣстнымъ колоритомъ калмыцкаго посланія. — Выписавши титулъ кн. Голицына, калмыцкій князь говоритъ:

«Писанное ко мнѣ прошлаго деревяннаго свинаго года (Модюнъ Гошай Джихъ) 1-го числа мышьяго мѣсяца, письмо ваше, съ приложеніемъ въ переводѣ на нашъ монгольскій языкъ Исторіи милосердаго Бога Іисуса Христа, въ двухъ экземплярахъ, одного въ желтомъ, а другаго въ красномъ переплетѣ, я къ удовольствію моему получилъ 19 числа перваго тигрова мѣсяца (тереонъ барсъ сарранъ), и читаю оную. Вы препоручаете мнѣ, во-первыхъ, содержащееся въ сей книгѣ слово Божіе читать самому для моего собственнаго спасенія, а также подвластнымъ мнѣ доставить случай слышать и поучаться изъ сей книги», etc.

«Соотвѣтствуя первому приказанію вашему не только я читаю Слово и ученіе все-

дили до того, что, какъ мы видѣли, бухарецъ Апсаловъ нашелъ нужнымъ извѣщать Библейское Общество о своей душевной жаждѣ отъ суетнаго житія и о пустотѣ въ своемъ сердцѣ....

Пропаганда дѣятелей Библейскаго Общества распространилась наконецъ на учебныя заведенія и на дѣтей.... Первую мысль заводчикамъ «дѣтскихъ сотовариществъ» у насъ дали конечно англійскія juvenile и school-associations. Не знаемъ, въ какой формѣ и въ какомъ тонѣ существовали эти ассоціаціи въ Англіи; но у насъ онѣ имѣли очень странный видъ. Распространяются они въ особенности съ 1818 — 1819 г., когда сталъ заявлять свою ревность Магницкій. Извѣстно, до какихъ невозможныхъ крайностей довелъ онъ свое библейское усердіе въ подчиненномъ ему казанскомъ университетѣ и округѣ. Въ казанскомъ университетѣ, не покупая почти никакихъ книгъ для его библіотеки, Магницкій пріобрѣлъ однако для университета на 10,000 руб. Библій и Н. Завѣтовъ; каждый студентъ обязанъ былъ имѣть эти изданія; въ училищахъ безпрерывно происходили сборы пожертвованій въ пользу Библейскаго Общества [1]). Въ учебныхъ заведеніяхъ его округа и въ другихъ округахъ повторялось то же усиленное ревнованіе. Директоры училищъ знали, конечно, вкусы своего министра и министерства, поэтому почти всегда бывали членами мѣстныхъ библейскихъ комитетовъ, и очень легко могли вводить въ училищахъ соотвѣтственныя мѣры: училища выдавали въ награду за прилежаніе книги св. писанія, вводили ежедневное его чтеніе въ классахъ, или употребленіе его учениками для переводовъ; выше было также упомянуто, до какой тонкости довели это вятскія училища гражданскія и духовныя.... Наконецъ, стали учреждаться формальныя дѣтскія Библейскія Общества. Первымъ образчикомъ подобнаго общества было кажется «Дѣтское Библейское Сотоварищество», учредившееся въ Одессѣ изъ воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и открытое торжественно 27 декабря 1818. «Отчетъ» Общества съ восторгомъ упоминаетъ объ этомъ событіи.... «Торжество открытія

милосердаго Бога Іисуса Христа; но доставилъ и нашему ламѣ одинъ экземпляръ, который онъ также читаетъ съ духовенствомъ. Что касается до прочихъ подданныхъ моихъ, то я желалъ бы еще нынѣшнею же зимою собрать ихъ и заставить предъ ними читать сію книгу всенародно; но сіе неудобно теперь по причинѣ суроваго времени годоваго. А какъ въ маѣ мѣсяцѣ между 8 и 15 числомъ, знатнѣйшіе изъ моего народа стекутся на богослужебный (т. е. *калмыцкій*) праздникъ и соберутся для моленія: то я и велю въ то время читать книгу сію предъ всѣмъ благочестивымъ (т. е. по *калмыцкой* вѣрѣ) собраніемъ, и тѣмъ потщусь исполнить приказаніе ваше», etc.

Посланіе, кажется, достаточно говоритъ за себя.

[1]) *Феохтистовъ*, Магницкій, стр. 130.

сего сотоварищества было восхитительно, не только для членовъ одесскаго комитета, но и вообще для посѣтителей, при томъ находившихся, и въ особенности для родителей и родственниковъ. Всѣ приняли искреннѣйшее соучастіе въ семъ новомъ соединеніи возрастающаго поколѣнія, проникнутаго и воспламененнаго истинами Евангелія и любовію къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, пріуготовляемаго въ семъ юномъ возрастѣ къ желанію общей пользы и трудамъ для оной. Какое новое и вѣрное свидѣтельство силы Слова Божія, совершающей хвалу Господу посредствомъ сихъ дѣтей»! [1]) Въ прибавленіяхъ напечатанъ и самый «актъ» торжественнаго открытія сотоварищества, который для образчика мы предложимъ любопытному читателю въ выноскѣ [2]).

Одесскій пасторъ Беттигеръ отписалъ объ этомъ событіи въ

---

[1]) Отч. 1818, стр. 11 — 12.

[2]) Открытіе совершилось такимъ порядкомъ:

«Въ 9 часовъ съ половиною поутру, дѣти, обучающіеся во внѣшнихъ классахъ Ришельевскаго лицея, собрались въ одесскую соборную церковь, изъ коей, по выслушаніи божественной литургіи, въ сопровожденіи родственниковъ и учителей, отправились въ залу лицея, гдѣ ожидали ихъ члены комитета одесскаго отдѣленія

«По прибытіи въ залу, пѣвчіе воспѣли концертъ: *Небеса повѣдаютъ славу Божію.* Пс. XVIII. Между тѣмъ члены комитета заняли свои мѣста. Послѣ сего, секретарь комитета, изъяснивъ причину собранія, читалъ письмо отъ дѣтей къ вице-президенту комитета, при которомъ они, отъ избытка любви своей къ Господу Іисусу Христу, представили собранные въ кругу своемъ 113 рублей, на распространеніе книгъ Слова Божія, и, не ограничась симъ приношеніемъ, изъявили желаніе составить сотоварищество одесскаго отдѣленія. За симъ были слушаны два отношенія, одно отъ комитета Россійскаго Библейскаго Общества, который, изъявляя живѣйшее участіе въ благочестивомъ подвигѣ дѣтей, поручаетъ комитету одесскому утвердить существованіе сего сотоварищества, и, принявъ его подъ особенное свое покровительство, преподать юнымъ сотрудникамъ въ дѣлѣ Общества надлежащее руководство; другое отъ г. президента Россійскаго Библейскаго Общества князя Александра Николаевича Голицына, къ вице-президенту комитета (т. е. одесскаго) и законоучителю воспитанниковъ лицея, отцу архимандриту Ѳеофилу, исполненное благосклонной признательности къ благочестивымъ трудамъ его. Послѣ того сей ревнитель Слова Божія (т. е. архим. Ѳеофилъ) произнесъ приличную на сей случай рѣчь, за которою читанъ былъ списокъ членовъ, избранныхъ къ составленію дѣтскаго комитета; пѣвчіе же въ сіе время снова воспѣли: *Слава въ вышнихъ Богу*! Потомъ прочтены были правила для дѣтскаго сотоварищества. Въ заключеніе всего совершено благодарственное молебствіе Спасителю, явившему новое доказательство, какъ упраздняется премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ вѣка сего, и прогозглашено многолѣтіе Е. И. В.-ву, яко августѣйшему покровителю Библейскихъ Обществъ.

«Члены Общества, родственники дѣтей и они сами, были въ неописанномъ восторгѣ. На глазахъ первыхъ, блистали слезы сердечнаго умиленія; а на лицахъ послѣднихъ изображалась та небесная радость, коею одушевлялись нѣкогда еврейскіе дѣти, взывавшія: Осанна сыну Давидову! Осанна!»

Отч. 1818, Приб. XXII.

Базель, и комитетъ базельскаго библейскаго общества съ своей стороны въ восторгѣ отъ дѣтскаго сотоварищества. О томъ же узнаетъ нѣкій Золотницкій. Онъ вычиталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о «великомъ подвигѣ» воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и тотчасъ пишетъ въ Одесскій комитетъ, изъявляя свою радость и желаніе быть членомъ «сего ангелообразнаго комитета» (!!); и «желая — пишетъ онъ — *дѣломъ* доказать сердечную мою радость симъ юнымъ отраслямъ, коимъ, по ветхости дней моихъ, я начинаю уже уподобляться, не въ ангельской ихъ невинности, но въ простотѣ сердца, препровождаю при семъ пять рублей» [1]). Простота дѣйствительно дѣтская... Вся эта исторія и корреспонденціи печатались въ отчетахъ Общества и, конечно, это могло быть читано и самими дѣтьми. Непонятно, какимъ образомъ никому изъ людей, придумавшихъ устройство сотоварищества (сами дѣти, конечно, не могли устроить всего этого), не приходило въ голову, какъ все это было странно и какъ даже непозволительно это было относительно самихъ дѣтей. Дѣти могли быть благочестивы, но конечно не въ дѣтскихъ понятіяхъ и не въ дѣтской природѣ было дѣлаться прозелитами, какими ихъ выставляли: нужно было или фанатизировать дѣтей, или обманывать ихъ и играть ими...

Въ нѣсколько иномъ родѣ было, кажется, сотоварищество, устроенное въ началѣ 1821 г. между учениками и студентами харьковскаго университета, подъ вліяніемъ тогдашняго попечителя харьковскаго округа, З. Я. Карнѣева. Сотоварищество харьковскаго отдѣленія, по словамъ его, желало, «по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ, не только способствовать ему (Отдѣленію) къ достиженію его цѣли, взносомъ жертвуемыхъ суммъ, но *само составляя нѣчто цѣлое*, одушевлять духомъ любви къ Слову Божію всѣхъ сочленовъ своихъ» и проч. Здѣсь были болѣе взрослые люди, чѣмъ въ лицеѣ, и въ ихъ собраніяхъ читались между прочимъ собственные труды студентовъ о религіозныхъ предметахъ [2]). Карнѣевъ былъ въ старыя времена однимъ изъ усерд-

[1]) Отч. 1819, Приб. II.

[2]) Напримѣръ, собраніе, на которомъ присутствовали путешествовавшіе тогда Патерсонъ, Гендерсонъ и Сѣровъ, происходило такъ: „Достопочтенный попечитель открылъ собраніе изъявленіемъ удовольствія своего студентамъ за похвальное и полезное ихъ намѣреніе, и пожелалъ быть въ числѣ членовъ сотоварищества ихъ; потомъ одинъ изъ студентовъ читалъ рѣчь, въ которой изъяснены были чувства студентовъ относительно предпріемлемаго ими дѣла, о божественности Библіи, и о необходимости соединенія тѣлеснаго обученія (!) съ евангельскимъ просвѣщеніемъ, безъ котораго не можетъ существовать истинное просвѣщеніе; а въ заключеніе собранія читано было однимъ изъ студентовъ же весьма хорошее изложеніе 65 псалма". Отч. 1821, приб. XI, стр. 69. Ср. также Отч. 1820, приб. XIV. Henderson, Bibl. Researches, p. 161—162.

нѣйшихъ послѣдователей новиковской школы, и собранія студентовъ едва ли не напоминали ему собраній «теоретическаго градуса», въ которыхъ онъ игралъ нѣкогда руководящую роль [1])....

Въ отчетахъ Общества напечатана также рѣчь архимандрита Ѳеофана при открытіи такого же сотоварищества при казанскомъ университетѣ, 12 марта 1820. Сотоварищество открыто было вскорѣ послѣ того, какъ университетъ получилъ знаменитыя «инструкціи», составленныя Магницкимъ, и рѣчь написана конечно въ томъ же самомъ смыслѣ. «Въ нашемъ благочестивомъ обществѣ,—говоритъ Ѳеофанъ,—въ коемъ самые помазанники Божіи вѣнчанныя главы свои благоговѣйно преклоняютъ къ подножію креста Христова, и за первую вмѣняютъ себѣ честь подавать примѣръ истиннаго благочестія людямъ и народу, духъ злобы поднебесныя, не имѣя дерзости возставать видимо противу Слова Божія, и гпать явно исповѣдниковъ его, продолжаетъ впрочемъ тайно, но тѣмъ не менѣе опасно, распространять свои пагубныя мудрованія. Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены еще въ пользѣ и необходимости введенія сего свѣта въ мѣсто сіе. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это *послѣднія усилія врага:* время наступаетъ, когда Господь духомъ устъ своихъ *убіетъ* сего нечестиваго духа [2])». Въ переводѣ на практическій языкъ, эти слова предвѣщали ожидаемое торжество Магницкаго надъ его противниками, — въ которомъ онъ тогда, кажется, не сомнѣвался....

Мы скажемъ дальше объ этой системѣ обскурантизма, свившей себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ, а теперь приведемъ еще нѣкоторыя подробности.

При томъ оффиціально-чиновническомъ характерѣ, который все больше и больше стали принимать библейскія общества, трудно было вообще ожидать здраваго способа дѣйствій и простого отношенія къ дѣлу. Стремясь подражать англичанамъ, наши библейскіе дѣятели также думали заняться миссіонерствомъ: были въ этомъ родѣ сдѣланы полезныя работы,—какими надобно назвать священническіе переводы Новаго Завѣта на нарѣчія инородцевъ восточной Россіи и Сибири; но затѣмъ, миссіонерство

---

[1]) Въ Публичной Библіотекѣ находится между прочимъ два тома „Разсужденій", 1789 и 1791 г. (Ш. F. № 47—48); это сборники статей, представлявшихъ собой такъ называемыя „работы" теоретическаго градуса. Эти работы происходили подъ управленіемъ З. Я. Карнѣева, начальствовавшаго тогда надъ ложей теоретической степени розенкрейцерства въ Орлѣ. Разсужденія студентовъ въ харьковскомъ библейскомъ сотовариществѣ 1821 г., очевидно сродни „разсужденіямъ" 1789—91 года.

[2]) Отч. 1820, Приб. II.

нерѣдко принимало самый странный видъ. Мы видѣли, что калмыцкій князь Тюмень понималъ (конечно, не безъ своихъ основаній) присланныя ему увѣщанія за *приказъ*. Корреспонденты Общества считали нужнымъ извѣщать петербургскій комитетъ о ходѣ дѣлъ, и астраханскій корреспондентъ замѣчаетъ (въ 1816) о тѣхъ же калмыкахъ: «многіе калмыки, *вѣроятно*, по простотѣ понятій и невѣжеству (!!), не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ всеблагаго Бога» — т. е. присланной книгой. Очевидно, корреспондентъ (ректоръ астраханской семинаріи) имѣлъ самыя смутныя понятія о миссіонерскомъ дѣлѣ: онъ какъ будто не разумѣетъ, что дать книгу людямъ, которые еще кланяются своимъ бурханамъ, вовсе не значило обратить ихъ въ христіанство; что если такой калмыкъ и бралъ книгу по *приказу*, то онъ могъ просто положить ее въ сторону, или, если бы даже заинтересовался ею, могъ ничего не понять въ ней безъ объясненія..... Рядомъ съ этимъ, въ 1817 г., о тѣхъ же калмыкахъ говоритъ англичанинъ Фразеръ, изъ шотландской колоніи, и говоритъ совершенно разсудительно. Онъ отправился въ кочевье самъ, жилъ вмѣстѣ съ калмыками и правдиво разсказываетъ о своихъ испытаніяхъ: онъ бралъ на себя дѣйствительный трудъ, видѣлъ степень развитія народа и его нравы, и сомнѣваясь въ успѣхѣ, имѣлъ очень ясное понятіе о томъ, почему калмыки «не пользуются даромъ».

Часто не знаешь, что̀ видѣть въ различныхъ фактахъ, собранныхъ въ самыхъ отчетахъ Общества: крайнюю ли наивность увлекавшихся членовъ комитета, или — непозволительное ханжество и лицемѣріе. Реторика, напыщенныя фразы дѣлаютъ подъ конецъ почти невыносимымъ чтеніе отчетовъ и особенно ихъ прибавленій, наполненныхъ корреспонденціей. И это въ особенности бросается иногда въ глаза, когда рядомъ съ посланіями русскими стоятъ письма Британскаго Общества, гдѣ при всемъ благочестіи и даже сильномъ піэтизмѣ бывало практическое соображеніе и здравый смыслъ... Одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ образчиковъ поддѣльнаго сантиментальнаго піэтизма есть, кажется, помѣщенное въ одномъ изъ отчетовъ *письмо* одного *мальчика* изъ Сѣвска. Письмо, очевидно, писано не самимъ мальчикомъ, и ему придана фальшивая народность того времени въ стилѣ «Фрола Силина» и «Бѣдной Лизы» [1]).

Нѣтъ надобности говорить, что въ Британскомъ Обществѣ не было ничего подобнаго этой казенной, канцелярской пропагандѣ,

---

[1]) См. Отч. 1819, Приб XVIII. Письмо сочинено конечно въ Сѣвскѣ, — но въ Петербургѣ надо было бы по крайней мѣрѣ понять, что это подлогъ.

и что она вполнѣ была произведеніемъ нашихъ нравовъ. Британское Общество было и осталось дѣломъ частныхъ лицъ съ своими убѣжденіями, дѣйствовавшихъ на тѣхъ же правахъ, какія были доступны всѣмъ, между прочимъ и ихъ противникамъ. Религіозная пропаганда того разряда, какой мы видимъ потомъ въ библейскихъ обществахъ, существовала и до нихъ, въ формѣ методизма, квакерства, миссіонерскихъ обществъ разнаго рода. Наша общественная жизнь давала для этого учрежденія совсѣмъ иныя условія: такъ называемая самодѣятельность общества была въ состояніи младенчества; надъ всѣми отраслями общественныхъ интересовъ стояла административная опека и чиновническій авторитетъ, и оттого, когда общество, такъ или иначе, вызвано было къ библейской дѣятельности, мы и видимъ такое странное явленіе, какъ чиновническое, почти полицейское распространеніе Библіи. Административныя власти, крупныя и мелкія, вмѣшались въ дѣло совершенно естественно, потому что онѣ и вообще заправляли всевозможными общественными отправленіями. Отсюда тѣ странности и нелѣпости, которыя мы указывали... Но какъ это ни способствовало лицемѣрію, и какъ это ни спутываетъ наши сужденія о дѣйствительныхъ результатахъ библейской пропаганды, ихъ нельзя однако не оцѣнять довольно высоко. Масса общества и не ожидала другого способа дѣйствій, и многіе, слѣдовательно, могли искренно принимать «воззванія» и увлекаться ими. Такъ увлекались прежде всего многіе изъ членовъ библейскихъ комитетовъ, личный характеръ которыхъ извѣстенъ независимо отъ того и которые остались вѣрны себѣ и послѣ, когда Библейское Общество уже не существовало. Искреннее увлеченіе проникало даже и въ простонародную сферу; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ то «чувство безпокойства», которое, какъ упоминаютъ невзначай отчеты Общества, овладѣвало многими въ народѣ при слушаніи его піэтистическихъ воззваній. Въ самомъ дѣлѣ, это «безпокойство», — отъ почувствованной, но еще не удовлетворенной потребности въ сознательной религіи — должно было явиться первымъ послѣдствіемъ подобныхъ внушеній. Въ народѣ, библейская пропаганда должна была дѣйствовать такъ именно на людей, которые въ другое время уходили, изъ-за тѣхъ же религіозныхъ потребностей, въ расколъ....

Къ сожалѣнію, религіозный интересъ — искренній или фальшивый, — дѣйствовавшій въ библейскихъ обществахъ, не удержался въ здравыхъ предѣлахъ. Время Библейскаго Общества стало временемъ крайней мистики и піэтизма. Теперь еще да-

лекo не собраны факты для исторіи этого общественнаго направленія второй половины царствованія императора Александра, и мы упомянемъ только немногое. Въ ряду фактовъ этого рода, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ судьбѣ Библейскаго Общества, одинъ изъ главныхъ и любопытнѣйшихъ есть душевное настроеніе самого императора, — въ которомъ съ 1812 г. совершается сильный переломъ, впослѣдствіи наполняющій всю его нравственную и политическую жизнь борьбой двухъ элементовъ— прежнихъ замѣчательно либеральныхъ и великодушныхъ идей и стремленій съ новыми вліяніями, мистическими и реакціонными.

Мы не можемъ имѣть здѣсь въ виду сколько-нибудь полныхъ указаній объ этой внутренней жизни императора Александра: намъ достаточно нѣсколько фактовъ, которые способны характеризовать его личное настроеніе [1]). Во время событій 1812 года стремленіе къ религіозному успокоенію явилось въ первый разъ съ извѣстной силой въ императорѣ Александрѣ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ годы пріобрѣло чрезвычайное развитіе. Оно отразилось всего сильнѣе и знаменательнѣе въ актѣ Священнаго Союза. Самыя разнообразныя религіозныя возбужденія окружаютъ въ это время императора, который, отдаваясь своему чувству, подчинился вліяніямъ религіозной экзальтаціи, овладѣвавшей умами въ Европѣ и, наконецъ, открыто перенесъ свои личныя идеально-піэтистическія воззрѣнія въ политическій манифестъ, который задуманъ былъ, безъ сомнѣнія, съ искренними благородными побужденіями, но уже вскорѣ подвергся самой печальной эксплуатаціи въ смыслѣ крайней реакціи и обскурантизма. Лица, съ которыми встрѣчался и сближался тогда императоръ Александръ въ своемъ мистическомъ настроеніи, прямо или косвенно дѣйствовали и на характеръ нашего Библейскаго Общества. Самое извѣстное изъ этихъ лицъ была г-жа Крюднеръ, игравшая тогда въ извѣстной части общества роль, чрезвычайно своеобразную: сошедшись съ южно-германскими піэтистами и мистиками, она сама незадолго до своей встрѣчи съ императоромъ Александромъ (въ 1815 г.), стала проповѣдовать нѣчто въ родѣ первобытнаго христіанства и аскетической филантропіи, бросилась въ ревностный прозелитизмъ и, для дружескаго круга, даже предсказывала будущее. Такъ, напримѣръ, она «предсказывала» возвращеніе Наполеона съ Эльбы въ то время, когда побѣдители торжествовали

---

[1]) Въ числѣ разсказовъ объ этихъ событіяхъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ находится въ „Vie de madame de Krudener, par Ch. Eynard“ Paris, 1849 t. I, p. 323—342 и большая доля II-го тома. Авторъ пользовался многими компетентными источниками, между прочимъ, указаніями русскихъ свидѣтелей тогдашнихъ событій.

на вѣнскомъ конгрессѣ. Предсказанія, конечно, были весьма темныя и широкія, но очень многіе приняли ихъ за дѣйствительныя пророчества, сама она — больше всѣхъ, и это придало еще больше интереса проповѣдницѣ христіанства, явившейся притомъ изъ аристократическаго круга. Съ теченіемъ времени она все больше и больше убѣждалась въ своемъ посланничествѣ, и, какъ ни слаба была ея теологія, которой не берутся защищать даже ея пламенные поклонники, г-жа Крюднеръ пріобрѣла много приверженцевъ, которыхъ увлекала своимъ свѣтскимъ даромъ слова, примѣненнымъ теперь къ евангельской проповѣди смиренія и уничиженія. Она явилась въ первый разъ къ императору (въ 1815 г.), въ Гейльброннѣ, на пути его изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи, и въ тогдашнемъ его тревожномъ настроеніи произвела на него сильное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе усилилось во время пребыванія императора въ Парижѣ послѣ окончательнаго низложенія Наполеона: императоръ проводилъ вечера у г-жи Крюднеръ, и религіозная мечтательность его въ это время достигла высокой степени....

Но начало ея относится еще къ предыдущимъ годамъ. Еще до этого времени онъ искалъ людей, особенно извѣстныхъ своей вѣрой и благочестіемъ и охотно вступалъ съ ними въ бесѣды. Мы видѣли, что въ 1814 г. императоръ Александръ принималъ депутацію Британскаго Библейскаго Общества и выражалъ свое сочувствіе къ его дѣятельности. Въ это же пребываніе его въ Лондонѣ онъ принималъ депутацію квакеровъ и имѣлъ съ ними длинный разговоръ: это были Стефенъ Грелье, Джемсъ Вилькинсонъ и Вильямъ Алленъ, которые излагали ему свои идеи о непосредственномъ вліяніи святого Духа... Вильямъ Алленъ сохранилъ разсказъ объ этомъ свиданіи [1]). Въ томъ же году кн. Голицынъ (повидимому, служившій только исполнителемъ даннаго ему порученія) прислалъ значительный денежный подарокъ знаменитому мистику Юнгу Штиллингу [2]), который, между прочимъ, содѣйствовалъ піэтистическому образованію самой г-жи Крюднеръ и имѣлъ ревностныхъ почитателей въ средѣ нашихъ мистиковъ.

Въ 1818—1819 г. упомянутый Грелье былъ въ Россіи. Онъ опять видѣлся съ государемъ, — какъ разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ», — два или три раза и молился съ нимъ молчаливой молитвой съ колѣнопреклоненіемъ, въ чаяніи сошествія на обоихъ св. Духа [3]).

---

[1]) Ch. Eynard, Vie de madame de Krudener, t. I, p. 335.

[2]) Тамъ же, I, p. 304.

[3]) См. Сушкова, Записки о жизни Филарета, М. 1868, стр. 104, 266. Приложеніе, стр. 105—106.

Мы удовольствуемся пока этими примѣрами, которые достаточно характеризуютъ свойства религіозности, овладѣвавшей теперь императоромъ Александромъ. Въ мысляхъ императора носилась перспектива новаго порядка вещей, который долженъ былъ состоять въ господствѣ христіанско-патріархальнаго правленія народами. Къ этому періоду, именно ко времени, непосредственно слѣдовавшему за объявленіемъ акта Священнаго Союза, относится и усиленное вниманіе императора къ русскому Библейскому Обществу. Онъ вызываетъ его на новые труды, самъ лично усиливаетъ его дѣятельность, участвуетъ въ распространеніи книгъ св. писанія, содѣйствуетъ княгинѣ Мещерской, наконецъ требуетъ перевода Библіи на русскій языкъ....

Понятно, какое вліяніе должно было произвести это личное настроеніе императора Александра, когда онъ рѣшился проводить его на дѣлѣ, и когда Библейское Общество представлялось для этого удобнымъ орудіемъ.

Личные взгляды и воля императора произвели сильное дѣйствіе на умы уже тѣмъ, что открывали новымъ религіознымъ вкусамъ путь въ общество, въ которомъ и прежде, и послѣ, они вовсе не имѣли права гражданства. Вниманіе императора къ Юнгу Штиллингу, къ г-жѣ Крюднеръ, къ Стефену Грелье доставило имъ и въ обществѣ друзей и практику, такъ что люди стараго вѣка, вовсе не привычные къ какой-нибудь религіозной свободѣ, подняли, наконецъ, въ своихъ кругахъ тревогу о нарушеніи стараго благочестія.... Г-жа Крюднеръ съ 1815 года находитъ больше и больше почитателей въ высшемъ русскомъ обществѣ, вступаетъ въ сношенія съ кн. Голицынымъ и съ членами библейскаго общества, въ комитетѣ котораго, съ самаго его основанія, находился неизмѣнно ея братъ, баронъ Б. И. Фитингофъ. Ея экзальтація часто именно совпадала съ тѣмъ настроеніемъ, какое библейскія общества принимали болѣе или менѣе повсюду въ континентальной Европѣ: однимъ изъ ближайшихъ ея друзей былъ пасторъ Оберлинъ (въ Ban de la Roche, въ Эльзасѣ), одинъ изъ первыхъ и наиболѣе энтузіастическихъ корреспондентовъ Британскаго Общества на континентѣ.... Для квакера Грелье, во время его путешествія по Россіи, также открывалась своего рода пропаганда. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ кн. А. Н. Голицынымъ, съ митрополитомъ Михаиломъ, еписк. Филаретомъ, съ упомянутой выше кн. Соф. Серг. Мещерской и со многими другими лицами духовными и свѣтскими. Кн. Голицынъ, съ однимъ молодымъ секретаремъ своимъ, молился также съ Грелье квакерской молитвой, ожидая сошествія святого Духа. Въ Новороссійскомъ краѣ Грелье раздавалъ

— Библіи, интересовался меннонитами и молоканами; въ Одессѣ онъ свелъ знакомство съ попечителемъ колоній южнаго края, генераломъ И. М. Инзовымъ, который былъ усерднымъ дѣятелемъ мѣстнаго библейскаго комитета.... Въ дневникѣ Грелье подробно описаны его посѣщенія къ митр. Михаилу и бесѣды его съ викаріемъ Филаретомъ, которыя доставили квакеру большое удовольствіе. На прощаньѣ, Филаретъ снабдилъ Грелье и его товарища рекомендательными письмами къ лицамъ, «извѣстнымъ ему своей духовностью», которыхъ квакеры намѣревались посѣтить по дорогѣ своей въ Одессу [1]). Эти лица, извѣстныя своею духовностью, были конечно члены и корреспонденты Библейскаго Общества, какъ и названный сейчасъ генералъ Инзовъ.

Такимъ образомъ наши библейскіе дѣятели непосредственно сближались съ европейскими піэтистами и, конечно, заимствовались отъ нихъ новыми теоретическими и практическими пріемами мистицизма, примѣняя ихъ потомъ на свой ладъ. Иногда это сходилось прямо съ ихъ дѣлами по Обществу. Мы говорили выше, что по примѣру Британскаго, русскій комитетъ старался поддерживать библейскую дѣятельность и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи (гдѣ, кажется, библейское дѣло могло бы обойтись и безъ русской поддержки). Такъ нашъ комитетъ оказывалъ вниманіе Леандру фанъ-Эссу и помогалъ его библейской дѣятельности въ католической Германіи. Еще бо̀льшее вниманіе оказано было римско-католическому священнику Госнеру, дѣйствовавшему въ Баваріи [2]). На Госнерѣ Библейское Общество скомпрометировалось.

Іоганнъ Госнеръ (род. 1773, ум. 1858 г.) былъ опять не только библейскій ревнитель, но и особенно-восторженный мистикъ, почти сектаторъ.

Въ Германіи еще съ прошлаго столѣтія явилась особая группа экзальтированныхъ піэтистовъ, которые назывались «пробужденными» (Erweckten). Это были ученики извѣстнаго графа Цинцендорфа († 1760), которому принадлежало помѣстье Геррнгутъ (въ Силезіи), гдѣ онъ далъ пріютъ моравскимъ братьямъ, получившимъ отсюда названіе геррнгутеровъ. Это «пробужденіе» (подразумѣвается—къ новой, возвышенной, внутренней религіозности) нашло тогда немало послѣдователей даже между аристо-

[1]) Сушк., стр. 266—269. Въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», который издаваемъ былъ упомянутымъ выше «Вольнымъ Обществомъ любителей» etc., за это же время помѣщена была особая статья о квакерахъ, гдѣ эта секта описывается съ особеннымъ сочувствіемъ.

[2]) Johannes Gossner. Von v. Bethmann-Hollweg. Berl. 1858 (изъ Deutsche Zeitschrift für christl. Wissenschaft und chr. Leben).

кратическими фамиліями въ Германіи. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, новые «пробужденные» явились въ южной Германіи, особенно въ Баваріи. Здѣсь «пробужденіе» овладѣвало низшимъ классомъ народа: простые люди «наполнялись духомъ» и получали высшее религіозное прозрѣніе. «Пробужденіе» было вообще одно изъ тѣхъ экзальтированныхъ сектаторскихъ движеній, которыя очень часто единственнымъ своимъ поводомъ имѣютъ формализмъ и сухость оффиціальной церкви, слишкомъ небрегущей нравственными потребностями массы. Оффиціальное католичество возстало противъ «пробужденныхъ»; ихъ главный руководитель, Мартинъ Боосъ, былъ преслѣдуемъ инквизиціей и полиціей, былъ заключаемъ въ тюрьму, но дѣло продолжалось. У Бооса явились ревностные помощники, число послѣдователей умножалось и средоточіемъ «пробужденныхъ» сталъ, наконецъ, пасторъ Госнеръ, дѣйствовавшій въ Мюнхенѣ. Его проповѣди привлекали толпу слушателей, и кругъ дѣятельности его расширялся, въ особенности съ учрежденіемъ библейскихъ обществъ. Госнеръ сдѣлалъ новый переводъ Новаго Завѣта, по отзывамъ протестантовъ замѣчательно близкій къ подлиннику. Переводъ Госнера, съ помощью иностранныхъ библейскихъ обществъ, былъ распространенъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ; британскій библейскій комитетъ доставилъ Госнеру значительную денежную поддержку. Еще раньше, кажется, у него завязались другія отношенія. Онъ вступилъ въ сношенія съ благочестивыми кружками евангелической церкви въ Нюрнбергѣ, Базелѣ, Геррнгутѣ; въ Базелѣ было тогда библейское общество, потомъ основалось «Общество религіозныхъ трактатовъ», отчасти подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ, которая имѣла здѣсь самыхъ усердныхъ друзей [1]). Проповѣдь Госнера уже теперь выходила за предѣлы чистаго католицизма, какъ было, впрочемъ, вообще у «пробужденныхъ»; онъ еще не думалъ отдѣляться отъ церкви, но стремленія его одухотворить догматы религіи давали его мнѣніямъ протестантскій оттѣнокъ, и протестантскіе піэтисты возбуждали всю его симпатію; сочиненія графа Цинцендорфа принадлежали къ его любимому чтенію, въ его мысляхъ бродилъ планъ основать въ средѣ католической церкви живую «братскую общину», на подобіе геррнгутерской.

Возстановленіе папской власти, послѣ паденія Наполеона, и возобновленіе іезуитскаго ордена, естественно отозвались для «пробужденныхъ» новыми преслѣдованіями. Въ 1817 г. въ Баваріи шли переговоры о конкордатѣ, въ Мюнхенѣ ожидали пап-

[1]) Ch. Eynard, II, 110.

скаго нунція; власти рѣшили искоренить секту, и Госнера потребовали къ отвѣту. Онъ высказался откровенно и былъ лишенъ правительствомъ своего мѣста; товарищъ его, другой пасторъ, Линдль, нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ провести въ заключеніи и переведенъ былъ въ другое мѣсто. Госнеръ еще нѣсколько времени оставался съ своей мюнхенской паствой, но, наконецъ, ему невозможно было держаться дольше, и онъ удалился въ рейнскія провинціи, которыя достались послѣ вѣнскаго конгресса Пруссіи. Для католическаго населенія этихъ провинцій, прусское правительство вызвало сначала Мартина Бооса, потомъ Госнера (1819), который занялъ, оставленное Боосомъ по болѣзни, мѣсто профессора въ дюссельдорфской гимназіи и городского священника. Госнеръ продолжалъ здѣсь съ большимъ успѣхомъ свою проповѣдь, которая и здѣсь опять навлекла на него ненависть ортодоксальныхъ католиковъ и іезуитовъ.

Линдль также вскорѣ оставилъ Баварію, гдѣ преслѣдованіе католическихъ властей грозило ему тюрьмой. Въ это время онъ получилъ призывъ въ Петербургъ, куда и отправился въ октябрѣ 1819 г. Въ Петербургѣ онъ, какъ разсказываютъ, нашелъ самый благосклонный пріемъ не только у князя Голицына, но у самого императора. Онъ получилъ мѣсто проповѣдника при мальтійской церкви, гдѣ собирались къ нему слушатели всякихъ исповѣданій [1])..... Но Линдль недолго оставался въ Петербургѣ; весной слѣдующаго года онъ получилъ мѣсто въ Одессѣ, съ правами католическаго епископа [2]). На его мѣсто въ Петербургѣ призванъ былъ тогда же Госнеръ. Имя Госнера уже задолго передъ тѣмъ упоминается въ отчетахъ нашего Общества, какъ имя ревностнаго библейскаго дѣятеля. Членъ британскаго комитета Штейнкопфъ, въ письмѣ къ Пинкертону (сентябрь 1817 г.), называлъ его «неустрашимымъ и неутомимымъ сѣятелемъ Слова Божія», и лондонскій комитетъ назначилъ ему, какъ упомянуто выше, пособіе — въ 500 ф. стерл. [3]). Впослѣдствіи, русскій комитетъ, конечно по этимъ (и другимъ подобнымъ) рекомендаціямъ

---

[1]) Біографія Госнера, изъ которой мы беремъ эти указанія, разсказываетъ слѣдующее:

«Am 17. October 1819 hielt er (Lindl) seine Abschiedspredigt und reiste am 18 nach Petersburg ab, wo er aufs Freundlichste und Ehrenvollste aufgenommen wurde. Fürst Gallizin, der Kaiser selbst empfing ihn und *bat ihn knieend um seinen Segen.* Von so hoher Gunst musste selbst der katholische Mitropolitan sich beugen» etc. Насколько вѣрны эти подробности — мы пока не знаемъ.

[2]) Это было почетное удаленіе вслѣдствіе столкновенія съ православными интересами. О такихъ столкновеніяхъ мы еще упомянемъ ниже.

[3]) Отч. 1817, Приб. XVIII.

и самъ вступилъ съ Госнеромъ въ сношенія, результатомъ которыхъ и было приглашеніе его въ Петербургъ.

Въ іюлѣ 1820 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ первыхъ письмахъ къ друзьямъ не могъ нахвалиться теплымъ пріемомъ, какой онъ здѣсь нашелъ. Князь Голицынъ и ему оказывалъ большое вниманіе, и Госнеръ еще въ томъ же году выбранъ былъ въ число директоровъ петербургскаго комитета Библейскаго Общества [1]). Сколько можно судить по немногимъ разсказамъ объ этихъ обстоятельствахъ, Госнеръ, какъ проповѣдникъ, имѣлъ большой успѣхъ не только между своей ближайшей паствой, но и между нѣмецкими протестантами и русскими искателями мистической религіозности. Госнеръ пробылъ въ Петербургѣ четыре года; въ 1824 году онъ былъ высланъ за-границу, — на этомъ такъ-называемомъ «госнеровскомъ дѣлѣ» мы остановимся дальше....

Указанные нами факты обозначаютъ свойство религіозныхъ тенденцій, овладѣвавшихъ Библейскимъ Обществомъ, члены котораго были самыми искателями всякой мистики. Успѣхъ этой послѣдней, какъ мы уже замѣчали, былъ тѣмъ возможнѣе, что въ обществѣ еще продолжались вліянія стараго масонскаго мистицизма XVIII вѣка. Еще живы были Новиковъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Поздѣевъ, кн. Репнинъ, Кошелевъ и др. Почти всѣ они вынесли тяжелое давленіе враждебныхъ обстоятельствъ и пріобрѣли мрачное упорство понятій, обыкновенное слѣдствіе преслѣдованій. Нѣкоторые изъ нихъ, или ихъ ученики, приняли прямое участіе въ библейскомъ дѣлѣ; тѣ, которые не принимали этого участія, все-таки дѣйствовали для него своимъ личнымъ

---

[1]) «So kalt hier das Klima, — писалъ Госнеръ изъ Петербурга, — so warm fühlen die Herzen. Der Minister, Fürst Gallizin, ist ein lieber, vortrefflicher Mann, und so sind noch viele Grosse sehr klein (т. е въ христіанскомъ смыслѣ; смиренны) und demüthig und hungrig und durstig nach Gerechtigkeit». Біографъ говоритъ дальше о прибытіи Госнера въ Петербургъ и успѣхахъ его проповѣди: «Der Herr hatte ihm *die Thüre weit aufgethan*, alle hemmenden Schranken fielen, der *Kaiser selbst* hatte ihm einen grossen Saal einrichten lassen, der an 2000 Menschen fasste und wo er vor Personen jeglichen Standes und Bekenntnisses Zeugniss ablegte von dem Heil in Christo. Der *engere Kreis* der Freunde verharrte Tag und Nacht mit ihm im Gebet, und der Herr blieb auch diesmal die Antwort nicht schuldig. Ströme seines Geistes kamen herab und *erweckten* Tausende zu einem tiefen, innigen Glaubensleben» etc. Къ этому тѣсному кружку принадлежалъ, вѣроятно, и секретарь Библейскаго Общества, В. М. Поповъ, переводчикъ книги Госнера, о которой мы будемъ говорить дальше.

Панаевъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ: «Пріемъ, оказанный Госнеру, былъ еще благосклоннѣе (чѣмъ пріемъ Линдля), а краснорѣчіе его блистательнѣе, такъ что жители столицы всѣхъ вѣроисповѣданій, *не исключая и православнаго*, толпами сбирались по вечерамъ въ католическую церковь слушать его проповѣди». «Вѣстн. Евр.» 1867 г., IV, стр. 83.

вліяніемъ. Ихъ мистицизмъ превращался въ аскетическую суровость, въ подозрительное недовѣріе къ новымъ движеніямъ въ литературѣ и обществѣ и въ самое ребяческое легковѣріе ко всему, что̀ казалось имъ выполненіемъ ихъ маго-кабалистическихъ теорій. Въ тѣхъ нововведеніяхъ, которыя прорывались въ жизнь, они видѣли одну гибель и козни вѣчнаго врага человѣчества: въ новыхъ литературныхъ идеяхъ имъ мерещилось то «иллюминатство», которымъ нѣкогда напугали ихъ берлинскіе наставники; они не любили университетовъ, противъ которыхъ вооружали ихъ старые алхимическіе авторитеты и на которые начала теперь доносить пошлая толпа обскурантовъ реставраціи. Въ своихъ взглядахъ на вещи, эти старые мистики сошлись теперь съ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, который также не любилъ науки и также находилъ нужнымъ искоренить «лжеименный разумъ». Наконецъ, высшимъ пунктомъ ихъ желаній было стремленіе къ надзвѣзднымъ областямъ, которыя такъ подробно описывались въ ихъ книгахъ. Мистическое истолкованіе Библіи уже издавна было предметомъ ихъ величайшаго любопытства и стараній.

Характеристическимъ представителемъ ихъ школы былъ теперь Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», начатаго имъ въ первые годы царствованія императора Александра и вскорѣ запрещеннаго, потомъ начатаго вновь и опять запрещеннаго. Старыя масонскія преданія Лабзинъ подновлялъ послѣдними изобрѣтеніями мистицизма, преимущественно Юнгомъ Штиллингомъ и Эккартсгаузеномъ. Его журналъ въ особенности можетъ считаться выраженіемъ тенденцій, которыми отличались послѣ всѣ ревностные члены Библейскаго Общества. Лабзинъ, какъ и его наставники, вообще не удовлетворялся обычнымъ церковнымъ порядкомъ: этотъ порядокъ казался ему слишкомъ сухимъ и недѣятельнымъ, и его собственные вкусы клонились въ ту сторону, куда вели тогдашніе фантазеры и фанатики. Его новѣйшій мистицизмъ доставилъ ему друзей и въ той части духовенства, которая пристала къ Библейскому Обществу съ надеждами и ожиданіями. Лабзинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ библейскаго комитета, и въ числѣ людей, стоявшихъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, былъ Филаретъ, который въ эту пору своей жизни отдалъ не малую дань тогдашнему мистицизму [1]).

---

[1]) Сушковъ, стр. 258. «Встрѣчи, знакомство, связи съ такъ-называемыми мистиками имѣли на него (Филарета), хотя не безусловное и не продолжительное вліяніе. Кн. Голицынъ, Лабзинъ, Серафимъ и Михаилъ навели его вниманіе на труды восторженнаго Сведенборга, на гаданія Эккартсгаузена, на мечтанія поэтическія Юнга

Наконецъ, еще въ первой половинѣ царствованія императора Александра возобновились и органы масонства—ложи, особенное распространеніе которыхъ опять совпадаетъ съ наиболѣе оживленными годами Библейскаго Общества. Дѣятельность этихъ ложъ до сихъ поръ еще мало извѣстна и мы затрудняемся опредѣлить направленія, получавшія въ нихъ мѣсто. Повидимому, здѣсь соединялись весьма различныя тенденціи, и въ масонскихъ ложахъ того времени жило какъ старое розенкрейцерство и библейскій мистицизмъ, такъ и тенденціи новаго политическаго либерализма,—это послѣднее, конечно, только въ отдѣльныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ личностяхъ, потому что люди радикальныхъ наклонностей выдѣлились тогда, какъ извѣстно, въ особые кружки и общества, изъ которыхъ вышли потомъ такъ называемые декабристы. Но масонство и теперь сохраняло многое изъ прежняго характера и давало новыхъ послѣдователей піэтизму.

Когда піэтистическія наклонности библейскихъ дѣятелей получили достаточное развитіе и силу, онѣ естественно должны были найти себѣ и извѣстное практическое выраженіе. Піэтистамъ недостаточно казалось обыкновенныхъ формъ благочестія, и они усвоиваютъ себѣ различные пріемы піэтизма, какіе находили у своихъ иностранныхъ друзей и наставниковъ. Самъ императоръ Александръ, какъ разсказываютъ, молился съ квакеромъ Грелье; еще прежде онъ участвовалъ въ моленіяхъ г-жи Крюднеръ, въ которыхъ было нѣчто похожее на методизмъ. Князь Голицынъ повидимому особенно стремился къ изысканной религіозности и также совершалъ квакерскія моленія въ ожиданіи осѣненія святымъ Духомъ [1]). Князь Ливенъ, одинъ изъ вице-президентовъ комитета, былъ настоящій геррнгутеръ [2]). Баронъ Б. И. Фитинговъ, братъ г-жи Крюднеръ, также вице-президентъ петербургскаго комитета, сочувствовалъ религіознымъ идеямъ своей сестры и участвовалъ въ ея особеннаго рода молитвахъ [3]) Госнеръ и Линдль

Штиллинга и госпожи Гіонъ. Была пора довѣрчивости и увлеченій» и проч. Г. Сушковъ можетъ быть слишкомъ стѣсняетъ періодъ мистическихъ воззрѣній Филарета; потому что, въ нѣсколько иной формѣ, онѣ продолжались и послѣ, какъ видно изъ самой книги г. Сушкова.

[1]) Зап. Вигеля III, ч. VI, 38. «Онъ (кн. Голицынъ) посѣщалъ богослуженія различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ, и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ». Это — общество Татариновой, помѣщавшееся въ Инженерномъ замкѣ.

[2]) «Mon frère est arrivé, — говоритъ г-жа Крюднеръ въ одномъ письмѣ (около 1818 г.): sa piété est vraie et active.... Nous priâmes l'autre jour ensemble, en larmes et prières ferventes. Eynard, II, 307.

[3]) Зап. Вигеля III, ч. VII, 140 — 141. «На лицѣ его (К. А. Ливена) было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно

привлекали къ себѣ и русскихъ слушателей; методисты и квакеры дѣлались предметомъ особеннаго вниманія и удивленія. Это былъ піэтизмъ европейскій. Но вмѣстѣ съ нимъ были въ Библейскомъ Обществѣ образчики своего болѣе домашняго піэтизма. Такъ Вигель разсказываетъ о Бантышъ-Каменскомъ, — котораго мы упоминали какъ одного изъ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію библейскаго Общества въ Москвѣ и который лично собралъ для него большую сумму пожертвованій,—черты, которыя, въ менѣе сильной степени, могутъ быть характеристичны для многихъ другихъ библейскихъ дѣятелей. Воспитанный въ славяно-греко-латинской академіи, Бантышъ-Каменскій еще съ молода удаленъ былъ отъ общественной жизни физическимъ недостаткомъ (глухотой) и склонностью къ кабинетнымъ занятіямъ, и сталъ суровъ и нелюдимъ. «Лицо примѣчательное,—говоритъ Вигель, — которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній; это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку, и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и такъ сказать былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ....» [1]).

Такихъ свѣтскихъ архіереевъ, или по крайней мѣрѣ іеромонаховъ было много въ Библейскомъ Обществѣ; эти свѣтскіе іеромонахи принимали на себя тонъ благочестія и подвижничества, подобающій ихъ значенію, и мы упоминали выше, что корреспонденты общества съ самаго начала стали даже писать не иначе, какъ въ церковномъ стилѣ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ существованія Общества, его дѣятели составили особый общественный слой, съ своими типическими примѣтами.

Наконецъ для этихъ дѣятелей потребовалось высшее піэтистическое возбужденіе, которое удовлетворило бы ихъ экзальтаціи, и это возбужденіе доставлено было извѣстнымъ обществомъ Татариновой. Объ этомъ Обществѣ въ послѣднее время явилось довольно много разсказовъ въ нашей литературѣ, и намъ нѣтъ

христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ.... Онъ принадлежалъ къ сектѣ гернгутеровъ или моравскихъ братій, германскихъ старовѣровъ... Въ остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространеніе сей секты между жителями; въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возросло до сорока.... Случалось иногда, что присланный откуда нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ налоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію. Уже по окончаніи ея примется за дѣло».

[1]) Записки I, ч. I, 171.

надобности повторять ихъ: достаточно сказать, что собраніе общества было странной религіозной оргіей, напоминающей шамановъ, хлыстовъ и т. п. [1]) и для насъ важно упомянуть только тотъ фактъ, что наиболѣе ревностные друзья Татариновой и участники ея изувѣрныхъ вакханалій нашлись именно между членами Библейскаго Общества. Главнѣйшіе изъ этихъ друзей были: Лабзинъ и В. М. Поповъ, одинъ—директоръ, другой—секретарь Библейскаго Общества; кромѣ того были здѣсь Ѳ. И. Прянишниковъ, Ю. Н. Бартеневъ; бывалъ здѣсь и кн. Голицынъ, президентъ Библейскаго Общества. Любопытно, наконецъ, какъ императоръ Александръ отзывался объ одномъ изъ членовъ секты, А. Г. Милорадовичѣ, въ письмѣ къ его отцу (въ 1818 году), который встревожился участіемъ сына въ этихъ собраніяхъ. Похваливъ его ревность къ службѣ (въ Семеновскомъ полку) и нравственность, императоръ писалъ: «Я старался проникнуть его связи и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ [2]), нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, чтобы отводило отъ религіи; *напротивъ*, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности» [3]).

Со всѣми этими религіозными увлеченіями и блужданіями еще можно было бы мириться, если бы они остались дѣломъ частнаго личнаго мнѣнія; ихъ можно было нѣсколько извинить въ обществѣ, которое въ первый разъ попадало на дорогу религіознаго броженія и не умѣло справиться съ новыми предметами; но самое дурное и зловредное было здѣсь то, что этотъ піэтизмъ и мистика, терявшія всякую мѣру, превращались въ открытый, наглый и злостный *обскурантизмъ*, безраздѣльно господствовавшій въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ годовъ правленія императора Александра. Библейскому Обществу печальная судьба

---

[1]) Зап. Вигеля III, ч. VI, стр. 38 — 39. «.... Верховная жрица, нѣкая госпожа Татаринова, посреди залы садилась въ кресла, мужчины садились вдоль по стѣнамъ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака; когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мужчины пѣть, подъ тактъ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе.... Въ изнеможеніи, въ изступленіи, тѣмъ и другимъ начинало что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что непохожее. Наконецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ» и т. д.

Ср. также *Сушкова*, Зап. о жизни митрополита Филарета, стр. 75 — 78; Записки *Панаева*, В. Европы, 1867, IV, стр. 85.

[2]) Полученнымъ, вѣроятно, черезъ того же кн. Голицына.

[3]) Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., ст. 784.

привела быть главнымъ соединеніемъ людей подобныхъ тенденцій, и хотя собственная дѣятельность Общества, состоявшая въ изданіи и распространеніи книгъ, вовсе не предполагала необходимо этихъ тенденцій и могла бы остаться чистой отъ этой грязи, но присутствіе злѣйшихъ обскурантовъ именно въ средѣ Библейскаго Общества, поставило ихъ въ естественную связь, и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ набросило на все Общество незавидную репутацію этихъ лицъ. Когда обскуранты перешли мѣру и новое наступившее правительство рѣшилось положить конецъ ихъ дѣяніямъ, — для этого найдено было нужнымъ закрыть само Библейское Общество, и въ понятіяхъ времени это казалось послѣдовательнымъ.... Закрытіе Общества конечно не рѣшило коренного вопроса, который былъ замѣшанъ въ его существованіи: его лучшія стороны были уничтожены; его обскурантизмъ уничтоженъ не былъ,—онъ тотчасъ воротился въ нѣсколько иныхъ формахъ....

Откуда явился этотъ обскурантизмъ?

Онъ всегда бываетъ естественнымъ спутникомъ необузданной мистики, и слабость общественнаго образованія въ особенности способна давать ему силу. Въ тогдашнихъ условіяхъ господству его способствовали вообще реакціонный характеръ времени и личные взгляды самого императора. Библейское Общество втягивалось въ обскурантизмъ мало-по-малу.

Въ русскомъ Обществѣ, всего болѣе должны были конечно отразиться тѣ изъ идей Британскаго Общества, которыя больше соотвѣтствовали степени развитія общественнаго ума. У насъ не столько получила силу филантропическая забота о низшихъ классахъ, или стремленіе къ народному образованію, или интересъ къ положенію единовѣрныхъ единоплеменниковъ, или миссіонерство между языческими и магометанскими инородцами, — сколько піэтизмъ. Для своего развитія, піэтизмъ вообще не требуетъ особаго ума или образованности (въ отдѣльномъ человѣкѣ или въ обществѣ—все равно), и даже бываетъ обыкновенно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ихъ меньше; поэтому онъ распространялся такъ сильно у насъ. Общество не было привычно къ строгой мысли, и піэтизмъ еще облегчалъ его въ этомъ отношеніи, потому что, превознося силу вѣры, онъ усиленно унижалъ «тщету знанія» и «лжеименный разумъ». Филиппики нашихъ библейскихъ ревнителей противъ этого бѣднаго «лжеименнаго разума» были тѣмъ забавнѣе, что эти ревнители въ сущности были очень мало знакомы съ тѣмъ, что̀ собственно тогда говорилъ и дѣлалъ этотъ разумъ... Они, конечно, не могли скрыть своего незнанія отъ самихъ себя, и вопли противъ разума служили какъ будто нѣкоторымъ изви-

неніемъ ихъ невѣжества: если этотъ разумъ, т. е. тогдашняя наука, есть лжеименный, то къ чему же и трудиться надъ тѣмъ, что̀ онъ выдумываетъ? Наши ревнители обыкновенно и не трудились....

Имъ казалось, что также думаютъ и въ Европѣ. Были конечно и въ Европѣ обскуранты подобнаго сорта, какъ другъ іезуитовъ, графъ де-Местръ, бесѣдами котораго услаждался гр. Разумовскій,—до Голицына, министръ народнаго просвѣщенія и вице-президентъ Библейскаго Общества; — но вообще уровень европейскаго образованія былъ такъ высокъ, что не могъ допустить надолго господства такихъ дикихъ крайностей, какія потомъ обильно процвѣли у насъ. Членамъ нашего Библейскаго Общества могло казаться, напримѣръ, что въ борьбѣ противъ разума съ ними согласно и Британское Общество. И дѣйствительно, оно не было свободно отъ піэтизма, и въ отдѣльныхъ случаяхъ его корреспонденціи заключали въ себѣ фразы, которыя можно было толковать въ подобномъ смыслѣ. Наши ревнители не замѣчали только, что за этими нѣсколькими фразами идетъ однако нѣчто другое, идетъ энергическій трудъ, прямая практическая дѣятельность, школьная, миссіонерская, филантропическая, — такъ что и фразы говорили въ сущности не то, что̀ вычитывали въ нихъ наши «свѣтскіе архіереи».

Напримѣръ. Въ корреспонденціи 1816 года, въ одномъ письмѣ Штейнкопфа мы читаемъ о «новыхъ опроверженіяхъ противъ Библейскаго Общества» и новыхъ противникахъ, нападающихъ на Общество. «Я не удивляюсь, — говоритъ Штейнкопфъ, — что число ихъ возрастаетъ; ибо дѣйствительно торжество библейскаго дѣла въ разныхъ странахъ свѣта столь велико, что *владычество грѣха и заблужденія* сотрясается уже въ основаніи своемъ, и *царство Христово* возстаетъ на его развалинахъ. Мы быстро подвигаемся къ тому преславному періоду времени, которое предвозвѣщено пророчествами, и столь долго и нетерпѣливо ожидаемо было благомыслящими людьми во всѣхъ вѣкахъ. Но и *сопостатъ нашъ* не престанетъ напрягать силы свои, для обороны твердыни своей, изъ которой онъ угрожается теперь быть изгнаннымъ [1])».

Эта тема множество разъ повторена была нашими библейскими дѣятелями; но въ сущности она имѣла одинъ смыслъ, сказанная Штейнкопфомъ, и другой — сказанная напр. Лабзинымъ, Руничемъ или архим. Ѳеофаномъ: первый былъ все-таки

---

[1]) Отч. 1816, Прил. XXV.

образованнѣе послѣднихъ, и борьба съ «сопостатомъ» была у нихъ разная....

Въ томъ же 1816 г. президентъ Британскаго Общества пишетъ къ кн. Голицыну: «Намъ остается только молить Бога, чтобы сей истинный духъ вѣры день со дня болѣе утверждался и распространялся, чтобы духовное *царствіе Божіе* преуспѣвало чрезъ сіяніе святаго Слова Его, и чтобы подъ вліяніемъ онаго *міра*, столь долгое время являвшій ужасное зрѣлище неустройства и разврата, возмогъ отнынѣ начать новый періодъ *благоденствія* и *общественнаго порядка*, чтобы *тишина* и *дружелюбіе* поселились между всѣми народами» [1]). Не трудно видѣть, что этотъ идеалъ тишины и дружелюбія, благоденствія и порядка вовсе не былъ похожъ на то, къ чему стремились наши доморощенные обличители «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ», «ученія и мудрости бѣсовской» и т. п. Мы безпрестанно находимъ эти мысли и выраженія въ рѣчахъ князя Голицына, Серафима, Магницкаго и множества другихъ предводителей библейскаго дѣла и т. д., и припомнимъ, что въ категорію «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ» попадали, въ глазахъ библейскихъ прозелитовъ, такіе люди, какъ Уваровъ и Карамзинъ....

Это мракобѣсіе, какъ мы замѣтили, естественно выходило изъ того піэтизма, который съ самаго начала овладѣвалъ Библейскимъ Обществомъ. Мистики вообще воображаютъ себя единственными и особенно уполномоченными хранителями высшей истины и оттого отличаются обыкновенно крайней нетерпимостью. Свѣтское, скептическое знаніе составляетъ для нихъ предметъ крайняго отвращенія и ненависти, и мракобѣсіе бываетъ тѣмъ сильнѣе и безсмысленнѣе, чѣмъ грубѣе піэтизмъ и чѣмъ ограниченнѣе собственное образованіе,—а у нашихъ піэтистовъ образованіе вообще было весьма поверхностно. Припомнимъ изъ біографіи Магницкаго, въ какое глупое положеніе становился цѣлый университетъ, затѣвавшій обличать «мнимое просвѣщеніе» по программѣ своего попечителя....

Итакъ, если обскурантизмъ долженъ былъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ усиливались піэтистическія тенденціи, то теперь для этого наступало замѣчательно благопріятное время. Извѣстно, какимъ образомъ Священный Союзъ сталъ оффиціальнымъ фундаментомъ для реакціи; какимъ образомъ европейскія волненія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ постоянно представляемы были императору и, наконецъ, приняты имъ какъ именно тотъ врагъ, съ которымъ онъ обязалъ себя бороться

[1]) Тамъ же, Прил. XLI.

всѣми силами — нравственными и военными. При такомъ положеніи вещей, въ общественной жизни понятнымъ образомъ отступили на задній планъ прежнія, либеральныя и просвѣтительныя тенденціи, и мѣсто ихъ занялъ піэтистическій консерватизмъ и «сервилизмъ», какъ называлъ это Карамзинъ. Кн. Голицынъ, предсѣдательствующій въ Библейскомъ Обществѣ, управляющій народнымъ просвѣщеніемъ и духовными дѣлами, молящійся съ квакерами, бывающій въ собраніяхъ Татариновой, гнетущій и преслѣдующій литературу, превращающій университеты въ какія-то казармы піэтизма,—былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ императора, однимъ изъ сильнѣйшихъ людей въ государствѣ и былъ чрезвычайно характеристическимъ представителемъ всей системы.... Для честолюбивыхъ интригановъ въ это время всего выгоднѣе было надѣть на себя маску благочестиваго смиренія, выставить себя бойцомъ противъ разрушительныхъ, «адскихъ» силъ, и т. п., и эта маска давала имъ полный успѣхъ. Таковъ былъ Магницкій. Онъ думалъ, что совершенно понялъ характеръ времени, и наглымъ образомъ эксплуатировалъ кн. Голицына, который легко ему подчинился. Магницкій сыпалъ звонкими фразами въ духѣ времени, говоря безпрестанно о небѣ и объ адѣ, о спасеніи и гибели, о Богѣ и о князѣ тьмы: къ служителямъ Бога онъ относилъ самого себя и своихъ покровителей, къ служителямъ князя тьмы онъ безцеремонно причислялъ всѣхъ и все, что̀ ему было непріятно и мѣшало, — и пугалъ всѣмъ этимъ благочестиво-легковѣрныхъ людей. Въ министерствѣ онъ сталъ правой рукой кн. Голицына, или даже просто распоряжался имъ какъ хотѣлъ; въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ гнусныхъ ханжей и обскурантовъ, сдѣлавшихъ все Общество ненавистнымъ для порядочныхъ людей....

Личность самого кн. Голицына еще ждетъ своего историческаго опредѣленія; не знаемъ, насколько ясны были его представленія о томъ, какое дѣло онъ дѣлалъ; несомнѣнно только, что въ устроенной имъ самимъ его обстановкѣ, если и были люди искреннѣе, то все-таки на большую долю это были вредные фанатики; а затѣмъ были и самые отвратительные интриганы и обманщики, надѣлавшіе подъ его руководствомъ много вреда. Легкость свѣтскаго образованія не позволяла кн. Голицыну понять окружающихъ обстоятельствъ и свою собственную задачу, какъ въ министерствѣ, такъ и въ Библейскомъ Обществѣ. Министръ просвѣщенія сталъ врагомъ и гонителемъ просвѣщенія.

И въ томъ, и въ другомъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ

лицъ были одни и тѣ же люди. Самъ министръ былъ президентомъ Общества; секретарями библейскаго комитета были ближайшіе чиновники министра, директоры департаментовъ—Поповъ и Тургеневъ; попечители университетовъ и ученыхъ округовъ, гр. К. А. Ливенъ (въ Дерптѣ), З. Я. Карнѣевъ (въ Харьковѣ), М. Л. Магницкій (въ Казани), впослѣдствіи Руничъ (въ Петербургѣ), кн. А. П. Оболенскій (въ Москвѣ) были вице-президенты или директоры библейскихъ комитетовъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ (въ качествѣ членовъ главнаго правленія училищъ, попечители могли проживать въ Петербургѣ); другіе члены правленія училищъ и ученаго комитета, Н. И. Фусъ, Адеркасъ, И. И. Мартыновъ, А. С. Стурдза, были членами библейскаго комитета или, по крайней мѣрѣ, ревностными «благотворителями» или приверженцами тѣхъ же идей. Библейское Общество почти отождествлялось съ министерствомъ; и понятно само собою, что надо было сдѣлаться ревностнѣйшимъ библейскимъ дѣятелемъ, чтобы получить роль въ министерствѣ или вообще въ той сферѣ, которая находилась подъ вліяніемъ кн. Голицына.

Магницкій воспользовался европейскими происшествіями въ 1819 году, чтобы еще больше напугать правительство и доказывать необходимость предлагаемой имъ системы [1]). Но мнѣнія свои въ этомъ смыслѣ онъ началъ излагать еще раньше, что̀ и доставило ему расположеніе кн. Голицына и мѣсто въ министерствѣ. Магницкій, конечно, скоро сообразилъ, что ему надо сдѣлаться библейскимъ дѣятелемъ. Въ 1817 г., когда онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, начались приготовленія къ основанію здѣсь библейскаго отдѣленія, которое и было открыто 1 января 1818 г. При открытіи его, Магницкій сказалъ рѣчь, въ высшей степени характеристичную, какъ образчикъ той системы, которую онъ проповѣдовалъ впослѣдствіи и осуществлялъ на практикѣ въ несчастномъ казанскомъ университетѣ. Мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько отрывковъ [2]). Вся рѣчь построена на противоположеніи «политики міра сего» и «видовъ Провидѣнія», которые, — надобно было предполагать, — были ему совершенно извѣстны; къ этому Магницкій сводитъ всю исторію міра и всю современную исторію и проповѣдуетъ борьбу противъ «духа тьмы», подлаживаясь, конечно, подъ «актъ Свя-

---

[1]) См. объ этомъ годѣ въ Р. Арх. 1867 г., ст. 861—878.

[2]) Тѣмъ больше, что біографъ Магницкаго не воспользовался ею. Другія свѣдѣнія о библейской дѣятельности Магницкаго см. въ статьѣ г. Попова о Казанскомъ обществѣ любителей отеч. словесности («Р. Вѣстн.» 1859 г., т. XXIII), и въ книгѣ г. Ѳеоктистова.

щеннаго Союза», которымъ онъ всегда нагло закрывался. По всегдашнему обыкновенію Магницкаго, рѣчь написана съ напыщеннымъ драматизмомъ, которымъ онъ надѣялся достигать эффекта, и въ извѣстной публикѣ, кажется, достигалъ его. Читая эту рѣчь теперь, удивляешься только, какимъ образомъ эта пошлая ложь и отвратительно-лицемѣрная реторика могла кого-нибудь обманывать? — Впрочемъ, подобная литература, въ немного только иной формѣ, существовала и послѣ, и до нашихъ дней; Магницкій есть, конечно, первый родоначальникъ этой позднѣйшей, и нынѣшней, литературы лицемѣрія и доноса.

Призвавъ Божіе благословеніе на начинаемое «святое и великое дѣло», Магницкій прямо приступаетъ къ предмету.

«Всѣ царства и народы земные очевидно движутся двумя силами: политикой міра сего, и тѣмъ, что въ обществѣ называется — судьба, то-есть, видами Провидѣнія. Глава политики міра сего есть князь его. Глава Провидѣнія небеснаго — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. По первой, народы земные отъ поклоненія Богу истинному, пришли къ идолопоклонству: воскурились фиміамы въ капищахъ; на жертвенникахъ пролилась кровь человѣческая. Идолы, духами тьмы одушевленные (!), стали прорицать будущее (!). Послѣ многихъ народовъ, истребленныхъ и возникшихъ, толпа разбойниковъ [1]) основала обширнѣйшую въ свѣтѣ идолопоклонническую имперію. Торжество князя тьмы казалось совершеннымъ. Вся извѣстная вселенная ему поклонялась. По видамъ Провидѣнія небеснаго, въ уголку міра, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ провинцій римской имперіи, горѣло всесожженіе на алтарѣ истиннаго Бога, окруженное малочисленнымъ, непросвѣщеннымъ народомъ.

«Дотолѣ ходъ Провидѣнія состоялъ въ томъ, чтобы огонь чистой вѣры въ истиннаго Бога теплился, не угасая, посреди бурь, княземъ тьмы воздвигаемыхъ, покуда не придетъ время обратиться ему въ пламень и объять вселенную.

«Движеніе свѣтилъ небесныхъ показало великую сію годину....»

«Совершается Рождество Іисуса Христа.

«Глава политики міра сего, не понимавшій, какъ видно, дотолѣ сего таинства, узналъ его; всѣ силы ада устремились на истребленіе Божественнаго Младенца. Но воинства небесныя не подвиглись на Его огражденіе: старецъ и младая Матерь защитили Его одни, отъ соединенныхъ силъ земли и ада — уединеніемъ. Посягнувшій на убійство Его — живой пожирается червями».

---

[1]) Т. е. римляне.

Дальше, съ такой же фантазіей изображается проповѣдь Іисуса Христа и противодѣйствіе ей со стороны князя тьмы, — съ явными намеками и параллелями. — Проповѣдь ученія начинается, но его окружаютъ трудности:

«....Какъ понять его (ученіе)? Оно отвратно уму, ибо совершенно ему противуположно (!) и требуетъ отъ него одной покорности и молчанія. Оно противно страстямъ, ибо требуетъ ихъ умерщвленія, и не того совершенства, котораго требовала *философія*, не той пышной добродѣтели, за которую такъ щедро вознаграждала она самолюбіе; оно требуетъ смерти сего самолюбія, требуетъ въ жертву всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ сердца, и обѣщаетъ за то, что же? — гоненія, презрѣніе, ненависть отъ людей и казни. Какъ понять и полюбить такое ученіе?

«Правда, что чудеса подкрѣпляютъ его. Законы природы измѣняются по гласу Учителя. Но что до того? Князь тьмы берется и умѣетъ изъяснить все сіе по своему: ученіе найдено противнымъ разуму, а чудеса Учителя приписаны тому, что Онъ бѣса имѣетъ. Но какъ, въ то же время, Онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ и Царемъ, то признанъ общественному порядку опаснымъ, и опредѣленъ на казнь. Нѣсколько разъ посягаютъ сіе исполнить; но часъ еще не пришелъ».

Наконецъ, время пришло: «въ часъ тьмы, настало время минутнаго торжества князя тьмы». Но страданіе и смерть Христа совершились. Ученики его, двѣнадцать простолюдиновъ, идутъ на проповѣдь, и римскіе императоры испугались; начались гоненія, но казни только умножали число христіанъ.

«Такъ восторжествовало тогда Провидѣніе небесное, средствами тихими, простыми и таинственными, надъ политикою ада».

Царство князя тьмы поколебалось; идолы умолкли и пали. Свѣтъ Христовъ озарилъ, мало-по-малу, всю вселенную. «Политика князя тьмы, не могшаго уничтожить открыто преобладанія Искупителя, измѣнилась въ дѣйствіяхъ своихъ; но не въ предметѣ». Начались ереси и раздѣленія въ самой церкви.

«Но для князя тьмы сего не довольно. Нужно, чтобъ было поклоненіе ему въ видѣ какихъ либо идоловъ. Наружныхъ возстановить было уже невозможно: просвѣщенные народы не стали бы имъ поклоняться. Выдуманъ новый идолъ — *разумъ человѣческій*. Богословія сего идола — *философія*. Жрецы его — *славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ* [1]). Началось поклоненіе

[1]) Курсивы въ подлинникѣ.

идолу разума. Мракъ философіи затемнилъ опять свѣтъ Христовъ. Просвѣщеннѣйшій изъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цѣпи гражданскаго порядка; опрокинулъ алтари Христовы; воздвигнулъ капища нравственныя идоламъ, и какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестія и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, и не разъ угрожалъ затопить всю христіанскую Европу. Волканъ революціи выбросилъ изъ себя истиннаго сподвижника князя міра сего — сподвижника, доселѣ невиданнаго: безбоженъ — онъ возстановляетъ религію; возстановивъ ее, онъ оскверняетъ алтари и разрушаетъ ея храмы; въ буйствѣ и безуміи своемъ мечтаетъ о покореніи вселенной, и все ему благопріятствуетъ. Падаютъ троны, покоряются народы...»

Это, конечно, Наполеонъ.

«На краю порабощенной Европы остается одна Россія. Въ разсчетахъ *земной политики*, и она должна покориться соединеннымъ силамъ двадцати народовъ. Войско, ее защищающее, отступаетъ: взята Москва. Всѣ вѣроятія земныя были, что и Россія, подобно другимъ, купитъ постыдный миръ пожертвованіемъ силы и славы своей, и, наконецъ, падетъ подъ иго сподвижника князя тьмы. Все такъ казалось; но не такъ быть долженствовало по *планамъ Провидѣнія* Царя небеснаго...»

Россія одерживаетъ побѣду, — торжество было ея предназначеніемъ.

«Врагъ выгнанъ. Предѣлы святой Руси очищены отъ богомерзкаго его присутствія. Но сего не довольно. Въ *видахъ Провидѣнія* Парижъ долженъ пасть къ ногамъ крестнаго Рыцаря, который на торжищѣ его водрузитъ крестъ Христовъ, и заставя преклонить предъ нимъ колѣна тѣхъ самыхъ, кои поругались ему посреди разрушенныхъ и оскверненныхъ храмовъ нашихъ, отмститъ за оскорбленіе Москвы христіанскимъ милосердіемъ. Онъ, вмѣсто присвоенія себѣ всей славы великихъ событій, исповѣдуетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что былъ единымъ исполнителемъ воли Того, за чье Царство ратоборствуетъ, и всѣ неслыханные дотолѣ сіи подвиги заключилъ вѣчнымъ союзомъ царей, посвящающихъ себя служенію царства Божія.

«Не очевидно ли изъ сихъ великихъ, быстро и токмо мимоходомъ мною пробѣгаемыхъ событій, что на земли царство тьмы борется непрестанно съ царствомъ свѣта; что борьба сія непрестанно увеличивается, измѣняясь только въ видахъ своихъ... Не одна война составляетъ борьбу царства тьмы съ царствомъ свѣта. Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и *философіею*, на распространеніе своего владычества дѣйствуетъ....».

Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ.... [1]).

Такимъ образомъ представлена была исторія борьбы свѣта съ тьмою отъ начала міра и до открытія симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества: «великій ратоборецъ царства свѣта, вложивъ обвитый лаврами мечъ въ ножны, воюетъ мечемъ Слова Божія», то-есть, «примѣромъ благочестія и распространеніемъ благовѣстія книгъ священныхъ», и т. д.

Итакъ, Магницкій ставилъ дѣятельность библейскихъ обществъ исполненіемъ той программы, которая принята была союзомъ царей противъ князя тьмы. Свои правила онъ приложилъ къ дѣлу сначала основаніемъ симбирскаго библейскаго отдѣленія, потомъ знаменитой ревизіей казанскаго университета. Сдѣлавшись потомъ попечителемъ этого университета и членомъ главнаго правленія училищъ, Магницкій сталъ дѣйствовать шире и задумывалъ планы смѣлѣе; въ 1821 году, по его инстигаціямъ, устроена извѣстная возмутительная исторія съ петербургскимъ университетомъ, въ которой Руничъ былъ, конечно, только его усернымъ орудіемъ. Смыслъ этой исторіи, кажется, ясенъ: Магницкому мѣшали не Германъ или Раупахъ; они пригодились ему какъ аргументы, чтобы доказать распространеніе гибельнаго вольнодумства, слѣдовательно свергнуть Уварова, въ которомъ онъ видѣлъ опаснаго противника своимъ планамъ. Планы состояли въ распространеніи его системы изувѣрства и обскурантизма на всѣ остальные университеты, послѣ чего онъ надѣялся, конечно, стать во главѣ управленія, устроеннаго по его мысли. Судя по разсказамъ, его планы на этомъ не кончились: разсказываютъ, что въ нашихъ архивахъ долженъ существовать документъ, заключающій въ себѣ проектъ Магницкаго о цѣлой государственной системѣ управленія, строго основанной на его принципахъ: все государство должно было управляться такъ, какъ онъ правилъ казанскимъ университетомъ....

Впрочемъ характеръ его взглядовъ достаточно ясенъ и изъ тѣхъ документовъ, какіе извѣстны [2]).

Во всемъ этомъ способѣ представлять вещи, сыпать эффектными и шумящими фразами, пугать революціей и дьяволомъ, Магницкій чрезвычайно напоминаетъ одного знаменитаго писателя по этой части — графа Жозефа де-Местра, ревностнаго и вѣрнаго друга іезуитовъ. Это была одна и таже іезуитская си-

---

[1]) Отч. 1817 г., Прил. XXVIII.

[2]) См., кромѣ книги г. Ѳеоктистова, „Матеріалы для ист. образованія въ Россіи въ царствованіе императ. Александра I“, г. Сухомлинова; различные документы въ Р. Архивѣ и проч.

стема, которая, въ концѣ концовъ, желала возвращенія настоящей инквизиціи; графъ Жозефъ де-Местръ—въ своихъ размышленіяхъ о правленіи народами—пришелъ къ извѣстной апотеозѣ палача, въ которомъ онъ прямо видѣлъ главнѣйшую основу общества; Магницкій, въ гнусномъ каламбурѣ, выражалъ желаніе *иллюминовать* какого-то писателя, который показался ему иллюминатомъ. Теперь невозможно читать безъ отвращенія эти вопли обезумѣвшихъ отъ мракобѣсія фанатиковъ, и безъ глубокаго сожалѣнія подумать о тѣхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ было обширное вліяніе на общественныя дѣла и которые руководились подобными наставленіями, не сознавая, что̀ творятъ... Обществу, и цѣлой націи приходилось платиться новымъ распространеніемъ невѣжества.

Мы привели рѣчь Магницкаго какъ одинъ изъ характерныхъ образчиковъ теоретическихъ положеній обскурантизма, который сталъ властвовать въ послѣдніе годы императора Александра. Само собою разумѣется, что мы могли бы привести еще множество подобныхъ цитатъ. Изъ нихъ мы выберемъ еще одну,—изъ рѣчи одного лица, которое впослѣдствіи дало врагамъ Общества свой вліятельный голосъ,—хотя теперь возлагало на дѣятельность Общества тѣже самыя надежды, какъ и всѣ его приверженцы, и выражало тѣже наклонности къ обскурантизму, какія отличали самыхъ фанатическихъ изъ этихъ приверженцевъ.

Въ этой рѣчи, произнесенной въ генеральномъ собраніи московскаго общества изображается, по обыкновенію, спасительное дѣйствіе Слова Божія, и «неимовѣрное распространеніе библейскими обществами книгъ св. писанія» между народами названо прямо исполненіемъ пророчества [1]). Затѣмъ ораторъ продолжаетъ:

«Между тѣмъ и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ; и онъ также отъ самаго начала вѣка началъ сѣять злыя и горькія слова своего сѣмена, сперва самъ собою *во образѣ змія*, а потомъ чрезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, чрезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя на селѣ міра сего... Онъ сѣетъ повсюду вольнодумство, невѣріе, ереси, развратъ; и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпріятіи своемъ, онъ адскую сію тьму свою выдаетъ за *просвѣщеніе* ума, за высокую доблесть духа. И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученія его, отъ сего *просвѣщенія*? Мы видимъ самовольство, непокореніе власти, самимъ Богомъ для блага обществъ установ-

---

[1]) „Нынѣ-то исполнилось оное пророчество: *не имать научити кійждо искренняго своего, и кійждо брата своего, глаголя, познай Господа, яко вси увѣдятъ Мя отъ мала даже и до велика ихъ*“.

ленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы рѣками текущія; все сіе видимъ мы здѣсь на земли; а тамъ въ вѣчности? — тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т. е. просвѣщенія) *червь неумирающій, огнь неугасающій, плачь и скрежетъ зубомъ:* — таковъ есть плодъ *ученія и мудрости бѣсовскія*!» [1]) (!!)

Настоящее ученіе и просвѣщеніе въ этомъ вкусѣ было опять то, какое вводилъ Магницкій.

Замѣтимъ еще одну черту этого обскурантизма. Онъ питалъ какую-то надежду на скорое окончательное господство своихъ идей и слѣдовательно, на совершенную гибель просвѣщенія. Магницкій, въ своей рѣчи, рекомендуя чтеніе писанія, какъ орудіе борьбы противъ духа тьмы, восклицаетъ:

«Посему раздавать книги св. писанія, сей ковчегъ премудрости и благодати божественной, значитъ, содѣйствуя высокому предопредѣленію правительства нашего, столь видимо особеннымъ благословеніемъ Божіимъ осѣняемаго, набирать воинство подъ знамена Креста, и къ великому *дню рѣшительнаго сраженія* царства тьмы съ царствомъ Свѣта, раздавать тотъ мечь, обоюду острый, которымъ долженъ быть пораженъ *навсегда* древній змій [2]).

Архимандритъ Ѳеофанъ, въ рѣчи, произнесенной при открытіи библейскаго сотоварищества въ казанскомъ университетѣ (вскорѣ послѣ полученія знаменитыхъ инструкцій ректору и директору университета), возбуждалъ членовъ новаго сотоварищества содѣйствовать «спасительнымъ успѣхамъ священнаго дѣла Библейскаго», и также счелъ нужнымъ вооружиться противъ «духа злобы поднебесныя» и его пагубныхъ мудрованій и внушеній:

«Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены еще въ пользѣ и необходимости сего свѣта (библейской дѣятельности) въ мѣсто сіе. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это *послѣднія усилія врага:* время наступаетъ, когда Господь духомъ устъ своихъ *убіетъ* сего нечестиваго духа [3])».

Въ тоже время, митрополитъ Серафимъ говорилъ въ Москвѣ, что врагъ рода человѣческаго въ послѣднее время сѣетъ злыя сѣмена свои «съ большею, нежели когда-либо прежде, злобою и

---

[1]) Рѣчь преосвящ. Серафима, митрополита московскаго и коломенскаго, — Отч. 1820, Приб. I.

[2]) Отч. 1817, Приб. XXVIII, стр. 83.

[3]) Отч. 1820, Приб. II, стр. 11.

неистовствомъ: ибо *предвидитъ*, что конецъ темному царству его приближается и есть уже *при дверехъ*», и проч. [1]).

Чего они собственно ожидали? Одни, какъ Θеофанъ, конечно всего скорѣе повторяли безсознательно чужія слова. Но Магницкій могъ имѣть въ виду болѣе опредѣленныя надежды; съ самаго начала, когда онъ выбралъ библейскую дорогу, онъ питалъ честолюбивые замыслы основать на этой дорогѣ свою карьеру, и пораженіе древняго змія было для него — утвержденіе той правительственной системы, въ которой онъ разсчитывалъ играть заправляющую роль...

Но въ подобныхъ ожиданіяхъ торжества надъ древнимъ зміемъ, раздѣлявшихся и многими другими, безъ сомнѣнія, были также и мотивы другого рода... Піэтистическое движеніе, въ которомъ библейскія общества были только однимъ симптомомъ, нерѣдко до крайней степени возбуждало фантазію, и его партизаны ожидали чего-то въ родѣ второго пришествія. Такой фантазіей преисполнены были дѣянія г-жи Крюднеръ, которая можетъ доставить намъ тѣмъ болѣе близкій примѣръ, что въ ней особенно рѣзко выдавались странныя увлеченія, овладѣвавшія извѣстной долей библейскихъ дѣятелей, съ которыми она различнымъ образомъ была связана. Г-жа Крюднеръ, какъ мы замѣчали, уже издавна занималась прорицательствомъ. Ей представлялось, что она возвращаетъ на землѣ первобытную церковь, которая со временемъ водворится между всѣми народами. Себѣ она присвоивала роль предвозвѣстницы, и время утвержденія новой, первобытно христіанской церкви, казалось ей очень близкимъ. Предсказанія ея говорили о близкомъ крушеніи всего ложнаго порядка вещей. Еще въ 1814—15 году она писала: «Une grande époque approche. *Tout* va être renversé, *écoles*, sciences humaines, états, trônes. Les enfants de Dieu vont être rassemblés», и проч. Тогда это привязывалось какъ-то къ возобновленію наполеоновскихъ войнъ. Послѣ второй реставраціи она опять однако продолжала зловѣщія предсказанія. Въ 1817 г., въ манифестѣ, которымъ г-жа Крюднеръ оправдывала свою пропаганду въ южной Германіи и Швейцаріи, она говоритъ, что пришло время возрожденія, что Господь долготерпѣливъ и еще жалѣетъ слѣпцовъ, но что и его терпѣніе утомилось: «Онъ долготерпѣливъ, потому что онъ вѣченъ, говоритъ святой Августинъ; но, наконецъ, онъ утомляется, и дерзновенный, который противится ему, будетъ *сметенъ съ земли;* вихрь разрушенія унесетъ его на страшный судъ. Пришло также время, когда *царства земныя возопіютъ*, и имъ

[1]) Тамъ же, Приб. I, стр. 8.

будутъ отвѣчать только *бури»*.... Дальше: «Всѣ *правительства* должны подумать о томъ, что̀ я говорю. Это — древняя *борьба тьмы противъ свѣта*. Государи и правители бываютъ только рабами этой силы, если Христосъ не будетъ для нихъ царемъ и избавителемъ, и Евангеліе — ихъ закономъ, Его жизнь — примѣромъ... Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ! *Скоро раздастся шумъ ихъ паденія!»* Тогдашнее время представлялось ей полнымъ страшной опасности: «мы живемъ въ такое время, когда *адъ* имѣетъ больше миссіонеровъ, чѣмъ небо. Господу нужно выбрать себѣ народъ, который бы проповѣдовалъ покаяніе и возвѣщалъ казни, какія постигнутъ тѣхъ, кто не покорится!» Ей представлялось, наконецъ, что утвержденіе царства Христова воспослѣдуетъ послѣ страшной борьбы и битвы: «Въ наше время (говорила она въ 1817 году) это бѣгство изъ истинной церкви Христовой дошло до крайняго предѣла; теперь неизбѣжно произойдетъ битва, страшная *битва невѣрія противъ вѣры*, ложныхъ христіанъ противъ истинныхъ поклонниковъ Христа... Французская революція была только предисловіемъ къ этой битвѣ»... Въ 1818 г., когда она возвратилась въ Россію, она опять предвѣщала: «Востокъ открывается, приближаются бѣдствія, которыя падутъ на Европу» и т. д. [1]).

Читая эти вещи нельзя не видѣть сходства этихъ предвѣщаній съ тѣмъ, что̀ говорили Серафимъ и Магницкій: здѣсь былъ, очевидно, свой общій мотивъ... Въ той масонско-мистической, библейско-піэтистической литературѣ, которая чрезвычайно размножилась у насъ въ эпоху процвѣтанія Библейскаго Общества, мы не разъ встрѣтимся съ подобными темными ожиданіями перерожденія міра, какія мы здѣсь видимъ. Библейскіе мистики ждали, что общество и государство возродятся, что лживый разумъ и созданное имъ просвѣщеніе падутъ передъ силой этого религіознаго возрожденія и на землѣ водворится первобытная христіанская церковь. Г-жѣ Крюднеръ это время казалось даже очень близкимъ, какъ вѣроятно казалось и многимъ другимъ. Понятно, что съ такими идеями библейскіе мистики становились часто тѣмъ, что̀ называютъ теперь «отрицателями»: съ своей точки зрѣнія они отвергали существующій порядокъ, и тѣ враги Библейскаго Общества, которые вооружались противъ него по чисто консервативнымъ основаніямъ, съ своей точки зрѣнія могли, съ нѣкоторымъ основаніемъ, указывать въ подобныхъ откровеніяхъ прямо революціонные замыслы. Библейскіе мистики не довольствовались традиціонной церковію: она давала слишкомъ мало пищи воз-

[1]) Eynard. I, стр. 306; II, стр. 200, 211, 260, 287, 307.

бужденной религіозности и разгоряченной фантазіи; они искали внутренней церкви, стремились къ высшимъ религіознымъ состояніямъ, чудесамъ, видѣніямъ, сошествіямъ св. Духа... Они пытались отчасти переводить въ жизнь правила дѣятельной христіанской любви, думали достигать этого своей филантропіей, и опять возставали противъ существующихъ нравовъ. Ожиданіе возрожденія и пришествія Христовой церкви выражаемы были иногда въ рѣзкихъ фразахъ, и людямъ стараго вѣка казалось, что эти фразы говорятъ о революціи.

Для обыкновенныхъ здравомыслящихъ людей все это должно было представляться просто дикимъ, необузданнымъ обскурантизмомъ, потому что библейскіе мистики, приготовляя свою новую церковь, свирѣпствовали противъ образованія, въ которомъ видѣли главную препону къ достиженію своихъ цѣлей, преслѣдовали литературу, — это было удобно потому, что цензурная власть была въ ихъ рукахъ, — и наконецъ, дали своему мракобѣсію такіе размѣры, что оно начинало тревожить людей самыхъ мирныхъ и возбуждать противъ себя другого рода фанатиковъ.

Отсюда двоякое столкновеніе, въ которое пришло Библейское Общество съ двумя разными направленіями и элементами общественныхъ понятій: со взглядами крайнихъ консерваторовъ, возставшихъ противъ него въ защиту православія, и съ мнѣніями образованныхъ людей, которымъ его тенденціи справедливо представлялись распространеніемъ грубѣйшаго невѣжества и фанатическаго изувѣрства.

На этихъ отношеніяхъ мы остановимся въ слѣдующей статьѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

и

ЕГО ЖИЗНЬ.

(По новымъ свѣдѣніямъ).

H. Heines Leben und Werke, von *Adolf Strodtmann*. Erster Band. Berlin. 1867—68.

Исторія Германіи съ начала нынѣшняго столѣтія и до послѣднихъ лѣтъ представляетъ поздній переходъ націи отъ феодализма, сохранившагося въ формѣ государственной и въ формѣ общественной, къ гражданской равноправности и къ уничтоженію феодальной разрозненности, — но опять не путемъ свободнаго развитія, а прусскимъ объединительнымъ милитаризмомъ. Среди многоразличныхъ элементовъ этого броженія и представителей каждаго изъ нихъ въ литературѣ, явился въ Германіи поэтъ, который не сошелся окончательно ни съ чѣмъ изъ того, что только проявлялось во время этого броженія. Не было ни одной школы, которой бы онъ остался вѣренъ или согласился быть послушнымъ, постояннымъ ученикомъ и учителемъ; не появилось ни одной мысли, на которой бы онъ окончательно остановился и сказалъ: вотъ это правда, правда абсолютная въ настоящую минуту! Единственный девизъ, котораго онъ держался, всегда было слово: впередъ! Но какимъ путемъ — этого поэтъ не приказывалъ. Въ каждомъ изъ предъявляемыхъ его современниками, онъ находилъ тѣсноту и гналъ общество дальше, чтобы

оно не застаивалось тамъ. Среди броженія онъ собственно только усиливалъ ферментъ.

Это былъ — Генрихъ Гейне. Будь онъ живъ теперь, — безъ сомнѣнія, и теперь мы не увидѣли бы его въ числѣ удовлетворенныхъ, и онъ гналъ бы Германію опять впередъ, потому что и тотъ пунктъ, на которомъ она стоитъ теперь, есть еще станція далекая отъ того устройства общественныхъ дѣлъ, которое соотвѣтствовало бы величію нѣмецкаго разума въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ мышленія. Милитаризмъ только приводитъ ее къ единству. Но затѣмъ вопросъ: что дѣлать съ единствомъ? Не могутъ же нѣмцы завидовать нынѣшней судьбѣ французовъ, у которыхъ давно есть единство, и единство это у нихъ наоборотъ, по сравненію съ Германіею, само произвело милитаризмъ. Неужели же вся цѣль великой, разумной націи можетъ состоять въ томъ, чтобы обезпечить Рейнъ, и наслаждаться заставами одинаковаго цвѣта?

Вотъ почему дѣятельность Гейне, его борьба и самыя его отступленія отъ борьбы весьма поучительны. Дѣятельность его какъ борца, какъ «рыцаря духа», состояла въ созданіи вѣчноживущаго, всегда готоваго для пораженія «мрачныхъ силъ». А гдѣ нѣтъ этой борьбы?! Она есть вездѣ, потому что вездѣ можно встрѣтить фанатизмъ, національное самопреувеличеніе, самозахваливаніе, застой?

Настоящимъ поводомъ къ бесѣдѣ о Гейне намъ служитъ недавно появившійся въ нѣмецкой литературѣ трудъ Штродтманна — такъ сказать, спеціалиста по части Гейне. Онъ издалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ полное собраніе сочиненій Гейне, съ критическими примѣчаніями. Для нынѣшняго труда онъ собралъ много новыхъ, частныхъ свѣдѣній отъ людей бывшихъ близкими къ Гейне, и сгруппировалъ все, что въ настоящую минуту могло быть найдено въ его перепискѣ съ друзьями [1]), или въ печатныхъ, рукописныхъ и даже словесныхъ сообщеніяхъ о Гейне, переданныхъ автору.

Критическаго взгляда Штродтманна на дѣятельность Гейне еще нельзя опредѣлить вѣрно, такъ какъ трудъ еще не оконченъ; но его молчаливое согласіе съ приводимыми имъ критиками заставляетъ полагать, что критическая сторона у автора будетъ наиболѣе слабая, что во взглядѣ на поэта, котораго Штродтманнъ избралъ себѣ предметомъ, онъ едва ли возвысится надъ общими мѣстами нравственно-эстетической критики.

---

[1]) Письма Гейне помѣщены въ томахъ 19—21 Полнаго собранія его сочиненій, изданіе Гоффмана и Кампе, вышедшаго 1863—1866 г.

Наша цѣль—познакомить читателя съ книгой Штродтманна, сдѣлать по ней нѣсколько-подробный очеркъ жизни поэта въ пору его молодости, но въ тоже время представить опытъ характеристики Гейне, какъ общественнаго дѣятеля. Мнѣнія, какія мы встрѣчали о Гейне, довольно однообразны. Всѣ они сводятся къ «разрозненности, болѣзненности и противорѣчію». Намъ кажется, что они во многомъ несовсѣмъ основательны.

Возьмемъ, напримѣръ, мнѣніе о Гейне одного изъ старѣйшихъ, университетскихъ друзей его, именно Іоганна-Баптиста-Руссо. «Гейне — говоритъ онъ — принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые стыдятся, если имъ случилось заплакать..... Изъ этого неблагороднаго стыда, который онъ ощущаетъ высказавъ тихое и трогательное чувство, у Гейне возникаетъ стремленіе послать во слѣдъ выраженію чего-либо священнаго — маленькое кощунство, придать своему амуру шутовскую шапку и своей граціи — ногу сатира. Похвала его обращается въ иронію, порицаніе — въ юморъ, каждое сопоставленіе дѣлается остротою, за любовью слѣдуетъ глумленіе, за восторгомъ — укушеніе змѣи, или хоть осы, — и все это выражено въ пѣсняхъ, которыя касаются сокровеннѣйшей духовной жизни самого автора»! Мы привели это мнѣніе потому, что оно показываетъ, какъ мало понимали внутреннія побужденія великаго поэта и его значеніе именно ближайшіе друзья его. Совершенно несправедливо, будто Гейне всегда и всему священному посылаетъ во слѣдъ кощунство, что онъ самъ стыдится своего увлеченія. Возьмите любую пьесу, въ которой онъ говоритъ съ увлеченіемъ о какой-нибудь серьёзной идеѣ, или хотя бы вспоминаетъ о «великой арміи», которая прошлась по Германіи революціонною волной; — есть ли хоть въ одномъ изъ нихъ поворотъ къ кощунству послѣ увлеченія? Ни въ одномъ. Упрекъ, высказанный въ мнѣніи Руссо, вѣчно повторялся всѣми критиками Гейне, даже почитателями его таланта, и Штродтманнъ, приводя въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія не малое число мнѣній, въ которыхъ повторяется этотъ упрекъ, не протестуетъ противъ него, какъ бы то слѣдовало.

Ни одинъ изъ критиковъ Гейне, какихъ намъ удавалось читать, не обращаетъ вниманія на самый важный вопросъ: когда именно Гейне дозволяетъ себѣ такъ называемое кощунство, и когда нѣтъ. Для писателя и поэта священна только пропагандируемая имъ *идея;* вотъ обстоятельство, которое объясняетъ предѣлъ «кощунства» Гейне. Если онъ, повидимому, билъ иногда лозунги сходные съ его идеею и дѣятелей, которые стремились къ ней же, то все это имѣло свои особыя, частныя причины. Напримѣръ,

извѣстно, какъ презрительно и неизящно онъ отнесся къ «будущности» Германіи, въ своей поэмѣ «Deutschland». Почему онъ это сдѣлалъ: изъ кощунства, изъ отсутствія принциповъ, изъ противорѣчія съ самимъ собою, такъ какъ онъ горячо любилъ Германію? Нисколько. Онъ сдѣлалъ это потому, что одна изъ наиболѣе возмущавшихъ его комедій, была современная ему комедія влюбленности нѣмцевъ въ самихъ себя. Эти исключительные «тевтоны», эти «французоѣды» были ему или ненавистны, или въ высшей степени смѣшны: ненавистны тѣ изъ нихъ, которые свою тевтономанію обращали въ поддержку германскаго деспотизма и на поруганіе идеи свободы, которая являлась къ нимъ въ «вельшской» одеждѣ; смѣшны ему были тѣ, которые сантиментальничали съ черно-красно-золотымъ знаменемъ, не имѣя мужества даже срѣзать для него древка, не имѣя ни возможности, ни желанія предпринять что-либо серьёзное для осуществленія единства. Осмѣивая такихъ людей, такія направленія, развѣ онъ противорѣчилъ своему увлеченію, кощунствовалъ? Напротивъ. Здѣсь не кощунство, а сатира, и сатира совершенно согласная съ увлеченіемъ, одушевлявшимъ поэта. Замѣтимъ, что кромѣ идеи, которой Гейне преданъ, и надъ которою ему и въ голову не приходитъ глумиться (другое дѣло — надъ ея искаженіями), вы никогда не найдете саркастическаго поворота послѣ одного изъ его обращеній къ его матери. Эти чудныя, проникнутыя глубокимъ чувствомъ и неподражаемою поэзіею воспоминанія никогда не сопровождаются ироніею. И такъ, кощунства надъ священнымъ ему, у Гейне вовсе нѣтъ и онъ нерѣдко высказываетъ страстное увлеченіе или тихое, трогательное чувство, нисколько не стыдясь его и не считая нужнымъ искупать его ироніею.

Но иронія въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ почти всегда за его любовными изліяніями; это такъ. Но почему же они — священны? Здѣсь его иронія является въ двойномъ значеніи: прежде всего, она характеризуетъ просто надломленность его души результатомъ несчастной любви. Этотъ фактъ былъ, конечно, очень серьёзенъ для самого Гейне; скорбь эта, какъ мы уже сказали, вѣчно преслѣдовала его и слышится у него вездѣ, даже недосказанная. Но могъ ли этотъ поэтъ, стоявшій по природѣ неизмѣримо выше романтиковъ, навязывать другимъ свои любовныя страданія, не ощущая въ ту же минуту, что постороннимъ до нихъ вовсе нѣтъ дѣла, что все это не серьёзно, наконецъ, что масса даже не повѣритъ этой чрезмѣрной раздражительности поэта? Отсюда — естественное побужденіе лить тотчасъ воду на проявившійся нескромно внутренній романтическій огонь, задвигать пискливою

задвижкою иронiи ту дверь въ душу, которая мимо воли его отворилась? Говоримъ — мимо воли, потому что поэтъ неволенъ въ выборѣ своихъ сюжетовъ и тотъ изъ нихъ, кто до нѣкоторой степени не рабъ своей фантазiи—вовсе не поэтъ. Все дѣло тутъ въ томъ, какъ поэтъ относится *потомъ* къ этимъ капризамъ фантазiи.

Итакъ, въ его отношенiи къ своей любви и къ самому себѣ, къ своей собственной внутренней жизни, иронiя, сарказмъ, являются у Гейне, во-первыхъ, какъ неизбѣжный симптомъ его страданiя, во-вторыхъ, дѣйствительно, какъ попытка скрыть его серьёзность, устранить отъ себя сожалѣнiе толпы; такъ больной смѣняетъ шуткою или улыбкою стонъ, вырванный у него страданiемъ, если не хочетъ сожалѣнiя свидѣтелей, или если видитъ съ ихъ стороны недовѣрiе къ снѣдающей его боли.

Въ этомъ двоякомъ значенiи, иронiя, смѣняющая слёзы у Гейне въ одно время и вполнѣ понятна, вполнѣ логична и вполнѣ художественна; она возвышаетъ трагизмъ и въ тоже время какъ бы извиняетъ возведенiе личнаго чувства на высоту трагизма. Вотъ чего не хотятъ понять критики Гейне. Къ числу ихъ принадлежитъ нѣкто «Schm.», который, по мнѣнiю Штродтманна, съ замѣчательнымъ безпристрастiемъ произнесъ приговоръ о Гейне по первымъ его поэтическимъ опытамъ. Авторъ этого приговора разсуждаетъ такъ (сокращаемъ длинную статью): «Поэзiя Гейне состоитъ вся изъ грѣховъ противъ поэзiи; страстность и смѣлость его, производимое имъ гальваническое дѣйствiе несогласно съ истинною цѣлью поэзiи; поэзiя должна дѣйствовать какъ религiя, возвышая духъ и т. д. Успѣхъ Гейне зависитъ отъ того, что грѣхъ интереснѣе добродѣтели и что чѣмъ менѣе произведенiя его согласны съ *цѣлью* поэзiи, тѣмъ болѣе они проникнуты ея *сущностью* (!)». Въ заключенiе, критикъ похваляетъ поэта за то, что онъ не увлекся послѣднимъ результатомъ романтики, прославленiемъ феодализма и замѣчаетъ: «Гейне это—поэтъ третьяго сословiя (tiers-état)». Можетъ ли быть что-нибудь ограниченнѣе и несправедливѣе этого мнѣнiя? Гейне употребилъ силы свои на борьбу за идею свободы, умственной и политической; своею сатирою онъ наносилъ жестокiе удары и защитникамъ всякаго обскурантизма, съ одной стороны, и тупымъ, пустымъ декламаторамъ, вредившимъ идеѣ свободы, опошленiемъ ея, —съ другой. Въ томъ и другомъ отношенiи, онъ честно исполнялъ долгъ сатирика, долгъ писателя, служащаго пользамъ человѣчества. Но при этомъ, когда случалось, что богатый, могущественный геній его уклонялся на время отъ утилитаризма и сосредоточивался въ себѣ самомъ и впадалъ въ фантастичность, — а такiя уклоненiя

богатой натуры неизбѣжны, — то онъ тутъ же бичевалъ самъ себя проявляя вмѣстѣ и всю глубину своего личнаго горя и всю маловажность его для человѣчества. Вотъ взглядъ на Гейне, который, кажется намъ, можетъ дать настоящій ключъ къ его поэзіи.

Только въ сантиментальной Германіи ироническія выходки среди любовнаго бреда могли казаться кощунствомъ, насмѣшкою надъ «священнымъ». Если бы Гейне, воспитавшійся романтизмомъ, въ самомъ дѣлѣ остался романтикомъ, то сатира его замолкла бы, а сарказмъ проявлялся бы порою только въ байроновскомъ смыслѣ, въ смыслѣ разочарованія; но въ томъ-то и дѣло, что Гейне романтикомъ не остался. Въ дальнѣйшей фазѣ своего развитія, онъ смѣялся надъ романтизмомъ, который сталъ на сторону сильнаго. Гейне пошелъ дальше, а *видѣлъ* еще дальше, чѣмъ пошелъ.

I.

Въ Дюссельдорфѣ, на «Болькерштрассе», на домѣ подъ № 53 красуется надпись: «Домъ, гдѣ родился Генрихъ Гейне». «Городъ Дюссельдорфъ, — говоритъ самъ поэтъ въ «Reisebilder», — очень красивъ, и когда о немъ издали думаешь, случайно родившись въ немъ, то становится какъ-то странно. Я тамъ родился и мнѣ представляется, точно вотъ сейчасъ надо идти домой. Когда говорю «домой», то разумѣю Болькерштрассе и домъ, въ которомъ я родился. Домъ этотъ, современемъ, будетъ весьма примѣчателенъ, и старушка, его владѣлица, предупреждена мною—сохрани Богъ — не продавать дома. Потому что за весь домъ она теперь не получила бы столько, сколько составитъ одинъ тринкгельдъ, который станутъ давать служанкѣ важныя англичанки съ зелеными вуалями, когда имъ будутъ показывать комнату, въ которой я узрѣлъ свѣтъ, и черную коморку, куда меня обыкновенно пряталъ отецъ, когда я таскалъ виноградъ, а также и темноцвѣтную дверь, на которой мать учила меня выписывать буквы мѣломъ: О Боже! Сударыня, если я сдѣлаюсь знаменитымъ сочинителемъ, то это стоило матери моей не мало труда».

Но домъ № 53 только стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ родился Гейне; прежній сломанъ давно, былъ сломанъ еще прежде, чѣмъ Гейне написалъ приведенныя строки.

Генрихъ Гейне родился въ одинъ изъ послѣднихъ дней восьмнадцатаго столѣтія, именно 13 декабря 1799 года. Отецъ его въ то время торговалъ сукнами. Онъ былъ человѣкъ живой, ве-

селый, впослѣдствіи офицеръ гражданской стражи и страстный поклонникъ Наполеона, но посредственнаго ума. Зато мать поэта, урожденная фонъ-Гельдернъ (дочь врача-еврея, имѣвшаго претензію на дворянство), отличалась природнымъ умомъ и развитіемъ. Сынъ называетъ ее ученицею Руссо, а братъ Генриха Максимиліанъ сообщаетъ, что любимымъ писателемъ ихъ матери былъ Гёте. Итакъ, поэтъ въ дѣтствѣ нашелъ такую обстановку: бѣдная еврейская среда, увлеченіе французскими порядками, которые вносили въ Германію гражданскую цивилизацію, и интимное общеніе съ великимъ духомъ интеллектуальной Германіи, доставленное ему умною матерью.

Генриху былъ седьмой годъ, когда въ великомъ герцогствѣ Клеве-бергскомъ воцарился Іоахимъ Мюратъ, и девятый годъ, когда это владѣніе, въ одной изъ наполеоновскихъ передѣлокъ карты Европы, было записано за старшимъ сыномъ короля голландскаго Людовика Бонапарта, Наполеономъ-Людовикомъ [1]). Вотъ почему Гейне, конечно въ шутку, говорилъ впослѣдствіи, что нынѣшній императоръ французовъ — его законный государь, такъ какъ онъ—наслѣдникъ правъ, отъ которыхъ старшій братъ его никогда не отрекался. Французское управленіе отмѣнило крѣпостное право, уничтожило ленное владѣніе, укрѣпивъ землю за ленниками въ полную собственность, отмѣнило всякаго рода барщину, вычеркнуло прусскій законъ, запрещавшій браки между дворянствомъ и низшими сословіями, ввело полное гражданское равенство всѣхъ ихъ, отдѣлило судебную власть отъ административной, распространило на герцогство французское гражданское право и судоустройство; въ 1812-мъ году открытъ былъ въ Дюссельдорфѣ первый судъ присяжныхъ. Пресловутый «принципъ» національности въ то время еще не былъ изобрѣтенъ, а съ отсутствіемъ политической свободы, подъ владычествомъ Наполеона, прирейнскіе жители мирились тѣмъ легче, что они и прежде ея не имѣли. Итакъ, немудрено, что они, кромѣ дворянства, были очень довольны французскими порядками и, если бы не тяжесть конскрипціи, то никогда не пожелали бы возвращенія своего легитимнаго «ландесфатера». Но, собственно, для евреевъ и самая конскрипція была полнымъ, окончательнымъ признаніемъ ихъ равенства съ христіанами во всѣхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Штродтманнъ дѣлаетъ тутъ промахъ, называя кронпринцемъ голландскимъ нынѣшняго императора французовъ, и хотя исправляетъ этотъ промахъ на оберткѣ перваго тома, въ видѣ опечатки, но оставляетъ безъ исправленія ошибочныя слова: «тотъ же самый принцъ». Старшій братъ Наполеона III умеръ въ Форли, въ 1831 году, отъ кори.

Эти порядки подверглись существенному измѣненію, когда «иго было сброшено». Въ Пруссіи евреямъ были дарованы гражданскія права въ 1812 году, но по «сверженіи ига» евреи, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ, были изгнаны изъ прусской арміи, если не соглашались на разжалованіе въ рядовые, а исполненіе обѣщаній равноправности евреевъ было препоручено вѣнскимъ конгрессомъ союзному сейму, т. е. отложено на неопредѣленное время.

Немудрено, что Генрихъ Гейне, на юный умъ котораго должны были сильно подѣйствовать и возвышеніе племени его французскими завоевателями, и самая слава этихъ завоевателей, навсегда сохранилъ не только расположеніе къ Франціи, но и сантиментальное отношеніе къ «великой арміи» и побѣдоносному ея вождю, котораго онъ имѣлъ случай видѣть лично. Доброе воспоминаніе о французахъ и сочувствіе къ славѣ великой арміи долгое время сохранялись въ прирейнскихъ провинціяхъ и не одними евреями. Л. Бамбергеръ, въ интересной статьѣ: «Die Französelei am Rhein (1790 bis heute)», говоритъ, что въ Майнцѣ даже самое пораженіе французской арміи, страшныя конскрипціи 1811, 12 и 13 годовъ, и распространенныя великою войною болѣзни нисколько не пробудили мысли объ освобожденіи, ни чувства ненависти къ Франціи, ни склонности къ Германіи. Сѣверогерманское національное движеніе не отозвалось тамъ ни сколько; а когда «иго» было свергнуто, то нѣмцы, служившіе нѣкогда въ «великой арміи», ежегодно собирались 5 мая на торжественныя поминки своего вождя и на перекличкѣ съ гордостью отзывались: présent [1])! Генрихъ Гейне, какъ извѣстно, никогда не примирился съ «тевтонами» и разными Franzosenfresser, которые изъ представителей національнаго движенія сѣверной Германіи впослѣдствіи обратились во враговъ свободы и въ самую надежную армію подновленныхъ «среднихъ вѣковъ» и картоннаго рыцарства, которое опиралось на піэтизмъ, уродливо выработанный какъ бы на зло протестантству, на тайную полицію и предварительную цензуру.

Лучшими памятниками этого настроенія Гейне служатъ: его книга о Легранѣ и стихотвореніе «Два гренадера». Это стихотвореніе было написано Генрихомъ, когда ему было 20 лѣтъ. Другъ его юношества, Нейнцигъ, разсказываетъ, что Генрихъ однажды вбѣжалъ къ нему раскраснѣвшись отъ увлеченія и сталъ читать только-что написанныхъ имъ «Двухъ гренадеровъ», и Нейнцигъ никогда не могъ забыть того выраженія глубокой

[1]) Demokratische Studien, herausgegeben von Ludv. Walesrode. 2 B, S. 278.

скорби, съ которымъ Гейне сказалъ стихъ: «Und mein Kaiser, mein Kaiser gefangen!» Дюссельдорфскій музыкантъ Крейцеръ написалъ музыку къ этому роману и посвятилъ его маршалу Сульту.

Штродтманнъ замѣчаетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ образомъ именно это раннее и близкое сообщеніе со смѣлыми и подвижными элементами французской національности дало ему самому ту подвижную смѣлость и самоувѣренность, а можетъ быть и ту грацію, съ которыми онъ поражалъ старое общество. Съ другой стороны, этимъ сообщеніемъ не менѣе были вложены въ душу мальчика первыя сѣмена той легкости характера, которая впослѣдствіи часто представляла въ столь сомнительномъ свѣтѣ серьезность его убѣжденій».

Молодой Генрихъ или Гарри (какъ онъ былъ названъ при рожденіи въ честь одного торговаго корреспондента его отца въ Англіи) посѣщалъ сперва частную еврейскую школу. Друзьями мальчика были уже названный Іосифъ Нейнцигъ и Фердинандъ Вицевскій, который, бросившись, по просьбѣ Гейне, спасать утопавшаго котенка, самъ утонулъ въ дюссельдорфскомъ пруду. О немъ вспоминаетъ Гейне въ одной изъ пѣсенъ «Романсеро», гдѣ нѣсколько разъ возвращается стихъ: Doch die Katz die Katz' ist gerettet! Мальчики называли Гейне Rother Harry, такъ какъ онъ въ дѣтствѣ былъ рыжеватъ.

Въ семействѣ мальчика строго соблюдались еврейскіе религіозные обряды и обычаи. Вѣрованія и жизнь еврейства были очень хорошо извѣстны Гейне, и онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, часто обращается къ столь долго отверженному народу, то превознося его надъ всѣми народами, какъ страдальца за убѣжденія, какъ величайшій примѣръ долготерпѣнія въ мученичествѣ, то проклиная его какъ главнаго представителя «египетскихъ преданій», «лейб-гвардію теогоніи».

Вспомнимъ остроумную параллель, которую онъ проводитъ между евреями и эллинами, въ книгѣ о Бёрне, расширяя понятія объ эллинахъ и евреяхъ на цѣлыя міросозерцанія и объявляя себѣ эллиномъ.

Генрихъ былъ старшій сынъ въ семьѣ, предводитель игръ своихъ братьевъ Густава, Максимиліана и своей сестры Шарлотты. Отецъ иногда выходилъ изъ себя отъ шалостей мальчика, но—замѣчательный фактъ—никогда не билъ его, а только пряталъ въ «черную каморку», туда, гдѣ былъ курятникъ. Но мальчикъ скоро пересталъ бояться этого наказанія и забавлялся въ курятникѣ такимъ удачнымъ подражаніемъ пѣтуху, что на крикъ его во всѣхъ сосѣднихъ дворахъ домашняя птица поднимала тревогу.

Богатое воображеніе указало ему въ темномъ углу на множество предметовъ для забавъ, которые раздѣляли съ нимъ братья и сестра. Объ этихъ-то играхъ въ чуланѣ упоминаетъ чудное стихотвореніе, написанное имъ сестрѣ: «Mein Kind, wir waren Kinder»....

На десятомъ году, Гейне поступилъ въ учрежденный французами лицей для всѣхъ сословій и всѣхъ исповѣданій. Этотъ лицей помѣщался въ конфискованномъ зданіи францисканскаго монастыря. Въ лицеяхъ, открытыхъ французскимъ правленіемъ въ Германіи, заведены были полу-военные порядки: барабанъ означалъ начало и окончаніе уроковъ, воспитанники были въ мундирахъ. Учителя были, по большой части, нѣмцы, и въ прирейнскихъ провинціяхъ въ числѣ ихъ находилось не мало бывшихъ монаховъ. Такъ въ дюссельдорфскомъ заведеніи, между преподавателями были даже іезуиты. Ректоръ этого заведенія, тоже католическій духовный, читалъ философію и со всею откровенностью излагалъ самыя «вольнодумныя» системы мыслителей древней Греціи. До такой степени, въ системѣ классическаго образованія, школа была раздвоена съ жизнью, что католическій священникъ не считалъ опаснымъ излагать воспитанникамъ философію совершенно несогласную съ христіанствомъ. Піэтисты, какъ католическіе, такъ протестантскіе, съ тѣхъ поръ значительно измѣнили воспитательный методъ.

Ректоръ Шалльмейеръ совѣтовалъ матери Гейне посвятить сына католическому духовному званію и отправить его въ Римъ, для изученія богословскихъ наукъ въ тамошней семинаріи. Гейне иногда вспоминалъ въ бесѣдахъ съ друзьями объ этомъ совѣтѣ и смѣшилъ ихъ, представляя себя раздающимъ благословенія. Будучи въ лицеѣ, Гейне влюбился въ дочь президента апелляціоннаго суда, и разъ на публичномъ экзаменѣ, декламируя Шиллера и дойдя до стиха: «Und der König der lieblichen Tochter winkt» — увидалъ предметъ своей страсти; онъ вдругъ забылъ остальное, все только повторялъ этотъ стихъ и наконецъ упалъ въ обморокъ. «Какъ невинепъ былъ я въ то время»! говорилъ онъ послѣ; но нельзя не замѣтить, какъ сильны были страсти въ этомъ мальчикѣ.

Первыя чтенія, — мы разумѣемъ чтенія независимыя, не по приказанію, а еще лучше украдкой — въ дѣтствѣ оставляютъ неизгладимыя впечатлѣнія и нерѣдко имѣютъ преобладающее вліяніе на всю судьбу человѣка, сообщая ему извѣстное направленіе. Такими чтеніями Гейне-ребенка были «Донъ-Кихотъ» и «Приключенія Гулливера». Ему попались именно два замѣчательнѣйшіе юмористы, Сервантесъ и Свифтъ. Гейне описалъ

впечатлѣніе, которое произвели на него эти книги. Донъ-Кихота онъ читалъ съ полной наивностью дѣтства, не понимая иронiи, сочувствуя вполнѣ несчастному герою, принимая его неудачи за неизбѣжныя непріятности героизма и былъ крайне несчастливъ, когда дочиталъ книгу до того злосчастнаго поединка, въ которомъ переодѣтый цирюльникъ одерживаетъ побѣду надъ бѣднымъ рыцаремъ. «Я прежде думалъ, — говоритъ Гейне въ остроумной параллели между самимъ собой и ламанчскимъ героемъ, — что смѣшная сторона донкихотства состоитъ въ попыткахъ воскресить старое, причемъ бѣдная спина героя вступаетъ въ печальныя столкновенія съ фактами настоящаго; но ахъ, я узналъ съ тѣхъ поръ, что столь же неблагодарное безумiе—вызывать слишкомъ рано въ настоящее будущность и при такой борьбѣ съ интересами дня, обладать только худою клячею, ветхимъ вооруженіемъ и столь же слабымъ тѣломъ»... Въ Гулливерѣ, опутанномъ пигмеями, Гейне указываетъ Наполеона въ заточеніи.

Гейне, подростая, сталъ учиться въ лицеѣ очень хорошо; за то приватные уроки музыки и танцованія положительно не удавались. Музыкальнаго учителя онъ заставлялъ играть разныя пьесы, а самъ лежалъ на диванѣ; танцовальнаго же учителя, большого грубіяна, онъ вытолкнулъ въ окно, откуда тотъ упалъ на кучу навоза. Кончивъ гимназическій курсъ, Гейне едва не остановился на этомъ. У отца не было средствъ вести его дальше, въ университетъ, и приходилось браться за хлѣбное ремесло. Въ 1815 году отецъ свезъ его въ Франкфуртъ, на ярмарку, и опредѣлилъ его тамъ въ банкирскую контору. Но Гейне оставался тамъ всего двѣ недѣли, хотя и прожилъ во Франкфуртѣ болѣе года. Ему не нравились ни конторская работа, ни униженное положеніе евреевъ во Франкфуртѣ. Пребываніе во Франкфуртѣ и воспоминаніе о вѣковыхъ преслѣдованіяхъ, претерпѣнныхъ евреями въ старой имперской столицѣ, впослѣдствіи внушили Гейне поэму «Бахарахскій раввинъ». Во время пребыванія во Франкфуртѣ, Гейне въ первый разъ встрѣтился съ Людвигомъ Бёрне, который въ то время былъ извѣстенъ по театральнымъ рецензіямъ.

Изъ Франкфурта молодой Гейне возвратился въ Дюссельдорфъ, а оттуда, въ 1816 или 1817 году, отправился снова искать счастья по коммерческой части, въ Гамбургѣ. Въ Гамбургѣ у него былъ родной дядя, богатый банкиръ, который сперва былъ участникомъ фирмы «Гекшеръ и К°», а съ 1819 года открылъ банкъ подъ своимъ именемъ. Въ первый разъ, у Штродтманна, мы находимъ, что Генрихъ Гейне самъ, въ началѣ 1818 года, открылъ въ Гамбургѣ коммиссiонерскую контору, подъ фир-

мою Harry Heine u. K°. Изъ «Гамбургской адресной книги» видно, что контора эта помѣщалась, въ разное время, на двухъ улицахъ. Но она была закрыта въ томъ же, 1819 году. Коммерція рѣшительно не давалась Генриху Гейне. Онъ не любилъ впослѣдствіи воспоминанія объ этомъ первомъ пребываніи своемъ въ Гамбургѣ. Извѣстно, что если изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ онъ ненавидѣлъ наиболѣе Берлинъ, то смѣялся всего больше надъ Гамбургомъ. Въ «Reisebilder» и «Deutschland» онъ не можетъ вспомнить объ этомъ центрѣ сѣверогерманской торговли, не приклеивъ каждый разъ къ его имени нѣсколькихъ сарказмовъ.

Въ Гамбургѣ же онъ влюбился, уже не ребяческимъ, а юношескимъ сердцемъ, влюбился на всю жизнь. Никогда Генрихъ Гейне не забылъ этой любви; онъ воспѣлъ ее во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и сердечная рана дала ему именно тотъ диссонансъ, который слышится въ самыхъ сильныхъ его порывахъ, какъ будто у орла одно крыло подбито.

Возлюбленная является у него въ разныхъ случаяхъ подъ разными именами: донны Клары, Оттиліи, Берты и др., но подъ ними скрывается все тотъ же образъ, вѣчно носящійся передъ поэтомъ. Даже тогда, когда Гейне ни словомъ не поминаетъ объ этой любви, она какъ-то чувствуется у него, невидимо присутствуетъ во всѣхъ его пѣсняхъ, особенно въ тѣхъ оборотахъ отъ смѣха ко вздоху, которые у него встрѣчаются также часто, какъ юмористическіе диссонансы, которыми онъ любитъ заканчивать порывы своего лиризма. Въ тѣ поэтическіе вѣнки, которые онъ бросалъ на могилу своей любви, онъ нерѣдко вплеталъ нѣсколько вульгарныхъ листьевъ, и это горько-насмѣшливое отношеніе къ самой дорогой мечтѣ составляетъ одну изъ личныхъ особенностей Гейне; она не встрѣчается у другихъ поэтовъ. Для примѣра, приведемъ одно извѣстное стихотвореніе:

Ein Jüngling liebt ein Mädchen
Die hat einen Andern erwählt;
Der Andere liebt eine Andre,
Und hat sich mit Dieser vermählt.
Das Mädchen heirathet aus Ärger
Den ersten, besten Mann,
Der ihr in den Weg gelaufen;
Der Jüngling ist übel dran.
Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie just passieret,
Dem bricht das Herz entzwei.

Это совсѣмъ не «глумленіе надъ любовью», какъ понимаютъ филистеры; никакія пышныя и страстныя фразы не передали бы такъ сильно глубокой скорби поэта.

Гейне никогда, даже въ частныхъ письмахъ къ ближайшимъ друзьямъ, не назвалъ настоящаго имени своей возлюбленной. Штродтманнъ положительно отвергаетъ показаніе одного изъ друзей Гейне, Штейнманна, что эта дѣвушка была кузина поэта, Эвелина фонъ-Гельдернъ, и жила въ Дюссельдорфѣ,—но самъ не сообщаетъ таинственнаго имени и только говоритъ, что предметомъ любви Гейне была другая кузина его, жившая въ Гамбургѣ. Біографъ считаетъ лишнимъ называть ее и выводить критически изъ разныхъ отзывовъ поэта, въ самомъ ли дѣлѣ она измѣнила ему или не давала ему надежды и т. д. Онъ справедливо замѣчаетъ, что подобныя изслѣдованія были бы не серьёзны, и что факты, сами по себѣ, не уяснили бы тѣхъ образовъ, въ которыхъ они отразились въ душѣ поэта. Біографъ ссылается при этомъ на слова самого Гейне: «Какъ часто бываетъ, что внѣшняя постройка нашей исторіи очень мало согласуется съ дѣйствительною, внутреннею нашею исторіею; у меня, по крайней мѣрѣ, онѣ никогда не согласовались».

Первыя стихотворенія Гейне принадлежатъ ко времени его пребыванія въ Дюссельдорфѣ по возвращеніи изъ Франкфурта; въ то время ему было 16—17 лѣтъ. Эти первые опыты, въ романтическомъ родѣ, уже замѣчательны и простотою формы и мелодичностью стиха, и игрою антитезъ, существенными принадлежностями гейневскаго стихосложенія. Въ газетѣ «Hamburg's Wächter», въ 1817 году, явилось нѣсколько стихотвореній молодого Гейне, подъ псевдонимомъ «Sy Freudhold Riesenharf». Этотъ удивительный псевдонимъ представлялъ анаграмму имени Дюссельдорфа и Гарри Гейне. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣтски-наивны, но въ другихъ уже является тотъ звукъ недосказанной и несказанной скорби, которымъ отличаются воспоминанія Гейне о его любви. Между ними была и баллада «Донъ-Рамиро», сперва названная «Донъ-Родриго», въ которой замѣчается уже зрѣлость таланта.

Эти поэтическіе опыты убѣдили даже дядю-банкира, Соломона Гейне, что Генрихъ не имѣетъ призванія къ коммерческимъ дѣламъ. Онъ впослѣдствіи относился къ самой славѣ своего племянника со всей надутостью мѣшка червонцевъ: «Еслибъ этотъ дурень чему-нибудь научился, то не имѣлъ бы нужды писать книги», говаривалъ онъ. Однако, онъ согласился дать «дурню» средства научиться чему-нибудь «путному» и взялся содержать Генриха въ университетѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ серьёзно

занялся правовѣдѣніемъ, пріобрѣлъ докторскій дипломъ и сдѣлался адвокатомъ. Послѣднее условіе предполагало переходъ въ христіанство, но Соломонъ Гейне, хотя самъ оставался вѣренъ еврейству, никогда не препятствовалъ обращенію своихъ родственниковъ: дочери его всѣ вышли замужъ за христіанъ.

II.

Генрихъ въ восторгѣ поспѣшилъ, въ 1819 году, къ родителямъ въ Дюссельдорфъ и сталъ готовиться въ университетъ, перемѣшивая латинскій языкъ со стихами. Въ это время онъ написалъ «Двухъ гренадеровъ» и въ томъ же 1819 г. вступилъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Іосифомъ Нейнцигомъ, въ боннскій университетъ. Боннскій университетъ былъ въ то время славенъ. На юридическомъ факультетѣ Гейне нашелъ профессорами Миттермайера, Макельдея, на философскомъ — Августа-Вильгельма Шлегеля, Дельбрюка, Дистервега, и др. Студенчество въ Германіи въ то время вступало въ кризисъ: стремленіе національнаго патріотизма, такъ сильно возбужденное въ 1813 году, одушевляло всю академическую молодежь и давало ея жизни, бесѣдамъ, отношеніямъ и занятіямъ студентовъ смыслъ возвышенный; политика не только не была изгнана изъ академическихъ кружковъ, но составляла ихъ душу. Изъ всѣхъ этихъ мечтаній, порывовъ къ свободѣ — не вышло ничего. Исторія паденія нѣмецкаго студенчества въ двадцатыхъ годахъ есть исторія германскаго народа того времени. Сослуживъ владѣтелямъ службу, оказавъ имъ помощь въ возстановленіи ихъ престоловъ, народъ напрасно ожидалъ исполненія обѣщаній о свободѣ, такъ щедро разсыпаемыхъ въ моментъ опасности. Обѣщанія эти получили въ 13-мъ параграфѣ акта вѣнскаго конгресса даже юридическую, международную форму, но вскорѣ самое напоминаніе объ этомъ параграфѣ сдѣлалось государственнымъ преступленіемъ. Реакція возникала быстро, распространялась по всей Германіи, и первой жертвою ея было пылкое студенчество, которое, разочаровавшись въ правительствахъ, вѣрило въ силу народа и преждевременно на нее разсчитывало. Убійство, совершенное Зандомъ въ 1819 году, какъ извѣстно, подало сигналъ къ строгому преслѣдованію всякихъ политическихъ обществъ между студентами. Реакція оживила даже союзный сеймъ; въ самомъ дѣлѣ, единственныя дѣла, гдѣ союзный сеймъ выказалъ какую-нибудь жизнь, было принятіе «общихъ» мѣръ для преслѣдованія либеральныхъ обществъ, запрещеніе либеральныхъ книгъ, изгнаніе писателей изъ *всей* тер-

риторіи союза. Вотъ этимъ только и высказалось германское единство, о которомъ мечтали волонтеры 1813 года. Подъ вліяніемъ этихъ преслѣдованій, вскорѣ совсѣмъ измѣнился характеръ нѣмецкаго студенчества; корпораціи утратили смыслъ, собранія утратили цѣль; благородныя, если и не всегда благоразумныя бесѣды смѣнились грубыми оргіями; воспоминаніе о волонтерствѣ за независимость, надежда на борьбу за свободу, представлявшіяся студенческимъ эспадрономъ, смѣнились пѣтушиною страстью къ дракамъ въ формѣ торжественныхъ дуэлей. Слова: *Kommersch*, *Mensur*, *Renommist*, *Komment* — дорогія до сихъ поръ устарѣвшимъ сердцамъ многихъ филистеровъ, въ сущности представляли уже, съ начала двадцатыхъ годовъ, не что иное, какъ разгульную, грубую жизнь съ нѣкоторыми педантскими формами. Правительства никогда не стѣсняли этихъ забавъ; напротивъ.

Гейне засталъ въ Боннѣ именно послѣднія вспышки прежняго огня и наступленіе первыхъ признаковъ разложенія студенчества. У него есть стихотвореніе, которое описываетъ одно изъ послѣднихъ поэтически-политическихъ собраній боннскихъ студентовъ на Драхенфельсѣ. Тамъ съ восторгомъ провозглашались вскорѣ надолго умолкнувшія слова о чести Германіи и т. д. Еще хорошо было, что академическимъ судьею былъ въ то время Миттермайеръ, «а то — говоритъ Штродтманнъ—не миновать бы Бонну ужасовъ майнцской слѣдственной коммисіи и преслѣдованій демагоговъ Кампцемъ и Цшоппе».

Студенческую жизнь, превратившуюся въ безсмысленное буйство и оргіи, Гейне не любилъ, устранялся отъ нея — тѣмъ болѣе, что былъ неохотникъ пить, а пива, которымъ нѣмцы напиваются — терпѣть не могъ въ особенности. Онъ всегда относился съ насмѣшкою къ этимъ *Landsmannschaften*, потерявшимъ смыслъ, и ихъ ребячески-педантскимъ формамъ и обычаямъ.

При вступительномъ экзаменѣ, Генрихъ Гейне долженъ былъ представить сочиненіе «о цѣли академическаго ученья», и обработалъ эту тему юмористически. Сочиненіе было принято, съ замѣчаніемъ, что «хотя авторъ напрасно отклонился отъ предмета, изложеніе его представляетъ замѣчательную сатирическую способность». Въ декабрѣ 1819 г. онъ матрикулировался въ качествѣ студента юридическаго и камеральнаго факультета, но слушалъ болѣе лекціи философскаго факультета, чѣмъ того, въ который былъ записанъ. Въ числѣ товарищей Гейне были извѣстные поэты Зимрокъ и Гоффманъ фонъ-Фаллерслебенъ, Ярке, впослѣдствіи продажный писатель, на жалованьи у вѣнскаго кабинета, Генгстенбергъ, впослѣдствіи основатель «новолютеранскаго правовѣрія», возстановитель въ протестантствѣ католиче-

скаго фанатизма и нетерпимости; Либихъ, знаменитый химикъ, и Іоганнъ Мюллеръ, знаменитый физіологъ. Гейне не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ этихъ людей, сдѣлавшихся со временемъ знаменитостями. Онъ дружился съ людьми болѣе скромнаго пошиба: съ Руссо, Зете и Штейнманномъ. Впрочемъ, Зимрокъ принадлежалъ также къ гейневскому литературному кружку въ Боннѣ, котораго членомъ былъ и старѣйшій другъ поэта, Нейнцигъ. Эти молодые люди сообщали другъ другу свои стихотворенія. Гейне отличался строгостью литературной критики къ себѣ самому, но по отношенію къ друзьямъ онъ положительно увлекался.

Юриспруденція не давалась Генриху Гейне, ни въ Боннѣ, ни впослѣдствіи въ Гёттингенѣ, потому именно, что преподаваніе ея было не только сухо, но и не имѣло отношенія къ современности, не было освѣщено идеею. Уже потомъ, когда онъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ законовѣдѣніе оживилось идеею, подъ вліяніемъ Гегеля, онъ сталъ заниматься юридическими науками. Въ Боннѣ, онъ слушалъ преимущественно лекціи германской исторіи и литературы, Шлегеля, Гилльмана, Радлофа. Онъ слушалъ ихъ со вниманіемъ, аккуратно велъ свои тетради, и Шлегелемъ даже увлекался, но не до рабства; къ рабскому увлеченію онъ никогда не былъ способенъ. Вотъ какъ самъ онъ говоритъ о курсахъ, слушанныхъ имъ въ первый семестръ: «1) исторію нѣмецкаго языка — у Шлегеля, который почти цѣлыхъ три мѣсяца развивалъ самыя диковинныя гипотезы о происхожденіи нѣмцевъ; 2) Германію Тацита — у Арндта, который искалъ въ старогерманскихъ лѣсахъ добродѣтелей, не найденныхъ имъ въ современныхъ гостиныхъ; 3) германское государственное право — у Гилльмана, котораго историческіе взгляды все-таки менѣе неопредѣленны, чѣмъ у другихъ; и 4) первоначальную исторію нѣмцевъ — у Радлофа, который въ концѣ семестра дошелъ не далѣе какъ до временъ Сезостриса».

Гейне посѣщалъ въ Боннѣ также лекціи доцента Гундесагена, объ искусствѣ и жизни среднихъ вѣковъ и вообще усвоивалъ себѣ то знакомство съ древнимъ языкомъ Германіи и съ памятниками ея, которое проявляется въ его сочиненіяхъ. Въ то время всего нѣсколько лѣтъ была издана санкт-галленская рукопись поэмы Нибелунговъ и общее вниманіе было обращено на этотъ памятникъ первоначальной германской поэзіи; Шлегель разбиралъ красоты его въ своихъ лекціяхъ, и на Гейне пѣсня о Нибелунгахъ производила большое впечатлѣніе, какъ то видно изъ его поздпѣйшаго разсказа. Съ Гундесагеномъ онъ посѣщалъ памятники романской архитектуры въ Боннѣ и въ бесѣдахъ съ Радлофомъ погружался въ германскую старину.

Но болѣе всѣхъ вліяніе на него имѣлъ А. В. Шлегель, знаменитый критикъ, проповѣдникъ романтизма. Онъ дѣйствовалъ на молодое воображеніе и блестящимъ изложеніемъ, и необычною, для нѣмецкаго профессора того времени, свѣтскою обстановкою. Аудиторія Шлегеля была всегда полна; въ ней со студентами толпились и профессора, и чиновники; на Гейне производили большое впечатлѣніе и содержаніе его лекцій, его литературныя воззрѣнія, и его слава, и лайковыя перчатки, которыхъ онъ не снималъ въ аудиторіи. Шлегелю Гейне повѣрялъ свои поэтическіе опыты и, по словамъ Штродтманна, вліяніе Шлегеля способствовало той художественной округленности и законченности, которою отличаются произведенія автора «Книги пѣсенъ». Гейне, какъ всякій истинный талантъ, у котораго цѣли и образы, создающіеся въ умѣ, гораздо выше того выраженія, какое можно дать имъ въ словахъ, нерѣдко падалъ духомъ и отчаявался въ своихъ силахъ въ то время. «Съ Шекспиромъ — писалъ онъ къ пріятелю своему Мозеру — я чувствую себя какъ-то неловко; я слишкомъ ясно сознаю, что не принадлежу къ ему подобнымъ, что онъ — всемогущій министръ, а я простой надворный совѣтникъ, и мнѣ кажется, точно онъ каждую минуту можетъ меня отставить». Вліяніе Шлегеля на Гейне было благотворно уже тѣмъ, что онъ ободрилъ его, поддержалъ его въ минуты такого сомнѣнія въ себѣ. Благодарность свою Гейне выразилъ въ «вѣнкѣ сонетовъ», который онъ посвятилъ Шлегелю. Онъ защищалъ Шлегеля и вообще романтизмъ въ одной газетной статьѣ, появившейся въ то время. Изъ этой статьи обнаруживается, во-первыхъ, сила литературнаго анализа, которою уже обладалъ Гейне на 21 году жизни; во вторыхъ — приступленіе его, подъ вліяніемъ любимаго учителя, къ романтизму, не только въ отношеніи къ его сюжетамъ и средствамъ, но и въ отношеніи его взглядовъ на чисто-эстетическое назначеніе поэзіи и беллетристики вообще. Гейне *въ то время* не видѣлъ ничего далѣе, ничего серьезнѣе, какъ «искусство для искусства». Впослѣдствіи, онъ же сильнѣе всѣхъ возсталъ противъ вредности романтическаго направленія. Сборникъ первыхъ стихотвореній Гейне «Junge Leiden», написанныхъ частью въ Гамбургѣ, частью въ Дюссельдорфѣ и Боннѣ, еще чуждъ всякой мысли о пользѣ человѣчества и о борьбѣ съ врагами его развитія. Но иронія, характеризующая собственно внутреннюю скорбь, мѣстами уже является въ нихъ. Штродтманнъ дѣлаетъ, по поводу «фресковыхъ сонетовъ» Гейне, вѣрное и остроумное замѣчаніе вообще о сонетахъ этого поэта: «употребленіе сонета, этой самой гармонической и красивой формы стихотворенія для взрывовъ отчаянія и каррикатурныхъ

изліяній гнѣва, уже характеризуетъ вѣрно отличительную черту юморизма: онъ разрываетъ сосудъ искусства, употребляя его не по назначенію». Въ 1820 году, во время своего пребыванія въ Боннѣ, Гейне предпринялъ трагедію «Альманзоръ», въ которой хотѣлъ дать полное выраженіе отчаянію своей любви. Осенью того же года, по неизвѣстной причинѣ, онъ оставилъ Боннъ и переселился въ Гёттингенъ.

Въ очень недурно написанномъ краткомъ обзорѣ развитія философской идеи и движенія литературы въ Германіи отъ Лютера до двадцатыхъ годовъ, Штродтманнъ излагаетъ постепенную эманципацію человѣческаго ума до того кульминаціоннаго пункта, какого онъ могъ достигнуть путемъ отвлеченнаго мышленія, до гегелевскаго ученія о тождествѣ идеи безусловнаго съ идеею человѣчества, и, обращаясь къ нѣмецкой литературѣ, бѣгло проходитъ періоды протестантско-церковный, подражательно-французскій, классическій, послѣдовавшій за Лессинговою реформою и нашедшій высшее выраженіе въ Гёте и Шиллерѣ, и останавливается на романтизмѣ. Въ этомъ сжатомъ и ясномъ обзорѣ, конечно, не можетъ быть ничего новаго.

Классическій періодъ, вдохновенный идеею древней добродѣтели и преобладаніемъ съ одной стороны идеи общечеловѣческой — идеи единственно плодотворной, которой въ литературѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ будущность, а съ другой — совершенно лишней, напускной и ребяческой подражательности, даже раболѣпства эллинскимъ формамъ, вызвалъ реакцію. Романтизмъ явился и какъ протестъ живыхъ національностей противъ формъ и образовъ чуждаго, мертваго свѣта, и какъ протестъ поэтической фантазіи противъ всякаго утилитарнаго назначенія, какъ протестъ правъ независимой личности противъ пользъ, понятій и цѣлей общества и даже человѣчества. Романтизмъ былъ правъ, какъ реакція противъ ига классицизма, противъ его условныхъ формъ, противъ этой аффектаціи «букетовъ Хлорѣ» и всѣхъ этихъ Фебовъ, музъ, всего Олимпа, Парнасса, Иліона, и нѣжностей временъ Перикла. Онъ былъ правъ, какъ заявленіе въ литературѣ живыхъ національностей, которыя какъ факты реальные, должны были войти и въ литературу. Опущеніе важнаго реальнаго факта есть всегда не только пробѣлъ въ литературѣ, но и симптомъ ея фальшивости. Романтизмъ сломалъ старыя формы и внесъ въ литературу почтенныя богатства національной исторіи, національной жизни. Съ точки зрѣнія собственно поэзіи, романтизмъ былъ правъ и въ томъ отношеніи, что онъ ставилъ личность выше всего, смѣло предъявлялъ права индивидуальности, даже право дѣлать вредъ. Надо было, чтобы этотъ

моментъ прошелъ чрезъ литературу, дабы изгнать классическое преданіе о самоотверженіи и приготовить то поле, на которомъ общество мирится съ индивидуальностью и заключаетъ съ ней контрактъ, основанный не на баснословномъ самоотверженіи, а на обоюдной, взаимно-ограничительной выгодѣ.

Но романтизмъ, какъ всякое направленіе, былъ самъ по себѣ безусловенъ; онъ вовсе не считалъ себя преходящимъ, назначеннымъ только для достиженія временной цѣли моментомъ; онъ мнилъ себя окончательнымъ откровеніемъ, послѣднимъ словомъ правды. Такая исключительность — общій законъ умственныхъ движеній человѣчества. Современный безусловный утилитаризмъ также исключителенъ; быть можетъ, никакая новая идея, необходимая для развитія, не могла бы исполнить своего назначенія— одержать побѣды, если бы представители ея не были увѣрены въ ней, какъ въ безусловной правдѣ, еслибы они сами принимали ее только sous bénéfice d'inventaire. Эта роль принадлежитъ уже преемникамъ ихъ.

«Первоначальное условіе всякой поэзіи—писалъ законодатель романтизма, Фридрихъ Шлегель—заключается въ томъ, что оно пріостанавливаетъ ходъ и законы *ума, мыслящаго благоразумно*, и снова повергаетъ насъ въ прекрасную путаницу фантазіи, въ первоначальный хаосъ человѣческой природы». Этимъ девизомъ, котораго романтики держались буквально, отвергается, во-первыхъ, всякое соотношеніе литературнаго творчества съ фактами дѣйствительной жизни, съ реальностью. Уже это было огромной ошибкой, такъ какъ значительная доля законности и успѣха самого романтизма заключалась именно въ томъ, что онъ внесъ въ литературу реальный моментъ — живыхъ народностей. Но этого мало. Проповѣдуя безусловность и необузданность фантазіи, романтики и современные послѣдователи ихъ—эстетики отказываютъ литературѣ во всякомъ серьёзномъ значеніи, такъ какъ они исключаютъ изъ нея общечеловѣческую идею, стремленіе человѣчества къ общему освобожденію и общему счастью. За тѣмъ, что же остается полезнаго въ литературѣ, по такому мнѣнію? Развѣ только тривіальное: emollit mores....

Что соблюденіе реальности требуется образованнымъ вкусомъ; что презрѣніе къ реальности производитъ на развитаго человѣка впечатлѣніе охлаждающее, а не увлекающее; наконецъ, что союзъ съ идеею общечеловѣческой пользы, братство поэзіи и истиннаго идеала человѣчества представляютъ для поэзіи самое могущественное средство, самый прочный пьедесталъ славы и самую звонкую струну, — всего этого романтики не хотѣли

знать, а немногіе, остающіеся въ живыхъ эстетики, отрицаютъ это до сихъ поръ.

Самую поэзію, конечно, нельзя смѣшивать съ стремленіемъ къ той высокой цѣли, которой и она должна служить, какъ ей служитъ вся сознательная дѣятельность человѣчества. Что поэзія можетъ быть и внѣ собственно утилитаризма, что утилитаризмъ, какъ безусловная исключительная система, напрасно хочетъ создать для поэзіи клѣтку—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ нѣтъ сомнѣнія, что и наука можетъ быть внѣ утилитаризма. Что всегда найдутся истинные таланты, которые, по временамъ, будутъ дѣлать фантастическіе скачки, что въ жизни поэта всегда будутъ минуты, когда его собственная личность, фантазія, причуда покажутся ему превыше, законнѣе всѣхъ цѣлей человѣчества — это естественно; что такіе скачки и порывы могутъ быть истинной поэзіей, хотя и не имѣютъ ничего общаго съ общественною пользою,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что польза совсѣмъ не составляетъ существа поэзіи. Требовать неотлучной службы поэта обществу нельзя, какъ нельзя обратить всѣ средства нашего общества на благотворительныя цѣли: часть ихъ непремѣнно пройдетъ на вино. Но провозглашать совершенное отчужденіе искусства отъ судьбы человѣчества, значитъ кастрировать искусство, осуждать его на безплодность.

Романтизмъ, въ конечномъ результатѣ, пришелъ къ нелѣпости и сталъ вреденъ; отрицая реальность, онъ выродился въ положительную нелѣпость; отрицая служеніе человѣчеству, отворачиваясь отъ будущности, онъ заглохъ въ прошедшемъ, влюбился въ красивѣйшіе изъ своихъ образовъ, и наконецъ, изъ рыцарскаго, изъ христіанскаго, сталъ слугою нѣмецкой аристократіи, опиравшейся на полицію и слугою современнаго піэтизма, опирающагося на цензуру.

Чтобы показать собственно нелѣпость, до какой дошелъ романтизмъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать у Штродтманна одну цитату изъ романа Лёбена, Guido: «Шире и шире становился кругъ и перевивалась пляска. Вверху, въ воздухѣ плясали орелъ съ фениксомъ, нарциссъ съ гіацинтомъ; они непрестанно описывали круги около солнца, осѣнявшаго главу короля. И вотъ, планеты обнялись другъ съ дружкой и устремились вокругъ новаго солнца, звѣзды обнялись и зашумѣли вокругъ безконечности, млечные пути восплясали съ млечными путями и вѣчности схватились съ вѣчностями, и все быстрѣе и быстрѣе мелькали они, одни за другими, подымались приливомъ и били вверхъ, и разсыпались за новой юностью, назадъ, въ таявшее время, и міровое радостно восклицало огнен-

ными искрами, и вальсы летѣли вокругъ Бога». Это восклицающее «міровое» можно бы принять за образецъ пародіи; между тѣмъ, все это написано совершенно серьёзно и наивно, въ заключеніе названнаго выше романа.

Вредность направленія романтизма высказалась вполнѣ, когда по пути, приготовленному Фридрихомъ Шлегелемъ и другими представителями романтизма, пошелъ Галлеръ съ его «возстановленіемъ государственныхъ наукъ» въ духѣ абсолютизма, сословности и піэтизма.

Гейне былъ воспитанъ романтизмомъ, и первая часть его творчества можетъ быть рѣшительно отнесена къ романтизму; таковы и нѣкоторые литературные пріемы его, напр., склонность къ архаизмамъ языка; сверхъ того, по самому своему характеру онъ долженъ былъ чаще чѣмъ какой-либо поэтъ, сбрасывать съ себя иго долга и впадать въ безцѣльную фантастичность; но цѣли онъ не упускалъ изъ виду и никогда не противорѣчилъ ей, такъ что романтикомъ и чистымъ эстетикомъ онъ не былъ. Напротивъ, онъ безпощадно преслѣдовалъ то вредное направленіе, какое принялъ романтизмъ и сарказмы его впивались именно въ враговъ развитія или въ глупцовъ, искажавшихъ и опошлявшихъ идею свободы.

Въ Гёттингенѣ Гейне не засталъ уже настоящаго періода славы этого университета. Великаго Шлёцера — этого историка-публициста, который первый сказалъ: «гласность, это пульсъ свободы», про котораго сама Марія-Терезія говорила въ своемъ совѣтѣ: «а что̀ скажетъ объ этомъ Шлёцеръ?» — уже не было; не было и его духа. Въ Гёттингенѣ процвѣтали точныя науки, представляемыя Гауссомъ, Штромейеромъ, Лангенбекомъ, но въ философіи этотъ университетъ отставалъ. Филологическій факультетъ имѣлъ только двухъ такихъ профессоровъ, которые старались о сближеніи науки съ жизнью: Іоганна-Готфрида Эйхгорна и Сарторіуса. Послѣдній, въ 1820 году, уже въ разгарѣ лекцій, напечаталъ брошюру, въ которой требовалъ исполненія параграфа 13-го союзнаго акта, обѣщавшаго конституцію, и доказывалъ необходимость свободы печати. Гейне пользовался расположеніемъ этого человѣка и вспоминалъ о немъ всегда съ почтеніемъ.

Вообще же въ Гёттингенѣ преобладала въ то время та ученость, которая «споритъ о точкѣ надъ *i*» и «разсѣкаетъ волосъ на десять частей». Студентовъ было болѣе 1,000, и въ ихъ средѣ дворяне держали себя строго въ сторонѣ отъ другихъ сословій: отсюда, между прочимъ, нескончаемыя дуэли. Все это не могло нравиться Генриху Гейне и не могло не вызвать въ немъ враждебнаго чувства. Объ обычаяхъ студентовъ онъ говоритъ, что

они еще не далеко ушли отъ временъ «переселенія народовъ». Регламентъ корпорацій онъ прямо причисляетъ къ leges barbarorum, а объ ученомъ значеніи университета говоритъ (Harzreise): «Гёттингенъ слыветъ за германскую Болонью, но между ними уже та разница, что въ Болоньѣ находятся самыя маленькія собачки и самые большіе ученые, а въ Гёттингенѣ именно самые мелкіе ученые и самыя крупныя собаки».

Юриспруденціею Гейне мало занимался и въ Гёттингенѣ, хотя и отправился туда собственно «чтобы долбить», а слушалъ болѣе литературу и исторію. Выходъ Гейне изъ Гёттингена ознаменовался случаемъ, который характеризуетъ тогдашніе нравы германскихъ университетовъ. Студентъ Вибель за общимъ столомъ заявилъ недовѣріе къ одному случаю, разсказанному Гейне, и сдѣлалъ ему грубое замѣчаніе. Гейне, какъ ни далекъ онъ былъ отъ подобныхъ дѣлъ, долженъ былъ вызвать его. Проректоръ узналъ объ исторіи, призвалъ къ себѣ обѣ стороны и добился того, что Вибель обѣщалъ взять назадъ, за столомъ же, свое замѣчаніе. Но за столомъ онъ сказалъ только, что «проректоръ склонилъ его взять назадъ свои слова»; примиреніе не состоялось, начальство должно было снова призвать ихъ и заставить Вибеля извиниться хорошенько. Но и этимъ дѣло не кончилось. Впослѣдствіи возникло сомнѣніе, какъ слѣдуетъ смотрѣть на несбывшуюся дуэль: какъ на устраненный примиреніемъ споръ или какъ на несостоявшійся вслѣдствіе вмѣшательства университетскаго суда? Съ этимъ вопросомъ стороны обратились къ королевско-ганноверскому университетскому попечительству, съ просьбою о «достовѣрномъ» его разъясненіи. Попечительство дало отвѣтъ, что дуэль слѣдуетъ въ дѣйствительности разсматривать, какъ не состоявшуюся только вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Само собою разумѣется, что это поставило дѣло въ прежнее положеніе, и, вслѣдствіе того, начальство подвергло Вибеля слѣдствію, а Гейне дало consilium abeundi на полгода.

Онъ выпросилъ себѣ позволеніе пробыть въ Гёттингенѣ еще нѣсколько дней, а пробылъ нѣсколько недѣль, ожидая отвѣта отъ родителей, которымъ описалъ эту исторію, съ просьбою указать, гдѣ они желаютъ, чтобы онъ продолжалъ курсъ. Въ отвѣтѣ былъ указанъ Берлинъ, куда онъ и отправился.

III.

Въ Берлинѣ въ то время процвѣтала реакція и романтизмъ. Студенческія корпораціи вскорѣ послѣ прибытія Гейне были закрыты, около тридцати человѣкъ было исключено за участіе въ недозволенныхъ обществахъ, а изъ 70-ти поляковъ, которые тамъ находились, многихъ посадили въ тюрьму по одному подозрѣнію, такъ что они всѣ, за исключеніемъ шести, поспѣшно разъѣхались; всѣ періодическія изданія и книги строго цензуровались; цензора требовали даже, чтобы авторы сами сшивали раны, наносимыя ихъ сочиненіямъ цензурою, такъ чтобы не было замѣтно «слѣдовъ краснаго карандаша», какъ говоритъ Штродтманнъ. За то и авторы боролись съ цензурою мелкими уловками. Редакторъ одной газеты, особенно много страдавшей отъ цензуры, восполнилъ однажды всѣ тѣ мѣста, по которымъ прошелся грозный карандашъ—старымъ анекдотомъ, давно пропущеннымъ цензурою, такъ что нѣсколько разъ повторялся все тотъ же анекдотъ. Интересно сравненіе, какое дѣлалъ Гейне между тогдашнимъ положеніемъ печати и общества въ Пруссіи и въ другихъ странахъ: «Часто, прочитавъ Morning-Chronicle и усмотрѣвъ въ каждой его строкѣ англійскій народъ, съ его національною жизнью, съ его скачками, боксами, пѣтушьими боями, его ассизами, и парламентскими преніями и т. д., я беру въ руки какую-нибудь нѣмецкую газету, ищу въ ней моменты народной жизни и не нахожу ничего, кромѣ литературной и театральной сплетни! Да ничего иного и ожидать нельзя. Когда въ народѣ общественная жизнь подавлена, онъ все-таки ищетъ себѣ предметовъ для общественнаго обсужденія и находитъ ихъ въ своихъ писателяхъ и своихъ комедіантахъ.... Вмѣсто пѣтушьихъ боевъ у нихъ есть газеты, въ которыхъ бѣдняки, кормимые съ этой цѣлью, рвутъ другъ на другѣ доброе имя, а филистеръ кричитъ, въ восторгѣ: «вотъ этотъ — молодецъ! Каково этому натрепали гребень-то! Пусть-ка у этого молодого пѣтушка подростутъ перья; надо его окуражить» и т. п. У насъ есть и свои гласные уголовные суды; это саксонскія литературныя газетки, печатаемыя на оберточной бумагѣ; тамъ каждый глупецъ судится судомъ себѣ равныхъ, по правиламъ кодекса, основаннаго на теоріи устрашенія, и наказующаго за каждую книгу какъ за преступленіе. Если авторъ сколько-нибудь уменъ, то это служитъ отягощающимъ обстоятельствомъ; если же онъ можетъ доказать въ свою пользу *alibi* ума, то кара облегчается. У насъ есть даже въ нѣкоторомъ родѣ парламентскія пренія, я разумѣю — театральныя кри-

тики; такъ и самая наша сцена можетъ справедливо быть названа «низкою палатой» [1]) отъ многихъ низостей, тамъ процвѣтающихъ; въ числѣ ихъ—взятыя съ французскаго театра пошлости, которыя публика потребляетъ съ удовольствіемъ, даже послѣ какой-нибудь комедіи Раупаха, подобно мухѣ, которая, если ее согнать съ горшка меду, тотчасъ садится съ наилучшимъ аппетитомъ къ плевку и заканчиваетъ имъ свой обѣдъ. Трагедія—наша верхняя палата—обнаруживаетъ болѣе блеска. Я разумѣю это относительно кулисъ, декорацій и костюмовъ. Но вѣдь и въ этомъ есть предѣлъ. Въ театрѣ римлянъ слоны плясали на канатахъ и совершали прыжки; далѣе же этого человѣкъ дойти не могъ, и римская имперія пала, а при этомъ случаѣ палъ и римскій театръ».

Съ этими чертами и мы нѣсколько-фамиліярны, частью по прошлому, частью и по настоящему.

Искусство процвѣтало въ Германіи и ему воздавался усердный культъ, искусство отвлеченное отъ жизни, безобидное, романтическое, томившееся въ мечтахъ или въ страданіяхъ и стремленіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго со страданіями и стремленіями народа. Даже въ сатирическихъ своихъ драмахъ, романтики избирали предметомъ сатиры самую сцену, а не жизнь. «У насъ—говоритъ Гейне въ другомъ мѣстѣ—вовсе нѣтъ разсуждающихъ политическихъ газетъ, за то есть неисчислимое множество эстетическихъ листковъ, которые содержатъ только праздныя сказки и театральныя рецензіи, такъ что можно подумать, будто весь германскій народъ состоитъ исключительно изъ болтливыхъ нянекъ да театральныхъ рецензентовъ».

Власти, конечно, благопріятствовали «чистому служенію искусству». И это чистое служеніе обращалось въ «серьёзное дѣло». Въ своемъ «Путешествіи по Гарцу», Гейне смѣется надъ необыкновенной заботливостью и тщаніемъ, съ какимъ придворный интендантъ графъ Брюль распоряжался театральною костюмировкою. «Интендантство всего больше заботится о цвѣтѣ бороды, съ какою играется роль, о вѣрности костюмовъ, которыхъ рисунки дѣлаются присяжными историками и которые шьются научно-образованными портными. И это—необходимо. Ибо, если бы Марія Стюартъ надѣла передникъ, относящійся ко временамъ королевы Анны, то банкиръ Христіанъ Гумпель вполнѣ основательно сталъ бы жаловаться, что это лишаетъ его всякой иллюзіи; если-бы лордъ Борлей, по случаю, надѣлъ штаны Генриха IV, то, безъ сомнѣнія, военная совѣтница фонъ-Штейнцонде, урожд. Ли-

[1]) Haus der Gemeinen — «палата общинъ» или «домъ пошляковъ».

ліентау, не упустила бы этого анахронизма изъ глазъ впродолженіи всего вечера».

Среди этой «жизни искусствомъ» или этой искусственной жизни, наиболѣе популярнымъ и несомнѣнно преобладающимъ писателемъ былъ фантастикъ Гоффманъ. Тикъ не пользовался въ Берлинѣ особеннымъ сочувствіемъ; Ламоттъ-Фукѐ читался преимущественно въ аристократическихъ кружкахъ (особенная «аристократическая» литература — явленіе намъ также знакомое). Громаднымъ успѣхомъ пользовались романы Вальтеръ-Скотта. Надо всѣмъ господствовала музыка, «самое романтическое изъ всѣхъ искусствъ», какъ справедливо замѣчаетъ Штродтманнъ. Въ музыкальномъ мірѣ въ то время были двѣ партіи: спонтинисты и веберовцы. «Фрейшюцъ» Вебера недавно былъ поставленъ и положительно осилилъ все мышленіе добрыхъ берлинцевъ, такъ что Гейне, въ своихъ письмахъ изъ Берлина, съ комическимъ отчаяніемъ жалуется на вѣчно и вездѣ преслѣдующее его напѣваніе мотивовъ изъ новой оперы. Особенно тиранически господствовалъ Jungfern-kranz (свадебный хоръ). Спонтини былъ, какъ то въ природѣ вещей, любимецъ двора и аристократіи, Веберъ имѣлъ сильнѣйшую партію въ народѣ; само собою разумѣется, что въ дѣлѣ Вебера видѣли нѣчто какъ будто политически-прогрессивное, такъ какъ Спонтини пользовался несправедливымъ оффиціальнымъ предпочтеніемъ. Спонтини, пользуясь своимъ положеніемъ, не допустилъ ангажемента Вебера при королевской оперѣ.

Въ книгѣ Штродтманна дано слишкомъ много мѣста описанію берлинской жизни, берлинскихъ театровъ, баловъ, аристократическихъ и артистическихъ кружковъ того времени. Для самихъ нѣмцевъ вообще картина эта, какъ бы представляющая время, которое миновалось, но главныя черты котораго памятны, — не представляетъ интереса; она можетъ интересовать развѣ спеціально берлинцевъ. Мы пропустимъ нѣкоторыя подробности, относящіяся даже къ самому Гейне, потому что это завлекло бы насъ въ изложеніе разныхъ неинтересныхъ мѣстныхъ фактовъ.

Гейне, записавшись въ берлинскій университетъ весною 1821 года, началъ жить въ прусской столицѣ уже не прежнею студенческою, а собственною и даже свѣтскою жизнью. Отъ студенческихъ кружковъ онъ, наконецъ, совершенно удалился вслѣдствіе одной дуэли, которой не могъ избѣгнуть, не смотря на свое отвращеніе отъ ребяческихъ обрядностей буршества. Въ свѣтѣ онъ познакомился съ барономъ Фарнгагеномъ фонъ-Энзе, просвѣщеннымъ дипломатомъ, котораго жена, Рахиль Левинъ, была другомъ Гёте и имѣла въ Берлинѣ «салонъ» въ томъ смы-

слѣ, какой имѣло это слово нѣкогда въ Парижѣ. Вокругъ нея собирались и съ нею переписывались и корифеи романтической школы: Фридрихъ Шлегель, Лудвигъ Тикъ, Ламоттъ-Фуке и др.

Салонъ Рахили Левинъ сдѣлался для Гейне какъ бы вторымъ домомъ, болѣе привлекательнымъ чѣмъ его одинокая квартира уже потому, что у Рахили онъ встрѣтилъ сочувствіе къ своему любовному горю: Рахиль умѣла касаться нѣжною рукою этой раны и успокоивать раздраженный, озлобленный умъ поэта. Гейне казалось, что она одна умѣетъ понимать его. Въ одномъ письмѣ къ Фарнгагену, онъ говоритъ объ этомъ: «Когда я читалъ ея письмо, мнѣ казалось, какъ будто я во снѣ сталъ передъ зеркаломъ и разговаривалъ самъ съ собою, при чемъ нѣсколько хвастался.... Г-жѣ Фарнгагенъ мнѣ нечего писать: она знаетъ все то, что̀ я могъ бы сказать ей, знаетъ, что̀ я чувствую, знаетъ даже то, что̀ я думаю и чего не думаю»... Онъ любилъ находить сходство между своими взглядами, вкусами, даже почеркомъ и тѣмъ же у Рахили Левинъ.

Ей онъ посвятилъ свой сборникъ пѣсенъ: «Heimkehr», и писалъ въ то время Фарнгагену, что посвященіемъ этимъ онъ хотѣлъ выразить, что онъ принадлежитъ ей: «пусть на моемъ ошейникѣ стоитъ: j'appartiens à Madame Varnhagen». Онъ сохранилъ глубокую благодарность къ ней за тотъ дружескій привѣтъ и ту умно-нѣжную заботливость, которыя считалъ благодѣяніемъ для себя. И дѣйствительно, такой человѣкъ, какъ Гейне, долженъ былъ высоко цѣнить благодѣяніе, имъ принятое, потому именно, что не многія благодѣянія онъ могъ принять; чтобы благотворно подѣйствовать на эту больную душу и на этотъ умъ, не терпѣвшій никакого условнаго ограниченія, ненавидѣвшій самое покушеніе на себя, надо было стоять на его высотѣ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть тотъ тонкій тактъ, тотъ, если можно такъ выразиться—умъ сердца, которымъ отличался самъ Гейне.

Онъ не забылъ своихъ берлинскихъ друзей и тогда, когда жилъ далеко отъ нихъ, въ Парижѣ, и находился на вершинѣ славы: «Сознаніе вашего и вашей жены участія во мнѣ—писалъ онъ въ то время Фарнгагену—нужно мнѣ и теперь столько же, какъ при началѣ моей карьеры, потому что теперь я также одинокъ въ свѣтѣ какъ и тогда. Только враговъ у меня теперь больше, что̀ хотя и есть всегда утѣшеніе, но недостаточное».

Рахиль и ея мужъ были страстные почитатели Гёте. Извѣстно, что Гёте пользовался въ Германіи, при жизни, настоящимъ культомъ. Жрецами этого культа были ближайшіе друзья и ученики Гёте. Рахиль завербовала и Гейне въ сонмъ почитателей его, отчасти на томъ основаніи, что замѣчала сходство между

нѣкоторыми сторонами поэтическаго характера обоихъ. Повидимому, что̀ можетъ представлять менѣе сходства, какъ сопоставленіе неудержимаго, пылкаго, всегда и со всѣмъ воюющаго Гейне со спокойно величавымъ, ученымъ и поэтомъ, поэтомъ и министромъ — Гёте? Одинъ доходилъ до крайности *всегда*, другой никогда. У одного диссонансъ былъ преобладающимъ тономъ, у другого величіе заключалось въ полной гармоніи. Но мы должны однакоже признать среди этого, повидимому, рѣзкаго несходства нѣкоторыя родственныя черты, очень важныя потому именно, что онѣ относятся къ направленію.

И во-первыхъ,—Гейне былъ «языческій поэтъ», какъ и Гёте. Онъ ставилъ свое вдохновеніе и чувства, возбуждаемыя въ немъ внѣшнею природою и собственною жизнью, выше всякихъ духовныхъ традицій и воззрѣній. А когда Гейне, не терпя рабства, питая отвращеніе къ «школамъ», сталъ искать освѣженія отъ романтической субъективности и туманности въ реальной поэзіи природы, и отъ эксцентричности — въ классическихъ образцахъ (на него находили и такія минуты), наконецъ, въ то время, когда онъ въ душѣ былъ пантеистомъ, — то всѣмъ этимъ онъ приближался къ Гёте. Сверхъ того, его роднила mit dem grossen Heiden, та законченность и выработанность формы, которою они отличались оба. У Гёте эта законченность была внѣшнимъ проявленіемъ той гармоніи, духомъ которой проникнуто его творчество; у Гейне совершенство формы составляло блестящій контрастъ необузданности фантазіи и увеличивало эффектъ противорѣчіемъ красоты отрицанію, насмѣшки — любовному увлеченію.

Нѣтъ сомнѣнія, что внѣ этихъ родственныхъ чертъ, трудно найти болѣе различные типы, чѣмъ Гёте и Гейне, и по пріемамъ, и по намѣренію творчества, не говоря уже о жизни. Гёте никогда не сходилъ съ Олимпа, не вмѣшивался въ великую, но уличную борьбу. Гейне посвятилъ себя именно ей. Но на него— какъ то едва-ли не будетъ со всякимъ сильнымъ талантомъ, сколько бы онъ ни былъ преданъ служенію человѣчеству — даже и тогда, когда онъ отрицалъ романтическую распущенность и безцѣльность, приходили минуты, въ которыя онъ отворачивался отъ всякаго утилитаризма, не хотѣлъ знать ни человѣчества, ни его цѣлей, почти ненавидѣлъ ихъ, готовъ былъ считать ихъ низкими, и снова весь погружался въ самого себя, увлекался только лепетомъ своей собственной мечты, плакалъ только надъ своими личными страданіями....

Свою постоянную, серьёзную цѣль Гейне такъ характеризовалъ въ письмѣ къ Иммерману, заключая съ нимъ союзъ для взаимнаго содѣйствія въ работѣ: «Бой съ стародавнею неправ-

дою, съ господствующею глупостью и со зломъ! Хотите имѣть меня товарищемъ въ этой священной борьбѣ, — я съ радостію подаю вамъ руку. *Вѣдь сама поэзія, въ сущности—только прекрасное, но побочное дѣло»*. Мы не можемъ не возвращаться такъ часто къ этому серьёзному направленію Гейне, къ сознательности его въ борьбѣ со зломъ, потому именно, что особенно теперь въ Германіи обнаруживается стремленіе отрицать у Гейне серьёзность, считать его только ученикомъ романтизма и эгоистическимъ пѣвцомъ собственныхъ чувствъ, приписывать даже безспорно-практическія его нападенія на «темныя силы» однимъ капризамъ раздраженнаго характера.

Но иногда, повторяемъ, геній Гейне, даже въ позднѣйшемъ періодѣ своего развитія, положительно отрѣшался отъ призванія къ борьбѣ и удалялся въ безусловныя, фантастическія сферы или сосредоточивался надъ собственной его личностью, или погружался въ бесѣду съ природою. Вотъ въ эти минуты, онъ приближался къ характеру Гёте, котораго, въ обыкновенномъ серьёзномъ своемъ настроеніи, онъ осуждалъ именно за равнодушіе къ судьбамъ человѣчества и безучастность къ борьбѣ.

Это осужденіе онъ, не стѣсняясь, развилъ еще въ Берлинѣ, въ салонѣ Фарнгагеновъ, то-есть въ самомъ храмѣ гётевскаго культа, тамъ, гдѣ господствовало слѣпое обожаніе съ земными поклонами славному лирику, тамъ, гдѣ тайный совѣтникъ Шульцъ декламировалъ, въ годовщину дня рожденія божества, стихи, въ которыхъ выражалъ сожалѣніе, что ему не посчастливилось быть той рыбой, которую подаютъ зажаренную на столъ Гёте.

Но почитателемъ Гёте молодой Гейне все-таки былъ; только не безусловнымъ. Гёте, съ своей стороны, не былъ расположенъ къ молодому поэту. И это понятно. То, что въ Гёте было несходнаго съ Гейне, аристократичность его искусства, его пренебреженіе къ современности—могло только отталкивать Гейне; но то, что въ Гейне было несходнаго съ Гёте, имѣло такой характеръ, который долженъ былъ возмущать Гёте. Сверхъ того, себялюбивому старцу, окруженному густыми облаками ѳиміама, могла казаться какъ бы дерзкою и самая оригинальность, какую смѣлъ имѣть Гейне. Однажды, когда Гёте неблагосклонно отозвался о Гейне, Фарнгагенъ поспѣшилъ писать молодому поэту, чтобы предупредить какое-либо враждебное заявленіе съ его стороны, какую-нибудь выходку, которая бы глубоко оскорбила его берлинскихъ друзей. «Что это вамъ пришло въ мысль»!—отвѣчалъ Гейне. «Чтобы я, я—сталъ писать противъ Гёте! Еслибы звѣзды небесныя стали мнѣ врагами, развѣ я могъ бы за это объявить ихъ болотными огоньками? Вѣдь ничто мнѣ не про-

тивно до такой степени, какъ именно проявляющіеся нынѣ, противоположные гётевскому образу мыслей нѣмецкая національная узкость и жалкій піэтизмъ. Вотъ почему, я все-таки остаюсь при великомъ язычникѣ, quand même, а если и принадлежу къ недовольнымъ, то никогда не перейду къ мятежникамъ». Разъ, въ 1823 году, Гейне, по просьбѣ Фарнгагена, написалъ даже большую статью для сборника, который печатался въ честь Гёте, ко дню его рожденія, и въ этой статьѣ именно развилъ тотъ контрастъ между его міросозерцаніемъ и піэтизмомъ, воцарившимся въ Пруссіи, о которомъ сейчасъ упомянуто. Но статья эта въ сборникъ не вошла подъ тѣмъ предлогомъ, будто она была доставлена слишкомъ поздно; а въ самомъ дѣлѣ просто потому, что обожатели Гёте сочли нескромнымъ втягивать даже его имя «въ современныя дрязги», то-есть въ серьёзное дѣло борьбы съ тупоуміемъ и нетерпимостью. Самъ Гейне хорошо понялъ это, и насмѣшливо писалъ объ этомъ фактѣ къ одному изъ своихъ друзей, Мозеру: «Право, мои сочиненія всегда выходятъ плохи, какъ только я вложу въ нихъ разумную мысль».

Другой берлинскій литературный салонъ, въ которомъ бывалъ Гейне, былъ въ домѣ женщины-поэта, Элизы фонъ-Гогенгаузенъ. Рахиль Левинъ предсѣдательствовала и здѣсь; здѣсь сходились поэтъ Шамиссо, юристъ Гансъ, самъ Фарнгагенъ и разные великосвѣтскіе литераторы. Украшеніемъ этого салона была невѣстка Рахили, Фридерика Робертъ, «красивѣйшая изъ женщинъ». Здѣсь Гейне читалъ свои несчастныя трагедіи: «Ратклиффа» и «Альманзора» и «Лирическое интермеццо», съ которымъ онъ впослѣдствіи напечаталъ ихъ. Сама хозяйка признавала въ Гейне замѣчательнаго поэта—чинъ этотъ еще оспаривался у него въ то время—и находила въ его поэзіи сходство съ байроновскою. Гейне за это и къ ней сохранилъ глубокую благодарность.

Вотъ портретъ Гейне, какимъ онъ былъ въ то время, при началѣ своей извѣстности, начертанный дочерью г-жи Гогенгаузенъ: «Гейне былъ небольшого роста, тщедушный, безбородый, блѣдный блондинъ, безъ всякой особенно выдающейся черты въ лицѣ, но съ такой оригинальной физіономіею, что обращалъ на себя тотчасъ вниманіе и не легко могъ быть забытъ. Внѣшній характеръ его въ то время былъ еще мягкій, жало сарказма еще не выработалось, то жало, которое впослѣдствіи было какъ бы шипомъ на розѣ его поэзіи; онъ былъ скорѣе самъ впечатлителенъ къ насмѣшкѣ, чѣмъ расположенъ насмѣхаться надъ другими».

Вотъ какъ дополняетъ это изображеніе одинъ изъ родствен-

никовъ Гейне, Германъ Шиффъ, посѣщавшій въ то время вмѣстѣ съ нимъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ (Шиффъ написалъ, по просьбѣ Штродтманна, свои воспоминанія о Гейне, часть которыхъ еще не издана и находится въ рукахъ Штродтманна): «Фигура Гейне не имѣла ничего внушительнаго; онъ былъ блѣденъ и слабъ, и взглядъ его былъ усталый. Онъ часто жмурился, какъ дѣлаютъ близорукіе; когда онъ это дѣлалъ, то между глазами и высокими скулами у него образовывались тѣ морщинки, которыя указывали на польско-еврейское происхожденіе. Во всемъ остальномъ еврей не былъ въ немъ замѣтенъ. Волосы его были «скромнаго» цвѣта, и носилъ онъ ихъ гладко-причесанными. Онъ любилъ показывать свои бѣлыя руки. Держался онъ съ тихою важностью, какъ будто скрывалъ свое достоинство передъ другими подъ инкогнито. Рѣдко онъ обнаруживалъ живость. Въ дамскомъ обществѣ я никогда не слышалъ, чтобъ онъ говорилъ комплименты. Говорилъ онъ тихо, монотонно и медленно, какъ бы желая придать значеніе каждому слову. Когда ему случалось бросить острое или блестящее слово, то губы его слагались въ неописанную, какую-то четыреугольную улыбку».

Кромѣ салоновъ, Гейне въ Берлинѣ являлся и въ тѣхъ артистическихъ кружкахъ, которые собирались въ кофейняхъ. Здѣсь процвѣтала буйная «геніальность», среди оргій и грубости нравовъ. Представителями этого, много о себѣ мнящаго, но тѣмъ не менѣе обращающагося къ вину за подкрѣпительнымъ вдохновеніемъ, цыганства были въ Берлинѣ того времени драматургъ Граббе и знаменитый актеръ Людвигъ Девріентъ. Въ этомъ кружкѣ вращался также, болѣе чѣмъ то было для него здорово, талантливый фантастъ Гоффманъ. Граббе однажды оскорбилъ Гейне одною изъ непростительныхъ выходокъ своей грубой натуры и до конца своей жизни не могъ утѣшиться, что Гейне презрѣлъ оскорбленіе со стороны такого человѣка. «Ему слѣдовало умертвить меня!» — увѣрялъ онъ.

Въ жизнь этого кружка Гейне былъ увлеченъ временно очень важнымъ для него лично обстоятельствомъ. Весною 1821 года онъ узналъ, что любимая имъ дѣвушка вышла замужъ. Она вышла замужъ за человѣка богатаго, но Гейне думалъ, что она сдѣлала это только по настоянію своихъ родственниковъ, враждебныхъ поэту. Изливая свое горе то въ глубоко-меланхолическихъ, то въ пропитанныхъ эпиграммою стихахъ, Гейне любилъ представлять себѣ свое несчастіе плодомъ недоразумѣнія и разлуку свою съ возлюбленною — дѣломъ «злыхъ людей». «Много они тебѣ насказали, много нажаловались на меня; но того, что мучило мою душу—они не сказали. Они съ важностью и съ со-

болѣзнованіемъ покачивали надо мною головами, они называли меня злымъ и ты всему повѣрила»...

.....«И тамъ сидѣли мы безмолвны и унылы,
Смотрѣли другъ на друга, и грустнѣе
Все становилось намъ... Высокій дубъ шумѣлъ,
Въ немъ слышался какъ будто вздохъ предсмертный...
Съ глубокой грустію пѣлъ съ вѣтки соловей...
Но красный огонекъ вдругъ пробѣжалъ межъ листьевъ
И освѣтилъ Маріи блѣдный образъ,
Изъ глазъ тупыхъ онъ вызвалъ дикій пламень,
И, прежнимъ, сладкимъ голосомъ, она
Сказала мнѣ: «Какъ ты узналъ, что я
Страдаю такъ? Недавно это
Въ твоихъ я дикихъ пѣсняхъ прочитала»...
Грудь холодъ ледяной сдавилъ мнѣ... Ужаснулся
Я своего безумья, что прозрѣло
Въ грядущее, — и содрогнулся мозгъ,
И въ ужасѣ, я пробудился [1]).

Онъ любилъ ласкать себя иллюзіями, думать, что и она не можетъ быть счастлива безъ него. Между тѣмъ, ничто не подаетъ повода предполагать это. Приведенные стихи заимствованы изъ пьесы «Сонъ Ратклиффа», написанной въ 1823 году. Штродтманнъ, въ прибавленіяхъ къ своей книгѣ, помѣстилъ пошлѣйшую пародію на эту пьесу, пародію, въ которой нѣтъ ни капли остроумія и которой авторъ (баронъ Шиллингъ) съ мѣшковатостью и наивностью, свойственными только инымъ изъ его единоплеменниковъ, оспаривалъ самую дѣйствительность горя Гейне, утверждая, что «горе, однажды разсказанное, уже не чувствуется». Филистеры, которыхъ много въ образованныхъ сословіяхъ всѣхъ странъ, вообще нерѣдко относились съ недовѣріемъ къ страданіямъ поэта. Теперь, когда напечатана переписка Гейне съ друзьями и воспоминанія о немъ разныхъ лицъ, когда критикѣ предлежитъ такая масса біографическаго матеріала о немъ, что можно слѣдить въ его творчествѣ шагъ за шагомъ за его жизнью,—обнаруживается документальнымъ образомъ фактъ, что у Гейне нѣтъ ни одной строчки, которая бы не была прочувствована, не истекала бы изъ его жизни, не была бы рефлексомъ столкновенія его чувства или его мысли, съ реальнымъ фактомъ или дѣйствительно пережитой имъ мыслью. Когда онъ, напримѣръ, жалуется, что его вѣчно мучили и тѣ кто ненавидѣлъ, и тѣ кто любилъ его, то филистеръ можетъ усомниться въ истинности послѣдняго: съ какой-де стати привязанность

[1]) Переводъ П. И. Вейнберга.

могла быть мучительною! Но стоитъ только познакомиться съ отношеніями Генриха Гейне къ попечительному его дядѣ, банкиру Соломону Гейне, который давалъ ему деньги на ученье, но выговоровъ и нравоученій давалъ еще больше чѣмъ денегъ, чтобы понять реальное значеніе и этой фразы. Точно такъ и всѣ скачки и противорѣчія, встрѣчающіеся въ поэзіи Гейне, вошли туда прямо изъ его жизни.

Отъ печали, усиленной тѣмъ извѣстіемъ, о которомъ мы упомянули, Гейне искалъ разсѣянія въ дикомъ и распущенномъ обществѣ нѣкоторыхъ литераторовъ. Но онъ не нашелъ тамъ ни утѣшенія, ни даже разсѣянія и скоро бросилъ это общество. Нѣкоторое утѣшеніе доставила ему поэзія, а разсѣяніе, вѣрнѣе чѣмъ кутежъ, доставила ему работа. Онъ сталъ усерднѣе заниматься университетскими курсами и даже юриспруденціею, къ которой далеко не былъ расположенъ. Въ это время приватъ-доцентъ Эдуардъ Гансъ привлекъ его къ ней своими попытками философской обработки законовѣдѣнія на началахъ гегелевой системы. Берлинскій университетъ былъ основанъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, послѣ тильзитскаго мира, по проекту Вильгельма Гумбольдта, чтобы вознаградить потерю для прусскаго государства университета въ Галле, такъ какъ этотъ городъ остался въ рукахъ французовъ. Берлинскому университету дано было практическое направленіе въ томъ смыслѣ, что учредитель предназначилъ его именно для возбужденія въ юношествѣ патріотическихъ стремленій и для преобразованія самого государства наукою. Фихте и Шлейермахеръ своими пламенными рѣчами исполняли мысль короля.

Такое серьёзное, практическое назначеніе берлинскаго университета съ самаго начала дало его студенчеству нравы и обычаи болѣе солидные, чѣмъ тѣ, которыми славились корпораціи другихъ университетовъ Германіи. Фихте и Шлейермахеръ лично употребляли всѣ усилія, чтобы искоренить корпораціи и преобразовать духъ студенчества. Это направленіе осталось въ берлинскомъ университетѣ и въ позднѣйшее время, и духъ студенческой исключительности, студенческаго молодечества исчезъ именно въ берлинскомъ университетѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, этотъ университетъ соединялъ въ себѣ много преподавательскихъ силъ, и силы эти, въ противоположность тогдашнему вырожденію Гёттингена, направлялись преимущественно къ сближенію науки съ жизнью, и къ изгнанію изъ самой науки безплоднаго «разсѣканія волоса на двое». Филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ, историкъ Нибуръ, юристъ и историкъ Савиньи, юристъ Карлъ Эйхгорнъ, медицинскіе профессора Гуфеландъ и

Грефе—вотъ имена первостепенныхъ, европейскихъ ученыхъ, которые, вмѣстѣ съ Фихте и Шлейермахеромъ, украшали берлинскій университетъ въ первый періодъ его существованія.

Въ то время, какъ его посѣщалъ Генрихъ Гейне, въ этомъ университетѣ царствовалъ Гегель, но неовавшій каѳедру Фихте. Гейне подвергся вліянію Гегеля, наслѣд сдѣлался его рабомъ, какъ не сдѣлался рабомъ и другихъ дѣйствовавшихъ на него, поочередно, вліяній. Онъ, можно сказать, «прошелъ» черезъ школу Гегеля, точно такъ, какъ прежде чрезъ школу Шлегеля и чрезъ школу Гёте. Всѣ эти направленія въ ихъ исключительности и притязательности на безусловную, конечную истинность, онъ могъ впослѣдствіи отрицать; но онъ и отрицалъ ихъ именно только какъ системы, стѣснявшія его свободу, а не какъ элементы своего развитія. Онъ смѣялся надъ профессоромъ, который своимъ колпакомъ и халатомъ хочетъ заткнуть «пробѣлы мірозданія», но всегда признавалъ вліяніе пройденныхъ имъ школъ на его развитіе.

Что вліяніе Гегеля не подчинило его себѣ окончательно, а между тѣмъ, заставило сдѣлать его мышленіе шагъ впередъ,—въ томъ и другомъ насъ убѣждаютъ признанія самого поэта. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ Мозеру онъ говоритъ: «Я вообще никогда не ощущалъ особеннаго восторга къ этой философіи, а объ убѣжденіи по отношенію къ ней не могло быть и рѣчи. Я никогда не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ и принялъ синтезисъ гегелева ученія безъ разбора потому, что выводы его льстили моему тщеславію. Я былъ молодъ и гордъ, и моему высокомѣрію льстило то, что̀ я услышалъ отъ Гегеля, именно, что Богъ не живетъ на небесахъ, какъ думала моя бабушка, а что я самъ—Богъ, здѣсь, на землѣ. Эта безумная гордость не произвела никакого вреднаго дѣйствія на мои чувства, напротивъ, возвысила ихъ до геройства; и я въ то время дѣлалъ такой расходъ великодушія и самопожертвованія, что навѣрное затемнялъ самые блестящіе подвиги тѣхъ добродушныхъ простачковъ добродѣтели, которые дѣйствуютъ только по побужденію чувства долга и на основаніи закона морали. Вѣдь самъ я былъ живымъ нравственнымъ закономъ, источникомъ всякаго права и всякой обязанности. Я былъ весь—любовь и совсѣмъ свободенъ отъ ненависти».

Теперь послушаемъ, что̀ разсказываетъ Фердинандъ Лассалль (въ газетѣ «Der Gedanke», которую издавалъ берлинскій Мишеле), со словъ самого Гейне о вліяніи, произведенномъ на него Гегелемъ (Гейне разсказывалъ этотъ анекдотъ Лассаллю въ 1846 г.): «Гейне признавалъ, что онъ не много понималъ изъ гегелевской

философіи; однако онъ всегда былъ убѣжденъ, что это ученіе какъ кульминаціонною точкою современнаго знанія, и вотъ было къ нему привилось это впечатлѣніе. Однажды, онъ поздно вечеромъ пришелъ къ Гегелю, котораго посѣщалъ часто, будучи студентомъ въ Берлинѣ. Гегель былъ еще занятъ, и Гейне подошелъ къ окну, и долго смотрѣлъ на звѣздную ночь. Имъ овладѣло романтическое настроеніе, какъ то часто бывало съ нимъ въ молодости, и онъ сталъ, сперва про себя, а потомъ — невольно—вслухъ фантазировать о звѣздномъ небѣ, о безконечной любви и силѣ, отразившейся въ немъ и т. д. Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то положилъ ему руку на плечо и сказалъ: «все это не сами звѣзды, а что человѣкъ влагаетъ въ нихъ, вотъ то тамъ и есть!» Онъ обернулся и увидѣлъ нередъ собою Гегеля. Съ этой минуты, онъ узналъ, что въ этомъ человѣкѣ, какъ ни было непроницаемо его ученіе, бьется пульсъ времени. Никогда онъ не забылъ впечатлѣнія, произведеннаго на него этою сценою, и всякій разъ, какъ думалъ о Гегелѣ, вспоминалъ о ней».

Самъ Гейне въ своихъ «Признаніяхъ» дополняетъ этотъ фактъ, но разсказываетъ его нѣсколько иначе: «Я только-что хорошо покушалъ и напился кофе, и вотъ съ мечтательностью сталъ говорить о звѣздахъ, называя ихъ жилищемъ блаженныхъ. Учитель же бормоталъ себѣ подъ носъ: гм-гм! звѣзды, это—свѣтлая сыпь на небѣ.—Боже мой, воскликнулъ я....? Онъ же, посмотрѣвъ на меня пристально своими блѣдными глазами, сказалъ рѣзко: «Такъ вамъ еще хочется на водку за то, что вы ходили за матерью, когда она была больна, или за то, что не отравили брата»? Сказавъ это, онъ быстро повернулся и съ боязнью посмотрѣлъ вокругъ, но тотчасъ успокоился, увидавъ, что вошедшій былъ только глупый Генрихъ Бэръ, который сталъ звать его на вистъ.»

Гейне, какъ уже сказано выше, не любилъ ребяческихъ игръ студенчества; онъ совсѣмъ удалился отъ студенческихъ кружковъ, послѣ того какъ, въ 1822 году, былъ принужденъ къ дуэли. На фехтованіе и дуэлированіе онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, и разъ сказалъ съ ироніею своему родственнику, жившему вмѣстѣ съ нимъ, Шиффу: «вѣдь ты такой же трусъ какъ я; и драться-то ты выучился изъ трусости». Случай его берлинской дуэли разсказанъ Штродтманну Шиффомъ, со словъ живущаго еще, въ Гамбургѣ, доктора Шмидта. Гейне разъ пришелъ къ Шмидту и, встрѣтивъ двоюроднаго брата его, Шиллера, который только-что поступилъ въ университетъ, спросилъ его, по общепринятому обычаю: «фуксъ, что̀ твой братъ — дома?» Шиллера

разсердило это выраженіе, и онъ отвѣчалъ условною дерзостью, которая служила вызовомъ. Шмидтъ, воротясь домой, пробовалъ устроить дѣло, но Шиллеръ не хотѣлъ извиниться. «Я — Шиллеръ, а не фуксъ, — твердилъ онъ, — и Берлинъ—не Гёттингенъ. Да впрочемъ, я хотѣлъ бы поучиться, какъ стоять на мензурѣ, и Гейне не будетъ мнѣ слишкомъ опасенъ».

Когда противники скрестили эспадроны, то оказалось, что ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ дѣйствовать оружіемъ. Они держали эспадроны какъ шпаги, и выпадали почти спиною другъ къ другу, такъ, что опасности подвергались не они, а секунданты. Наконецъ, Гейне наскочилъ правымъ бедромъ на конецъ эспадрона своего противника, и съ крикомъ Stich! упалъ. Рана была не опасна, но Гейне потерялъ много крови. Черезъ недѣлю онъ вылечился и совсѣмъ устранился отъ студенческаго общества.

IV.

Обратимся теперь къ произведеніямъ Гейне, въ первомъ періодѣ его развитія. Еще будучи въ Боннѣ, онъ предложилъ лейпцигскому издателю Брокгаузу рукопись своихъ первыхъ стихотвореній, но получилъ ее обратно, съ обычнымъ извиненіемъ, что у издателя «въ настоящую минуту слишкомъ много матеріала». Фарнгагенъ познакомилъ поэта съ профессоромъ Губицомъ, который издавалъ вліятельную литературную газету «der Gesellschafter». Въ этой-то газетѣ Гейне и выступилъ, въ 1821 году, съ небольшими стихотвореніями, къ числу которыхъ принадлежатъ сонеты Шлегелю, «Миннезингеры», «Баллада Мавра», «Грозная ночь» и др.

Эти стихотворенія своею новизною и силою произвели тотчасъ значительное впечатлѣніе, и издатель Мауреръ согласился напечатать стихотворенія молодого автора, предоставивъ ему въ гонорарій только сорокъ экземпляровъ книжки. «Моментъ, въ который г. Гейне выступилъ въ литературѣ—говоритъ Штродтманнъ—былъ вообще благопріятенъ для дебюта новаго значительнаго поэтическаго дарованія. Великій классическій періодъ веймарской школы закрылся; школа романтическая, не смотря на свои оппозиціонныя замашки и самыя разностороннія стремленія и попытки, не дала ни одного художественнаго произведенія прочной цѣнности. Но она пробудила прочнымъ образомъ въ современникахъ интересъ къ искусству и поэзіи, и разочарованные умы народа, послѣ неудачи политическихъ надеждъ, съ ропотомъ устремились снова въ область философіи и литературы. Сверхъ того, въ Бер-

линѣ, въ описанныхъ кружкахъ, зорко слѣдили за всякимъ новымъ, сколько-нибудь обѣщавшимъ моментомъ философскаго и литературнаго движенія. Итакъ, можно было ожидать съ нѣкоторою достовѣрностью, что столь оригинальное, такъ рѣшительно выходящее изъ обычной колеи творчество, какое обнаружилось уже въ первомъ собраніи пѣсенъ Гейне, не могло пройти тамъ незамѣченнымъ». Фарнгагенъ и Иммерманнъ написали критическіе отзывы объ этой попыткѣ, въ которыхъ довольно вѣрно (особенно Иммерманнъ) объяснили особенное ихъ значеніе. Но уже съ этого перваго дебюта филистеры возстали именно противъ самаго цѣннаго, что было въ этихъ произведеніяхъ — противъ ихъ оригинальности.

Въ Берлинѣ, Гейне окончилъ въ 1821 г. трагедію «Альманзоръ», начатую въ Гёттингенѣ, а въ 1822 году написалъ другую трагедію: «Вилліямъ Ратклиффъ». Эту послѣднюю онъ написалъ въ три дня, безъ черновой, и въ добавленіе къ ней написалъ «Сонъ Ратклиффа», изъ котораго мы привели нѣсколько стиховъ. Къ 1822 году принадлежитъ и большая часть стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Лирическомъ интермеццо». Кромѣ этихъ работъ, литературная дѣятельность Гейне за это время проявлялась еще въ критическихъ статьяхъ для журналовъ и въ «Письмахъ изъ Берлина», которыя онъ писалъ для «Рейнско-вестфальскаго Указателя».

Эти письма изъ Берлина, нѣкоторыя мѣста которыхъ авторъ вставилъ потомъ въ свои Reisebilder, представляютъ много свѣжести, даже наивности (интересно, напр., что Гейне съ любовью говоритъ о принцахъ прусской королевской фамиліи и добродушно описываетъ свадьбу одной изъ принцессъ), но и въ нихъ уже преобладаетъ сатирическое, и именно осмысленное сатирическое направленіе. Онъ боролся противъ піэтизма, противъ той тевтономаніи, которая дѣло національной независимости, уже окончательно обезпеченное, преднамѣренно смѣшивала съ дѣломъ свободы или, лучше сказать, подставляла одно вмѣсто другого, занимаясь тою подтасовкою вещей и названій, которою многіе занимаются понынѣ съ такимъ успѣхомъ, смѣялся надъ ненавистью къ французамъ, и не стѣсняясь вставлялъ въ свои картины описанія живыхъ лицъ, съ полными именами. «Напрасно— писалъ онъ—нѣкоторые людишки полагаютъ, что я и всю картину нарисовалъ только для того, чтобъ вставить туда ихъ портреты; я вставляю людей, только для оживленія ландшафта, но вѣдь въ ландшафтѣ можно обойтись и безъ фигуръ, какъ супъ можно кушать и безъ соли. Что касается до полныхъ именъ, то я держусь мнѣнія Боало, и не вижу надобности въ иносказаніяхъ.

Пусть газетные публицисты не называютъ Пруссіи по имени, а говорятъ «одна сѣверо-германская великая держава». Я нахожу это смѣшнымъ; точно въ маскарадѣ сняли маски и считаются все-таки замаскированными».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ Гейне, по поводу бывшаго уголовнаго процесса, проповѣдуетъ гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и Наполеоновъ кодексъ, существовавшіе въ его отечествѣ, на Рейнѣ, со времени французскаго господства. «Здѣсь — говоритъ онъ — неблагосклонно смотрятъ на это достояніе прирейнцевъ и охотно взялись бы освободить ихъ отъ этихъ «оковъ французской тиранніи» — какъ нѣкогда называлъ французскіе законы Юстъ Грунеръ, вѣчная ему память. Но дай Богъ, чтобы любезная прирейнская земля еще долго носила эти оковы, и чтобы на нее возложены были и другія подобныя цѣпи! Пусть еще долго на Рейнѣ процвѣтаетъ та истинная любовь къ свободѣ, которая основана не на ненависти къ французамъ и національномъ эгоизмѣ, и та истинная сила и юношескій жаръ, которые не заимствованы изъ бутылки съ водкою, и та истинная вѣра Христова, которая не имѣетъ ничего общаго съ изступленіемъ, обличающимъ ереси, и со сладенькимъ прозелитизмомъ».

Тевтономанія, самообожаніе нѣмцевъ, происшедшее изъ войны за независимость, доставляло автору берлинскихъ писемъ обильные матеріалы для эпиграммъ, и онъ давалъ здѣсь волю всѣмъ своимъ насмѣшливымъ причудамъ, хотя очень хорошо зналъ, что затрогиваетъ «патріотическое чувство» массы, которая никогда не можетъ возвыситься надъ мелочами и которой мелочи, по большей части, дороже, чѣмъ самая сущность дѣла. Вотъ одна изъ оговорокъ, къ которымъ онъ иногда чувствовалъ себя вынужденнымъ:—«Я примѣчаю, любезнѣйшій, что вы смотрите на меня съ кислою миною, вы сердитесь на горькій насмѣшливый тонъ, съ которымъ я иногда говорю о вещахъ, дорогихъ другимъ людямъ, и въ самомъ дѣлѣ уважительныхъ. Но я не могу иначе. Душа моя слишкомъ горячо привязана къ свободѣ истину ной, и я не могу освободиться отъ негодованія, когда посмотрю на пашихъ велерѣчивыхъ героевъ, въ ихъ сѣренькомъ убожествѣ; въ душѣ моей слишкомъ сильно живетъ любовь къ Германіи и почитаніе германскаго величія, такъ что мнѣ невозможно припѣвать съ хоромъ тѣхъ копѣечныхъ людей, которые кокетничаютъ съ германствомъ. И вотъ, порою шевелится во мнѣ, даже какъ-то судорожно, охота смѣлою рукою сорвать святое сіяніе со старой лжи, и потянуть кожу съ самаго льва, потому именно, что въ немъ я подозрѣваю осла».

Въ изданіи «der Gesellschafter» Гейне помѣстилъ и свои путевыя впечатлѣнія изъ Польши, куда онъ ѣздилъ по приглашенію одного изъ своихъ пріятелей, польскаго помѣщика.

Въ этихъ письмахъ Гейне, между прочимъ, высказывалъ мысль, что любовь поляковъ къ свободѣ имѣетъ исключительно дворянскій характеръ (исключеніе онъ дѣлаетъ для Косцюшки), и что рабство крестьянъ польскіе помѣщики не думали уничтожать. Онъ проводитъ также параллель между исторіею Польши и исторіею Римско-германской имперіи, видя въ той и другой одно и тоже начало. Эти письма изъ Познани Гейне не включилъ въ изданныя при немъ собранія его сочиненій.

Стихотворенія Гейне, помѣщенныя въ «Gesellschafter» тотчасъ вызвали подражанія, даже настоящія контрафакціи, такъ что въ одномъ случаѣ онъ счелъ обязанностью протестовать. Трагедіи Гейне, съ «Лирическимъ интермеццо» вышли также въ Берлинѣ, въ 1823 году. Отдѣльныя сцены «Альманзора» были напечатаны еще въ 1821 году, въ «Gesellschafter». Гейне давалъ большую цѣну своимъ трагедіямъ, и это можно объяснить только тѣмъ, что онъ «вложилъ въ нихъ свою душу». Несчастная любовь въ обѣихъ доходитъ до трагизма, но трагизма истекающаго не изъ дѣйствія, а изъ чувствъ приписанныхъ лицамъ. Однимъ словомъ, трагедіи эти — лирическія, и самъ Гейне понялъ это впослѣдствіи и даже допускалъ, въ перепискѣ съ друзьями, что у него не было драматическаго таланта. Но онъ всегда сохранилъ убѣжденіе, что онѣ принадлежатъ къ лучшимъ его поэтическимъ произведеніямъ, а въ началѣ даже писалъ своему другу Штейнманну объ этихъ трагедіяхъ: «Я знаю, что на нихъ будутъ сильно нападать; но скажу тебѣ по секрету—онѣ очень хороши, лучше моихъ стихотвореній, которыя не стоютъ одного заряда пороху». Насчетъ «Ратклиффа» онъ такъ ошибался, что въ одномъ посвященіи написалъ строки:

Ich und mein Name werden untergehen,
Doch dieses Lied muss ewiglich bestehen.

Вотъ какъ онъ характеризовалъ вторую свою трагедію въ предисловіи къ «Ратклиффу», писанномъ въ 1851 году: «Этой трагедіи или *драматизированной балладѣ* (Штродтманнъ замѣчаетъ, что это второе названіе одно вѣрно) я недаромъ даю мѣсто въ собраніи моихъ стихотвореній, потому что она составляетъ важный документъ въ подлинномъ дѣлѣ о моей стихотворческой жизни. Она резюмируетъ въ себѣ мой поэтическій періодъ «порывовъ» (Sturm- und Drang-Periode), который слишкомъ неполно высказывается въ «Junge Leiden», помѣщенныхъ въ «Книгѣ пѣсенъ».

Молодой авторъ, который въ нихъ еще только лепечетъ, тяжелымъ, неловкимъ языкомъ, одни природные звуки—говоритъ въ «Ратклиффѣ» яснымъ, возмужалымъ языкомъ и высказываетъ открыто свое послѣднее слово. Это—то слово, которое съ того времени обратилось въ лозунгъ, вызывающій пламенную краску на лицахъ несчастныхъ и известковую блѣдность на красныхъ щекахъ сыновъ фортуны. На очагѣ честнаго Тома, въ «Ратклиффѣ» уже кипитъ великій вопросъ о похлебкѣ, вопросъ, въ который теперь суютъ ложки тысячи дурныхъ поваровъ, и который съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе перекипаетъ.»

Чтобы пояснить этотъ намекъ, приведемъ одно мѣсто изъ «Ратклиффа», въ которомъ герой говоритъ о разбойникѣ Робинѣ:

«Не бойся; онъ въ аду горѣть не станетъ,
Небесный судъ — не то, что судъ британскій,
Робинъ вѣдь *мужъ*, а мужа зло беретъ
При видѣ этихъ дюжинныхъ душонокъ,
Чья жизнь — развратъ, обжорство, пресыщенье, —
Счастливцевъ, въ шолкъ и бархатъ разодѣтыхъ,
Которые купаются въ шампанскомъ
И, въ золотыхъ каретахъ развалившись,
Надменный взоръ на бѣдняка бросаютъ,
Бредущаго съ поникшей головою
Закладывать послѣднюю рубаху!
О сытые! Какъ вы благоразумны!
Вы обнесли себя стѣной закона
Отъ натиска голодныхъ бѣдняковъ,
Смущавшихъ вашъ покой докучнымъ крикомъ, —
И горе тѣмъ, кто стѣну перелѣзетъ!
Готово все: судья, палачъ и петля....
Да вотъ бѣда: есть удальцы, которыхъ
Вамъ застращать всѣмъ этимъ не дается!» [1]).

Но элементъ протеста въ этой трагедіи почти-что и ограничивается только приведеннымъ мѣстомъ. Этотъ протестъ — нѣчто вводное, и вся трагедія построена на несчастной любви и весь трагизмъ заключается именно въ этомъ чувствѣ.

«Альманзоръ», къ которому Гейне впослѣдствіи относился гораздо холоднѣе, чѣмъ къ «Ратклиффу», хотя тоже построенъ на несчастной любви, но въ первой изъ названныхъ трагедій несомнѣнно полнѣе выражена идея, примѣшанная къ любовнымъ страданіямъ. Дѣятели здѣсь — преслѣдуемые мавры, и вся трагедія имѣетъ видъ возраженія, представляемаго христіанской нетерпимости. Принявшій христіанство Али видитъ, какъ разру-

[1]) Переводъ А. Н. Плещеева.

шается все то, въ чемъ было его земное счастье, и затѣмъ бросаетъ слова, которыя мы приведемъ потому, что ими характеризуется то, что въ этой трагедіи принадлежитъ не къ чувству, а къ идеѣ:

Теперь, Христосъ, твое мнѣ нужно слово,
И утѣшенье въ скорби, и примѣръ.
Я не могу понять всесильной воли;
Но тайное мнѣ чувство говоритъ:
И лилія, и мирта истребятся
Тамъ, гдѣ Господь въ побѣдной колесницѣ
Въ могуществѣ величія пройдетъ!» [1]).

«Альманзоръ» былъ представленъ одинъ разъ, на брауншвейгскомъ театрѣ. Поставилъ его директоръ Клингеманнъ, который впервые рѣшился поставить на сцену гётева «Фауста». Стараніе артистовъ и красота стиховъ поддерживали вниманіе публики, какъ вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное: какой-то грубіянъ вошелъ въ театръ и, услыхавъ, чья пьеса, принялъ автора за одного еврея-мѣнялу, и громко крикнулъ: «Какъ, неужели слушать глупости этого безумнаго жида? Нѣтъ, мы этого не потерпимъ! Давайте-ка, отдѣлаемъ пьесу»! Толпа поддержала эту грубую выходку, и занавѣсъ опустили раньше конца. Критики подтвердили это рѣшеніе толпы, напавъ на «Альманзора» именно какъ на анти-христіанскую выходку жида-Гейне. Послѣ такой судьбы, испытанной «Альманзоромъ», Гейне не рѣшался отдать на сцену «Ратклиффа», который такъ никогда и не былъ игранъ.

Имя «жида» преслѣдовало Гейне въ Германіи и составляло серьёзное препятствіе для его карьеры, какъ юриста. Чтобы получить мѣсто, слѣдовало креститься. Это сознаніе было очень непріятно поэту, хотя онъ далеко не былъ евреемъ по убѣжденію. Ему однажды даже пришла мысль переселиться во Францію, гдѣ его не стали бы ругать за происхожденіе, и сдѣлаться французскимъ публицистомъ, съ той цѣлью, чтобы проложить себѣ путь во французскую дипломатію, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя роль посредника между германскою литературою и французами, роль, которую онъ отчасти исполнилъ впослѣдствіи, находясь въ изгнаніи.

Съ цѣлью приготовиться къ осуществленію этого плана, а также, чтобы отдыхомъ освободиться отъ частой нервной головной боли, которою онъ сильно страдалъ уже въ то время, Гейне въ 1823 году поѣхалъ къ родителямъ, въ Люнебургъ. Отецъ его ликвидировалъ свои дѣла въ Дюссельдорфѣ, и семейство жило

[1]) Переводъ Ѳ. Б. Миллера.

почти въ бѣдности, доходомъ съ небольшого выручennаго капитала. Въ семействѣ своемъ, Гейне не нашелъ сколько-нибудь сочувственной оцѣнки своихъ литературныхъ произведеній. Родители даже испугались-было его выступленія въ литературѣ. Въ то время вся Германія бредила славнымъ Гёте, и семейство Гейне было также подъ вліяніемъ гётеманіи. Отцу Генриха Гёте представлялся въ коммерческомъ свѣтѣ, какъ монополистъ, съ которымъ сыну его нельзя будетъ выдержать конкурренціи. Онъ за это даже возненавидѣлъ Гёте.

Дядя-попечитель, банкиръ Соломонъ Гейне видѣлся въ это время съ племянникомъ на свадьбѣ сестры Генриха, Шарлотты. Но Генриху не удалось переговорить съ нимъ окончательно о своихъ видахъ и о денежныхъ отношеніяхъ между ними. Желая устроить это дѣло прямымъ объясненіемъ съ дядею, парализовать враждебныя ему интриги родственниковъ, которые окружали Соломона, Гейне поѣхалъ въ Гамбургъ, но безуспѣшно, такъ какъ дядя въ это именно время уѣзжалъ оттуда. Весною 1824 года, Генрихъ возвратился въ Берлинъ. Но посѣщеніе Гамбурга не прошло для него безслѣдно: оно раскрыло рану его сердца и возродившееся съ новою силою горе вдохновило его пѣсни «Возвращенія» («die Heimkehr»). Эти воспоминанія такъ разстроили поэта, что онъ поѣхалъ лечиться въ Куксгавенъ на морскія купанья. Изъ сильной бури, которой онъ подвергся однажды отправившись на Гельголандъ, онъ вынесъ тѣ великолѣпные образы, которые даютъ такую величавость его «Сѣверному морю».

Среди этихъ сердечныхъ тревогъ и поэтическихъ грёзъ непривлекательнымъ диссонансомъ отзывались денежныя дѣла. Изъ Куксгавена онъ опять поѣхалъ въ Гамбургъ, вслѣдствіе разногласія съ дядею. Дядя выплачивалъ ему «на ученье», для пріобрѣтенія хлѣбнаго юридическаго промысла по сту талеровъ, каждую четверть года и въ 1822 далъ ему знать въ Берлинъ, что на эту поддержку онъ могъ разсчитывать еще два года. Издержавшись въ Куксгавенѣ, Гейне распорядился о полученіи ста талеровъ въ Берлинѣ, у банкира, чрезъ котораго дядя присылалъ ему деньги, двумя мѣсяцами ранѣе срока, а тотъ и перевелъ эту сумму тотчасъ на счетъ Соломона Гейне. Дядя написалъ племяннику досадное письмо, давая ему понять, что больше платить не намѣренъ. Дѣло устроилось напоминаніемъ дядѣ отъ берлинскаго банкира о данномъ имъ обѣщаніи продолжать пособіе еще два года.

Въ перепискѣ по этому предмету съ дядею, Гейне выказывалъ оскорбленную гордость и раздражительность, которую въ

немъ возбуждали, — по его выраженію — «тѣ крещеные и некрещеные источники», изъ которыхъ исходили подобныя непріятности.

Для массы деньги имѣютъ необыкновенное свойство рѣшать всякаго рода спорные или сомнительные вопросы. Тотъ, кто деньги даетъ, какъ бы мало и неохотно онъ ни давалъ, какими бы оскорбительными условіями ни сопровождалъ свои благодѣянія, будетъ всегда правъ; всегда виноватъ будетъ тотъ, кому деньги давали; каковы бы ни были прочія обстоятельства — деньги, въ глазахъ массы, несомнѣнно рѣшаютъ всякій нравственный вопросъ, и рѣшаютъ его противъ слабѣйшей стороны. Такъ, и въ отношеніяхъ Гейне къ его богатому дядѣ, филистерамъ представляется жалкимъ не положеніе великаго поэта, который долженъ былъ претерпѣвать униженія изъ-за грошей богатаго банкира, а самая личность поэта, и потому что онъ принималъ подачку, хотя бы отъ дяди, и потому даже, что подачка эта была такъ мала. Можетъ ли быть великимъ человѣкомъ тотъ, кто нуждается въ четырехстахъ рубляхъ, и изъ-за нихъ сноситъ униженія?

Но людямъ мыслящимъ, не допускающимъ, чтобы золотникъ золота вѣсилъ на вѣсахъ болѣе, чѣмъ золотникъ чего бы то ни было, должно представиться отвратительнымъ именно высокомѣріе, съ какимъ проявлялась скаредность дяди. Что касается самого Генриха Гейне, то его въ этомъ дѣлѣ можно упрекать только въ невыдержанности характера. Онъ принималъ помощь, даже просилъ ея, а между тѣмъ, «третировалъ» дядю съ высоты олимпійскаго величія; онъ относился къ нему съ понятною гордостью, но въ то же время позволялъ себѣ съ нимъ такія шалости, какъ напримѣръ получить деньги, на которыя ему предоставлено было только номинальное право. Такъ онъ поступилъ разъ съ траттою, которую Соломонъ далъ ему на Джемса Ротшильда, въ Лондонѣ. Эта тратта — въ 400 фунтовъ — была дана Генриху только для вящшаго подкрѣпленія рекомендательнаго письма, а онъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, тотчасъ получилъ эти деньги и тѣмъ привелъ дядю въ ярость. Узнавъ объ этомъ, скаредный дядя носился по всему Гамбургу съ этою исторіею, и жаловался, что Генрихъ Гейне можетъ «разорить его».

При свиданіи съ нимъ, поэтъ сказалъ ему, выслушавъ всѣ его упреки: «Знаешь ли что, дядя; вѣдь самое лучшее въ тебѣ именно то, что ты носишь мое имя!» Вообще Гейне думалъ своей строптивостью по отношенію къ дядѣ охранить свое достоинство, но она свидѣтельствовала только объ его безхарактерности. Онъ полагалъ, что, принимая помощь отъ дяди, дол-

женъ проявлять гордость, чтобы отклонить самую мысль объ униженіи, но это было нѣчто среднее и фальшивое, хотя, конечно, слишкомъ извинительное чувство въ молодомъ человѣкѣ, которому давался кусокъ хлѣба и который все-таки не могъ обойтись безъ этого куска. Вотъ что́ писалъ онъ къ дядѣ въ 1828 году, изъ Италіи, по поводу ихъ отношеній: «Не хочу думать о тѣхъ жалобахъ на васъ, которыя я имѣю, и которыя, быть можетъ, значительнѣе, чѣмъ вы когда-либо подозрѣвали. Прошу васъ, поэтому, выкиньте и вы кое-что изъ вашихъ жалобъ на меня, такъ какъ всѣ онѣ все-таки могутъ быть подведены только къ денежному итогу. Если ихъ всѣ исчислимъ до полушки въ банковыхъ маркахъ, то выйдетъ все-таки такая сумма, которая для милліонера — ничто̀, между тѣмъ какъ мои жалобы неоцѣнимы и неисчислимы, потому что онѣ — нравственнаго характера и гнѣздятся въ глубинѣ болѣзненныхъ ощущеній. Если бы я, когда-нибудь, однимъ словомъ, хотя бы однимъ взглядомъ нарушилъ уваженіе къ вамъ или вашему дому—а я только былъ къ вамъ привязанъ—вотъ тогда вы имѣли бы право сердиться. Теперь же, вы не имѣете такого права; если сложить всѣ ваши жалобы, то онѣ все-таки влѣзутъ въ мѣшокъ, которому не надо быть даже очень большимъ, и помѣстятся въ немъ весьма удобно. Предположу наконецъ, что этотъ спертый мѣшокъ оказался бы слишкомъ тяжелъ, чтобы вмѣстить жалобы Соломона Гейне на меня, и что этотъ мѣшокъ разорвался бы,—думаете ли вы, что это было бы равносильно тому, когда разрывается сердце, переполненное оскорбленіями?.... Теперь прощайте. Я радъ, что не могу сообщить вамъ впередъ, гдѣ вашъ отвѣтъ могъ бы застать меня; это убѣдитъ васъ еще болѣе, что настоящее письмо ничего не вымогаетъ отъ васъ. Оно не что иное, какъ только вздохъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу франкировать этого вздоха, онъ будетъ вамъ стоить денегъ — опять предметъ для жалобъ. Прощай же, любезный, великодушный, ворчливый, благородный, безконечно любимый дядя!»

А дядя, въ разговорахъ съ приближенными, жаловался, что Генрихъ считаетъ еще за особенную милость то, что не требуетъ съ него спеціальнаго гонорарія за письма, которыя пишетъ ему. Неправда-ли, характеристичный контрастъ воззрѣній на вещи? Кто въ этомъ контрастѣ терпѣлъ больше — угадать не трудно.

V.

Въ 1823 году осенью, Гейне возвратился въ Люнебургъ и сталъ сильно работать надъ своими «хлѣбными» учебными предметами, чтобъ скорѣе можно было обходиться безъ помощи дяди. Онъ писалъ въ это время къ Мозеру, что занимается исключительно своими Brodstudien: «стихотворство я отложилъ до лучшихъ временъ. Да и къ чему писать? Господствуетъ одно пошлое и злое, а я не хочу признать этого господства. Еще менѣе жажду я терновыхъ вѣнцовъ». Между тѣмъ, именно въ это время возникла большая часть чудныхъ пѣсенъ «Возвращенія», баллада «Лорелеи» и др.

За докторскимъ дипломомъ Гейне въ концѣ 1823 года отправился въ Гёттингенъ и, вступивъ опять въ январѣ 1824 г. въ этотъ университетъ, сталъ приготовляться къ экзамену. Въ своей перепискѣ съ друзьями за это время, онъ жаловался на головную боль, которая мучила его постоянно, и на юриспруденцію, которая мучила его еще болѣе. Въ отчаянной работѣ надъ нею, онъ терялъ увѣренность въ своихъ силахъ, и жаловался иногда, что онъ ни юристомъ, ни поэтомъ не будетъ, что въ Германіи всѣ геніи, исключая его. «Чтобы быть геніемъ— говоритъ онъ — надо умѣть удерживать въ головѣ вырванные, отрывочные листки знанія и носиться съ ними, а я этого не могу; въ поэзіи мало быть геніемъ, надо еще имѣть талантъ, а у меня его нѣтъ.» Но въ тоже время, онъ не могъ оторваться совсѣмъ и отъ литературныхъ работъ. Онъ послалъ въ берлинскій Gesellschafter пѣсни «Возвращенія». Вскорѣ онъ совсѣмъ соскучился въ Гёттингенѣ и воспользовался двухнедѣльными вакаціями, чтобы съѣздить въ Берлинъ. Тамъ его приняли прежніе друзья: Фарнгагены (съ которыми онъ-было нѣсколько разошелся), прекрасная Фредерика Робертъ, Шиффъ и др. съ распростертыми объятіями. Послѣднія его стихотворенія произвели фуроръ, и въ берлинскомъ обществѣ его встрѣтили уже съ почетомъ. Слава его распространилась уже не въ одномъ Берлинѣ, и не въ однихъ образованныхъ кружкахъ. Въ Гёттингенѣ онъ вмѣстѣ съ другими студентами часто хаживалъ ужинать въ одну кухмистерскую, гдѣ была служанка замѣчательной красоты. Разъ онъ хотѣлъ поцаловать ее насильно, но дѣвушка защитилась съ такимъ достоинствомъ, что онъ со стыдомъ ушелъ домой. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ опять пришелъ въ этотъ трактиръ, дѣвушка сама подошла къ нему и дружески сказала: «вы вѣдь не то, что другіе господа студенты; вы столько же зна-

мениты, какъ сами наши профессора; я знаю наизусть нѣкоторыя изъ вашихъ стихотвореній и люблю ихъ; поцалуйте же меня теперь, при всѣхъ». Гейне говаривалъ, что эта награда показалась ему цѣннѣе, чѣмъ впослѣдствіи даже талеры Гоффмана и Кампе.

Но и самый успѣхъ не дѣлалъ его мягче, снисходительнѣе къ тому, что̀ тогда господствовало въ Германіи, къ ея политической жизни, ея тогдашней литературѣ, и самымъ воззрѣніямъ большинства нѣмцевъ. «Я самъ въ сущности не нѣмецъ—писалъ онъ Мозеру изъ Гёттингена. Впрочемъ, еслибы я и былъ нѣмецъ, то не много бы вообразилъ о себѣ вслѣдствіе того. Oh, ce sont des barbares! Есть только три образованные, цивилизованные народа: французы, китайцы и персіяне. Я самъ персіянинъ, принужденный писать по-нѣмецки. Ахъ, какъ это ужасно для персидскаго поэта, что его до смерти мучите вы, съ вашими тряскими почтовыми каретами, съ вашей скверной погодой, вашими табачными лицами, вашими римскими пандектами, вашей философской ерундою и прочею вашею пошлостью. О Фирдуси! О Ишами! О Саади! Какъ несчастливъ вашъ братъ! Ахъ, какъ я стремлюсь къ розамъ Шираза! Конечно, у Германіи есть свое хорошее; не хочу обижать ее. Есть у нея и великіе поэты: Карлъ Мюхлеръ, Клауренъ....Рюккертъ, Мюллеръ, Иммерманнъ, Уландъ, Гёте. Но что̀ они значатъ въ сравненіи съ Гафизомъ и Нисамомъ? Хотя я и персіянинъ, но долженъ признать, что величайшій изъ всѣхъ поэтовъ все-таки ты, великій пророкъ Мекки, и твой Коранъ не легко выйдетъ у меня изъ памяти, хотя я и знаю его только изъ скернаго перевода Байзена».

Пріятель Гейне, Руссо̀ издавалъ въ то время, на Рейнѣ, литературный журналъ «Agrippina». Гейне послалъ туда пѣсню весьма не цензурную, хотя и обставленную для цензуры оговоркою, что эта пѣсня — народная, списанная въ Ганноверѣ. Это пѣсня солдата, который жалуется, что въ жизни его ничего нѣтъ, кромѣ маршировки и тѣлеснаго наказанія. За эту пѣсню «Agrippina» была тотчасъ запрещена, по распоряженію изъ Берлина.

Но главною литературною заботою Гейне, во время его приготовленій къ юридическому экзамену, былъ романъ «Бахарахскій раввинъ», въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить бѣдствія претерпѣнныя еврейскимъ народомъ отъ гоненій въ христіанскихъ странахъ. Онъ много читалъ для этого романа, изучалъ источники и погрузился даже въ литературу реформаціи. Этотъ романъ остался неоконченнымъ, отчасти быть можетъ именно потому, что антихристіанское направленіе его вызвало сильную вражду, а происхожденіе самого автора лишало его въ извѣстномъ смы-

слѣ авторитета для веденія этой борьбы. Въ то время, какъ онъ занимался этою работой, Гейне однажды идя по улицѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ, импровизовалъ надпись, съ которою онъ хотѣлъ послать экземпляръ своего романа къ Мозеру. Приводимъ здѣсь, къ сожалѣнію, въ неудовлетворительномъ переводѣ эти чудные стихи:

Прорывайся громкимъ плачемъ,
Пѣсня скорби вѣковой;
Сердце, гдѣ давно ты ноешь
Въ міръ укоръ бросаетъ твой.

Онъ у всѣхъ въ ушахъ раздастся,
Въ сердце всѣмъ ударитъ онъ;
Въ эту притчу заколдованъ
Мной—тысячелѣтній стонъ.

Плачутъ всѣ—и старъ, и молодъ,
Женщины, цвѣты—въ слезахъ,
И блеснули всѣ слезами
Звѣзды въ дальнихъ небесахъ!

А тѣхъ слезъ струи, въ согласьи,
Тихо, къ югу потекутъ
И съ журчаньемъ томнымъ, скорбнымъ,
Въ Іорданъ онѣ впадутъ.

Въ 1825 и 1826 годахъ Гейне носился съ мыслью о новой трагедіи, на сюжетъ Фауста и даже написалъ нѣсколько сценъ. Посылая Фарнгагену первый томъ своихъ Reisebilder, онъ писалъ: «Съ васъ не довольно, что я касаюсь поочередно всѣхъ струнъ моей лиры; вы хотите еще, чтобы всѣ они зазвучали въ одномъ, полномъ концертѣ—это и будетъ «Фаустъ», котораго я пишу для васъ.» Впослѣдствіи, то-есть лѣтъ черезъ двадцать, Гейне употребилъ матерьялы, приготовленные для «Фауста», на комическую «танцовальную» поэму.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гейне велъ и мемуары, «Zeit-Memoiren», о которыхъ упоминаетъ еще съ 1823 года. Вотъ что́ говоритъ о нихъ самъ Гейне, въ письмѣ къ Людвигу Роберту: «Быть можетъ доживемъ еще, что вы будете читать мои признанія и увидите, какъ я смотрѣлъ на свое время и своихъ современниковъ, и какимъ образомъ вся моя, смутная и полная порывовъ жизнь переходила въ самое безкорыстное — въ идею. Для меня важно, очень важно признаніе со стороны массы, и все-таки нѣтъ никого, кто бы такъ презиралъ выраженіе народнаго одобренія и такъ пряталъ свою личность отъ его проявленій». Мемуары Гейне! Какая драгоцѣнность для оцѣнки времени, и въ особенности для исторіи развитія самого поэта. И мы узнаемъ,

что мемуары эти полные, такъ какъ Гейне писалъ ихъ до самого конца жизни. Они не потеряны, но будутъ ли хотя современемъ обнародованы? Считаемъ нужнымъ привесть подлинныя слова Штродтманна объ этомъ важномъ предметѣ: «Изъ словъ самого Гейне, сказанныхъ его издателю, весною 1851 г., обнаруживается, что авторъ, нуждаясь однажды въ деньгахъ, *заложилъ эти мемуары своему брату, Густаву.* Г. Густавъ Гейне подтвердилъ мнѣ, въ іюлѣ 1861 года, что въ его владѣніи, дѣйствительно, находятся три тома «Мемуаровъ» его брата, но что онъ до времени не хочетъ обнародывать ихъ, такъ какъ нѣкоторыя лица, еще находящіяся въ живыхъ, были бы оскорблены выраженіями, которыя тамъ встрѣчаются. Если правда, — какъ то много разъ утверждалось въ печати и до сихъ поръ не опровергнуто,—что семейство Гейне недавно продало эти мемуары, вмѣстѣ со всѣми оставшимися послѣ поэта рукописями, вѣнской придворной библіотекѣ, чрезъ посредство князя Рихарда Меттерниха, то эти драгоцѣннѣйшія сокровища ума, вслѣдствіе такого акта презрѣнной корысти были бы навсегда потеряны для свѣта, или по меньшей мѣрѣ никогда уже не были бы обнародованы безъ искаженія». Итакъ — если это справедливо — родные, которые такъ мало сдѣлали для Генриха Гейне при его жизни, рѣшились еще продать его память для собственной пользы; не для вознагражденія ли за тѣ четыреста талеровъ, которыя издерживалъ на «ученье» поэта гамбургскій дядя-банкиръ? Если бы законъ вообще смотрѣлъ на произведенія ума иначе, чѣмъ какъ на вещественную собственность, то едва ли бы наслѣдникамъ писателя было предоставлено право по произволу уничтожить или зарывать въ землю то, надъ чѣмъ онъ трудился всю жизнь. Никакое наслѣдство не можетъ быть употреблено противъ ясной воли того, отъ кого оно перешло, даже если наслѣдство это — кусокъ земли. Что́ же сказать объ уничтоженіи унаслѣдованнаго произведенія ума, уничтоженіи, которое явно идетъ противъ воли автора создавшаго это произведеніе, исключая, если онъ именно выразилъ желаніе объ уничтоженіи своего труда? Или Генрихъ Гейне не возвратилъ своему брату Густаву занятыхъ у него *подъ залогъ* мемуаровъ деньги, и г. Густавъ Гейне счелъ себя вправѣ продать залогъ, на общемъ основаніи ростовщичества? Все это внушаетъ отвращеніе.

Въ сентябрѣ 1824 года, Гейне предпринялъ путешествіе по Гарцу и Тюрингенскимъ землямъ, описаніе котораго онъ предназначалъ сперва также для «Gesellschafter», но по просьбѣ «красивѣйшей женщины въ мірѣ», Фредерики Робертъ, отдалъ въ альманахъ «Rheinblüthen», хотя очень неохотно, во-первыхъ

потому, что не чувствовалъ расположенія къ этой формѣ издательства, а во вторыхъ, что многое при этомъ пришлось и выпустить. Между тѣмъ, альманахъ этотъ вовсе не вышелъ и напечатаніе «Путешествія по Гарцу» замедлилось такимъ образомъ на цѣлый годъ. Оно появилось наконецъ въ «Gesellschafter», въ 1826 году, съ большими пропусками и измѣненіями.

Дядя продолжалъ грозить, что отниметъ у поэта свою субсидію, если тотъ не поторопится сдать экзаменъ. Гейне уже обѣщалъ было сдать экзаменъ въ 1824 году, но болѣзнь принудила его просить еще шестимѣсячной отсрочки, на которую дядя и согласился великодушно. Наконецъ, весною 1825 года онъ подвергся испытанію на степень доктора правъ. Вотъ тезисы, которые онъ защищалъ при этомъ: 1) приданое принадлежитъ супругу; 2) кредиторъ обязанъ давать росписку; 3) судопроизводство должно быть открытое (гласное); 4) присяга не составляетъ обязательства, и 5) древнѣйшей формой супружескаго союза была confarreatio.

Гейне былъ удостоенъ степени доктора, хотя экзаменъ былъ не изъ самыхъ блестящихъ. Разъ онъ даже сдѣлалъ грамматическую ошибку въ латинскомъ языкѣ (испытаніе производилось, разумѣется, по-латыни) и вызвалъ общій смѣхъ. Проректоръ, поздравляя докторанта съ успѣхомъ, говорилъ менѣе о его юридическихъ познаніяхъ, чѣмъ о его славѣ какъ поэта, и даже выразилъ мнѣніе, что стихи его имѣютъ право быть поставлены рядомъ со стихами Гёте.

Чтобы получить докторскій дипломъ, Гейне долженъ былъ обратиться въ христіанство. Этотъ актъ прошелъ въ его жизни также безслѣдно, какъ и обращеніе поэта въ доктора. Мы говоримъ «безслѣдно», въ томъ смыслѣ, что ни тотъ, ни другой изъ этихъ актовъ не истекали изъ свободнаго влеченія, и не были усвоены поэтомъ и составляли по отношенію къ его развитію чисто-внѣшнія событія. Никогда онъ не ненавидѣлъ до такой степени юриспруденцію, какъ тогда, когда дѣлался doctor juris; никогда онъ не былъ менѣе расположенъ къ христіанству, какъ именно непосредственно передъ своимъ обращеніемъ и тотчасъ послѣ этого акта. Онъ писалъ даже къ Мозеру, что иногда становится передъ зеркаломъ и вслухъ себя ругаетъ; «если бы законъ дозволялъ красть серебряныя ложки, то я непремѣнно предпочелъ бы послѣднее, когда бы понадобилось». Вотъ какихъ прозелитовъ приготовляетъ нетерпимость! Гейне въ то время получилъ извѣстіе, что бывшій учитель его въ Берлинѣ, Гансъ, нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ работавшій надъ развитіемъ и защитою еврейства, обратился въ христіанство, тоже изъ-за

карьеры, и въ письмахъ къ Мозеру осуждалъ самымъ безжалостнымъ образомъ и Ганса, и себя. Приведемъ нѣсколько мыслей, высказанныхъ имъ по поводу своего обращенія въ перепискѣ съ Мозеромъ: «Теперь я вполнѣ понялъ слова псалмиста: «Господи, дай мнѣ дневной хлѣбъ, чтобы я не посягнулъ на имя твое....» Какъ Солонъ говоритъ, что никого не надо называть счастливымъ до его смерти, такъ можно еще сказать, что никого не слѣдовало бы называть честнымъ человѣкомъ, пока онъ еще живъ. Я радуюсь, что Фридлендеръ и Бендавидъ стары, и скоро умрутъ, — такъ что ихъ, по крайней мѣрѣ, мы уже сохранимъ въ цѣлости, и затѣмъ нельзя будетъ сказать про наше время, что оно не произвело ни одного безупречнаго.... Воображаю, что̀ сказалъ бы Гансъ Моисею, если бы тотъ воскресъ; вѣдь Моисей во всякомъ случаѣ первостепенный юристъ, такъ какъ его законодательство держалось дольше всѣхъ и держится по сіе время.... Какъ глубоко значеніе миѳа о вѣчномъ жидѣ! Мы сами — герои этой легенды, не зная того».

Когда въ одномъ вѣнскомъ журналѣ появилась, вслѣдъ за обращеніемъ Гейне, критика Альманзора, въ которой антихристіанское направленіе этой трагедіи прямо приписывалась происхожденію автора, то Гейне писалъ: «Не смѣшно ли это? Только что я окрестился, какъ меня ругаютъ жидомъ. Теперь я сталъ ненавистенъ и жиду, и христіанину. Я сильно раскаяваюсь и не вижу еще вовсе, чтобы даже мои дѣла сколько-нибудь понравились моимъ обращеніемъ — напротивъ, съ тѣхъ поръ, мнѣ рѣшительно не везетъ». И въ самомъ дѣлѣ, «Гейне не достигъ своимъ обращеніемъ ничего изъ того, что̀ ожидалъ: оно не доставило ему мѣста и не освободило его отъ зависимости отъ дяди» — замѣчаетъ Штродтманнъ въ заключеніе изданнаго имъ перваго тома.

VI.

Первый томъ сочиненія Штродтманна оканчивается на обращеніи Гейне, т. е. на 1825 годѣ. Второй томъ, обѣщанный авторомъ къ веснѣ, до сихъ поръ еще не вышелъ. Тѣ факты изъ жизни поэта, которые разсказаны до сихъ поръ и тѣ сочиненія его, о которыхъ мы имѣли случай упомянуть, далеко не представляютъ не только полной характеристики Гейне, но даже и достаточнаго матеріала для подкрѣпленія того мнѣнія, которое мы о немъ выразили, тѣмъ болѣе, что важнѣйшая часть творчества Гейне, какъ политическаго писателя, принадлежитъ позд-

нѣйшему періоду. Необходимо дополнить этотъ очеркъ взглядомъ на эту дальнѣйшую дѣятельность, для того, чтобы характеристика не вышла бездоказательною.

Важную эпоху въ развитіи Гейне составила французская революція 1830 года. То, что̀ онъ предчувствовалъ или къ чему стремился, осуществилось; правда, не въ «странѣ дубовъ», но на ея границѣ, на другомъ берегу родимой рѣки Генриха Гейне. Свобода нанесла первый, сильный ударъ реставраціи, не только реставраціи французской, но всей европейской реставраціи, въ общей ея связи. За изверженіемъ въ Парижѣ, послѣдовали сильные волканическіе отклики въ разныхъ мѣстахъ Европы, и Германія, съ ея гегелевскимъ раціонализмомъ и романтизмомъ, служившимъ реставраціи подпорнымъ столбомъ, въ изумленіи и съ трепетомъ остановилась и смотрѣла на движеніе, происходившее во Франціи. И это движеніе имѣло свою замѣчательную особенность: оно не такъ сильно дѣйствовало на мѣстѣ, какъ сильно было вліяніе, отражавшееся отъ него вдаль. Революція 1830 года была искажена во Франціи въ полумѣру; она собственно во Франціи не составила даже эпохи въ литературѣ. Но велика была именно ея экспансивность и эта сила вызвала революціи въ разныхъ мѣстахъ и произвела литературную эпоху не во Франціи, а въ Германіи. Романтизмъ вдругъ какъ бы растаялъ отъ этого огня, и согрѣтая имъ, возникла новая литературная плеяда, если не школа, — «юная Германія».

На Гейне революція 1830 года подѣйствовала электрически; она повергла его въ восторгъ и тѣмъ, что̀ исполнила, и тѣмъ въ особенности, что̀ обѣщала. Итакъ, недаромъ онъ бичевалъ ненависть тевтономановъ къ французамъ, недаромъ смѣялся надъ профессоромъ, который чинитъ свѣтъ кусками изъ своего халата, недаромъ высказывалъ презрѣніе къ національной исключительности или самососредоточенію, самовосхваленію! Издавая послѣдній томъ «Reisebilder», уже сильно проникнутый публицистическимъ характеромъ, борьбою противъ фарисейства, онъ приписалъ, въ ноябрѣ 1830 года: «Напрасно ожидаю я услышать слово тѣхъ смѣлыхъ ораторовъ, которые бывало, въ буршескихъ собраніяхъ, такъ часто просили голоса, такъ часто побѣждали меня своимъ риторскимъ талантомъ и говорили столь знаменитымъ языкомъ. Они были такъ громогласны, и стали вдругъ такъ тихи! Какъ ругали они въ то время «франковъ» и «вельшскій Вавилонъ» и того не-германскаго, легкомысленнаго измѣнника отечеству, который хвалилъ французское. А похвала эта оправдалась великою недѣлею. О великая парижская недѣля! И вотъ, и у насъ мужество свободы, навѣянное оттуда на Германію, кое-

гдѣ сбило запоры, такъ что загорѣлись-было красныя гардины.... Но вѣрные ловчіе, коимъ поручена союзная полиція, уже тащатъ гасительныя ведра, и еще бдительнѣе стали нюхать, и еще крѣпче ковать тайныя цѣпи, и я чувствую уже, какъ невидимо сводится надъ нѣмецкимъ народомъ еще болѣе плотная, тюремная стѣна! Бѣдный, заключенный народъ! Не отчаявайся въ бѣдѣ твоей; — о, еслибъ я могъ говорить катапультами!».... «У меня на сердцѣ таетъ горделивая ледяная кора, странное, сладко-тоскливое чувство овладѣваетъ мною — что̀ это? не любовь-ли, любовь къ нѣмецкому народу? Или это — болѣзнь? Душа содрагается, и въ глазахъ у меня горитъ, и это — неудобное обстоятельство для сочинителя, который долженъ господствовать надъ своимъ матерьяломъ и оставаться прилично-обыкновеннымъ, какъ того требуетъ школа искусства и какъ то всегда дѣлалъ Гёте; — такъ-то онъ дѣлалъ до восьмидесяти лѣтъ, и былъ министромъ, и жилъ въ достаткѣ — бѣдный нѣмецкій народъ! — Это-то самый великій изъ твоихъ мужей [1])»!

Не безсознательно, увлеченный духомъ времени, выступилъ Гейне союзникомъ переворота, поколебавшаго реставрацію средневѣкового; онъ открыто, положительно обѣщалъ ему свой союзъ. «Прочь моя жажда спокойствія», писалъ онъ, услыхавъ о трехъ дняхъ: «я опять знаю чего хочу, къ чему я обязанъ, что̀ я сдѣлаю. Сынъ революціи, я берусь опять за оружіе, благословенное волшебницею-матерью. Цвѣтовъ, цвѣтовъ! Я хочу надѣть вѣнокъ для боя на-смерть. И лиру дайте мнѣ — я спою пѣснь борьбы. Слова̀, подобныя огненнымъ звѣздамъ, которыя сожгутъ замки и освѣтятъ хижины. Слова̀, подобныя пламеннымъ копьямъ, которыя долетятъ до блаженствующихъ на седьмомъ небѣ. Я весь — радость и пѣсня, весь — оружіе и пламя [2])»!

И другая модуляція той же темы, въ другомъ мѣстѣ:... «Что за пѣсня! Подъ нее я содрагаюсь отъ радости и во мнѣ зажигаются и звѣзды восторга, и ракеты насмѣшки. Да, въ нихъ не должно быть недостатка при великомъ фейерверкѣ времени. Какъ Гангъ бросается съ Гималая, такъ потекутъ огненныя и звонкія рѣки пѣсни съ высоты наслажденія свободою! И ты, прекрасная Сатира, дочь справедливой Ѳемиды и козлоногаго Пана, помоги мнѣ, вѣдь и ты, со стороны матери вышла изъ рода титановъ, и одинаково со мною ненавидишь враговъ твоей семьи, слабосильныхъ узурпаторовъ Олимпа. Дай мнѣ мечъ твоей

---

[1]) Reisebilder. IV. Schlusswort, 1830.

[2]) Ludwig Börne. Tagebuch aus Helgoland.

матери, чтобы судить ихъ и дай свистѣлку твоего отца, чтобы засвистать ихъ до-смерти [1])».

Ничего этого нельзя было сдѣлать, оставаясь въ Германіи; тамъ можно было только быть докторомъ правъ, да и то опираясь на метрическое свидѣтельство, которое все-таки не охраняло еврея, ни на улицѣ, ни въ литературѣ отъ средневѣкового her, her.... Было въ природѣ вещей, чтобы Гейне переселился во Францію, что̀ онъ и сдѣлалъ въ 1831 году. Только тамъ онъ могъ писать, какъ считалъ себя обязаннымъ писать. Столь же въ природѣ вещей было и то обстоятельство, что сочиненія его были запрещены въ Германіи, во всемъ германскомъ союзѣ (несчастный этотъ союзъ только и выказалъ свою причину быть — въ комбинированіи общихъ полицейскихъ мѣропріятій). Случилось это въ 1835 году, по доносу Вольфганга Менцеля, котораго имя можетъ быть разнообразно переведено и на русскій языкъ. Высокій союзъ запретилъ не только написанныя уже книги Гейне, но и тѣ, «которыя онъ имѣетъ написать впослѣдствіи».

Это было вовсе не такъ глупо, какъ кажется. То, что̀ принято называть реакціею, вообще было вовсе не такъ глупо, какъ утверждаютъ либералы. Мѣра, принятая относительно Гейне, не только «предохраняла» Германію въ значительной степени отъ произведеній, «которыя могли быть только пагубны», но и лишала врага порядка, въ значительной степени, средствъ къ жизни, ставя его въ коммерческомъ смыслѣ въ стѣснительныя условія контрабанды. И, какъ послѣдствіе, очень желанное, этой мѣры явилась для Гейне необходимость принять денежную помощь отъ французскаго правительства, въ качествѣ изгнанника. А это опять̀ давало и Менцелю, и всякимъ другимъ благонамѣреннымъ, которые наживали доходныя мѣста̀ и пенсіи отъ правительствъ родныхъ, стало быть служили своей родинѣ, громадное преимущество въ глазахъ даже честныхъ людей, предъ изгнанникомъ, «подкупленнымъ» французами.

Эти добродушные люди забывали, что Гейне и гораздо раньше того, въ то время, когда онъ точно такой же суммою былъ подкупленъ гамбургскимъ банкиромъ, указывалъ нѣмцамъ на Францію, какъ на примѣръ народа способнаго соединять съ мыслью и словомъ — дѣло. Денежная помощь отъ французскаго правительства стѣснила его впрочемъ, въ томъ смыслѣ, что въ «парижскихъ письмахъ», которыя онъ писалъ въ аугсбургскую Allgemeine Zeitung, онъ не могъ говорить ничего рѣзкаго объ іюльской монархіи. Извѣстный поэтъ, Рудольфъ Готшалль —

[1]) Reisebilder, III. Nachschrift, 1830.

одинъ изъ представителей «Молодой Германіи» — который недавно напечаталъ несовсѣмъ точную, мѣстами невѣрную, статью о Гейне [1]), выражаетъ мнѣніе, что Гейне совсѣмъ иначе отзывался бы о Людовикѣ-Филиппѣ и доктринерствѣ, еслибы Гизо не «позолотилъ» ему его изгнаніе. «Гизо, конечно, не былъ натурою симпатичною для Гейне», говоритъ онъ; «онъ былъ въ дѣйствительности въ нѣкоторомъ родѣ Атта-Тролль, а вѣдь все равно подъ нѣмецкую или французскую мелодію пляшутъ такіе «медвѣди направленія. Доктринерство должно было внушать Гейне рѣшительное отвращеніе потому, что было противно самой сущности его природы». Замѣтимъ прежде всего, что субсидію въ 1,500 франковъ, которую получалъ Гейне, только развѣ иронія можетъ назвать «озолоченіемъ изгнанія».

Что касается несовмѣстимости доктринерства съ гейневскою ненавистью ко всякимъ «законченнымъ» школамъ и несродства особенно этой школы съ его личнымъ характеромъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но сомнительно, что онъ сталъ бы писать въ нѣмецкую газету противъ парламентскаго порядка, существовавшаго во Франціи, если бы и не былъ связанъ; это очень сомнительно. Газетныя корреспонденціи и догматическія статьи не то, что поэтическія выходки. Тутъ приходится принимать въ соображеніе не только то, что̀ хочется сказать, но и то, когда и гдѣ чего нельзя говорить. Самъ Рудольфъ Готшалль въ своей статьѣ о Гейне и въ разныхъ другихъ новѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, развѣ предается безъ оглядки тому увлеченію, которое вдохновило его «Богиню» и «Карла Зено?» Нѣтъ, онъ занесъ въ свою памятную книгу ту перемѣну, какая произошла въ Германіи и особенно теперь не скажетъ въ холодной, трезвой журнальной бесѣдѣ того, что̀ воспѣвалъ въ стихахъ, въ иную пору.

Правда, Гейне менѣе чѣмъ кто-либо стѣснялся подобными соображеніями; иначе онъ не написалъ бы книги «о Бёрне», а пожалуй и поэмы «Атта-Тролль». Но въ корреспонденціяхъ въ политической газетѣ и онъ, конечно, былъ доступенъ приведеннымъ соображеніямъ, хотя отрицалъ ихъ въ книгахъ, имѣвшихъ спеціальное назначеніе. На что̀ бы было похоже, еслибы послѣ всѣхъ своихъ стараній указать нѣмцамъ на примѣръ Франціи и на свободныя учрежденія, какъ на ближайшую цѣль, въ которой слѣдовало стремиться, онъ, изгнанный изъ Германіи старымъ порядкомъ, пріѣхавъ во Францію сталъ смѣяться надъ нею и доказывать нѣмцамъ, въ нѣмецкой политической газетѣ,

[1]) Unsere Zeit. 1 März, 1868.

да еще въ аугсбургской Allgemeine Zeitung, что и новый порядокъ — ложь? Вѣдь онъ работалъ бы прямо въ руку господину Менцелю.

Итакъ, мы не можемъ допустить мысли, чтобы французское «золото» — какъ его называетъ Рудольфъ Готшалль, повліяло на характеръ дѣятельности Гейне, даже и въ этомъ отдѣльномъ случаѣ. Мы должны были остановиться на фактѣ этой помощи, которой пользовался Гейне, именно потому, что онъ служитъ теперь для пруссо-восторженныхъ нѣмцевъ однимъ изъ поводовъ къ тому, чтобы смотрѣть свысока на единственнаго великаго ихъ сатирика, умалять значеніе единственнаго собственнаго бича, который нарушилъ ихъ олимпійское самоуслажденіе своею народностью. Гейне самъ говорилъ объ упомянутомъ пособіи просто и съ достоинствомъ: «Помощь, которую я получилъ отъ министерства Гизо, не была платою; она такъ и была просто вспомоществованіемъ, назову вещь по имени — великою милостынею, которую подавалъ французскій народъ столькимъ тысячамъ тѣхъ иностранцевъ, которые своимъ усердіемъ въ дѣлѣ революціи съ большею или меньшею славою компрометировались въ своихъ странахъ и искали убѣжища у гостепріимнаго очага Франціи».

Въ первые годы своего пребыванія во Франціи, Гейне исполнилъ отчасти ту задачу посредника между нѣмецкою и французскою литературою, о которой онъ мечталъ во время первой поѣздки въ Люнебургъ. Онъ прочелъ въ Парижѣ популярный курсъ объ умственномъ движеніи въ Германіи и эти лекціи, предназначавшіяся сперва для Revue des deux mondes, напечаталъ въ 1834 году подъ названіемъ: «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland [1]). Въ предисловіи 1852 года, самъ Гейне называетъ это сочиненіе «отрывкомъ». Въ Германіи его называли поверхностнымъ. Но оно хорошо удовлетворяло своей цѣли: ознакомленію массы образованной парижской публики съ развитіемъ германскаго духа. Блестящее изложеніе Гейне, которое не придаетъ, конечно, ученаго значенія этому сочиненію, было огромнымъ достоинствомъ популярныхъ лекцій. Замѣчателенъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, тотъ совѣтъ французамъ, которымъ онъ заключалъ этотъ небольшой курсъ: «Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ, будьте осторожны. Пусть въ Германіи случится что можетъ, пусть господство въ ней захватитъ кронпринцъ прусскій или докторъ Виртъ, вы оставайтесь вооружен-

[1]) Онѣ составляютъ теперь 2-й томъ «Салона», въ изданіи Гоффмана и Кампе 1852 года.

ными, стойте спокойно на-сторожѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Я желаю вамъ хорошаго и меня весьма испугало, когда я недавно услыхалъ, что ваши министры намѣреваются обезоружить Францію. Такъ какъ вы, не смотря на вашъ романтизмъ — классики по рожденію, то Олимпъ вамъ знакомъ. Среди голыхъ боговъ и богинь, которые услаждаются тамъ нектаромъ и амброзіею, вы видите одну богиню, которая хотя и окружена подобною радостью и успѣхомъ, однакоже постоянно носитъ на себѣ панцырь и шлемъ на головѣ, и копье въ рукѣ. Она-то и есть богиня мудрости». То, что̀ было сказано нѣмецкимъ поэтомъ французамъ въ эпоху политическаго безсилія и уничиженія Германіи съ цѣлью возвысить ее въ ихъ глазахъ, оказывается нынѣ совсѣмъ вѣрнымъ только въ иномъ смыслѣ.

VII.

Книгу о Бёрне и поэму «Атта-Тролль» мы должны поставить отдѣльно отъ другихъ сочиненій второго періода Гейне и поставить ихъ именно рядомъ, хотя онѣ писаны въ разное время, именно первая въ 1840, а послѣдняя въ 1841 году, хотя послѣдняя поставлена самимъ авторомъ какъ pendant къ поэмѣ «Германія» [1]). Различіе, которое мы проводимъ здѣсь, отказываясь сопоставлять «Германію» и Атта-Тролль», какъ то дѣлаютъ нѣмецкіе критики, очень важно. Нѣмцамъ, которые вообще чувствуютъ себя unbehaglich подъ сатирою Гейне потому именно, что они не сатирическій народъ, неспособный къ самообличенію, очень пріятно видѣть въ безцѣльномъ «Атта-Троллѣ» продолженіе чисто-политической «Германіи». Какъ «Атта-Тролль» есть именно одинъ изъ тѣхъ капризовъ поэта, одинъ изъ протестовъ поэтическаго таланта противъ утилитаризма, — о чемъ мы говорили выше,—какъ эта поэма есть возвращеніе къ субъективному романтизму и злая насмѣшка надъ деспотическими вымогательствами политическаго призванія поэта, то для національнаго тщеславія очень удобно видѣть въ «Германіи» только прологъ къ ней, видѣть въ этой чисто-политической эпиграммѣ тотъ же индифферентизмъ, котораго послѣднее слово сказано въ «Атта-Троллѣ». Такое сопоставленіе отнимаетъ у ядовитыхъ насмѣшекъ «Германіи» ихъ истинное значеніе, представляя автора ихъ индифферентомъ.

Но всѣ эти усилія падаютъ уже передъ тѣмъ фактомъ, что

[1]) Deutschland, ein Wintermärchen.—Atta-Troll, ein Sommernachtstraum.

не «Атта-Тролль» написанъ послѣ «Германіи», а наоборотъ, «Германія» написана три года послѣ «Атта-Тролля». Сатира, которую мы находимъ въ «Германіи»,—та самая, цѣлесообразная сатира, которою дышатъ и другія политическія произведенія Гейне. Что общаго между великолѣпнымъ протестомъ противъ мрачной клерикальной силы, по поводу кёльнскаго собора, и между романтическими прыжками «Атта-Тролля», въ которыхъ поэтъ обороняется шпильками отъ преслѣдующаго его «служенія обществу»? Что общаго между «медвѣдемъ тенденціи», «Атта-Троллемъ» и серьезнымъ отношеніемъ къ имперской идеѣ, въ лицѣ Барбароссы, въ «Германіи»? Скажемъ болѣе: нигдѣ такъ ясно, какъ именно въ этомъ послѣднемъ произведеніи, Гейне не обрисовалъ убѣжденія своего въ политическомъ призваніи поэта, въ призваніи его служить человѣчеству. Вспомнимъ о мрачномъ ликторѣ, который сопровождаетъ поэта на улицахъ древняго Кёльна.

«Я встрѣчаю тебя именно въ тѣ часы, когда въ груди моей возникаютъ міровыя чувства и въ мозгѣ проносятся молніи духа.» — «Скажи, что скрываешь ты здѣсь, подъ плащемъ, что тайно блеститъ? Кто ты, и что тебѣ надо»? — А тотъ отвѣчалъ сухо, даже флегматично: пожалуйста не заклинай меня, и не пускайся въ напыщенность. — «Я не привидѣніе прошлаго, не призракъ вышедшій изъ гроба, я не люблю реторики, да и философствовать не охотникъ. Моя натура практическая, я всегда молчаливъ и спокоенъ. Но знай, то, что ты создалъ въ духѣ, то я исполняю, то я дѣлаю. И хоть года пройдутъ я не отдохну пока не обращу въ дѣйствительность то, что ты думалъ; ты мыслишь, а я, я дѣйствую. Ты судья, я приставъ, и съ послушаніемъ холопа я исполняю приговоръ, тотъ, что ты произнесъ, хотя бы онъ былъ и несправедливъ. Въ Римѣ, во дни древности, консулу предносили топоръ, и у тебя есть ликторъ, но топоръ несетъ онъ вслѣдъ за тобою. Я твой ликторъ и иду постоянно съ блестящимъ топоромъ суда за тобою; я дѣло твоей мысли».

Замѣтимъ: при этомъ самъ поэтъ говоритъ въ началѣ, что духъ этотъ не являлся къ нему въ послѣдніе года, то есть во время, непосредственно предшествовавшее сочиненію «Германіи», стало быть именно во время, когда поэтъ спрятался отъ общественной борьбы за романтическій, усаженный острыми кольями заборъ «Атта-Тролля». Все это доказываетъ до очевидности, что духовной связи между двумя этими поэмами нѣтъ; онѣ, напротивъ,— крайніе пункты противоположныхъ направленій, и грѣхъ «Атта-Тролля» нисколько не ослабляетъ намѣренной, сознательной сатиры «Германіи» на все, что было въ Германіи мрачнаго, деспо-

тичнаго, фальшиваго и смѣшного: на генгстенберговъ клерикализмъ, на прусскую солдатчину, на умственную ограниченность нѣмецкихъ «почвенниковъ»-тевтомановъ, на либеральничанье съ черно-красно-золотымъ знаменемъ, само не сознававшее практической цѣли и проявлявшееся болѣе рѣчами, чѣмъ дѣлами и т. д. Серьезная критика не позволитъ нѣмецкому тщеславію смывать шутками «Атта-Тролля» ту чисто-политическую каррикатуру, которую Гейне нарисовалъ въ поэмѣ «Германія» острымъ карандашемъ истиннаго сатирика-прогрессиста.

«Атта-Тролль» — это минутное возмущеніе противъ пропаганды, какъ и книга о Бёрне; обоимъ этимъ произведеніямъ не слѣдовало бы быть, еслибы поэтъ былъ строго обязанъ ко всей сдержанности публициста, если бы можно было требовать ея отъ него, еслибы, выражаясь классически, можно было кастрировать пегаса, запрягаемаго подъ колесницу человѣческаго культа. Мы согласны, что «Атта-Тролль» какъ насмѣшка надъ серьезными вещами, была шалость, незаслуживающая похвалы; что касается книги о Бёрне, то она была даже положительно-дурнымъ поступкомъ, такъ какъ въ ней Гейне доводилъ протестъ своей поэтической индивидуальности, своей субъективности, антитезу между «талантомъ» и политическимъ «характеромъ», до оскорбленія честныхъ дѣятелей, движимый соперничествомъ къ Бёрне, однимъ словомъ уступая нехорошему чувству. Но «Германія», это—пропаганда, блестящая пропаганда, могущественная настолько, насколько дѣйствительны самыя острыя стрѣлы сатиры на человѣчество, управляемое, послѣ интереса, болѣе всего тщеславіемъ.

Только мелочность могла принимать за посягательство на идею тѣ нападки на искаженія ея, которыя встрѣчаются какъ въ «Германіи», такъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Гейне, за исключеніемъ книги о Бёрне и «Атта-Тролля», гдѣ нападки на нѣкоторую деспотичность искреннихъ служителей этой идеѣ — преднамѣренны. Такая же мелочность нужна была, чтобы принять сатиру на враговъ и нелѣпыхъ друзей Германіи, и на бездѣйствіе ея народа за проявленіе нелюбви поэта къ своему отечеству. Въ эту ошибку впалъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, А. А. Григорьевъ, который, въ своей характеристикѣ Гейне [1]), приписываетъ сатиру Гейне его космополитизму по происхожденію, т. е. иными словами утверждаетъ, что Гейне не любилъ Германіи потому, что былъ еврей. «Космополитизмъ такой, какъ у Гейне—говоритъ нашъ критикъ — былъ бы противенъ во всякой другой натурѣ (?), и напиши поэму «Deutschland» всякій дру-

[1]) Предисловіе къ сочиненіямъ Гейне, въ русскомъ переводѣ.

гой, кромѣ Гейне, ее было бы омерзительно читать (!). Но здѣсь, въ его поэмѣ, вы чувствуете на каждомъ шагу, что не сынъ ругается тутъ надъ родной матерью, а вѣчный пришлецъ и вѣчный скиталецъ надъ страною, когда-то бывшею его мѣстопребываніемъ». Мнѣніе это понятно со стороны изобрѣтателя одного изъ старыхъ нашихъ литературныхъ девизовъ: «почвы». А. Григорьевъ только въ «оторванномъ отъ почвы», въ странникѣ допускалъ сатиру; стой Гейне на нѣмецкой почвѣ ногами не еврейскими, а нѣмецкими, и его сатиру было бы омерзительно читать! Сатиру онъ принимаетъ за ругательство! Почему? Потому что въ сатирѣ нѣтъ «любви», а намъ «всего нужнѣе любовь», проповѣдовалъ нѣкогда органъ, въ которомъ писалъ Григорьевъ. Замѣчательно: и Гёте сказалъ о Гейне именно, что «ему недостаетъ любви». У Гейне мало любви! Да Гейне весь былъ любовь, какъ онъ справедливо самъ сказалъ: весь любовь, правда и весь ненависть! И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть у писателя любовь, безъ соотвѣтствующей ненависти къ тому, что̀ будетъ оскорблять эту любовь? Такая любовь годится развѣ на надписи къ конфектамъ.

По крайней мѣрѣ, не такою любовью любили Россію Гоголь и Грибоѣдовъ. Не такою любовью любилъ Германію Гейне, у котораго однако вездѣ просвѣчиваетъ горячая привязанность къ родинѣ, а во многихъ стихотвореніяхъ его доходитъ до увлекательнаго лиризма. Нѣтъ любви у Гейне! И кто же сказалъ это? веймарскій индифферентистъ, классическій грекъ въ Германіи — Гёте!

Относительно упрека въ космополитизмѣ Гейне самъ высказался въ предисловіи къ «Германіи»: «Что я предвижу съ наибольшимъ соболѣзнованіемъ—говоритъ онъ иронически—это вопль тѣхъ фарисеевъ народности, которые идутъ теперь рука объ руку съ антипатіями правительствъ, равно пользуются любовью и почтеніемъ цензуры и могутъ давать тонъ въ журналистикѣ, тамъ, гдѣ дѣло въ томъ, чтобы нападать на тѣхъ противниковъ, которые въ то же время противники господъ этихъ людей. Впрочемъ сердце наше покрыто бронею противъ неудовольствія этихъ лакеевъ въ черно-красно-голубой ливреѣ. Я уже слышу ихъ пивные голоса: ты кощунствуешь даже надъ нашими цвѣтами, святотатецъ отечества, другъ французовъ, которымъ ты хочешь уступить свободный Рейнъ! Успокойтесь. Я стану уважать ваши цвѣта, когда они это заслужатъ, когда они перестанутъ быть праздною или холопскою забавою. Водрузите черно-красно-золотое знамя на высоту германской мысли, сдѣлайте изъ нея хоругвь свободнаго человѣчества, и я отдамъ за нее лучшую кровь

сердца. Успокойтесь, я люблю отечество не менѣе, чѣмъ вы. Изъ-за этой-то любви я прожилъ тринадцать лѣтъ въ изгнаніи, и ради ея же возвращаюсь опять въ изгнаніе». Затѣмъ онъ объясняетъ нѣмцамъ, что только сильнѣйшимъ содѣйствіемъ во всемірномъ человѣческомъ дѣлѣ, самымъ ревностнымъ участіемъ въ борьбѣ, примѣромъ свободы они могутъ возвысить свою національность надъ другими, и что тогда не только Эльзасъ и Лотарингія, но и весь свѣтъ сдѣлаются нѣмецкими. Для этого-то онъ призываетъ нѣмцевъ «довершить то, что французы начали, превзойти французовъ въ дѣлѣ, какъ нѣмцы уже превзошли ихъ въ мышленіи», и предсказывая Германіи на этомъ пути славную будущность, говоритъ: «Объ этомъ-то призваніи и всемірномъ господствѣ Германіи часто я мечтаю, когда хожу въ тѣни дубовъ. Таковъ *мой* патріотизмъ». Подумайте, чему принадлежитъ будущность—этому ли возвышенному, раціональному, единственному патріотизму, свободному отъ посягательствъ нетерпимости; или той Franzosenfresserei, которую преслѣдовалъ Гейне; или тому взаимному отчужденію народовъ, самовосхваленію національностей, и неизбѣжной, вѣчной борьбѣ, наконецъ предпочтенію роднаго прыщика, родной гнили, силѣ и свѣту, когда ихъ являетъ чужой примѣръ.... Затѣмъ рѣшите: значитъ-ли сатира Гейне ругательство и глумленіе, или она значитъ прижиганіе родного прыщика и родной язвы.

«Salon» написанъ между 1831 и 1838 годами. Впрочемъ, въ это собраніе вошелъ и отрывокъ «Бахарахскій раввинъ», писанный еще въ Гёттингенѣ. Книга о Бёрне написана въ 1840 году. Съ этой книгой сопряжены были для Гейне два событія: дуэль и женитьба. Его вызвалъ мужъ одной оскорбленной имъ пріятельницы Бёрне, г-жи Штрауссъ, о которой онъ сказалъ, что она «похожа на медицейскую Венеру, тѣмъ, что также стара, также лишена зубовъ, и подбородокъ ея, когда она выбрѣется, также гладокъ, какъ у мраморной богини.» Дуэль произошла въ сентябрѣ 1841 года въ Сенъ-Жерменѣ, и Гейне былъ раненъ пулею въ ляжку. Передъ дуэлью, онъ придалъ законность своему сожительству съ искренно любившею его, и любимою имъ француженкою, Матильдою.

«Атта-Тролль», какъ мы уже сказали, писанъ въ 1841 году, но изданъ онъ былъ въ 1846. «Германія» — повторяемъ для общаго перечня — писана въ 1844 году «послѣ путешествія, которое Гейне предпринялъ въ Германію зимою». Въ этомъ же году явились «Neue Gedichte», но въ этотъ сборникъ вошли многія стихотворенія, писанныя гораздо раньше, въ тридцатыхъ и даже двадцатыхъ годахъ. Такъ, къ 1839 году относится испол-

ненное трогательной любовью къ родинѣ, не смотря на неизбѣжную иронію, которая всегда аккомпанируетъ своимъ диссонансомъ тѣ поэтическія увлеченія Гейне, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ одну мечтательность:

O Deutschland, meine ferne Liebe,
Gedenk' ich deiner, wein' ich fast!
Das muntre Frankreich wird mir trübe,
Das leichte Volk wird mir zur Last.
. . . . . .
. . . . . .
Dem Dicter war so wolh daheime,
In Schilda's theurem Eichenhein;
Dort wob ich meine zarten Reime
Aus Veilchenduft und Mondenschein.

Сборникъ «Neue Gedichte» явился послѣ кратковременнаго и неудачнаго политическаго движенія въ Германіи 1840 года. Въ немъ есть откликъ на это событіе, и откликъ этотъ заключается въ ѣдкихъ насмѣшкахъ надъ риторствомъ вождей, незрѣлостью мысли движенія, и бездѣйствіемъ народа, его лѣностью и его разочарованіемъ при встрѣчѣ съ первымъ препятствіемъ. Такъ, въ стихотвореніяхъ, обращенныхъ къ поэтамъ Дингельштедту и Гервегу, и въ стихотвореніи «Tendenz» Гейне издѣвался надъ самообольщеніемъ литературы, которая считала народъ зрѣлымъ къ движенію и самое движеніе 1840 года серьезнымъ. Гервегу онъ говоритъ:

. . . . . .
Doch als der holde Rausch entwich,
Mein theurer Freund, du warst betroffen —
Das Volk die katzenjämmerlich,
Das eben noch so schön besoffen!

Когда возникло въ Германіи движеніе болѣе серьезное, хотя все-таки еще далеко не народное, именно въ 1848 году, Гейне уже былъ надломленъ и болѣзнью, и разочарованіемъ. Въ это время онъ уже не могъ быть практическимъ участникомъ движенія, уже по той причинѣ, что съ 1848 года не вставалъ съ постели, да сверхъ того, въ это время, въ его развитіи наступила новая пора: ему стало понятно, что однѣ политическія реформы не искоренятъ зла и неправды, и что онѣ будутъ даже непрочны и безсильны передъ произволомъ, если съ ними не будетъ связана ближайшими интересами народная масса. Но пойти самъ по этому новому пути, углубиться въ самый фундаментъ общественныхъ отношеній, на которомъ приходится строить такую или иную, всякую политическую форму, — онъ уже

не чувствовалъ въ себѣ силъ. Онъ сознавалъ, что настаетъ для этой новой борьбы новое поколѣніе, и не безъ нѣкотораго ужаса, но съ покорностью признавалъ его призваніе. Въ запискахъ Фарнгагена находится трогательное мнѣніе, высказанное Генрихомъ Гейне о Фердинандѣ Лассаллѣ. Больной и разочарованный боецъ сознавалъ, что это—одинъ изъ новыхъ людей, людей здоровыхъ и нѣсколько крутыхъ, свободныхъ отъ разрозненности переходнаго времени; сознавалъ, что они поведутъ общество далѣе, чѣмъ предполагали либералы, въ томъ числѣ и самъ Гейне, и открыто покорялся этому, признавая свою роль сыгранною, свой невольный страхъ тщетнымъ. Онъ сравнивалъ себя и своихъ современниковъ съ курицей, которая сама высидѣла утиныя яйца и потомъ съ ужасомъ видитъ, какъ вылупившіяся малютки поплыли по водѣ.

Въ «Romanzero», изданномъ въ 1851 году, уже во время продолжительной агоніи поэта, встрѣчаются еще великолѣпные проблески поэтическаго генія, но постепенно чувствуешь, что человѣкъ уже сломленъ. Всего лучше характеризовалъ онъ самъ свое положеніе въ одномъ изъ стихотвореній этого сборника, Enfant perdu:

Verlor'ner Posten in dem Freiheitskriege,
Hielt ich seit dreissig Jahren treulich aus.
Ich kämpfte ohne Hoffnung, das ich siege,
Ich wusste, nie komm' ich gesund nach Haus.
. . . . . .
. . . . . .
Ein Posten ist vacant! — Die Wunden klaffen —
Der eine fällt, die andern rücken nach —
Doch fall' ich unbesiegt, und meine Waffen
Sind nicht gebrochen — Nur mein Herze brach.

Приведемъ еще одно стихотвореніе изъ Romanzero:

Конецъ! Опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ....
Ну что-жъ, успѣхъ имѣла пьеса?
О да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ
И крикъ, и вызовы, и топотъ....
Ушли.... и зала ужъ темна,
Потухли свѣчи.... тишина....
Чу! что-то глухо прозвенѣло,
Во тьмѣ, близъ сцены опустѣлой....
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ... Тамъ что? Крысы
Грызутъ ненужныя кулисы....
И лампы гаснутъ, и чадитъ

От нихъ дымящееся масло....
Одна осталась.... вотъ — шипитъ,
Шипитъ.... чуть тлѣетъ.... и угасла....
Ахъ, эта лампа.... то друзья
Была, увы, душа моя [1]).

Считаемъ излишнимъ какъ продолжать эти выписки, такъ и приводить тѣ признанія въ прозѣ, приложенныя къ «Romanzero», изъ которыхъ видно, что поэтъ возвратился къ мысли религіозной, хотя и вовсе не согласной ни съ какою церковью.

Юморъ, легко переходившій въ сарказмъ, не оставлялъ Гейне и въ послѣдніе года, среди страшныхъ страданій спинного мозга. Съ 1848 года онъ не вставалъ съ постели, наконецъ почти ослѣпъ, и когда хотѣлъ посмотрѣть на кого-нибудь, то поднималъ рукою вѣку на одномъ глазу. Такъ онъ посмотрѣлъ на маленькую жену брата своего Густава и сравнивъ ее со своею Матильдою, особою высокаго роста, сказалъ: «братъ, ты умнѣе, ты изъ золъ выбралъ меньшее». Ему же Гейне, при прощаніи (въ 1851 году) говорилъ: «Пріѣзжай еще разъ повидаться; не безпокойся, я теперь еще не умру, потому что мнѣ некогда. Надо привесть въ порядокъ полное собраніе моихъ сочиненій; я обѣщалъ это Кампе; ты его знаешь, прежде онъ не позволитъ умереть». И въ самомъ дѣлѣ, Гейне прожилъ еще шесть съ половиною лѣтъ послѣ посѣщенія его братомъ, и успѣлъ привесть въ порядокъ изданіе, предпринятое Кампе, и продиктовать предисловія и примѣчанія къ главнымъ своимъ произведеніямъ. Онъ умеръ 17 февраля 1856 года.

За четырнадцать дней до смерти онъ написалъ фантастическое стихотвореніе на свою смерть, въ которомъ представляетъ себя лежащимъ въ гробу.

Такой траурной фантазіею кончилъ поэтъ, который началъ свое поприще пѣснью любви. Любовь его долго переживетъ его самого, воспѣтая въ образцовыхъ созданіяхъ. Но не одну ее онъ завѣщалъ міру. Вспомнимъ его стихи:

Der eine fällt — die andern rücken nach —
Doch fall' ich unbesiegt, und meine Waffen
Sind nicht gebrochen...

Л. Полонскій.

---

[1]) Въ переводѣ А. Григорьева.

ЯНЪ ГУСЪ

и

ЧЕШСКАЯ НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.

Höfler, Magister Iohannes Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag, 1409. Prag 1864.
Palacky, Die Geschichte des Hussitenthums und Professor Constantin Höfler. Prag. 1868.

Народное движеніе въ Богеміи, не прекращавшееся съ тѣхъ поръ, какъ началась въ Австріи внутренняя преобразовательная работа, принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Не довольствуясь немногими уступками, сдѣланными министерствомъ Белькреди, чехи хотятъ образованія чешскаго королевства, которое обнимало бы собою Богемію и Моравію и австрійскую Силезію, и было бы поставлено на одинъ уровень съ королевствомъ венгерскимъ, т. е. соединено съ имперіей на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ соединена съ ней Венгрія законодательствомъ 1867 г. Право свое на самостоятельность чехи защищаютъ, между прочимъ, аргументами, почерпнутыми изъ исторіи; такими же аргументами возражаетъ имъ и противная сторона. По мнѣнію чеховъ, страна съ такимъ прошедшимъ, какимъ гордится Богемія, не можетъ низойти на степень обыкновенной провинціи; народъ, постоянно шедшій своимъ особымъ путемъ, создавшій самобытную цивилизацію и съумѣвшій сохранить себя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не можетъ быть обреченъ на безусловное сліяніе съ другимъ народомъ. Порядокъ вещей,

уничтоженный исключительно съ помощью грубой силы, долженъ быть возстановленъ, какъ только руководящимъ началомъ въ государственной жизни, вмѣсто силы, является право. Противники чеховъ отвѣчаютъ на это, что зависимость Чехіи отъ Германіи, не только политическая, но и умственная, началась почти одновременно съ существованіемъ чешскаго государства; что Чехія обязана Германіи всѣми лучшими сторонами своего общественнаго устройства; что разрывъ между Чехіей и Германіей, совершившійся въ XV вѣкѣ, былъ уклоненіемъ съ настоящей дороги — уклоненіемъ, тяжело отозвавшимся на виновникахъ его, т. е. на чехахъ; что требовать равноправности съ Венгріей Богемія не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ Венгрія, за исключеніемъ короткаго перерыва, не переставала пользоваться своими старинными правами, а Богемія потеряла ихъ безвозвратно два съ половиною вѣка тому назадъ. Понятно, что споръ, перенесенный такимъ образомъ на историческую почву, долженъ былъ сосредоточиться преимущественно на критическихъ эпохахъ, на главныхъ дѣятеляхъ богемской исторіи. Въ ряду этихъ эпохъ стоитъ на первомъ планѣ эпоха гусситизма, въ ряду этихъ дѣятелей — Янъ Гусъ. Имя Гуса никогда еще не пользовалось въ Богеміи такою громадною популярностью, какъ въ послѣднее время. Оно становится девизомъ борьбы за самостоятельность Чехіи, сигналомъ народныхъ демонстрацій противъ владычества нѣмцевъ. Къ могилѣ Гуса отправляются цѣлыя сотни чешскихъ пилигримовъ; въ день его смерти память его чествуется всѣмъ чешскимъ народомъ. Не менѣе страстны, съ другой стороны, нападенія нѣмецкой партіи противъ Гуса. Появляется цѣлый рядъ сочиненій, исключительно направленныхъ къ тому, чтобы помрачить его славу, унизить его заслуги, выставить его узкимъ, близорукимъ фанатикомъ, принесшимъ не пользу, а только вредъ своему народу. Къ числу самыхъ упорныхъ противниковъ Гуса принадлежитъ профессоръ пражскаго университета Константинъ Гёфлеръ, издатель историческихъ памятниковъ, относящихся къ эпохѣ гусситизма (Scriptores rerum hussiticarum). Комментаріи его къ этимъ памятникамъ, а также отдѣльное сочиненіе его о Гусѣ, названное въ заглавіи нашей статьи, представляютъ собою длинный рядъ обвиненій противъ Гуса и гусситизма. На нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій отвѣчалъ недавно глава чешской исторической школы, Палацкій. Мы хотимъ коснуться только одного пункта полемики между Гёфлеромъ и Палацкимъ, а именно вопроса о томъ, можно ли считать Гуса систематическимъ врагомъ нѣмецкой народности, представителемъ слѣпого, до нетерпимости крайняго чешскаго патріотизма? Для разрѣшенія этого вопроса

необходимо прежде всего бросить бѣглый взглядъ на исторію Богеміи до Гуса.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Богемія и сосѣднія съ нею славянскія земли (Моравія, Силезія, Лузація) подверглись очень рано вліянію Германіи. Уже Карлъ Великій обложилъ ихъ данью, отъ которой, впрочемъ, онѣ нѣсколько разъ освобождались при слабыхъ преемникахъ его. Христіанство проникло въ Богемію почти одновременно и съ запада, и съ востока; главными распространителями его, однако, были славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій. Проповѣдь единоплеменниковъ не встрѣтила тѣхъ препятствій, съ которыми должна была бороться проповѣдь чужеземцевъ. Меѳодій крестилъ богемскаго князя Боривоя. Но уже въ концѣ IX вѣка Богемія присоединилась къ регенсбургской епархіи, и латинская литургія стала оспаривать господство у славянской. Вратиславъ и св. Вячеславъ, царствовавшій въ началѣ X вѣка, старались возстановить самостоятельность чешской церкви, но безъ успѣха; въ то же самое время счастливый походъ императора Генриха I въ Богемію заставилъ Вячеслава возобновить прерванный платежъ дани въ пользу имперіи. Въ концѣ X вѣка Богемія отдѣлилась отъ регенсбургской епархіи и образовала, вмѣстѣ съ сосѣдними славянскими землями, особую церковную область, центромъ которой сдѣлалась Прага; но это не повлекло за собою возвращенія къ славянскимъ обрядамъ, почти вездѣ уступившимъ мѣсто латинской литургіи. Новая епархія была подчинена архіепископу Майнцскому, первому духовному сановнику германской имперіи. Въ большей части богемскихъ монастырей, основанныхъ въ X и XI вѣкѣ, дѣйствовалъ уставъ одного изъ западныхъ монашескихъ орденовъ — ордена бенедиктинцевъ. Въ концѣ XI в. монастырь св. Прокопія на Сазавѣ, главный оплотъ славянскаго богослуженія, былъ переданъ герцогомъ Вратиславомъ II-мъ въ руки бенедиктинцевъ. Политическая связь между Богеміей и германской имперіей также становилась все тѣснѣе и тѣснѣе — герцогъ Вратиславъ II-й поддерживалъ императора Генриха IV въ борьбѣ его съ папой и мятежными князьями; король Владиславъ I-й сражался въ Италіи подъ знаменами Фридриха Барбароссы. Императоры Генрихъ V, Генрихъ VI играютъ роль верховнаго судьи въ семейныхъ распряхъ богемскаго княжескаго дома. Начиная съ XI вѣка, богемскіе князья вступаютъ въ бракъ почти исключительно съ нѣмецкими принцессами; нѣмецкій элементъ при княжескомъ дворѣ становится все сильнѣе и сильнѣе. Находя въ нѣмецкихъ монастыряхъ опору противъ увеличивающейся власти дворянства, князья заботятся объ умноженіи числа

этихъ монастырей, надѣляютъ ихъ землями, даютъ имъ привилегіи разнаго рода. Позже, въ XIII вѣкѣ, начинается основаніе городовъ нѣмецкими выходцами, поощряемое, вызываемое князьями не только для развитія промышленности и торговли, но и въ видахъ противодѣйствія вліянію аристократіи. Нѣмецкое населеніе приноситъ съ собою нѣмецкіе обычаи, нѣмецкія юридическія установленія и взгляды. Королевское достоинство было даровано богемскимъ герцогамъ императорскою властью и утверждено за ними папой Иннокентіемъ III; короли богемскіе получили, въ свою очередь, право участвовать въ избраніи императора. Во время междуцарствія, король богемскій Оттокаръ II, овладѣвшій, кромѣ Богеміи, Австріей и Штиріей, былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ имперскихъ князей; онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, возложить на себя императорскую корону. Эта эпоха высшаго могущества богемскихъ королей была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой наибольшей германизаціи Богеміи. При Оттокарѣ II-мъ нѣмецкій элементъ сдѣлался преобладающимъ даже въ столицѣ государства—Прагѣ. Въ началѣ XIV вѣка пресѣкся родъ Премыслидовъ, туземныхъ, хотя и сильно обнѣмеченныхъ государей Богеміи, и богемскій престолъ достался князьямъ нѣмецкаго происхожденія. Іоаннъ, первый богемскій король изъ люксембургскаго дома, былъ чуждъ всему чешскому и равнодушенъ къ дѣламъ своего государства. Сынъ его Карлъ любилъ Богемію, водворилъ въ ней благосостояніе, до тѣхъ поръ небывалое—но какъ императоръ германскій, онъ не могъ быть для Богеміи государемъ національнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

Ни смѣшеніе нѣмецкаго населенія съ чешскимъ, ни распространеніе нѣмецкихъ обрядовъ, обычаевъ, законовъ не могло однако подавить жизненную силу чешской народности. Она сохранила свой языкъ, выработала свое право, свою литературу и приняла участіе въ общемъ движеніи Запада, не исчезая въ немъ безслѣдно. Въ 1348 г. Карлъ IV учредилъ въ Прагѣ университетъ, по образцу Парижа и Болоньи. Въ Германіи въ это время не было еще ни одного университета; пражскій университетъ, по мысли основателя его, долженъ былъ сдѣлаться ис-

---

[1]) Матеріалы для этого краткаго обзора чешской исторіи до XIV в. мы почерпнули, между прочимъ, изъ «Исторіи чешскаго королевства» В. Томка, переведенной недавно на русскій языкъ (Спб. 1868, изданіе книгопродавца Звонарева). За неимѣніемъ на русскомъ языкѣ другихъ сочиненій, спеціально посвященныхъ богемской исторіи, нельзя не порадоваться появленію въ свѣтъ этого перевода, хотя книга Томка написана довольно сухо и едва ли возбудитъ въ русскихъ читателяхъ большой интересъ къ исторіи Богеміи, да и самый переводъ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ.

точникомъ и средоточіемъ образованія для всѣхъ земель къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Альповъ. И дѣйствительно, студенты стекались въ Прагу изъ всѣхъ нѣмецкихъ владѣній, изъ всѣхъ славянскихъ странъ, тяготѣвшихъ болѣе къ западу, чѣмъ къ востоку. Они раздѣлялись на четыре *націи:* богемскую, польскую, саксонскую и баварскую. Каждая нація имѣла одинъ голосъ при избраніи ректора и при рѣшеніи другихъ дѣлъ, общихъ для всего университета [1]). Канцлеромъ университета былъ архіепископъ пражскій, верховнымъ покровителемъ его и главою — папа, буллами котораго было окончательно утверждено устройство университета. Весьма вѣроятно, что господствующимъ элементомъ въ университетѣ первоначально былъ элементъ нѣмецкій, не только потому, что на сторонѣ нѣмцевъ былъ перевѣсъ численный, но и потому, что образованіе въ это время было болѣе распространено въ Германіи нежели въ Чехіи. Чѣмъ дольше существовалъ университетъ, тѣмъ меньше становилось, въ этомъ отношеніи, различіе между чехами и нѣмцами; съ развитіемъ образованія у чеховъ усиливалось и чувство народной гордости, усиливалось стремленіе къ независимости отъ чужеземныхъ вліяній. Изъ числа четырехъ націй, на которыя дѣлился университетъ, нѣмецкихъ по имени было двѣ, но на самомъ дѣлѣ три, потому что польская нація состояла преимущественно изъ нѣмцевъ (уроженцевъ Силезіи, Пруссіи, Помераніи). Располагая большинствомъ голосовъ, нѣмцы присвоивали себѣ почетныя мѣста въ университетѣ, наполняли учрежденныя при немъ коллегіи, занимали одну за другою высшія церковныя должности въ Богеміи. Понятно, что такой порядокъ вещей не могъ не возбудить неудовольствіе чеховъ. Уже въ 1384 г., въ началѣ царствованія Вячеслава, возникаетъ споръ о числѣ мѣстъ, которыя должны принадлежать чехамъ въ коллегіяхъ университета — споръ, окончившійся нѣкоторыми уступками остальныхъ трехъ націй въ пользу богемской. Въ началѣ XV вѣка національное соперничество усложняется религіозною враждою, оппозиція противъ нѣмцевъ и противъ господствующей церкви находитъ представителя въ лицѣ Яна Гуса, — и движеніе, до тѣхъ поръ носившее на себѣ характеръ домашней распри, становится однимъ изъ важнѣйшихъ событій всемірной исторіи.

До конца XIV-го вѣка, антикатолическія ученія, возникая бо́льшею частью во Франціи, въ Италіи, среди племенъ романскихъ, имѣли въ Германіи отдѣльныхъ приверженцевъ, но не образо-

---

[1]) голоса принадлежало не студентамъ, а магистрамъ, которые также распо націямъ.

вали въ ней могущественныхъ сектъ, подобныхъ альбигойской. То же самое слѣдуетъ сказать и о Богеміи. Въ лѣтописяхъ ея встрѣчаются извѣстія о еретикахъ, казненныхъ въ 1257, въ 1335 г.; но о свойствѣ ереси и о степени распространенія ея не сохранилось положительныхъ свѣдѣній. Можно только предполагать, что она находилась въ тѣсной связи съ ученіемъ вальденцевъ, проникшимъ въ то же самое время въ Баварію и въ Австрію. Въ XIV-мъ вѣкѣ въ Богеміи, какъ и вездѣ, слышатся громкія жалобы на испорченность духовенства, въ особенности монашескихъ орденовъ. Онѣ раздаются съ одинаковою силой въ устахъ нѣмца — Конрада Вальдгаузера, и чеха — Яна Милича, любимыхъ народныхъ проповѣдниковъ въ Прагѣ при Карлѣ IV. Сначала эти нападенія не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго догматамъ и уставамъ католической церкви; но переходъ отъ послѣдствій къ причинѣ, отъ распущенности духовенства къ условіямъ, при которыхъ она сдѣлалась возможной, былъ неизбѣженъ и совершился весьма скоро. Уже на Милича было взведено обвиненіе въ ереси, мотивированное тѣмъ, что онъ не придаетъ надлежащаго значенія карательнымъ мѣрамъ, которыми располагаетъ церковь, и отвергаетъ право духовенства на личную собственность. Ученикъ Милича, Матвѣй изъ Янова, сомнѣвался въ необходимости поклоненія мощамъ и иконамъ и совѣтовалъ мірянамъ какъ можно чаще, даже ежедневно пріобщаться св. таинъ, т. е. распространялъ на нихъ право, по тогдашнимъ понятіямъ, принадлежавшее только духовенству. По нѣкоторымъ, впрочемъ не вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Матвѣй изъ Янова требовалъ для мірянъ даже причащенія подъ обоими видами, т. е. былъ непосредственнымъ предшественникомъ гусситизма. Правда, когда высшія духовныя власти въ Прагѣ осудили ученіе Матвѣя, онъ тотчасъ же подчинился ихъ приговору; но это не уменьшило вліянія его на студентовъ и баккалавровъ университета, къ числу которыхъ уже принадлежалъ въ то время Янъ Гусъ. Съ гораздо бо̀льшею силой подѣйствовали на богемскихъ богослововъ сочиненія Виклефа, проникшія въ Богемію можетъ быть еще при его жизни (онъ умеръ въ 1384 г.). Прежде всего пріобрѣли извѣстность философскіе его трактаты, въ которыхъ онъ, возражая противъ господствующаго ученія номиналистовъ, оспаривалъ свободу воли и развивалъ теорію предопредѣленія; позже—его богословскія сочиненія, въ которыхъ онъ возставалъ противъ богатствъ, накопленныхъ духовенствомъ, и вообще противъ права его на личную собственность, противъ вмѣшательства его въ свѣтскія дѣла, противъ папской власти, противъ ученія о пресуществленіи, противъ таинствъ покаянія и священ-

ства, противъ монашествующихъ орденовъ и т. п. Въ 1403 г. ученіе Виклефа было распространено въ Богеміи уже такъ сильно, что церковная власть сочла нужнымъ принять противъ него дѣятельныя мѣры. Собранію магистровъ, созванному ректоромъ по приглашенію епархіальнаго начальства, были предложены на обсужденіе сорокъ пять положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа. Открыто защищать эти положенія не рѣшился почти никто изъ присутствующихъ; но нѣсколько богемскихъ магистровъ — въ томъ числѣ и Гусъ, пользовавшійся уже, не смотря на молодость свою, большою извѣстностью въ университетѣ, и занимавшій незадолго передъ тѣмъ должность ректора, — старались доказать, что такихъ положеній у Виклефа вовсе нѣтъ, что они формулированы обвинителями его неточно или даже преднамѣренно-фальшиво. Большинство голосовъ высказалось противъ всѣхъ сорока пяти положеній, и преподаваніе ихъ, какъ публичное, такъ и тайное, было запрещено всѣмъ магистрамъ и бакалаврамъ пражскаго университета. Это запрещеніе не достигло своей цѣли; ученіе Виклефа продолжало распространяться въ Богеміи, на что уже въ 1405 г. были приносимы жалобы пражскому архіепископу и папѣ. Архіепископъ Збинекъ призвалъ къ своему суду нѣсколькихъ священниковъ-магистровъ; одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію. Самого Гуса обвиняли въ томъ, что онъ своими обличительными проповѣдями возбуждаетъ ненависть народа противъ духовенства. Но обвиненія эти не мѣшали Гусу идти все дальше и дальше; сильный поддержкою королевы и многихъ дворянъ, онъ возставалъ на каѳедрѣ виѳлеемской часовни, не только противъ явныхъ злоупотребленій духовенства, но и противъ обычаевъ, въ которыхъ церковь не видѣла до тѣхъ поръ ничего дурного. Такъ, напримѣръ, онъ провозгласилъ ересью полученіе священниками какого бы то ни было вознагражденія отъ частныхъ лицъ за совершеніе таинствъ. Въ 1408 г. собраніе магистровъ богемской націи еще разъ запретило распространять положенія Виклефа, но съ знаменательною оговоркой: «in sensibus eorum haereticis, aut erroneis, aut scandalosis» (въ смыслѣ еретическомъ, ошибочномъ или соблазнительномъ). Другими словами, запрещеніе было уже не безусловное, какъ въ 1403 г., и неопредѣленность формулы, въ которой оно было выражено, значительно ослабляло его силу. Приверженцамъ Виклефа была дана возможность развивать его идеи, только слегка смягчая тѣ изъ нихъ, которыя противорѣчили слишкомъ прямо ученію господствующей церкви. И дѣйствительно, постановленіе богемской націи послужило сигналомъ къ открытому разрыву между церковною властью и защитниками

новаго ученія. Архіепископъ потребовалъ, чтобы всѣ имѣющіеся въ Богеміи экземпляры сочиненій Виклефа были представлены на его разсмотрѣніе; противъ этого съ нѣсколькихъ сторонъ были принесены апелляціи папѣ. Осенью 1408 г., Гусъ, по распоряженію архіепископа, былъ лишенъ права говорить проповѣди народу. По мнѣнію Гефлера, это распоряженіе находилось въ связи съ мѣрами, принятыми противъ послѣдователей Виклефа; по мнѣнію Палацкаго [1]), оно было вызвано возникшимъ въ это время споромъ о повиновеніи или неповиновеніи папѣ Григорію XII.

Такъ-называемый великій расколъ западной церкви, начавшійся въ 1378 г. избраніемъ анти-папы Климента VII, вступилъ, въ 1408 г., въ новый періодъ своего развитія. Какъ римскій папа Григорій XII, такъ и авиньонскій Бенедиктъ XIII обязались, при самомъ избраніи, сложить съ себя свое достоинство, какъ только это сдѣлается необходимымъ для возстановленія церковнаго единства; но ни тотъ, ни другой не были расположены исполнить это обязательство. Тогда большинство кардиналовъ, какъ римскихъ, такъ и авиньонскихъ, рѣшились приступить къ низложенію обоихъ папъ и избранію новаго, для чего и былъ созванъ соборъ въ Пизѣ на 25-е марта 1409 г. Богемія, съ самаго начала раскола, держала сторону римскаго папы; но Григорій XII возбудилъ противъ себя гнѣвъ Вячеслава, признавъ королемъ римскимъ соперника его, пфальцграфа Рупрехта. Этимъ объясняется поспѣшность, съ которою Вячеславъ высказался въ пользу рѣшенія кардиналовъ и обѣщалъ подчиниться постановленію собора, а до тѣхъ поръ сохранять нейтралитетъ между обоими папами. Противъ этого возсталъ архіепископъ пражскій, находя, что нѣтъ достаточной причины отказывать въ повиновеніи законному папѣ, Григорію XII. Спорный вопросъ былъ предложенъ на обсужденіе университета; за мнѣніе короля подала голосъ одна богемская нація, остальныя три согласились съ архіепископомъ. Тогда Вячеславъ издалъ указъ (18 января 1409 г.), которымъ предоставилъ богемской націи, во всѣхъ дѣлахъ университета три голоса, а тремъ остальнымъ націямъ, вмѣстѣ взятымъ — только одинъ. Другими словами, чехамъ было дано въ университетѣ то мѣсто, которое принадлежало нѣмцамъ. Само собою разумѣется, что нѣмцы не могли отнестись къ этому равнодушно; они направили всѣ усилія свои къ тому, чтобы достигнуть отмѣны указа 18-го января, а между тѣмъ обязались другъ передъ другомъ выселиться изъ Праги, если не будетъ возстановленъ прежній порядокъ вещей. Переговоры, нача-

[1]) Palacky, Geschichte von Böhmen, т. III, отдѣленіе 1-е, стр. 227.

тые по этому предмету, не привели ни къ какому результату, — и въ маѣ 1409 г. огромное большинство нѣмецкихъ магистровъ, баккалавровъ и студентовъ навсегда оставили Прагу. Движеніе это не коснулось впрочемъ юридическаго факультета, который образовалъ самостоятельное цѣлое и не принималъ участія въ общихъ дѣлахъ университета. Число профессоровъ и студентовъ, оставившихъ Прагу въ 1409 г., опредѣляется весьма различно; по словамъ однихъ историковъ, оно доходитъ до 20,000, по словамъ другихъ, не превышаетъ 5,000. Многіе изъ числа выходцевъ направились въ Лейпцигъ и положили начало тамошнему университету; другіе примкнули къ университетамъ уже прежде существовавшимъ, напр. Эрфуртскому, который съ этихъ поръ сталъ быстро возвышаться. Матеріальная потеря для учителей Праги была весьма значительна, такъ какъ между нѣмецкими студентами было много людей достаточныхъ; нѣкоторые изъ нихъ, посѣщая университетъ, занимались вмѣстѣ съ тѣмъ промышленностью или торговлей.

Остановимся на этомъ событіи, потому что оно служитъ главнымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для характеристики Гуса, какъ бойца чешской народности противъ нѣмецкой. Историки нѣмецкой партіи, въ особенности Гёфлеръ, не находятъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы выставить на видъ всю несправедливость указа 18 января 1409 г., всѣ бѣдственныя послѣдствія его для Богеміи, для Германіи, вообще для Западной Европы; за тѣмъ они стараются доказать, что отвѣтственность за эту катастрофу упадаетъ преимущественно на Гуса, врага нѣмцевъ и всего нѣмецкаго. Чешскіе историки соглашаются съ тѣмъ, что указъ 18 января 1409 г. уменьшилъ значеніе пражскаго университета; но они признаютъ его вполнѣ основательнымъ и справедливымъ. Не совсѣмъ одинаково они относятся только къ вопросу о томъ, какая доля участія въ событіяхъ 1409 г. принадлежитъ собственно Гусу. Одни, напримѣръ Томекъ, приписываютъ ему первенствующую роль въ измѣненіи отношеній между четырьмя націями университета. «Гусъ — говоритъ Томекъ [1]) — нашелъ удобный случай выполнить давнишнія желанія чешской націи и искоренить господство иностранцевъ въ университетѣ. Съ помощью дворянъ, которые держали сторону народа, онъ довелъ дѣло до изданія указа 16 января

[1]) Сочиненіе г. Новикова «Гусъ и Лютеръ», напечатанное въ «Русской Бесѣдѣ» и «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1857 — 1859 г., трудъ вполнѣ добросовѣстный и во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательный, хотя и односторонній,—осталось, къ сожалѣнію, почти незамѣченнымъ нашею критикою.

1409 г.». Точно также смотритъ на дѣло и русскій историкъ Гуса, г. Новиковъ, говоря о рѣшимости Гуса «очистить университетъ отъ незванныхъ гостей» и называя его «главнымъ виновникомъ изгнанія нѣмцевъ». Палацкій держится другого мнѣнія; онъ находитъ, что указъ 18 января 1409 г. былъ изданъ не столько подъ вліяніемъ Гуса, сколько по собственному побужденію Вячеслава, раздраженнаго сопротивленіемъ трехъ націй въ дѣлѣ признанія или непризнанія папы Григорія XII. Г. Новиковъ утверждаетъ, что между Гусомъ и нѣмцами существовала отъявленная вражда, что Гусъ чувствовалъ *инстинктивное отвращеніе* къ нѣмцамъ, преслѣдовалъ ихъ, какъ враговъ чешскаго народа, и помирился съ ними только въ концѣ своей жизни, что главной его задачей была борьба противъ «враждебнаго западнаго элемента» и «гибельной германоманіи». Отправляясь отъ различныхъ исходныхъ пунктовъ и стремясь къ совершенно различнымъ цѣлямъ, г. Новиковъ и Гёфлеръ сходятся, такимъ образомъ, въ выводахъ своихъ относительно одной стороны дѣятельности Гуса. Палацкій, полагаетъ, напротивъ того, что Гусъ былъ совершенно чуждъ ненависти къ нѣмцамъ. Который же изъ этихъ взглядовъ ближе къ исторической истинѣ?

Когда именно возникла въ средѣ чешской націи мысль объ измѣненіи порядка вещей, до тѣхъ поръ существовавшаго въ университетѣ, кто первый возбудилъ ее и первый принялъ мѣры къ ея осуществленію,—объ этомъ не сохранилось точныхъ свѣдѣній. Съ достовѣрностью извѣстно только то, что чешская нація обращалась къ королю съ ходатайствомъ по этому предмету еще до изданія указа 18 января 1409 года, и что, въ числѣ ходатаевъ, находился Янъ Гусъ. Самъ Гусъ объявилъ на Констанцскомъ соборѣ, что онъ, по совѣту магистра Андрея изъ Бродъ (тогда принадлежавшаго къ числу близкихъ друзей Гуса, но впослѣдствіи перешедшаго на сторону его враговъ и явившагося однимъ изъ обвинителей его на соборѣ), *охотно* способствовалъ изданію указа 18 января. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Гусъ дѣйствовалъ на короля черезъ посредство одного изъ его любимцевъ, Николая изъ Лобковицъ. Послѣ обнародованія указа Гусъ открыто заявлялъ права этого вельможи на благодарность чешской націи, «которой онъ, *по нашей просьбѣ*, доставилъ побѣду при дворѣ». Но этимъ и ограничивается участіе Гуса въ изданіи указа 18 января. Когда депутаты чешской націи въ первый разъ явились къ Вячеславу въ Кутну-гору съ жалобой на преобладаніе нѣмцевъ, онъ принялъ ихъ весьма немилостиво, съ гнѣвомъ упрекалъ Гуса за волненія, имъ возбуж-

даемыя, и грозилъ ему смертью на кострѣ, если онъ не перестанетъ навлекать на Богемію обвиненіе въ ереси. Гусъ возвратился въ Прагу и тяжко заболѣлъ; указъ 18 января состоялся именно во время его болѣзни. Отсюда слѣдуетъ заключить, что не вліяніе Гуса было существенною причиной перемѣны, происшедшей въ положеніи университета. Онъ желалъ этой перемѣны, употреблялъ различныя усилія для того, чтобы ея достигнуть, радовался ей, когда она совершилась, — но не былъ ни единственнымъ, ни даже главнымъ виновникомъ ея. Приписывать ее только стараніямъ Николая изъ Лобковицъ было бы также большой ошибкой; она была естественнымъ результатомъ той роли, которую приняли на себя три націи въ спорѣ между королемъ и папой Григоріемъ XII. Для короля вопросъ о низложеніи Григорія былъ вопросомъ слишкомъ важнымъ, потому что на этомъ были основаны всѣ его надежды возвратить утраченную имъ римскую корону. Сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ со стороны трехъ націй, поддержка, которую онъ нашелъ въ націи чешской, неизбѣжно должны были привести его къ попыткѣ сломить господство нѣмцевъ въ пражскомъ университетѣ. Но правы ли были чехи, становясь на сторону короля противъ папы, законность котораго они до тѣхъ поръ сами признавали? Руководствовались ли они при этомъ добросовѣстнымъ желаніемъ возстановить церковное единство, или жертвовали интересами церкви въ пользу своихъ эгоистическихъ цѣлей?

Само собою разумѣется, что Гефлеръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для чеховъ. Возставая противъ Григорія XII,—говоритъ онъ, — чехи прежде всего налагали руку на самихъ себя, на свой университетъ, привилегіи котораго были большею частью основаны на буллахъ, данныхъ непосредственными предшественниками Григорія. Отвергая законность Григорія, а слѣдовательно и всѣхъ другихъ римскихъ папъ, съ самаго начала великаго раскола, они отвергали законность всего сдѣланнаго этими папами въ пользу Богеміи, они осуждали самихъ себя, своихъ предковъ, своего великаго короля Карла, который не поколебался принять сторону Рима противъ Авиньона. Если бы Вячеславъ и пражскій университетъ остались вѣрны Григорію XII, то католическая церковь была бы, можетъ быть, избавлена отъ зрѣлища трехъ папъ, одновременно предъявляющихъ свои права на римскій престолъ; она была бы избавлена отъ позора, причиненнаго ей избраніемъ такого папы, какъ Бальтазаръ Косса (Іоаннъ XXIII). Однимъ словомъ, на чеховъ — т. е. преимущественно на Гуса — упадаетъ, по мнѣнію Гефлера, самая тяжкая доля отвѣтственности за всѣ бѣдствія,

которымъ подверглась церковь, а вмѣстѣ съ нею и народы Западной Европы, въ промежутокъ времени между 1409 и 1415 г. Это мнѣніе кажется намъ рѣшительно недостойнымъ серьезнаго историка. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что спорный вопросъ касался вовсе не законности избранія Григорія XII или Бенедикта XIII, а только устраненія раскола посредствомъ низложенія обоихъ папъ и избранія новаго. Кардиналы, взявшіе на себя иниціативу созванія Пизанскаго собора, сами принимали участіе въ избраніи Григорія XII и Бенедикта XIII, и уже по этому одному не могли оспорить законность того или другого избранія. Пизанскій соборъ, низлагая обоихъ папъ, мотивировалъ свои рѣшенія не законностью избранія ихъ, а необходимостью положить конецъ расколу, котораго они не хотѣли прекратить добровольнымъ отреченіемъ отъ своего достоинства. Соглашаясь на *такое* низложеніе Григорія XII, чехи не впадали, слѣдовательно, въ противорѣчіе съ своимъ прежнимъ образомъ дѣйствій, не колебали законной силы постановленій, изданныхъ предшественниками Григорія. Предположеніе Гёфлера, что Вячеславъ и пражскій университетъ могли помѣшать низложенію Григорія XII, лишено всякаго основанія. Вячеславъ, оставленный большинствомъ курфирстовъ и имперскихъ князей, два раза подвергавшійся изгнанію изъ своего собственнаго государства, не имѣлъ ни могущества, ни авторитета, необходимыхъ для управленія соборомъ. Пражскій университетъ едва ли бы одержалъ верхъ надъ парижскимъ, привыкшимъ имѣть рѣшительный голосъ во всѣхъ богословскихъ спорахъ, — а парижскій университетъ, руководимый самымъ извѣстнымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ богослововъ (Жерсономъ), стоялъ за низложеніе обоихъ папъ и держалъ сторону Пизанскаго собора [1]). И дѣйствительно, низложеніе обоихъ папъ представлялось единственнымъ практическимъ средствомъ къ прекращенію раскола. На отреченіе папъ нельзя было разсчитывать; въ случаѣ смерти одного изъ нихъ кардиналы, его окружавшіе, немедленно — какъ этому уже было нѣсколько примѣровъ — избрали бы на его мѣсто другое лицо. Пизанскій соборъ имѣлъ право надѣяться, что его приговору подчинится вся западная церковь; онъ не могъ предвидѣть, что рядомъ съ

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей книги Гёфлеръ упрекаетъ пражскій университетъ за то, что онъ (въ спорахъ объ ученіи Виклефа) не послѣдовалъ примѣру парижскаго университета (безусловно осудившаго это ученіе). Это можетъ служить образцомъ противорѣчій, въ которыя безпрестанно впадаетъ Гёфлеръ: когда онъ одобряетъ образъ дѣйствій парижскаго университета, тогда онъ негодуетъ на Прагу за то, что она не идетъ по стопамъ Парижа; и на оборотъ, когда онъ недоволенъ Парижемъ, то ставитъ въ вину Прагѣ, что она не пошла на перекоръ парижскому университету.

папой, имъ поставленнымъ, останутся и оба прежніе, такъ, что вмѣсто двухъ папъ явятся три. Въ пользу дороги, избранной Пизанскимъ соборомъ, говоритъ уже то обстоятельство, что ею же пошелъ Констанцскій соборъ, хотя онъ и имѣлъ въ виду результатъ рѣшенія 1409 г., хотя онъ и рисковалъ прибавить къ тремъ папамъ еще четвертаго. Можно сказать утвердительно, что если Констанцскому собору удалось прекратить расколъ, то этому много содѣйствовало негодованіе, возбужденное одновременнымъ появленіемъ трехъ папъ, и что, слѣдовательно, самая неудача мѣръ, принятыхъ Пизанскимъ соборомъ, облегчила возстановленіе церковнаго единства. Что избраніе Бальтазара Коссы было позоромъ для католической церкви — это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но чѣмъ же тутъ виноваты Пизанскій соборъ, Вячеславъ, пражскій университетъ? Могли ли они знать заранѣе, что на мѣсто недостойныхъ Григорія XII и Бенедикта XIII будетъ поставленъ еще менѣе достойный Іоаннъ XXIII? Въ избраніи папы Пизанскій соборъ, а тѣмъ болѣе свѣтскіе покровители его, участія не принимали; оно было, какъ всегда, дѣломъ кардиналовъ. Притомъ, въ 1409 г. папой былъ избранъ Александръ V, нравственность котораго была безупречна; Іоаннъ XXIII былъ избранъ уже послѣ смерти Александра, въ 1410 году. Итакъ, чешская нація, соглашаясь, вмѣстѣ съ королемъ Вячеславомъ, на низложеніе Григорія XII, дѣйствовала въ интересахъ церкви, какъ ихъ понимало въ то время огромное большинство католиковъ. Руководилась ли она при этомъ и эгоистическими цѣлями, разсчитывала ли она заранѣе на награду со стороны короля — опредѣлить довольно трудно; но столь же трудно поручиться и за безкорыстіе поддержки, оказанной Григорію XII тремя другими націями и архіепископомъ пражскимъ (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подчинившимся, впрочемъ, рѣшенію короля и Пизанскаго собора). Если чехи могли считать для себя выгоднымъ нарушеніе церковнаго statu quo, то нѣмцы, по той же причинѣ, могли считать для себя выгоднымъ сохраненіе его.

Обращаясь къ самому содержанію указа 18 января 1409 г., Гёфлеръ утверждаетъ, что чешская нація выманила его у короля обманомъ, что она увѣрила Вячеслава, будто бы первоначально, при Карлѣ IV-мъ, нѣмцы располагали только однимъ голосомъ въ дѣлахъ университетскихъ, и уже потомъ присвоили себѣ большинство голосовъ. И здѣсь, конечно, главнымъ виновникомъ обмана является Гусъ. Обвиненіе формулировано Гёфлеромъ съ большою рѣзкостью, но вовсе не подкрѣплено фактическими данными. Онъ не доказалъ, чтобы первоначальное распредѣленіе голосовъ было именно таково, какъ въ 1408 г.; онъ не дока-

залъ, чтобы преобладаніе нѣмцевъ было основано на ясномъ, положительномъ законѣ, а не на обычаѣ, лишенномъ обязательной силы. Впрочемъ, этотъ вопросъ второстепенный; гораздо важнѣе опредѣлить, справедлива ли была мѣра, принятая Вячеславомъ, была ли она согласна съ интересами Богеміи и пражскаго университета. Забудемъ на время о результатахъ этой мѣры (мы увидимъ ниже, что они были случайнымъ, а не необходимымъ послѣдствіемъ ея); постараемся представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ самый моментъ изданія указа 18 января 1409 года.

Въ 1348 г., при основаніи пражскаго университета, въ Германіи, какъ и въ славянскихъ земляхъ, не было еще ни одного университета; нѣмцы и славяне, желавшіе получить высшее богословское или юридическое образованіе, должны были отправляться въ Парижъ, Оксфордъ или Болонью. Карлъ IV, учреждая университетъ, хотѣлъ устранить этотъ недостатокъ, какъ для Богеміи, такъ и для Германіи. Онъ былъ въ одно и тоже время королемъ богемскимъ и императоромъ германскимъ; Прага была при немъ какъ бы столицей Германіи. Понятно, что заботливость его не ограничивалась одною Чехіей, а распространялась, наравнѣ съ нею, на всѣ области имперіи. При Вячеславѣ, въ началѣ XV вѣка, положеніе дѣлъ было совершенно другое. Вячеславъ съ самаго начала былъ императоромъ только по имени; съ 1400 г. германскіе князья, за немногими исключеніями, не признавали за нимъ болѣе даже внѣшнихъ правъ, сопряженныхъ съ этимъ достоинствомъ. Прага перестала быть средоточіемъ обще-нѣмецкихъ дѣлъ, обще-нѣмецкой политики; она перестала быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіемъ обще-нѣмецкаго образованія. Во второй половинѣ XIV вѣка, одинъ за другимъ возникли университеты въ Вѣнѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Кёльнѣ, въ Эрфуртѣ. Съ учрежденіемъ ихъ, пражскій университетъ утратилъ первоначальное значеніе свое. Пока онъ не имѣлъ соперниковъ въ Германіи, до тѣхъ поръ онъ могъ сохранять космополитическій характеръ, до тѣхъ поръ чехи могли переносить преобладаніе чужеземцевъ, потому, что объ университетахъ національныхъ въ то время не было и рѣчи. Но когда нѣмецкіе города начали слѣдовать примѣру Праги, когда появились университеты съ исключительно нѣмецкимъ оттѣнкомъ, тогда стремленіе чеховъ имѣть *свой*, *чешскій* университетъ сдѣлалось неизбѣжнымъ и вполнѣ законнымъ. Оно усиливалось по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала политическая связь между Богеміей и Германіей, какъ увеличивался запасъ знаній, пріобрѣтенный чехами. Весьма вѣроятно, что указъ 18 января 1409 г. только ускорилъ

перемѣну, которая должна была совершиться сама собою. Въ XV-мъ вѣкѣ число нѣмецкихъ университетовъ постоянно возрастало; сообразно съ этимъ естественно должно было уменьшаться число нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ въ Прагѣ, городѣ по преимуществу славянскомъ. Можно ли удивляться тому, что чехи хотѣли быть хозяевами у себя дома, что они считали себя въ правѣ занимать первое мѣсто въ университетѣ, основанномъ и содержимомъ на ихъ средства? Вотъ собственныя слова Гуса по этому предмету: — «Въ богемскомъ государствѣ, богемцы, и по Божіему закону, и по естественному праву, должны быть первыми, точно также какъ французы — во Франціи, нѣмцы — въ Германіи. Положимъ, что богемецъ былъ бы поставленъ во главѣ нѣмецкой общины; какая была бы отъ этого польза для общины, еслибы онъ не зналъ нѣмецкаго языка [1])? Не все ли это равно, что сдѣлать нѣмую собаку сторожемъ стада? Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нѣмцахъ въ Богеміи». Итакъ, каковъ бы ни былъ порядокъ, первоначально установленный Карломъ IV-мъ, каковы бы ни были преимущества, дарованныя имъ нѣмцамъ, Вячеславъ имѣлъ полное право и полное основаніе измѣнить этотъ порядокъ, уменьшить эти преимущества. Господство нѣмецкаго элемента угрожало опасностью чешскому языку, чешской литературѣ, — и на оборотъ, усиленіе чешскаго элемента было лучшимъ средствомъ къ развитію и усовершенствованію ихъ. Гусъ и другіе представители чешской націи, принимавшіе участіе въ движеніи 1408 г., руководились при этомъ чувствомъ самосохраненія и правильно понятыми интересами своего народа.

Антагонизмъ между чешскою націей и тремя остальными, имѣлъ еще другую, не менѣе глубокую причину. Начиная съ первыхъ годовъ XV-го столѣтія, пражскій университетъ былъ театромъ религіозной борьбы, принимавшей все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Въ этой борьбѣ большинство чешской націи стояло на сторонѣ движенія, нѣмцы, почти безъ исключенія — на сторонѣ сопротивленія, или на сторонѣ существующаго порядка вещей. Въ какой степени къ религіозному спору присоединялся и философскій, въ какой степени справедливо предположеніе Гёфлера, что послѣдователи Виклефа были всѣ реалистами (въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова), противники его — номиналистами, и что разногласіе въ теоретическихъ воззрѣніяхъ усиливало вражду между націями — это вопросъ, раз-

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ послѣдствій преобладанія нѣмцевъ въ пражскомъ университетѣ было предоставленіе имъ значительнаго числа должностей въ Богеміи, особенно духовныхъ.

смотрѣніе котораго повело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ достаточно того несомнѣннаго факта, что чешская нація, стараясь ограничить вліяніе нѣмцевъ, надѣялась, между прочимъ, устранить одно изъ главныхъ препятствій къ распространенію ученія, которое она считала единственнымъ правильнымъ отвѣтомъ на важнѣйшіе вопросы христіанской вѣры. Понятно, что это обстоятельство вносило въ борьбу элементъ совершенно новый и возвышало ее далеко надъ простымъ столкновеніемъ національныхъ самолюбій и антипатій. Нѣмецкіе магистры были, въ глазахъ Гуса и его партіи, не только пришлецами, занимающими непринадлежащее имъ мѣсто, но и врагами истины, защитниками всего того, что было фальшиваго, безнравственнаго, вреднаго въ ученіи и обычаяхъ тогдашней католической церкви. Самая готовность нѣмцевъ оставаться, во что бы то ни стало, покорными Григорію XII-му, казалась друзьямъ Гуса постыднымъ отказомъ отъ прирожденнаго каждому христіанину права повѣрять законность приказаній, которыя онъ получаетъ отъ церковной власти. Противодѣйствіе подобнымъ взглядамъ приверженцы Гуса считали не только правомъ, но и обязанностью своею.

Указъ 18-го января 1409 года не закрывалъ нѣмцамъ доступа въ пражскій университетъ, не вытѣснялъ ихъ оттуда, даже не ограничивалъ правъ, принадлежавшихъ каждому нѣмецкому студенту наравнѣ съ чешскимъ,—а уменьшалъ только долю участія нѣмцевъ въ управленіи университетомъ, передавая чехамъ большинство голосовъ, которое до тѣхъ поръ принадлежало нѣмцамъ. Ничто не мѣшало нѣмцамъ подчиниться этому порядку, ничто не мѣшало имъ искать на будущее время болѣе прочныхъ средствъ вліянія въ нравственномъ или умственномъ превосходствѣ надъ чехами. И при дѣйствіи указа 18-го января, они сохранили бы въ Прагѣ положеніе болѣе привилегированное, чѣмъ то, которое принадлежало чехамъ, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ или въ Кёльнѣ. Но они не хотѣли понять, что Прага — не Гейдельбергъ и не Кёльнъ, не хотѣли отказаться отъ преобладанія надъ чехами или, по крайней мѣрѣ, отъ совершеннаго равенства съ ними (т. е. равенства голосовъ въ общихъ дѣлахъ университета). Преувеличивая свое значеніе и свою силу, разсчитывая на слабость Вячеслава, они были вполнѣ увѣрены, что побѣда останется за ними, и потому обязались, другъ передъ другомъ, удалиться изъ Праги, если не достигнутъ отмѣны указа 18-го января. Они видѣли въ этомъ обязательствѣ средство запугать, если не чешскую партію въ университетѣ, то по крайней мѣрѣ короля, придворныхъ и жителей Праги, извлекавшихъ

столько выгодъ изъ пребыванія въ ней нѣмецкихъ студентовъ. Разсчетъ оказался ошибочнымъ; указъ 18-го января остался въ полной силѣ — и нѣмцы, связанные неосторожнымъ обязательствомъ, предпочли выселиться изъ Праги, чѣмъ уступить своимъ противникамъ. Таковъ былъ результатъ указа 18-го января; но предвидѣли-ли, могли-ли предвидѣть его чехи? Входилъ-ли онъ въ составъ ихъ плана, когда они задумали измѣнить организацію университета? Хотѣлъ-ли Гусъ, какъ выражается Гёфлеръ, *выгнать* нѣмцевъ изъ университета и изъ Праги? Не только Палацкій, но и всѣ сколько-нибудь безпристрастные нѣмецкіе писатели [1]) разрѣшаютъ этотъ вопросъ отрицательно, самъ Гёфлеръ даетъ на него противорѣчивые отвѣты. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что всѣ чехи единственно хотѣли *изгнанія* нѣмцевъ, что *изгнаніе* нѣмцевъ входило въ составъ системы, которой слѣдовалъ Гусъ [2]); въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что *удаленіе* нѣмцевъ принадлежало къ числу событій *непредвидѣнныхъ*, что партія движенія его не ожидала [3]). Очевидно, что на этотъ разъ желаніе Гёфлера найти новый пунктъ обвиненія противъ Гуса оказался менѣе сильнымъ, чѣмъ факты, его оправдывающіе. «Никто не изгонялъ нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги», — таковы собственныя слова Гуса по этому предмету, — «ихъ изгнала оттуда лишь клятва, ими самими принесенная» (т. е. взаимное обязательство, упомянутое выше). Истина этихъ словъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Между указомъ 18-го января и удаленіемъ нѣмцевъ изъ Праги нѣтъ никакой разумной, логической связи; первое изъ этихъ событій относится къ послѣднему только какъ предлогъ или поводъ, а отнюдь не какъ причина. По мнѣнію Гёфлера, нѣмецкіе профессоры и студенты не могли оставаться въ Прагѣ, безъ явнаго нарушенія своей чести. Если онъ разумѣетъ подъ этимъ нарушеніе обязательства, ими даннаго, то онъ до извѣстной степени правъ; но развѣ кто-нибудь принуждалъ нѣмцевъ къ подобному обязательству? Развѣ чехи могли знать заранѣе, что нѣмцы, въ увлеченіи страсти, поступятъ такъ необдуманно, такъ безразсудно? Если же Гёфлеръ видитъ нарушеніе чести въ простомъ подчиненіи указу 18-го января, то это мнѣніе кажется намъ, по меньшей мѣрѣ, весьма страннымъ. Чехи, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, довольствовались

---

[1]) Напримѣръ Бёрингеръ (Böhringer), въ сочиненіи своемъ: «Die Vorreformatoren des vierzehnten und fünfzehnten Jahrhunderts (Zürich, 1856—58). Zweite Hälfte. S. 153 и 154.

[2]) Magister Iohannes Hus, S. 285 и 295.

[3]) Тамъ же, стр. 287.

однимъ голосомъ противъ трехъ, принадлежащихъ нѣмцамъ—и никто, конечно, не назоветъ ихъ за это лишенными чувства чести; почему же такой же точно образъ дѣйствій былъ бы безчестнымъ со стороны нѣмцевъ? Нѣтъ, указомъ 18-го января затрогивалась не честь нѣмцевъ, а только тщеславіе и властолюбіе ихъ. Упрекъ въ безмѣрной гордости, обращенный Гёфлеромъ противъ чеховъ, можетъ быть отнесенъ съ гораздо большимъ правомъ къ нѣмецкимъ профессорамъ и магистрамъ пражскаго университета [1]).

Удаленіе нѣмцевъ изъ Праги, конечно, не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу университета, и вліяніе это, конечно, не можетъ быть названо благопріятнымъ. Но если пражскій университетъ отсталъ отъ нѣмецкихъ, если онъ не игралъ почти никакой роли въ распространеніи гуманизма, то главную причину этого факта слѣдуетъ искать не въ событіяхъ 1409 г., а въ междоусобныхъ и внѣшнихъ войнахъ, такъ долго разорявшихъ Богемію и истощавшихъ ея силы, въ гуситскомъ движеніи, отклонившемъ на время вниманіе чеховъ отъ чисто-научныхъ занятій. Историки, подобные Гёфлеру, готовы, правда, утверждать, что удаленіе нѣмцевъ изъ Праги заключало въ себѣ зародышъ всѣхъ дальнѣйшихъ катастрофъ, постигшихъ Богемію, начиная съ ужасовъ гуситской войны и оканчивая сраженіемъ при Бѣлой-горѣ въ 1620 году; но такія гипотезы не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Не слѣдуетъ забывать также, что главные проповѣдники гуманизма въ Германіи (Рейхлинъ, Эразмъ, Муціанъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ) не были университетскими профессорами, что большинство нѣмецкихъ университетовъ упорно держало сторону *темныхъ людей* (viri obscuri), и что слѣдовательно потеря, понесенная Богеміей въ 1409 году, не такъ велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Мы готовы даже признать, что удаленіе нѣмцевъ способствовало развитію и распространенію гуситизма. Одно свободное слово о церковномъ устройствѣ, сказанное въ началѣ XV-го вѣка, безъ сомнѣнія, было несравненно важнѣе, чѣмъ тысяча самыхъ ученыхъ схоластическихъ лекцій.

Побѣда чеховъ надъ нѣмцами имѣла, по словамъ Гёфлера, еще одно пагубное послѣдствіе; она усилила вліяніе правительства на дѣла университета и ограничила, такимъ образомъ, его внутреннюю свободу. Уже въ началѣ 1409 года, когда нѣмцы

---

[1]) Это признаютъ и нѣмецкіе писатели, вообще мало расположенные къ славянамъ, напримѣръ Густавъ Фрейтагъ (Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Т. II, ч. I, стр. 328).

не хотѣли приступить къ избранію ректора и декана по новымъ правиламъ, установленнымъ 18-го января, ректоръ и деканъ были *назначены* королевскимъ указомъ, да и впослѣдствіи времени Гусъ и приверженцы его постоянно ссылались на авторитетъ короны, прятались за нее въ борьбѣ своей съ архіепископомъ, обвиняли своихъ враговъ въ измѣнѣ государству. Мнѣніе Гёфлера было бы совершенно справедливо, еслибы дѣло шло о XVIII-мъ и XIX-мъ вѣкѣ; но въ примѣненіи къ XV-му вѣку оно кажется намъ лишеннымъ всякаго основанія. Въ XV-мъ вѣкѣ правительства еще не боялись свободы преподаванія, потому что не придавали ей большого значенія, потому что не видѣли въ ней ничего опаснаго для своей власти. Единственнымъ серьезнымъ врагомъ ея была въ то время католическая церковь, считавшая университеты какъ бы достояніемъ своимъ, ревниво устранявшая изъ нихъ все то, что̀ казалось ей несовмѣстнымъ съ ея ученіемъ и съ ея интересами. Періодъ времени съ 1403 до 1409 года представляетъ намъ цѣлый рядъ посягательствъ на свободу преподаванія въ пражскомъ университетѣ; отъ кого они исходили? Отъ архіепископа пражскаго, отъ капитула, отъ его приверженцевъ въ средѣ трехъ націй. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ правительство было только орудіемъ въ рукахъ духовенства. Отсюда слѣдуетъ заключить, что событія 1409 года, уменьшивъ вліяніе духовенства на дѣла университета, были чистымъ выигрышемъ для послѣдняго, хотя они и увеличили зависимость его отъ правительства. И въ наше время, конечно, свобода преподаванія на западѣ Европы не имѣетъ противника болѣе опаснаго и упорнаго, чѣмъ духовенство; но оно почти вездѣ лишено возможности дѣйствовать самостоятельно на университеты, между тѣмъ какъ правительства имѣютъ къ тому и охоту, и силу. Въ XV-мъ вѣкѣ могущество духовенства было такъ велико, что одержать надъ нимъ побѣду можно было только съ помощью свѣтской власти; неудивительно, поэтому, что Гусъ искалъ ея поддержки. Припомнимъ, что точно также дѣйствовали и всѣ реформаторы XVI-го вѣка.

Мы старались доказать, что движеніе 1408—9 г. было вполнѣ законно и разумно; что чехи имѣли полное право требовать для себя перваго мѣста въ своемъ университетѣ; что, стремясь къ ограниченію вліянія нѣмцевъ, они хотѣли обезпечить, а не стѣснить свободу изслѣдованія и преподаванія, облегчить, а не затруднить внутреннее обновленіе церкви; что они вовсе не желали совершеннаго удаленія нѣмцевъ изъ Праги. Нужно ли опровергать, послѣ этого, обвиненіе Гуса въ слѣпой ненависти къ нѣмцамъ,—обвиненіе, основываемое Гёфлеромъ преимущественно

на участіи Гуса въ событіяхъ 1409 г.? Не ясно ли, что дѣятельность его была вызвана и руководима другими, болѣе глубокими и чистыми причинами? Но можетъ быть исторія Гуса представляетъ какіе-либо другіе факты, подтверждающіе ненависть его къ нѣмцамъ? Гёфлеръ утверждаетъ, что ненависть эта возникла еще въ 1400 г., когда баварцы и саксонцы, вторгнувшись въ Богемію, произвели въ ней страшныя опустошенія; но прежде, чѣмъ объяснять происхожденіе извѣстнаго чувства, нужно доказать самое существованіе его. Гёфлеръ ссылается, далѣе, на то обстоятельство, что пражское духовенство, уже въ 1408 г., обвиняло Гуса въ возбужденіи народа противъ нѣмцевъ. Самый фактъ обвиненія представляется безспорнымъ; но доказательствъ справедливости его мы напрасно стали бы искать у Гёфлера. Все дѣло, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что Гусъ возставалъ противъ преобладанія нѣмцевъ въ пражскомъ университетѣ и въ средѣ высшаго богемскаго духовенства; отсюда до возбужденія ненависти къ цѣлому народу еще очень далеко. Данныя, приводимыя г. Новиковымъ — заботливость Гуса о чистотѣ и о распространеніи чешскаго языка, гордость, съ которою онъ называлъ себя уроженцемъ христіаннѣйшаго богемскаго государства,—свидѣтельствуютъ только о патріотизмѣ Гуса, но отнюдь не о національной нетерпимости его. По увѣренію Палацкаго, ни въ латинскихъ, ни въ чешскихъ сочиненіяхъ Гуса нѣтъ и слѣда ненависти къ нѣмцамъ. «Я предпочитаю добраго нѣмца дурному чеху», говоритъ Гусъ въ оправданіи своемъ противъ обвиненій духовенства, составленномъ въ 1409 г.; «я возстаю одинаково противъ нѣмцевъ и чеховъ, когда они стоятъ за неправое дѣло». Г. Новиковъ полагаетъ, что въ концѣ своей жизни Гусъ примирился съ нѣмцами, вслѣдствіе ласковаго пріема, который онъ у нихъ встрѣтилъ во время путешествія своего изъ Праги въ Констанцъ. Мы не знаемъ, какъ совмѣстить это предположеніе съ ненавистью къ нѣмцамъ, съ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ нимъ, которыя приписываетъ Гусу г. Новиковъ. Ненависть и отвращеніе не исчезаютъ такъ скоро и подъ вліяніемъ причинъ, до такой степени незначительныхъ. Дружелюбное чувство, съ которымъ Гусъ относился къ нѣмцамъ, на пути въ Констанцъ и въ самомъ Констанцѣ, доказываетъ только одно — что Гусъ никогда не ненавидѣлъ нѣмцевъ и боролся съ ними лишь настолько, насколько этого требовали политическія и, въ особенности, религіозныя убѣжденія его. Послѣ 1409 г. религіозная борьба одна наполняетъ всю жизнь Гуса, — и противниками его, какъ до Констанцскаго со-

бора, такъ и на соборѣ, являются не только нѣмцы, но и чехи, враждебные реформѣ.

Историки нѣмецкой партіи, убѣжденные въ томъ, что Богемія не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ только сателлитомъ Германіи, что чехи неспособны къ самостоятельной политической и умственной жизни, что всею цивилизаціею своею они обязаны нѣмцамъ,—считаютъ дѣятельность Гуса и его послѣдователей насильственнымъ перерывомъ въ исторіи Богеміи, несчастнымъ уклоненіемъ съ пути, которымъ она шла до тѣхъ поръ и должна была идти постоянно. Никто не станетъ отвергать, что чехи многое заимствовали у нѣмцевъ, что судьба Богеміи, до конца XIV-го вѣка, была связана съ судьбою Германіи; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы чехи были обречены на вѣчное подражаніе нѣмцамъ, на вѣчную зависимость отъ нихъ. Цивилизація проникла въ Богемію позже, чѣмъ въ Германію; но въ началѣ XV-го вѣка она была распространена въ обѣихъ странахъ почти одинаково. Ничто не мѣшало чехамъ идти рука объ руку съ другими европейскими народами, не отступая, въ то же самое время, отъ національныхъ особенностей своихъ. Далеко не всѣ учрежденія, перенесенныя въ Богемію изъ Германіи, были необходимы для народнаго блага; далеко не всѣ черты, которыми Богемія еще отличалась отъ Германіи, были для него вредны. Феодализмъ и католицизмъ были нѣмецкими подарками, безъ которыхъ Богемія могла бы обойтись очень хорошо. Ограниченное, сравнительно съ Германіей, вліяніе духовенства на общія государственныя дѣла было, напротивъ того, такимъ преимуществомъ, которымъ Богемія не могла не дорожить и не гордиться. Въ XIII-мъ вѣкѣ основаніе городовъ нѣмецкими поселенцами ускорило развитіе промышленности и торговли въ Богеміи; но это еще не значитъ, что Богемія нуждалась въ *постоянномъ* наплывѣ нѣмецкихъ выходцевъ и что городское сословіе не могло пополняться изъ среды самихъ чеховъ. Еслибы Гусъ и его приверженцы хотѣли совершенно уничтожить всякую связь между Богеміей и Германіей, вырвать съ корнями изъ богемской почвы все взятое отъ нѣмцевъ, лишить Богемію всѣхъ выгодъ общенія съ другими образованными народами, тогда предпріятіе ихъ могло бы быть названо преступнымъ безумствомъ; но мы уже знаемъ, что они не думали ни о чемъ подобномъ. Они желали только устранить тѣ преграды, которыя останавливали свободное, естественное, мирное развитіе чешскаго народа. За дѣятельность позднѣйшихъ гуситовъ Гусъ отвѣчать не можетъ, точно также, какъ руководители учредительнаго собранія 1789 г.—за

терроръ 1793 и 1794 г. Фанатизмъ гуситовъ не былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ученія Гуса; онъ былъ вызванъ насильственными мѣрами, которыми католическая Европа хотѣла подавить это ученіе. Констанцскій соборъ, парижскіе схоластики, папа Мартинъ V и его преемники, императоръ Сигизмундъ—вотъ настоящіе виновники грозы, разразившейся надъ Богеміей и надъ Германіей, послѣ 1415 г. Источникъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ Богеміей въ четыре послѣдніе вѣка ея исторіи, заключается не въ гуситизмѣ, а въ католицизмѣ.

Какое же заключеніе слѣдуетъ вывести изъ всего сказаннаго нами? Какой урокъ могутъ почерпнуть чехи изъ исторіи Гуса для борьбы, которую они ведутъ въ настоящее время? Должно ли имя Гуса возбуждать въ нихъ чувство непримиримой вражды къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому? Должны ли они, призывая это имя, стремиться къ искорененію всего того, что̀ дано Чехіи извнѣ, а не выработано ею самою? Должны ли они, руководясь примѣромъ своего героя, ставить выше всего свою національную особность—выше политическаго развитія, выше религіозной и умственной свободы? Такъ полагаютъ наиболѣе увлекающіеся изъ числа чешскихъ патріотовъ; къ этому мнѣнію склоняется, какъ мы видѣли, и г. Новиковъ, писавшій въ «Русской Бесѣдѣ», т. е. говорившій какъ бы отъ имени всѣхъ нашихъ славянофиловъ; но не таковъ глубокій смыслъ дѣятельности Гуса и его мученической смерти. Въ патріотизмѣ Гуса не было ничего исключительнаго, ничего фанатическаго. Главною задачей его жизни было освобожденіе умовъ изъ-подъ ига, наложеннаго на нихъ цѣлыми вѣками нравственнаго рабства — и въ этомъ отношеніи его жизнь принадлежитъ столько же чехамъ, сколько и всѣмъ другимъ образованнымъ народамъ. Вопреки г. Новикову, мы согласны съ «безжизненными теоріями кабинетныхъ ученыхъ, начинающихъ съ Гуса обновленіе всего западнаго человѣчества», или, по крайней мѣрѣ, приписывающихъ ему важную роль въ этомъ великомъ дѣлѣ. Онъ отстаивалъ самостоятельность чеховъ противъ нѣмцевъ — но отстаивалъ ее преимущественно потому, что это было необходимо для успѣха его преобразовательныхъ плановъ. Его вражда была направлена противъ тѣхъ, кто стоялъ за злоупотребленія, за несправедливыя притязанія католической церкви — все-равно, были ли это чехи или нѣмцы. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ часто нападалъ въ одно и то же время на Teutones и на Boëmos inimicos. Онъ хотѣлъ, чтобы первое мѣсто въ Чехіи занимали чехи; но онъ никогда не оспаривалъ у нѣмцевъ права на мѣсто рядомъ съ чехами. Со временъ Гуса, во-

просъ о взаимномъ отношеніи чеховъ и нѣмцевъ усложнился еще больше увеличеніемъ числа нѣмцевъ въ Богеміи и земляхъ, съ нею сосѣднихъ. Богемія не можетъ быть названа теперь страною исключительно чешской, точно такъ же, какъ Венгрія не можетъ быть названа страною исключительно мадьярской. Если венгерскіе славяне имѣютъ полное право жаловаться на сосредоточеніе правительственной власти въ рукахъ мадьяровъ, то точно такое же право имѣли бы и богемскіе нѣмцы, еслибы управленіе Богеміей перешло въ руки однихъ чеховъ. Оставляя за нѣмцами одинъ голосъ изъ четырехъ въ дѣлахъ пражскаго университета, Гусъ какъ бы указалъ своему народу тотъ путь, которымъ онъ долженъ идти и въ настоящее время. На этомъ пути нѣтъ мѣста для компромиссовъ съ принципами, хотя бы они и были направлены къ торжеству чешской народности надъ нѣмецкой. На этомъ пути нѣтъ мѣста для союзовъ, хотя бы и временныхъ, съ католическимъ духовенствомъ, съ аристократіей, враждебной движенію. Противиться отмѣнѣ конкордата, освобожденію государства изъ-подъ власти церкви, уничтоженію слѣдовъ реакціи пятидесятыхъ годовъ — противиться этому благому дѣлу только потому, что оно предпринято въ Вѣнѣ, значило бы измѣнить идеямъ, которыя завѣщалъ чехамъ великій реформаторъ XV-го вѣка. Стремленіе къ національной самобытности законно только тогда, когда оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе впередъ во всѣхъ областяхъ политической, общественной и умственной жизни, — и въ соединеніи этихъ стремленій, въ преобладаніи послѣдняго надъ первымъ заключается истинное величіе Гуса.

Конст. Арсеньевъ.

НОВЫЙ

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

При указѣ правительствующему сенату, отъ 5-го іюля 1868 года, обнародованъ новый высочайше утвержденный таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. Насколько онъ можетъ успокоить опасенія нашего промышленнаго міра, начавшіяся ровно годъ тому назадъ, при первомъ извѣстіи о пересмотрѣ тарифа 1857 года, и оживить нашу международную торговлю къ облегченію потребителей, покажетъ, конечно, только опытъ нѣсколькихъ лѣтъ. Но и на основаніи опыта прежнихъ тарифовъ и вообще развитія, подъ вліяніемъ ихъ, нашей промышленности, можно и теперь съ нѣкоторою, даже довольно значительною вѣроятностію, опредѣлить, какія измѣненія въ прежнемъ тарифѣ обѣщаютъ усиленіе потребленія и удешевленіе на нашихъ рынкахъ издѣлій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, и какія напротивъ угрожаютъ стѣсненіемъ потребленія и замедленіемъ развитія промышленности, или, по крайней мѣрѣ, застоемъ того и другого. Поэтому прежде чѣмъ дѣлать оцѣнку вновь обнародованнаго таможеннаго тарифа, мы представимъ бѣглый очеркъ исторіи нашего таможеннаго законодательства и за тѣмъ уже постараемся опредѣлить, какое мѣсто должно принадлежать въ этой исторіи тарифу 1868 года.

До Петра Великаго таможенный тарифъ былъ у насъ исключительно орудіемъ фискальнымъ. Пошлина взималась въ размѣрѣ 4-хъ и 5-ти процентовъ съ цѣны товаровъ, смотря по тому, какъ исчислялись товары—вѣсомъ или мѣрою, и при томъ пошлина принималась неиначе какъ иностранною серебряною монетою, по опредѣленному

курсу, отчего иностранные купцы терпѣли значительный убытокъ. Умѣренность привозныхъ таможенныхъ пошлинъ уничтожалась другими многочисленными стѣснительными сборами, падавшими на товаръ при дальнѣйшей перевозкѣ его до мѣста потребленія. Петръ Великій, желая привлечь торговлю къ Петербургскому порту, даровалъ ему разныя льготы и, между прочимъ, уменьшилъ пошлины съ привозимыхъ къ нему иностранныхъ товаровъ. Но какъ въ то же время его постоянно занимала и другая забота о развитіи у насъ разныхъ мануфактурныхъ производствъ, а система поощренія туземной промышленности тарифнымъ путемъ была въ то время господствующею во всей Европѣ, то потому онъ старался обратить таможенный тарифъ и въ орудіе покровительства и возбужденія народной промышленности. Но чтобы это покровительство не усыпляло дѣятельности промышленниковъ и не обращалось во вредъ потребителямъ, Петръ Великій обѣщалъ его лишь подъ условіемъ дѣйствительныхъ успѣховъ отечественной промышленности. Съ этою цѣлію, указомъ 6-го ноября 1723 года, онъ постановилъ, чтобы на товары иноземнаго привоза, которыхъ производство въ Россіи увеличится въ четверть противъ привоза изъ-за границы, наложить четверть пошлины сверхъ обыкновенной, которыхъ же въ треть — наложить треть, а которыхъ въ половину—половину, и наконецъ, на товары, размножившіеся въ количествѣ равномъ съ привозомъ, наложить двойную пошлину. Между тѣмъ, учрежденная Петромъ Великимъ въ 1719 году, для завѣдыванія торговыми дѣлами, коммерцъ-коллегія работала надъ систематическимъ проектомъ полнаго таможеннаго тарифа. Уже въ 1721 году готовъ былъ и представленъ на утвержденіе государя такой проектъ, но, повидимому, онъ остался имъ недоволенъ, ибо не утвердилъ его, и лишь въ январѣ 1724 года обнародованъ тарифъ, утвержденный Петромъ для портовъ Бѣлаго и Балтійскаго морей. По этому тарифу нѣкоторые привозные иностранные товары были обложены съ вѣсу и мѣры, другіе же, въ особенности галантерейныя и фабричныя издѣлія—съ цѣны, отъ 10-ти до 37½%. Отпускныя же пошлины были назначены, напротивъ, большею частію съ мѣры и вѣсу, и сообразно тогдашнимъ цѣнамъ составляли для однихъ товаровъ отъ 2 до 4%, для нѣкоторыхъ же до 18-ти, 25-ти и даже 37½%.

Столь высокое обложеніе отпускныхъ товаровъ, отъ котораго не только терпѣло убытокъ купечество, но и теряла казна, по случаю уменьшенія таможеннаго дохода, возбудило жалобы торговаго сословія и побудило сенатъ поручить коммерцъ-коллегіи, совокупно съ каммеръ-коллегіею и магистратомъ, разсмотрѣть и донести—дѣйствуетъ-ли тарифъ въ пользу или въ тягость русскому купечеству, не происходитъ-ли уменьшенія въ сборѣ пошлинъ, и какимъ образомъ отвратить это неудобство.

Учрежденная по этому поводу коммиссія, въ донесеніи своемъ сенату, высказала между прочимъ слѣдующія интересныя соображенія.

Высокія пошлины въ прежнемъ тарифѣ (1724 г.) положены были, вмѣсто совершеннаго ихъ запрещенія, въ томъ предположеніи, что отечественныя фабрики могутъ удовлетворить внутреннему спросу; но таковое высокое обложеніе произвело лишь тайный ввозъ товаровъ и потерю для казны пошлиннаго дохода, а между тѣмъ русскія фабрики, хотя и производили нѣкоторыя однородныя съ иностранными издѣлія, но не могли довести ихъ до одинаковой съ ними доброты, а другихъ и вовсе не работали. По этимъ уваженіямъ коммиссія рѣшилась наложить на тѣ товары, которые выдѣлывались въ Россіи, пошлины въ 10% съ цѣны ихъ, а на тѣ, которыхъ у насъ или выдѣлывалось мало, или вовсе не дѣлалось, по 5%. Къ этому коммиссія присовокупляла, что хотя и съ предлагаемою пошлиною, иностранные ввозные товары могутъ повредить русскимъ фабрикамъ, но если исчислить наложенную пошлину, привозные, страховые и коммиссіонные расходы иностранныхъ фабрикъ, то русскія все-таки будутъ имѣть преимущество и самою дешевизною своихъ издѣлій могутъ остановить привозъ иностранныхъ. При томъ коммиссія опредѣляла пошлины не съ объявленной купцами цѣны, но съ вѣсу и мѣры, по соображеніи съ дѣйствительною стоимостію вещей. На этихъ основаніяхъ былъ составленъ и обнародованъ таможенный тарифъ 1731 года. Не смотря на значительное пониженіе пошлинъ съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ по этому тарифу, онъ показался голландскимъ купцамъ обременительнымъ, и нидерландское правительство заявило о томъ, чрезъ своего посланника, коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Но протестъ этотъ оставленъ былъ безъ вниманія, и тарифъ 1731 года сохранялъ свою силу до 1766 года, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій въ пошлинахъ, въ видахъ покровительства отечественнымъ фабрикамъ и общаго повышенія ихъ въ 1754 году на 13%, вслѣдствіе уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ сборовъ и сокращенія отъ того государственнаго дохода почти на 1 милліонъ рублей.

Императрица Екатерина II-я, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1763 году учредила особую коммиссію, для разсмотрѣнія положенія, въ которомъ находилась въ то время русская торговля, и для изысканія средствъ къ устраненію стѣснявшихъ ее причинъ, къ открытію сбыта отечественнымъ сырымъ произведеніямъ и издѣліямъ и къ упроченію торговаго кредита. Однимъ изъ средствъ къ достиженію указанныхъ ей цѣлей, коммиссія признала составленіе новаго тарифа, такъ какъ дѣйствовавшій тарифъ оказывался составленнымъ

безъ надлежащей системы, и пошлины имъ установленныя—весьма неравномѣрными.

Поэтому коммиссіи о коммерціи поручено было составить проектъ новаго тарифа, руководствуясь слѣдующими высочайше указанными ей основаніями: 1) Чтобы тайный привозъ (контрабанда) былъ отвращенъ; 2) чтобы нужные для Россіи иностранные товары были облегчены въ пошлинахъ, а служащіе къ излишней роскоши — обременены или и вовсе запрещены; 3) чтобы сырые чужеземные товары были отличены отъ выработанныхъ въ пользу здѣшняго рукодѣлія; 4) чтобы выпускъ русскихъ товаровъ, особенно мануфактурныхъ, былъ поощренъ, и напротивъ того, чтобы нужныя для Россіи отечественныя произведенія были удержаны или запрещеніемъ ихъ отпуска, или тяжелою пошлиною; 5) чтобы все, что̀ потребно къ сохраненію здоровья человѣческаго и къ необходимой надобности въ жизни, или облегчено было пошлиною, или совершенно безпошлинно допускалось въ государство.

Составленный на этихъ основаніяхъ тарифъ былъ обнародованъ при манифестѣ 18-го августа 1766 года, которымъ объявлено было, что государынѣ угодно, дабы всѣ вышеизложенныя цѣли были достигнуты въ тарифѣ, въ видахъ приведенія россійской коммерціи въ цвѣтущее состояніе и не взирая на могущее быть отъ того уменьшеніе пошлинныхъ сборовъ въ казну.

Въ 1782 году тарифъ былъ вновь пересмотрѣнъ и дѣйствіе его распространено на всѣ европейскія таможни съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможень, существовавшихъ въ рижской, ревельской и выборгской губерніяхъ.

Въ 1793 году, вслѣдствіе прекращенія политическихъ и торговыхъ сношеній съ Франціею, запрещенъ былъ ввозъ въ Россію французскихъ товаровъ, а въ избѣжаніе подложнаго привоза ихъ, запрещеніе это распространено было на многіе однородные товары.

Расширеніе предѣловъ государства и учрежденіе новыхъ портовъ и таможень, а также измѣненіе, въ теченіи 15-ти лѣтъ, цѣнъ на товары, побудили правительство издать въ 1797 году новый тарифъ, съ распространеніемъ силы его на всѣ портовыя и сухопутныя таможни, кромѣ губерній Астраханской, Оренбургской и Симбирской. Привозныя пошлины по этому тарифу были нѣсколько возвышены, отпускныя же оставлены болѣшею частію въ прежнихъ размѣрахъ.

Въ 1800 году, по случаю разрыва съ Англіею, запрещенъ былъ отпускъ изъ балтійскихъ портовъ и по западной сухопутной границѣ не только хлѣба, но и всѣхъ русскихъ товаровъ, даже въ Пруссію, дабы лишить Англію возможности получать наши произведенія даже чрезъ

посредство другой страны. Но запрещеніе это было уничтожено, въ слѣдующемъ же году, императоромъ Александромъ.

Въ тоже время сняли запрещеніе и на привозъ изъ заграницы нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, подвергшихся таковому запрещенію въ 1793 году. Но облегченіе это было лишь временное. Вскорѣ правительство возвратилось съ большею силою къ запретительнымъ мѣрамъ для огражденія русскихъ фабрикъ отъ соперничества иностранныхъ издѣлій. Съ этою цѣлію особымъ указомъ строго предписано было не употреблять даже при дворѣ такихъ предметовъ, которыхъ привозъ въ Россію былъ запрещенъ, и приняты разныя запретительныя мѣры въ пользу нашихъ ситцевыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ. За тѣмъ Россія примкнула къ такъ-называемой континентальной системѣ, введенной Наполеономъ I-мъ на материкѣ Европы и исключавшей привозъ всякихъ товаровъ и произведеній англійскаго и колоніальнаго происхожденія, кѣмъ бы онѣ привозимы ни были. Принятіе таковой торговой политики возвѣщено было Россіи манифестомъ 19-го декабря 1810 года.

Тарифъ 1810 года долженъ былъ дѣйствовать лишь одинъ годъ, но указомъ 21-го января 1812 года, постановлено было продолжить его и на 1812 годъ, съ дозволеніемъ привоза нѣкоторыхъ новыхъ товаровъ и съ возвышеніемъ, по соображеніямъ внутренней промышленности, пошлинъ на нѣкоторыя статьи, къ привозу прежде дозволенныя.

Хотя тарифъ 1810 года былъ принятъ вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ и не столько по видамъ торговымъ, сколько по видамъ политическимъ, однако онъ далъ сильный толчекъ русской фабричной промышленности и возбудилъ надежды на совершенную возможность долгаго, если не всегдашняго устраненія на русскихъ рынкахъ иностранныхъ товаровъ. Заявленіе о распространеніи этого тарифа только на 1812 годъ и допущеніе къ привозу нѣкоторыхъ товаровъ, хотя и неимѣвшихъ особеннаго значенія ни для тогдашней русской промышленности, ни для торговли, сильно встревожили фабрикантовъ, особенно московскихъ, опасавшихся, что, подъ видомъ дозволенныхъ, будутъ приходить и другіе запрещенные къ привозу иностранные товары. Вслѣдствіе этого уже въ мартѣ 1812 года подана была тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву тремя московскими купцами, Ѳ. Пантелѣевымъ, Александровымъ и Герасимовымъ, записка о вредѣ иностраннаго соперничества для развитія русскихъ фабрикъ. Примѣру ихъ послѣдовали и многіе другіе купцы, заводчики и фабриканты. Распространившіеся въ 1814 году слухи о предстоящемъ разрѣшеніи къ привозу всѣхъ иностранныхъ товаровъ и о ходатайствѣ по этому предмету иностранныхъ, особенно же англійскихъ купцовъ, еще болѣе встревожили русскихъ фабрикантовъ и вы-

звали съ ихъ стороны подачу министру внутреннихъ дѣлъ многочисленныхъ прошеній, покрытыхъ множествомъ подписей [1]).

Заключая въ себѣ много интересныхъ данныхъ о состояніи, въ которомъ находилась въ то время русская промышленность, и излагая затрудненія, которымъ подвергалась она, вслѣдствіе оказаннаго ей временнаго чрезмѣрнаго покровительства и угрожавшей опасности отъ иностраннаго соперничества, нѣкоторыя изъ этихъ прошеній поражаютъ однако требованіемъ какой-то абсолютной замкнутости и изолированія Россіи отъ остальнаго промышленнаго міра. Такъ въ одномъ прошеніи фабриканты просили: удостовѣрить *навсегда* о запрещеніи ввоза *всѣхъ* иностранныхъ издѣлій, обѣщая, «что это вызоветъ столь быстрое и знатное умноженіе и даже усовершенствованіе россійскихъ фабрикъ, что русскіе, по своей способности и охотѣ, въ немногіе годы будутъ имѣть столь совершенныя мануфактуры, какихъ иностранцы въ нѣсколько вѣковъ не имѣли».

Въ заключеніе фабриканты заявляли, что доколѣ не будетъ возстановлено прочное существованіе отечественныхъ мануфактуръ *всегдашнимъ*, *всѣхъ вообще иностранныхъ издѣлій*, *запрещеніемъ*, и не будетъ пріостановлено тѣмъ столь гибельное для Россіи и чрезвычайное иностранцами овладѣніе вкуса и роскоши, словомъ, не отвращена будетъ вредная наша отъ нихъ зависимость, дотолѣ никакъ нельзя ожидать ни возвышенія курса, ни выгодъ общественныхъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ въ концѣ 1812 года по нѣкоторымъ изъ поступившихъ къ нему просьбъ государю, объясняя при этомъ, что «по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно оставить тарифъ совершенно безъ всякой перемѣны, но что однакожъ и перемѣны въ немъ должны быть сдѣланы съ осторожностію и ограниченіемъ, дабы не разстроить и не подорвать совсѣмъ существующихъ въ Россіи фабрикъ». Вслѣдствіе сего предположено было передать всѣ ходатайства фабрикантовъ на обсужденіе особаго комитета; однако комитета подобнаго учреждено не было, и ходатайства фабрикантовъ передаваемы были въ государственный совѣтъ, куда уже былъ внесенъ министромъ финансовъ новый проектъ тарифа.

Изданіе новаго тарифа для европейской Россіи послѣдовало въ 1816 году. Въ манифестѣ, при которомъ обнародованъ этотъ тарифъ, сказано было, что по возстановленіи свободныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній между европейскими державами, признано за благо, для пользы общественной, допустить нѣкоторыя перемѣны въ запре-

---

[1]) См. № 10-й «*Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ* за 1865 годъ, статью: *Ходатайства московскихъ и другихъ русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ между 1811 и 1816 годами.*

тительной торговой системѣ; но на многіе иностранные товары оставлено прежнее запрещеніе въ своей силѣ еще на 12 лѣтъ.

Между тѣмъ, по заключеніи въ 1815 году вѣнскаго трактата, составлена была въ Варшавѣ особенная на то коммиссія, изъ коммисаровъ русскихъ, польскихъ, австрійскихъ и прусскихъ, которая должна была, по взаимному соглашенію, начертать проектъ тарифа на привозъ и вывозъ товаровъ въ Царство Польское и присоединенныя къ Россіи западныя губерніи, а равно и въ области бывшаго королевства польскаго, подвластныя Австріи и Пруссіи.

По представленіи сего проекта на высочайшее утвержденіе, повелѣно было сообразить его съ послѣдне-изданнымъ для Россіи въ 1816 году тарифомъ по европейской торговлѣ, съ тѣмъ, чтобы составить одинъ уже общій тарифъ, какъ для имперіи, такъ и для царства польскаго, и дѣло это въ 1817 году было поручено особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ. По обстоятельствамъ, открывшимся при семъ соображеніи, оказалось необходимымъ приступить вновь къ переговорамъ съ дворами австрійскимъ и прусскимъ. Эти переговоры кончились дополнительными конвенціями, заключенными съ Австріею 8 августа, а съ Пруссіею 7 декабря 1818 года.

Составленный на основаніи этихъ трактатовъ и конвенцій общій тарифъ для европейской торговли имперіи и царства польскаго, былъ внесенъ министромъ финансовъ, по высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и, по окончательномъ утвержденіи его, распубликованъ 20 ноября 1819 года. Срокомъ введенія новаго тарифа въ дѣйствіе назначено было 1 января 1820 года.

Тарифъ 1819 года былъ составленъ на широко-раціональныхъ основаніяхъ, но безъ всякаго соображенія съ состояніемъ нашей промышленности, выросшей подъ сѣнію строгой запретительной системы, и потому, какъ рѣзкій переходъ отъ одной крайности къ другой, не могъ не подѣйствовать разрушительно на развитіе нашей мануфактурной промышленности, что́ и обнаружилось весьма скоро. Потому неудивительно, что въ 1821 году, по поводу предпринятаго правительствомъ возвращенія отъ раціональной торговой политики 1819 года къ прежней запретительной системѣ, графъ Нессельроде, въ циркулярѣ своемъ къ представителямъ Россіи за-границею, писалъ, что «Россія вынуждена основать систему независимой торговли, что продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за-границею, что мануфактуры ея крайне подавлены, что монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, что солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности, и что сельское хозяйство и торговля, равно какъ и фабричная промышленность, не только ослаблены, но стоятъ на краю банкротства».

Въ 1822 году былъ обнародованъ новый тарифъ, основанный на запретительныхъ началахъ, что́ признавалось въ то время тѣмъ болѣе

необходимымъ, что и торговыя постановленія Англіи и Франціи въ то время были неблагопріятны для нашей торговли съ этими странами.

Въ манифестѣ 12 марта 1822 года, при которомъ обнародованъ былъ тарифъ, сказано было: «Внимательное наблюденіе оборотовъ и хода внѣшней торговли, служащее руководствомъ при изданіи таможенныхъ узаконеній, показываетъ намъ, что разрѣшеніе привоза всѣхъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій съ продолженіемъ времени обратиться можетъ къ стѣсненію собственной промышленности вѣрноподданныхъ нашихъ и къ угнетенію мануфактуръ и фабрикъ, въ значительномъ количествѣ уже умножившихся, но требующихъ еще особеннаго покровительства. Въ отвращеніе сего и для вящшаго ободренія и распространенія сихъ общеполезныхъ заведеній, признали мы за нужное поручить особенному комитету разсмотрѣніе дѣйствующихъ нынѣ правилъ на привозъ и вывозъ товаровъ по европейскимъ границамъ имперіи нашей, и въ сообразность съ успѣхами собственной промышленности, равно и съ учрежденіями въ другихъ государствахъ, на сей конецъ издаваемыми, составить проектъ новаго тарифа». По представленіи сего проекта на предварительное высочайшее разсмотрѣніе, онъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и за тѣмъ уже окончательно утвержденъ и распубликованъ, при чемъ повелѣно было привести его въ дѣйствіе во всѣхъ портахъ имперіи съ 31-го марта 1822 года, а въ сухопутныхъ таможняхъ—со дня полученія. Это колебаніе торговой политики правительства въ началѣ XIX-го столѣтія и частые переходы отъ запретительной системы къ раціональной и обратно, мало внушали въ началѣ довѣрія купечеству и къ новому запретительному тарифу 1822, какъ это видно изъ мнѣнія московскаго купеческаго общества о причинахъ упадка торговли въ Россіи, представленнаго министру финансовъ въ 1823 [1]), и лишь вступленіе въ управленіе министерствомъ финансовъ гр. Канкрина и его непреклонное слѣдованіе запретительной системѣ успокоило промышленное сословіе и вызвало основаніе въ Россіи многочисленныхъ фабрикъ.

Тарифъ 1822 года дѣйствовалъ почти непрерывно до 1851 года, съ небольшими лишь измѣненіями. Въ 1832 году высокія пошлины, установленныя по тарифу 1822 года, были даже еще болѣе возвышены, по видамъ финансовымъ, на красильныя вещества, вина, сахаръ и сверхъ того со всѣхъ привозныхъ товаровъ опредѣлено взимать по $12^1/_2\%$ съ каждаго пошлиннаго рубля. Но уже въ 1836 году признано было возможнымъ разрѣшить привозъ нѣкоторыхъ товаровъ прежде

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ. 1865. № 11, стр. 291.

запрещенныхъ и уменьшить пошлины съ бумажныхъ, льняныхъ и шелковыхъ издѣлій и съ привозимыхъ въ черноморскіе и азовскіе порты австрійскихъ и венгерскихъ винъ. При этомъ въ указѣ было между прочимъ выражено, что правительство, убѣдившись въ необходимости временныхъ охранительныхъ мѣръ, находитъ возможнымъ, по мѣрѣ развитія промышленности, умѣрять дѣйствіе этихъ мѣръ не только безъ вреда дальнѣйшимъ ея успѣхамъ, но и съ увѣренностію, что раскрытіе входа иностраннымъ издѣліямъ высшаго достоинства, при соразмѣрной съ нихъ пошлинѣ, поощритъ производительныя сословія къ вящшей дѣятельности посредствомъ соревнованія.

Для бо́льшаго удобства въ таможенномъ производствѣ и облегченія въ разсчетахъ, исчислявшіеся до того отдѣльно, карантинные и прибавочные 12½% сборы присоединены были къ коренной пошлинѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самыя пошлины, вообще соотвѣтственно ходу торговли, съ однихъ товаровъ были усилены, а съ другихъ уменьшены; изъ числа же запрещенныхъ дозволены къ привозу тѣ, которыхъ впускъ не могъ обращаться во вредъ собственной промышленности.

Въ 1842 году и въ слѣдующіе годы уменьшены пошлины съ льняныхъ издѣлій, привозимыхъ по сухопутной границѣ изъ Пруссіи и Австріи, и на нѣкоторые матеріалы; также разрѣшены были къ привозу съ пошлиной образцовыя галантерейныя и другія дотолѣ запрещенныя статьи.

Въ 1846 году понижены были пошлины съ привозныхъ матеріаловъ потребныхъ русскимъ фабрикамъ, а также съ хрусталя и фаянсовой посуды.

Болѣе чѣмъ двадцатилѣтній опытъ запретительнаго тарифа 1822 года показалъ, что установленныя имъ высокія пошлины и запрещенія не принесли особенной пользы отечественной промышленности и обращались лишь во вредъ государственному казначейству, поощряя развитіе контрабандной торговли. Подъ сѣнію ограждавшихъ ихъ чрезмѣрныхъ пошлинъ, которыя устраняли всякую возможность иностраннаго соперничества, фабриканты наши мало заботились объ усовершенствованіи своихъ издѣлій и о введеніи у себя такихъ изобрѣтеній и улучшеній, которыя быстро смѣняли одно другое за-границею и содѣйствовали постояннымъ успѣхамъ тамошней промышленности. Поэтому наша туземная фабричная промышленность все болѣе и болѣе отставала отъ заграничной, отчего, конечно, всего болѣе терпѣли потребители, ибо, не смотря на недоброкачественность издѣлій нашихъ фабрикъ, онѣ продавались весьма дорого, хотя у насъ главныя жизненныя потребности и рабочія руки были дешевле, чѣмъ за-границей. Большіе барыши обогощали немногочисленный классъ фабрикантовъ, на счетъ милліоновъ потребителей.

Неблагопріятное для развитія нашей промышленности, продолжи-

тельное дѣйствіе запретительной системы 1822 года и безпечность нашихъ фабрикантовъ къ введенію у себя заграничныхъ улучшеній откровенно высказаны даже въ мнѣніи постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ, изданномъ по поводу предложенія германской депутаціи, при обзорѣ нѣкоторыхъ отраслей промышленности, сдѣланномъ самими промышленниками. Правительство, заявившее, какъ мы видѣли, уже въ 1836 году, взглядъ свой на временное значеніе таможеннаго покровительства отечественной производительности, чрезъ 10 лѣтъ рѣшилось сдѣлать болѣе смѣлый шагъ по пути къ расширенію нашей внѣшней торговли и возбужденію нашихъ фабрикантовъ, посредствомъ усиленія иностраннаго соперничества, къ улучшенію туземныхъ издѣлій и пониженію на нихъ цѣнъ. Дѣло это было поручено особому комитету, во главѣ котораго поставленъ былъ извѣстный нашъ экономистъ, членъ государственнаго совѣта Тенгоборскій.

Плодомъ занятій этого комитета, продолжавшихся около 3 лѣтъ, былъ тарифъ высочайше утвержденный 13 октября 1850 года и введенный въ дѣйствіе съ 1 января 1851 года. Изданіемъ этого тарифа правительство сдѣлало рѣшительный переходъ отъ запретительной системы къ охранительной.

Въ тарифѣ 1850 года улучшена классификація товаровъ и упрощено расположеніе тарифныхъ статей: самое число ихъ сокращено было съ 1176 до 442. Изъ 89 статей запрещенныхъ прежде къ привозу, разрѣшено 76 статей; по 725 статьямъ пошлины сбавлены въ такомъ размѣрѣ, что по таможенному сбору 1846 года это уменьшеніе могло составить до 1½ милл. рублей.

Опытъ скоро показалъ однако, что не смотря на значительное, повидимому, уменьшеніе пошлинъ въ 1850 году, для нѣкоторыхъ товаровъ на четверть, треть и даже половину, уменьшеніе это осталось безъ ощутительнаго вліянія на уменьшеніе контрабанды и на оживленіе внѣшней торговли, потому что по тарифу 1822 года многія пошлины были до того высоки, что нерѣдко превышали самую цѣнность облагаемыхъ предметовъ; сверхъ того, вслѣдствіе пониженія фабричныхъ цѣнъ на всѣ почти мануфактурные товары въ періодъ времени между тарифами 1822 и 1850 годовъ, подъ вліяніемъ успѣховъ, сдѣланныхъ промышленностію отъ приложенія научныхъ знаній къ усовершенствованію техническихъ пріемовъ производства, пошлины, составлявшія въ 20-хъ годахъ отъ 30 до 40% съ цѣны товаровъ, въ 40-хъ годахъ составляли уже отъ 80—100% противъ тогдашней ихъ цѣны.

Такое положеніе дѣла служило лишь поводомъ и поощреніемъ для развитія контрабанды. Къ этому присоединилась еще значительная неравномѣрность между портовыми и сухопутными пошлинами, установленная въ 1854 году во время блокады нашихъ портовъ, для поощ-

ренія сухопутной торговли. Съ возстановленіемъ мира, такой порядокъ вещей содѣйствовалъ лишь искуственному усиленію сухопутной торговли въ ущербъ портовой.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, побуждали правительство вновь пересмотрѣть таможенный тарифъ, въ духѣ принятой уже охранительной системы. Составленіе новаго тарифа поручено было особому комитету также подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Тенгоборскаго.

По разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, новый тарифъ былъ утвержденъ высочайшею властію 25 мая 1857 года и введенъ въ дѣйствіе со дня полученія его въ таможняхъ. По тарифу 1857 года классификація привозныхъ товаровъ была вновь упрощена и сокращена съ 442 до 368; изъ числа 19-ти статей, оставшихся запрещенными, разрѣшено 7; по 299 статьямъ пошлина сбавлена почти на 2 милліона противъ средняго таможеннаго сбора 1851—54 годовъ.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ 11 іюля 1867 года, представленнаго по поводу нынѣшняго пересмотра тарифа, видно, что при составленіи тарифа 1857 года принято было въ соображеніе, чтобы вообще употребительнѣйшія издѣлія обложены были пошлиною, сравнительно съ ихъ цѣнностію въ высшемъ размѣрѣ, для огражденія отечественной промышленности въ такихъ ея отрасляхъ, которыя занимаютъ большое число рукъ и удовлетворяютъ нуждамъ многочисленнѣйшаго класса потребителей, а болѣе умѣренныя пошлины опредѣлены были преимущественно для такихъ иностранныхъ издѣлій, которыя не представляютъ для нашихъ опаснаго соперничества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сбавлены пошлины на вспомогательные для фабрикъ и ремеслъ матеріалы и допущена, въ видахъ возвышенія таможеннаго дохода, сбавка пошлинъ съ разныхъ жизненныхъ припасовъ, какъ-то: съ винъ, кофе, пряностей, фруктовъ и т. п. Кромѣ того, для оживленія портовой торговли, въ тарифѣ 1857 года уравнены портовыя и сухопутныя пошлины на нѣкоторые товары. По многимъ статьямъ однако сохранены уменьшенныя для сухопутнаго привоза пошлины частію съ цѣлію облегченія пограничнымъ населеніямъ возможности пріобрѣтенія такихъ предметовъ, которые при доставкѣ ихъ изъ отдаленныхъ портовъ или внутреннихъ губерній, обходятся въ ближайшихъ къ границѣ мѣстностяхъ слишкомъ дорого, частію для ограниченія контрабанды тѣми товарами, которые водворялись тайно только чрезъ сухопутную границу, вслѣдствіе огромнаго ея протяженія и по затруднительности таможеннаго надъ ней надзора.

Пониженіе пошлинъ по тарифу 1857 года не было повальнымъ, но по тѣмъ статьямъ, по которымъ было допущено, оно было довольно

чувствительно. Многія пошлины уменьшены на-половину, а нѣкоторыя на четверть и на одну треть. Такимъ образомъ, тарифъ 1857 г. былъ весьма значительнымъ шагомъ впередъ на пути улучшенія охранительной системы, принятой въ 1850 году. Правительство не остановилось, впрочемъ, на этомъ. Въ 1861 году оно разрѣшило привозъ чая по европейской торговлѣ, бывшій дотолѣ запрещеннымъ, а затѣмъ, въ 1863 году, уменьшило пошлины на сахаръ, нѣкоторые напитки и колоніальные товары, а также на шелкъ, фаянсъ, бумажныя, льняныя и шерстяныя издѣлія и другіе товары. Въ 1864 г. сняты были почти всѣ отпускныя пошлины съ вывозныхъ нашихъ товаровъ, исключая кости, пьявокъ, тряпья и яичекъ шелковичныхъ червей. Снятіе отпускныхъ пошлинъ составляло со стороны государственнаго казначейства жертву около 2 милл. руб., для оживленія нашей вывозной торговли. Жертва эта принесена была, можетъ быть, уже нѣсколько поздно; ибо Россія еще во время крымской кампаніи потеряла значительную часть прежнихъ рынковъ для сбыта своихъ сырыхъ произведеній и нашла опасныхъ соперницъ въ отдаленныхъ, но за то щедро надѣленныхъ природою, странахъ Остъ-Индіи, Америки и Австраліи. Русская пшеница замѣнилась отчасти сѣверо-американскою и египетскою; русская пенька уступила мѣсто остъ-индскому джуту, русское сало — салу, привозимому изъ разныхъ странъ.

По возстановленіи мира, намъ не легко было возстанавливать утраченныя во время войны торговыя связи, и оказалось совершенно невозможнымъ разрушить новыя торговыя связи, завязавшіяся между Европою и заатлантическими народами. Какъ ни тяжело было народному самолюбію разставаться съ своими любимыми понятіями, будто бы мы шапками можемъ закидать Европу, и будто бы безъ нашего хлѣба она умретъ съ голоду, однако, всеобщее разочарованіе, бывшее результатомъ восточной войны, и пробужденіе, послѣдовавшее за долголѣтнею, спокойною дремотою, подъ упоеніемъ своею непобѣдимою силою и неистощимыми богатствами, заставили насъ отрезвиться, и съ бодростью, свойственною нашей натурѣ, смѣло взглянуть въ лицо тяжелымъ обстоятельствамъ и бодро приняться за дѣло. Пробудившееся общественное мнѣніе громко требовало внутреннихъ реформъ, и правительство дѣятельно воспользовалось этимъ общественнымъ настроеніемъ и энергически принялось за изученіе и измѣненіе нашихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Въ истекшее десятилѣтіе мы пережили уже многія изъ этихъ достославныхъ реформъ и успѣли оцѣнить ихъ значеніе и благодѣтельное вліяніе на развитіе нашей народной жизни. Таможенная реформа 1857 года, безспорно, принадлежитъ къ тому же ряду великихъ общественныхъ реформъ настоящаго времени, хотя и блѣднѣетъ предъ такими явленіями, какъ уничтоженіе крѣпостного состоянія, введеніе гласности въ финансовое

управленіе, учрежденіе гласныхъ судовъ, введеніе земскихъ учрежденій и др.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ указанныхъ выше министромъ финансовъ побужденій къ пересмотру тарифа 1857 г., не послѣднюю роль играло и сознаніе необходимости оживить нашу пострадавшую отъ войны внѣшнюю торговлю, привлеченіемъ иностранныхъ произведеній на наши внутренніе рынки и соотвѣтственнымъ усиленіемъ нашего заграничнаго отпуска, и возбудить нашу туземную промышленность посредствомъ усиленія иностранной конкурренціи. Но таможенная реформа всегда и вездѣ затрогиваетъ столько личныхъ и часто могущественныхъ интересовъ, что принятіе ея не можетъ не сопровождаться болѣе или менѣе сильною борьбою со стороны заинтересованныхъ лицъ. Чѣмъ бо́льшею свободою пользуется страна, тѣмъ открытѣе и свободнѣе ведется эта борьба.

Тарифъ 1857 года совпалъ у насъ съ значительнымъ расширеніемъ свободы печатнаго слова, а потому ему предшествовала и его сопровождала довольно оживленная въ литературѣ полемика въ защиту, съ одной стороны, такъ-называемой свободы торговли, съ другой—въ защиту такъ-называемаго покровительства или охраненія народной промышленности. Обѣ стороны съ жаромъ отстаивали каждая свою любимую тему, при чемъ наши протекціонисты забывали, по обыкновенію, что удары, направляемые ими противъ ихъ противниковъ, фритредеровъ, не относятся собственно къ нимъ, ибо никто изъ нихъ никогда не требовалъ немедленнаго введенія у насъ полной свободы торговли, и потому что тарифъ 1857 г. былъ еще слишкомъ далекъ отъ идеала либеральнаго тарифа. Москва, какъ центръ мануфактурной промышленности Россіи, естественно сдѣлалась и главнымъ средоточіемъ протекціонистскаго движенія. Съ 1858 года въ ней появилось даже особенное періодическое изданіе, «Вѣстникъ промышленности», посвященное исключительно интересамъ промышленности и всестороннему развитію началъ покровительственной системы. Къ сожалѣнію, изданіе это, исполненное во многихъ отношеніяхъ интереса, скоро прекратилось, и съ тѣхъ поръ, до появленія «Торговаго Сборника» и газеты «Москва», русскіе протекціонисты не имѣли своего особаго спеціальнаго органа, за то тѣмъ съ бо́льшею силою и увлеченіемъ принялись имъ служить оба означенныя изданія.

Въ послѣдніе годы, впрочемъ, и нѣкоторыя другія изданія стали на сторону протекціонизма, отождествляя систему протекціонизма, или такъ-называемаго охраненія народнаго труда, съ національными стремленіями, которыя пробудились во всѣхъ слояхъ русскаго общества, и почти смѣшивая протекціонизмъ съ патріотизмомъ. Приверженцы же такъ-называемой свободы торговли, защищавшіе ее въ принципѣ и далекіе отъ мысли, чтобы полное осуществленіе ея возможно было у насъ те-

перь, въ виду многочисленныхъ интересовъ и значительныхъ капиталовъ, связанныхъ съ промышленностію, выросшею на почвѣ запрещеній и высокихъ тарифовъ, но убѣжденные въ необходимости сохраненія нашей промышленности извѣстной доли покровительства, съ постепеннымъ ослабленіемъ его, по мѣрѣ успѣховъ промышленности и народнаго развитія, въ послѣднее время какъ бы смолкли, наскученные частымъ и безплоднымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же идей, и тѣмъ доставили, повидимому, торжество протекціонизму, успѣвшему завоевать себѣ не только часть литературы, но и значительную часть образованнаго общества, безразлично смотрѣвшаго на борьбу двухъ лагерей и искусно поддерживаемаго въ уваженіи къ протекціонизму всякимъ болѣе или менѣе значительнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ движеніемъ въ пользу этого ученія въ законодательныхъ собраніяхъ Европы. Протекціонисты наши обыкновенно выставляли, особенно въ послѣднее время, тарифъ 1857 г., какъ весьма радикальный и имѣвшій самое неблагопріятное вліяніе на развитіе нашей промышленности; всѣ торговыя банкротства, болѣе или менѣе близкія ко времени изданія этого тарифа, должны были, по мнѣнію протекціонистовъ, имѣть свое начало въ немъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ всякій переходъ въ общественной жизни отъ одного состоянія къ другому всегда сопровождается нѣкоторымъ замѣшательствомъ, то потому и тарифъ 1857 г. могъ произвести нѣкоторыя волненія въ нашемъ промышленномъ мірѣ и не позволилъ удержаться нѣкоторымъ предпріятіямъ, основаннымъ безъ достаточныхъ оборотныхъ капиталовъ и разсчитанныхъ единственно на одномъ высокомъ огражденіи ихъ тарифомъ; но что тарифъ 1857 г. не имѣлъ вреднаго вліянія на отечественную промышленность и не остановилъ ея развитіе, это доказывается цифрами нашей торговой статистики. Число фабрикъ, простиравшееся въ 1854 году до 9,444, увеличилось въ 1864 г. до 13,226; цѣнность же ихъ производства въ то же десятилѣтіе возрасла съ 151.985,000 р.—до 278.428,000 р. О развитіи мануфактурной промышленности у насъ свидѣтельствуетъ и увеличивающійся привозъ къ намъ матеріаловъ для фабрикъ и ремеслъ. Въ 1851—53 годахъ привозъ этихъ матеріаловъ достигалъ 20 милліоновъ рублей, въ періодъ же 1859—64 годовъ до 31½ милл., т. е. увеличился на 50%. Въ то же время привозъ бумажной пряжи уменьшился слишкомъ втрое, съ 280,000 до 72,000 пудовъ, а пряжи изъ гребенной шерсти на 25%, съ 90,000 до 67,000 пудовъ.

Бумагопрядильная промышленность и выдѣлка шерстяныхъ издѣлій въ послѣднее пятнадцатилѣтіе удвоили свое производство, первое съ 15 милл. до 40 милл., а второе съ 23 милл. до 40½ милл.; въ то же время получило у насъ начало механическое пряденіе шерсти, механическое же пряденіе льна съ 1863 г. увеличило свое производство въ 3½ раза.

Но тарифъ 1857 г., не смотря на свое преимущество предъ тарифомъ 1850 г., въ ряду европейскихъ тарифовъ, оказывался однимъ изъ наименѣе благопріятныхъ для международной торговли особенно съ тѣхъ поръ, какъ всѣ почти европейскія государства, по примѣру Англіи и Франціи, заключили между собою торговые трактаты, по которымъ каждое допустило въ пользу другого значительныя уменьшенія въ пошлинахъ, сравнительно съ общимъ тарифомъ, установленнымъ для прочихъ не заключившихъ трактата державъ.

При такомъ стремленіи всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ къ торговому сближенію между собою на обоюдно-выгодныхъ условіяхъ, весьма естественно, что тѣ страны, которыя вели главный торгъ съ Россіею, должны были домогаться какихъ-либо уступокъ и съ ея стороны. Первое заявленіе пошло со стороны Пруссіи и выразилось въ *«Запискѣ о заключеніи торгово-таможеннаго договора между Таможеннымъ Союзомъ и Россіею, представленной правительствамъ Союза депутаціею постояннаго германскаго коммерческаго съѣзда»*. Изъ записки этой видно, что представители нѣкоторыхъ торговыхъ корпорацій, по преимуществу изъ смежныхъ съ Россіею прусскихъ провинцій, неоднократно заявляли мысль о пользѣ заключенія торговаго трактата между Россіею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ.

По заключеніи, 2 августа 1861 года, торговаго договора между Франціею и Таможеннымъ Союзомъ, торговое и фабричное сословіе обратило особенное вниманіе на положеніе обширныхъ сѣверовосточныхъ границъ Таможеннаго Союза, гдѣ, по выраженію записки, естественное развитіе и процвѣтаніе международной торговли крайне стѣснено существующею въ Россіи запретительно-покровительственною торговою системою. Вслѣдствіе особеннаго представленія по этому предмету познанской коммерческой палаты, непремѣнный комитетъ второго германскаго торговаго съѣзда, занялся изслѣдованіемъ этого вопроса. Прежде всего комитетъ призналъ нужнымъ собрать, привести въ извѣстность и обсудить всѣ мнѣнія и предположенія различныхъ германскихъ коммерческихъ корпорацій относительно главныхъ предметовъ, долженствующихъ послужить основаніемъ торговаго договора съ Россіею. Плодомъ этого обсужденія и была вышеозначенная записка.

Сознавая, что при совершенномъ различіи существующаго положенія дѣлъ въ Россіи, въ сравненіи съ положеніемъ дѣлъ Англіи, Франціи и Таможеннаго Союза, заключившихъ между собою торговые договоры въ 1860 и 1861 годахъ, не можетъ быть и рѣчи о заключеніи съ Россіею договора, вполнѣ тождественнаго съ этими договорами, составители записки удержали въ ней лишь основныя мысли этихъ договоровъ, всѣ же частности русско-германскаго таможеннаго договора должны быть, по мнѣнію ихъ, разработаны съ полною самостоятельностью.

При этомъ высказана, между прочимъ, одна капитальная мысль, что предположеніе о заключеніи таможеннаго и торговаго трактата между Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ и Россіею по существу самаго дѣла и силѣ современныхъ требованій, возможно только въ томъ случаѣ, если заключенію подобнаго трактата будетъ предшествовать преобразованіе въ системѣ русскаго таможеннаго законодательства и нѣкоторыхъ тѣсно связанныхъ съ нимъ учрежденій, или же если это преобразованіе состоится одновременно съ заключеніемъ трактата. Въ противномъ случаѣ, записка отвергаетъ приведеніе въ исполненіе мысли о торговомъ договорѣ съ Россіею до осуществленія означенной таможенной реформы.

Сдѣлавъ бѣглый очеркъ развитія русскаго таможеннаго законодательства съ 1822 года и указавъ на возникшія у насъ, благодаря покровительству запретительной системы промышленности, германская депутація справедливо замѣчаетъ, что при этомъ было упущено изъ виду главное, какою цѣною пріобрѣталось это искусственное развитіе отечественной промышленности и какой ущербъ этимъ наносился общимъ національнымъ интересамъ; развитіе контрабанды, искусственное отвлеченіе капиталовъ отъ земледѣлія, отсталость земледѣльческой промышленности и связанныхъ съ нею другихъ отраслей хозяйства, составляющихъ предметы настоящихъ національныхъ интересовъ, какъ-то: улучшеніе обработки льна, пеньки, кожевеннаго производства и т. п. и вслѣдствіе того ограниченіе нашей отпускной торговли.

При этомъ не менѣе справедливо германская депутація замѣчаетъ, что лица, принадлежавшія высшему правительственному кружку, основываясь на офиціальныхъ отчетахъ торговой статистики, съ видимымъ удовольствіемъ указывали на огромные капиталы, затраченные въ привилегированныя фабрики, и на число дѣйствующихъ на нихъ рабочихъ рукъ и въ то же время исчисляли, сколько такимъ образомъ сохранится внутри края денегъ, которыя бы въ противномъ случаѣ ушли за-границу. Но какъ вѣрное пониманіе экономическихъ интересовъ было въ то время рѣдкимъ исключеніемъ, какъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей, такъ и въ общественномъ мнѣніи всѣхъ странъ, то посему, по выраженію германской записки, и нельзя упрекать русское правительство въ томъ, что, подчинившись общему предразсудку, оно ввело запретительную систему.

Указавъ затѣмъ на нѣкоторые недостатки нынѣшняго русскаго таможеннаго устава, германская депутація дѣлаетъ довольно бѣглую оцѣнку главныхъ тарифныхъ статей, выводя процентное отношеніе русскихъ ввозныхъ пошлинъ и принимая въ основаніе разсчетовъ среднія гамбургскія цѣны за пятилѣтіе 1858—62 годовъ. При этомъ она приходитъ къ заключенію, что главнѣйшія пошлины русскаго тарифа,

сравнительно съ пошлинами на тѣ же предметы въ другихъ государствахъ, чрезмѣрно высоки и что значительное и одновременное пониженіе ихъ путемъ тщательнаго и коренного пересмотра тарифа должно быть главнѣйшею задачею русскаго правительства, если оно хочетъ поднять внѣшнюю торговлю Россіи и замѣнить существующую обширную контрабанду правильною и законною торговлею. При этомъ германская депутація сознаетъ, что при существующихъ условіяхъ и финансовомъ положеніи страны, русское правительство находится въ необходимости обратить особенное вниманіе на то, чтобы значительный таможенный доходъ казны не уменьшился отъ предполагаемаго преобразованія тарифа, и указываетъ на уменьшеніе пошлины съ жизненныхъ припасовъ, какъ на главный источникъ таможенныхъ сборовъ во всѣхъ странахъ, напоминая при этомъ, что по опыту всѣхъ странъ, незначительное пониженіе, напр., на 10 или на 20% этихъ пошлинъ не можетъ имѣть вліянія ни на таможенный сборъ, ни на усиленный привозъ этихъ товаровъ въ страну.

Относительно сырыхъ и полуобработанныхъ фабричныхъ матеріаловъ, германская депутація предлагаетъ также придать привознымъ съ нихъ пошлинамъ характеръ болѣе фискальныхъ, чѣмъ покровительственныхъ, въ видахъ развитія туземной промышленности и предоставленія ей возможности пріобрѣтать необходимые заграничные сырые матеріалы. Что касается издѣлій, составляющихъ III-й разрядъ русскаго тарифа, то, по выводамъ германской депутаціи, пошлины на эти товары составляли, по тарифу 1857 г., для бумажныхъ тканей отъ 58 до 132%, для льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій отъ 25 до 171%, для шелковыхъ и полушелковыхъ отъ 44 до 71%, для шерстяныхъ отъ 42 до 185%, для желѣзныхъ издѣлій отъ 2 до 104%. На основаніи всѣхъ этихъ выводовъ германская депутація приходила къ заключенію, что русскій тарифъ, не смотря даже на сдѣланныя въ немъ въ 1857 г. и позже сбавки пошлинъ, все-таки имѣетъ враждебный торговлѣ характеръ и, по сравненію съ тарифами другихъ государствъ, содержитъ чрезмѣрно высокія пошлины, а потому требуетъ коренного преобразованія.

Кромѣ того, германская депутація заявляла о пользѣ совершеннаго уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго пониженія отвозныхъ пошлинъ и отмѣны всѣхъ запретительныхъ статей, на томъ основаніи, что взиманіе отпускныхъ пошлинъ, затрудняя торговыя дѣла, возвышаетъ цѣны товаровъ въ мѣрѣ совершенно несоотвѣтствующей проистекающимъ отъ этой статьи доходамъ казны, а тотъ небольшой ущербъ, который понесла бы казна, вслѣдствіе освобожденія отъ пошлинъ всѣхъ отпускныхъ статей, вполнѣ вознаградился бы возрастающимъ благосостояніемъ производителей, при помощи облегченной конкурренціи русскихъ товаровъ на заграничныхъ рынкахъ.

Извѣстно, что въ то время, когда германская постоянная депутація разсуждала о пользѣ уничтоженія или даже только пониженія отпускныхъ пошлинъ съ нашихъ товаровъ, мѣра эта уже обсуждалась въ министерствѣ финансовъ и затѣмъ, по разсмотрѣніи ея въ государственномъ совѣтѣ, утверждена была Высочайшею властью въ маѣ 1864 года.

Кромѣ заявленія о необходимости радикальнаго пересмотра тарифа, германская депутація изложила и о нѣкоторыхъ другихъ стѣсненіяхъ для торговли отъ нынѣшняго способа взиманія пошлинъ.

Такъ она указала на неудобство разныхъ, установленныхъ послѣ изданія тарифа 1857 г., добавочныхъ сборовъ не только для однихъ государственныхъ цѣлей, но и въ пользу обществъ или корпорацій и въ нѣкоторыхъ городахъ для разныхъ мѣстныхъ потребностей. Такъ, въ 1858 году, былъ установленъ 5% надбавочный сборъ со всѣхъ отпускныхъ и привозныхъ пошлинъ для покрытія издержекъ на устройство желѣзныхъ дорогъ и пристаней, а въ 1861 г. надбавочный же сборъ съ привозныхъ пошлинъ по случаю всеобщей дороговизны и проистекающаго отъ того увеличенія государственныхъ расходовъ. Вслѣдствіе этого не только всѣ пошлины повысились противъ тарифа 1857 г. на 10%, но нѣкоторыя оставшіяся неизмѣненными въ 1857 г. оказались выше даже пошлинъ 1850 года.

Далѣе германская депутація указывала на неудобство платы караульнымъ артельщикамъ и замѣчала, что нерѣдко надбавочные таможенные сборы и разные экспедиціонные расходы приближаются къ средней пошлинѣ съ товара, а иногда даже превышаютъ ее. Клейменіе и пломбированіе товаровъ, система опредѣленія взысканій за ошибки въ объявленіяхъ или такъ-называемая система акциденцій, недостаточность постановленій о перевозкѣ товаровъ изъ впускныхъ таможень въ складочныя, недостатокъ складочныхъ мѣстъ на подобіе заграничныхъ entrepôts, Freilager, и нѣкоторые другіе недостатки нашихъ внутреннихъ торговыхъ постановленій и учрежденій, также возбуждали жалобы германской депутаціи и нашли мѣсто въ ея запискѣ.

Домогаясь заключенія съ Россіею торговаго трактата съ пониженіемъ пошлинъ и съ устраненіемъ многихъ дѣйствительныхъ или только мнимыхъ затрудненій и неудобствъ, созданныхъ русскимъ таможеннымъ уставомъ и установившеюся таможенною практикою, германская депутація требовала еще допущенія свободнаго каботажнаго судоходства какъ для русскихъ, такъ и для германскихъ судовъ, между портами Россіи и Таможеннаго Союза, и возставала противъ уничтоженія дифференціальныхъ пошлинъ по сухопутному и морскому привозу, указывая на необходимость оказать покровительство сухопутной торговлѣ, въ уваженіе дешевизны привоза моремъ и исклю-

чительнаго положенія Россіи и въ виду интересовъ торговли, освященныхъ временемъ и важными торговыми соображеніями. Такова была сущность предложеній депутаціи постояннаго германскаго коммерческаго съѣзда.

Находя весьма желательнымъ вызвать со стороны русскихъ торговцевъ и промышленниковъ критическую оцѣнку мнѣній, высказанныхъ прусскимъ купеческимъ сословіемъ, департаментъ внѣшней торговли озаботился съ этою цѣлію составленіемъ пространнаго извлеченія изъ означенной записки и переводомъ его на русскій языкъ и разослалъ его въ разные биржевые комитеты, съ просьбою доставить по содержанію германской записки свое мнѣніе. Серьезнѣе всѣхъ отнесся къ этому дѣлу московскій биржевой комитетъ. Онъ пригласилъ изъ среды биржевого купечества извѣстнѣйшихъ фабрикантовъ и негоціантовъ, для совмѣстнаго съ биржевымъ комитетомъ обсужденія германской записки. Собраніе московскаго купечества выразило по этому поводу желаніе устроить въ Москвѣ купеческіе съѣзды и предоставить имъ обсудить предложенія германской депутаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ изложить и свое мнѣніе о нуждахъ и потребностяхъ русской промышленности и торговли. На первомъ съѣздѣ московскаго и иногороднаго купечества, бывшемъ 14 января 1865 года, приняли участіе 271 человѣкъ, которые и избрали 40 человѣкъ въ постоянную депутацію.

Результатомъ занятій московскихъ купеческихъ съѣздовъ было изданіе въ свѣтъ, въ 1865 г., особою книгою *«Мнѣнія постоянной депутаціи»* этихъ съѣздовъ, заключающаго въ себѣ какъ общій отвѣтъ на главные пункты германской записки, такъ и рядъ отдѣльныхъ отвѣтовъ по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ русской промышленности, съ изложеніемъ ихъ состоянія, средствъ къ ихъ поощренію и степени возможности принятія предложеній нѣмецкаго Таможеннаго Союза.

Московская депутація въ своемъ отвѣтѣ исходила изъ того положенія, что въ практической жизни и, особенно въ дѣлѣ вопросовъ промышленныхъ и торговыхъ, точно также, какъ и въ политикѣ, безпрерывно приходится уклоняться отъ строго научной теоріи, искать опоры въ практической жизни и соображаться съ потребностями и выгодами народными. На этомъ основаніи московская депутація выражаетъ, съ своей стороны, совершенное убѣжденіе въ идеальной истинѣ началъ свободной торговли, но признаетъ, что ради этого великаго начала, каждый народъ долженъ идти на встрѣчу свободному международному соперничеству въ торговлѣ и промышленности осторожно, шагъ за шагомъ, строго взвѣшивая всѣ потребности и нужды своей страны.

Заявляя что «наша внутренняя промышленность потрясена въ своемъ основаніи несвоевременнымъ и въ высшей степени нераціональнымъ пониженіемъ тарифа 1857 года, что великія реформы настоящаго царствованія, обѣщая дать плоды еще въ будущемъ, пошатнули весь экономическій организмъ нашъ, и что потрясеніе нашей денежной системы не могло не отозваться тяжело на нашихъ торговыхъ дѣлахъ», московская депутація выражаетъ сомнѣніе, чтобы, при такомъ всеобщемъ потрясеніи нашей отечественной промышленности, была какая-нибудь возможность приступить къ заключенію торговаго трактата въ смыслѣ пониженія тарифа, и связывать себя какими бы то ни было обязательствами. Но, возставая противъ заключенія трактата, московская депутація тѣмъ не менѣе заявила, «что русская промышленность готова въ настоящее время во многомъ отношеніи не только измѣнить тарифъ, но по многимъ статьямъ сбавить даже пошлины».

Бо́льшую часть замѣчаній, которыя касаются стѣсненій, проистекающихъ отъ таможенныхъ обрядностей, московская депутація признавала справедливыми, но нѣсколько запоздалыми, ибо, по отзыву ея, въ проектѣ преобразованія таможеннаго нашего устава предположено уже сдѣлать значительныя облегченія для торговли. Отвергнувъ, и совершенно справедливо, настояніе германской депутаціи о необходимости удержанія разницы пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ и моремъ, а также о предоставленіи нѣмецкимъ судамъ свободнаго каботажнаго судоходства, московская депутація указываетъ на легкость и незнаніе дѣла, съ которыми нѣмецкая депутація отнеслась къ нѣкоторымъ учрежденіямъ и условіямъ, стѣсняющимъ будто бы торговыя сношенія иностранцевъ съ Россіею. Не смотря на все искусство изложенія этой части отвѣта московской депутаціи, самую замѣчательную часть ея работы представляютъ приложенія, составленныя спеціалистами по каждой отрасли промышленности и выражающія сводъ взглядовъ промышленнаго сословія на состояніе своего промысла. Эта работа, не смотря на всю свою односторонность, останется надолго полезною справочною книгою, и мы будемъ еще имѣть случай обратиться къ ней, говоря о вновь установленныхъ пошлинахъ на разные предметы.

Другіе биржевые комитеты наши отнеслись съ большею легкостью къ нѣмецкой запискѣ и ограничились болѣе краткими и общими отзывами. Такъ, рижскій комитетъ напечаталъ свой отвѣтъ на 20-ти страницахъ. Отвергая, подобно московской депутаціи, всякую мысль о возможности и своевременности для насъ заключенія торговаго трактата съ какою бы то ни было державою, рижскій биржевой комитетъ выразилъ мнѣніе о пользѣ преслѣдованія правительствомъ начатаго уже имъ постепеннаго улучшенія тарифа, и о необходимости съ этою цѣ-

лію, въ извѣстные правильно возвращающіеся промежутки времени, пересматривать какъ законы и постановленія, касающіяся торговли, такъ и самый таможенный тарифъ, съ приглашеніемъ болѣе замѣчательныхъ спеціалистовъ для устраненія всѣхъ стѣснительныхъ для торговли постановленій и для опредѣленія степени покровительства, которое потребно для отечественной промышленности, дабы она не была подавлена иностраннымъ соперничествомъ и въ тоже время была поощряема къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Находя своевременнымъ приступить уже въ настоящее время къ таковому пересмотру тарифа, рижскій биржевой комитетъ заявилъ при этомъ о тѣхъ главныхъ началахъ, на которыхъ можетъ совершиться этотъ пересмотръ: значительное пониженіе ввозныхъ пошлинъ на колоніальные товары и на необходимыя для русской промышленности сырыя и полуобработанныя произведенія, уравновѣшеніе пошлинъ съ мануфактурныхъ издѣлій, въ мѣрѣ необходимаго огражденія отечественной производительности какъ отъ опаснаго иностраннаго соперничества, такъ и отъ излишняго застоя, и уничтоженіе дифференціальныхъ пошлинъ по морской и сухопутной торговлѣ, дабы лишить поощренія прусскую морскую торговлю, производимую въ ущербъ таковой же россійской; таковы основанія предложеннаго рижскимъ купечествомъ пересмотра тарифа.

Вслѣдъ за Пруссіею, и Австрія также поднимала вопросъ о заключеніи съ своей стороны съ Россіею новаго таможеннаго и торговаго трактата. О необходимости такого договора заявлено было въ 1864 году на пражскихъ таможенныхъ конференціяхъ и, наконецъ, подана была формальная петиція отъ имени различныхъ фирмъ вѣнской торговой и промышленной палатѣ.

Вѣнская палата рѣшилась точнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ, чтобы яснѣе указать на желательныя измѣненія въ договорѣ о торговлѣ и судоходствѣ, заключенномъ между Австріею и Россіею въ 1860 году, и формулировать условія этого измѣненія вообще и въ частности для предложенія ихъ правительству. Свѣдѣнія, собранныя вслѣдствіе того вѣнскою палатою отъ разныхъ корпорацій и лицъ близко знакомыхъ, по собственному опыту или по своему общественному положенію, съ состояніемъ торговли между Россіею и Австріею, были напечатаны вѣнскою палатою въ видѣ особой брошюры подъ заглавіемъ: Materialien zur Frage der Abschliessung eines neuen Zoll-und Handelsvertrages zwischen Oesterreich und Russland. Gesammelt von der Handels-und Gewerbskammer in Wien. Wien, 1865. Переводъ этой брошюры на русскомъ языкѣ появился въ №№ 9 — 12-мъ «Сборника свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ» за 1865 годъ.

Въ тоже время и другія австрійскія торговыя и промышленныя

палаты, равно какъ и нѣкоторыя частныя торговыя и промышленныя общества въ Австріи, по отзыву вѣнской палаты, самостоятельно разбирали этотъ вопросъ и признали желательнымъ заключеніе торговаго и таможеннаго договора съ Россіею.

Оставляя въ сторонѣ частные вопросы, разбираемые въ матеріалахъ, изданныхъ вѣнскою палатою, относительно невыгоднаго вліянія, оказываемаго на торговлю Австріи съ Россіею русскимъ тарифомъ 1857 года и русскими торговыми и таможенными постановленіями, остановимся только на нѣкоторыхъ главныхъ выводахъ, вытекающихъ изъ разсмотрѣнія означенныхъ матеріаловъ и доказывающихъ, что австрійское промышленное сословіе относилось къ Россіи съ бо́льшимъ безпристрастіемъ, нежели прусское. Оно сознаетъ, что незначительность австрійской торговли съ Россіею, составляющей не болѣе 4% общей цѣнности внѣшней русской торговли, проистекаетъ не столько отъ вліянія высокихъ пошлинъ русскаго тарифа 1857 года, сколько главнымъ образомъ отъ недостатка иниціативы со стороны австрійскаго купечества, отъ неудовлетворительнаго состоянія австрійскихъ консульствъ въ Россіи, отъ недостатка прямыхъ сношеній съ русскими купцами, отъ дорогого посредничества коммиссіонеровъ, живущихъ въ Россіи. Отдавая полную справедливость прогрессивному движенію русскаго общества, поощряемому уже втеченіи 10-ть лѣтъ правительствомъ, признавая полную безопасность сношеній въ Россіи и ожидая отъ судебной реформы всевозможныхъ гарантій не только личности, но и имуществу, австрійскіе матеріалы только недостаткомъ имѣющихся за границею свѣдѣній о внутреннихъ условіяхъ и отношеніяхъ Россіи, объясняютъ неправильность сужденій о ходѣ ея политическаго развитія.

Будущая роль австрійской торговли съ Россіею, по мнѣнію «Матеріаловъ», не на сѣверѣ этого государства, гдѣ уже утвердились Пруссія, Англія и Франція, а скорѣе въ юго-восточныхъ частяхъ ея, куда еще мало проникала ихъ конкурренція; Австрія могла бы съ выгодою привозить изъ Россіи то, что́ доставлялъ ей Таможенный Союзъ, и съ своей стороны могла бы посылать туда тѣ товары, которые до сихъ поръ посылались въ эту страну другими государствами.

Указывая на быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, австрійскіе «Матеріалы» видятъ въ этомъ доказательство, что «Россія нисколько не желаетъ изолировать себя отъ прочихъ государствъ и народовъ, какъ утверждаютъ съ своей точки зрѣнія англійскіе фритредеры и германскій коммерческій съѣздъ, на томъ основаніи, что въ Россіи не дѣлается либеральнаго пониженія пошлинъ. Каждое государство, говорится въ Матеріалахъ, должно основательно взвѣсить этотъ щекотливый пунктъ, тѣмъ болѣе, что младшая въ промышленномъ отношеніи изъ европейскихъ государствъ Россія ничуть не обя-

зана вѣчно разыгрывать роль крестьянскаго государства (Bauernstaat) между другими народами и давать другимъ возможность становиться богатыми властителями торговли».

«Достовѣрно, говорится далѣе, что начало промышленности, хотя и съ трудомъ, но положено въ Россіи, и доказано, что русскіе вполнѣ способны быть промышленниками; къ сожалѣнію, образовавшееся промышленное населеніе и фабрики находятся не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, т. е. въ мѣстахъ, лишенныхъ угля. Но во многихъ мѣстахъ были открыты громадныя залежи каменнаго угля и для утвержденія промышленности на прочномъ основаніи, промышленному населенію необходимо будетъ переселиться къ каменно-угольнымъ бассейнамъ. Какъ ни странно это переселеніе, но оно, вѣроятно, легко устроится, когда вниманіе всѣхъ классовъ общества не будетъ такъ исключительно устремлено на высшія государственныя реформы.

«Экономисты, которые хотятъ осудить русскаго исключительно на роль земледѣльца, должны также рѣшить вопросъ, какими земледѣльческими работами онъ можетъ заниматься въ продолженіе 6-ти мѣсячной зимы, когда земля промерзаетъ на сажень и на сажень также покрывается снѣгомъ. Если онъ не будетъ спать какъ кротъ въ теченіе всего долгаго времени, когда сама природа дѣлаетъ невозможными сельско-хозяйственныя занятія, то единственнымъ препровожденіемъ времени, на которое указываютъ ему обстоятельства, остается промышленность.

«Въ угоду другимъ народамъ заниматься исключительно сельскимъ хозяйствомъ, оставляя безъ всякой пользы каменный уголь, желѣзныя руды и множество другихъ промышленныхъ богатствъ, Россія нисколько не желаетъ. Если до сихъ поръ производилось въ Россіи такъ много хлѣба и прочихъ сырыхъ продуктовъ, что для сбыта ихъ недостаточно было ни заграничнаго отпуска, ни внутренняго потребленія, если во внутреннихъ губерніяхъ, по недостатку путей сообщенія для вывоза излишняго количества, цѣлыя жатвы оставались невымолоченными и шли на солому, то—спрашивается—куда будутъ дѣваться сельско-хозяйственныя произведенія, когда свободный трудъ будетъ доставлять вдвое больше прежняго и когда желѣзныя дороги и правильные водяные пути сдѣлаютъ возможнымъ вывозъ изнутри страны?

«Потребленіе въ остальной Европѣ имѣетъ все-таки извѣстные предѣлы, и въ урожайные годы оно очень ограничено сравнительно съ тѣмъ, что̀ можетъ доставлять Россія. Такимъ образомъ сами обстоятельства принудятъ часть русскаго населенія сдѣлаться промышленнымъ, и правительство не можетъ неоградить его въ началѣ отъ заграничнаго соперничества посредствомъ высокихъ пошлинъ. Въ этомъ стремленіи долженъ его укрѣпить еще опытъ, добытый главнымъ образомъ въ послѣднее время и доказывающій, что усиленный вывозъ

сырыхъ продуктовъ начинаетъ имѣть вредныя послѣдствія для самой земли, что гарантія будущаго плодородія полей заключаетси внутри страны.

«Изъ всего этого слѣдуетъ, что русскіе совершенно правильно судятъ о своихъ интересахъ и мы не можемъ претендовать на нихъ за то, что они имѣютъ въ виду прежде всего себя и что не намѣрены другимъ государствамъ позволять истощать себя. Точно также и мы не хотимъ убѣждать ихъ соглашаться съ ошибочнымъ мнѣніемъ, будто свободная торговля примѣнима во всякое время повсюду, и будто въ ихъ интересѣ переходъ къ подобной системѣ, между тѣмъ какъ западная Европа объявляетъ себя готовою къ ней послѣ столѣтней подготовки.

«Поэтому мы не соглашаемся съ мнѣніемъ германскаго коммерческаго съѣзда и не хотимъ требовать невозможныхъ уступокъ. Если мы будемъ считать большимъ одолженіемъ съ нашей стороны облегченіе привоза къ намъ изъ Россіи сырыхъ продуктовъ, то въ сущности мы должны сознаться, что одолженіе это воображаемое, ибо если мы привозимъ къ себѣ эти вещества, то значитъ они для насъ необходимы, и даже послѣ потребленія сохраняютъ неразрушимую цѣнность, которой навсегда лишается Россія. Мы разумѣемъ подъ этимъ большую пользу, которую въ видѣ удобренія они приносятъ нашему сельскому хозяйству, нисколько не страдающему отъ ихъ привоза. Мы не выставляемъ и альтернативы германскаго коммерческаго съѣзда, утверждающаго, что съ Россіею можно заключить торговый договоръ не иначе, какъ если она оставитъ свою охранительную систему, ибо намъ могутъ отвѣтить также, какъ Таможенному Союзу, что для того не наступило еще время, А тогда пришлось бы еще долго дожидаться благопріятной минуты...

«Общаго пересмотра и пониженія русскаго тарифа вообще мы не предлагаемъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) «Мы не хотимъ преслѣдовать недостижимыхъ цѣлей, такъ какъ Россія рѣшительно отклонила подобныя предложенія со стороны другихъ государствъ, имѣя для этого достаточныя причины въ охраненіи интересовъ собственной промышленности.

2) «Ради послѣдовательности, мы не желаемъ вступать въ борьбу за такіе принципы, приложенія которыхъ мы не желали бы видѣть и у самихъ себя.

3) «Мы не видимъ въ этомъ никакой выгоды для Австріи, ибо общее пониженіе пошлинъ было бы одинаково для всѣхъ народовъ и принесло бы намъ незначительную пользу».

«Итакъ, будемъ искать возможнаго. Удовлетворимъ дѣйствительныя взаимныя потребности и допустимъ введеніе дифференціальныхъ пошлинъ, которыя облегчатъ взаимный обмѣнъ товаровъ, находящихся

въ недостаточномъ количествѣ или вовсе не производимыхъ у одного народа, или необходимыхъ другому и привозимыхъ уже изъ другихъ государствъ. Само собою разумѣется, что эти дифференціальныя пошлины должны быть соразмѣрны высотѣ русскихъ таможенныхъ пошлинъ. Поэтому, въ договорѣ $^{2}/_{14}$ сентября 1860 года нечего измѣнять, можно было бы только прибавить, въ видѣ дополненій, добавочныя условія соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ.

«Мы можемъ предоставить Россіи довольно значительную область сбыта и дѣйствительный интересъ Россіи, а не созданный теоріею свободной торговли, заключается въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ ей вести съ нами торговлю, которую она желаетъ поддерживать съ иностранными государствами».

Нельзя не признать, что мысли, выраженныя такимъ образомъ австрійскими промышленниками, до того умѣренны, что могли бы быть сказаны отъ лица русскихъ промышленниковъ, еслибы они были одушевлены меньшею нетерпимостію и бо́льшимъ уваженіемъ къ экономическимъ истинамъ.

Большая часть торговыхъ палатъ и промышленныхъ лицъ, спрошенныхъ вѣнскою палатою, выразились положительно въ пользу заключенія новаго торговаго и таможеннаго договора съ Россіею и ожидала отъ него не только благодѣтельныхъ экономическихъ послѣдствій для обѣихъ странъ, но и прекращенія контрабандной торговли, которая, благодаря высокимъ пошлинамъ, на всемъ протяженіи длинной русской границы, превратилась въ цвѣтущую промышленность и сдѣлалась истинною язвою, какъ для Россіи, такъ и для Австріи.

Послѣ отпора, даннаго русскимъ промышленнымъ сословіемъ заявленіямъ германскаго купечества о желаніи заключить съ Россіею торгово-таможенный трактатъ, понятно, что и подобныя же заявленія австрійскихъ торгово-промышленныхъ корпорацій должны были также остаться безъ всякихъ послѣдствій. Заявленія эти прошли даже почти незамѣченными, не смотря на всю умѣренность ихъ тона.

Гораздо болѣе обратила на себя вниманія записка англійскаго генеральнаго консула въ С.-Петербургѣ г. Мичеля, составленная съ цѣлію обратить вниманіе на упадокъ торговли между Великобританіею и Россіею и указать средства къ устраненію этого явленія. По поводу бывшей въ 1864 г. въ Москвѣ очередной промышленной выставки, отъ англійскихъ соединенныхъ торговыхъ палатъ присланы были для изученія этой выставки депутатами, секретарь означенныхъ палатъ г. Самсонъ Лойдъ и президентъ бирмингемской торговой палаты г. Гудманъ. Содѣйствіе этимъ лицамъ поручено было англійскимъ правительствомъ г. Мичелю, хорошо знающему русскій языкъ. Это обстоя-

тельство и послужило поводомъ для составленія г. Мичелемъ, по совѣту лорда Кларендона, его записки или «Отчета о современномъ состояніи торговли между Великобританіею и Россіею». Записка эта была представлена англійскому парламенту, напечатана въ числѣ его изданій и препровождена къ англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ лорду Буканану, съ выраженіемъ надежды, «что публикованіе этого отчета и отчета депутаціи соединенныхъ торговыхъ палатъ повлечетъ за собою совѣщанія между представителями промышленныхъ и торговыхъ интересовъ обѣихъ странъ, могущія принести лишь взаимную пользу».

Г. Мичель старается доказать несостоятельность охранительной системы, которой держится еще Россія и удержанія которой домогаются русскіе фабриканты, указывая при этомъ на неблагопріятное будто бы, во многихъ случаяхъ, для разныхъ финансовыхъ операцій, особенно займовъ, заключаемыхъ въ Англіи, вліяніе нашей таможенной системы. Упадокъ торговли между Россіею и Великобританіею въ 5-тилѣтіе 1859—1863 гг. на 11%, ввозъ контрабандныхъ товаровъ въ Россію въ тотъ же періодъ времени на 75 милліоновъ рублей, вслѣдствіе этого потеря дохода казны, даже при самомъ умѣренномъ тарифѣ въ 15%, на 11½ милліоновъ, таковы, по мнѣнію г. Мичеля, главные результаты нашего высокаго тарифа.

Указавъ на неосновательность опасеній, выраженныхъ русскими фабрикантами по поводу пониженія тарифа въ 1857 г., на противодѣйствіе оказанное всѣми промышленными корпораціями въ Россіи предложеніямъ германскихъ коммерческихъ съѣздовъ, г. Мичель утѣшаетъ себя мыслію, что эта оппозиція небольшой части русскаго общества, вѣроятно, уменьшится, когда оно уразумѣетъ, что свобода торговли вовсе не предполагаетъ непремѣнной и полной отмѣны всѣхъ пошлинъ и пожертвованія всѣми существующими интересами. При этомъ онъ желаетъ пониженія русскаго тарифа настолько, чтобы онъ предоставлялъ еще русскому фабриканту преимущество въ 15 или 20% предъ его заграничными соперниками, и полагаетъ, что, въ случаѣ, еслибы это желаніе не было въ скоромъ времени удовлетворено, то торговля, издавна существующая между Англіею и Россіею, должна еще болѣе придти въ упадокъ, а вмѣстѣ съ нею пасть и довѣріе къ Россіи, какъ странѣ преуспѣвающей, просвѣщенной и совершенствующейся.

Понятно, что появленіе подобнаго рода брошюры, особенно въ русскомъ переводѣ, и притомъ вслѣдъ за прусской и австрійской записками, написанными тономъ сравнительно болѣе умѣреннымъ и нерѣдко даже безпристрастнымъ, не могло не поднять цѣлой бури въ русской журналистикѣ, особенно при усилившемся съ особенною силою въ это время духѣ протекціонизма.

Краткость брошюры г. Мичеля, ея рѣшительный тонъ, ея слиш-

комъ смѣлые числовые выводы относительно цѣнности контрабандныхъ товаровъ, и наконецъ слишкомъ либеральное предложеніе о пониженіи Россіею всѣхъ ввозныхъ пошлинъ до 15 или 20%, все это не могло не сдѣлать большого контраста съ болѣе солидными и спокойными выводами и соображеніями нѣмецкихъ и австрійскихъ промышленныхъ сословій и не усилить недовѣрія къ предложеніямъ представителя англійскихъ торговыхъ интересовъ.

Всѣ эти попытки убѣдить русское промышленное сословіе въ пользѣ и необходимости отречься отъ охраняющаго его высокаго тарифа, не переходя въ сферу офиціальную, остались предметомъ свободнаго гласнаго обсужденія со стороны русскихъ промышленниковъ; но нѣтъ сомнѣнія, что правительство извлекло изъ этого гласнаго обсужденія всю нужную для себя пользу.

Не увлекаясь ни чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ широкой либеральной торговой политикѣ, и не поддаваясь заявленнымъ Пруссіею, Австріею и Англіею требованіямъ объ уступкахъ со стороны Россіи, правительство не могло, однако, не сознавать и особенно не ощущать, насколько сохраненіе высокаго тарифа вредно для интересовъ государственнаго казначейства, самой туземной промышленности и многочисленныхъ потребителей.

Не смотря на двукратное преобразованіе въ таможенномъ тарифѣ 1850 и 1857 гг. и на увеличеніе пошлиннаго сбора по тѣмъ статьямъ, которыхъ коснулись эти преобразованія, таможенный доходъ по европейской торговлѣ, въ общемъ итогѣ, остался безъ всякаго почти приращенія. Въ 1844 году онъ составлялъ 24½ милліона рублей, въ томъ числѣ съ сахара и бумажной пряжи 12 мил. и съ прочихъ предметовъ 12½ мил. Спустя двадцать лѣтъ, именно въ 1864 году, таможенный сборъ достигалъ 26½ милліоновъ руб. Увеличеніе на 2 милліона было только фиктивное, ибо сборъ 1864 года заключалъ въ себѣ доходъ, взимавшійся по таможнямъ Царства Польскаго, котораго въ сборѣ 1844 г. не было показано. Доходъ съ сахара и бумажной пряжи въ то же время уменьшился до 5½ мил., а по прочимъ статьямъ увеличился до 21 мил., т. е. на 8½ мил. Это увеличеніе было главнымъ образомъ результатомъ пониженія тарифовъ 1850 и 1857 г. и доказало, что лишь, благодаря переходу отъ запретительной системы къ охранительной, таможенный доходъ могъ удержаться въ прежнемъ размѣрѣ.

Подъ вліяніемъ тарифа 1857 г., таможенные сборы въ первый же годъ, т. е. въ 1858, увеличились на 2,750,000 р., а затѣмъ въ трехлѣтіе 1862—1864 г. достигли 27,250,000 р.; но это новое увеличеніе въ 3½ мил. р. было послѣдствіемъ разрѣшенія въ 1861 г. къ морскому привозу чая, который доставляетъ отъ 3 до 4 мил. р. ежегодной пошлины. По другимъ же статьямъ никакого приращенія въ тарифѣ не оказывалось.

Такая неподвижность таможенныхъ доходовъ явно обнаруживала медленное приращеніе самыхъ торговыхъ оборотовъ и доказывала, что сдѣланныя доселѣ въ тарифѣ измѣненія были еще недостаточны для столь значительнаго усиленія привоза къ намъ иностранныхъ произведеній, чтобы таможенный доходъ могъ въ общемъ результатѣ возвыситься съ пользою для государственнаго казначейства. Средній ежегодный привозъ иностранныхъ товаровъ, достигавшій до 1851 года 90 мил. р., послѣ крымской кампаніи въ 1856 г. достигъ 100 мил. р.; въ пятилѣтіе же 1857—1861 г., т. е. послѣ введенія тарифа 1857 г. возвысился до 138 мил. р. и затѣмъ оставался почти въ томъ же размѣрѣ, исключая 1866 и 1867 годовъ совершенно исключительныхъ.

Обязанность, лежащая на министерствѣ финансовъ къ изысканію средствъ для покрытія возрастающихъ, особенно въ послѣднее время, государственныхъ расходовъ, на удовлетвореніе вновь возникающимъ неотложнымъ государственнымъ нуждамъ, и невозможность дальнѣйшаго возвышенія прямыхъ налоговъ, прямо указывали министру финансовъ необходимость искать новые источники государственныхъ доходовъ въ косвенныхъ налогахъ. Таможенный доходъ представлялся для этого особенно сподручнымъ, такъ какъ съ устраненіемъ дороговизны товаровъ, искусственно производимой и поддерживаемой, могло усилиться народное потребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производительность, и полагалось начало образованію капиталовъ и умноженію средняго зажиточнаго класса людей, въ которомъ заключается вся податная сила каждаго государства.

Ущербъ, приносимый государственнымъ доходамъ огромнымъ развитіемъ правильно организованной контрабанды на границахъ Россіи, былъ не менѣе побудительною причиною къ уменьшенію таможенныхъ пошлинъ, наиболѣе поощряющихъ развитіе контрабанды. Фактъ существованія на нашей прусско-австрійской границѣ правильно организованныхъ конторъ, принимающихъ перевозку и страхованіе контрабандныхъ товаровъ за премію около 35% съ пошлинъ, которыми обложены товары по русскому тарифу, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Какъ прусскія, такъ и австрійскія торговыя палаты заявили желаніе положить конецъ этому безнравственному способу веденія торговли, развращающему цѣлыя мѣстныя населенія и лишающему честныхъ торговцевъ возможности выдерживать соперничество съ торговцами торгующими контрабандою. Не только государственный доходъ страдаетъ отъ этого, но и самая внутренняя торговля парализуется неизвѣстностью мѣры соперничества, которымъ ей угрожаетъ тайный привозъ товаровъ.

Изъ «Видовъ внѣшней торговли» видно, что цѣнность конфискованныхъ товаровъ по таможенной оцѣнкѣ и суммы, за которыя они были проданы въ 1866 и 1867 г. простирались:

	Цѣнность.	Сумма выручаемая отъ продажи.
Въ 1866 г.	561,600 р.	246,235 р.
» 1867 »	715,926 »	295,572 »

Доказательствомъ, что высокія пошлины поощряютъ контрабандную торговлю, служитъ значительность тайнаго водворенія особенно нѣкоторыхъ высоко обложенныхъ товаровъ. Такъ конфискованныхъ бумажныхъ товаровъ продавалось съ таможенныхъ аукціоновъ ежегодно:

въ 1851 — 53 г.	на	87,240 р.
» 1859 — 61 »	»	230,434 »
» 1862 — 64 »	»	124,338 »

Уменьшеніе за послѣднее трехлѣтіе объясняется тѣмъ, что въ означенные годы привозъ бумажныхъ товаровъ вообще сократился значительно, по случаю вздорожанія ихъ и притомъ самыя поимки контрабанды въ 1862 и 1863 г. должны были уменьшиться, за снятіемъ мѣстами пограничной стражи въ Царствѣ Польскомъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе бывшихъ тамъ безпорядковъ. Въ 1859—1861 г. конфискованные бумажные товары составляли, по вырученной за нихъ суммѣ, почти $^2/_3$ цѣнности всѣхъ прочихъ задержанныхъ товаровъ, которая составляла 377,660 р. По вышеисчисленному разсчету цѣнность контрабандою водворенныхъ бумажныхъ товаровъ составляла 3,450,000 р., — цѣнность же правильно привезенныхъ бумажныхъ товаровъ 4,750,000 р. Въ какой степени страдаетъ отъ этого государственный доходъ, видно изъ того, что между тѣмъ какъ потребленіе бумажныхъ товаровъ въ Россіи болѣе и болѣе распространяется, таможенный доходъ остается весьма незначительнымъ. Въ 1859 — 61 г. пошлиннаго сбора съ бумажныхъ издѣлій поступило 1,757,616 р., а въ 1865 — 66 г. 759,449 руб.

Явленіе это было прямымъ послѣдствіемъ системы, положенной въ основаніе тарифа 1857 г., по которой отечественная промышленность ограждалась отъ иностраннаго соперничества, преимущественно по сбыту самыхъ употребительныхъ предметовъ, почему пошлины съ малоцѣнныхъ низкаго качества издѣлій опредѣлены были высокія, почти запретительныя, а издѣлія высокаго разбора, напротивъ того, обложены весьма умѣренными, даже низкими пошлинами. Оттого одни только издѣлія послѣдняго рода и провозятся къ намъ черезъ таможни съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, а другія, для которыхъ эти пошлины слишкомъ высоки, водворяются почти исключительно тайно, черезъ сухопутную границу, и притомъ въ весьма большомъ количествѣ.

Не отвергая, что противодѣйствіе развитію контрабанды можетъ быть отчасти достигнуто посредствомъ улучшенія таможеннаго над-

зора, какъ это и доказали уже принятыя въ послѣднее время мѣры, министръ финансовъ не находилъ однако возможнымъ, при огромномъ протяженіи нашей сухопутной границы, усилить нашъ таможенный надзоръ въ той мѣрѣ, которая необходима для совершеннаго уничтоженія контрабаднаго торга, и потому считалъ необходимымъ, кромѣ преслѣдованія контрабанды на границѣ, сдѣлать и нѣкоторыя измѣненія въ тарифѣ.

При этомъ онъ полагалъ, что если для противодѣйствія контрабандѣ допустить нѣкоторое уменьшеніе чрезмѣрныхъ пошлинъ, которыми обложены низшіе сорты издѣлій, насколько это представляется возможнымъ безъ вреда для отечественной промышленности, то мѣра эта обратилась бы въ пользу не только таможеннаго дохода, но и самыхъ фабрикантовъ, потому что дѣйствительное покровительство оказываютъ имъ только такія пошлины, при коихъ возможна правильная торговля, а не тѣ, которыя обращаются въ премію для контрабанды и приносятъ пользу исключительно однимъ контрабандирамъ, подрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякую правильную торговлю. Цѣли этой министръ финансовъ полагалъ достигнуть посредствомъ установленія большей соразмѣрности между цѣнами товаровъ и пошлинами.

Поэтому, не увлекаясь несбыточною мечтою, при современномъ развитіи нашей мануфактурной промышленности, возникшей подъ сѣнію запрещеній и требующей еще довольно значительнаго покровительства, достигнуть такого возвышенія таможеннаго дохода, какого онъ достигъ въ большей части европейскихъ государствъ, въ которыхъ внутренняя промышленность получила уже самостоятельное развитіе, министръ финансовъ считалъ однако возможнымъ, сохраняя даже общій размѣръ охраны, принятый въ тарифѣ 1857 г., достигнуть нѣкотораго увеличенія государственнаго дохода, посредствомъ соотвѣтственнаго измѣненія тарифа.

Въ этихъ видахъ министръ финансовъ испросилъ 30 іюня 1867 г. Высочайшее повелѣніе на пересмотръ тарифа въ особой коммиссіи, съ тѣмъ, чтобы она приняла для своего руководства слѣдующія главныя основанія: 1) установленіе большей соразмѣрности, въ видахъ ограниченія контрабанды, между тарифными пошлинами и цѣнами такихъ товаровъ, которые въ настоящее время правильнымъ путемъ почти совершенно не привозятся, а водворяются контрабандою; 2) упрощеніе тарифной классификаціи и облегченіе таможеннаго счетоводства установленіемъ тарифныхъ пошлинъ, со включеніемъ добавочныхъ сборовъ и съ освобожденіемъ отъ сихъ послѣднихъ тѣхъ статей, которыя и безъ того уже обложены достаточною пошлиною; 3) уравненіе пошлинъ по морскому и сухопутному привозу, каковое уравненіе является необходимымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе совершившагося уже уравновѣшенія выгодъ морского и сухопутнаго сообщенія, отъ соединенія им-

періи и царства польскаго съ нѣкоторыми государствами посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, и во-вторыхъ, съ цѣлію предотвращенія дальнѣйшаго искусственнаго отклоненія привозной торговли отъ морского пути въ ущербъ нашимъ портамъ, тѣмъ болѣе, что таковое отклоненіе, по необходимости, увеличиваетъ число кораблей приходящихъ съ балластомъ и возвышаетъ фрахтъ въ подрывъ нашей отпускной торговлѣ; 4) пониженіе пошлинъ съ фабричныхъ матеріаловъ, насколько это позволяютъ настоящія средства государственнаго казначейства.

Всего этого предполагалось достигнуть на началахъ самостоятельной торговой политики.

Для предупрежденія вреднаго вліянія на промышленную дѣятельность страны, которое могли бы имѣть слухи о намѣреніи правительства приступить къ измѣненію таможенныхъ пошлинъ, при совершенной неизвѣстности на счетъ направленія и размѣровъ предполагаемыхъ измѣненій, неизвѣстности, дающей поводъ къ разнымъ опасеніямъ и превратнымъ толкамъ, а равно для приданія пересмотру таможеннаго тарифа сколь можно большей гласности и для открытія свободнаго доступа выраженію постороннихъ мнѣній въ дѣлѣ, касающемся самыхъ разнородныхъ интересовъ, всѣ матеріалы, собранные предварительно въ министерствѣ финансовъ по этому дѣлу были своевременно напечатаны и публикованы во всеобщее свѣдѣніе. Матеріалы эти заключали въ себѣ подробный разборъ всѣхъ тарифныхъ статей и соображеній о предполагаемыхъ въ нихъ измѣненіяхъ, краткій обзоръ главныхъ отраслей нашей фабричной и заводской промышленности и числовыя данныя о привозѣ и таможенныхъ пошлинахъ по европейской торговлѣ, подъ вліяніемъ тарифовъ 1850 и 1857 гг. и о пошлинахъ по общимъ тарифамъ прусскому, австрійскому и французскому. Въ то же время матеріалы эти были предварительно разосланы во всѣ промышленныя и торговыя учрежденія и по таможенному вѣдомству, съ тѣмъ, чтобы облегчить, по возможности, доставленіе критическихъ замѣчаній и вызвать частныя сужденія. Самая коммиссія для пересмотра тарифа, согласно Высочайше утвержденному въ 6-й день октября всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, составлена была подъ предсѣдательствомъ сенатора, нынѣ члена государственнаго совѣта, тайнаго совѣтника Небольсина, изъ 23 членовъ (кромѣ предсѣдателя) а именно 7 должностныхъ лицъ по министерству финансовъ и 4 отъ другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ близкое соотношеніе къ торговымъ и промышленнымъ интересамъ страны: отъ государственной канцеляріи и министерствъ иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и изъ 12 членовъ отъ промышленнаго и торговаго сословій. Въ числѣ этихъ 12 постоянныхъ депутатовъ купечества и фабрикантовъ, назначенныхъ большею частію по ихъ собственному избранію, были представители: С.-Петербурга (3 чел.), Москвы (3),

Владиміра (1), Риги (1), Одессы (1), Таганрога (1), Ростова на Дону (1) и Варшавы (1). Для облегченія депутатовъ, каждому изъ нихъ предоставлялось имѣть еще кандидата, со всѣми правами депутата, въ случаѣ его отсутствія. Правомъ этимъ особенно широко воспользовались московскіе депутаты, которые постоянно смѣнялись новыми кандидатами. На 3 московскихъ депутата было 12 кандидатовъ, участвовавшихъ въ занятіяхъ коммиссіи, каждый по своей спеціальности.

Всѣ эти мѣры были приняты правительствомъ очевидно въ видахъ доставленія промышленному и торговому сословіямъ полной возможности принять непосредственное участіе въ обсужденіи столь близкаго имъ дѣла, какъ пересмотръ таможеннаго тарифа. Дѣйствительно, ни одинъ еще пересмотръ тарифа въ Россіи не производился съ такою гласностію и осторожностію, какъ нынѣшній. Не смотря на то, уже одно извѣстіе о предстоящемъ пересмотрѣ и о назначеніи 15 сентября срокомъ для присылки въ министерство финансовъ отзывовъ торговымъ и промышленнымъ сословіемъ, послужили сигналомъ для самыхъ тревожныхъ толковъ среди нашего промышленнаго міра и въ главныхъ органахъ протекціонизма, «Торговомъ Сборникѣ» и «Москвѣ». Не смотря на отсрочку означеннаго срока до 15 ноября и пріема замѣчаній даже позже этого, такъ что это дало возможность тарифной коммиссіи получить около 800 офиціальныхъ и частныхъ замѣчаній на «Матеріалы», что́ составило 4 печатныхъ выпуска Свода замѣчаній, принятыхъ въ соображеніе коммиссіею; не смотря на призывъ въ тарифную коммиссію, кромѣ депутатовъ, до 239 постороннихъ лицъ, приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ, изъ разныхъ техниковъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и торговцевъ, при обсужденіи разныхъ тарифныхъ статей и поступившихъ въ коммиссію ходатайствъ и заявленій; не смотря на учрежденіе въ средѣ тарифной коммиссіи, для бо́льшаго удобства разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ тарифныхъ отдѣловъ, нѣсколькихъ экспертныхъ коммиссій, посвятившихъ 64 засѣданія этому дѣлу, всѣ дѣйствія коммиссіи подвергались неутомимому и нерѣдко весьма безцеремонному порицанію устно и печатно со стороны главныхъ представителей протекціонизма и ихъ печатныхъ органовъ.

Эта ожесточенная агитація не умолкала до самаго конца работъ тарифной коммиссіи, и до передачи ихъ на окончательное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ, вмѣсто разсмотрѣнія ихъ по общему порядку въ департаментѣ государственной экономіи, дѣло это, по важности своей, согласно высочайшему повелѣнію, возложено было на особое соединенное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи, генералъ-адъютанта Чевкина и съ участіемъ государя Наслѣдника Цесаревича.

Разсмотрѣнный этимъ порядкомъ новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ утвержденъ высочайшею властію 5 іюля сего

года и распубликованъ при указѣ правительствующаго сената 13 іюля. Новый тарифъ повелѣно привести въ дѣйствіе какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ польскомъ, съ 1 января 1869 г., съ прекращеніемъ въ тоже время взиманія установленныхъ указами 14 марта 1858 г. и 30 декабря 1861 г., двухъ добавочныхъ къ таможеннымъ пошлинамъ 5% сборовъ. — Какія же измѣненія вноситъ новый тарифъ въ наше таможенное законодательство? Дѣйствующій нынѣ тарифъ состоитъ изъ трехъ раздѣловъ: I. Товары безпошлинные; II. товары обложенные пошлиною — раздѣлъ этотъ распадается на три отдѣла: а) жизненные припасы; б) матеріалы сырые и полуобработанные для заводской, фабричной, ремесленной и земледѣльческой промышленности и в) издѣлія фабричныя, заводскія и ремесленныя, и III. товары къ привозу запрещенные. Сверхъ того къ тарифу приложена роспись аптекарскимъ матеріаламъ и лекарствамъ. Тоже раздѣленіе сохранено и въ новомъ тарифѣ, съ тою лишь разницею, что общее число статей, достигавшее въ 1857 г. — 368, а по послѣдней изданной редакціи до 296, сократилось нынѣ до 253, т. е. на 115 статей противъ редакціи 1857 г., не смотря на то, что въ нынѣшній тарифъ включена и роспись аптекарскимъ матеріаламъ, заключавшая въ себѣ 309 самостоятельныхъ статей.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи новаго тарифа мы будемъ слѣдовать тому же порядку, какой принятъ и въ самомъ тарифѣ, пользуясь для объясненія поводовъ и мотивовъ сдѣланныхъ въ немъ измѣненій «Трудами тарифной коммиссіи», напечатанными въ двухъ томахъ, и заключающими въ себѣ богатый запасъ свѣдѣній и данныхъ о состояніи нашей промышленности.

Первый отдѣлъ тарифа, т. е. роспись товаровъ пропускаемыхъ безпошлинно, заключавшая прежде 59 статей, сокращена нынѣ до 42 вслѣдствіе соединенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ прежнихъ статей въ одну, но вмѣстѣ съ тѣмъ она уменьшена еще и вслѣдствіе исключенія слѣдующихъ товаровъ, обложенныхъ по новому тарифу пошлиною: машины и ихъ части, дрожжи пивныя сухія и прессованныя, уголь каменный и коксъ привозимые къ таможнямъ царства польскаго. Но въ тоже время роспись безпошлинныхъ товаровъ увеличена включеніемъ нѣкоторыхъ другихъ товаровъ, платившихъ донынѣ пошлину, но по незначительности привоза доставлявшихъ ничтожный доходъ казнѣ. Таковы: хлѣбъ въ зернѣ всякій, кромѣ риса, анисъ, тминъ, бадьянъ, кишнецъ, горчица сухая, неприготовленная, корка лимонная, апельсинная и померанцевая сухая, не въ сахарѣ, померанцевая соленая и орѣхи померанцевые (незрѣлые сушеные померанцы), шишки ворсильныя, кость жженая и тертая и костяной уголь, усъ китовый въ сыромъ видѣ, неочищенный.

Всѣ эти статьи вмѣстѣ взятыя доставляли около 16,000 р. таможеннаго дохода, и лишь обременяли таможенное вѣдомство и торговое сословіе излишними формальностями, неокупая этого выгодами казны. Обложеніе же пошлиною такихъ предметовъ, какъ напр. хлѣбъ въ зернѣ, представлялось даже стѣснительнымъ, ибо оно возвышало цѣну на него именно тогда, когда въ немъ являлась особенная нужда для мѣстнаго населенія, именно во время неурожаевъ.

Обращаясь за симъ къ первому отдѣлу товаровъ, обложенныхъ пошлиною, именно къ отдѣлу *жизненныхъ припасовъ*, надо замѣтить, что изъ числа 42 статей этого отдѣла по тарифу 1857 г., только 10 имѣли охранительный характеръ, именно пошлины на сахаръ, патоку сахарную и медовую, вина, напитки, воды шипучія, конфекты, макароны, сыръ, соль и кантонскій чай, въ видахъ покровительства кяхтинской торговлѣ; остальныя же 32 статьи имѣли лишь фискальное значеніе. И дѣйствительно, доходъ, получаемый отъ пошлиннаго сбора съ жизненныхъ припасовъ всегда составлялъ главный и самый вѣрный источникъ нашихъ таможенныхъ доходовъ. Такъ, въ первые три года дѣйствія тарифа 1850 г., т. е. съ 1851 — 53 г. привозныхъ пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ, кромѣ кантонскаго чая, бывшаго тогда запрещеннымъ, поступило по средней сложности 15,637,421 р. въ годъ, а при дѣйствіи тарифа 1857 г. по средней сложности 6 лѣтъ, 1859 — 64 г. сумма привозныхъ пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ, кромѣ чая, составляла 14,286,268 р. въ годъ, т. е. противъ 1851—53 г. менѣе на 1,351,153 р. Этотъ ущербъ въ доходѣ послѣдовалъ главнѣйше отъ уменьшенія привоза сахара, пошлина съ коего была оставлена безъ измѣненія. Въ 1859 — 64 г. пошлиннаго сбора по этой статьѣ было 3,942,558 р., т. е. на 2,451,944 р. менѣе противъ 1851—1853 г.

Затѣмъ изъ числа статей, съ коихъ пошлины по тарифу 1857 г. были сбавлены, ущербъ въ доходѣ оказался главнымъ образомъ на крѣпкихъ напиткахъ и виноградныхъ винахъ, за уменьшеніемъ ихъ привоза, не смотря на сбавку пошлинъ. Уменьшеніе же привоза виноградныхъ винъ, и въ особенности французскихъ, было послѣдствіемъ 1) вздорожанія этихъ винъ, почти втрое, по причинѣ распространившейся болѣзни винограда; 2) значительнаго развитія русскаго винодѣлія въ Бессарабіи, въ Крыму и на Кавказѣ и распространенія въ Россіи лучшихъ сортовъ бессарабскихъ и крымскихъ винъ подъ названіемъ французскихъ; 3) повсемѣстно распространяющагося въ Россіи употребленія ягодныхъ настоекъ, наливокъ, ратафій и т. п. послѣ отмѣны въ 1862 г. откуповъ и 4) уменьшенія потребленія иностранныхъ винъ по случаю всеобщаго сокращенія предметовъ роскоши. Въ 1859 — 64 г. пошлиннаго сбора съ напитковъ поступило 2,731,681 р., противъ 1851 — 53 г. менѣе на 642,161 р. По прочимъ статьямъ от-

лахъ; а въ селахъ пьютъ болѣе всего именно осенью, т. е. во время достатка. Въ это время народъ пьетъ безобразно, чему много способствуютъ свадьбы.

«Растительная пища» тоже не много значитъ. Нигдѣ не ѣдятъ болѣе мяса чѣмъ въ Англіи, нигдѣ менѣе, чѣмъ въ Италіи и особенно въ Греціи, и въ тоже время въ Англіи пьютъ очень много, а именно въ Италіи и особенно въ Греціи пьянство почти не существуетъ, да и вообще потребленіе алькоголя ничтожно. Да и у насъ, въ городахъ, рабочимъ, конечно, доступнѣе пища мясная, чѣмъ въ деревняхъ, а между тѣмъ, въ городахъ пьютъ больше. «Сѣверный климатъ» здѣсь конечно, играетъ роль, но не преобладающую. Что вино вовсе не *необходимо* для организма, даже на сѣверѣ, это доказывается примѣромъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ раскольниковъ, и нѣкоторыхъ мѣстностей Финляндіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Малороссіи пьютъ болѣе, чѣмъ въ Финляндіи.

Замѣтимъ еще, что и среди русскаго населенія нашего сѣвера, въ хорошихъ крестьянскихъ домахъ [1]) человѣкъ начинаетъ пить не рано; иной только послѣ 25-лѣтняго возраста, иной только когда женится, однимъ словомъ, когда дѣлается вполнѣ самостоятельнымъ. Парни 16—21 и даже до 25-лѣтняго возраста не пьютъ и, не смотря на «сѣверный климатъ» и «растительную пищу», бываютъ здоровы и хорошіе работники. Что касается недостатка денегъ, то у нихъ-то именно денегъ и бываетъ всего меньше. Между тѣмъ, въ Малороссіи пьютъ даже мальчики, почти дѣти, а женщины пьютъ почти всѣ.

Главная причина пьянства, безъ сомнѣнія, — нравственная: неразвитость, отсутствіе жизни умственной и совершенное отсутствіе чувства личнаго достоинства. Въ свое время, письма изъ деревни г. Фета послужили темою для упражненій нашихъ сатириковъ, и «гуси» его обратились въ анекдотъ. Но главная мысль этихъ писемъ, именно: слабость въ нашемъ народѣ нравственныхъ самоограниченій и чувства личнаго достоинства — была совершенно справедлива, хоть и не нова. Всякій народъ, какъ и человѣкъ—то, чѣмъ сдѣлало его воспитаніе. Народъ воспитывается и перевоспитывается вѣками. Главные враги пьянства, именно *воля* и *школа*.

Мы не намѣрены здѣсь касаться вопроса объ образованіи, къ которому такъ неизбѣжно приходишь при обсужденіи каждаго общественнаго вопроса. Что касается *воли*, которая еще важнѣе школы, потому что служитъ необходимымъ ея основаніемъ, то понятно, что, втеченіи восьми лѣтъ, она не могла измѣнить весь нравственный складъ народа. Другое дѣло — дешевизна водки. Вотъ этотъ фактъ и сознается скоро, и непосредственно производитъ результаты.

[1]) За исключеніемъ, конечно, пригородныхъ мѣстностей, особенно же окрестностей Петербурга.

Мы совершенно не раздѣляемъ желанія, часто высказываемаго въ печати, чтобы «количество потребляемаго вина у насъ увеличилось, съ тѣмъ только, чтобы оно потреблялось болѣе раціонально». Побужденіе къ такому желанію, заключающееся въ томъ, что питейный доходъ—главный доходъ государства, мы не можемъ не признать весьма печальнымъ. Это соображеніе препятствуетъ и государству обусловить законодательство по питейной части такъ, чтобы все устройство ея вело къ ограниченію потребленія вина. Напротивъ, вся акцизная система основана, по необходимости, на совсѣмъ иной мысли. Передъ нами «Уставъ о питейномъ сборѣ, изданія 1867 года, со всѣми послѣдовавшими въ немъ измѣненіями», изданный особою книгою, въ которую включенъ также сводъ распоряженій по управленію питейнымъ сборомъ по 1-е минувшаго іюля. Масса этихъ дополнительныхъ распоряженій—огромна и нельзя не удивиться памяти и проницательности гг. акцизныхъ чиновниковъ, если большинство ихъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ усвоить себѣ всѣ эти опредѣленія и удовлетворить всѣмъ этимъ предписаннымъ формальностямъ. Но въ числѣ этихъ разъясненій и дополненій, нѣтъ, да и не можетъ быть ни одного, которое бы клонилось рѣшительно въ сторону отъ казенной выгоды, принося ее въ жертву общему экономическому благосостоянію народа. Возвышеніе цѣны нѣкоторыхъ патентовъ, послѣдовавшее въ 1867 году, обусловлено казеннымъ интересомъ, хотя оно все-таки можетъ принесть хоть нѣкоторую пользу и ограниченіемъ числа заведеній. Нелѣпо было бы ожидать отъ устава по акцизному управленію покровительства обществамъ трезвости или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Нравственно-экономическіе интересы народа могутъ быть достаточно приняты въ соображеніе питейнымъ уставомъ только тогда, когда питейный сборъ перестанетъ быть главнымъ источникомъ бюджета.

Между тѣмъ, въ ожиданіи могущественныхъ и благотворныхъ результатовъ воли и школы на всѣ условія народной жизни, вся надежда въ ограниченіи разрушительнаго распространенія пьянства возлагается нами именно на государство: оно должно преобразовать свою систему налоговъ такъ, чтобы питейный сборъ пересталъ быть главнымъ доходомъ, чтобы русское государство перестало быть откупщикомъ русскаго народа.

Въ Англіи акцизный сборъ съ крѣпкихъ напитковъ составляетъ	17.660,619 фунт.,	примѣрно	114.794,023 рубля[1]).
Патентный сборъ.	2.237,616 »	»	14.544,504 »
	Всего 19.898,235 фунт.,	примѣрно	129.338,527 руб.

[1]) По отчету за 1865—1866 г. На 1867—1868 г. *предположено* нѣсколько, именно на 120 т. фунтовъ менѣе. Обѣ сравниваемыя цифры — валовыя. Цѣну фунта принимаемъ въ 6½ руб., такъ какъ рѣчь о внутреннихъ отношеніяхъ.

У насъ питейный доходъ, по смѣтѣ на 1868 г., предполагается въ 128.390,507 р. 23½ к. [1]).

Итакъ, въ Англіи доходъ съ питей однимъ милліономъ больше нашего. Но при сравненіи надо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

Итогъ доходовъ Англіи составляетъ почти 86 милл. фунтовъ, то есть, почти 600 милл. рублей; нашъ же бюджетъ представляетъ цифру около 480½ милл. рублей. Стало быть отношенія питейнаго дохода къ общему итогу, въ Англіи меньше, чѣмъ у насъ. Въ Англіи онъ и не является первымъ по важности; первое мѣсто принадлежитъ доходу таможенному. Сверхъ того, въ приведенную цифру питейнаго акциза въ Англіи мы включили пошлину съ солода, и эта пошлина доставляетъ казнѣ 6 милл. 663 тыс. фунтовъ. Для сравненія съ нашимъ акцизнымъ сборомъ, мы должны были причислить эту цифру къ цифрѣ акциза собственно со спиртныхъ напитковъ; но она составляетъ цѣлую треть послѣдней. Это показываетъ, какъ сильно въ Англіи потребленіе пива.

Наше законодательство должно бы благопріятствовать потребленію пива и меда, для того, чтобы какъ можно скорѣе перенесть, хотя бы цѣлую треть питейнаго дохода, какъ въ Англіи, на эти, менѣе вредные напитки. Для этого прежде всего слѣдовало бы, конечно, совсѣмъ освободить ихъ отъ акциза, и возстановить его уже тогда, когда потребленіе пива въ значительной степени замѣнитъ потребленіе водки. При нынѣшнихъ цѣнахъ пива и меда (хотя онѣ все-таки почти вдвое понизились противъ существовавшихъ при откупѣ), народъ въ деревняхъ не покупаетъ ихъ, а пьетъ только пиво и медъ домашняго приготовленія [2]).

Возвышеніе цѣны на хлѣбное вино, безъ сомнѣнія, уменьшило бы пьянство, какъ пониженіе этой цѣны увеличило его, хотя, быть можетъ, и не такъ быстро. Нельзя отрицать также пользу всякаго рода ограничительныхъ мѣръ относительно пьянства и, болѣе всего—пользы затрудненія дозволеній открывать кабаки. Можно было бы, напримѣръ, предоставить губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право опредѣлять maximum числа винныхъ продажъ въ губерніи и уѣздахъ. Противъ подобныхъ ограниченій обыкновенно возражаютъ, что при стѣсненіи открытой продажи, развилась бы тайная; но въ этомъ отношеніи можно бы возложить наблюденіе прямо на отвѣтственность

---

[1]) Количество патентнаго сбора въ смѣтѣ не опредѣлено; онъ доставлялъ въ 1865 и 1866 годахъ 8½ и 8⅕ милл. р., а съ 1867 г. долженъ былъ значительно увеличиться.

[2]) Такое пиво никакъ не можетъ ограничивать употребленія спирта—оно слабо; крѣпкаго, горькаго пива народъ не знаетъ, а оно одно и могло бы (какъ эль въ Англіи) соперничать съ водкой.

волостныхъ правленій, подъ опасеніемъ штрафовъ. Шинка не спрячешь; шинокъ, о которомъ знали бы немногіе — невозможенъ. Усиленіе опеки! скажутъ намъ. Да мы и не полагаемъ, что наши сельскія общества доросли до того развитія, при которомъ уже вовсе не нужна опека. Весь вопросъ въ томъ, чтобы опека была, по возможности, поручена людямъ выборнымъ отъ всего населенія, никакъ не одному сословію и даже не чиновникамъ. Странно было бы не признавать, что опека еще очень нужна, и непростительно было бы не высказывать этого открыто, изъ пустого либеральничанья.

Мы сказали выше о многосложности самого питейнаго устава и, въ особенности, дополненій къ нему. Замѣтимъ, что, не смотря на массу этихъ разъясненій и дополненій, въ нихъ не было столь простой, повидимому, вещи, какъ дозволенія продавать русское виноградное вино во всѣхъ питейныхъ заведеніяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ родится виноградъ. Для этого потребовался особый циркуляръ, который и вышелъ недавно [1]), уже послѣ изданія книжки, о которой мы упомянули, и служитъ, между прочимъ, доказательствомъ, какая масса дополненій еще можетъ потребоваться впередъ, если такая простая вещь не была предусмотрѣна самымъ уставомъ.

Мѣра эта въ циркулярѣ, между прочимъ, мотивируется такъ: «въ виду гигіенической пользы отъ замѣны хлѣбнаго вина виноградным, какъ менѣе крѣпкимъ и вреднымъ для здоровья». Итакъ, министерство финансовъ и нынѣ не прочь принимать къ свѣдѣнію такой мотивъ; только главнымъ онъ, конечно, быть не можетъ. Остается пожелать, чтобы къ іюлю будущаго года, когда предполагается допустить измѣненія въ нынѣшнемъ акцизномъ уставѣ, поспѣло давно ожидаемое и крайне-необходимое преобразованіе нашей податной системы.

Обратимся теперь къ другому вопросу, въ которомъ наши органы—проповѣдники безправности цѣлыхъ населеній или сословій мѣняются ролями: къ вопросу о положеніи западнаго края. По отношенію къ нему, какъ извѣстно, нѣкоторые псевдо-демократическіе органы являются безусловными защитниками такой частной безправности, между тѣмъ, какъ нѣкоторые ультра-консервативные органы тутъ только и либеральничаютъ. Еще недавно одна московская газета, возражая на замѣчаніе одной изъ петербургскихъ, въ пользу отмѣны исключи-

---

[1]) Циркуляръ департамента неокл. сборовъ, 18 іюля. Имъ дозволяется продажа виноградныхъ винъ въ питейныхъ заведеніяхъ въ Таврической, Астраханской, Подольской и Ставропольской губерніяхъ, въ областяхъ: Бессарабской, Терской и Кубанской, и въ землѣ Войска Донского, безъ пріобрѣтенія для этой продажи особаго патента.

тельнаго положенія въ западномъ краѣ, энергически высказывалась противъ введенія въ немъ судебной реформы. Другая, на этотъ разъ петербургская газета, выражала полное удовольствіе, что постепенное распространеніе новыхъ судебныхъ учрежденій касается *только* тѣхъ губерній, въ которыхъ уже введены земскія учрежденія.

Но утѣшительная сторона въ подвижничествѣ нашихъ ultras, дѣлающихъ на востокъ одну гримасу, а на западъ другую — представляется полнымъ равнодушіемъ къ нимъ той сферы,

....Dove si puote
Ciò che si vuole....

употребляя выраженіе Данте. По безвліятельности, безсильности своей, старанія ревнителей авторитета совершенно равны тѣмъ «безумнымъ мечтаніямъ утопистовъ», надъ которыми эти «люди дѣла» мнятъ себя столь возвышенными, и отъ которыхъ отличаются только тѣмъ, что тѣ бѣгутъ впередъ, а эти тащатся сзади.

Органъ администраціи сѣверозападнаго края возвѣстилъ, что этому краю предстоитъ введеніе судебной реформы. Министръ юстиціи сообщилъ главному начальнику края, что Высочайше утвержденнымъ положеніемъ государственнаго совѣта, ему, министру, предоставлено войти съ представленіемъ о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ, гдѣ *не* дѣйствуютъ земскія учрежденія. Вслѣдствіе того, въ западномъ краѣ составляются уже временныя уѣздныя коммиссіи для предположеній по образованію мировыхъ участковъ.

Нельзя достаточно уяснить себѣ той истины, что ассимиляція края возможна только посредствомъ внесенія въ него того, что̀ у насъ самихъ есть хорошаго, тѣхъ цивилизаціонныхъ элементовъ, которые у насъ выработались. Прежняя система могла быть нужна въ свое время, когда было нужно употребленіе оружія. Но вѣдь это и было только оружіе, а не организующая система. Пушкой не пашутъ и штыкомъ не жнутъ. Если бы мы рѣшились оставить западный край еще на долгое время въ положеніи исключительномъ, именно съ цѣлью обрусенія, то это значило бы, что мы стараемся ассимилировать его съ Россіею прежнею, отжившею, уже не существующею; это значило бы ожидать, что оторванная рука или нога прирастетъ къ мертвому тѣлу. Нѣтъ, пусть живая, нынѣшняя Россія протянетъ крѣпкую, но не полицейскую, а гражданскую руку этому краю и ведетъ его, въ полной равноправности съ собою, къ тому будущему, когда все русское общество само будетъ равноправно съ европейскимъ, а въ одномъ — великой важности пунктѣ — даже полноправнѣе его.

Въ наукѣ истинности абсолютной — въ алгебрѣ — результатъ повидимому нелѣпый бываетъ доказательствомъ вѣрности всего процесса числительной операціи, но не вѣрности постановки вопроса. Алгебраическія псевдо-величины $\frac{A}{0}$ или $\frac{0}{0}$ представляютъ выводы не примѣнимые къ реальности, но логически совершенно вѣрные, вполнѣ законные.

Такимъ выводомъ $\frac{0}{0}$ является рѣшеніе присяжныхъ въ новгородскомъ окружномъ судѣ по вопросу объ убіеніи Иваномъ Петровымъ его жены. Это рѣшеніе надѣлало много шуму въ обществѣ, рѣшеніе это представляется какою-то нелѣпостью. Ну какъ же преступникъ, который самъ сознался въ преступленіи, объявленъ присяжными невиновнымъ! Значитъ новый судъ несовершененъ — вотъ выводъ, который слышится съ иной стороны. Но развѣ результатъ $x = \frac{0}{0}$ свидѣтельствуетъ о невѣрности алгебраическаго уравненія? Напротивъ, онъ логически вполнѣ подтверждаетъ вѣрность процесса.

Присяжные просили, чтобы судъ раздѣлилъ предложенный имъ вопросъ, находя его «многосложнымъ». Дѣло въ томъ, что послѣдняя фраза вопроса включала въ себѣ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, положеніе о преднамѣренности убійства. Когда судъ не измѣнилъ вопроса, присяжные отвѣчали: «нѣтъ, не виновенъ», и это рѣшеніе свидѣтельствуетъ о замѣчательной прочности и вѣрности дѣйствія института присяжныхъ: имъ предложили неопредѣленное уравненіе; они отвѣчали математически вѣрно : $\frac{0}{0}$.

Но неужели же ошибки, сдѣланныя судомъ въ постановкѣ вопроса, могутъ обращаться къ оправданію уличенныхъ убійцъ? Можно только напомнить, что по ст. 912 однимъ изъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора указано: «нарушеніе обрядовъ и формъ столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія». Очевидно неправильность въ постановкѣ вопроса могла бы подать поводъ къ кассаціи [1]).

Въ области международной политики лѣто обыкновенно бываетъ самою обильною порою слуховъ и предположеній всякаго рода. На этотъ разъ урожай вѣстей и ипотезъ выпалъ на долю весны, такъ что втеченіи лѣта «политика» этого рода безмятежно отдыхала. Слухи о союзахъ то Франціи съ Пруссіею, то Франціи съ Австріею, то Австріи въ Пруссіею замолкли. Даже поѣздку королевы Викторіи на

---

[1]) О порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ въ случаяхъ сомнѣній присяжныхъ по постановкѣ вопроса см. рѣшеніе кассаціоннаго суда 1 ноября 1867 г. въ книгѣ г. Утина «Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената», ч. I, стр. 364.

континентъ нувеллисты не обставили глубокими политическими комбинаціями. Ограничились только слухомъ, что лордъ Стэнли, въ разговорѣ съ маркизомъ Мутьé, протестовалъ противъ привлеченія Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи въ «систему французскаго могущества». Но ничѣмъ не подтверждалось, что французское правительство замышляло что̀-нибудь подобное. Швейцарскій союзный совѣтъ даже заявилъ, что никакихъ предложеній ему не было сдѣлано.

Однакожъ, не смотря на недостатокъ опредѣленныхъ тревожныхъ слуховъ, въ общественномъ мнѣніи Европы присутствуетъ, какъ скрытый теплородъ въ газѣ, сознаніе, что время тревоги не прошло; правительства знаютъ, что каждое изъ нихъ выдало въ минуты необходимости нѣсколько векселей, по̀ которымъ уплачивать не хочетъ, и боится, чтобы кто-либо изъ соперниковъ — достаточно могущественный для того — не протестовалъ какого-нибудь изъ этихъ векселей. Итальянскій министръ-президентъ, генералъ Менабреа, при закрытіи парламента выразился, что нельзя предвидѣть, что́ готовитъ ближайшая будущность; что «всѣ говорятъ о мирѣ, но было бы лучше, если бы о немъ не говорили такъ много».

Императоръ французовъ, за которымъ чающіе новостей политиканы усвоили положеніе современнаго оракула, напрасно увѣрялъ недавно въ Труа́, что войны не предвидится; общественное мнѣніе увидѣло даже намекъ на какую-то опасность въ его словахъ Dieu protège la France, хотя это изрѣченіе долгое время совершенно невиннымъ образомъ украшало французскую монету.

Но не была ли и вся рѣчь, произнесенная въ Труà, немножко разсчитана на money-making? Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ за нею послѣдовала подписка на новый заемъ въ 450½ милл. франковъ. Подписка эта была, повидимому, краснорѣчивымъ отвѣтомъ на оптимистскую шампанскую рѣчь. Публика подписалась, вмѣсто 450½ милл., на *25 милліардовъ* франковъ, т. е. на капиталъ въ тридцать четыре раза большій требованнаго правительствомъ. Правда, примѣры прежнихъ займовъ, при которыхъ бывала разверстка, побуждали подписчиковъ преувеличивать свои требованія, именно въ ожиданіи разверстки. Но вѣдь однихъ залоговъ при подпискѣ паличными деньгами, и именно звонкою монетою было внесено, втеченіи всего восьми дней, пока продолжалась подписка, на 660 милліоновъ.

«Какое богатство сбереженій во Франціи!» кричатъ оптимисты. «Какое доказательство довѣрія страны къ императору и его династіи!» убѣдительно восклицаютъ слуги второй имперіи. Въ результатахъ подписки на заемъ они готовы видѣть новое, подтвердительное голосованіе въ пользу наполеоновской династіи.

И не одни гордящіеся этимъ результатомъ объясняютъ его въ этомъ смыслѣ: въ берлинской «Національной-газетѣ» мы прочли статью,

которая въ результатѣ займа видитъ свидѣтельство политической несостоятельности французской націи. «Когда правительство предложило заемъ—говоритъ она—страна встрѣтила его очень неблагосклонно, и въ печати и въ палатѣ произнесено было не мало напоминаній о дороговизнѣ второй имперіи для Франціи, о нерасположеніи Франціи къ дальнѣйшимъ войнамъ, и т. д. А между тѣмъ заемъ пошелъ на расхватъ, и страна предложила правительству для поддержанія безконтрольной политики гораздо бо́льшую сумму, чѣмъ оно требовало. Это доказываетъ, что французская нація не способна ограничивать свое правительство, руководить его дѣйствіями».

Въ этихъ словахъ есть правда, хотя и странно ихъ читать въ органѣ, нѣкогда столь жестоко враждебномъ г. Бисмарку, а теперь покорно служащей его партіи.

Но вотъ органъ страны, гораздо болѣе компетентный въ дѣлѣ политическаго самоуправленія, чѣмъ Пруссія, — Times, и тотъ говоритъ: «Ясно, что въ наличности много незанятаго капитала, и ясно, что даже новый заемъ въ 18 милл. фунтовъ, не поколебалъ довѣрія капиталистовъ». При этомъ, однако, англійская газета даетъ понять, что въ дѣйствительности цифры подписки можно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что въ балансѣ банка не показано по счету казны 660 милл., которые должны были быть внесены въ залогъ.

Но едва ли высокая цифра подписки на заемъ, если она и дѣйствительна, можетъ быть принимаема за мѣрило довѣрія страны къ правительству. Курсъ выпуска займа (69 . 25) былъ выгоденъ сравнительно съ послѣдними курсами ренты (до 71). Нажить на 6000 фр.— 100 фр. самымъ легкимъ образомъ — достаточная приманка для спекулянтовъ. А какой парижскій буржуа́ не спекулянтъ? Что спекуляція или просто выгодность курса выпуска играла тутъ главную роль— въ этомъ убѣждаютъ насъ и приведенныя въ докладѣ министра финансовъ цифры: онѣ показываютъ, что главная часть подписаннаго капитала, около $^4/_5$, была подписана именно въ Парижѣ (въ Парижѣ около 501 мпл., въ провинціи около 109 милл. *ренты*).

«Обиліе сбереженій — хорошій знакъ», говорятъ оптимисты. Но «сбереженіе» можно въ иныхъ случаяхъ скорѣе назвать спрятаннымъ. Если капиталъ во Франціи прячется, боится предпріятій, особенно долговременныхъ, каковы всѣ большія промышленныя предпріятія, что капиталъ этотъ рѣшается только на быстрыя спекуляціи и потомъ опять прячется — это фактъ не подлежащій сомнѣнію. Во французскихъ журналахъ уже не первый годъ встрѣчаются обсужденія вопроса о такъ-называемомъ «прогулѣ милліярда» (la grève du milliard). Вотъ этотъ-то «гуля́щій», но прячущійся отъ производительнаго употребленія милліярдъ и отрядилъ отъ себя 660 милліоновъ въ залогъ подписки на заемъ. Сумма же 25 милліярдовъ требованій значитъ не-

много; она болѣе всего свидѣтельствуетъ о жадности французскаго капитала къ наживѣ легкой, хотя даже и не особенно выгодною спекуляціею.

Выше мы назвали глашатаевъ торжества второй имперіи «слугами» ея; мы сдѣлали это не изъ желанія употребить непремѣнно колкое выраженіе. Мы охотно сказали бы «приверженцы» второй имперіи. Но имѣетъ ли она искреннихъ приверженцевъ, создала ли она хотя бы партію, но партію дѣйствительно національную, а не бюджетную только? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать утвердительно. Мы видимъ, что «либеральная эра», открытая 19 января прошлаго года, и плоды ея: облегченіе постановленій о печати и правѣ сходокъ и т. д. до сихъ поръ привели только къ усиленнымъ заявленіямъ оппозиціи.

Новѣйшіе факты именно въ печати показываютъ, что страна и династія все еще остаются связаны единственно силою; уступки со стороны правительства не укрѣпляютъ его, а, напротивъ, обращаются противъ него въ оружіе. Конечно, оппозиція есть вездѣ; вездѣ есть и болѣе или менѣе энергическіе оппозиціонные органы. Но едва ли найдется въ Европѣ другая страна, гдѣ журналистъ, подобный Рошфору, не пробудивъ въ обществѣ никакой новой идеи, не открывъ въ существующей системѣ правленія никакого новаго недостатка, могъ бы, втеченіи самаго короткаго времени, сдѣлаться настоящимъ героемъ дня, просто смѣлостью выходокъ противъ правительственныхъ личностей. Этотъ и другіе подобные факты ведутъ къ предположенію, что во Франціи оппозиція есть дѣло національное, а не стремленіе слабѣйшей части народа.

Не одинъ «Фонарь» Рошфора воспользовался новымъ закономъ о печати для того, чтобы враждовать противъ самыхъ учрежденій, и вслѣдствіе того подвергся строгости этого самаго закона. Втеченіи всего двухъ недѣль до Наполеонова дня, произнесено противъ разныхъ органовъ печати приговоровъ и принято административныхъ мѣръ тринадцать (списокъ напечатанъ въ Temps). Почти по одной карѣ въ день!

Тѣ изъ статей, подвергшихся карѣ, которыя намъ извѣстны, дѣйствительно одушевлены явно-враждебнымъ чувствомъ къ самымъ учрежденіямъ страны. Этимъ, само собою разумѣется, мы не хотимъ сказать, что принятыя «укротительныя» мѣры полезны и справедливы. Мы только констатируемъ фактъ, что уступки правительства обращаются не въ пользу ему, что если оно и попробуетъ быть либеральнымъ, то, въ виду явной вражды, тотчасъ же опять обращается къ преслѣдованію.

Вражда проявляется не къ однимъ министрамъ, даже не къ одной личности императора, а ко всему, что принадлежитъ второй имперіи. На смотръ въ день св. Наполеона императоръ призвалъ въ первый

разъ, кромѣ регулярныхъ войскъ, и національную гвардію, т. е. вооруженное буржуазію, тѣхъ самыхъ представителей собственности и порядка, которые въ 1848 году «спасли Францію отъ демагоговъ». Замѣчено было, что императорскій принцъ на этотъ смотръ явился не въ мундирѣ, и все это поняли такъ, что императоръ хотѣлъ представить своего наслѣдника буржуазіи. Но буржуазія, не смотря на то, что ее самое мундиръ обязывалъ къ оффиціальности, не привѣтствовала принца ожиданнымъ «восторгомъ».

Не только въ печати—и на площади проявляются эти несомнѣнные признаки нерасположенія; еще громче, безцеремоннѣе, высказываются они въ школѣ. Юноши — современники принца, тѣ, надъ кѣмъ онъ готовится царствовать, въ присутствіи его выражаютъ, со всей мальчивостью своего возраста, злобу, еще конечно не сознательную, но инстинктивную. При раздачѣ наградъ въ Сорбоннѣ, ученики привѣтствовали съ восторгомъ молодого Кавеньяка, за то, что онъ отказался принять награду изъ рукъ невиннаго, *но* императорскаго принца. А голосъ дѣтей важенъ потому, что имъ выказывается сущность семейныхъ, интимныхъ, искреннихъ разговоровъ.

Слѣдуетъ ли думать, что французская буржуазія, которая изъ двухъ «спасителей общества» отдала предпочтеніе принцу Бонапарту, избравъ имя, обѣщавшее имперію — теперь раскаявается въ своемъ тогдашнемъ выборѣ?

Слѣдуетъ ли сказать теперь о Франціи то, что́ она говорила нѣкогда про Бурбоновъ: что они ничего не забыли и ничему не научились? Эти вѣчныя напоминанія раздражительнаго прошлаго въ устахъ законодателей страны, эта живучесть «старыхъ партій», и эта популярность всякаго рода оппозиція—означаетъ ли все это, что Франція неисправима, что она несостоятельна въ политической самодѣятельности, что на каждое облегченіе въ строгости полицейской дисциплины она смотритъ, какъ дѣти на звонокъ, возвѣщающій конецъ школьной натяжки, что духъ оппозиціи есть не что иное какъ спеціально-французское dénigrement?

Или Франція, если ничего и не забыла, то научилась кое-чему? Вотъ вопросъ, на который едва ли не приходится отвѣтить, что Франція *ничего не забыла*, потому что народъ забываетъ только собственныя, ясно-сознанныя заблужденія, а не нанесенныя ему обиды; но Франція *ничему не научилась* потому, что ей никогда не давали учиться. Съ самой той поры, когда политическое воспитаніе сдѣлалось доступно французскому обществу, оно было устранено оть воспитанія практическаго; вопросы рѣшались за него, рѣшались посредствомъ такихъ пріемовъ, отъ которыхъ масса или содрогалась или путалась.

Еслибы Франція чему-нибудь научилась, то будучи недовольна настоящимъ, она сознавала бы хотя одинъ возможный выходъ. Но этого-

то и нѣтъ. Всѣ европейскіе народы заняты какою-нибудь ясно-сознанною цѣлью, все равно раціональна ли она или нѣтъ. Спросите себя, чѣмъ преимущественно занятъ любой народъ въ Европѣ, куда онъ прежде всего стремится — и вы тотчасъ отвѣтите себѣ на этотъ вопросъ. Одни заняты важнымъ внутреннимъ преобразованіемъ, другіе, къ сожалѣнію, менѣе заняты серьезнымъ дѣломъ, чѣмъ удовлетвореніемъ національнаго самолюбія. Но все-таки, у каждаго изъ нихъ ясна національная мысль.

Въ чемъ же заключается національная мысль, національное стремленіе Франціи? На это не пріищешь отвѣта. То-есть, отвѣтъ навязывается самъ собою: Франція недовольна нынѣшнимъ положеніемъ; ей невыносимы и это стѣсненіе, и это среднее, ни на что не похожее положеніе между миромъ и войною; Франція стремится къ *перемѣнѣ*. Но это — отвѣтъ неудовлетворительный. Чего же именно желаетъ Франція, къ какой перемѣнѣ стремится она, гдѣ ея прямой идеалъ, гдѣ привлекающій ее практическій путь для выхода изъ нынѣшняго состоянія? Несомнѣнно, что каждый народъ, какъ каждый человѣкъ, желаетъ себѣ лучшаго; но этого недостаточно: надо знать *гдѣ* лучшее.

Прибавить къ розни порожденной революціями еще одну революцію? Число старыхъ партій увеличить еще одною партіею—бонапартистами, т. е. бывшими слугами второй имперіи? Возстановить трижды изгнанныхъ бурбоновъ или орлеанцевъ съ ихъ парламентаризмомъ, основаннымъ на цензѣ и подкупахъ, съ ихъ силою въ спекуляціи и безсиліемъ въ политикѣ? Да неужели же все дѣло въ одной личности; вѣдь противъ господствующей временно партіи одной личности, точно также соединятся партіи остальныхъ претендующихъ личностей. Или попытаться въ третій разъ установить декретомъ въ парижской Думѣ республику, отъ которой дважды отреклись?

Но должно же быть — скажутъ намъ — во Франціи внѣ партій личныхъ не малое число людей независимыхъ, искренно либеральныхъ, которые просто хотятъ мира и свободнаго развитія, въ какой бы то формѣ ни было; вѣрно они додумались до чего-нибудь. Смѣемъ увѣрить читателя, что и они додумались только до сознанія нестерпимости нынѣшняго положенія, а не до практическаго выхода изъ него.

Недавно происходила между двумя искренно либеральными органами въ Парижѣ полемика; полемика, чуждая личностей во всѣхъ отношеніяхъ. Органы эти — газеты Temps и Réveil. Temps придумала нѣчто смутное, которое она называетъ «либеральнымъ союзомъ;» что этотъ союзъ долженъ сдѣлать, покамѣстъ не ясно; ясно только, что онъ долженъ служить новой силою для оппозиціи. Réveil смѣется надъ этимъ «союзомъ» и не безъ основанія говоритъ, что массы не пойдутъ за «тощею говядиною парламентаризма» и тѣхъ «необходимыхъ

свободъ», которыми онъ готовъ удовольствоваться; что все это уже было, и не пустило корней и т. д. Temps на это отвѣчаетъ: «Чтожъ, имѣетъ ли Réveil ключъ отъ двери? Пусть онъ покажетъ его намъ и мы скромно пойдемъ за нимъ.»

Ключъ отъ двери! Вотъ въ этомъ-то весь вопросъ во Франціи. Замѣчательно, какъ иногда одно слово навязывается вдругъ общественной мысли, резюмируя въ себѣ смыслъ проходимаго ею момента. «Дверь должна быть или заперта или отворена», пишетъ въ ту же минуту Шарль Мазадъ въ Revue des deux Mondes; «но у насъ нѣтъ ключа, чтобы дверь эту отворить или запереть: въ этомъ именно и заключается секретъ того положенія, и двусмысленнаго и безпокойнаго, въ которомъ и правительство и общественное мнѣніе тревожно глядятъ другъ на друга.»

Эта встрѣча двухъ разныхъ, но равно замѣчательныхъ органовъ въ тождественномъ выраженіи показываетъ, что оно навязалось имъ сущностью нынѣшняго положенія дѣлъ.

Скоро ли найдетъ Франція «ключъ къ двери»—предвидѣтъ нельзя; но пока она будетъ заниматься поисками за нимъ, можно навѣрное сказать, что и Европа будетъ находиться въ состояніи напряженномъ. Если знаменитое изрѣченіе: «когда Франція довольна—міръ спокоенъ» и вмѣщаетъ въ себѣ долю риторскаго помпа, то всетаки можно сказать съ нѣкоторою увѣренностью, что пока Франція недовольна, Европа не можетъ быть покойна.

Намъ случилось выше упомянуть о народахъ, которые заняты серьезнымъ дѣломъ работы надъ самими собою и о тѣхъ, которыхъ отвлекаетъ отъ самопознанія и самоулучшенія самолюбіе національное. Англійскій народъ и народы составляющіе австрійское государство принадлежатъ къ первой категоріи. Великобританія занята болѣе всего первымъ примѣненіемъ своей избирательной реформы и устройствомъ отношеній къ Ирландіи. Народы Австріи впервые входятъ въ искреннюю систему самоуправленія и устройство взаимныхъ между ними отношеній дѣло хотя и успѣшно подвигающееся, однако еще неоконченное и серьезное до такой степени, что, повидимому, оно не должно было бы оставлять простора для какихъ-либо мечтаній.

Однакоже, недавно въ Вѣнѣ происходило торжество, бывшее выраженіемъ именно мечтаній, національныхъ мечтаній австрійскихъ нѣмцевъ, отторгнутыхъ отъ Германіи, но утѣшающихъ себя провозглашеніемъ «неразрывности своей національной связи съ общимъ отечествомъ.» Конечно, никто не сомнѣвается, что связь, представляемая языкомъ и жизнью литературною или артистическою останется неразрывною, несмотря на вѣнскій трактатъ. Гёте, Бетховенъ, Гумбольдтъ останутся общимъ достояніемъ нѣмцевъ. И худо было бы сѣверной Германіи, еслибы она порвала эту связь съ германствомъ австрій-

скимъ. Въ одной берлинской газетѣ мы встрѣтили надняхъ замѣчаніе, что даже лучшіе бельетристы сѣверной Германіи несутъ свои произведенія въ столицы австрійскихъ журналовъ.

Но политическая связь порвалась совершенно и останется разорванною до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать австрійская имперія. Между тѣмъ, въ рѣчахъ, произнесенныхъ на празднествѣ стрѣлковъ въ Вѣнѣ,—празднествѣ, на которомъ присутствовали даже министры и которое посѣтилъ самъ императоръ—упоминалось объ иной связи, именно о связи политической, «объ общемъ національномъ чувствѣ» (Fühlung) и т. д. Даже одинъ изъ цислейтанскихъ министровъ, любимецъ вѣнскаго бюргерства, первый бюргеръ-министръ, какъ онъ самъ себя назвалъ въ рѣчи, въ красивыхъ, но нѣсколько риторическихъ выраженіяхъ торжественно провозглашалъ какую-то общегерманскую связь, обнимающую и австрійскихъ нѣмцевъ. Г. Гискра, еслибы его попросили опредѣлить точнѣе, въ чемъ эта связь можетъ состоять при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, вѣроятно, затруднился бы дать такое опредѣленіе.

Другіе ораторы, собравшіеся со всѣхъ концовъ южной Германіи, не будучи стѣснены оффиціяльностью, не обязанные даже подчинять свои порывы условіямъ положенія собственно Австріи, говорили гораздо яснѣе. Нѣкоторые изъ нихъ даже упрекали г. Бисмарка въ недостаткѣ патріотизма. За то, что онъ оторвалъ сѣверную Германію отъ южной? Нѣтъ, за то, что онъ остановился на полпути и не забралъ и южную Германію въ созданное имъ единство! Долго упрекали нѣмцевъ въ нерѣшительности, медлительности, недостаткѣ почина въ политическихъ дѣлахъ. Но нашелся человѣкъ энергическій и вотъ, теперь оказывается, что большинство нѣмецкихъ патріотовъ еще энергичнѣе его. Въ недостаткѣ почина этихъ южногерманскихъ политиковъ-стрѣлковъ также упрекать невозможно. Всего два года тому, какъ дѣйствія г. Бисмарка вызывали въ южной Германіи глубокое негодованіе; и вотъ теперь южные германцы уже жалуются, что онъ остановился на полпути!

Но какъ всѣ эти «турн-шюцен-и зинг-ферейны» въ свое время ничего не могли сдѣлать противъ г. Бисмарка, такъ вѣроятно имъ не удастся теперь и побудить его къ чему-либо.

Серьёзная сторона германской демонстраціи въ Вѣнѣ заключается не въ этомъ, а въ томъ, что она должна была неблагопріятно отозваться по ту сторону Лейты, да и вообще у всѣхъ не-нѣмецкихъ народовъ, входящихъ въ составъ имперіи. Съ того времени, какъ пала германо-римская имперія, народы Австріи слишкомъ много пострадали отъ того, что вѣнское правительство не хотѣло примириться съ фактомъ лишенія его власти надъ Германіею. Германская внѣшняя политика въ Австріи привела ее къ германизаціи внутри.

Понятно, что въ особенности рѣчь Гискры, министра, должна была

вызвать неудовольствіе въ не-нѣмецкихъ народностяхъ Австріи. Неужели у Австріи мало своихъ собственныхъ задачъ, неужели средства и силы славянскаго большинства и мадьярскаго успѣха будутъ снова посвящаемы на достиженіе чуждой имъ цѣли? Органъ партіи Деака Pesti-Naplo сильно протестовалъ противъ самой мысли о такомъ отчужденіи дѣятельности имперіи, которая должна перестать считать себя нѣмецкою, такъ какъ реальный центръ силы ея находится, особенно теперь, уже положительно внѣ германства.

Канцлеръ бар. Бейстъ, въ нѣсколькихъ словахъ счелъ нужнымъ устранить это проявившееся недовѣріе. Увѣренія его, что Австрія не помышляетъ о возстановленіи прошлаго и рѣшительно отказалась отъ будущности «германской», были совершенно необходимы. Замѣчательно, что хотя берлинскій оффиціальный міръ счелъ нужнымъ высказать по этому случаю удовольствіе, однако въ прусской печати нашлись органы, которые отнеслись къ этому отрицанію будущности германизма для Австріи съ худо-скрытою досадою. Но развѣ мы были бы довольнѣе, еслибы г. Бейстъ сказалъ, что Австрія еще когда-нибудь «отмѣнитъ» Кенигсгрецъ и Никольсбургъ? А развѣ могла бы «германская» политика Австріи имѣть иной смыслъ, какъ смыслъ прямо-непріязненный Пруссіи? Но въ томъ-то и состоитъ вредная особенность національнаго фанатизма. Ему бы хотѣлось, чтобы осуществленію требуемаго имъ единства не мѣшали, но въ тоже время не отказывались подготовлять ему въ жертву другія народности.

Что націонализмъ вовсе не есть раціональный принципъ, а просто совокупность національныхъ, взаимно-противорѣчащихъ притязаній, это обнаруживается лучше всего тою опорою, какую націонализмъ видитъ для себя въ «историческомъ правѣ». Такъ, въ іюлѣ, на собраніи шведскихъ журналистовъ, рѣшено было печатать извѣстія изъ Даніи, Норвегіи и *Финляндіи* подъ рубрикою «внутреннихъ». Правда, эта демонстрація только забавна; она напоминаетъ вопросъ поднятый во французскомъ законодательномъ корпусѣ о томъ, чтобы препятствовать мысли панславизма, посредствомъ учрежденія каѳедръ *нѣсколькихъ* славянскихъ языковъ въ Парижѣ. Но шведская демонстрація (хотя бы она даже ограничилась, какъ наивно увѣряла St. Petersburger Zeitung — причисленіемъ Финляндіи къ Nebenländer, т. е. не къ сосѣднимъ, а къ «соединеннымъ» землямъ) все-таки замѣчательна, какъ одно изъ уродливыхъ проявленій націонализма. Шведы разсуждаютъ такъ: Финляндія принадлежитъ намъ, потому, что она *была* покорена нами, хотя масса населенія въ ней не шведы; а русскимъ она не принадлежитъ потому, что она *послѣ* покорена ими. Націоналисты забываютъ, что историческое право—опирается на *землю*, а не на племя, и потому имъ служить не можетъ.

Принятіе англійскою палатою общинъ гладстонова билля объ от-

мѣненіи протестантскаго учрежденія въ Ирландіи, пока еще не осуществило самой этой мѣры, но по общему убѣжденію произвело все-таки хорошій результатъ: представило Ирландіи ручательство, что въ Англіи измѣнились уже взгляды на естественныя отношенія къ соединенной съ нею странѣ.

Но недавно одинъ случай, бывшій близъ Типперари, надѣлалъ въ Соединенномъ Королевствѣ не малую тревогу: нѣкто Скёлли, землевладѣлецъ, отличающійся жестокосердіемъ къ своимъ арендаторамъ, явился съ констеблями сбирать оброки и вмѣстѣ объявлять нѣкоторымъ фермерамъ, чтобы они убирались съ его земли, не собравъ даже хлѣба, который выростили на ней своими трудами. Нѣсколько выстрѣловъ, которые ранили самого Скёлли и, къ сожалѣнію, убили двоихъ констеблэй, потревожили оптимистское настроеніе въ Англіи. Они должны бы припомнить ей слова одного изъ ея радикальныхъ ораторовъ, что корень ирландскаго вопроса не въ церкви, а въ землѣ, что революція была бы вредна самой Ирландіи, но была бы все-таки полезнѣе нынѣшняго положенія. «Ибо всякая революція въ Ирландіи—прибавилъ тотъ ораторъ—отдала бы землю съемщикамъ-рабочимъ».

Впрочемъ, нынѣшней Англіи надо отдать справедливость: она благоразумнѣе всѣхъ государствъ Европы. Мысль о вмѣшательствѣ въ европейскія дѣла, о поддержаніи своего международнаго авторитета она окончательно отбросила въ сторону и принялась за серьёзную работу: тронула все зданіе своей вѣковой политической системы. Ожиданія, которыми утѣшали себя консерваторы, — что къ новымъ выборамъ не поспѣютъ избирательные списки на основаніи реформы — не оправдаются. Правда, министерство нарочно спѣшитъ съ выборами: парламентъ будетъ распущенъ уже въ концѣ октября (9 ноября н. с.) и выборы произойдутъ ровно черезъ мѣсяцъ (16 дек. н. с.). Но составленіе новыхъ списковъ ведется съ замѣчательной энергіею, самими заинтересованными въ дѣлѣ избирателями. При составленіи списковъ, практически возникъ вопросъ о правѣ женщинъ участвовать въ нихъ. Такъ какъ англійское избирательное право основано на цензѣ, стало быть есть право имущественное, то нѣтъ никакого юридическаго повода къ устраненію женщинъ отъ пользованія имъ. И дѣйствительно, сообщаютъ, что уже 1,200 женщинъ внесли себя въ списки. Мы еще возвратимся къ этому интересному вопросу, а теперь окончимъ нашу рѣчь на утѣшительномъ фактѣ, что есть же страны, которыя не помышляютъ о захватѣ единоплеменниковъ на основаніи склоненій и спряженій, а вырабатываютъ для всего человѣчества новыя, болѣе человѣчныя общественныя условія. Къ такимъ странамъ — скажемъ съ гордостью—принадлежитъ въ настоящую минуту и Россія.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ БАРОНА Н. А. КОРФА.

(Отвѣтъ на «сообщенное» возраженіе.)

М. Г.

Приступивъ къ чтенію статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (августъ, 1868 года), мы сначала подумали, что авторъ ея совершенно незнакомъ съ условіями той мѣстности, о которой онъ пишетъ; такъ, напр., оппонентъ нашъ (на стр. 834) утверждаетъ, будто бы «суслики *исключительно* (?!) водятся на толокахъ и оттуда дѣлаютъ набѣги на хлѣбныя поля»; что «такъ какъ крестьянамъ, на *своихъ* дачахъ, по отсутствію толочныхъ мѣстъ, придется истребить весьма немного (?!) сусликовъ, то, охраняя посѣвы свои отъ набѣга ихъ съ толокъ сосѣднихъ *владѣльцевъ*, они должны волею неволею истреблять сусликовъ на *владѣльческихъ* земляхъ.» Читая эти слова, мы подумали, что онѣ написаны въ Петербургѣ лицомъ, *здѣсь не бывавшимъ*, и поспѣшили справиться съ подписью статьи; но мы прочли подъ статьей—«*сообщено*» и должны были убѣдиться въ томъ, что имѣемъ дѣло съ *мѣстною* властью.

Авторъ возраженія утверждаетъ, съ цѣлью доказать, какъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи гг. землевладѣльцы загребаютъ жаръ руками крестьянъ, что овражки плодятся «*исключительно*» на владѣльческихъ, т. е. овечьихъ толокахъ, отъ которыхъ по неволѣ должны отбиваться крестьяне. Въ отвѣтъ на это мы позволимъ себѣ замѣтить, что на степныхъ толокахъ овражковъ очень мало; что овражковъ всего болѣе на выгонахъ, *окружающихъ посёлки*; что овражковъ очень много на пахатныхъ поляхъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ мельче засѣянные участки, и что, наконецъ, на степныхъ толокахъ овражковъ всего *меньше*. Совершенно несправедливо также, будто бы въ Александровскомъ уѣздѣ «крестьянскіе надѣлы *большею частью* расположены такъ, что, врѣзываясь во *владѣльческія* дачи, они окружены землями *помѣщиковъ*»; если бы авторъ возраженія потрудился хоть заглянуть на карту, то онъ бы убѣдился въ томъ, что къ сѣверу отъ рѣки Волчьей, къ востоку отъ рѣки Яловъ и Кобыльной и къ югу отъ рѣки Конской, т. е. въ *большей* половинѣ уѣзда совершенно нѣтъ землевладѣльцевъ; прогулка по уѣзду могла бы удостовѣрить его въ томъ, что именно въ этой части уѣзда, *гдѣ помѣщиковъ нѣтъ*, овражковъ всегда больше; видно тутъ дѣло не во владѣльческихъ толокахъ, какъ представилось почтенному автору! Точно также совершенно несправедливо, будто бы

у нѣмецкихъ колонистовъ *«нѣтъ»* овражковъ, какъ утверждаетъ оппонентъ, вслѣдствіе какого-то «особаго способа веденія полеводства». У колонистовъ овражки есть, но ихъ мало, по той простой причинѣ, что до открытія земскихъ учрежденій тамъ истребляли овражковъ, *не на бумагѣ*, какъ въ остальной части уѣзда, и потому, что равномѣрность населенія колоніальнаго участка значительно облегчаетъ борьбу съ врагомъ полеводства. Образцомъ исключительно *бумажной* дѣятельности по уничтоженію вредныхъ животныхъ можетъ служить длинный перечень циркуляровъ губернатора, содержаніе которыхъ излагается оппонентомъ нашимъ (стр. 829 — 833) и которые, съ открытіемъ земскихъ учрежденій въ Александровскомъ уѣздѣ, ни разу, ни на одинъ мигъ, здѣсь не осуществлялись *на дѣлѣ*. Но, какъ бы то ни было, въ настоящемъ случаѣ важно то, что на мелкихъ полевыхъ участкахъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, всего *больше* овражковъ. Если екатеринославская администрація признаетъ себя гораздо болѣе насъ компетентною для того, чтобы говорить о хозяйственныхъ условіяхъ крестьянъ и количествѣ овражковъ на различныхъ поземельныхъ угодьяхъ, то мы охотно уступаемъ ей пальму первенства; но мы позволяемъ себѣ надѣяться на то, что администрація не заявитъ притязанія знать положеніе крестьянскаго хозяйства лучше самихъ *крестьянъ*. Поэтому, не вступая въ состязаніе, мы приведемъ подлинныя выраженія протокола (Сборникъ постановленій апрѣльской сессіи 1866 года, стр. 43), въ которомъ записаны слова гласнаго Гавриленко, крестьянина, настолько заслуживающаго довѣрія, что онъ избранъ членомъ Александровск. уѣзд. земской управы; въ протоколѣ читаемъ: «Гласный Гавриленко доказываетъ, что уже потому *справедливо* обложить крестьянскіе участки *большею* овражковою нормою, *чѣмъ землевладѣльческіе*, что на первыхъ, по малости засѣянныхъ пространствъ, овражковъ *больше* и слѣдовательно истребленіе ихъ *легче* и нужнѣе».... Гласный Миллеръ (также крестьянинъ) присоединяется къ заявленію гласнаго Гавриленко.... (стр. 42) «Докладчикъ коммиссіи объясняетъ, что, *по настоянію крестьянъ*, коммиссія пришла къ заключенію принять по мысли гласнаго Эмниха, *регрессивное* распредѣленіе подесятинной овражковой нормы».... «Гласный Гончаровъ (священникъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе автора возраженія знакомый съ бытомъ народа) соглашается съ принципомъ, положеннымъ коммиссіею въ основаніе составленнаго ею росписанія подесятинной овражковой нормы.... Гласный Біянтовскій (также священникъ) выражаетъ, что съ принципомъ объ уменьшеніи овражковой нормы, съ возрастаніемъ размѣра поземельнаго владѣнія, онъ согласенъ...» Вотъ, что́ гласитъ протоколъ, напечатанный съ разрѣшенія губернатора и, вѣроятно, не безъизвѣстный и нашему оппоненту; но теперь, по возраженію, оказывается, что всѣ крестьяне и духовенство, ихъ ближайшій защитникъ, *обма-*

нуты Александровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ на *крестьянскихъ* поляхъ почти вовсе нѣтъ овражковъ; это открытіе сдѣлано защитникомъ екатеринославской администраціи, вѣроятно, съ цѣлью водворенія добраго согласія между различными элементами, входящими въ составъ всего сословнаго земства. Считая, однако, оскорбительнымъ для достоинства собранія защищать его отъ бездоказательныхъ нареканій, перейдемъ къ остальнымъ доводамъ, направленнаго противъ статьи нашей, возраженія.

Оппонентъ доказываетъ, будто бы землевладѣльцу въ 16,000 десятинъ земли обязательное истребленіе 5,000 овражковъ обойдется только въ 100 руб. сер., т. е. представляетъ, для него, самую ничтожную денежную повинность; но если это справедливо, то поимка въ теченіи мѣсяца лицомъ, владѣющимъ 12-ти десятинами, 66 овражковъ,—представитъ денежную повинность до того ничтожную, что и вычислить ее невозможно, такъ какъ эта охота на овражковъ не отнимаетъ *ни одного рабочаго часа* и совершится между дѣломъ и вмѣстѣ съ другимъ дѣломъ: ставить ловушки на овражковъ, даже выливать ихъ могутъ крестьяне во время посѣвныхъ работъ, или дѣти такого возраста, что никто не нанялъ бы ихъ ни за какую цѣну. Таково положеніе дѣла, пока требуютъ доставленья овражковъ *натурою*, но оно совершенно бы измѣнилось, если бы установить денежную повинность для истребленія сусликовъ; понятно, само по себѣ, что регрессивная *денежная* повинность была бы столь же нелогична, какъ если бы кто-нибудь изъ того, что Петръ Ивановъ, отъ 12-ти десятинъ, поймалъ за мѣсяцъ 60 овражковъ, вздумалъ выводить то, что другой Петръ Ивановъ будетъ имѣть *физическую возможность* изловить 80,000 овражковъ, за одинъ мѣсяцъ, отъ 16,000 десятинъ земли. Для того, чтобы регрессивная овражковая норма не превращалась de facto въ регрессивную *денежную* повинность, необходимо установить штрафъ за всякій недоставленный овражковый хвостъ въ такомъ размѣрѣ, который нѣсколько разъ превосходилъ бы продажную цѣну овражковаго хвоста. Впрочемъ, мы обращаемся со всѣми этими разсужденіями къ читателямъ, а не къ автору возраженія, у котораго мы считаемъ совершенно излишнимъ обсужденіе лучшихъ способовъ истребленія сусликовъ земствомъ, такъ какъ администраціи не предоставлено по закону, при провѣркѣ постановленій земства, вникать въ *хозяйственную* пользу *мѣстности;* ея дѣло блюсти за пользой *государства* и ненарушимостію закона; по той же причинѣ мы оставляемъ безъ отвѣта всѣ разсужденія автора возраженія о томъ, что лучше всего поступило бы земство, если бы установило *денежный* налогъ—видно, что по мнѣнію автора, въ народѣ много *денегъ*.

Мы понимаемъ, что можно пламенно желать отстоять свои убѣжденія, хотя бы самыя неправильныя; мы понимаемъ это, извиняя че-

ловѣческое самолюбіе до тѣхъ поръ, впрочемъ, пока оно не вредитъ дѣлу. Но мы считаемъ сознаніемъ оппонента въ собственной слабости его стремленіе утверждать то, *чего нѣтъ* и исказить слова противника своего, не дописывая его рѣчи доконца. Съ сожалѣніемъ должны мы указать на подобные пріемы автора возраженія:

а) На стр. 829, утверждается, что обязательное истребленіе сусликовъ названо самимъ *«собраніемъ»* натуральною повинностію и ссылаются, при этомъ, на страницу 132-ю протоколовъ октября 1866 года. Между тѣмъ тщетно сталъ бы искать читатель на указанной, или иной страницѣ того, чтобы собраніе называло обязательное истребленіе сусликовъ натуральною повинностію; такую неточность въ выраженіяхъ читатель нашелъ бы на этой страницѣ только въ рѣчи *одного* изъ гласныхъ, съ которымъ *собраніе не* согласилось.

б) На стр. 829, авторъ возраженія доказываетъ, что «постановленіе Александровскаго собранія признано недѣйствительнымъ *лишь* (?) по отношенію къ тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя должны бы быть вызваны этимъ постановленіемъ, если бы оно вошло въ силу». Между тѣмъ изъ текста отзыва г. Екатеринославскаго губернатора, В. Д. Дунина-Борковскаго, напечатаннаго въ мартовской книгѣ Вѣстника Европы видно, что, кромѣ того довода, который признается нынѣ нашимъ оппонентомъ, было направлено противъ постановленія собранія еще *два* другихъ, о которыхъ теперь умалчиваютъ и что губернаторъ призналъ недѣйствительнымъ *все* (NB.) постановленіе собранія, а не только ту *часть* его, въ которой говорилось о содѣйствіи администраціи къ истребленію сусликовъ, согласно распоряженіямъ собранія.

в) Оставляя безъ отвѣта вопросъ, обращенный къ намъ авторомъ, не станемъ-ли мы отрицать «невольное усердіе крестьянъ въ истребленіи сусликовъ» на *нашихъ собственныхъ* поляхъ, какъ гораздо болѣе игривый вопросъ, чѣмъ идущій къ дѣлу (на бѣду г. оппонента именно поля нашихъ бывшихъ крестьянъ не окружены владѣльческими толоками, а касаются ихъ лишь съ *одной* стороны, самой узкой), мы не можемъ не указать на слѣдующее обстоятельство. На стр. 836 приводится авторомъ возраженія выписка изъ протокола, доказывающаго, что гласный Гнѣдинъ предлагалъ предоставить истребленіе сусликовъ *администраціи* съ тѣмъ, что заплатятъ деньги за истребленіе тѣ, на землѣ которыхъ будутъ истреблять овражкокъ, какъ «паціентъ платитъ медику, если онъ ему нуженъ». Послѣ этого выписываются слова, нами произнесенныя, но опускается конецъ рѣчи, вслѣдствіе чего и самая рѣчь теряетъ смыслъ; пропущено авторомъ возраженія изъ моихъ словъ: «есть медики, которымъ платятъ деньги и которые не дѣлаютъ пользы паціентамъ; наконецъ леченіе *медиками* нами испытано и настала пора полечиться *самимъ*». Исказить

слова противника и сочинить за него другое, еще не значитъ убѣдить публику, къ которой авторъ обращается. Повидимому, нашъ оппонентъ считаетъ вполнѣ состоятельнымъ то предложеніе почтеннаго гласнаго, которое мы находили несбыточнымъ и едва-ли не выводитъ изъ словъ г. Гнѣдина того, что г. Гнѣдинъ, будто бы, не довѣряетъ дѣятельности земскихъ учрежденій по борьбѣ съ овражками. Поэтому считаемъ долгомъ заявить, что г. Гнѣдинъ принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ слугъ земства; что онъ состоитъ въ числѣ участковыхъ попечителей по уничтоженію овражковъ земствомъ, и что г. Гнѣдинымъ же представлено въ управу о томъ, что становой приставъ, *по предписанію начальника губерніи*, отказалъ г. Гнѣдину, какъ попечителю, въ содѣйствіи понудить недоимщиковъ къ истребленію овражковъ, т. е. къ исполненію постановленія чрезвычайнаго февральскаго собранія, *оставленнаго безъ протеста* и созывавшагося для обсужденія октябрскаго протеста губернатора.

Г. начальникъ Екатеринославской губерніи, В. Д. Дунинъ-Борковскій, *пропустивъ семидневный* срокъ, въ отношеніи отъ 23 февраля 1868 года, сообщилъ управѣ, будто бы чрезвычайнымъ собраніемъ разъяснено, что истребленіе сусликовъ *необязательно*, и что, *поэтому*, онъ не считаетъ возможнымъ «поручать полиціи принятіе какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по истребленію сусликовъ». Между тѣмъ, изъ рапорта Александровской уѣздной управы въ правительствующій сенатъ, состоявшагося вслѣдствіе означеннаго отзыва губернатора, видно, что чрезвычайное февральское собраніе, обсудивъ протестъ, установило, какъ и прежнія собранія, *обязательное* истребленіе сусликовъ. Управа, жалуясь на прямое *противодѣйствіе* начальника губерніи постановленію собранія, *вошедшему въ законную силу*, называетъ разсужденія губернатора о томъ, «что сознаніе каждымъ своей собственной пользы заставитъ каждаго, и безъ понужденія, исполнить распоряженія управы — иронією надъ усиліями земскихъ учрежденій въ борьбѣ со зломъ».

Изложеніемъ вышеуказанныхъ *фактовъ* мы отвѣчали на слова нашего оппонента, которыми онъ старается убѣдить читателей въ томъ, что губернаторъ не отказывалъ въ содѣйствіи къ уничтоженію земствомъ бича Александровскаго уѣзда. Опасеніе, выраженное нами въ мартовской статьѣ, что протестъ губернатора помѣшаетъ успѣху истребленія, подтверждается корреспонденціею («Спб. Вѣд.», № 206), объ авторѣ которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, и изъ которой публика узнаетъ, что распоряженія администраціи были, отчасти, причиной тому, что истребленіе сусликовъ минувшей весной производилось весьма слабо, отчего, въ нѣкоторой мѣрѣ, и произошелъ общій неурожай яровыхъ хлѣбовъ. Но этими указаніями вопросъ для насъ не исчерпывается; намъ бы хотѣлось найти ключъ къ тому, ка-

кими соображеніями руководятся: 1) оставляя безъ протеста *два* постановленія и протестуя противъ *третьяго* повторенія неопротестованныхъ постановленій, и 2) оставляя вновь безъ протеста *четвертое* повтореніе два раза неопротестованнаго и одинъ разъ опротестованнаго постановленія... и, въ то же время, предписывая полиціи не оказывать содѣйствія къ исполненію резолюціи собранія, вошедшей въ законную силу?... Мы находимъ ключъ къ этой загадкѣ въ слѣдующихъ строкахъ разсматриваемой статьи: «Въ Полож. о земск. учр. (ст. 6) говорится, что законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія земскихъ учрежденій подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей, а въ ст. 90 и 92 означено, по какимъ именно предметамъ постановленія земскихъ собраній требуютъ на приведеніе ихъ въ исполненіе согласія правительственной власти. Постановленія Александровскаго собранія не принадлежатъ къ числу тѣхъ, кои указаны въ вышеприведенныхъ статьяхъ 90 и 92 Полож.; онѣ могутъ лишь вызвать, по ст. 9 Полож., пріостановленіе исполненія ихъ, еслибы признаны были противными законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Останавливать подобныя постановленія есть *право*, но никакъ *не обязанность (!!!)* правительственныхъ властей предъ земскими учрежденіями и считать, что постановленія собраній, не пріостановленныя ими въ исполненіи, получаютъ силу закона, *нѣтъ никакого основанія*».

Мы видѣли, что нашъ оппонентъ нисколько не затрудняется объяснять, что еслибы губернаторъ усмотрѣлъ что-либо противузаконное въ постановленіи собранія, то онъ имѣлъ бы право поступить по собственному усмотрѣнію — протестовать или нѣтъ. Вотъ до какихъ заключеній можетъ увлекать полемика! Эта новая теорія, признающая за губернаторомъ одни *права* и непризнающая за нимъ *обязанностей*, выводится изъ 9 статьи Полож.; но упускается изъ виду, что въ той же статьѣ сказано, что въ «порядкѣ и *срокахъ* такого распоряженія соблюдаются правила, указанныя въ ст. 94, 95 и 96 сего Положенія». Въ статьѣ же 94 говорится: «если отзыва въ эти сроки не послѣдуетъ, то постановленія собранія *считаются получившими согласіе начальника губерніи*»; что *всякое* постановленіе, а не только поименованныя въ ст. 90 и 92, требуетъ *согласія* начальника губерніи (перечисленныя въ этихъ статьяхъ требуютъ согласія губернатора, выраженнаго словами; на всѣ прочія постановленія губернаторъ выражаетъ согласіе *молчаніемъ* своимъ въ теченіе семи дней, со дня представленія ему протокола), доказывается 1) тѣмъ, что по ст. 93 «*всѣ*» постановленія, «*безъ замедленія*», представляются губернатору и 2) тѣмъ, что, по ст. 9, «*всякое*» постановленіе, а не только перечисленныя въ ст. 90 и 92, можетъ быть признано имъ недѣйствительнымъ, въ *семидневный срокъ*. Доказывать, что право на протестъ есть только

право, а не обязанность; доказывать, что отсутствіе протеста, въ *узаконенный* срокъ, не исключаетъ возможности противорѣчія и противодѣйствія постановленію, по истеченіи этого срока — значитъ доказывать, что можно спорить противъ того, *на что уже изъявлено согласіе*, по буквальному выраженію 94 ст. Полож. о земск. учр. Въ такомъ точно смыслѣ разъяснено дѣло г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Екатеринославской губернской управѣ, что́ должно бы быть извѣстно и нашему оппоненту; г. министръ разъяснилъ, что даже ходатайства не изъемлются изъ контроля губернатора и что по ходатайствамъ о предметахъ, вѣдѣнію земскихъ учрежденій не подлежащихъ «*необходимо* (NB.) слѣдовать указаніямъ ст. 9, 94 и 95, т. е. необходимо, для губернатора, протестовать въ семидневный срокъ и считать постановленіе подлежащимъ дальнѣйшему производству и *состоявшимся*, если срокъ пропущенъ (ст. 94). Если же допустить толкованіе закона, представленное авторомъ возраженія, то можетъ не оказаться, на практикѣ, ни одного постановленія, исполненіе котораго было бы *гарантировано:* состоялся ли протестъ во́-время, или нѣтъ, а достаточно личнаго усмотрѣнія его превосходительства, хотя бы и три года послѣ *неопротестованнаго* постановленія, для того, чтобы препятствовать его исполненію, если бы его превосходительству, по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ, показалось, что постановленіе несогласно съ закономъ, и это право губернаторъ сохраняетъ за собою *на неопредѣленное время*. Но не проще ли въ такомъ случаѣ просить о томъ, чтобы всякое постановленіе подписывалось губернаторомъ *въ знакъ согласія* и было недѣйствительно безъ этой подписи, и чтобы уничтожили статью закона, предоставившую земскому самоуправленію дѣйствовать *самостоятельно* (ст. 6)?

Мы далеко не исчерпали всѣхъ доводовъ возраженія, такъ какъ желали только указать на характеристическія особенности его, существенныя для дѣла. Что же касается главнаго вопроса о правѣ земскихъ учрежденій на самостоятельное истребленіе вредныхъ животныхъ, то онъ уже рѣшенъ, какъ извѣстно, новѣйшимъ закономъ, дозволившимъ не только обложеніе десятины извѣстнымъ числомъ убитыхъ сусликовъ, но и привлеченіе всѣхъ сословій къ натуральной повинности, для борьбы съ врагами полей, подъ угрозами пени за неистребленіе ихъ. Привѣтствуемъ этотъ новый знакъ довѣрія и расположенія высшаго правительства къ земскимъ учрежденіямъ и отъ души желаемъ того, чтобы вездѣ и мѣстная администрація послѣдовала, наконецъ, примѣру и неоднократнымъ указаніямъ высшаго правительства.

БАР. Н. ХОРФЪ.

Александр. уѣздъ
Екатеринославск. губерніи.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АВГУСТЪ.

'сско-ливонскіе акты. Russisch — Livländische Urkunden, собранные *К. Е. Напьерскимъ*. Изданы Археографическою коммиссіею. С.-Пб. въ типографіи Имп. Акад. Н. 1868. Большое in quarto, 462 стр. Цѣна 2 р.

Поиски за документами по исторіи западй Россіи долгое время не касались пункта, торый былъ подъ рукою, именно рижскихъ хивовъ. Архивы эти, издавна помѣщенные каменныхъ зданіяхъ, сохранили отъ пожаовъ и иныхъ гибельныхъ случайностей мноество документовъ относящихся къ періодамъ даленнымъ. Заслуга разработки этихъ архивъ принадлежитъ К. Е. Напьерскому. Первое чиненіе его о ливонскихъ лѣтописяхъ явись въ 1824 году. Въ 1829 году онъ былъ опреленъ въ Ригѣ директоромъ училищъ и съ хъ поръ занимался до самой смерти разраткою тамошнихъ архивовъ. Одною изъ главхъ его работъ было собраніе болѣе 200 доментовъ на русскомъ, нижне-нѣмецкомъ и тинскомъ языкахъ, относящихся къ исторіи фляндіи, а между прочимъ и отношеній Лифндіи и Ганзы къ Россіи. Документы эти онъ нашелъ частью въ архивѣ рижскаго магистрата, а частью добылъ изъ мѣстнаго дворянскаго архива, въ которомъ есть собраніе списковъ Кёнигсбергскаго архива.

Въ этотъ сборникъ, г. Напьерскій включилъ нѣсколько граматъ, уже прежде напечатанныхъ, но важныхъ для смысла сборника или же напечатанныхъ прежде въ неудовлетворительномъ видѣ. Приготовивъ этотъ сборникъ, Напьерскій, по соглашенію съ академикомъ Куникомъ, прислалъ его въ Петербургъ, для дальнѣйшей обработки и напечатанія, а А. А. Куникъ передалъ эту рукопись Археографической коммиссіи. При этомъ, почти всѣ русскіе подлинники и старинныя копіи, съ потерянныхъ оригиналовъ, Напьерскій также прислалъ въ Петербургъ. Коммиссія съ древнѣйшихъ изъ нихъ сдѣлала литографическіе снимки и издала ихъ сперва отдѣльно, въ 1857 году («Граматы касающіеся до сношеній сѣверно-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ»).

Теперь коммиссія издала весь сборникъ Напьерскаго, дополнивъ его еще нѣсколькими документами.

Изъ документовъ, напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ, къ XII-му вѣку относится собственно только грамата новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, въ древне-русскомъ спискѣ. Эту грамату, на которой годъ не обозначенъ, по имени упоминаемаго въ ней посадника (Мирошка Нердиничъ) относятъ ко времени 1189—1199. Въ ней излагаются постановленія древнѣйшаго мирнаго договора Нѣвгорода «съ всѣми Нѣмьцкыми сыны, и съ Г-ты (готландцы), и съ всемь Латиньскымь языкомь». Въ договорѣ опредѣлены пени за обиды и т. д. Въ сборникѣ есть документы связанные съ именами Александра Невскаго, брата его Ярослава Ярославича новгородскаго, князя Гердена литовскаго, князя Изяслава полоцко-литовскаго, и князя смоленскаго Ѳедора Ростиславича.

Къ XIV-му вѣку относится нѣсколько русскихъ раматъ, изъ которыхъ важна грамата неизвѣстнаго до сихъ поръ полоцкаго православнаго епископа Іакова (относится къ дѣламъ торговымъ) и одна челобитная, поданная витебскому князю Михаилу Константиновичу, также неизвѣстному доселѣ. Къ XIV-му же вѣку принадлежатъ документы, въ которыхъ проявляются сношенія съ Ригою Литвы. Къ исторіи Полоцка и великаго княжества литовскаго относятся многіе изъ документовъ XV-го стол., которыхъ въ сборникѣ болѣе сотни. Наконецъ, документы XVI-го в. относятся преимущественно къ отношеніямъ между Ливоніею и государствомъ Московскимъ. Есть нѣсколько граматъ Бориса Годунова.

Большая часть документовъ, вошедшихъ въ составъ сборника, писаны на нѣмецкомъ языкѣ, именно на plattdeutsch, который употреблялся въ орденѣ меченосцевъ; такихъ граматъ—167. Нельзя не пожалѣть, что коммиссія, въ число дополненій къ работѣ Напьерскаго, о которыхъ она говоритъ, не сочла нужнымъ помѣстить русскаго перевода этихъ и латинскихъ документовъ; особенно затруднительны для чтенія документы, писанные на нижне-германскомъ нарѣчіи. Сборникъ назначенъ для спеціалистовъ—это такъ, и мы не принадлежимъ къ числу усердствующихъ, вопіющихъ объ изданіи на казенный счетъ каждаго иностраннаго слова, но вѣдь и для спеціалиста, для не-нѣмца, этотъ текстъ plattdeutsch составитъ немаловажное затрудненіе. Даже близкаго знакомства съ литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ недостаточно для уразумѣнія этихъ документовъ. Пусть у коммиссія, «дополнившая» работу Напьерска оставила безъ перевода всѣ оглавленія и ко ментаріи его, т. е. существенную часть вс работы; но издать безъ перевода на непони номъ и для всѣхъ спеціалистовъ—не-нѣмце языкѣ значительно-большую часть всего сбо ника — непростительно [1]).

Въ приложеніяхъ къ сборнику помѣщен торговый договоръ смоленскаго князя Мст слава II Давыдовича съ Ригою и Готландо другой торговый договоръ смоленскаго (нез вѣстнаго) князя съ Ригой и Готландомъ и п речень актовъ, съ распредѣленіемъ ихъ п владѣніямъ и государствамъ, къ которы онѣ относятся. Академикъ Куникъ, при пр вѣрочныхъ работахъ, нашелъ въ связкѣ дре нѣйшихъ договоровъ Смоленска съ Ригою Готландомъ нѣсколько пергаментныхъ сп сковъ съ граматы Мстислава Давыдовича (то говаго договора) и напечаталъ текстъ ея п пяти спискахъ, съ комментаріями также на н мецкомъ языкѣ; другая изъ приложенныхъ к сборнику граматъ также открыта г. Куником

О капиталѣ и трудѣ невещественномъ и (и значеніи и положеніи въ политической эко міи. Д-ра *Владислава Ригера*. Переводъ с чешскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніям *Д. Щеглова*. С.П.Б. 1868. 82 стр.

Извѣстный чешскій патріотъ Ригеръ пред принялъ, въ 1850 году въ Парижѣ, написа «простонародное» сочиненіе о политической экономіи на чешскомъ языкѣ. Но, когда он перечитывалъ авторовъ, ему показалось стран но, что политическая экономія не признает значеніе богатствъ за невещественными дар ми, и трудъ невещественный, за нѣкоторы исключеніями, производительнымъ не считает Чешскій писатель попробовалъ опровергну это мнѣніе, и вопросъ такъ увлекъ его, чт вмѣсто какого-нибудь параграфа популярно книги, у него вышло цѣлое, впрочемъ небол шое, разсужденіе, нѣчто въ родѣ essay, кото рое онъ и напечаталъ.

Политическая экономія доселѣ во многи своихъ частяхъ наука — умозрительная, да

[1]) Замѣтимъ, что въ числѣ этихъ нѣмецких граматъ многія, судя по оглавленію, были б прочтены съ интересомъ и не-спеціалистами.

ка однихъ «опредѣленій». Опредѣленіе такъ легко опровергнуть, какъ легко его сдѣлать — и все это одинаково безполезно. Здѣсь зависитъ отъ словъ, и даже серьёзнаго разлія во взглядѣ, хотя и часто умозрительномъ, ъ быть не можетъ. Само собою разумѣется, труды Папена и Уатта слѣдуетъ признать высшей степени производительными, хотя и не представляли непосредственнаго удотворенія потребности. Но также, само соразумѣется, что трудъ скрипача можно знать производительнымъ только въ осоъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ понится производство богатствъ прочныхъ, подщихъ мѣнѣ, имѣющихъ неоспоримую и всемѣстную цѣнность.

Небольшое разсужденіе д-ра Ригера, наимѣръ: трудъ безспорно не производительй, потому что онъ ровно ничего не прибаляетъ къ тому, что̀ извѣстно, кромѣ развѣ ать (совершенно лишнихъ) изъ нѣкоторыхъ ти забытыхъ авторовъ. Въ этомъ разсужіи сперва протестуется противъ отрицанія оизводительности труда, напр. проповѣдниъ, а въ заключеніе протестуется противъ авненія результатовъ такихъ трудовъ съ ультатами труда матерьяльнаго. Г. Ригеръ аетъ, чтобы трудъ проповѣдника, который асаетъ душу, былъ сочтенъ производительмъ, но не хочетъ, чтобы онъ подлежалъ обмъ законамъ о распредѣленіи богатствъ. Но одномъ отношеніи подобное уравненіе не рицаютъ ни сами проповѣдники, ни писатели, артисты: всѣ они стараются получить за ой трудъ какъ можно бо́льшій гонораръ, и аютъ, что цѣнность ихъ труда зависитъ отъ ношенія спроса къ предложенію, точно такъ, какъ цѣнность всякой услуги.

Въ названной брошюрѣ примѣчательнѣе всемысли переводчика, г. Щеглова. Экономическое разсужденіе г. Ригера онъ снабдилъ редисловіемъ, въ которомъ выражаетъ увѣенность, что «славянское племя не погибнетъ». Затѣмъ онъ подѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ выноски, въ которыхъ переводчикъ споритъ съ переводимымъ авторомъ. Наконецъ, онъ же дважды высказываетъ мысль, что «русскаго человѣка» и «славянина» не можетъ удовлетворить матеріялистическое воззрѣніе міра романскаго и германскаго на невещественный трудъ, что и здѣсь славянское «міровоззрѣніе» не можетъ сложиться въ нѣмецкую рамку. Итакъ, нужно создать особую славянскую политическую экономію. Но только пусть почтенный комментаторъ Ригера и всѣ одномыслящіе съ нимъ и впередъ не забываютъ, что это будетъ не наука, а именно только «міровоззрѣніе».

О сельскомъ хозяйствѣ. *В. Кренке.* Гродна, 1868 г. 386 стр. Цѣна 75 к.

Авторъ соглашается съ сѣтованіями нашихъ теоретиковъ сельскаго хозяйства, что «большинство нашихъ хозяевъ *немудреные*, что наши хозяева не вѣрятъ въ *почвознаніе*, называя это *химизмомъ*, что большинство нашихъ хозяевъ не охотно даже читаютъ сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ». Все это вѣрно, но намъ кажется иначе и быть не могло до сихъ поръ. Вспомнимъ, что еще очень недавно главнымъ элементомъ доходности въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ были вовсе не введеніе улучшеній, даже не практическое умѣнье, а просто — даровой, обязанный трудъ рабочихъ. Кчему тутъ теорія, когда, получивъ въ наслѣдство извѣстное пространство земли, можно было *предоставить его самому себѣ*, лишь бы только не разстроивать хозяйства непомѣрными долгами, и получать доходъ? машина была заведена слѣдовало только не трогать ее — пусть дѣйствуетъ. А не дѣйствовать она не могла потому, что у этой машины была такая особенность: въ составъ ея колесъ и пружинъ входили и рабочіе.

Это положеніе дѣла измѣнилось. Но до сихъ поръ сельскихъ хозяевъ самый фактъ этой перемѣны занимаетъ едва ли не больше, чѣмъ изысканіе средствъ къ отстраненію неизбѣжныхъ произведенныхъ ею потрясеній. Когда только-что потрясена вся система обработки, когда рабочихъ надо искать, надо имъ платить, когда часто платить нечѣмъ, а иногда и управа съ рабочими трудна, — многіе ли хозяева сохранили довольно спокойствія духа, чтобы дѣлать тѣ опыты съ сѣменами, какіе рекомендуютъ теоретики, между прочими и г. Кренке.

Надо надѣяться, что этотъ періодъ временного паралича пройдетъ, какъ прошелъ—увы—періодъ полнокровія на счетъ рабочихъ. Придется взяться за умъ, *стараться*. И нелегкое это дѣло, стараться надъ пашнею! Нигдѣ

улучшеніе не вводится и не ощущается такъ медленно, нигдѣ поворотъ къ дурному не разстраиваетъ дѣла такъ скоро, на столь долгій періодъ.

Свехъ того, нельзя не согласиться, что нѣтъ такого дѣла, въ которомъ равнодушіе къ теоріи было бы такъ извинительно, какъ именно въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Это совсѣмъ не то, что фабрикація. Въ предварительныхъ работахъ фабриканта есть только два неизвѣстныхъ: цѣна нужнаго ему сырого матерьяла и спросъ на его продуктъ въ данное время, опредѣляющій цѣну этого продукта.

Само же производство все въего рукахъ и нѣтъ ничего естественнѣе, что онъ такъ заботится объ улучшеніи его способовъ: онъ знаетъ, сколько ему можетъ принесть каждый рубль, затраченный на новую машину.

А между тѣмъ, можно ли признать, что большинство нашихъ фабрикантовъ — «мудреные», что они очень слѣдятъ за теоріею и гонятся за примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній? Нѣтъ, и *нѣтъ* главнымъ образомъ потому, что и у нихъ главный элементъ доходности—искуственный, какъ прежде у помѣщиковъ. Какъ тѣ прежде извлекали доходъ на счетъ большинства, даровымъ трудомъ крестьянъ, такъ за нашихъ фабрикантовъ работаетъ не новое «мудреное» изобрѣтеніе механики, сколько изобрѣтеніе очень старое и вовсе не мудреное—высокій покровительственный тарифъ.

Но сельскій хозяинъ поставленъ относительно улучшеній въ положеніе гораздо менѣе благопріятное, чѣмъ фабрикантъ: сельскому хозяину неизвѣстны самыя *условія* его производства; онъ прежде всего — рабъ природы, и теорія можетъ только указать ему средства немного облегчить отъ рабства.

Мало того: тѣ познанія, умѣнье, которыя требуются отъ хозяина, чтобы примѣнять указаніе науки успѣшно, сами по себѣ гораздо важнѣе въ хозяйствѣ, чѣмъ все, что можетъ дать теорія. Возьмемъ примѣръ самый близкій; открываемъ книгу г. Кренке на страницѣ 67, гдѣ говорится о томъ на какой почвѣ, какую траву пригоднѣе сѣять. Здѣсь теорія, повидимому, всего болѣе можетъ дать указаній; но послушаемъ, что говоритъ она:

«*Лисій хвостъ* считается однимъ (?) изъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ для сѣнокосовъ. Эта трава любитъ почву *средняго качества*, но сохраняющую въ себѣ довольно влажности, тутъ она скоро растетъ, на в щихъ же сухихъ лугахъ не родится. *Тимофеева тр ва* любитъ влажную почву, все равно будетъ ли глинистая, песчаная, или торфяная» и т. д. *Л левица* бываетъ разныхъ видовъ, растетъ на всяк почвѣ, даже на мокрой и холодной.... *Мятли* цвѣточное высокое растеніе, сѣно это съѣдает коровами съ наслажденіемъ. трава растетъ и самыхъ мокрыхъ лугахъ.... *Рейграсъ или ан ничный костеръ*, высокая трава съ мягкими, нѣж ными листьями, сѣно изъ нея превосходно, но н добно косить ранѣе. Хорошо родится на глин стыхъ, сырыхъ почвахъ»....

Теперь, положимъ, вы желаете засѣять луг представляющій почву влажную. Которой и изъ этихъ травъ по описанію вы отдадите пре почтеніе? Вы, конечно, попробуете посѣять их всѣ, и затѣмъ увидите, которыя взойдутъ лучш тѣхъ и будете держаться далѣе. Стало бы научитесь вы всетаки только опытомъ. Теорі научитъ васъ только тому, что выгодно вообщ но не тому, что наиболѣе выгодно, именно дл васъ, потому для этого *всего важнѣе* знать со вокупность условій вашего хозяйства. А есл вы умѣете хорошо оцѣнить всѣ эти условія и знаете, которое изъ нихъ болѣе, которое менѣ важно, то сумма этого вашего знанія важнѣ для успѣха, чѣмъ всякая теорія.

Едва ли нужно оговариваться, что мы н отрицаемъ науки сельскаго хозяйства; практи ческій хозяинъ, вооруженный наукою, имѣетъ конечно, болѣе свѣтлый и широкій взглядъ не подчиняется рутинѣ, и только наука можетъ въ самомъ дѣлѣ поднять сельское хозяйство цѣ лой страны. Но мы сочли нелишнимъ указат на поверхностность тѣхъ упрековъ въ слѣпо нелюбви къ теоріи, которые наши теоретик расточаютъ нашимъ хозяевамъ и причины нѣ сколько высокомѣрнаго отношенія не только первыхъ къ послѣднимъ, но и этихъ къ тѣмъ

Мы увѣрены, что книга г. Кренке, между прочимъ, принесетъ пользу потому именно что авторъ постарался избѣгнуть того именно что для большинства хозяевъ дѣлаетъ сочине ніе по сельскому хозяйству «закрытою кни гою» — научныхъ терминовъ, иностранных словъ, слишкомъ «большой учености», ссылок на разные параграфы, щедро расточаемых примѣровъ изъ практики англійской или бель гійской, наконецъ, постановки дѣла на слиш комъ большую ногу.

Онъ имѣлъ въ виду собственно обыкновенное русское хозяйство и пріемы самые простые, и наставленія свои формулируетъ безъ всякихъ научныхъ поясненій. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что онъ не включилъ въ свою книжку главы хоть о простѣйшихъ земледѣльческихъ машинахъ, и что средства мѣстной типографіи не позволили ему присоединить къ книгѣ рисунки. Умѣренная цѣна книги какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ популярному назначенію изданія.

Участь раненыхъ и больныхъ во время войны. Соч. *Ф. Затлера.* 165 стр. Цѣна 20 к.

Рядомъ съ успѣхомъ изысканій по части возможно-болѣе смертоносныхъ снарядовъ, человѣчество съ нѣкотораго времени стало пріискивать средства для облегченія участи тѣхъ, на комъ всѣ эти усовершенствованія получаютъ примѣненіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первая въ своемъ родѣ международная конвенція, бывшая въ Женевѣ въ 1864 году, и такая же конференція, бывшая въ 1867 году, въ Парижѣ. Составились благотворительныя общества со спеціальною цѣлью оказывать помощь раненымъ и больнымъ во время войны. Въ Америкѣ и Пруссіи эти общества организовались въ большихъ размѣрахъ и въ послѣднія войны принесли въ самомъ дѣлѣ большую пользу.

У насъ въ 1867 г. тоже учреждено такое общество, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, изъ членовъ, которые вносятъ не менѣе 10 р. въ годъ или единовременно не менѣе 200 р., членовъ-благотворителей, соревнователей и т. п. обоего пола. Этому обществу, котораго уставъ недавно вышелъ въ печати отдѣльною брошюрою, предоставлено, вслучаѣ войны, сноситься съ военнымъ министерствомъ для образованія санитарной части на самомъ театрѣ дѣйствій.

Печать со знакомъ этого общества мы находимъ на книжкѣ г. Затлера. Г. Затлеру принадлежитъ нѣсколько основательныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ военнаго хозяйства. Настоящее сочиненіе его интересно какъ по полнотѣ сравнительныхъ свѣдѣній, собранныхъ имъ, объ устройствѣ санитарной части во время войны въ Пруссіи, Австріи, Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, такъ и по основательности разбора устройства и условій, спасенія раненыхъ и больныхъ во время кампаніи.

Восточный вопросъ и Болгарія, сочиненіе *И. П. Липранди.* Москва 1868, 139 стр.

«Надо быть на мѣстахъ и изучить всѣ условія края, чтобы получить понятіе о томъ, что пишутъ»—такъ замѣчаетъ въ одной выноскѣ г. Липранди. Г. Липранди, какъ мы узнаемъ изъ его сочиненія о Болгаріи, близко знакомъ съ Балканскимъ полуостровомъ; онъ провелъ тамъ десять лѣтъ. Но нельзя не усмотрѣть изъ книги, что за Балканами онъ былъ давно. Такъ у него принимается все еще прежнее административное дѣленіе Турціи и нѣтъ ни слова о томъ, какъ отразились на Болгаріи новѣйшія турецкія реформы; о церковномъ движеніи въ ней упоминается только вскользь и т. п. Сочиненіе это, повидимому, написано въ прошломъ году [1]), по поводу попытокъ къ возстанію. Но для оцѣнки степени серьезности этого возстанія у автора, очевидно, не было данныхъ. Онъ ограничивается въ этомъ отношеніи такимъ приговоромъ: «Я думаю, что *если* дѣйствительно болгары задумали общее движеніе, то восточный вопросъ или, правильнѣе сказать, существованіе европейской Турціи всеконечно можетъ быть поколеблено.» Но изъ другихъ мѣстъ книги не видно, чтобы авторъ допускалъ возможность этого *если*, и даже предвидѣлъ, отъ самой мысли о немъ, что-нибудь хорошее для Болгаріи. Выпишемъ два мѣста, которыя характеризуютъ ктому же и общій образъ мыслей и языкъ автора: «Коль скоро притѣсненія болгаръ (т. е. претерпѣваемыя болгарами) доходили до Порты, всегда почти, чрезъ посредство отправленныхъ къ ней выборныхъ отъ возставшихъ, она удовлетворяла большею частію справедливымъ ихъ требованіямъ, и болгары, хотя всегда убѣжденные, что рано или поздно они опять потерпятъ отъ мѣстныхъ властей тоже самое, возвращались къ мирнымъ, любимымъ своимъ занятіямъ, вовсе не помышляя объ избавленіи себя отъ ига иновѣрныхъ, только одни гайдуки ихъ были всегда на стражѣ, чтобы мстить за частныя притѣсненія...»

Въ другомъ мѣстѣ, авторъ разсуждаетъ такъ:

---

[1]) Непонимаемъ однако, какъ 1867 году можно было сказать, что греческое королевство имѣетъ всего едва 800 т. жителей. Неужели автору неизвѣстно о присоединеніи къ нему Іоническихъ острововъ? Да и безъ нихъ — цифра слишкомъ ниже современной.

«Ухищреніе пропагандистовъ нынѣшняго времени обратило главное свое вниманіе (sic) на то, чтобъ начинать съ религіозныхъ смутъ, а потомъ преобразовать ихъ въ политическія...» О комъ же это говоритъ авторъ? Объ Аши Буэ, Сипріенѣ Роберѣ, Ламартинѣ, Сен-Маркѣ Жирарденѣ, Ройе и Бланки. Первые два такъ сказать классическіе писатели о Болгаріи и такъ же похожи на революціонеровъ, какъ современникъ Лежанъ. Но и Ламартинъ едва ли оказался бы безбожникомъ и революціонеромъ, если бы кто бы то нибыло поставилъ ему вопросные пункты, кромѣ г. Липранди. «Въ послѣдніе 20 или 30 лѣтъ этѣ идеологи начали разсматривать и Болгарію съ этой (?) точки зрѣнія. Въ сочиненіяхъ своихъ они ловко умѣли прежде польстить народу, напоминая ему прежнюю его историческую славу, потомъ исчисляли его силу и средства,» и т. д.; «потомъ въ яркихъ краскахъ описываютъ его страданіе подъ игомъ иновѣрныхъ, и наконецъ, указываютъ на возможность стряхнуть съ себя (?) это иго, избѣгая всячески сочувствія единовѣрной имъ Россіи, стремиться къ самостоятельности.»

Что тутъ стоитъ «избѣгая сочувствія Россіи,» это только деталь, а дѣло въ томъ, что г. Липранди помянутыя попытки писателей называетъ: «ученіемъ антимонархическимъ» и хочетъ заклеймить ихъ напоминаніемъ, что «впрочемъ, такъ начали и энциклопедисты.»

Итакъ, если турецкое правительство «большею частію» удовлетворяло справедливыя желанія болгаръ, и они тотчасъ же успокоивались, то очевидно, нельзя ожидать, да не слѣдуетъ и желать, чтобы нынѣшнее болгарское возстаніе «всеконечно поколебало» «восточный вопросъ»; тѣмъ болѣе, что дѣло это прямо «антимонархическое», да и затѣяли его въ Болгаріи, повидимому, только какіе-то иностранцы-идеологи, вдобавокъ — безбожники и сыновья энциклопедистовъ.

Стало быть, сочиненіе это—курьёзъ, думаетъ теперь читатель; оно во всякомъ случаѣ не безъ курьёзовъ, но еслибы оно было только курьёзъ, то мы и упомянули бы его всего двумя словами. Но дѣло въ томъ, что среди этихъ въ высшей степени оригинальныхъ сужденій, изложенныхъ неменѣе оригинальнымъ языкомъ, который достоинъ впредь носить наименованіе «Липрандіевскаго», въ курьезной этой книгѣ видно въ самомъ дѣлѣ близкое знакомство съ мѣстностью и народами, и этнографическія указанія заслуживаютъ даже особаго вниманія; только новыхъ фактовъ нѣтъ и точныхъ цифръ быть не можетъ. Интересно описаніе физіономіи народностей: болгаръ, босняковъ, албанцовъ, румыновъ; въ ссылкахъ и приводимыхъ подробностяхъ видно полное знакомство съ людьми и мѣстностями. Но все это перепутано вмѣстѣ съ курьезнѣйшими соображеніями. Такъ, напримѣръ, въ числѣ затрудненій для предполагавшейся (по слуху, въ 1867 г.) гарибальдійской экспедиціи въ Турціи, авторъ приводитъ то, что гарибальдійцы на пути къ Румыніи «не найдутъ ни мессинскихъ апельсинъ, или неаполитанскихъ макаронъ, безъ чего Италіянецъ *немыслимъ*». Однако г. Липранди вѣдь мыслилъ же объ итальянцѣ путешествующемъ въ то мѣсто, и даже отрицаетъ возможность его успѣха безъ «апельсинъ и макаронъ».

Поэтическую сторону въ сочиненіи г. Липранди представляютъ стихи Хераскова и митрополита Платона.

Повторяемъ однако, что книга г. Липранди, несмотря на всѣ эти приправы, заслуживаетъ вниманія, какъ показаніе очевидца, хотя и бывшаго въ описываемой имъ странѣ давно. Въ ней есть нелишенные интереса свѣдѣнія для этнографіи и военной исторіи, особенно въ отношеніи албанцовъ, народа едва ли наименѣе обслѣдованнаго изъ всѣхъ обитающихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Краткій очеркъ исторіи Болгаріи авторъ доводитъ только до разрушенія болгарскаго царства Святославомъ кіевскимъ; почему онъ остановился на этомъ фактѣ — непонятно. Г. Липранди порядочно свысока относится къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія есть уже въ наличности о дѣлахъ христіанъ подвластныхъ Портѣ. Въ началѣ своей книги, онъ даже говоритъ такъ: «Полагаю въ настоящее время не будетъ излишнимъ *ознакомить общество* съ Болгаріей и Болгарами, тѣмъ болѣе, что изъ всего до днесь писаннаго видно *неточное познаніе* края и его обитателей (!)». Такая надутость совсѣмъ неумѣстна въ авторѣ книги—почти брошюры, которой значительная часть наполнена вещами не идущими къ дѣлу, а остальная хотя представляетъ очеркъ нелишенный интереса, но далеко не можетъ претендовать на большое значеніе въ

дѣла жизненныхъ припасовъ, по коимъ пошлины большею частію были понижены въ тарифѣ 1857 г., доходъ увеличился такъ, что въ общей сложности со всѣхъ такихъ статей поступило въ 1859—64 г. 7,612,029 р. въ годъ, или противъ 1851—53 г. болѣе на 1,742,952 р., не смотря на то, что возможная потеря въ доходѣ казны отъ сбавки пошлинъ съ жизненныхъ припасовъ въ 1857 г. была исчислена по привозу 1851—53 г. до 300,000 рублей.

По новому тарифу число статей въ отдѣлѣ жизненныхъ припасовъ оставлено почти тоже, что и прежде, именно 40 вмѣсто 42.

Классификація товаровъ, вошедшихъ въ этотъ отдѣлъ, приведена въ бо́льшую систему, чѣмъ въ тарифѣ 1857 года, и подведена подъ слѣдующіе 6 разрядовъ: 1) хлѣбные припасы, 2) соль, 3) овощи и фрукты, 4) бакалейные товары, 5) колоніальные товары, 6) напитки. По всѣмъ статьямъ этого отдѣла уничтожены дифференціальныя пошлины по морскому и сухопутному привозу. Почти половина статей оставлена безъ измѣненія, или же въ нихъ сдѣланы весьма незначительныя измѣненія для округленія. Пошлины на сахаръ, соль и спиртные напитки сохранены въ прежнемъ размѣрѣ, по причинѣ связи ихъ съ внутренними акцизами на тѣ же предметы, а на чай—по видамъ поддержанія кяхтинской торговли. По нѣкоторымъ статьямъ пошлины увеличены, частію отъ округленія, частію отъ отнесенія къ однороднымъ статьямъ, обложеннымъ высшею пошлиною. Такъ: на трюфели, шампиньоны и пр. пошлина возвышена съ 3 р. 96 (моремъ) и 1 р. 32 к. (сухопутно) до 4 р., на конфекты съ 4 р. 95 к. (м.) и 4 р. 40 к. (с.) до 5 р., на шипучія вина въ бутылкахъ съ 99 к. до 1 р., на каперцы съ 55 к. до 1 р. для сухихъ и до 3 р. для приготовленныхъ въ маслѣ, на оливы и маслины, въ маслѣ и уксусѣ, съ 1 р. 76 и 1 р. 32 к. до 3 р., на сельди, соленые въ бочкахъ съ 99 к. до 1 р.; на соки фруктовые съ 44 к. до 45, а въ случаѣ примѣси алкоголя еще по 8 к. за всякій % спирта, и на бекмесъ (вываренный виноградъ) съ 44 до 50 к.

По большей части статей, пошлины уменьшены отъ 10% до 60%, а на кофейный суррогатъ даже до 100%, и это уменьшеніе, по разсчету средняго привоза этихъ товаровъ и поступленія пошлиннаго сбора въ 1865 и 1866 годахъ составляетъ около 850,000 р. риска для таможенныхъ доходовъ. Но если результатъ будетъ столь же благопріятный, какъ и при таможенной реформѣ 1857 г., когда предполагаемый недоборъ въ 300,000 р. обратился въ приращеніе дохода на 1,742,000 р., т. е. почти въ 6 разъ выше противъ исчисленнаго недобора, то по аналогіи и отъ сдѣланнаго нынѣ уменьшенія пошлинъ слѣдуетъ ожидать увеличенія доходовъ по крайней мѣрѣ на 5 мил. р., тѣмъ болѣе, что финансовая практика всѣхъ государствъ доказала уже, что приращеніе таможеннаго дохода можетъ быть достигаемо отнюдь не

возвышеніемъ, а только сбавкою въ достаточномъ количествѣ тѣхъ высокихъ фискальныхъ пошлинъ, которыя, ограничивая потребленіе и поощряя контрабанду, только препятствуютъ увеличенію таможеннаго дохода.

Самыя значительныя сбавки по отдѣлу жизненныхъ припасовъ, какъ по своему размѣру, такъ и по количеству доставляемаго тѣми статьями таможеннаго дохода, сдѣланы:

	Пошлина по тарифу 1857 года.	По новому тарифу назначена.	Средній таможенный доходъ 1865 — 66 г.	Уменьшеніе дохода въ случаѣ неувеличен. привоза.
На кофейный суррогатъ	мор. 2 р. 75 к. сух. 2 — 58½	25 к.	показанъ въ общей цифрѣ дохода отъ кофе.	нельзя исчислить.
— кофе	мор. 2 — 75 сух. 2 — 58½	1 р. 50 —	924,510	417,000
— табакъ въ листахъ, папушахъ и пр.	6 — 60	4 р. 40 —	767,950	255,987
— колоніальные товары: гвоздику, мушкатный цвѣтъ	мор. 3 — 85	2 р. 50 —		
корицу и кардамонъ	сух. 3 — 30			
— перецъ	мор. 2 — 57 сух. 1 — 98	1 р. 50 —	198,024	58,969
— инбирь	мор. 2 — 20 сух. 1 — 65			
— Портеръ и пиво: въ бочкахъ	2 — 64	1 р. 15 —	165,575	76,412
въ бутылкахъ	22			
— сыръ	мор. 4 — 98 сух. 4 — 40	4 р.	189,818	33,371

Уменьшеніе дохода, могущее произойти по прочимъ статьямъ, въ случаѣ, если бы привозъ ихъ не увеличился, можетъ составить около 20,000 р., изъ коихъ 11,000 р. приходятся на долю риса, не смотря на сбавку пошлины только на 10% для морского привоза (съ 55 до 50 к.) и на увеличеніе на ½ к. по сухопутному (съ 49½ до 50 к.), такъ значителенъ привозъ этого товара: въ $18^{65}/_{66}$ году, онъ достигалъ 278,000 пуд. и давалъ 150,000 р. дохода. Что пониженіе по отдѣлу жизненныхъ припасовъ обѣщаетъ въ будущемъ усиленіе привоза и возвышеніе таможеннаго дохода, это доказывается примѣромъ вліянія прежнихъ тарифовъ. Такъ, напр., въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе привозъ кофе къ намъ удвоился. Съ 1840 по 1846 г. при пошлинѣ въ 6 р. и 6 р. 15 к. съ пуда, привозъ кофе въ Россію составлялъ среднимъ числомъ около 150,000 пудовъ. При дѣйствіи тарифа 1850 г. привозъ увеличился до 250,000 пуд., а при дѣйствіи тарифа 1857 г. при пошлинѣ въ 2 р. 58 и 2 р. 75 к. онъ составлялъ съ

1857 по 1865 г. 309,744 п., а въ 1866 г. возросъ до 346,000 пудовъ. При болѣе умѣренной цѣнѣ на кофе и при значительности населенія имперіи, потребленіе кофе можетъ долго еще расти прогрессивно, безъ ущерба даже для потребленія чая, какъ это доказывается примѣромъ другихъ странъ, наприм. Англіи. Пошлина на цикорій и другіе кофейные суррогаты уменьшена болѣе чѣмъ въ 10 разъ, для отвращенія огромной контрабанды, производившейся на нашей западной границѣ и почти совершенно исключавшей возможность правильной торговли этимъ товаромъ.

Пониженіе пошлинъ на разные колоніальные товары такъ же обѣщаетъ усиленіе ихъ привоза, такъ какъ средній привозъ ихъ въ 1851 — 52 г. составлялъ 56,727 пуд., въ 1859 — 61 г. 70,223 п., въ 1865 — 66 г. 88,351 п. Также и привозъ сыру постоянно возрасталъ по мѣрѣ пониженія пошлинъ на него; въ 1851 — 53 г. онъ составлялъ 23,782 пуд., въ 1859 — 61 г. 31,708 п., въ 1862 — 64 г. 33,821 и въ 1865 — 66 г. 39,000 п. Этотъ усиливающійся привозъ не воспрепятствовалъ развитію у насъ собственнаго сыродѣлія, которое въ низкихъ и нѣкоторыхъ среднихъ сортахъ достигло значительнаго совершенства и лишь въ высшихъ сортахъ уступаетъ иногда иностранному. Новое пониженіе пошлины на сыръ до 20% можетъ лишь уменьшить контрабанду иностранными сырами и возбудить отечественныхъ сыроваровъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ сыровъ.

Пониженія пошлинъ на табакъ, не только въ листахъ, но и въ издѣліяхъ домогались сами представители московскаго промышленнаго сословія, какъ въ отвѣтѣ своемъ германскому коммерческому съѣзду, такъ и въ печатной запискѣ, присланной въ министерство финансовъ, по поводу пересмотра тарифа. Дѣйствительно, табаководство сдѣлало въ послѣдніе годы значительные успѣхи, особенно въ Крыму и Бессарабіи, гдѣ производится нынѣ табакъ, неуступающій даже хорошему турецкому. Улучшеніе качества русскихъ табаковъ усилило употребленіе ихъ на табачныхъ фабрикахъ въ примѣсь къ табаку иностранному, уменьшило привозъ иностраннаго табаку и усилило вывозъ русскихъ табаковъ за границу. Въ новомъ тарифѣ пошлина понижена только на листовой табакъ, вѣроятно потому, что этимъ путемъ предполагается вызвать болѣе усиленный привозъ иностраннаго табаку безъ вреда для отечественнаго табаководства и съ прямою пользою для улучшенія качества, удешевленія русскихъ табаковъ и для распространенія ихъ сбыта. Сбавка же пошлинъ на табачныя издѣлія, какъ предлагало московское купечество, не принята изъ опасенія ущерба, какъ таможеннаго дохода, такъ и акцизнаго сбора.

Пошлина на вина оставлена прежняя, съ округленіемъ ея до 2 р. 30 к., хотя въ тарифной коммисіи, какъ извѣстно, и предполагалась сбавка этой пошлины до 1 р. 50 к. Нельзя не признать этой мѣры

весьма осторожною, ибо хотя она и обѣщала удешевить столовыя вина, привозимыя въ бочкахъ, но трудно было ожидать скораго возмѣщенія потери въ таможенномъ доходѣ до 400,000 р., которая бы произошла въ случаѣ неувеличенія привоза къ намъ иностранныхъ винъ, такъ какъ опытъ послѣднихъ лѣтъ уже доказалъ, что потребленіе иностранныхъ винъ у насъ постоянно уменьшается, не смотря на пониженіе пошлинъ въ 1857 г. Въ новомъ тарифѣ уменьшена пошлина до 1 р. 45 к. только на вина греческія, привозимыя въ бочкахъ и боченкахъ. Пошлина эта уже существовала по тарифу 1850 года и давала весьма хорошій результатъ; ибо привозъ греческихъ и молдавскихъ винъ приблизительно составлялъ въ 1851 — 53 г. 307,770 п., съ возвышеніемъ же пошлины сперва до 2 р. 10 к., а затѣмъ до 2 р. 31 к., привозъ этихъ винъ упалъ до 70,000 пуд. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнее уменьшеніе пошлины для греческихъ винъ усилитъ ввозъ ихъ къ намъ; но не будетъ ли конкуренція ихъ опасна для нашихъ бессарабскихъ и крымскихъ винъ, особенно послѣ кризиса, который они переживаютъ вслѣдствіе болѣзни винограда и экономическихъ затрудненій мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и не повлечетъ ли на практикѣ исключеніе, сдѣланное въ пользу одной страны, къ разнымъ недоразумѣніямъ между таможнями и торгующими и къ ввозу, подъ видомъ греческихъ винъ, — винъ молдавскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ? Можно сказать только одно, что уменьшеніе пошлины съ греческихъ винъ возвыситъ таможенный доходъ этой статьи, давно уже находящійся въ упадкѣ.

Второй отдѣлъ тарифа пошлинныхъ товаровъ, заключающій въ себѣ *матеріалы сырые и полуобработанные для заводской, фабричной, ремесленной и земледѣльческой промышленности*, содержалъ въ себѣ по послѣднему изданію тарифа 1857 г. 70 статей, изъ коихъ 30 обложены были пошлинами въ видахъ покровительства отечественной промышленности, а остальныя, не добываемыя въ Россіи, по видамъ фискальнымъ. Покровительственная пошлина назначена на бумагу пряденую, кожи выдѣланныя, марену толченую, лаки, краски миніатюрныя и особо непоименованныя, крахмалъ, льняную и пеньковую пряжу, масла летучія для освѣщенія, чугунъ и желѣзо не въ дѣлѣ, сталь, мѣдь, цинкъ, свѣтильню бумажную, скипидаръ, химическія произведенія, чернила, шелкъ и шерсть.

По тарифу 1857 г. пошлины со многихъ фабричныхъ матеріаловъ были частію сбавлены, частію вовсе отмѣнены и, вслѣдствіе того, возможный недоборъ въ таможенномъ доходѣ, въ случаѣ неувеличенія привоза по тѣмъ статьямъ исчисленъ былъ приблизительно въ 400,000 р.; результатъ былъ однако тотъ, котораго и слѣдовало ожидать, именно,

пошлинный сборъ, вмѣсто уменьшенія, увеличился въ 1856 — 64 г. противъ сбора 1851 — 53 годовъ на 27%, именно на 508,219 р. По новому тарифу въ этомъ отдѣлѣ, такъ же, какъ и въ предъидущемъ принята болѣе правильная и систематическая классификація. Число статей оставлено почти тоже, какъ и въ тарифѣ 1857 г., именно 69, не смотря на то, что сюда же вошла вся роспись аптекарскихъ матеріаловъ. Уменьшеніе пошлинъ по этому отдѣлу допущено въ такомъ размѣрѣ, что по среднему таможенному доходу 1865 и 66 г. недоборъ можетъ составить около 200,000 р.; но опытъ прежнихъ лѣтъ уже ручается за то, что это исчисленіе недобора останется лишь на бумагѣ; въ дѣйствительности же будетъ приращеніе дохода, ибо этотъ отдѣлъ имѣетъ существенное значеніе для промышленности, доставляя ей всѣ тѣ матеріалы, которыхъ она не имѣетъ у себя дома подъ рукою или не можетъ пріобрѣсти столь же дешево и тѣхъ же высокихъ качествъ, какъ за границею. Къ сожалѣнію, усиленіе привоза фабричныхъ матеріаловъ и возвышеніе таможеннаго дохода можетъ быть отчасти парализовано допущеніемъ въ новомъ тарифѣ по нѣкоторымъ статьямъ возвышенія пошлинъ. Хотя это возвышеніе и вычисляется ариѳметически приблизительною цифрою около 16,000 р., но какъ въ политической экономіи дважды два не всегда четыре, то посему и здѣсь слѣдуетъ скорѣе ожидать по этимъ статьямъ упадка привоза, а вмѣстѣ и таможеннаго дохода, стѣсненія фабричной промышленности и возвышенія цѣны на тѣ произведенія, для коихъ требуются означенные сырые матеріалы, обложенные высшею противъ тарифа 1857 г. пошлиною.

Во второмъ отдѣлѣ пошлинныхъ товаровъ, въ разрядѣ разныхъ растительныхъ и животныхъ матеріаловъ, обращаетъ на себя вниманіе пониженіе пошлинъ на выдѣланныя кожи и на мягкую рухлядь.

Кожевенное производство издавна составляетъ одну изъ нашихъ коренныхъ промышленностей. Оно представляетъ цѣнность около 56 милл. руб. и занимаетъ до 13,000 рабочихъ рукъ, занятыхъ дубленіемъ и выдѣлкою кожъ на 2,500 заведеніяхъ. Кожи выдѣланныя съ давнихъ временъ составляютъ одну изъ важныхъ статей нашего заграничнаго отпуска. Съ 1860 по 1866 годъ отпускалось въ Европу среднимъ числомъ ежегодно около 22,000 п. юфти и другихъ выдѣланныхъ кожъ. Не смотря на все это, къ намъ привозится и изъ заграницы ежегодно небольшое количество выдѣланныхъ кожъ высшаго достоинства, потому что, кожи русской выдѣлки, отличаясь отъ иностранныхъ дешевизною, много уступаютъ имъ въ добротности. Главныя причины отсталости нашей кожевенной фабрикаціи отъ заграничной заключаются въ томъ, что за-границей кожи снимаются болѣе тщательнымъ образомъ, для выдѣлки употребляются болѣе совершенные пріемы и, наконецъ, дешевизна капиталовъ даетъ возможность

продолжать дубленіе подошвеннаго товара отъ одного до 3 лѣтъ, тогда какъ у насъ дубленіе продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ, отъ чего кожа выходитъ не совсѣмъ продубленною—съ закаломъ. Выдѣлка большихъ лакированныхъ кожъ у насъ не развивается потому, что для приготовленія лучшихъ сортовъ требуется свѣжее заграничное сырье, а наши заводчики могутъ получать его не иначе, какъ соленое или сушеное; кромѣ того, успѣшной выдѣлкѣ лакированныхъ кожъ препятствуютъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной полосѣ Россіи, климатическія условія, неблагопріятныя для сушки кожъ.

По тарифу 1850 года, выдѣланныя кожи большія и малыя были обложены одинаковою привозною пошлиною по 10 руб. съ пуда; по тарифу же 1857 года эта пошлина была удержана только для малыхъ кожъ, а для большихъ уменьшена до 4 р. съ пуда. Вслѣдствіе столь значительной сбавки пошлины привозъ большихъ кожъ замѣтно усилился. Въ 1851—53 годахъ привозилось кожъ большихъ и малыхъ 1,927 пуд., а въ 1859—61 г. однихъ большихъ 3,130 п., въ 1862—64 г.—6110 п., въ 1865—66 г.—9,190 пудовъ. Но въ сравненіи съ внутреннимъ производствомъ кожевеннаго товара все это составляетъ слишкомъ ничтожное количество и притомъ пошлины на кожи имѣютъ характеръ не покровительственный, а фискальный. По новому тарифу пошлина на малыя кожи, бывшая слишкомъ высокою, понижена съ 11 руб. до 8 руб., на большія кожи оставлена прежняя, а для лакированныхъ кожъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ установлена въ 6 руб. съ пуда. Такое рѣшеніе вопроса нельзя не признать удовлетворительнымъ.

Пошлины на мягкую рухлядь даже наиболѣе употребительныхъ сортовъ составляли, по тарифу 1850 года, отъ 20 до 60 руб. съ пуда, и вслѣдствіе того содѣйствовали развитію контрабанды мѣхами. Для противодѣйствія контрабандѣ, въ 1857 году, пошлины эти были понижены вдвое и даже втрое; результатомъ было то, что и привозъ мѣховъ увеличился, и таможенный сборъ остался почти на той же высотѣ, на какой стоялъ при прежнихъ высокихъ пошлинахъ, именно около 200,000 руб. Но съ общимъ возвышеніемъ пошлинъ 10% добавочными сборами, ввозъ мягкой рухляди вновь началъ уменьшаться и пошлинный сборъ упалъ въ 1862—64 г. до 183,000, а въ 1865—66 до 155,000 р. О значительности контрабанды свидѣтельствуютъ огромныя партіи конфискованной мягкой рухляди, нерѣдко продаваемыя съ аукціона, даже въ удаленныхъ отъ границъ таможняхъ. Даже депутація московскихъ купеческихъ съѣздовъ, въ отвѣтной запискѣ своей по поводу германскихъ предложеній, находила возможнымъ единообразное пониженіе до 20 коп. съ фунта или до 8 руб. съ пуда пошлины на всякого рода мягкую рухлядь и не считала этого стѣснительнымъ для отечественной промышленности, ибо пушныхъ звѣрей, съ

коихъ получаются привозимые изъ за-границъ шкуры, исключая красной лисицы, у насъ совсѣмъ не водится, или водятся они въ самомъ незначительномъ количествѣ. Въ новомъ тарифѣ установлена троякая пошлина для разнаго рода мягкой рухляди: для самыхъ дорогихъ, какъ: собольи, чернобурой лисицы, ильковые, шеншилла, лебяжьи и куньи по 20 р. съ пуда; для самыхъ дешевыхъ, какъ: выхухольи, лисьи, куньи и выдровые, привозимые въ порты Архангельской губерніи поморами 5 р., для всѣхъ прочихъ по 8 р. съ пуда. Возможный недоборъ таможеннаго дохода отъ такого уменьшенія пошлинъ исчисляется приблизительно въ 70,000 р., но съ прекращеніемъ контрабанды можно ожидать лишь усиленія таможенныхъ сборовъ по этой статьѣ.

Пошлины на прядильные и ткацкіе матеріалы мы разсмотримъ въ связи съ пошлинами, установленными по 3-му отдѣлу тарифа для издѣлій хлопчато-бумажной, льняной, шерстяной и шелковой промышленности.

Теперь же обратимся къ пошлинамъ на металлы не въ дѣлѣ.

По отдѣлу о металлахъ не въ дѣлѣ почти всѣ пошлины сбавлены въ размѣрѣ, достигающемъ до 100,000 р. по средней сложности таможеннаго дохода 1865 и 1866 года. Уменьшеніе это должно оказать самое благодѣтельное вліяніе, такъ какъ до сихъ поръ самонужнѣйшіе металлы были у насъ чрезмѣрно дороги, по причинѣ удаленности большей части горныхъ заводовъ, долговременнаго и излишняго покровительства имъ и неудовлетворительнаго состоянія многихъ изъ нихъ въ техническомъ отношеніи. Чугунъ и желѣзо до 1857 года были совершенно запрещены къ привозу; по тарифу же 1857 года, съ разрѣшеніемъ привоза чугуна и желѣза, установлены были пошлины на чугунъ 15 к. съ пуда, а на желѣзо, смотря по сортамъ, отъ 50 до 90 к.; для бѣломорскихъ портовъ до 40 к., а для сухопутной границы до 30 к. съ пуда.

Такія пошлины составляли отъ 40 до 70% съ цѣны среднихъ сортовъ англійскаго желѣза и были установлены съ тою цѣлію, чтобы въ центральныхъ мѣстностяхъ имперіи, а именно въ Москвѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, иностранные чугунъ и желѣзо даже среднихъ сортовъ обходились нѣсколько дороже русскаго, и чтобы, напротивъ того, металлы эти сдѣлались болѣе доступными по цѣнѣ въ тѣхъ только отдаленныхъ отъ Урала мѣстностяхъ, гдѣ чугунъ и желѣзо уральскихъ заводовъ по дальности привоза обходятся чрезмѣрно дорого.

Опытъ вскорѣ указалъ однако, что пошлины 1857 года очень велики и что онѣ могутъ быть понижены безъ вреда для нашихъ горныхъ заводовъ. Въ 1859 году пошлины были понижены и съ надбавочнымъ 10% сборомъ составили нынѣшній размѣръ пошлинъ.

Въ 1861 году, для содѣйствія развитію механическихъ заводовъ

разрѣшенъ былъ безпошлинный привозъ чугуна и желѣза по особымъ правиламъ.

Пошлина на сталь до 1850 года составляла 1 р. 25 к. съ пуда, въ 1857 же году была уменьшена до 75 к., что съ 10% надбавочнымъ сборомъ составило нынѣшнюю пошлину 82½ коп.

Привозъ иностраннаго чугуна въ Россію, составлявшій въ 1859—61 годахъ около 400,000 пудовъ, достигъ въ послѣдніе годы, особенно въ 1864 и 1866 годахъ, до 900,000 пуд., изъ числа коихъ впрочемъ болѣе 600,000 пудовъ ввозятся безпошлинно для машиностроительныхъ заведеній. Безпошлинный ввозъ финляндскаго чугуна представлялъ значительныя колебанія отъ 125 и 238 пудовъ въ нѣкоторые годы (1862 и 1865) до 149,500 пуд. въ другіе (1864). Обыкновенный же ввозъ его составляетъ около 10,000 пудовъ.

Ввозъ иностраннаго желѣза съ 500,000 пуд., въ 1859—61 г., возросъ до 3 милліоновъ пуд. въ годъ. Съ пошлиною впрочемъ ввозится не болѣе ¼ или ⅓ всего количества, остальное же идетъ безпошлинно для правительственныхъ цѣлей или для механическихъ заведеній. Послѣднія выписываютъ около 400,000 пуд. въ годъ, и лишь въ 1863 году ими было выписано 720,000 пуд. Желѣза финляндскаго выпускается къ намъ безпошлинно около 350,000 пудовъ.

Привозъ иностранной стали, возрастая съ 40,000 пуд. въ годъ, достигъ нынѣ уже 100,000 пуд. въ годъ.

Пошлинный сборъ съ иностраннаго чугуна, желѣза и стали въ 1865—66 г. составлялъ 347,199. Выдѣлка чугуна и желѣза у насъ съ 1857 года, т. е. со времени разрѣшенія ихъ привоза, до 1861 года, постоянно возрастала и съ 13 милл. пуд. достигала уже 18 милліоновъ. Съ измѣненіемъ же отношеній горнозаводскихъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, обнаружился временно, въ 1861—62 и 63 годахъ нѣкоторый упадокъ добычи металловъ.

Выдѣлка стали на нашихъ заводахъ, составлявшая въ 1857 году около 120,000 пуд. въ годъ, достигла въ 1864 г. 178,000, а въ 1866 г. 236,000 пуд. и вообще замѣтно усиливается.

Отпускъ нашихъ металловъ за-границу даетъ весьма различные результаты: отпускъ чугуна постоянно падаетъ:—съ 135,000 пуд. онъ упалъ до 6,000; отпускъ желѣза былъ гораздо значительнѣе въ 1862 и 1866, чѣмъ въ промежуточные годы и достигалъ до 800,000 пуд. Отпускъ стали съ 10,000 пуд. въ 1862 году, возросшій въ 1864 году до 70,000, потомъ вновь уменьшился до 12,000 пудовъ.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ очевидно, что ввозъ къ намъ иностраннаго чугуна и желѣза не имѣлъ прямого вліянія на сокращеніе горнозаводскаго производства. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ и выясненныхъ въ экспертной коммиссіи, при бывшей тарифной коммиссіи, обстоятельствъ, пошлины на чугунъ и сталь оставлены нынѣшнія, съ

округленіемъ первой до 5 к., а второй до 80 коп. съ пуда, пошлины же на желѣзо, не взирая на домогательство уральскихъ заводчиковъ о сохраненіи нынѣшнихъ размѣровъ и даже о повышеніи ихъ для нѣкоторыхъ сортовъ, понижены, а именно для желѣза полосового, сортового, прокатнаго и въ лому съ 38½ и 49½ к. до 35 коп. съ пуда; для рельсоваго съ 38½ до 20 коп., а для броневаго, котельнаго, кубоваго и листового съ 77 до 50 коп.

Въ виду возрастающей потребности въ желѣзѣ какъ для земледѣльческой, такъ и для мануфактурной промышленности, а равно для строющихся у насъ желѣзныхъ дорогъ, пониженіе пошлинъ на него составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній новаго тарифа, и нѣтъ сомнѣнія, что казна не понесетъ той потери около 90,000 руб., которой угрожаетъ ей простой ариѳметическій разсчетъ недобора по привозу желѣза въ 1865—66 годахъ.

Пошлины на мѣдь, олово и свинецъ оставлены тѣже, какія были установлены по тарифу 1857 года, со скидкою лишь надбавочныхъ сборовъ, а на ртуть и безъ скидки. Для мѣди и свинца пошлины имѣютъ покровительственный характеръ, ибо первой добывается у насъ отъ 240 до 280 т. пуд. въ годъ, а второго до 100 т. пуд.; для олова же и ртути пошлина чисто фискальная и составляетъ не болѣе 2% или 3% съ цѣны этихъ металловъ, въ Россіи недобываемыхъ.

Для цинка въ кускахъ пошлина уменьшена на половину—съ 60 до 30 коп., а въ листахъ на 40% именно съ 99 до 60 коп. При добычѣ цинка въ Царствѣ Польскомъ ежегодно въ количествѣ до 200,000 пуд., изъ коихъ половина приходится на долю частныхъ заводовъ, а остальная казенныхъ, пошлина на цинкъ не имѣетъ особенно охранительнаго значенія, ибо онъ служитъ предметомъ довольно значительнаго отпуска за-границу—съ 1859 по 1866 г. отпускалось по сухопутной западной границѣ до 117,000 пуд. цинка, и ввозилось изъ Царства Польскаго въ С.-Петербургъ безъ пошлины до 65,000 пуд. Пониженіе пошлины на цинкъ можетъ способствовать только удешевленію цинка на русскихъ рынкахъ и распространенію этого полезнаго матеріала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для поддержанія цинковаго производства въ Царствѣ Польскомъ и доставленія ему возможности соперничать заграницею съ цинкомъ силезскихъ заводовъ, находящихся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ и нуждающихся даже въ привозѣ цинковой руды или галмея изъ Россіи, по новому тарифу наложена на него отпускная пошлина въ 2½ коп. съ пуда.

По отдѣлу *москательныхъ товаровъ* пошлины большею частію или оставлены прежнія, со скидкою лишь надбавочныхъ сборовъ, или же повышены. Въ числѣ повышеній обращаетъ на себя особенное вниманіе возвышеніе пошлины на берлинскую лазурь и парижскую синь съ 1 р. 76 к. до 2 р., на гарансинъ съ 1 р. 76 к. до 2 руб. 50 коп., на

квасцы съ 11 до 20 к. и на соду съ 11 до 20 и 30 к. съ пуда. Пошлина на берлинскую лазурь и парижскую синь возвышена въ видахъ развитія фабрикаціи этихъ необходимыхъ красокъ. Пошлина на гарансинъ возвышена въ виду нетвердаго состоянія кавказскаго марeневодства, обложеннаго еще мѣстнымъ налогомъ, и значительнаго колебанія цѣнъ на кавказскую марену. Пошлина на квасцы удвоена въ видахъ покровительства квасцовому производству, достигающему до 100,000 пуд. въ годъ, и вытѣсняющему съ каждымъ годомъ заграничные квасцы, такъ что привозъ ихъ съ 96,000 пуд. упалъ до 58,000; это возвышеніе пошлины даетъ возможность русскимъ квасцамъ, производство которыхъ развилось во время дороговизны заграничныхъ, выдерживать соперничество съ сими послѣдними, въ случаѣ пониженія на нихъ цѣнъ.

О возвышеніи пошлины на соду усиленно ходатайствовали химическіе заводчики. Сбавка пошлины въ 1857 году съ 20 до 10 коп. съ пуда вызвала усиленіе привоза соды съ 185,000 до 500,000 пуд., доказывающее огромную потребность въ этомъ матеріалѣ для бѣльнаго, красильнаго, набивного, химическаго, мыловареннаго и стекляннаго производствъ. Въ Россіи же содоваго производства до сихъ поръ не существовало по дороговизнѣ соли, составляющей главный матеріалъ этой фабрикаціи и по недостатку дешеваго горючаго матеріала въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя изобилуютъ солью.

Съ разрѣшеніемъ въ 1867 г. безъакцизнаго отпуска соли на содовое производство, являются уже попытки къ основанію у насъ содовыхъ заводовъ. Поэтому, въ видахъ поддержанія и поощренія этихъ попытокъ, въ новомъ тарифѣ пошлина на соду жженую или кальцинированную возвышена до 20 к., на ѣдкую до 30 к. съ пуда, а на кристаллическую оставлена прежняя, т. е. 10 коп.

Вообще по отдѣлу химическихъ произведеній, хотя выдѣлка ихъ въ Россіи составляетъ цѣнность не болѣе 2½ милліоновъ руб. и занимаетъ около 1500 рабочихъ, тогда какъ фабрики, нуждающіяся въ нихъ, производятъ на сотни милліоновъ руб. и занимаютъ сотни тысячъ рабочихъ, въ новомъ тарифѣ сдѣлана большая уступка химическимъ заводчикамъ, не переставшимъ доказывать, какъ въ отвѣтной запискѣ германскому купечеству, такъ и во время работъ тарифной коммиссіи, будто бы нераціональное пониженіе пошлинъ въ 1857 году убило у насъ многія отрасли химическихъ производствъ, уже начинавшіяся, или не дало развиться тѣмъ, которыя имѣли будущность.

Въ числѣ пониженій, сдѣланныхъ въ нынѣшнемъ тарифѣ по москательнымъ товарамъ, нельзя не обратить вниманія на пониженіе пошлины на оливковое, деревянное и всякое другое растительное масло, на которое пошлины понижены съ 2 р. 64 и 2 р. 3½ к. до 1 р. 80 к.

Пониженіе это является, впрочемъ, повышеніемъ для сухопутной границы, для масла, привозимаго въ деревянныхъ и кожаныхъ сосудахъ. При огромномъ потребленіи масла въ промышленности и въ домашней жизни, достигающемъ при нынѣшнихъ пошлинахъ до 900,000 пуд. въ годъ, надо надѣяться, что пониженіе пошлины вызоветъ еще большій привозъ.

Обращаясь къ третьему отдѣлу пошлинныхъ товаровъ, именно *издѣліямъ фабричнымъ, заводскимъ и ремесленнымъ*, мы видимъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ таможенной реформы 1857 года было увеличеніе привоза иностранныхъ издѣлій, въ 1859—61 г. почти на 67%, а пошлиннаго сбора на 74 процента. Въ трехлѣтіе 1862—64 г. увеличеніе противъ 1851—53 г. составляло только 24% по привозу и почти 29% въ пошлинномъ сборѣ; а въ сравненіи съ 1859—61 г. какъ привозъ, такъ и пошлинный сборъ уменьшился около 26%.

Увеличеніе или уменьшеніе привоза иностранныхъ издѣлій и связаннаго съ нимъ таможеннаго дохода, по характеру таможенныхъ реформъ 1850 и 1857 г. зависѣло отъ большей или меньшей степени потребленія преимущественно такихъ товаровъ, которые удовлетворяютъ вкусу и нуждамъ образованной массы зажиточнаго класса, такъ какъ подобнаго рода товары были ограждены сравнительно низшею пошлиною, чѣмъ товары дешевые и употребляемые большинствомъ населенія. Вслѣдъ за изданіемъ тарифа потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, съ коихъ пошлины были сбавлены, усилилось; съ сокращеніемъ же вообще потребленія предметовъ роскоши, что́ было временнымъ, ближайшимъ послѣдствіемъ крестьянской реформы, сократился и привозъ иностранныхъ издѣлій, въ особенности же шелковыхъ, кружевныхъ и мелкихъ цѣнныхъ вещей.

Новый тарифъ, какъ уже изложено было выше, долженъ исправить эту неуравнительность обложенія товаровъ малоцѣнныхъ сравнительно съ многоцѣнными. Насколько это достигнуто новымъ тарифомъ, мы постараемся вывести изъ разбора допущенныхъ въ новомъ тарифѣ на разнаго рода издѣлія измѣненій.

Отдѣлъ тарифа объ издѣліяхъ распадается на 7 подраздѣленій, смотря по роду матеріаловъ, изъ коихъ выдѣланы издѣлія.

Подъ первою рубрикою издѣлій изъ камня, глины и т. п. минераловъ, болѣе всего, конечно, останавливаютъ на себѣ вниманіе издѣлія гончарныя, фаянсовыя, фарфоровыя, хрустальныя, стеклянныя и зеркальныя. Для гончарной посуды и всѣхъ вообще гончарныхъ издѣлій, въ новомъ тарифѣ установлена пошлина, существовавшая для сухопутнаго привоза, именно 20 к. съ пуда, для предметовъ же, служащихъ комнатнымъ украшеніемъ и при томъ раскрашенныхъ и позолоченныхъ, она возвышена до 1 р.

Для фаянсовыхъ издѣлій, цѣна производства коихъ въ Россіи достигаетъ до 200,000 р., пошлины понижены только отчасти и принята новая классификація на три категоріи, вмѣсто прежнихъ двухъ.

Для бѣлыхъ и одноцвѣтныхъ, въ массѣ крашеныхъ, безъ украшеній, хотя бы и съ отлитыми узорами, назначено 75 к., вмѣсто прежнихъ 1 р. 21 к. моремъ, и 66 к. сухопутомъ, слѣдовательно, для самой простой категоріи этого товара при перевозкѣ сухимъ путемъ, пошлина не много повышена; для тѣхъ же издѣлій съ одноцвѣтными узорами, отводками, краями и каймами, пошлина назначена въ 1 р., вмѣсто прежнихъ 1 р. 21 к. и 66 к.; для тѣхъ же издѣлій съ живописью, позолотой и разноцвѣтными узорами, пошлина понижена съ 3 руб. 85 к. и 3 руб. 30 к. до 2 руб. 50 к. Слѣдовательно, пониженіе пошлины на этого рода издѣлія сдѣлано лишь для наиболѣе цѣнныхъ.

По фарфоровымъ издѣліямъ, производство коихъ въ Россіи занимаетъ 30 заводовъ съ 1,775 рабочими и достигало въ 1865 году цѣнности 776,000 р., пошлины понижены по чрезмѣрности пошлинъ, установленныхъ въ 1857 году, что́ признано было даже экспертами, призванными въ тарифную коммиссію. По новому тарифу, пошлина на болѣе простыя фарфоровыя издѣлія понижена съ 6 р. 60 к. и 5 р. 50 к. до 4 р., а для болѣе цѣнныхъ съ украшеніями, позолотой и т. п. съ 13 р. 20 к. и 12 р. 10 к. до 8 р.; для фарфоровыхъ вещей, служащихъ украшеніями, пошлина понижена съ 25 р. до 16 р. Такія пошлины, ограждая туземную промышленность, должны содѣйствовать удешевленію у насъ фарфоровыхъ издѣлій, распространенію ихъ сбыта и усиленію привоза, въ послѣдніе годы уменьшающагося.

Производство *стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій* составляетъ одну изъ довольно обширныхъ фабрикацій въ Россіи. Въ 1865 г. оно занимало 219 заводовъ и свыше 10,000 рабочихъ и, по цѣнности производства, достигало до 4 милл. руб. Тарифная охрана была всегда очень значительна для этой отрасли промышленности и плачевные результаты этого долговременнаго и чрезмѣрнаго покровительства нынѣ сознаются откровенно самыми представителями этой фабрикаціи. Въ отвѣтѣ на предложенія германской записки по хрустальному производству, составленномъ, очевидно, лицами, знающими это дѣло и живо въ немъ заинтересованными, мы читаемъ слѣдующее добросовѣстное признаніе: «Существовавшій до 1857 г. высокій таможенный тарифъ на заграничныя хрустальныя произведенія и невозможность сношенія съ иностранными государствами вслѣдствіе узаконеній, имѣвшихъ силу до 1857 года, были главною причиною того, что наше отечественное хрустальное производство съ двадцатыхъ годовъ не подвинулось впередъ, тогда какъ заграничные заводы съ каждымъ годомъ совершенствовались. Когда, наконецъ, послѣ столь продолжительнаго

застоя, тарифъ на эти произведенія былъ внезапно такъ сильно пониженъ, то результатомъ этого было наводненіе нашихъ отечественныхъ рынковъ иностранными хрустальными и стеклянными произведеніями. Наши заводы, настигнутые въ расплохъ, не въ силахъ были выдержать конкуренцію, какъ по превосходству въ добротѣ заграничныхъ издѣлій, такъ и по поразительной ихъ дешевизнѣ: многіе заводы закрылись, а остальные, еще понынѣ дѣйствующіе, страдаютъ и не могутъ оправиться.» Указывая за тѣмъ на необходимость коренной технической реформы въ нашихъ хрустальныхъ заводахъ, на тѣхъ же началахъ, которыя приняты на богемскихъ заводахъ, депутація московскихъ купеческихъ съѣздовъ говоритъ, что въ такомъ случаѣ, еслибы даже разрѣшенъ былъ безпошлинно ввозъ хрустальныхъ и стеклянныхъ издѣлій, то и тогда конкурренція германскихъ заводовъ намъ не была бы опасна; напротивъ того, если Таможенный Союзъ не наложитъ выше пошлину на привозныя въ Германію хрустальныя и стеклянныя издѣлія, то наши заводчики могутъ легко найти сбытъ своимъ произведеніямъ за границею.» Нужно ли болѣе краснорѣчивое доказательство, что высокій тарифъ приноситъ лишь вредъ для промышленности и вовсе не служитъ къ ея упроченію и усовершенствованію, и что тамъ, гдѣ онъ, къ сожалѣнію, въ силу историческихъ предразсудковъ времени, былъ однажды установленъ, необходимо идти неуклонно путемъ постояннаго и постепеннаго его пониженія.

Въ новомъ тарифѣ принята классификація стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, предложенная экспертами, приглашенными въ тарифную коммисію и основанная на группировкѣ издѣлій, по стоимости обработки и издержкамъ производства, что́ дало возможность соразмѣрить и самыя пошлины болѣе пропорціонально со стоимостію издѣлій.

Для простыхъ бутылочныхъ издѣлій изъ зеленаго стекла принятъ размѣръ пошлинъ въ 50 коп. вмѣсто 1 р. 10 к. и 1 р. 65 к. Для оконнаго стекла всякаго, бѣлаго, полу-бѣлаго и бутылочнаго цвѣта и издѣлій изъ него назначено 1 р. 10 к. вмѣсто тѣхъ же пошлинъ; для оконнаго стекла цвѣтного, въ массѣ крашенаго, молочнаго цвѣта, матоваго, морщиноватаго и издѣлій изъ него положена пошлина въ 2 р.; для издѣлій изъ бѣлаго стекла и хрусталя, граненыхъ и шлифованныхъ, а также для издѣлій изъ всякаго стекла съ живописью и украшеніями назначена пошлина въ 8 р. вмѣсто прежнихъ 10 р. 45 к. и 9 р. 90 к.

Привозъ стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, увеличившійся послѣ 1857 г., началъ упадать съ 1864 г. Пониженіе пошлинъ на эти издѣлія можетъ не только предотвратить упадокъ таможенныхъ доходовъ по этой статьѣ, но и значительно облегчить потребителей, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ стеклянныхъ и хру-

стальныхъ заводовъ, сосредоточенныхъ преимущественно въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ.

Зеркальное производство пользовалось у насъ еще большею охраною, нежели стеклянное и хрустальное, ибо до 1856 года зеркала были безусловно запрещены къ привозу; въ 1856 же году установлены высокія покровительственныя пошлины, составлявшія отъ 50 до 100% съ цѣны товара. По отзыву московскихъ купеческихъ съѣздовъ, наше туземное зеркальное производство, развившееся при запретительномъ тарифѣ и достигавшее цѣнности 1 мил. руб., рушилось съ открытіемъ доступа въ Россію иностраннымъ зеркаламъ, и изъ семи существовавшихъ прежде заводовъ удержался одинъ заводъ г. Смольянинова въ Рязанской губерніи. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что не соперничество высоко обложенныхъ иностранныхъ зеркалъ, цѣна коихъ увеличивается еще на 25% по крайней мѣрѣ отъ перевозочныхъ расходовъ, убило наши зеркальные заводы, а самая дороговизна зеркалъ и малое ихъ распространеніе. Если же заводъ г. Смольянинова выдерживаетъ соперничество иностранныхъ зеркальныхъ заводовъ, то это есть лучшее доказательство, что фабрикація, въ которой введены всѣ лучшія извѣстныя усовершенствованія, носитъ въ себѣ всѣ задатки успѣха.

Въ новомъ тарифѣ пошлина на зеркала понижена въ размѣрѣ, составляющемъ отъ 20 до 68% съ цѣны ихъ, при чемъ для зеркалъ, имѣющихъ болѣе 100 квад. вершк., назначена съ квадратнаго вершка и постоянно увеличивается въ извѣстной, впрочемъ слабо возрастающей прогрессіи. Для самыхъ большихъ зеркалъ — свыше 1200 вершковъ—назначена пошлина въ 30 р. Трудно было найти способъ, болѣе удовлетворяющій справедливости и избѣгающій рѣзкихъ переходовъ и неравномѣрности нынѣшней системы обложенія зеркалъ различными пошлинами по 11-ти различнымъ нормамъ ихъ величины.

По издѣліямъ изъ металловъ въ новомъ тарифѣ строго проведено начало, указанное одною изъ главныхъ цѣлей пересмотра новаго тарифа, именно соразмѣреніе пошлинъ съ цѣнами и нѣкоторое облегченіе къ привозу издѣлій, болѣе общедоступныхъ. Такъ, въ этомъ отдѣлѣ пошлины оставлены прежнія на золотыя и серебряныя издѣлія, но понижены на бронзовыя, чугунныя, желѣзныя, стальныя, на иглы стальныя и желѣзныя, швейныя и вязальныя, на ножевой товаръ и другія. Но за то въ этомъ отдѣлѣ является, и притомъ не съ пониженіемъ, а съ повышеніемъ пошлины, въ первый разъ въ нашемъ тарифѣ товаръ, который болѣе 60-ти лѣтъ не подлежалъ никогда обложенію, именно *машины* и *аппараты*.

Вопросъ о пользѣ и своевременности обложенія нынѣ машинъ пошлинами не разъ печатно обсуждался въ послѣдне время на страницахъ разныхъ нашихъ журналовъ, а русское техническое общество

посвятило даже этому вопросу цѣлый рядъ своихъ публичныхъ засѣданій или бесѣдъ, и результатъ этихъ совѣщаній, въ формѣ особой записки, представило министру финансовъ съ просьбою принять ее въ соображеніе при пересмотрѣ тарифа. Фабриканты и заводчики разнаго рода также большею частью подали свой голосъ въ пользу установленія охранительнаго тарифа на машины, не смотря на то, что въ мнѣніи московской депутаціи нѣтъ почти ни одного производства, по поводу котораго не было бы заявлено, въ числѣ препятствій къ его развитію, дороговизны иностранныхъ машинъ, выписываемыхъ нынѣ безпошлинно. О механическихъ заводчикахъ и говорить нечего; по мнѣнію ихъ, самая дороговизна этихъ машинъ есть слѣдствіе недостатка у насъ собственныхъ механическихъ заведеній. Между тѣмъ факты доказываютъ, что рядомъ съ увеличивающеюся постоянно выпискою заграничныхъ машинъ, развивается у насъ и наше собственное машиностроительное производство. Между тѣмъ какъ привозъ къ намъ иностранныхъ машинъ съ 2 милл. рублей, въ началѣ 50-хъ годовъ, возросъ до 10 милл. рублей, а въ нѣкоторые годы и до 11, внутреннее производство возросло въ тоже время съ 2 милл. до 12 и даже 16 милліоновъ руб. серебромъ. Около трети всѣхъ механическихъ заводовъ находится въ Петербургской и Московской губерніяхъ и, занимая до 12,000 рабочихъ, производятъ на 11 почти милліоновъ рублей, несмотря на то, что въ этихъ именно пунктахъ конкурренція иностранныхъ машинъ особенно сильна и опасна. Всѣ эти факты не могли однако неревѣсить доводовъ приверженцевъ огражденія отечественнаго машиностроенія ввозными пошлинами. Значительность казенныхъ заказовъ, которыми поддерживаются многіе изъ нашихъ механическихъ заводовъ, и опасность, угрожаемая этимъ заводамъ съ прекращеніемъ этихъ заказовъ, недостатокъ мастеровъ для починки выписываемыхъ изъ-за границы машинъ, и необходимость образовать ихъ развитіемъ у насъ собственнаго машиностроенія, отсутствіе поощренія существующаго для издѣлій всякаго рода и сомнительность выгодъ отъ учрежденія у насъ механическихъ заводовъ—таковы были главныя побужденія къ установленію у насъ охранительныхъ пошлинъ на машины.

Къ этому присоединилось еще сознаніе въ необходимости поставить Россію въ независимость отъ иностранныхъ механическихъ заводовъ, какъ для защиты государства, такъ и для улучшенія нашихъ путей сообщенія.

Впрочемъ, большая часть ходатайствъ о наложеніи пошлинъ на машины, заключали заявленіе о необходимости лишь временнаго охраненія нашихъ заводовъ тарифомъ и о возможности возстановленія безпошлиннаго ввоза иностранныхъ машинъ чрезъ 10 или 15 лѣтъ, когда механическое дѣло у насъ достаточно окрѣпнетъ.

Къ счастію, правительство не увлеклось тѣми высокими размѣрами пошлинъ, о которыхъ ходатайствовали механическіе заводчики и ихъ защитники, и даже не подвергло обложенію пошлинами всѣхъ безъ изъятія машинъ, какъ того домогались эти лица. По новому тарифу для машинъ и аппаратовъ установлены три оклада пошлинъ.

Для паровозовъ, мѣдныхъ аппаратовъ и мѣдныхъ частей и принадлежностей по 75 к. съ пуда. Для локомобилей и паровыхъ двигателей всякихъ, пожарныхъ паровыхъ трубъ и снарядовъ, и всякихъ другихъ машинъ, кромѣ вышепоименованныхъ и нѣкоторыхъ необложенныхъ пошлиною, согласно 36-й статьѣ тарифа—назначено по 30 к. съ пуда.

Та же пошлина назначена и для частей машинъ, а равно для приводныхъ и передаточныхъ ремней и металлическихъ полотенъ, въ фабричномъ дѣлѣ употребляемыхъ.

Безпошлинными по 75-й статьѣ новаго тарифа оставлены машины сельско-хозяйственныя, машины для обработки волокнистыхъ веществъ, модели всякаго рода машинъ и аппаратовъ, берды ткальныя, трости и прутья для изготовленія ихъ, лозы и челноки для ткацкихъ станковъ, зубья для чесалокъ, чесалки для льна и пеньки и карды всякаго рода.

Какой результатъ будетъ новой системы тарифа относительно машинъ? разовьетъ ли она у насъ механическіе заводы? Конечно, только опытъ рѣшитъ эти вопросы. Но можно опасаться, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ наши механическіе заводчики найдутъ на опытѣ данную имъ нынѣ охрану недостаточною и будутъ домогаться возвышенія нынѣ установленныхъ пошлинъ. И, конечно, тогда достигнуть этого будетъ уже легче, ибо начало положено, останется лишь искусно воспользоваться однажды принятымъ направленіемъ въ пользу обложенія машинъ. За то съ другой стороны другіе фабриканты и заводчики, безъ сомнѣнія, найдутъ лишь новый поводъ впослѣдствіи къ жалобамъ на вздорожаніе машинъ и къ оправданію своихъ ходатайствъ о возвышеніи пошлинъ на иностранныя издѣлія.

Говоря о машинахъ, кстати будетъ сказать объ экипажахъ и ватонахъ. Нынѣ тѣ и другіе пропускались по одной статьѣ съ пошлинами въ 110 и 55 р. ресорные, смотря потому о 4-хъ или о 2-хъ они колесахъ, или въ 11 р. нересорные и дѣтскіе ручные. Въ новомъ тарифѣ для экипажей, смотря по свойству и назначенію ихъ, установлено четыре разряда пошлинъ въ 100, 70, 30 и 10 руб.; для вагоновъ же, пропускавшихся съ пошлиною въ 110 р., въ видахъ поощренія выдѣлки ихъ въ Россіи, назначено четыре разряда: 75 р. для платформъ, 100 р. для вагоновъ товарныхъ крытыхъ, 175 р. для пассажирскихъ 3-го класса, и 300 р. для пассажирскихъ 1-го и 2-го класса и почтовыхъ.

За тѣмъ, оставляя въ сторонѣ всякаго рода незначительныя издѣлія, замѣтимъ, что въ новомъ тарифѣ понижена пошлина на каучуковыя издѣлія, производство коихъ въ Россіи достигло высокой степени совершенства, такъ что имъ открылся уже довольно значительный сбытъ за границу, а также пошлина на писчебумажныя издѣлія. На бумагу для печати пошлина понижена съ 5 р. 50 к. и 6 р. 5 к. до 2 руб. съ пуда, для писчей съ тѣхъ же размѣровъ до 3 руб., а на обои до 4 р. 50 к.

Наконецъ, намъ остается разсмотрѣть самую главную категорію фабричныхъ издѣлій—*издѣлія ткацкія, плетеныя и вязаныя*, т. е. издѣлія льняныя и пеньковыя, шелковыя, шерстяныя и хлопчатобумажныя, а также тюль и кружева.

По мнѣнію депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ, «до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія *льняная промышленность* и торговля льняными издѣліями были у насъ въ цвѣтущемъ положеніи, удовлетворительно вознаграждая труды земледѣльца, воздѣлывающаго ленъ, простыхъ пряхъ, ткачей и самихъ фабрикантовъ, отправлявшихъ за границу, въ большомъ количествѣ, наши издѣлія, которыя особенно славились въ Америкѣ.

«Троякаго рода причины привели въ упадокъ нашу льняную промышленность и при существующихъ обстоятельствахъ ставятъ ее въ невозможность соперничать съ иностранцами. Во-первыхъ, мы не слѣдили своевременно за тѣми преобразованіями, которыя совершались въ этой промышленности въ чужихъ краяхъ и которыя, съ одной стороны, измѣняли требованія или вводили новыя, а съ другой — совершенствовали и удешевляли самыя издѣлія.

«Во-вторыхъ, не только настоящій, но и всѣ предшествовавшіе наши тарифы не соотвѣтствовали обстоятельствамъ, и не могли содѣйствовать къ поддержанію у насъ этой промышленности и особенно къ введенію въ ней новыхъ преобразованій.

«Въ-третьихъ, мы не только не заботились о поддержаніи у насъ этой промышленности и вообще производства льняныхъ издѣлій, но полагали, что и не должны заботиться о поддержаніи фабричнаго дѣла въ этой промышленности, а должны только стараться объ усовершенствованіи и развитіи льновоздѣлыванія для удовлетворенія иностранныхъ фабрикъ, сбывая имъ ленъ въ сыромъ видѣ. Мы не обращали вниманія на то, что этого развитія и совершенствованія льна нельзя достигнуть безъ внутренняго сбыта его на домашнія фабрики».

Далѣе, говоря о паденіи нашихъ полотняныхъ фабрикъ, московская депутація указываетъ, въ числѣ причинъ этого паденія: развитіе хлопчатобумажной промышленности, издѣлія которой замѣнили въ нѣкоторыхъ случаяхъ льняныя; изобрѣтеніе парового двигателя, примѣненнаго къ плаванію морскихъ судовъ, которыя прежде много по-

купали парусины и которыя стали требовать ея гораздо менѣе; и, наконецъ, реформу въ производствѣ льняныхъ издѣлій, совершенную въ Англіи, реформу, за которой мы не слѣдили, которой мы не перенимали у Англіи и даже не постигали всей ея силы и послѣдовавшихъ за тѣмъ результатовъ.

Далѣе, московская депутація указываетъ на дороговизну машинъ, которыя обходятся нашимъ фабрикантамъ съ перевозкой и коммиссіей на 50% и даже 60% дороже, нежели англійскимъ и германскимъ, на дороговизну и недостатокъ опытныхъ мастеровъ, на дороговизну у насъ соды, соляной кислоты и хлористой извести. Затѣмъ указывается на развитіе у насъ льнопрядиленъ, которое началось съ успѣхомъ уже подъ вліяніемъ тарифа 1857 г., и на благопріятствовавшія развитію льняной промышленности, хлопчато-бумажный кризисъ и польское возстаніе, по случаю усиленнаго требованія казною сукна для обмундированія войска. Для поправленія и поддержанія нашей льнопромышленности московская депутація требуетъ раціональнаго тарифа, объявляя, впрочемъ, что какъ недостаточныя, такъ и излишнія пошлины равно не раціональны.

Какое, въ дѣйствительности, имѣли вліяніе тарифы 1850 и 1857 годовъ на привозъ льняныхъ издѣлій и, въ особенности, полотенъ и на развитіе вообще льняной промышленности, о томъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Средній привозъ полотенъ по объявленнымъ цѣнамъ.	Пошлинный сборъ.
По тарифу 1850 г.		
Въ 1851—1853 г.	773,881 р.	233,028 р.
По тарифу 1857 г.		
Въ 1859—1861 г.	1,718,785 р.	423,739 —
— 1862—1864 —	1,376,161 —	353,955 —
— 1865—1866 —	1,765,970 —	453,310 —

Такимъ образомъ, правильный ввозъ полотенъ по введеніи тарифа 1857 г., увеличился слишкомъ вдвое и въ такой же соразмѣрности уменьшилась контрабанда, судя по конфискаціямъ этого товара. Затѣмъ привозъ полотенъ, хотя и уменьшился въ 1862 — 1864 г. наравнѣ съ другими иностранными товарами вообще, однако превышалъ привозъ 1851—53 г. на 80%, а увеличеніе пошлиннаго сбора составляло почти 55%. Нынѣ привозъ полотенъ превзошелъ даже привозъ 1859—61 г. Контрабандою же водворяются нынѣ почти исключительно только тѣ льняныя издѣлія, которыя обложены вѣсовою, а не цѣновною пошлиною.

Въ 1858—1860 г. цѣнность годового льно-пеньковаго производства въ Россіи простиралась до 135 мил. рублей, а съ тѣхъ поръ, по объявленію самихъ фабрикантовъ, именно съ 1863 г. число механическихъ веретенъ увеличилось съ 17,000 до 60,000, а выдѣлка механической льняной пряжи съ 200,000 до 700,000 пудовъ, такъ что въ

настоящее время все льно-пеньковое производство оцѣниваютъ въ 144 мил. рублей, тогда какъ всѣхъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, не исключая и батиста, у насъ невыдѣлываемаго, привозится изъ за границы на сумму около 2 мил. рублей, что̀ составляетъ менѣе 2% всего внутренняго производства, и что̀, очевидно, не можетъ быть признано стѣснительнымъ для нашей фабрикаціи.

Не смотря на столь краснорѣчивыя цифры, голосъ фабрикантовъ, очевидно, былъ услышанъ при установленіи пошлинъ на льняныя и пеньковыя издѣлія, ибо большая часть пошлинъ по этой категоріи не только не понижены, но нѣкоторыя пошлины даже и повышены. Такъ, на льняную пряжу вмѣсто 3 р. 30 к., положено 4 руб., на полотна вмѣсто 25 и 27½%, 30%, на грубыя льняныя ткани вмѣсто 11 к.,—15 к. съ фунта. Съ остальныхъ пошлинъ скинуты 10% надбавочные сборы, и лишь коломенка, платившая 71½—обложена 45 копѣйками.

Шелковой промышленности также посчастливилось въ новомъ тарифѣ, какъ и льняной, хотя, впрочемъ, она ограничена весьма небольшимъ райономъ и, по приблизительной оцѣнкѣ, достигаетъ не болѣе какъ 7½ мил. рублей. Шелководствомъ занимаются у насъ преимущественно на Кавказѣ, гдѣ добывается до 60,000 пуд. шелка сырца. Изъ нихъ до 30,000 отпускается за границу, а остальное количество перерабатывается на московскихъ фабрикахъ. Въ южной Россіи шелководство представляетъ лишь попытки къ водворенію его, и не имѣетъ того народнаго характера, которымъ оно отличается на Кавказѣ. Лучшій шелкъ у насъ на югѣ доставляютъ колонисты, но въ количествѣ, не превышающемъ 500 пуд. Шелка привозилось къ намъ въ послѣднее время отъ 500 до 1000 пуд. сырца, и отъ 5000 до 6000 пряденаго.

Производство шелковыхъ тканей сосредоточивается, преимущественно, въ Московской и Петербургской губерніяхъ, на Кавказѣ же шелкоткацкія заведенія имѣютъ болѣе ремесленный характеръ.

Въ послѣдніе годы шелковая фабрикація не только въ Россіи, но и за границей значительно упала, вслѣдствіе распространившейся повсюду болѣзни шелковичнаго червя и вздорожанія шелка сырца. Этимъ же объясняется и упадокъ привоза къ намъ шелковыхъ тканей. Составляя въ 1851—53 году 7645 пуд., цѣнностью въ 3,914,000 р., и доставляя 1,497,000 пошлиннаго сбора, онъ, послѣ тарифа 1857 г., возвысился въ 1859—61 г. до 10,623 пуд., цѣнностью въ 4.799,000 р., съ коихъ поступило 1.305,000 р. таможеннаго дохода, а затѣмъ упалъ до 6,700 пуд., не достигающихъ ни по цѣнности своей—3.360,000 руб., ни по таможенному доходу, около 800,000 р.,—тѣхъ цифръ, которыя представлялъ даже привозъ 1851—53 годовъ. Отчасти, конечно, на уменьшеніе привоза шелковыхъ издѣлій имѣло вліяніе общее сокращеніе потребленія предметовъ роскоши, вслѣдствіе временныхъ экономическихъ затрудненій зажиточныхъ землевладѣльцевъ.

Вліяніе тарифа 1857 года на сокращеніе внутренняго производства шелковыхъ тканей должно быть отвергнуто; этотъ тарифъ не уменьшилъ даже контрабанды.

Тѣмъ не менѣе, въ новомъ тарифѣ пошлины на шелкъ, сырецъ и шелковыя ткани измѣнены, отчасти, въ смыслѣ повышенія ихъ; принятая же въ новомъ тарифѣ классификація шелковыхъ товаровъ несравненно лучше прежней.

Пошлина на шелкъ сырецъ съ 44 коп. поднята на 50, а на шелкъ крученый съ 4 р. 40 и 4 р. 95 на 5 р. Затѣмъ всѣ матеріи и ленты раздѣлены на шелковыя и полушелковыя; первыя обложены 5-ю рублями съ фунта, послѣднія — 2 р. 20 к., вмѣсто прежнихъ 4 р. 40 к. 6 р. 60 к., 7 р. 70 к., 2 р. 20 к., 3 р. 30 к. Сита шелковыя, вмѣсто 11 копѣекъ съ фунта, обложены 5 рублями. Возвышеніе пошлины по нѣкоторымъ шелковымъ товарамъ есть очевидная уступка неблагопріятнымъ условіямъ, въ коихъ находится эта фабрикація отъ дороговизны своего первообразнаго матеріала.

Производство *шерстяныхъ издѣлій* составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи. Она не только удовлетворяетъ внутреннему потребленію, какъ частному, такъ и казенному, по обмундированіи арміи, но и доставляетъ издѣлія для сбыта за границу, преимущественно въ Азію. Фабрикація эта основывается, главнымъ образомъ, на переработкѣ туземнаго сырого матеріала, доставляемаго обширными стадами овецъ, разводимыхъ въ Россіи. Изъ-за границы привозится къ намъ самое ограниченное количество, отъ 10 т. до 30,000 пуд. высокихъ сортовъ шерсти сырца, и нѣкоторое количество пряжи изъ гребенной шерсти. Изъ $3\frac{1}{2}$ мил. пудовъ добываемой у насъ шерсти, мы отпускаемъ за границу около 1.300,000 пуд. въ годъ. Въ послѣднее время наши овцеводы были встревожены опасеніями, что развивающееся съ неимовѣрною быстротою австралійское овцеводство можетъ вытѣснить нашу шерсть съ иностранныхъ рынковъ и даже наводнить наши собственные. До сихъ поръ, однако, факты не подтверждаютъ вполнѣ этихъ опасеній; въ нынѣшнемъ году, какъ о чемъ-то особенномъ, писали и даже печатали телеграммы о появленіи на варшавскомъ рынкѣ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ австралійской шерсти. Дай Богъ, чтобы эти излишнія опасенія заставили нашихъ хозяевъ обратить большее вниманіе на улучшеніе своихъ стадъ и особенно на сортировку шерстей. Поэтому нельзя не порадоваться, что въ новомъ тарифѣ пошлина на шерсть сырецъ не повышена, и не запрещена къ привозу, какъ того домогались южные хозяева.

Всю шерстяную фабрикацію можно раздѣлить на три категоріи: на фабрикацію матерій валеныхъ или имѣющихъ ворсу, на фабрикацію матерій неваленыхъ или безворсныхъ, изъ гребенной шерсти, и на фабрикацію ковровъ.

Производство валеныхъ шерстяныхъ матерій занимаетъ въ Имперіи 397 фабрикъ и до 78,000 рабочихъ, а въ Царствѣ Польскомъ 2,398 станковъ и 6,046 рабочихъ. Общая же цѣнность этого производства составляетъ около 35 мил. руб. Фабрикація эта, безспорно, сдѣлала у насъ наибольшіе успѣхи, благодаря усовершенствованіямъ, которыя введены многими фабрикантами. На фабрикахъ остзейскихъ, гродненскихъ и польскихъ изготовляются самые высокіе сорты суконъ и трико отъ 4 р. аршинъ и выше; московскія же фабрики выдѣлываютъ преимущественно дешевый товаръ, 1 р. 75 до 3 руб. за аршинъ, товаръ, въ которомъ, при этихъ цѣнахъ, даже иностранныя фабрики не могутъ конкуррировать съ русскими сукнами.

Въ привозѣ шерстяныхъ валеныхъ матерій изъ-за границы замѣчается тоже явленіе, какъ и по другимъ мануфактурнымъ товарамъ. По введеніи тарифа 1857 г. послѣдовало въ 1859—61 г. увеличеніе привоза по количеству, на 55%, а по суммѣ пошлиннаго сбора только на 15% противъ 1851—53 г.; но въ 1862—64 г. привозъ сократился до прежняго размѣра, бывшаго при тарифѣ 1850 г., а доходъ уменьшился почти на 24%. Въ 1866 году привозъ превзошелъ привозъ 1859—61 г., а пошлинный сборъ почти приблизился къ цифрѣ сбора того же трехлѣтія и почти на 10% превзошелъ доходъ 1851—53 года.

Въ новомъ тарифѣ для сукна, полусукна, казимира и трико-казимира (satin de laine) пошлина понижена съ 1 р. 40 до 1 руб. 20 к. съ фунта; для бѣлой фланели, байковыхъ одѣялъ и шерстяныхъ попонъ съ 88 к. до 40 к., а для всѣхъ прочихъ съ 88 к. до 85 к.

Производство шерстяныхъ матерій неваленыхъ, изъ гребенной шерсти, занимаетъ 143 фабрики съ 15,000 рабочихъ и оцѣнивается въ 10 мил. рублей. Привозъ шерстяныхъ неваленыхъ матерій въ первые годы, послѣ введенія тарифа 1857 г., по количеству увеличился впятеро, по цѣнности удвоился, а пошлинный сборъ утроился. Послѣ временнаго уменьшенія количества привоза, хотя по цѣнности товара привозъ возрасталъ, въ 1866 г. онъ вновь достигнулъ размѣровъ болѣе благопріятныхъ, нежели въ 1859—61 г.

Вмѣсто двухъ категорій, бывшихъ по тарифу 1857 г., нынѣ установлено три категоріи для неваленыхъ шерстяныхъ матерій.

Имѣющія въ фунтѣ не болѣе 5 кв. арш. обложены вмѣсто 55 к.—50 к.

Имѣющія въ фунтѣ отъ 5 до 9 кв. арш. обложены вмѣсто 1 р. 32 к.—85 к.

Имѣющія болѣе 9 кв. арш. обложены вмѣсто 1 р. 32 к.—1 р. 10 к.

Для набивныхъ вмѣсто 77 к. и 1 р. 76 к. назначена надбавочная пошлина въ 30% съ предъидущихъ размѣровъ.

На ковры, производство коихъ въ Россіи еще весьма ограниченно и занимаетъ только 7 фабрикъ и 280 рабочихъ, пошлина въ новомъ

тарифѣ уменьшена съ 44 к. до 30 к. съ фунта, такъ какъ прежняя пошлина, составляя отъ 60 до 80% съ иностранныхъ ковровъ, поддерживала лишь дороговизну туземныхъ ковровъ и препятствовала большему ихъ распространенію. Возможность дешевой фабрикаціи у насъ ковровъ основывается на томъ, что всѣ матеріалы для этого у насъ подъ рукой и даже дешевле, чѣмъ за границей.

Хлопчато-бумажная фабрикація, съ 1822 года особенно внимательно поддерживаемая въ Россіи путемъ тарифной охраны, сдѣлала у насъ огромные успѣхи и, въ послѣднія 15 лѣтъ, почти утроилась по цѣнности своего производства. 35 бумагопрядиленъ занимаютъ нынѣ до 25,000 рабочаго народа. Около 2.200,000 пудовъ бумажной пряжи приготовляется этими заведеніями, доставляя матеріалъ для ткацкихъ издѣлій низкихъ и среднихъ сортовъ; лишь для тонкихъ бумажныхъ тканей, какъ жаконетъ и кисея, употребляется привозная бумажная пряжа. Привозъ бумажной пряжи къ намъ составлялъ:

Въ 1842—1844 г.	570,000 пуд.
— 1845—1847 —	469,825 —
— 1848—1850 —	248,568 —
— 1859—1861 —	115,000 —
— 1862—1864 —	62,000 —
— 1865—1866 —	90,000 —

За то привозъ хлопка для нашихъ бумагопрядиленъ быстро увеличивался: въ 1824—1834 г. его привозилось не болѣе 100,000 пудовъ; въ 1858—1860 г. привозъ составлялъ 2½ мил. пуд.—2,300,000 американскаго и до 200,000 азіатскаго, а въ 1866 году привезено 2,952,207 пудовъ.

Выдѣлка самыхъ простыхъ и дешевыхъ бумажныхъ издѣлій, назначаемыхъ въ краску или набивку, производится кустарнымъ способомъ крестьянами въ своихъ домахъ. Крестьяне сосѣднихъ съ Московскою губерній занимаются ткачествомъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время, получая матеріалъ отъ содержателей набивныхъ заведеній за самое умѣренное вознагражденіе. При такихъ условіяхъ машинное ткачество не можетъ еще развиться успѣшно въ Россіи. Самоткацкихъ станковъ числится на бумаго-прядильняхъ около 7,400, и кромѣ того до 3,000 на ткацкихъ, собственно, фабрикахъ.

Между бумажными издѣліями у насъ первое мѣсто занимаетъ миткаль. Машинный товаръ этого рода не уступаетъ англійскому и американскому и до хлопковаго кризиса продавался по 8 коп. аршинъ, ручные же миткали простые стоили отъ 5 до 7 к. аршинъ, а довольно хорошіе отъ 8 до 10 к. Стоимость нашихъ ситцевъ, набивныхъ издѣлій, соразмѣряется съ достоинствомъ товара. Дешевые ситцы продаются отъ 7 до 14 к. аршинъ, и набивка ихъ обходится отъ 2 до 2½ к., но и при этой дешевизнѣ наши ситцы дороже англійскихъ:

манчестерскіе ситцы, набитые даже шестью яркими красками, продаются по 7 и 8 к. аршинъ. Чѣмъ выше добротность нашихъ ситцевъ, тѣмъ дороже они сравнительно съ иностранными.

Привозъ къ намъ бумажныхъ издѣлій составлялъ:

	Количество пудовъ.	Цѣнность.	Пошлинный сборъ.
Въ 1851—53	23,437	1.381,672	534,032
» 1859—61	85,751	4,752,780	1,757,616
» 1862—64	34,615	2,175,470	768,102
» 1865	33,660	2,179,292	672,036
» 1866	42,709	2,679,802	846,861

Сравнивая два нормальныя трехлѣтія 1859—61 и 1851—53, мы видимъ, что привозъ бумажныхъ издѣлій, подъ вліяніемъ тарифа 1857 г. возросъ почти въ $3\frac{1}{2}$ раза, и почти въ такой же пропорціи увеличился пошлинный сборъ. Въ тоже время внутреннее производство бумажныхъ издѣлій увеличилось на 927,000 пудовъ, такъ что увеличеніе привоза иностранныхъ бумажныхъ издѣлій на 60,000 пудовъ составляло не болѣе $\frac{1}{15}$ того количества, на которое увеличилась наша внутренняя фабрикація.

По тарифу 1850 года, бумажныя ткани были раздѣлены, по размѣрамъ пошлинъ, на три категоріи, соотвѣтственно тонинѣ тканей, измѣряемой числомъ квадратныхъ аршинъ въ фунтѣ, а именно: а) на ткани до 10 кв. арш.; б) отъ 10 до $12\frac{1}{2}$, и в) свыше $12\frac{1}{2}$ кв. арш. въ фунтѣ. Каждая изъ этихъ категорій, по размѣрамъ пошлинъ, распадалась еще на три разряда: на ткани одноцвѣтныя, на ткани пестрыя, и на ткани печатныя или набивныя.

По тарифу 1857 г., въ видахъ облегченія таможеннаго досмотра, число категорій по тонинѣ тканей сокращено до двухъ а именно: имѣющія до 15 кв. арш. въ фунтѣ названы плотными, а имѣющія болѣе 15 кв. арш. легкими, съ подраздѣленіемъ той и другой категоріи, по роду отдѣлки тканей, на два разряда: а) ненабивныя; и б) набивныя и вышитыя. Кромѣ того, для противодѣйствія контрабандѣ, по сухопутной границѣ пошлины были еще уменьшены, сравнительно съ морскимъ привозомъ. Мы видѣли впрочемъ, что, не смотря на все это самая значительная контрабанда у насъ производится бумажными издѣліями, по причинѣ слишкомъ высокаго еще ихъ обложенія.

По новому тарифу, пошлина на бумагу пряденую понижена съ 3 р. 85 к. до 3 р., а на крашеную съ 5 р. 50 к. до 4 р. Затѣмъ для бумажныхъ тканей принято дѣленіе ихъ на четыре категоріи, смотря по содержанію въ фунтѣ: до 8 кв. арш., отъ 8 до 12; отъ 12 до 16 и болѣе 16. Вмѣсто двухъ окладовъ пошлины, по тарифу 1857—$38\frac{1}{2}$ к. и 1 р. 10 к. для ненабивныхъ—являются теперь четыре оклада: 28 к., 38 к., 50 к. и 1 р. 10 к.; для набивныхъ же, вмѣсто $71\frac{1}{2}$ к. и 1 р. 54 к. назначены слѣдующіе оклады: 50 к., 60 к., 75 к. и 1 р. 20 к.

Слѣдовательно, для большей части товаровъ этого рода будетъ скорѣе повышеніе, нежели пониженіе.

На тюль и кружева, вмѣсто прежней однообразной пошлины въ 4 р. 40 к. съ фунта, назначены нынѣ три оклада пошлинъ, а именно для мебельнаго тюля (антигри) и занавѣсокъ—40 к. съ фунта, для всякаго другого тюля 2 р.; для кружевъ 3 р. съ фунта.

Роспись отпускныхъ товаровъ осталась почти безъ измѣненія, исключая пониженія пошлины съ 60 к. до 45 к. съ пуда для тряпья по балтійскимъ и бѣломорскимъ портамъ, и обложенія галмея, или цинковой руды пошлиной въ $2^1/_2$ к. съ пуда.

По разсмотрѣніи важнѣйшихъ статей новаго тарифа, намъ остается подвести общій итогъ нашимъ частнымъ выводамъ по отдѣльнымъ категоріямъ товаровъ и сдѣлать общее заключеніе.

Въ новомъ тарифѣ понижены довольно значительно пошлины съ жизненныхъ припасовъ, металловъ не въ дѣлѣ, съ хрустальныхъ, стеклянныхъ, зеркальныхъ, фарфоровыхъ, металлическихъ, каучуковыхъ и шерстяныхъ издѣлій; понижены, но довольно слабо, пошлины съ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, но за то возвышены пошлины на нѣкоторые изъ сихъ матеріаловъ, а также на нѣкоторые сорты льняныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ товаровъ, и наложены вновь пошлины на нѣкоторыя машины и орудія. Такимъ образомъ, новый тарифъ не является, конечно, неуклоннымъ продолженіемъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ; ибо, представляя пониженіе для большей части товаровъ, онъ не оставляетъ прочихъ при statu quo, при пошлинахъ, къ которымъ промышленность должна бы была привыкнуть въ теченіе 10 лѣтъ. Но онъ дѣлаетъ шагъ назадъ, усиливая тарифное охраненіе для нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ товаровъ. Нельзя не признать, что это, конечно, уступка, сдѣланная настояніямъ промышленнаго сословія, уступка, проистекающая, какъ намъ кажется, изъ того, что въ рѣшеніи тарифнаго вопроса представителямъ промышленности былъ данъ голосъ не совѣщательный, а рѣшительный. Такой порядокъ, не соблюдаемый ни въ одной странѣ, и у насъ былъ новостію. Но, вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, едва ли можно думать, что промышленное сословіе можетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ новымъ тарифомъ. Судя по тѣмъ основаніямъ раціональнаго тарифа, которыя проповѣдуются нашими протекціонистами, и по тѣмъ образчикамъ этого тарифа, которыя сдѣлались извѣстны, едва ли можно думать, что нѣкоторое, впрочемъ, весьма ограниченное повышеніе на нѣкоторые иностранные матеріалы и издѣлія, а тѣмъ менѣе допущенныя въ тарифѣ пониженія могутъ удовлетворить нашихъ фабрикантовъ. Но неужели опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ и наши

успѣхи въ промышленности, послѣ тарифа 1857, недостаточны, чтобы разубѣдить общественное мнѣніе, что умѣренное и осторожное пониженіе пошлинъ, какимъ является и нынѣшнее, не можетъ подорвать нашей промышленности, а можетъ пойти ей лишь на пользу?!

Впрочемъ, для человѣка безпристрастнаго, понимающаго, при какихъ обстоятельствахъ пересматривался нынѣ тарифъ 1857 г. и подъ какимъ напоромъ протекціонистскаго движенія производились всѣ тарифныя работы, будетъ понятно, что и то, что́ сдѣлано въ нашемъ тарифѣ, составляетъ нѣкоторое завоеваніе для нашей внѣшней торговли, для милліоновъ потребителей русскаго народа и для самой промышленности. Требовать бо́льшаго едва-ли было возможно, при настоящемъ уровнѣ развитія экономическихъ идей въ нашемъ обществѣ, и при соотвѣтствующей тому оппозиціи такъ-называемыхъ защитниковъ покровительственной системы. Исключеній было не много, или лучше сказать, одно. Только одно отдѣленіе Одесскаго Коммерческаго Совѣта взглянуло иначе на вопросъ о тарифѣ. Въ своемъ отвѣтѣ, оно выразилось положительно, что нашъ покровительственный тарифъ, давая поводъ къ развитію контрабанды и не увеличивая финансовыхъ средствъ правительства, идетъ въ разрѣзъ съ народными интересами, облагая всѣхъ жителей имперіи огромными налогами въ исключительную пользу нѣсколькихъ промышленниковъ. Находя, что Россія принесла уже достаточно жертвъ для искусственнаго поддержанія своей фабричной и заводской промышленности, Одесское отдѣленіе полагаетъ, что торговая политика Россіи не можетъ долѣе оставаться изолированною и во всякомъ случаѣ, въ интересахъ своей промышленности и торговли, должна послѣдовать разумному экономическому прогрессу, сдѣлавъ радикальныя измѣненія въ тарифѣ и таможенныхъ постановленіяхъ. Но для извлеченія всей пользы, ожидаемой отъ введенія либеральной тарифной системы, Одесское отдѣленіе считаетъ прежде необходимымъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ отъ центра имперіи и хлѣбородныхъ мѣстностей къ главнымъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, улучшить рѣчные пути и исправить главные порты посредствомъ возведенія удобныхъ гидротехническихъ сооруженій. Результатомъ таможенной реформы при такихъ условіяхъ, будетъ, по мнѣнію Одесскаго отдѣленія, такой вывозъ естественно-русскихъ произведеній южной Россіи, который уравновѣситъ какой бы то ни было привозъ иностранныхъ товаровъ, и слѣдовательно возстановленіе торговаго баланса.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го сентября, 1868.

Кто читалъ «Мертвыя души» Гоголя (а кто же ихъ не читалъ) тотъ знаетъ, что эпитетъ: «историческій» въ примѣненіи къ извѣстнымъ личностямъ, какъ наприм. Ноздревъ, имѣетъ не совсѣмъ завидное значеніе. Мы вспомнили это невольно, когда въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» встрѣтили цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Университетская исторія». Это не исторія московскаго университета; совсѣмъ нѣтъ! Это — исторія, сдѣланная московскимъ университетомъ, исторія, которая не дѣлаетъ однако своихъ авторовъ «историческими» въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Мы не коснулись бы этого предмета, совершенно исчерпаннаго въ отношеніи своихъ подробностей, еслибы не видѣли себя вынужденными согласиться съ авторомъ «Университетской исторіи», что «въ общественномъ быту нѣтъ предмета, который не могъ бы вести къ заключеніямъ болѣе или менѣе интереснымъ и полезнымъ». На этихъ-то заключеніяхъ мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ ограничился одними обѣщаніями привести насъ къ «интереснымъ и полезнымъ заключеніямъ», а на дѣлѣ старался доказать правоту однихъ и «вопіющія» несправедливости другихъ, между тѣмъ какъ для публики совершенно безразлична утонченная полемика партій. Тутъ важенъ вопросъ изъ нашей общественной патологіи: какимъ образомъ расширеніе правъ университетскаго совѣта новымъ Уставомъ, болѣе раціональное опредѣленіе отношеній членовъ совѣта между собою и къ административнымъ властямъ, однимъ словомъ, автономія университетовъ дала такіе жалкіе плоды и даже вызвала печальныя наклонности къ «исторической» славѣ? Есть опасность — напасть на правильную, повидимому, мысль, что если у насъ автономія даже и такой корпораціи, которая должна состоять изъ высшей интеллигенціи страны, приводитъ къ однимъ «наговорамъ и сплетнямъ» — то чего же ожидать отъ автономіи въ другихъ корпораціяхъ болѣе обширныхъ и не составленныхъ такъ роскошно, какъ можетъ составляться совѣтъ уни-

верситета — этотъ сенатъ, какъ его называютъ и теперь въ Германіи? Есть еще и другой вопросъ: справедливъ ли авторъ той «Университетской исторіи», проповѣдуя безусловную пользу автономіи; извѣстно, что и іезуиты всегда проповѣдуютъ безусловную свободу религіи, въ той увѣренности, что съ ними никто не въ состояніи соперничать; не могутъ ли имѣть иногда подобныхъ соображеній иные защитники автономіи?

Все это несравненно болѣе интересно, чѣмъ вопросъ: кто былъ правъ въ университетской исторіи, и былъ ли такой-то профессоръ вѣжливъ въ своихъ выраженіяхъ и т. п. Публика знаетъ одно, что московскому университету угрожала опасность, и отчасти исполнилась—потерять лучшихъ своихъ профессоровъ, служившихъ ему украшеніемъ, и ни въ какомъ случаѣ эта публика не отнесется сочувственно къ тѣмъ, которые такъ или иначе послужили къ тому поводомъ, думая, что для общества число несравненно важнѣе—качества. Точно также публику мудрено убѣдить, что несравненно лучше, чтобы совѣтъ избралъ плохого профессора, нежели министерство назначило хорошаго, но забаллотированнаго совѣтомъ. А именно это и случилось недавно въ московскомъ университетѣ, для довершенія удара его автономіи. Авторъ «Университетской исторіи» хочетъ заманить публику на извѣстное выраженіе древней юриспруденціи: «Fiat justitia, pereat mundus»! — что значило бы въ настоящемъ случаѣ: «да процвѣтаетъ автономія совѣта, а объ университетѣ намъ дѣла мало!» Но на всякую пословицу есть пословица, и пожалуй кто-нибудь припомнитъ, что—«Maximum jus summa injuria»!

«Совѣтъ университета — разсуждаетъ нашъ авторъ — можетъ избрать не совсѣмъ достойнаго и не избрать достойнаго; но если ему предоставлена нѣкоторая доля самостоятельности, то съ тѣмъ вмѣстѣ, въ извѣстной мѣрѣ, должно быть предоставлено его собственному опыту убѣждаться въ своихъ ошибкахъ и исправлять ихъ (замѣтимъ мимоходомъ, что въ настоящемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ выбора недостойнаго, исправленіе такой ошибки можетъ воспослѣдовать черезъ 25 лѣтъ, да и то не всегда бываетъ возможно, какъ мы видѣли именно въ этой же самой университетской исторіи, гдѣ шло дѣло объ удержаніи прежнихъ членовъ на новое четвертьстолѣтіе). Развѣ административныя лица, облеченныя властью назначать людей на разныя должности и посылать ихъ по службѣ, обезпечены отъ всякихъ ошибокъ? Развѣ министры и губернаторы всегда назначаютъ или повышаютъ самыхъ достойныхъ»? Совершенно справедливо; хотя вредъ отъ назначенія профессора недостойнаго, даже и избраннаго совѣтомъ, несравненно сильнѣе уже и потому, что такой профессоръ—не чиновникъ, и его нельзя совѣту смѣнить, какъ губернаторъ можетъ распорядиться въ случаѣ ошибочнаго назначенія. Не въ этомъ однако дѣло: мы осуждаемъ

вмѣстѣ съ авторомъ всякое вмѣшательство администраціи въ автономію кого бы то ни было, не основанное на законѣ; но каковъ долженъ быть преобладающій духъ того учрежденія, которое своимъ образомъ дѣйствій вполнѣ оправдываетъ вмѣшательство администраціи въ свою автономію, даетъ ей къ тому законный поводъ, и возбуждаетъ въ обществѣ одобреніе къ такому вмѣшательству, потому что тотъ «молодой доцентъ, недавно возвратившійся изъ-за границы» и забаллотированный совѣтомъ, успѣлъ составить себѣ имя, лучшее многихъ, давно возвратившихся изъ-за границы и благополучно выбаллотированныхъ во время о́но! «Какую же мораль приходится извлечь изъ этой длинной и жалкой исторіи»? — восклицаетъ авторъ.

Во всякомъ случаѣ, далеко не ту, которая извлечена въ статьѣ. Авторъ не останавливается даже на мысли, что вообще всякое вмѣшательство администраціи въ автономію вредно, и настаиваетъ только на томъ, что въ данномъ случаѣ оно было неодобрительно, потому что «дѣйствовало на основаніи невѣрныхъ и недостаточныхъ свѣдѣній»; но публика уже знаетъ цѣну подобныхъ доводовъ: не то худо, что начальство вмѣшалось, а то худо, что оно не къ намъ-молъ обратилось за свѣдѣніями, и вообще рѣшило дѣло не въ нашу пользу! Результатъ слишкомъ ничтожный для того, чтобы взяться за перо для начертанія университетской исторіи, «длинной и жалкой».

Между тѣмъ, въ этой исторіи, какова бы она ни была, нашла себѣ новое подтвержденіе древняя истина, что «хорошіе нравы лучше хорошихъ законовъ». Другое заключеніе—не менѣе интересно: обыкновенно, когда дѣло идетъ о какихъ-нибудь улучшеніяхъ въ нашемъ государственномъ бытѣ, то часто повторяютъ: «да, все это хорошо, но общество наше еще не дозрѣло». Какой же наибольшей зрѣлости можно ожидать отъ общества, по сравненію, напримѣръ, съ зрѣлостью членовъ университетской корпораціи. Когда же можно дождаться, чтобы все населеніе Россіи было такъ высоко развито и политически образовано, какъ члены совѣта московскаго университета? Между тѣмъ, что же?! Мы видимъ, что крестьянская реформа, судебная реформа, земскія учрежденія, не привели къ той междоусобицѣ членовъ колоссальной семьи, называемой Россіей, и которая обнаружилась въ корпораціи московскаго университета. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что всякое общество, не утратившее простого здраваго смысла и пониманія своихъ интересовъ, не можетъ быть названо незрѣлымъ для реформъ, и что, къ сожалѣнію, бываютъ случаи, когда, при самомъ высокомъ умственномъ развитіи, люди до того утратили «добрые нравы», что для автономіи они оказываются менѣе зрѣлы, чѣмъ нашъ простолюдинъ. Вотъ чему поучаетъ насъ «длинная и жалкая» университетская исторія въ Москвѣ.

Н. И. Тургеневъ, авторъ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюры: «Чего желать для Россіи? — могъ бы хорошо воспользоваться этою университетскою исторіею, какъ новымъ доводомъ въ пользу своихъ соображеній. Его, именно, занимаетъ вопросъ: можно-ли Россіи желать одинаковаго широкаго гражданскаго и политическаго развитія со всѣми остальными западными государствами? Нельзя не согласиться съ авторомъ, что «въ подобномъ желаніи не слѣдуетъ искать богохульства, если никто не считаетъ безнравственнымъ обращаться даже къ Творцу неба и земли съ молитвами о спасеніи въ опасностяхъ, естественно постигающихъ или ихъ самихъ или ихъ ближнихъ, съ молитвами *о благораствореніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ;* никто, конечно, въ такой молитвѣ не видитъ покушенія на неограниченную волю Творца». Дѣйствительно, авторъ остается во всемъ своемъ изслѣдованіи вѣрнымъ себѣ, ссылаясь справедливо на то, что желательное для Россіи въ будущемъ—будетъ и должно истекать изъ того же высокаго источника, изъ котораго мы недавно уже получили многое, что̀ такъ давно было желательно для Россіи.

«Скажемъ—повторяетъ авторъ—еще разъ: на самодержавіе мы не посягаемъ. И не намъ посягать на него, не намъ, которые нѣкогда (еще въ 1817 г., въ своемъ сочиненіи: «Опытъ теоріи налоговъ») видѣли въ немъ якорь спасенія для Россіи; ибо оно, одно, могло уничтожить рабство, — и нашъ взглядъ былъ не ошибоченъ. Даже и теперь мы обращаемъ всѣ наши желанія и надежды къ тому же самодержавію. Но мы возстаемъ противъ язвъ, коихъ самодержавіе излечить не въ силахъ. И если при такомъ государѣ, каковымъ былъ Александръ I, соединявшій въ себѣ лучшія качества человѣка и императора, были возможны военныя поселенія; то кто можетъ заснуть спокойно, съ увѣренностію, что во имя его не совершается самыхъ горестныхъ и ужасныхъ дѣлъ? Мы возстаемъ противъ этихъ золъ такъ, какъ возставалъ Карамзинъ, сожалѣя при томъ, что мы лишены того великаго таланта и того авторитета, которые имѣлъ этотъ геніяльный и вмѣстѣ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Только Карамзинъ, признавая зло, искалъ излеченія не въ тѣхъ средствахъ, въ какихъ мы его ищемъ. Онъ, съ чистѣйшими намѣреніями и полною искренностью, находилъ средства исцѣленія, или, по крайней мѣрѣ, великаго исправленія, въ избраніи, прежде всего, четырехъ вполнѣ честныхъ и притомъ образованныхъ людей. Всякій согласится — говорилъ онъ — что найти этихъ четырехъ людей не трудно. Эти четыре человѣка должны избрать, каждый, опять четырехъ человѣкъ, такихъ же честныхъ и просвѣщенныхъ и т. д. — дотолѣ, пока всѣ мѣста въ имперіи будутъ заняты самыми лучшими людьми. Предложенное кѣмъ-либо другимъ, такое средство позволило бы сомнѣваться въ искренности совѣта. Карамзину всѣ знавшіе его вѣрили безусловно. Такія мнѣнія и совѣты

покажутся еще болѣе странными, неизъяснимыми, когда мы вспомнимъ, что Карамзинъ былъ истинно либеральнымъ человѣкомъ, въ лучшемъ смыслѣ сего слова, и что въ порывахъ его благородной души ко благу людей, къ свободѣ человѣческой, онъ иногда восклицалъ: «Я?—я въ душѣ республиканецъ! но Россія, дабы быть великою и сильною, такъ чтобы ее боялись другіе народы, Россія должна сохранить самодержавіе.» Карамзинъ не дожилъ до крымской войны... Онъ не дожилъ и до 19-го февраля 1861 года, но, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не знать и не видѣть, что есть на свѣтѣ великія и свободныя государства, въ коихъ народъ живетъ въ полной гражданской и политической свободѣ. Если, къ сожалѣнію, и такихъ государствъ иногда боятся, то ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважаютъ, удивляются и завидуютъ имъ. Уваженіе, во всякомъ случаѣ, лучше боязни.»

Взгляды Карамзина—впрочемъ съ этимъ согласенъ и Н. И. Тургеневъ — вытекали правильно изъ современнаго ему общественнаго положенія Россіи: могъ ли онъ думать о повышеніи и дальнѣйшемъ развитіи политическаго смысла націи, при милліонахъ крѣпостныхъ, при отсутствіи равенства предъ закономъ? Настолько онъ зналъ исторію, чтобы понимать, какъ печальны результаты той политической жизни народа, которая развилась въ пользу одного сословія и на счетъ другихъ. Но почтенный авторъ, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы, отдавая всю справедливость его великодушнымъ намѣреніямъ, не остановимся долѣе на содержаніи его брошюры; притомъ, весьма часто, правильное рѣшеніе вѣковыхъ и даже годовыхъ задачъ, зависитъ отъ правильнаго и честнаго разрѣшенія небольшихъ задачъ каждаго дня, съ которыми прежде всего приходится намъ имѣть дѣло въ нашей хроникѣ.

На нижегородской ярмаркѣ оказалось изобиліе товаровъ и относительно слабый спросъ. Это совершенно естественно, въ особенности по отношенію къ товарамъ мануфактурнымъ. Экономическое положеніе огромнаго большинства русскаго народа еще таково, что сбытъ даже самыхъ дешевыхъ сортовъ товаровъ, служащихъ для удовлетворенія самыхъ первобытныхъ потребностей, и тотъ совершенно подчиненъ результатамъ жатвы. Прошлогодній голодъ, или какъ его для благозвучія называли — «недостатокъ хлѣба», показалъ, что наше сельское населеніе даже въ губерніяхъ не самыхъ бѣдныхъ живетъ положительно «изо дня въ день». Хлѣбные запасы или денежныя сбереженія составляютъ исключеніе. Да и откуда имъ было взяться? Вслучаѣ неурожая гдѣ уже крестьянину покупать мануфактурныя издѣлія; онъ благодаритъ Бога и за тѣ лохмотья, какія остались при немъ. «Движимое имущество поселянъ, какъ-то: свиты, тулупы, халаты, сукно и

проч., пишетъ одинъ корреспондентъ, или продано или заложено евреямъ, часть скота также продана» [1]), вотъ что оказывается въ иныхъ мѣстахъ.

Послѣдствія прошлогодняго бѣдствія едва-ли исчезнутъ втеченіи предстоящаго года. Сельское, земледѣльческое дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ — трудно поправимое. Это зависитъ и отъ медленности процесса этого рода производительности, и отъ той неразрывной связи, которая соединяетъ всѣ ея элементы: скотъ и поле, прошлую жатву съ нынѣшнимъ удобреніемъ и посѣвомъ и т. д.

Результаты нынѣшней жатвы, сами по себѣ, не очень утѣшительны. Сѣверныя губерніи пострадали отъ засухи, что особенно отразится на скотѣ — по недостатку овса и сѣна, а нѣкоторыя изъ южныхъ—отъ дождей. Въ средней полосѣ и части южной не было неурожая, но результаты все-таки посредственные [2]). Этотъ фактъ, являясь за прошлогоднимъ, получаетъ такое первостепенное значеніе, что на него заранѣе слѣдовало бы сосредоточить возможныя усилія всего государства, дать ему первое мѣсто въ нашей «политикѣ». Въ виду этого истинно-бѣдственнаго положенія, какое ждетъ нѣкоторыя мѣстности зимою, невольно припоминается фактъ, что нашъ бюджетъ расходовъ— превосходитъ бюджеты всѣхъ государствъ, кромѣ одной Франціи, а при такихъ условіяхъ производительности и сбыта, при безденежности нашихъ селъ представляетъ тягость весьма чувствительную. Нѣтъ сомнѣнія, что нашему крестьянину трудно уплатить приходящіеся на душу десять, пятнадцать рублей, а если онъ и уплачиваетъ ихъ, то немудрено, что сбереженій у него образоваться не можетъ.

На это у нѣкоторыхъ господъ всегда готовъ отвѣтъ, что сколько бы у русскаго крестьянина ни было денегъ, сбереженій у него все-таки не будетъ потому, что тяжеле государственнаго бюджета—«бюджетъ нашего пьянства». Къ сожалѣнію, оба эти, столь противорѣчащіе по цѣли «бюджета», въ самомъ дѣлѣ солидарны, тѣмъ, что при существующей у насъ системѣ податей, питейный сборъ составляетъ главный въ ряду государственныхъ доходовъ.

Въ образованномъ сословіи не мало людей, которые всю неудовлетворительность экономическаго положенія нашего сельскаго народа объясняютъ пьянствомъ. Есть даже въ печати органы, которые съ особенною энергіею провозглашаютъ, что пьянство годъ отъ году усиливается и что народное хозяйство идетъ къ полному упадку именно подъ вліяніемъ пьянства. Этотъ вопросъ не разъ уже служилъ пред-

---

[1]) Могилевскій корр. газеты «Москва» (№ 105-й). Онъ прибавляетъ, что въ настоящее время нельзя думать о выкупѣ этихъ закладовъ, и они, по всей вѣроятности, такъ и пропадутъ для крестьянъ.

[2]) За исключеніемъ Саратовской полосы.

метомъ газетной полемики. Но полемика ничего не выяснила, потому именно, что экономическіе вопросы не могутъ быть съ успѣхомъ выясняемы на почвѣ *политической*, съ политическими «задними мыслями». Рѣшеніе даже политическихъ вопросовъ съ наибольшею пользою для государства можетъ быть достигаемо именно при экономической ихъ постановкѣ. Но поступать совсѣмъ на оборотъ, вопросы народнаго хозяйства, народной нравственности, общественнаго быта, разработывать съ цѣлями политическими, значитъ просто эксплуатировать первые и на мѣсто серьёзнаго изслѣдованія ставить безплодную, и апріорическую аргументацію.

Извѣстно, съ какою цѣлью раздаются сѣтованія въ печати надъ народнымъ пьянствомъ и объясняются имъ всѣ недостатки нашего хозяйства. Это—послѣдній, ретроспективный аргументъ въ пользу крѣпостного права или предоставленія сельской полиціи въ руки помѣщиковъ. Такая аргументація излишня потому, что осуществленіе ея цѣли невозможно. Есть такія условія быта, чрезъ которыя общество проходитъ, въ своемъ историческомъ развитіи, какъ путникъ проходитъ чрезъ болота, но къ которымъ общество *не возвращается*. Опека одного сословія надъ другимъ—это въ нашемъ историческомъ развитіи уже—überwundener Standpunkt. Даже для политической цѣли, напримѣръ, для поддержанія консервативныхъ элементовъ, такой поворотъ назадъ—не нуженъ и невозможенъ потому, что тѣ консерваторы, которые хлопочутъ собственно объ охраненіи принципа авторитета или власти, а не о блесткахъ аристократизма или спеціальныхъ выгодахъ одного сословія,—имѣли достаточно времени и причинъ, чтобы примириться съ мыслью о «демократической» Россіи, и могутъ на нее положиться лучше, чѣмъ на кого-либо.

Но въ полемикѣ съ проповѣдниками привилегій и сословной опеки, по вопросу о народномъ хозяйствѣ, и противная сторона оставалась доселѣ тоже на политической почвѣ; на обвиненія народа въ пьянствѣ, она отвѣчала или безусловнымъ отрицаніемъ самого этого факта, съ тою только цѣлью, чтобы опровергнуть необходимость сословной опеки, или обвиняла помѣщиковъ въ томъ, что они сами пользовались развращеніемъ народа, или наконецъ, доказывала, что если народъ и пьетъ «нераціонально», то дѣлаетъ это потому только, что общее экономическое положеніе его неудовлетворительно, что ему нѣтъ исхода, не предвидится улучшенія быта и т. д. Такимъ образомъ, защитники нравственности народной, оставаясь на политической почвѣ, а потому ведя свою защиту безусловно, приводили вопросъ о пьянствѣ къ тому, что «чѣмъ меньше людямъ ѣсть, тѣмъ больше они пьютъ».

Мысль эта остроумна, и такъ, какъ примѣровъ, что человѣкъ пьетъ съ горя—не мало, то мысль эта многимъ могла показаться убѣдитель-

ною. Но, въ сущности, она — не больше какъ умозрѣніе, умозрѣніе произвольное, вызванное ложною политическою потребностью, во что бы то ни стало защитить народъ отъ обвиненія. Если бы было справедливо, что народъ пьетъ тѣмъ больше, чѣмъ у него меньше денегъ, то въ неурожайные годы потребленіе вина было бы сильнѣе, чѣмъ въ годы неурожайные. Между тѣмъ, колебанія въ питейномъ сборѣ у насъ вовсе не совпадаютъ съ колебаніями урожаевъ.

Питейный сборъ (разумѣя акцизный и патентный вмѣстѣ) съ 1863 года (первый годъ дѣйствія новой акцизной системы) колебался между цифрами 108 и 133 милл. рублей. Сборъ этотъ на 1868 годъ по смѣтѣ предположенъ почти въ 128½ милл. р., что̀ представило бы самую высшую цифру со времени введенія акцизной системы, за исключеніемъ одного 1865 года. Но слѣдуетъ ли думать, что, предполагая такую возвышенную цифру, министерство финансовъ разсчитывало именно на прошлогодній неурожай, основываясь на томъ мнѣніи, которое утверждаетъ, что народъ пьетъ отъ нужды и, что чѣмъ меньше ему ѣсть, тѣмъ больше онъ пьетъ? Конечно, нѣтъ. Въ смѣтѣ именно сказано, что возвышеніе питейнаго сбора ожидается просто вслѣдствіе ограниченія безпошлиннаго перекура и увеличенія цѣны нѣкоторыхъ патентовъ. Намъ кажется даже едва-ли подлежащимъ сомнѣнію, что въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію смѣты 1867 года найдется въ питейномъ сборѣ недоборъ болѣе значительный, чѣмъ тотъ, который показанъ въ отчетѣ контроля за 1866 годъ (3 милл. руб.), и что недоборъ этотъ будетъ прямо зависѣть отъ голода.

Защитники народа имѣютъ цѣль, которой нельзя не сочувствовать. Они стараются опровергнуть то толкованіе, которымъ и пьянство, и неурожаи, и убійства, и пожары, и едва-ли не наводненія и градобитія представляются какъ аргументы противъ освобожденія народа отъ крѣпостныхъ узъ, какъ аргументы въ пользу возстановленія чего-нибудь въ родѣ этихъ узъ. Пріемъ этихъ обвинителей тотъ же, какой употреблялся «доносчиками съ политической цѣлью». Эти господа доносятъ на русскій народъ, для того, чтобы ему снова закрутили руки назадъ. Защитники русскаго народа руководятся цѣлью благонамѣренною, но они заходятъ слишкомъ далеко. Тотъ лагерь, съ которымъ они борятся, слишкомъ безсиленъ, и замышляемое имъ дѣло, повторяемъ, совсѣмъ невозможное. Итакъ, сто́итъ-ли напрягать всѣ усилія, чтобы бороться съ нимъ, чтобы предотвратить то, что́ ни въ какомъ случаѣ осуществиться не можетъ?

Конечно, не сто́итъ. Нельзя не замѣтить еще, что относясь къ вопросу о распространеніи пьянства съ пріемами адвокатовъ-защитниковъ во что̀ бы то ни стало, мы нисколько не уяснимъ вопроса, а напротивъ, запутаемъ его еще болѣе. Политическому намѣренію, вовсе ненужному, мы принесемъ въ жертву правду, которая можетъ быть

уяснена только при хладнокровномъ, безтенденціозномъ обсужденіи этого вопроса, при постановкѣ нравственно-экономической. Въ послѣднія лѣтъ пять у насъ снова богато зацвѣли въ печати двѣ системы политическихъ доносовъ и самообожанія, самовосхваленія. Въ настоящемъ случаѣ, обвинители народа взялись за первую систему; неужели же друзья народа непремѣнно должны впадать въ послѣднюю?

Можно бы представить забавный отчетъ изъ наблюденій за всѣми пріемами «вѣжливыхъ» друзей народа въ этомъ случаѣ: одни совсѣмъ отрицаютъ, что пьянство усилилось, другіе говорятъ, что народъ много пьетъ только оттого, что питается растительною пищею (!), третьи, что народъ пьетъ оттого, что пищи у него вообще мало, а налоги высоки. Всѣ защитники этого рода берутъ на себя утверждать, что постоянное, но умѣренное потребленіе водки «особенно въ сѣверномъ климатѣ» полезно для организма [1]). Всѣ эти аргументы — чисто-адвокатскія натяжки, вызванныя единственно политическою цѣлью разсужденія. Ихъ не подкрѣпляютъ никакими статистическими данными потому, что данныхъ въ пользу такихъ «маниловскихъ» соображеній можно бы отыскать только въ «маниловской» же статистикѣ. А какъ статистика съ «маниловщиною» ничего общаго не имѣетъ, то данныхъ и нѣтъ.

Относясь къ этому вопросу безъ задней мысли и видя въ немъ чрезвычайно важный, но исключительно нравственно-экономическій вопросъ, мы должны начать съ признанія, что пьянство въ народѣ развилось въ обширныхъ размѣрахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнный фактъ: если въ послѣдній годъ откупа питейный сборъ составилъ 123 милл. рублей, а нынѣ онъ составляетъ 124—128 милліоновъ, при громадномъ пониженіи цѣнъ на вино, то откуда же берется эта почти равная прежней цифра, какъ не изъ распространенія пьянства? Вѣдь теперь казна получаетъ не болѣе половины продажной цѣны вина, а цѣна эта чрезвычайно понизилась и все-таки доходъ остался тотъ же. Намъ скажутъ, пожалуй, что теперь часть выгодъ самихъ откупщиковъ поступаетъ въ казну, но можно-ли допустить, чтобы весь нынѣшній, громадный, кабачный персоналъ поглощалъ менѣе, чѣмъ прежніе откупщики?

Размноженіе кабаковъ свидѣтельствуетъ, что не только потребленіе вина, но именно пьянство усилилось въ значительной степени. Закрывать глаза предъ этимъ фактомъ не только безполезно, а рѣшительно вредно. Мнѣніе, что народъ пьетъ оттого, что у него денегъ мало—совершенно несостоятельно. Напротивъ, вездѣ гдѣ заработки выше, больше и пьянства, въ городахъ пьютъ болѣе чѣмъ въ се-

[1]) Любопытно было бы видѣть подпись физиката подъ этимъ мнѣніемъ о полезности постояннаго употребленія возбуждающаго, т. е. лекарственнаго средства.

такой богатой литературѣ, какъ литература о Турціи, восточномъ вопросѣ и проч. Авторъ, напримѣръ, напрасно думаетъ, что никто еще не касался вопроса объ отношеніяхъ между низшимъ, національнымъ духовенствомъ и высшимъ, фанаріотскимъ, въ Болгаріи. Мало того: хотя «изъ всего до днесь писаннаго видно неточное познаніе края и его обитателей» и хотя «публицисты западной Европы мало, а иногда и вовсе не знакомы съ христіанскими областями Балканскаго полуострова»,—однако утѣшительно видѣть, что хотя тотъ же Сипріенъ Роберъ, причисленный авторомъ къ «идеологамъ» составляетъ исключеніе, такъ какъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей своей книжки, именно очеркъ прежнихъ возстаній болгаръ, г. Липранди почти буквально взялъ у Сипріена Робера, не считая даже нужнымъ оговорить это позаимствованіе.

А. Большаковъ. Романъ въ двухъ частяхъ *Н. Д. Кошкарова*, 173 стр. Цѣна 1 р.

Это одно изъ разсужденій, написанныхъ на тему: какъ можетъ русскій человѣкъ быть дѣльнымъ человѣкомъ, и вмѣстѣ «украсить свою жизнь». Цѣль тутъ, какъ видите, дѣльная, даже дѣловая, и еслибы все сочиненіе на эту тему было изложено въ той формѣ, какъ обыкновенно пишутся разсужденія на заданную учителемъ тему, то вышло бы нѣчто неоспоримо дѣловое и серьезное: оказалось бы, съ достаточною убѣдительностью, что русскій человѣкъ можетъ исправно проходить службу, принося на оной посильную пользу; если же сердце его не лежитъ къ строгой дисциплинѣ, то онъ можетъ служить по земскимъ учрежденіямъ, предполагая, конечно, что подходитъ къ цензу; наконецъ, онъ же можетъ содѣйствовать «къ развитію общественнаго мнѣнія» и опять-таки служить, но уже служить столпомъ такого мнѣнія въ своей провинціи. Оказалось бы также, что дѣльная женщина можетъ открыть пансіонъ и тѣмъ удовлетворить свое стремленіе къ независимости, такъ какъ ужъ время такое, что мужчина долженъ быть «развитой», а женщина «заявлять» стремленіе къ независимости. Оказалось бы, съ неменьшею убѣдительностью, что эти мужчина и женщина могутъ соединиться бракомъ, что не противно ни законамъ, ни дѣльности, и тогда имъ легче будетъ «служить» общественному мнѣнію, которое мужъ будетъ развивать въ кабинетѣ, а жена за чайнымъ столомъ...

Все это изложено и въ романѣ Н. Д. Кошкарова «А. Большаковъ», могло бы быть точно также изложено и въ романѣ А. Большакова «Н. Д. Кошкаровъ». Но форма романа, приданная разсужденію, только вредитъ его убѣдительности. Чувствуешь, что для романа тутъ какъ-будто чего-то не достаетъ. Впрочемъ, для литературной оцѣнки достаточно выписать первыя строки: «Вы, навѣрное, думаете, что главное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находится весьма важное для меня дѣло о наслѣдствѣ моемъ послѣ покойнаго мужа (а № дѣла?), но я имѣю другую цѣль писать къ вамъ нѣсколько иначе, чѣмъ дѣлала это до сихъ поръ...».

Воспоминанія и впечатлѣнія. Стихотворенія *Александра Висконти*. Спб. 1868 г., 100 стр. Ц. 65 коп.

Поэтъ, хотя и носитъ знаменитую италіянскую фамилію—русскій, и именно—кавказскій офицеръ. Стихотворенія посвящены сослуживцамъ. Причина обнародованія во всеобщее свѣдѣніе стишковъ, писанныхъ въ видѣ посланій знакомымъ и т. п. — не объяснена. Впрочемъ, почему г. Висконти пишетъ стихи, это ясно:

«Ты знаешь, прозой объясняться
Давно терпѣть я не могу,
Я лишь минуту стерегу,
Чтобъ только къ случаю придраться
И листиковъ четыре, пять
Любимой риѳмой навалять».

Г. Висконти «навалялъ» не четыре, а пятьдесятъ «листиковъ», что вовсе не удивительно такъ какъ онъ уже давно терпѣть не можетъ прозы. Прибавимъ, что пушкинскимъ ямбомъ онъ пишетъ бѣгло, предпочитая даже и риѳмы брать именно у Пушкина.

Г. Висконти разочарованъ:

«Что служба наша — только бремя,
Подъ часъ и старшихъ произволъ;
Я прослужилъ златое время
И пустоту во всемъ нашелъ».

Г. Висконти мы совѣтовали бы прочесть романъ «А. Большаковъ» Н. Д. Кошкарова; онъ бы увидѣлъ, что далеко не все пустота, и что на службѣ, хотя по земскимъ или инымъ учрежденіямъ, можно принесть посильную пользу.

А г. Кошкарову посовѣтовали бы мы прочесть «Воспоминанія и впечатлѣнія» г. Висконти; онъ могъ бы позаимствовать «сдѣся» (какъ пишетъ г. Липранди см. выше), нѣкоторую легкость формы. Только пусть пропуститъ стихи:

«Въ родномъ Петрополѣ холодномъ,
Разстался съ коимъ я едва», и т. д.

Теорія счастья. — Врачъ и его паціенты. Двѣ естественно-научныя лекціи доктора *Пидерита*. Переводъ *Н. Вейнберга*. Спб. 1868, in-16°. 77 страницъ.

Книжечку эту можно назвать спекулятивною только потому, что она, очевидно, спекулируетъ на свое прилагательное: «естественно-научныя». Научною ее нельзя назвать: это просто болтовня человѣка, знакомаго съ медициною. Но болтовня эта неглупая: содержаніе этой книжки состоитъ изъ двухъ недурныхъ фельетоновъ на темы: о счастьи и объ исторіи медицины. Кромѣ неизбѣжныхъ при подобныхъ размышленіяхъ общихъ мѣстъ, что «ни одинъ человѣкъ не долженъ до конца своей жизни отчаяваться въ несчастьи, такъ какъ въ несчастьи лежитъ зародышъ его новаго счастья», и что «богатый обжора, привыкшій утолять только-что зарождающійся голодъ самыми изысканными блюдами, не имѣетъ никакого понятія объ удовольствіи, съ которымъ поденьщикъ ѣстъ свой хлѣбъ послѣ тяжелой дневной работы»; въ брошюркѣ этой есть и вѣрные взгляды, и парадоксы болѣе оригинальные, болѣе изящные. Мнѣніе автора объ «американскомъ направленіи» въ жизни, выражается словами, которыя онъ влагаетъ въ поученіе американца сыну: «Сынъ мой, колоти деньги! Гдѣ возможно — честнымъ образомъ; но во всякомъ случаѣ колоти деньги!»

Общій выводъ автора тотъ, что каждый самъ производитель своего счастья: «Счастіе не есть подарокъ случая, но необходимая награда, не психологическая загадка, но физіологическая необходимость; счастіе распредѣляется съ непогрѣшимой строгостью и правильностью закона природы.» Взглядъ на исторію медицины интересенъ для непосвященныхъ, но филиппика автора противъ популярныхъ медицинскихъ книгъ, которыя, однакоже, однѣ распространяютъ правильныя понятія хотя бы о гигіенѣ, обнаруживаетъ увлеченіе врача по профессіи.

Мессіада. *Сочиненіе Клопштока.* Перевелъ стихами Сергѣй Писаревъ. Въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1868 г. 2 тома, 864 стр. Цѣна 4 рубля.

Перевесть стихами «Мессіаду» — трудъ немаловажный. Переводчикъ исполнилъ его добросовѣстно; но стихъ его нерѣдко ослабляется дѣепричастіями и вообще тяжелыми формами языка. Языкъ не всегда правиленъ; напр. глаголъ «сопутствовать» у него управляетъ винительнымъ падежемъ; даже прилагательныя женскаго рода не вездѣ согласованы. Впрочемъ это ошибки исправимыя и не уменьшающія вѣрности перевода.

Исторія чешскаго народа. *Сочиненіе В. Томка* Переводъ съ чешскаго, подъ редакціею В. Яковлева. С.-Петербургъ, 1868 г. Одинъ томъ. 398 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненіе В. Томка представляетъ скорѣе учебникъ, назначенный для чеховъ, чѣмъ критическую, самостоятельную разработку предмета. Исторія Чехіи доведена здѣсь до дарованія Австріи конституціи 1860 г. Для уразумѣнія нынѣшняго отношенія чешской національной партіи къ вѣнскому правительству, здѣсь нѣтъ матеріаловъ. Книга переведена не удовлетворительно.

О поземельномъ налогѣ. Соч. *В. Лебедева.* С.-Петербургъ, 1868 г. 153 стр. Цѣна 85 к.

Это—монографія собственно теоріи поземельнаго налога, съ прибавленіемъ основаній для введенія его въ Россіи. Авторъ имѣлъ въ виду содѣйствовать рѣшенію одного изъ вопросовъ, разсматриваемыхъ коммиссіею, которой порученъ пересмотръ нашей податной системы.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Geschichte der Jahre 1860 bis 1867, von *Eduard Arndt*. Erster Band. Leipzig. 1868. 352 стр.

Послѣднія восемь лѣтъ исторіи Европы представляютъ черту, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, отдѣляя ихъ отъ предшествовавшихъ періодовъ. Года эти составляютъ эпоху, въ которую принципъ національностей въ Европѣ изъ децентрализующаго обращается въ централизаторскій; преобладающій характеръ этого періода — объединеніе.

Въ исторіи нынѣшняго столѣтія мы должны различать въ массахъ двоякія политическія стремленія: стремленія народныя и стремленія національныя. Народъ, въ смыслѣ общества гражданъ, стремится къ освобожденію гражданской личности и къ самоуправленію въ обществѣ. Это мы называемъ стремленіями *народными*. Стремленія *національныя* заключаются въ стараніяхъ передѣлать политическую карту согласно съ мыслью, что каждая національность должна имѣть отдѣльное политическое существованіе и что предѣлы національнаго государства должны быть не тѣснѣе этнографическихъ предѣловъ національности.

Нѣтъ нужды говорить, что одни стремленія перваго рода дѣльны, реальны, потому что они имѣютъ цѣлью человѣческое развитіе и мирное достиженіе возможно большаго и болѣе общаго блага. Стремленія національныя опираются только на индифферентномъ для блага человѣчества фактѣ національной особности, который съ каждымъ годомъ исчезаетъ и, наконецъ, долженъ обратиться въ миѳъ, — быть можетъ къ тому самому времени, когда на основаніи его будетъ перекроена карта Европы не дипломатическими ножницами, а при помощи всего хирургическаго кабинета гг. Дрейзе, Шассиѳ, Круппа, Армстронга и т. д.

Такъ называемый принципъ національностей съ самаго начала явился врагомъ стремленія къ гражданскому, общественному освобожденію. Въ немъ еще посылаетъ намъ послѣднее свое слово средневѣковая всесторонняя рознь. Побѣжденная уравненіемъ сословій и сближеніемъ народовъ во имя общаго прогресса, мрачная сила среднихъ вѣковъ явилась въ обновленной формѣ, опутала Европу новымъ туманомъ; и вотъ Европа отвлекается отъ дѣла, истощая свои силы на исполненіе причудъ національнаго. И посмотрите на національности, какъ онѣ предъявляютъ свои несогласимыя, противорѣчивыя притязанія: точно такъ, какъ бароны-феодалы, онѣ ссылаются на *историческое право*, ставятъ выше общей пользы—принципъ *крови*, *племени*, на мѣсто законовъ развитія ставятъ *фамильныя преданія*... Тратятся силы, мало того — тратится кровь для серьезнаго дѣла перемѣщенія и перекраски заставъ; а между тѣмъ, прогрессъ несется впередъ по желѣзной дорогѣ и смѣется надъ этими безполезными заставами.

Было время, когда можно было ожидать отъ принципа національностей нѣкоторой пользы; это было именно то время, когда можно было видѣть въ немъ союзника для ослабленія слишкомъ сильныхъ централизаціею преградъ стремленіямъ къ гражданской свободѣ; когда національнымъ обѣщалъ сдѣлаться въ политикѣ силою раздробляющею. Но этотъ періодъ, повидимому, прошелъ.

Вотъ въ томъ-то и состоитъ особенность періода, начавшагося съ 1860 года, что принципъ національнаго поступилъ на службу къ принципу сплоченія Европы въ громадныя, неизбѣжно-милитарныя государства. Между освобожденіемъ Италіи въ 1853 году и объединеніемъ ея въ 1860 году, а въ особенности между изгнаніемъ австрійцевъ изъ Ломбардіи и захватомъ Шлезвига Пруссіею, а также и сплоченіемъ сѣвера Германіи въ прусское государство важный, многозначительный предѣлъ. На этомъ предѣлѣ стоитъ годъ 1860. Вотъ достаточная причина начинать исторію новѣйшаго періода исторіи Европы именно съ этого года.

Предлежащая книга посвящена изображенію этихъ національныхъ споровъ и войнъ. Въ изложеніи спорныхъ вопросовъ авторъ является по возможности безпристрастнымъ. Впрочемъ, безпристрастіе его слѣдуетъ скорѣе назвать объективностью. Само собою разумѣется, что въ новѣйшей исторіи, исторіи періода переживаемаго, полнаго нерѣшенныхъ еще процессовъ и еще кипящихъ страстей объективный пріемъ

наиболѣе умѣстенъ. Иначе, сочиненіе неизбѣжно отклонилось бы отъ своей прямой цѣли—представить исторію, вошло бы въ область политическо-полемической литературы.

Какъ оно есть, сочиненіе Арндта—полезная справочная книга, составленная съ достаточнымъ равновѣсіемъ между полнотою фактовъ, точностью свѣдѣній и литературнымъ условіемъ — удобочитаемости. По изложенію она похожа на статьи сборника «Unsere Zeit».

Приведемъ изъ статьи о приготовленіяхъ къ войнѣ 1866 года мѣсто, относящееся къ предварительнымъ соглашеніямъ между берлинскимъ и флорентинскимъ кабинетами, которыя недавно были предметомъ полемики, вслѣдствіе сообщеній генерала Ламарморы:

«Прусскій кабинетъ еще до заключенія Гаштейнской конвенціи, открылъ переговоры съ Италіею, которой склонность къ движенію на Австрію была ему извѣстна, но потомъ прекратилъ эти переговоры. Теперь (въ февралѣ 1866 г.) онъ возобновилъ эти переговоры и итальянскій генералъ Говане отправился, въ началѣ марта, изъ Флоренціи въ Берлинъ, какъ говорилось, для ознакомленія съ прусскими военными учрежденіями, но въ дѣйствительности для подготовленія на случай нужды союза противъ Австріи и необходимыхъ соглашеній относительно взаимныхъ дѣйствій. Итальянскій министръ-президентъ, генералъ Ламармора сообщилъ парламенту, что правительство предвидитъ важныя событія и готовится къ нимъ. Пруссія не ожидала отъ итальянской арміи, въ настоящемъ ея, еще несовершенномъ устройствѣ, не смотря на храбрость войскъ, большихъ успѣховъ, но для нея было чрезвычайно важно отвлечь диверсіею со стороны Италіи значительную часть австрійскихъ военныхъ силъ».

Это мнѣніе, высказываемое писателемъ, расположеннымъ въ пользу Пруссіи, несогласно съ нынѣшними увѣреніями прусскихъ газетъ, будто прусское правительство, гораздо раньше объявленія войны, условилось съ итальянскимъ, чтобы войска короля Виктора-Эммануила шли на Дунай; если прусское правительство не ожидало большихъ успѣховъ для итальянскихъ войскъ, то могло ли оно разсчитывать, что с пойдутъ на Дунай?

Относительно другого таинственнаго пу та—вопросъ о томъ, были ли прежде этой вой соглашенія между кабинетами берлинскимъ тюльерійскимъ, были ли сдѣланы первымъ в рому хотя бы неясные намеки о возможно территоріяльныхъ уступокъ за его нейтра тетъ — Арндтъ умалчиваетъ. Попытка Друэ де-Люи потребовать такого вознагражден послѣ войны, является у него какъ бы неосн ванною ни на чемъ предшествовавшемъ. Э допустить трудно; подобныя притязанія обы новенно не заявляются внезапно, ни съ то ни съ другого. Друэнъ-де-Люи, какъ извѣст поплатился министерскимъ мѣстомъ за этот неуспѣхъ; еслибы все дѣло ограничилось легко не подготовленною заранѣе и не настойчиво попыткою—какъ полагаетъ авторъ—то едва л бы министръ былъ смѣненъ. Гораздо вѣроятн что прусская дипломатія сдѣлала въ свое врем обѣщанія, а потомъ не сочла нужнымъ испол нить ихъ; иначе, едва ли бы Франція остан лась нейтральною, или допустила бы союз Италіи съ Пруссіею.

Само собою разумѣется, что если въ чем у автора проглядываетъ нѣкоторое не объем тивное увлеченіе, то это въ оцѣнкѣ предусмо трѣній, распорядительности, энергіи и про г. Бисмарка. И не одни нѣмцы смотрятъ нын на прусскаго министра, какъ на нѣчто еще не бывалое по всеобъемлемости его концепцій Такъ прежде смотрѣли на Наполеона III. В европейскомъ обществѣ все еще очень сильн потребность въ предметахъ для культа.

Въ книгѣ Арндта посвящено нѣсколько стра ницъ и исторіи внутренняго развитія Россіи для которой періодъ 1860 — 1867 года был важнѣе, чѣмъ для какой-либо страны, даже возвеличившейся Германіи. Здѣсь Арндтъ дажи выходитъ изъ своей роли объективнаго повѣ ствователя и рѣшаетъ вопросы, которыми у насъ еще никто практически и не занимался Такъ напримѣръ, онъ ставитъ и рѣшаетъ вну тренній политическій вопросъ.

М. Стасюлевичъ.

обраніе сочиненій А. Гильфердинга. Спб. 1868. Два тома: стр. 440 и 490.

Въ небольшой средѣ нашихъ знатоковъ литературы и исторіи народовъ славянскаго племени, имя А. Ѳ. Гильфердинга занимаетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто. Не ограничиваясь тѣснымъ кругомъ научныхъ изслѣдованій, онъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не высказаться по тому или другому животрепещущему вопросу политики, которая выдерживала въ послѣднее время не мало испытаній и прошла не черезъ одинъ фазисъ. Но съ сихъ поръ имя А. Ѳ. Гильфердинга оставалось столько же популярно, сколько трудно было имѣть въ рукахъ его труды, такъ какъ они являлись разбросанно въ различныхъ изданіяхъ. Настоящее „Собраніе сочиненій А. Гильфердинга“ восполняетъ этотъ недостатокъ, и вмѣстѣ соотвѣтствуетъ, какъ нельзя болѣе, тому серьезному интересу, который обнаруживается въ послѣднее время въ обществѣ къ изслѣдованіямъ исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены: 1) Исторія сербовъ и болгаръ; 2) Кириллъ и Меѳодій; и 3) Обзоръ чешской исторіи. Содержаніе второго тома составляютъ самыя разнообразныя статьи по современнымъ славянскимъ вопросамъ, какъ-то: Славянскіе народы въ Австріи и Турціи, развитіе народности у западныхъ славянъ, Венгры и Славяне, Взглядъ западныхъ славянъ на Россію, Польскій вопросъ, и мн. др. Серьезное отношеніе къ предмету своихъ изслѣдованій и весьма положительныя и обширныя научныя свѣдѣнія автора обращали всегда вниманіе на его труды, внѣ всякой точки зрѣнія партій. Можно не соглашаться со многими его выводами, но нельзя не дорожить произведеніями его пера и не признавать, что эти произведенія обогащали бы нашу литературу, даже и въ томъ случаѣ, если бы она не была такъ скудна, какою мы ее видимъ въ настоящее время.

Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. Введеніе. Уѣздъ Московскаго государства. *А. Д. Градовскаго.* Спб. 1868. Стр. 384. Ц. 2 р.

Въ наше время, когда земскія учрежденія вызвали къ жизни мѣстное самоуправленіе, нѣтъ надобности указывать на важность историческихъ изслѣдованій о мѣстномъ управленіи въ Россіи. Такимъ образомъ, трудъ г. Градовскаго обращаетъ на себя вниманіе уже однимъ выборомъ предмета. Но земскія учрежденія, должны ли они быть разсматриваемы, какъ новый успѣхъ западно-европейской цивилизаціи, прививаемой къ сельскому быту, или они являются новою организаціею нашихъ народныхъ элементовъ, на началахъ стольже древнихъ, какъ самое слово „земство“? По мнѣнію автора, наши земскія учрежденія тѣсно связаны съ исторіею нашихъ сословій и зависятъ отъ отношеній сословій къ государству и другъ къ другу. Выходя изъ такой точки зрѣнія, авторъ остановился преимущественно на исторіи дворянства и общинъ сельскихъ и городскихъ, какъ важнѣйшихъ составныхъ частей нашего древняго областного общества. Отдавая справедливость трудолюбію автора и его начитанности, мы опасаемся, что основная идея его произведенія приведетъ его къ простому дотринерству, во вредъ истинѣ; нѣтъ никакой причины бояться видѣть въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ — новый успѣхъ западно-европейской цивилизаціи; даже это обстоятельство ручалось бы болѣе за ихъ пользу, нежели отдаленное родство съ нашимъ древнимъ мѣстнымъ управленіемъ.

Уходъ за дѣтьми физіологическій и нравственный. Составл. преимущественно для родителей *А. Комбъ.* Перев. съ англ. 9-го изд. Спб. 1868. Стр. 322. Ц. 1 р.

Мы считаемъ необходимымъ приготовлять себя заблаговременно для всякаго дѣла, болѣе или менѣе важнаго, запасаться свѣдѣніями, справляться; но въ уходѣ за дѣтьми, въ этомъ случаѣ, самомъ важномъ изъ всѣхъ, господствуетъ рутина, и большинство родителей считаетъ это скорѣе дѣломъ няньки и кормилицы, нежели своимъ собственнымъ. Книга Комба, имѣвшая огромный успѣхъ въ Англіи, принесетъ не мало пользы для будущихъ поколѣній, если родители къ труду рождать дѣтей присоединятъ небольшой трудъ прочесть тѣ здравыя и простыя начала, которыя изложены въ этой книгѣ, по поводу воспитанія дѣтей, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Въ этомъ случаѣ, всего чаще встрѣчается неопытность и, скажемъ прямо, круглое невѣжество, и трудъ Комба можетъ весьма содѣйствовать къ установленію здравыхъ началъ въ такомъ важномъ предметѣ, какъ воспитаніе будущаго человѣка.

Справочная книга для судостроителей, инженеровъ, архитекторовъ и заводчиковъ, служащая пособіемъ для составленія спесификацій, смѣтъ, и производства техническихъ учетовъ. Составл. *А. Прозоровымъ* и *А. Рудыковскимъ.* Спб. 1868. Стр. 150 и чертежи. Ц. 3 р.

Намъ не встрѣчалось въ литературѣ этого рода, на русскомъ языкѣ, что нибудь подобное настоящей справочной книгѣ, по тщательности ея выполненія, изяществу рисунковъ и богатству свѣдѣній. Для спеціалистовъ, это изданіе—настоящій кладъ; желательно было бы, чтобъ оно послужило образцомъ всѣмъ издателямъ подобныхъ трудовъ, которые, къ сожалѣнію, у насъ въ большей части случаевъ являются результатомъ невѣжественныхъ и жалкихъ спекуляцій.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1868 ГОДУ, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ въ цѣнѣ въ губерніяхъ, за пересылку по почтѣ въ бандеролляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, *въ Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по будн. отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и **заграничная подписка** высылается, *по почтѣ*, исключительно: *въ Редакцію* журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою для выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтѣ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

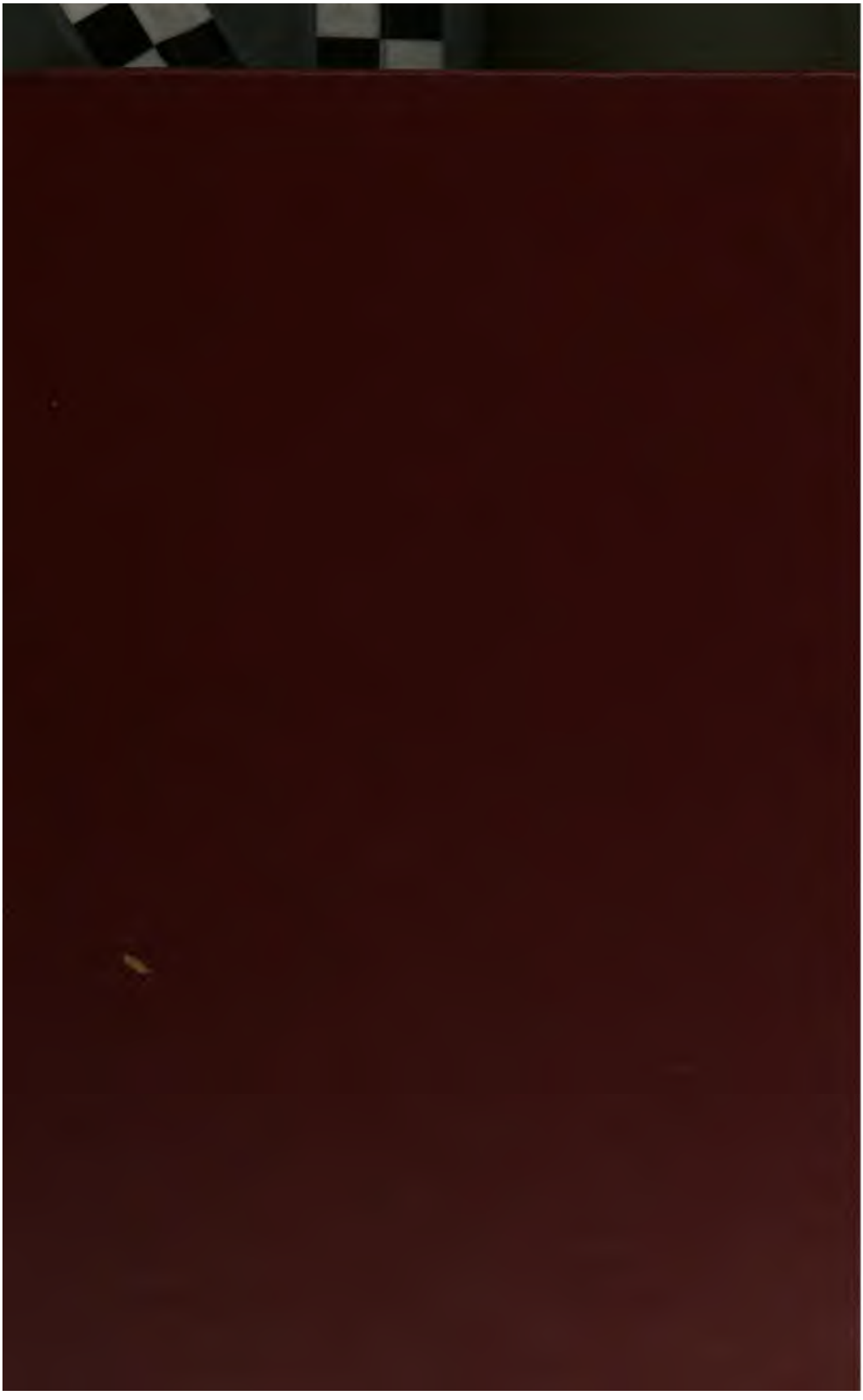
☛ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☚ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 2044 019 213 651

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

4695405

DEC 1 0 1974 H